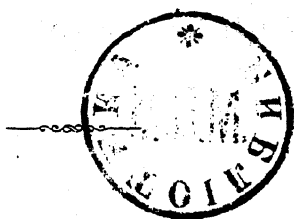

~~970~~
~~309~~

ИСТОРИЯ
РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1887 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. С. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Словарь російской академіи, расположенный по словопроизводному порядку	1—180
Источники и пособия при составленіи словаря російской академіи	4—24
Примѣры изъ сочиненій Ломоносова	24—37
Примѣры изъ сочиненій другихъ писателей	37—44
Пословицы и поговорки	44—52
✓ Аналогическія таблицы	54—62
Различіе между церковно-славянскимъ языкомъ и русскимъ, указываемое словаремъ російской академіи	76—86
Просторѣчіе, по терминологіи академическаго словаря	86—93
Слова, названія въ словарѣ простонародными	94—98
Слова старинныя	99—104
Слова областныя	105—111
✓ Слова техническія	111—122
Русскія названія растений и животныхъ	122—125
Слова иностранныя	126—132
Филологическіе приемы и понятія	140—148
Словари, предшествовавшіе словарю російской академіи ...	154—162
Отношеніе словаря російской академіи къ словарю французской академіи	162—172
Отзывы Добровскаго и другихъ ученыхъ о словарѣ російской академіи	172—180
Словарь російской академіи, расположенный по азбучному порядку	181—195
Грамматика російской академіи	195—205

Научно-литературныя предприятия россійской академіи	205—223
Задачи, предлагаемыя россійскою академіею для соисканія наградъ	223—230
Книги, изданныя россійскою академіею	230—233
Повременныя изданія россійской академіи	233—241
Критическіе разборы произведеній, представляемыхъ на судъ россійской академіи:	
Драматическій опытъ Ободовскаго: «Великій князь Александръ Тверской»	241—244
Собраніе идиллій Панаева	244—247
Виргилиевы Георгіики, переводъ Ранча	247—263
Стихотворенія Павла Межакова	263—269
Піитика, составленная Пеннскимъ	269—274
Руководство къ изученію русской словесности, соч. Георгіев- скаго	275—289
✓ Корнесловъ русскаго языка, составленный Шимкевичемъ	290—293
Болгарская грамматика, составленная Венелинымъ	293—307
Филолого-критическое объясненіе гунскихъ именъ, Венелина	307—310
Черты академической жизни	310—337
Отношеніе литературы къ россійской академіи	337—360
Преобразование Россійской академіи во Второе отдѣленіе академіи наукъ	360—365
Значеніе россійской академіи	365—374
Примѣчанія и приложенія	375—493
Проектъ устава россійской академіи, составленный вскорѣ по ея учрежденіи	424—434
Проектъ устава россійской академіи, составленный въ началѣ царствованія императора Александра I	434—447
Уставъ россійской академіи, составленный Шишковымъ и утвержденный въ 1818 году	447—475
Письма Коллара и Копитара	477—481
Проектъ Уварова о соединеніи россійской академіи съ ака- деміею наукъ	489—492

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ.

Историческое значеніе учено-литературнаго общества опредѣляется его дѣятельностью, свойствомъ и достоинствомъ его трудовъ, вносящихъ болѣе или менѣе важныя данныя въ литературу и науку. Счастливыи выборъ задачъ и умѣлое ихъ исполненіе служатъ доказательствомъ, что общество существовало не даромъ, что имъ внесенъ цѣнный вкладъ въ умственную жизнь своего времени.

Для учено-литературнаго общества, возникающаго съ цѣлію разработки отечественнаго языка, главнѣйшимъ предметомъ представляется составленіе словаря. Такое именно требованіе предъявляемо было академіямъ, учрежденнымъ съ подобною цѣлію въ различныхъ странахъ Европы. Такая же задача выпала и на долю російской академіи.

При самомъ учрежденіи своемъ російская академія поставила своею главною задачею составленіе словаря отечественнаго языка, и довела свое дѣло до конца, не отступая ни передъ какими препятствіями и затрудненіями. Словарь, изданный академіею, составлялъ въ свое время ея гордость и славу; позднѣйшія поколѣнія ученыхъ и писателей отзываются о немъ также съ большимъ уваженіемъ, находя, что академія вѣрно поняла свое призваніе и принесла существенную пользу тогдашней нашей литературѣ.

Важное значеніе перваго, и по времени и по достоинству, труда россійской академіи налагаетъ на насъ обязанность раз-
смотреть его съ возможною подробностью и точностью.

Въ торжественномъ собраніи россійской академіи, въ день ея открытія, 21 октября 1783 года, заявлено было, что академія *прежде всего* должна «сочинить россійскую грамматику, *россійскій словарь*, риторику и правила стихотворенія»¹⁾. Самою неотложною изъ этихъ четырехъ работъ признано составленіе словаря, къ которому немедленно и приступили. Въ первомъ, послѣ торжественнаго, собраніи академіи образованъ былъ изъ ея членовъ отдѣлъ, или «отрядъ» для установленія правилъ и порядка къ сочиненію *россійскаго толковаго словаря*, т. е. заключающаго въ себѣ *истолкованіе* словъ россійскаго языка²⁾. Въ слѣдовавшемъ за тѣмъ собраніи читано уже было «начертаніе», или планъ словаря, и вмѣстѣ съ обсужденіемъ плана, началось и его выполненіе³⁾.

Общій ходъ работъ по словопроизводному словарю состоялъ въ слѣдующемъ. Академики, изъявившіе желаніе участвовать въ трудѣ, приняли на себя собираніе матеріаловъ, по буквамъ: одинъ собиралъ слова, начинающіяся на *А*, другой — на *Б*, третій — на *Г*, и т. д., на всѣ буквы азбуки. Слова выбирались частію изъ прежнихъ словарныхъ опытовъ, печатныхъ и рукописныхъ, частію изъ книгъ церковныхъ и изъ произведеній русскихъ писателей. Всѣ собранныя слова напечатаны были, въ азбучномъ порядкѣ, въ видѣ таблицъ, названныхъ *аналогическими*, и розданы членамъ академіи для провѣрки, замѣчаній и дополненій. Сверхъ словъ, общеупотребительныхъ въ языкѣ книжномъ, въ таблицы вносились слова древнія и старинныя, областныя, техническія и т. п. Такимъ путемъ накопился матеріалъ весьма обширный, дотошъ небывалый. Чтобы разобратъсь въ этомъ, поразительномъ для того времени, изобиліи, составлены были въ средѣ академиковъ три отдѣла, или потогдашнему

«отряда»: *объяснительный, грамматикальный и издательный*. Объяснительный отрядъ долженъ былъ дѣлать точныя опредѣленія словамъ и объяснять ихъ значеніе посредствомъ примѣровъ и сослововъ (синонимовъ). Грамматикальный отрядъ дѣлалъ грамматическія замѣчанія въ той мѣрѣ, въ какой нужны они были для словаря, и отдѣлялъ: слова, употребительныя въ «чистомъ языкѣ», отъ словъ «низкихъ»; слова областныя отъ словъ, употребляемыхъ въ столицахъ; слова коренныя, или первообразныя отъ словъ производныхъ и т. п. Издательный отрядъ заботился о соблюденіи порядка, чистоты и исправности при изданіи; провѣрялъ матеріалы, доставляемые изъ двухъ первыхъ отдѣловъ⁴⁾. Объясненіе терминовъ техническихъ, употребляемыхъ въ различныхъ отрасляхъ знаній, приняли на себя люди науки, каждый по своей специальности. Все, что добыто было совокупными трудами многихъ лицъ, вновь пересматривалось въ отдѣлѣ, замѣнившимъ собою всѣ прежніе отдѣлы, и составленномъ изъ первостепенныхъ, по понятіямъ того времени, знатоковъ своего дѣла. Работы велись съ замѣчательною настойчивостью и постоянствомъ, продолжаясь втеченіе одиннадцати лѣтъ — лучшихъ въ академической жизни вообще. Памятникомъ этихъ хорошихъ временъ служатъ шесть частей словопроизводнаго словаря, постепенно выходявшихъ въ свѣтъ съ 1789 по 1794 годъ.

Чтобы составить вѣрное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ академическаго словаря и опредѣлить его значеніе для своего времени, необходимо подвергнуть тщательному разбору какъ самое содержаніе словаря, т. е. свойство и выборъ матеріаловъ, послужившихъ основою труда, такъ и способъ ихъ обработки. При этомъ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ между собою. Какими началами руководствовалась академія при составленіи словаря? Откуда почерпались матеріалы? На чемъ основывался ихъ выборъ и распредѣленіе? Какого рода объясненія и толкованія признавались наиболѣе соотвѣтствующими предположенной цѣли? и т. д. Разнообразіе предме-

товъ, подлежащихъ изслѣдованію, сводится къ слѣдующимъ отдѣламъ:

Источники и пособія при составленіи словаря.

Объясненіе смысла и значенія словъ.

Слова русскія, церковно-славянскія, областныя, техническія, иностранныя, и т. д.

Научные взгляды; понятія филологическія и литературныя, и т. д.

І.

При составленіи словаря россійской академіи главными, но отнюдь не единственными, источниками служили: сборники словъ, уцѣлѣвшіе отъ прежняго времени; произведенія «образцовыхъ» отечественныхъ писателей и памятники церковно-славянскаго языка.

Мысль о составленіи словаря русскаго языка давно уже занимала нашихъ ученыхъ и писателей, и отъ времени до времени дѣлались попытки привести ее въ исполненіе. Доказательствомъ служатъ сборники словъ, печатные и рукописные, составленные разными лицами и бывшіе въ рукахъ членовъ россійской академіи. Любопытныя, но къ сожалѣнію весьма краткія, указанія на рукописныя пособія сдѣланы двумя изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ академіи, ближайшими свидѣтелями ея первыхъ начинаній и дальнѣйшей судьбы.

Академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь россійской академіи, говоритъ: «Утвердивъ нужныя къ составленію словаря правила, академія пеклася о снисканіи потребныхъ къ тому пособій, и за первый поставила себѣ предметъ собрать всѣ извѣстныя слова по буквенному чину, употребля къ сему *основаніемъ* не токмо тисненію доселѣ преданныя, но и *многія рукописныя оныя собранія*»⁵⁾. Ни тѣхъ, ни другихъ, т. е. ни печатныхъ, ни рукописныхъ собраній словъ Лепехинъ не называетъ.

По свидѣтельству кн. Дашковой, академія старалась «о собраніи всѣхъ словъ, какъ славенскихъ, такъ и россійскихъ», и

для этого «употреблены не токмо всё печатные краткіе словари, но и *нѣкоторые письменные*»⁶⁾.

Говоря о *печатныхъ* словаряхъ, предшествовавшихъ словарию российской академіи, составители его имѣли въ виду, безъ сомнѣнія, слѣдующіе труды:

«Лексисъ» Лаврентія Зизанія. 1596.

«Лексиконъ славенороссійскій» Памвы Берынды. 1627.

«Россійскій Целларіусъ». 1771.

«Церковный словарь» протоіерея Петра Алексѣева. 1773.

и др.

Что же касается *рукописныхъ* словарей, то о нихъ сохранилось болѣе опредѣленное извѣстіе. Дашкова говоритъ, что членамъ российской академіи розданы были собранія словъ, очевидно рукописныя, *Тауберта* и *Кондратовича* съ тѣмъ, чтобы оттуда извлекаемы были матеріалы для академическаго словаря. Вотъ подлинныя слова кн. Дашковой: Les lettres furent distribuées aux membres, et le président proposa, qu'à mesure que les membres auront tiré des *Collections de Taubert et Кондратовичъ*, qui leur furent distribuées par alphabet, les materiaux, et qu'ils les enverront au secrétaire, celui-là en fera imprimer un certain nombre d'exemplaires pour l'inspection de chaque membre: à fin qu'à son loisir il puisse ajouter ou rayer tel mot qu'il voudra, et qu'ensuite le comité grammairien et celui qui doit chercher l'etymologie et faire l'analyse des mots rédigerait le tout⁷⁾.

Таубертъ (1717—1771), принимавшій участіе въ занятіяхъ «Россійскаго собранія», учрежденнаго при академіи наукъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, трудился надъ составленіемъ «весьма пространнаго Россійскаго лексикона съ толкованіемъ на трехъ другихъ языкахъ» и трудился, какъ самъ говоритъ, «изъ собственной своей охоты, а не по указу». Сотрудниками Тауберта были академическіе переводчики: Лебедевъ, В. Тепловъ и Фрейгангъ⁸⁾. Въ словарѣ Новикова говорится о Таубертѣ: «Подъ его смотрѣніемъ трудился въ сочиненіи полнаго Россійскаго словаря, котораго и было собрано со всякимъ рече-

ніемъ и исправностію по литеру *P*, но оный въ свѣтъ еще не изданъ»⁹⁾.

Составленіе словарей было своего рода страстью Кондратовича. Онъ даже желалъ получить въ академіи наукъ мѣсто профессора «къ собиранію лексиконовъ латино-россійскаго и россійско-латинскаго языковъ». Но какъ подобной каѳедры не существовало, то ему пришлось ограничиться мѣстомъ академическаго переводчика, которое онъ и получилъ по распоряженію сената. Разсмотрѣть словари Кондратовича академія поручила Ломоносову. Ломоносовъ находилъ, что первообразныхъ словъ собрано Кондратовичемъ немало, но производныхъ и особенно сложныхъ недостаточно; притомъ многіе производныя помѣщены не подъ своими коренными, и «нарочитое число весьма новыхъ и неупотребительныхъ производныхъ словъ»; латинскій переводъ во многихъ мѣстахъ неисправенъ. Дальнѣйшія работы по словарю происходили подъ наблюденіемъ Ломоносова, который считалъ Кондратовича своимъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ, въ 1749 году, Ломоносовъ говоритъ: «Въ сочиненіи *россійскаго лексикона*, при вспоможеніи Кондратовича, до письмени *II* съ производными, безъ сложныхъ» и т. д. Шумахеръ также приписываетъ этотъ трудъ двумъ лицамъ: «*Ломоносовъ съ Кондратовичемъ лексиконъ*, гдѣ производныя слова стоятъ подъ первообразными, *дѣлаютъ*»¹⁰⁾. Словарь Кондратовича оказалъ большую услугу Шлецеру, у котораго хватило терпѣнія переписать весь словарь, чтобы придать ему болѣе удобную внѣшнюю форму. Отыскивая пособій для изученія русскаго языка, Шлецеръ, по его собственному выраженію, былъ обрадованъ рукописью, послужившею для него руководствомъ и подспорьемъ на цѣлые десятки лѣтъ. «Эта рукопись, in folio, — говоритъ Шлецеръ — заключала въ себѣ 781 листъ, была настоящій русскій Cellagius, въ которомъ всѣ слова были поставлены подъ своими, конечно, *часто очень неправильными* корнями, съ латинскимъ значеніемъ; онъ былъ *чрезвычайно полонъ* даже въ отношеніи къ естественно-историческимъ и дру-

гимъ техническимъ выраженіямъ. Авторъ его былъ Кондратовичъ. Какъ я обрадовался этой находкѣ! Но нестерпимо разгонистый почеркъ, а вслѣдствіе того затруднительное употребленіе рукописи — кипа бумаги въ аршинъ высоты — отравило мою радость. Въ отчаяніи я началъ переписывать in 4° слово въ слово это произведеніе — корни большимъ шрифтомъ, а производныя и составныя меньшимъ и болѣе сжатымъ. Передъ *P* и *T* мнѣ было страшно: въ оригиналѣ первая занимала 32, а вторая 98 листовъ». Переписывать словарь Кондратовича Шлецеръ началъ въ январѣ 1762 года и окончилъ въ іюлѣ 1764 года. «Теперь — замѣчаетъ Шлецеръ — у меня былъ очень удобный лексиконъ, съ широкими полями, на которыя впродолженіе тридцати шести лѣтъ постоянно заносились этимологическія замѣчанія, исправленія, дополненія, сравненія» и т. п.¹¹).

Что сталося съ рукописными словарями Тауберта и Кондратовича, объ этомъ не имѣется точныхъ, положительныхъ свѣдѣній. Приемъ, употребленный россійскою академіею при пользованіи этими словарями, не могъ содѣйствовать ихъ сохраненію въ цѣлости. По словамъ Дашковой, они были распределены между членами академіи по буквамъ, слѣдовательно листы расшиты и розданы по рукамъ. Въ печати извѣстенъ другой словарный трудъ Кондратовича, вышедшій подъ такимъ названіемъ: *Дикціонеръ*, или *Реченіаръ*, по алфавиту россійскихъ словъ, о разныхъ произращеніяхъ, то есть дровахъ, травахъ, цвѣтахъ, сѣменахъ огородныхъ и полевыхъ, кореньяхъ и о прочихъ быліяхъ и минералахъ, собранный и сочиненный императорской академіи наукъ коллежскимъ ассессоромъ К. Кондратовичемъ. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи морскаго шляхетнаго корпуса, 1780. Латинскія названія напечатаны не только латинскими, но и русскими буквами, по обычаю еще семнадцатаго столѣтія. *Бабка*, тр. въ Украинѣ — *herba pervalis, heuto-pleuros etc.*; герба нервалисъ, гевтоплевросъ, арноглосса, гелефурсь ортиксъ. *Подъ-груздень* — фунгусъ албусъ линоръ; педункуло крассо и т. д.

По свидѣтельству Ломоносова, «бывшимъ при академіи наукъ *Россійскимъ собраніемъ*, споможеніемъ *Андрея Богданова*, собрано и по алфавиту расположено болѣе 60,000 россійскихъ чистыхъ реченій, которыхъ много уже протолковано и переведено на другіе языки»¹³).

Въ россійскую академію были доставлены рукописныя собранія словъ переводчика Ботвинкина и протоіеря Левшина.

Въ собраніи 18 ноября 1783 года было заявлено, что «*протоіерей Левшинъ прислалъ письменное собраніе иностранныхъ словъ, введенныхъ въ языкъ россійскій*»¹³).

Въ декабрѣ 1783 года членомъ россійской академіи Петромъ Васильевичемъ Бакунинымъ «доставленъ для употребленія академіи *рукописный словарь переводчика Ботвинкина*, съ тѣмъ, чтобы онъ паки, когда востребуется, былъ возвращенъ»¹⁴).

Въ академической библіотекѣ, въ числѣ рукописей бывшей россійской академіи, уцѣлѣлъ одинъ изъ сборниковъ словъ, имѣющій нѣкоторую связь съ словаремъ россійской академіи¹⁵). Сборникъ этотъ сохранился не вполне; онъ прерывается на буквѣ *Т*; первое слово: *Баба*, послѣднее *Тружасящійся*. Имена стоятъ въ разныхъ падежахъ, глаголы въ разныхъ временахъ и склоненіяхъ и т. п., какъ напримѣръ: *Бываетъ. Бывало. Бяше. Вамъ. Вама. Возми. Обнимати* и т. д. Слова: *Предсимъ, Предсими* находятся между словами: *Председатель* и *Предсловіе*. Въмѣсто *щ* постоянно *сч*; буква *ь* почти вовсе не употребляется; ее замѣняетъ буква *е*. Неопредѣленное склоненіе почти всегда оканчивается на *ти*: *Пити, Плевати, Безделничати* и т. д. Только изрѣдка встрѣчаются формы: *Бездушничать, Благочинствовать*. Въ немногихъ случаяхъ окончанія *ти* и *ть* указаны какъ отличіе славянскаго отъ русскаго. Въ иныхъ словахъ допускается двойное правописаніе, причемъ дѣлаются большія уступки произношенію: *Гдѣ* и *Где-либо. Калачъ* и *Колачъ. Колдунъ* и *Калдунъ. Корабль* и *Карабль. Ребина* и *Рябина. Духовне* и *Духовно. Крушика* и *Кружка. Падушика. Абезьяна* и т. д.

Опредѣленія словъ въ такомъ родѣ:

- Беседа* — Разговоръ.
Благоденство — Добрые дни.
Бѣда — Напастъ.
Бѣдство — Бѣда.
Бѣздождіе — Засуха.
Бѣзменъ — Три оунта.
Бѣлка — Векша.
Бояракъ — Яръ, Ровъ.
Бумажникъ — { Бумагу дѣлаю-
щій. Тюфякъ.
Быль — Былое.
Вада — Свада.
Васнь — Вражда, Ссора.
Ваяніе — Образосечество.
Ваятель — Резчикъ.
Вотчимъ — Отчимъ.
Емецъ — Брачъ.
Емки — Счипцы.
Гай — Росча.
Глотъ — Обидитель.
Глумъ — Издевка.
Грусть — Печаль.
Дедъ — Праотецъ, Чортъ.
Детотвореніе — Сожитіе.
Жеровика — Клюква.
Жиленье — Скупость.
Жито — Неправо зовутъ *Хлебъ*.
Заедки — Закуски.
Каторга — Вечная работа.
Каша — Десятокъ или малое
сообщество людей.
Кудри накладные — Перукъ.
Кукишъ — Перстъ.
Купало — Идолъ былъ.
- Купальница* — Іунія 23 чл.
Лазня — Баня, мыльня.
Лешей — Лесной чортъ.
Лоханъ — Умывальная и Пере-
дача.
Людоедъ — Мироедъ.
Казакъ — Батракъ, Наймитъ.
Мерлогъ — Берлогъ.
Наречіе — Месторѣчіе.
Наречіе — Отменность языка.
Насмертникъ — Смерти близкій.
Немецъ — Немчинъ и Герма-
нинъ.
Нуда — Короста.
Обиходъ — Обозъ, Вozy, По-
житки.
Озепъ — Урокъ.
Окрестность — Обстоятель-
ство.
Опекунъ — Чадохранитель.
Плмца (пт.) — Синица.
Плюна — Слюна, Слина.
Подложница — Наложница.
Познаніе — Сожитіе.
Полдни — Югъ, Средина дня.
Помело — Комета, Метла.
Посадникъ — Земской голова,
Бурмистръ.
Понедѣлокъ — Понедѣльникъ.
Поступка — Уступка.
Похожденіе — Жизнь и дела.
Прасолъ — Переторговщикъ.
Прилавокъ — Коникъ.
Прека — Распря.

- Прибаска* — Присловица.
Приглядъ — Урокъ, Озепъ.
Приповестъ — Присловица,
 Прикладъ.
Разговоръ — Отсоветованіе.
Разказъ — Повеленіе.
Припадокъ — Случай, Счастіе.
Разкоша — Роскошь.
Разлика — Разность.
Разпочинъ — Зачинъ.
Реснота — Истина, Подлин-
 ность, Правота.
Русь — Россія.
Рускій — Русакъ, Россіанинъ.
Рудодезь — Нарва.
Мякій — Человѣкъ слабоум-
 ный.
Раба — Робкій.
Свѣтлозеленое — Прозелень.
Пышный — Богатый, Гордый.
Присный — { Верный, Сусчій,
 Несумненный.
Припадошный — { Счастливыи,
 Знатный.
Отришный — Ненадежный.
Лысый — { Плевивый. Въ чести
 поврежденный.
Избылое — Лишнее.
Жаркій — Рудожелтый.
Безсловесный — Непротивный.
Ваяти — Вырезывать.
Глумити — Утити.
Жимитиса — Скупитися.
Кутати — Печь закрывать.
- Кучитися* — Просити, Молити,
 Докучати.
Лживити — Порочити.
Обабити — Оженити.
Объити — Оплакати.
Обезглазети — Слепнути.
Ожилити — Населити.
Помкнути — Птицу поимати.
Портити — Чаровати.
Постой — Остановись.
Похерено — Почернено.
Приполубити — Прикрыти.
Рабети — Робети.
Разбухонети — { Разтолстети,
 Разботети.
Разпарити — Пару разделить.
Рубашитися — Дружитися.
Дуже — Силно.
Дуже — Дуже хороше.
Лагодно — Вкусно, Пріятно.
Мозолю — Трудомъ.
Отришно — Особно.
Плазомъ — Плашмя.
Плашмя — Плазомъ, Пластомъ.
Пожиточно — Богато.
Подлинно — Долговато.
Пробель — Беловато.
Пригорко — Горковато.
Прискушно — Скушно.
Притужно — Тяжко.
Ни — *Междоречіе* отрицательное.
Обы — Дай Боже чтобъ.
На моемъ сталось — По (мо)ему
 мненію.

На мере поставилъ — Опредѣ-
диль.

На нитке — Опасный; Конецъ
близкій.

Разпутіе — { Разстани, Разсо-
ха, Раздоры, Раз-
путица, Разруха,
Раздорозица.

Жила — { Кривавая, Біючая,
Водная, Становая,
Рудокопная.

Наказати — { Мечемъ, Плетью,
Ограбленіемъ
именія или чести,
заклученіемъ,
изгнаніемъ,
бранью.

Въ числѣ словъ, оставленныхъ безъ объясненія, находятся
слѣдующія:

Бездомица. Безхлебица.

*Братъ названный. Братъ поса-
женный.*

Братаничъ. Братина.

*Брызгъ. Вертепина. Вспалчи-
вость.*

Грунь. Домосидъ. Измора.

*Изтома. Зыбель (на воде). На-
парья.*

Неверка. Неиточка. Новоженя.

Послованіе. Раздума, Раздумье.

Размыслие. Разсловіе.

Разсудъ и Разсудокъ.

Сколозубъ. Собина.

*Обруселый. Обрусевший. Обру-
сети.*

Временничати. Мятежити.

Обыркатися. Отбоярити.

Привносити. Приружити.

Сколозубити. Собити.

Прибочъ. Приземисто и т. д.

Въ словарь включены и слова, относящіяся къ міру живот-
ныхъ: *Блеетъ* (овца). *Бодетя* (быкъ). *Ржетъ* (конь). *Кудахчетъ*
(кураца). *Граетъ* (воронъ).

При многихъ словахъ встрѣчаются отмѣтки: *славянское*, при
многихъ другихъ — *русское*. Если собрать всѣ эти указанія и
расположить ихъ въ систематическомъ порядкѣ, то получается
тотъ выводъ, что при выборѣ чертъ, отличающихъ русскій
языкъ отъ церковнославянскаго, служили основаніемъ: различіе
въ словахъ, различіе въ формахъ, или въ словообразованіи, и
различіе въ звукахъ, причемъ особенно ярко обозначалось полно-
гласіе.

Славянск.	Русск.	Славянск.	Русск.
Бездна — Пропасть.		Главотяжъ — Пояска.	
Бездождіе — Засуха.		Глаголь — Речь.	
Битва — Драка.		Глиста — Червь.	
Бичъ — Кнутъ.		Гробокопатель — Могилникъ.	
Благодетель — Добротство.		Дебрь, Боръ — Лесъ.	
Благодетель — Милостивецъ.		Діаволь — Бесъ.	
Благость — Доброта.		Долгота — Длина.	
Бразда — Науздникъ.		Достояніе — Наследіе.	
Бракъ — Свадба.		Единолѣтній — Годовикъ.	
Бредня — Вранье.		Ездець — Верховый.	
Брозда — Удила.		Жеговица — Огневица.	
Бисеръ многоценный — Жемчугъ.		Жельъ — Черепаха.	
Бронь — Ружье.		Жупель — Сера горячая.	
Бронникъ — Оружейникъ.		Здо — Кровля*).	
Буйство — Глупость.		Злакъ — Зелень.	
Вапъ — Краска.		Зданіе — Строеніе.	
Валахъ — Кладеный.		Зракъ — Видъ.	
Вено — Приданое.		Священникъ — Попъ.	
Вертоградъ — Садъ.		Извержіе — Выкидышь.	
Винница, Пивница — Погребъ.		Извиненіе — Выговорка.	
Власеница — Равно.		Изменникъ — Переметчикъ.	
Возглавіе — Падушка.		Ісусъ — Спаситель.	
Воня — Запахъ.		Иманіе — Бранье.	
Вопленіе, Волъ — Кричаніе, Крикъ.		Имянованіе — Названіе.	
Вранъ ношный — Сова.		Кавтанъ — Однорядка, Зипунъ.	
Врачеваніе — Лечение.		Клевретъ — Товарисчъ.	
Врачь — Докторъ.		Коливо — Кутія.	
Всадникъ — Ездець.		Колыбель — Зыбка.	
Выя — Шея.		Косноязычный — Заика.	
Второбрачный — Двоеженецъ.		Котора — Распря.	
Гананіе — Загадка.		Крадца — Воръ.	

*) Приписано: «Сіе слово *Здо* единого токмо во Псалтири положено».

Славянск.	Русск.	Славянск.	Русск.
Кратъ — Разъ.		Очи — Глаза.	
Кровь — Руда.		Очко — Глазокъ.	
Кропленіе — Брызганіе.		Пепель — Зола.	
Крупа — Заспа.		Песъ — Собака.	
Крупица — Кроха.		Печаль — Кручина.	
Куреніе — Копоть.		Плевелы — Костерь (тр.).	
Кура — Цыпленокъ.		Плесне — Ноги.	
Ланита — Счека.		Погляданіе — Посматриваніе.	
Лежнякъ — Поворникъ.		Предстательство — Заступа.	
Ложе — Кравать.		Пресмыканіе — Ползаніе.	
Ложесна — Матерникъ.		Реченіе — Говоря.	
Лясча — Сочевница.		Рокошь — Бунтъ.	
Мзда — Заплата.		Рукоделіе — Ремесло.	
Мрежица — Сетка.		Рукодея — Ремесленникъ.	
Мыто — Пошлина.		Сластолюбіе — Лакомство.	
Наветъ — Наговоръ, Наносъ,	Наносъ,	Соглядатель, Спіонъ — Лазут-	чикъ.
	Клевета.		
Надзиратель — Надсмотрщикъ.		Сребролюбіе — Любоименіе.	
Недро — Пазуха.		Супруга — Жена.	
Неприкосновенный — Недотыка.		Червленость — Краска.	
Носчеденствіе — Сутки.		Шуйца — Левая рука.	
Общество — Ватага.		Юзникъ — Колодникъ.	
Обрачненіе, Бракъ — Ожененіе.		Бесноватый — У сильный.	
Одежда — Риза, Платье.		Благъ — Добръ.	
Одеяніе — Платье.		Единоутробный — Родный,	Двоинишный.
Око — Глазь.			
Ометъ — Обшивка, Опушка.		Жестоковыйный — Упрямый.	
Оплоть — Заборъ, Плетень.		Многоценный — Дорогій.	
Осязаніе — Счупаніе.		Юный — Молодй.	
Отокъ — Воденая болезнь.		Дмясчійся — Сердящійся.	
Отрицатель — Отговорщикъ.		Путьшествующій — Подорож-	ный.
Отрокъ — Малой, Служитель.			
Оцетъ — Укусъ.		Вторый — Другій.	

Славянск.	Русск.	Славянск.	Русск.
Алкати — Голодати.		Дщерь — Дочь.	
Бросити — Кинути.		Тезоимянитство — Имянины.	
Заушити — По счекѣ ударити.		Иноверный — Чюжеверецъ.	
Излагати — Выкладывати, Толковати, Издавати.		Иноплеменникъ — Иноземецъ.	
Изменити — Перекинутися.		Вратарь — Воротникъ.	
Которатися — Сердитися.		Гибель — Погибель.	
Кропити — Бризгати.		Голубица — Голубка.	
Надзирати — Надсматривати.		Добыча — Добычь.	
Обресчи — Охранити, Посулити.		Жена — Женщина.	
Одолети — Осилети.		Знахарь — Знатокъ.	
Отвергати — Отбрасывати.		Избираніе — Выбираніе.	
Охуждати — Охуливати.		Избіеніе — Побитіе.	
Скрытно сказати — Глушити.		Извозникъ — Извозчикъ.	
Разглаголствовати, { Разговаривати.		Изгнаніе — Изгоня.	
Беседовати. }		Иканіе — Икота.	
На се, на сіе — На его.		Камыкъ — Камень.	
Сему, О семь — Етому, О етомъ.		Кормитель — Кормилецъ.	
Который, Иже — Кой.		Крабца — Коробка.	
Кое, коего — Которое, котораго.		Кроеніе — Кранье.	
Которое, Еже — Кое.		Краденіе — Кража, Хищеніе.	
Иже — Который.			
Еликій — Каковый.		Лганіе, Лжа — Ложь.	
Елиціи — Которые.		Леность — Ленъ.	
Елико — Колико.		Знатность — Знать.	
Вотсче — Напрасно.		Лествица — Лесница.	
До толе — До техъ местъ.		Ломленіе — Ломаніе.	
Отселе — Отсюда, Отъ сего часа, Отныне.		Матерь — Мать.	
Вскую — Для чего, почто.		Мерило — Мера.	
Надесно — Направо.		Меритель — Мерщикъ.	
Любо — Или.		Мышцы — Мышки.	
Обаче — Однакожь.		Мятва — Мята.	
		Обвиватель — Обвивалщикъ.	

Славянск.	Русск.	Славянск.	Русск.
Оконце —	Окошечко.	Пети, Мыти —	Петь, Мыть.
Останокъ —	Остатокъ.	Превлекати —	Переволачи- вати.
Отреби —	Отруби.	Раздвояти —	Раздвоивати.
Оцененіе —	Оценка.	Размерити —	Размерять.
Пеніе —	Петье.	Разтерти —	Разтереть.
Песнословецъ —	Песелникъ.	Разтолчи —	Разтолочь.
Петель —	Петухъ.	Гладити —	Гладко делати.
Писатель —	Писецъ.	Насиліе учинити —	Изнасилни- чати.
Плаватель —	Плавалшикъ.	Болотно —	Болотисто.
Пламень —	Полыме.	Пенисто —	Пенно.
Плясаніе —	Пляска.	Доколе —	Покуль.
Подглавіе —	Изголовье.	Двоекратно —	Два разъ, Дваж- ды.
Подпись —	Подписка.	Единаче —	Однаково.
Преводникъ —	Переводчикъ.	Зде —	Здесь.
Пришествіе —	Приходъ.	Издальче —	Издалека.
Раздаяніе —	Раздача.	Инуде —	Инуды.
Разлучитель —	Разлучникъ.	Легце —	Легко.
Размета —	Разметка.	Лучше —	Лутче.
Разнь —	Разница.	Наипервее —	Наперво.
Разсыланіе —	Разсылка.	Напредъ —	Напередъ, Впередъ, Прежде.
Рождество —	Родины.	Неже —	Нежели.
Лиспій —	Лишний.	Никако —	Никакъ.
Двадесять —	Дватцать.	Отай —	Тайно, Тайкомъ.
Двадесятый —	Дватцатый.	Оттуду —	Оттуда, Оттуды.
Осмьдесять —	Восемдесять.		
Первіи —	Первые.	Мене —	Меня.
Есеняти —	Осеновати.	Ня —	Ихъ.
Запрети —	Запереть.	Они, Онии, Онемъ —	Оне, Оные, Онымъ.
Ирбити —	Побити.		
Извести —	Вывести вонъ.		
Изкупити —	Выкупити.		
Отвлачити —	Отволочи.		
Охудети —	Изхудати.		

Славянск.	Русск.	Славянск.	Русск.
За ся — За себя.		Подворіе — Подворье.	
Самемъ — Самимъ.		Разхлажденіе — Расхоложеніе.	
Всїи — Все.		Месяць, Месѣчина — Месяць,	
О дву — О двухъ.			Месечина.
Ими — Возми.		Разсяданіе — Разседаніе.	
Ими мя — Имей меня.		Растаяніе — Растаеніе.	
Имамъ, Имамы — Имею, Имеемъ.		Іерей — Ерей.	
—		Іеросалимъ — Ерусалимъ.	
Лакоть — Локоть.		Іурданъ — Ерданъ.	
Равенъ, Равно — Ровенъ, Ровно.		Ведети — Ведати.	
Разъ — Розъ.		Ньюсчій — Ноусчій.	
Разбегъ Розбегъ.		Знамя — Знаме.	
Разіскъ — Розыскъ.		Индїа — Индея.	
Размахъ — Розмахъ.		Ср. Индискій — Индейскій.	
Разпускъ — Розпускъ.		—	
Растъ, Раслый — Ростъ, Рос-		Саждати — Сажати.	
	лый.	Провождати — Провожати.	
Дважды — Двожды.		Надежда — Надежа.	
Ребра — Рѣбра.		Насажденный — Насажен-	
Клестъ (пт.) — Клѣсть.			ный.
Ременьный — Ремѣнный.		Охлаждати — Охоложати.	
Свое — Своѣ.		Дождливо — Дожливо.	
Езеро, Езерный — Озеро, Озер-		Дрожди — Дрозжи.	
	ный.	Дождевикъ — Дождевикъ.	
Есень — Осень.		Дождь — Досчь.	
Еленина — Оленина.		Колачникъ — Колашникъ.	
Единъ, Единакїй — Одинъ, Оди-		Свесча — Свеча.	
	накїй.	Помосчь — Помочь.	
Наедине — Наодине.		Носчь — Ночь.	
Лице (образъ) — Лицо.		Обсчїй — Обчїй.	
Коленіе — Колоніе.		—	
Заммшикъ — Заемшикъ.		Обладати — Овладати.	
Отчинникъ — Вотченникъ.		За него — За него.	

Славянск.	Русск.	Славянск.	Русск.
Анелъ — Аньель.		Длань — Ладонь.	
Охрестити — Окрестити.		Врата — Ворота.	
Оцепъ — Очепъ.		Градъ — Городъ.	
Оцепити — Очепити.		Брада — Борода.	
Отчимъ — Вотчимъ.		Брадавка — Бородавка.	
Отчина — Вотчина.		Бразда (и Брозда) — Борозда.	
Острый — Вострый.		Врабій — Воробей.	
Осмый — Восмый.		Вражба — Ворожба.	
Даяти — Давати.		Крава — Корова.	
Звукъ — Зукъ.		Краста — Короста.	
Седмъ — Семъ.		Крастель (пт.) — Коростель.	
Боляринъ — Бояринъ.		Прагъ — Порогъ.	
О немъ — Объ немъ.		Мравій — Муравей.	
Бервно — Бревно.		Мразъ — Морозъ.	
Просфора — Просвира.		Краткій — Короткій.	
—		Вратити — Воротити.	
Глава — Голова.		Ократити — Окоротити.	
Главня — Головня.		Кратити — Коротити.	
Длато — Долото.		Оградити — Огородити.	
Блато — Болото.		Разгнути — Розогнути.	
Клада — Колода.		Драго — Дорого.	
Кладязь — Колодезь.		Брегъ — Берегъ.	
Млатъ — Молотъ.		Превозъ — Перевозъ.	
Разхлажденіе — Расхоложенье.		Превздъ — Переводъ.	
Млеко — Молоко.		Прелазъ — Перелазъ.	
Плененный — Полоненный.		Преправа — Переправа.	
Златый — Золотый.		Препонка — Перепонка.	
Златити — Золотити.		Преплетъ — Переплетъ.	
Озлатити — Озолотити.		Преспелый — Переспелый.	
Обезглавити — Обезголовити.		Дрвенети — Дервенети.	
Отвлачити — Отволочи.		Преплести — Переплести.	
Охладити — Охолодити.		Пресаждати — Пересаждати.	
Охлаждати — Охоложати.		Причтъ — Причетъ.	

Изъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ тѣмъ или другимъ путемъ, внесены въ словарь заимствованныя изъ языковъ: греческаго, латинскаго, еврейскаго, сирскаго, нѣмецкаго, французскаго, татарскаго и сарматскаго:

	Греческ.		Риторика	— Речеточство, Ве-
<i>Діаконъ</i> — Служитель, По-			тивство.	
мосчникъ.			<i>Регламентъ</i> — Уставъ.	
<i>Епархія</i> — Началство.			<i>Ресстръ</i> — р. Роспись.	
<i>Епискупъ</i> — Надзиратель.			<i>Бастіонъ</i> — Разкаты.	
<i>Литургія</i> — Святослуженіе.			<i>Рецептъ</i> — Роспись лекарствен-	
<i>Литургисати</i> — Освящати.			ная, Воспріятіе.	
<i>Міръ</i> — Мазь.			<i>Окулистъ</i> — Глазь лечитель.	
<i>Монастырь</i> — Домъ уединенія,		Еврейск.		
обитель, обиталище.			<i>Сатана</i> — Отступникъ, Про-	
<i>Монахъ</i> — Уединенный старецъ,			тивникъ, Изменникъ.	
чернецъ, инокъ.		Сирск.		
<i>Иерархъ</i> — Свещенноначалникъ.			<i>Рака</i> — Пустый, Безделникъ,	
<i>Патріархъ</i> — Отцевъ начало.			никъ, Непотребникъ.	
<i>Саккосъ</i> — Мешокъ, одежда ар-		Нѣмецк.		
хіерейская.			<i>Рота</i> — Слово немецкое, ротта,	
<i>Сандалія</i> — Башмаки.			соймисче, купа, собраніе, ва-	
<i>Монархъ</i> — Единовластитель.			тага.	
<i>Монархія</i> — Единоначаліе.			<i>Реша</i> — Государство.	
<i>Исторія</i> — Повесть.			<i>Болверкъ</i> — Разкаты.	
<i>Историкъ</i> — Деписатель.		Франц.		
<i>Поэта</i> — Стихотворецъ.			<i>Перукъ</i> — Кудри накладные.	
<i>Поэтика</i> — Стихотворство.		Татарск.		
<i>Просодія</i> — Гласоудареніе.			<i>Сайданъ</i> — Лукъ съ прибо-	
<i>Прологъ</i> — Предсказаніе, Пред-			ромъ.	
речіе.			<i>Саймакъ</i> — Сарна.	
<i>Лексиконъ</i> — Алфавитъ, Бук-			<i>Сарна</i> — Сайга.	
варь.				
<i>Риторъ</i> — Ветивственникъ.				

Сарматск.	<i>Рака</i> — первое вино из хлеба.
<i>Вотъ</i> — На; сл. <i>Се</i> .	<i>Зень</i> — Карманъ.
<i>Варъ</i> — Кипетокъ.	<i>Камышь</i> — Тростникъ.
<i>Варега</i> — Вязеница.	<i>Костыль</i> — Посохъ.
<i>Сарай</i> — Домъ, строеніе; р. По- веть.	

II.

Составители словаря черпали свои матеріалы изъ весьма значительнаго количества книгъ, заимствуя оттуда какъ слова, вносимыя въ словарь, такъ и поясняющіе ихъ примѣры. Приводя примѣры изъ книгъ, въ иныхъ случаяхъ дѣлали точныя ссылки, въ другихъ находили это излишнимъ. Первоначально слова вносились въ аналогическія таблицы безъ всякихъ ссылокъ; затѣмъ признано нужнымъ дѣлать хотя краткія указанія на источники; наконецъ допущено различіе, въ отношеніи къ ссылкамъ, между книгами духовнаго и свѣтскаго содержанія. При разсмотрѣніи аналогическихъ таблицъ выражено было желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ при рѣдкихъ словахъ помѣщались указанія на книгу и мѣсто, откуда эти слова заимствованы¹⁶). Впослѣдствіи одинъ изъ членовъ російской академіи сдѣлалъ предложеніе, чтобы примѣры, приводимые изъ новѣйшихъ русскихъ писателей, сопровождалась такими же точными ссылками, какъ и мѣста, заимствуемая изъ св. писанія. Предложеніе это было отклонено академическимъ собраніемъ по слѣдующей причинѣ: «Въ ссылкахъ, дѣлаемыхъ на св. писаніе, замѣчаніе главъ, стиховъ и проч. неотмѣнно нужно потому наипаче, что въ нихъ содержатся важныя изреченія, правила закона и вѣры, и что они, по малому ихъ въ общемъ обращеніи употребленію, немногимъ свѣдомы, и если въ объясненіи ихъ какая-либо можетъ оставаться темнота, она прочтеніемъ приведеннаго примѣра въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ отъята быть можетъ. Напротивъ того, примѣры, взываемые изъ новѣйшихъ писателей, содержатъ въ себѣ слова и рѣчи, по всегдашнему употреб-

ленію языка, всѣмъ извѣстныя, и показываютъ токмо случаи, въ каковыхъ они наипаче употребительны» 17).

Обильнымъ источникомъ служили книги св. писанія; страницы академическаго словаря наполнены примѣрами изъ библейскихъ книгъ, новаго и ветхаго завѣта. Извлеченіями изъ библіи и церковныхъ книгъ занимались не одни только лица духовныя, которыхъ было такъ много въ академической средѣ, но и другіе члены російской академіи. Одинъ изъ нихъ, извѣстный литераторъ своего времени, Веревкинъ, писалъ кн. Дашковой: «Отваживаясь поднести опытъ выбора нарочитыхъ славенскихъ словъ изъ священнаго писанія. Не благоугодно ли вамъ будетъ наслатъ ко мнѣ повелѣнія продолжать сего рода трудъ для новосозданной вами, къ истинной славѣ и пользѣ отечества, російской академіи. При каждомъ бы словѣ означилъ я, откуда точно оное взято, изъ какой главы, стиха и строки, и какъ стоитъ въ библіяхъ латинской, французской и нѣмецкой» 18).

Много словъ заимствовано изъ твореній отцовъ церкви и другихъ книгъ, употребляемыхъ въ богослуженіи и въ церковномъ обиходѣ. Здѣсь должны быть названы: Бесѣды и Литургія Іоанна Златоуста.— Книги Григорія назіанзина.— Шестодневъ Василя Великаго.— Дамаскина: О вѣрѣ.— Минея праздничная.— Тріодъ постная.— Тріодъ цвѣтная.— Ирмологъ и Октоихъ.— Маргаритъ.— Канонъ Пасхи.— Акаѳистъ Богородицѣ.— Соборникъ.— Прологъ.— Кормчая.— Номоканонъ.— Требникъ и т. д.

Довольно видное мѣсто въ ряду источниковъ, которыми пользовались при составленіи словаря, занимаютъ и памятники древней русской литературы и языка, преимущественно лѣтописи. Ссылки относятся къ слѣдующимъ изданіямъ:

— Лѣтопись Несторова, съ продолжателями, по кенигсбергскому списку, до 1206 года. Библіотека російская историческая и т. д. При императорской академіи наукъ. 1767 года.

— Царственная книга, т. е. лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича. Напечатанъ съ письменнаго, который сы-

сканъ въ Москвѣ въ Патріаршей библіотекѣ. Въ С.-Петербур-
гѣ, при академіи наукъ. 1769 года. (Издатель — князь Щерба-
товъ, избранный впоследствии въ члены российской академіи).

— Царственный лѣтописецъ, содержащій российскую исто-
рію отъ начала царствованія великаго князя Владимира Всево-
лодовича Мономаха до покоренія Новагорода. Спб.; при академіи
наукъ. 1772 года. (Издатель, князь Щербатовъ, говоритъ:
«Несумнительно есть, что онъ съ древнѣйшихъ лѣтописцовъ
былъ списыванъ, и тщаніе письма показываетъ, что конечно въ
немъ по крайней мѣрѣ большихъ описокъ не учинено»).

— Древняго лѣтописца часть первая, содержащая въ себѣ
повѣсть происшествій, бывшихъ въ Россіи при владѣніи четыр-
надцати великихъ князей, съ 1254 до 1379 года... изданная по
высочайшему повелѣнію покровительницы и защитницы мусъ.
Въ С.-Петербургѣ, при имп. академіи (sic) наукъ. 1774 года.

— Древняго лѣтописца часть вторая, содержащая въ себѣ
повѣсть происшествій съ 1379 до 1424 года. Спб., при имп.
академіи наукъ. 1775 года.

— Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ российскую исторію
отъ 852 до 1598 годъ. Печатанъ въ московской типографіи.
1781 года. (Извѣстенъ подъ названіемъ *Архангелогородскаго*,
потому что рукопись принадлежала архангелогородскому архи-
ерейскому дому).

— Лѣтописецъ новгородскій, начинающійся отъ 1017 году
и кончающійся 1352 годомъ. Печатанъ въ московской типографіи.
1781 года.

Новгородскій лѣтописецъ изданъ особенно тщательно, бла-
годаря просвѣщенному взгляду архіепископа Платона (Левши-
на), недопустившаго измѣненій рукописнаго текста. Издатели
поставлены были въ затрудненіе по слѣдующему поводу: «Сей
лѣтописецъ писанъ самымъ древнимъ и къ чтенію труднымъ
письмомъ, а сверхъ того еще въ немъ вмѣсто литеръ *о*, *и*, *е*,
вездѣ ставится литера *з*; вмѣсто *і* — *ъ*; вмѣсто *ч* — *и*; предлоги
къ и *въ*, на вопросъ *идь*, опускаются. Вмѣсто винительнаго па-

дежа полагается именительный, напримѣръ вмѣсто: *торговище, померче, людѣ, Володимировича, къ Новуграду, въ Антоновъ монастырь, сына своего*, пишется: *тзговище, помзрче, людѣ, Володимерица, Новугороду, Антоновъ монастырь, сынъ свой*, и проч. Всѣ сїя нарѣчїя безъ перемѣны ли оставить или съ причаею къ нимъ выброшенныхъ гласныхъ изъ середины литеръ? Архіепископъ Платонъ отвѣчалъ: «Печатать какъ есть, а внизу нотами дѣлать имъ изъясненіе»¹⁹). Поясненїя эти, весьма краткія, въ такомъ родѣ: «Микифора *сзѣйкаго*» — кажется, что сіе слово значить *тысяйкаго* (стр. 57); — «И ради быхомъ *небози*» — кажется, что сіе слово положено вмѣсто *убози* (стр. 115); — «Наидоша дѣждеве и поимаша вси *рли*» — кажется, ошибкою написано вмѣсто *ржи* (стр. 139); — «Меоодїй *патарскїй*» — Меоодїй былъ епископъ *патарскїй* (стр. 99). Въ предувѣдомленїи говорится: «Въ самомъ текстѣ никакой перемѣны и поправленїя противъ подлинника не учинено... Иныя, отъ употребленїя въ тогдашнее время новгородцами особливыхъ нарѣчїй получившія темность, мѣста оставлены на судъ читателя безъ всякаго объясненїя» и т. д.

При словахъ древнихъ и старинныхъ приводятся также примѣры изъ «Духовной» Владимира Мономаха, изъ Русской лѣтописи по воскресенскому списку, изъ Сказанїя объ осадѣ Троицко-Сергіевой лавры, изъ Синописа, изъ Русской Правды, Судебника и Уложенїя и изъ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ.

О степени точности при воспроизведенїи мѣстъ, заимствуемыхъ изъ источниковъ болѣе или менѣе древнихъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Подлинникъ.

Словарь.

Аще ввадится волкъ *во* овцы²⁰). Аще ввадится волкъ *на* овцы (I, 459).

Иде муро отъ иконы по 12 дней, Иде муро отъ иконы по двана-
найдетъ 4 вощяницъ, яко въ десять дней, *и* найдетъ четыре
сткляницу. вощяницъ, яко въ сткляницу
(I, 866).

- Яко творяхуть е перевѣтъ *Яко творяхуть е, перевѣтъ*
држаще къ Святославу. *держаше къ Святославу (I,*
1041).
- Князь Олександръ Вожанъ и Князь Александръ Вожанъ и
 Чюдцю перевѣтники извѣша. Чюдцю перевѣтники извѣша
 (I, 135).
- Повелѣ вметати въ погребѣ, а Повелѣ вметати въ погребѣ, а
 инныхъ въ гридницу, и ту ся инныхъ въ гридницу, и ту ся
 издохша въ множествѣ. издохша въ множествѣ (II,
 349).
- Вси мужи и гостѣбници *измавъ* Вси мужи и гостѣбници *измавъ*
 я, вся посла и, сковавъ, по я, вся посла и сковавъ
 своимъ городомъ, а товары по своимъ городомъ, а това-
 ихъ раздая. ры ихъ раздая (II, 276).
- Бысть голодъ и *черезъ* зиму, Бысть голодъ, и *черезъ* зиму
 ржи осмина по полугривнѣ. ржи осмина по полугривнѣ
 (II, 348).
- Загородци не всташа ни по Загородци не всташа ни по
 сихъ ни по сихъ, *нз* зряху сихъ (не вступилися), ни по
 перезора. сихъ, *но* зряху перезора (III,
 143).
- И ставъ вѣчемъ у святѣи Со- И ставъ вѣчемъ у Святой Со-
 фѣи ²¹). фѣи (I, 670).
- Ста ополчився на Черномъ Бо- Ста ополчився предъ градомъ
 лоньи, оба полъ имѣя мѣсто на черномъ болоньѣ, оба по-
 неподвижно болоние. ля имѣя мѣсто болонье непо-
 движно.
- И зажгоша болонье около *гра-* Болонье около *города* зажгоша
да ²²). (I, 271).
- Володимеръ же приидѣ в това- Володимиръ же прииде въ тавары
 ры, и посла берендичи по и посла Берендачи по то-
 товаромъ. варамъ (VI, 5).
- И зая Мзстиславъ *много това-* И зая Мстиславъ *на много то-*
ра изяславлѣ дружины, злата *варовъ* Изяславлѣ дружины,

и серебра и челядь и конь и злата и серебра и челяди и скота ²³). конь и скота (VI, 5).

А осыпалу быть на мисѣ на А осыпалу быть на мисѣ золотой ²⁴). той (V, 1011) и т. д.

Многія выписки сдѣланы дословно, безъ всякихъ измѣненій.

Пособіями при объясненіи словъ служили разнаго рода книги, а также и нѣкоторыя статьи, помѣщенные въ поврежденныхъ изданіяхъ прошлаго столѣтія. Члены російской академіи выбирали слова и примѣры изъ Трудолюбивой пчелы, изъ Трудовъ вольнаго російскаго собранія, изъ Собесѣдника и т. д. На страницахъ академическаго словаря встрѣчаются ссылки на слѣдующія книги:

— Описаніе земли Камчатки, сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, академіи наукъ профессоромъ. 1755.

— Путешествіе Палласа.

— Путешествіе Гмелина.

— Историческое описаніе російской коммерціи, при всѣхъ портахъ и границахъ, отъ древнихъ временъ до нынѣ настоящаго... сочиненное Михайломъ Чулковымъ. 1781.

— Извѣстіе о дворянѣхъ російскихъ. 1790. (Сочиненіе Ф. Миллера, изданіе Рахманинова).

— Совершенный егеръ, или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и псовой охотѣ, и т. д. ²⁵).

III.

Первое мѣсто въ ряду русскихъ книгъ, послужившихъ источниками для словаря, занимаютъ произведенія отечественныхъ писателей и во главѣ ихъ *Ломоносова*. Члены російской академіи, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, цѣнили необыкновенно высоко литературную дѣятельность *Ломоносова* и его заслуги для науки и для Россіи. Восхищаясь его произведеніями, признавали его первымъ судьей и лучшимъ образцемъ въ вопросахъ о языкѣ и слогѣ. Вѣрнѣйшій признакъ здраваго лите-

ратурнаго вкуса видѣли въ томъ, что сочиненія Ломоносова имѣютъ большой успѣхъ, что они «нравятся»: съ паденіемъ вкуса падаетъ и сочувствіе къ произведеніямъ Ломоносова. Въ самый годъ основанія російской академіи появилась статья, доставленная однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей того времени, въ которой говорится: «Великіе умы сами собою и нечувствительно къ величественному побуждаются. Для чего видимъ мы его такъ много въ Корнелии и Ломоносовѣ? Неотмѣнно для того, что они сами были одарены великимъ духомъ... Можно ли требовать отъ всякаго души Гомеровою или Ломоносовою... Нѣтъ ничего величественнѣе, я осмѣлюсь сказать, ни въ древнихъ, ни въ новыхъ творцахъ сей поражающей и прямо лирической картины, къ каковымъ причисль насъ Ломоносовъ:

Не мракъ ли въ облакахъ развился
Или открылся гробъ Петровъ?
Онъ взоромъ смутенъ пробудился
И произноситъ гласъ таковъ:
Я мертвъ терплю несносну рану, и проч.

О тѣнь великая, покойся!
Мы помнимъ тѣмы твоихъ заслугъ,
Безмолвна въ вѣчности устройся,
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ, и проч.

Но послѣдующая строфа, кажется мнѣ, не поддерживаетъ довольно восхищенія, которое произвели въ насъ три предыдущія. Я безутѣшенъ буду, ежели сочтутъ, что я хотѣлъ судить Ломоносова. Напротивъ того, я хотѣлъ бы умножить славу его, ежели можно, для соблюденія всегда здраваго вкуса въ Россіи, внутренно убѣжденъ, что вѣрнѣйшимъ знакомъ развращенія онаго будетъ то, ежели не станетъ нравиться Ломоносовъ... Иногда самая необъятность и неопредѣленность картины составляетъ ея величество. Здѣсь-то находятъ свое мѣсто множество прелестныхъ картинъ, которыя безпрестанно другъ другу по-

слѣдуютъ въ его неподражаемыхъ одахъ. Но мы здѣсь включимъ только слѣдующій примѣръ изъ его же похвального слова Петру Великому: «Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, который всеильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ его и потекутъ воды; прикоснется горамъ — и воздымаются. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ; божества постигнуть не могутъ: обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка Богу подобному, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю». Плиній-младшій, который поводъ подаль къ сему величественному воображенію въ своемъ Панегирикѣ, гл. IV, не умѣлъ облечь его симъ блистаніемъ, въ которомъ видимъ его у Ломоносова, затѣмъ, что онъ искалъ только остроумныхъ мыслей, и сію тотчасъ оставилъ, какъ исчерпнулъ блескъ оной» и т. д. ²⁶).

Мысль составителей словаря постоянно обращалась къ Ломоносову. Вліяніе его обнаруживается повсюду: и въ выборѣ словъ и примѣровъ, и въ способѣ ихъ объясненія, и въ указаніи особенностей слога, и во взглядѣ на литературный языкъ вообще. Въ основу положено знаменитое разсужденіе Ломоносова: «О пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ». Въ языкѣ церковно-славянскомъ, родственномъ русскому, Ломоносовъ видитъ объединяющее начало, при помощи котораго сливаются въ одно цѣлое различныя отрасли русскаго языка. Благодаря этому началу, время и мѣсто не произвели въ русскомъ языкѣ тѣхъ рѣзкихъ отличій, той розни, которая бросается въ глаза въ другихъ европейскихъ языкахъ. По мнѣнію Ломоносова, греческій языкъ оказалъ сильное и весьма благотворное вліяніе на образованіе языка славянскаго, обогативъ его «множествомъ реченій и выраженій разума».

Ломоносовъ говоритъ: «Сіе богатство больше всего приобрѣтено, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила еллинскаго слова коль высоко почи-

тается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосфеновъ и другихъ въ еллинскомъ языкѣ героевъ, *вѣтійствовали великіе христіанскія церкви учителя и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пнія къ Богу...* Сія польза наша, что мы приобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки. И сіе во первыхъ по мѣсту. *Народъ російскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ-другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ.* Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славенскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. *Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, россиянамъ довольно вразумительнымъ.* По времени жъ разсуждая, видимъ, что російскій языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было, — не такъ, какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время»²⁷).

Въ предисловіи къ словарю російской академіи: «Славенскій языкъ, отъ временъ просвѣщенія славянъ словомъ евангельскія истины, совсѣмъ иной получилъ видъ и образованіе. Ибо греки, принесшіе къ славенскимъ племенамъ христіанскій законъ, тщилися о распространеніи онаго преложеніемъ книгъ священныхъ и церковныхъ на языкъ славенскій; они явили неподражаемыхъ творцовъ во всѣхъ родахъ краснорѣчія; они *вѣтійствовали и въ твореніяхъ церковныхъ. Великіе изъ нихъ христіанскія церкви учителя возвышали древнее свое краснорѣчіе богословскими ученіями и пареніемъ усерднаго къ Богу пнія.*

Отъ предложенія оныхъ на славенскій языкъ пріобрѣлъ сей *обиліе, важность, силу*, краткость въ изображеніи мыслей, удобность къ сложенію словъ, и другія *красоты* языка греческаго. Грекороссійская церковь, во всѣхъ племенахъ славенскихъ единымъ языкомъ славослова имя Божіе, главною и истинною доднесь пребыла виною, что мы, преимущественно предъ многими европейскими народами, цѣлость славенскаго языка неизмѣнну сохранили, и не токмо книги, писанныя за многія столѣтія, удобно разумѣемъ, но и *другія славенскія нарѣчія, употребляемая во странахъ, иноплеменными языками отъ насъ отдѣленнымихъ, довольно для насъ вразумительны*. Языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ то же преимущество, и *народъ россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ-другу языкомъ»*²⁸).

Убѣдительнымъ доказательствомъ предпочтенія Ломоносова всѣмъ другимъ писателямъ служитъ самое количество примѣровъ, помѣщенныхъ въ академическомъ словарѣ. При объясненіи различныхъ словъ приведено примѣровъ: изъ Ломоносова—883; изъ Сумарокова—30; изъ Петрова—13; изъ Хераскова—11, и т. д.

Выписки дѣлались преимущественно изъ стихотвореній: изъ 438 примѣровъ, въ первыхъ двухъ частяхъ словаря, 404 взято изъ стихотвореній Ломоносова и только 34 изъ его прозаическихъ сочиненій.

Изъ Ломоносова приводятся примѣры и на слова обыкновенныя, бывшія тогда въ общемъ употребленіи, и на слова съ большими или меньшими особенностями въ значеніи, зависѣвшими главнымъ образомъ отъ условій и требованій слога. Одни изъ приведенныхъ словъ до сихъ поръ сохраняютъ свое прежнее значеніе; другія пріобрѣли новый оттѣнокъ смысла; иныя употребляются теперъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, съ другими приставками и окончаніями, и т. п.

Бабочка (I, 69) — Насѣкомое о четырехъ крылахъ, кои покрыты весьма нѣжною чешуйкою, разными цвѣтами испещренною:

Ужъ *бабочка* зыблется лугомъ,
Устремившись за пестренькимъ другомъ.

Облако (I, 775—776) — Собрание стгутившихся и поднявшихся на воздухъ паровъ, которые обыкновенно превращаются въ дождь или снѣгъ:

Уже великими крылами
Парящая подъ *облаками*
Въ предѣлы слава странъ звучить.

Поборникъ (I. 294) — Защитникъ, заступникъ, покровитель, помощникъ:

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ стремящихся враговъ.

Бѣгъ (I, 415) — 1) Обращеніе въ бѣгство:

Тогда, увидѣвъ *бѣгъ* своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ.

2) Быстрое шествіе:

Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ *бѣгъ*.

Борей (I, 284) — Названіе, заимствованное отъ греческаго и означающее вѣтръ, вѣющій отъ сѣвера:

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми *Борей* крылами
Твои взвѣваетъ знамена.

Невѣроятный (I, 1012) — Неимовѣрный; превосходящій, превышающій вѣроятія:

Что сего чуднѣе, что *невѣроятнѣе* могло воспослѣдовать?

Край (III, 897) — Конецъ; окончаніе:

Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай.
Опасности сея Богъ скоро пошлетъ *край*.

Красный (III, 902 — 903) — Употребляется иногда къ означенію дѣлъ, страстей, произведеній изящныхъ, превосходныхъ, похвальныхъ, удобныхъ и способныхъ къ чему:

Царей и царствъ отрада,
Возлюбленная тишина. . . .
Коль ты полезна и *красна*.

Относительно къ сочиненіямъ — краснорѣчивый, витіеватый; употребляется только въ стихотворствѣ:

Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ
Придать дерзнулъ *некрасный* стихъ.

Вечерній (I, 671 — 672) — Вечеру свойственный, въ вечеръ бывающій. Западный, полунощный:

Но что страны *вечерни* тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ.

Знатный (III, 93 — 94) — Отмѣнный, отличный, знаменитый; великій:

Тебя поставилъ въ знакъ завѣта
Надъ *знатнѣйшею* частью свѣта.

Видный, примѣтный:

Въ шерсти овецъ *знатенъ* волкъ.

Бурный (I, 390) — Съ бурей совокупленный. Сильный, скорый:

Тамъ кони *бурными* ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой.

Горькія слезы (II, 243) — Плачь, слезы, происходящія отъ великаго прискорбія, отъ великой печали, неутѣшимое сѣтованіе:

За *горьки слезы* и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повседневно.

Горькая казнь (II, 244) — Казнь мучительная, со многими муками соединенная, и смертію сопровождаемая:

Вы *горьку казнь* себѣ измѣной заслужили.

Отвѣдываю (I, 983) — Дѣлаю чему опытъ, попытку; покушаюсь, стремлюсь, пытаюсь узнать что:

Отвѣдай ты своей съ нимъ силы.

Живо (II, 1128) — Явно, очевидно, какъ бы наяву:

Обращаются предъ нами *живо* ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить.

Иногда тоже значить, что обстоятельно, точно:

Сіе приводитъ на память исторія и стихотворство, которое прошедшія дѣянія *живо* описуя, какъ настоящія представляетъ.

Проповѣдатель (I, 991) — Хвалитель, величатель; превозносящій, прославляющій другаго похвалами:

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И *проповѣдатель* Парнассъ.

Привѣтство (I, 1043) — Поздравленіе, изъявленіе сорадованія въ разсужденіи успѣха или счастья въ чемъ:

Отсюда слышенъ гласъ желаній и *привѣтствъ*.

Державство (II, 610) — Владычество; правленіе владычествующаго; дѣйствіе верховной власти:

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише.

Коварникъ (III, 677) — Кто поступаетъ въ разсужденіи другаго коварно, лицемѣрно, лукаво:

Сталь тѣсень къ злобѣ путь *коварникамъ* въ судахъ;
Свобода съ тишиной и въ селахъ и въ градахъ.

Безмрачный (IV, 300) — Непричастный мрака:

Небесъ *безмрачныхъ* образъ ясный.

Слова, выраженія и образы, употребленные Ломоносовымъ, признавались неотъемлемымъ достояніемъ литературнаго языка, и вслѣдствіе этого вносились въ словарь въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ встрѣчаются у Ломоносова.

Кругъ свѣта (III, 1005 — 1006) — Употребляется въ стихотвореніи и значить тоже, что шаръ земной:

Во всемъ пространномъ *свѣта кругъ*.

Преклонный вѣкъ (III, 629) — Старость:

И силу воспріявши нову (лира),
Въ *преклонный вѣкъ* мой возлетай,
Младья лѣта превышай.

Высокія мысли (IV, 363) — Надменные, тщеславныя:

Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минеть.

Вздохнуть изъ глубины (II, 95) — Съ крайнимъ о чемъ сожалѣніемъ, прискорбіемъ, сокрушеніемъ, съ великою чувствительностію:

Монархъ, узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый,
Вздохнулъ изъ глубины...

Подать отраду (II, 503) — Утѣшить, облегчить нищетою, бѣдностію, несчастіемъ удрученнаго:

Она предстательствомъ *отраду*
Потщится бѣднымъ *подавать*.

Пріяти миръ (II, 987) — Согласиться на миръ, примириться:

И миръ пріязь обლობызаетъ.

Пріяти пищу (II, 987) — Употреблять пищу:

Видя его тую жъ пріемлющаго пищу.

Объять окомъ (II, 971) — Постигнуть взоромъ:

*Когда на холмѣ кто высокомъ
Сѣдя, вокругъ обземлетъ окомъ.*

Имѣть главу преклоненну (III, 628—629) — Быть погружену въ печаль:

*Тогда Вандалы побѣждены
Главы имѣли преклоненны, — и т. д.*

Примѣры и сопоставленія, находящіеся въ словарѣ, представляютъ цѣлый рядъ данныхъ, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для характеристики языка и слога Ломоносова. Взаимное отношеніе двухъ неизбѣжныхъ началъ — славянскаго и русскаго обнаруживается само собою изъ массы наглядныхъ примѣровъ, приводимыхъ изъ различныхъ источниковъ. Въ языкѣ Ломоносова, при множествѣ славянизмовъ, являются и черты древняго русскаго языка, и живые слѣды народнаго говора, и т. д.

Дуга (II, 785) — Радуга:

— *Дугу* мою полагаю во облацѣ, и будетъ въ знаменіе завѣта между мною и землею (Быт. IX, 13).

*Утѣшилъ я въ печали Ноя,
Когда потопомъ міръ казнилъ;
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.*

Глубина (II, 94) — Въ витійственномъ слогѣ берется иногда за самое море:

- Во *глубинѣ* пошла иногда Фараонитское все воинство . . . .
Глубины открылъ есть дно, и сушею своя влечеть.
 (Ирмол. Гласъ 2. Пѣснь 1).

На сушу гонить *глубину*,
 И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ.

Небесные круги (III, 1006).— Въ витійственномъ слогѣ называется
 превыспренность, или небеса:

- Съ *небесныхъ круговъ* слетѣвъ (Акаѳ. Богород.).

И преклонивъ *небесны круги*,
 Благослови супруговъ сихъ.

Довольный (I, 836)— Имѣющій столько способности, сколько къ
 отправленію извѣстнаго дѣла потребно:

- И яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія пре-
 даждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже *довольны* будутъ и
 иныхъ научити. (2 Тимое. II, 2).

Уже младаго Михаила
 Была къ тому *довольна* сила
 Упадшую Москву поднять.

Блуду (I, 234)— Стрегу, храню, берегу, содержу въ цѣлости:

- *Блудите* себе, да не погубите яже дѣлаете добрая. (2 Посл.
 Иоан. I, 8).

Вотще твой хитрый былъ совѣтъ:
 Россію самъ Господь *блудетъ*.

Блудуся (I, 234)— Хранюся, берегуся, стерегуся; воздерживаюся,
 опасуюся:

- *Блудитесь* отъ творящихъ распри и раздоры. (Римл.
 XVI, 17).

Союзы разрушать *блудитесь*,
 Храните искренно пріязнь.

Наединѣ (II, 939 — 940) — Одинъ на одинъ, безъ присутствія другихъ, безъ свидѣтелей:

— Приступиша къ нему ученицы *наединѣ* (Матѣ. XXIV, 3).

— Отшедъ *наединѣ*, вопрошаше его (Дѣян. XXIII, 19).

— Произнесу же ко мнѣ *наединѣ* слово на ложи моемъ (Иов. VII, 13).

Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и *наединѣ*.

Увязуюся вѣнцемъ (I, 1129) — Вѣнцемъ украшаюся, вѣнчаюся:

— Мнози мучители сѣдоша на земли, нечаемый же *увязеся вѣнцемъ* (Сирах. XI, 5).

Елисаветъ, *вѣнцемъ* и славой *увязенна*.

Грызти устнѣ (II, 389) — Не могли отмстити въ настоящее гнѣва время, изъявлять досаду, кусая губы:

— *Грызый устнѣ* свои, опредѣляетъ вся злая (Притч. XVI, 30).

Пусть злобна зависть ядъ свой леть,
Пусть свой *языкъ*, ярься, *грызетъ*.

Единство (II, 940 — 941) — Единодушіе, согласіе; тожество:

— Въ любви и *единствѣ* пребывая съ великимъ княземъ Юрьемъ Суздальскимъ (Ник. лѣт. II, 94).

— Взаимнымъ любви союзомъ сопрягается ихъ *единство* вѣры.

Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обротно.

Безнавѣтный (I, 1036) — Безопасный, безбѣдственный, чуждый навѣтовъ:

— Святую церковь въ Руси *безнавѣтну* и безмятежну соблюдетъ (Царств. Лѣт. 243).

Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даютъ
Безмолвно бдѣніе и *безнавѣтенъ* трудъ.

Презорство (III, 148) — Презрѣніе, пренебреженіе:

— Кто не вознегодуетъ о гордомъ *презорствѣ* (Ѳеоф. Прокоп.).

Не дай врагамъ возвеселиться
 Неправедной враждой своей,
 Не дай *презорствомъ* возгордиться
 И помизаніемъ очей.

Забобоны (III, 2) — Бредни, сказки, по большей части основанныя на суевѣрїи и недостойныя вниманія умнаго чело-
вѣка:

— Сей ли путь спасенія, яко помраченъ *забобонами*, не знаешь,
 что ты долженъ еси Богу, государю, отечеству? (Ѳеоф.
 Прокоп.).

Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
 Которые писалъ;
 Смѣялся *забобонамъ*.

Лыва (III, 1342—1343) — Густой, частый, на болотѣ. вырос-
шій лѣсъ:

Изъ *лывъ* густыхъ выходитъ волкъ.

Жаль (II, 1038) — Тоже, что *жалость*:

О коль велико въ немъ движеніе сердечно,
 Геройство, рвеніе, досада, гнѣвъ и *жаль*.

Затѣя (III, 20) — (*простон.*) Затѣйливый чело-вѣкъ, затѣйщикъ;
 во множ. числѣ — выдумки, вымыслы:

Всѣхъ прїятностей *затѣи*
 Въ подбородокъ умѣсти.

Сказуюся (III, 382—383) — Въ *просторѣчїи* берется вмѣсто:
 подаю голосъ, откликаюсь или голосомъ своимъ даю узнать,
 кто я таковъ:

Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
 Что черезчуръ перемудрилъ,
 Въ полахъ и въ рукавахъ связался
 И волчьимъ голосомъ *сказался*.

Изъ общаго числа примѣровъ, взятыхъ изъ произведеній ^т нашей литературы прошлаго столѣтiя, болѣе $\frac{9}{10}$ приходится на долю Ломоносова и менѣе $\frac{1}{10}$ на всѣхъ другихъ писателей. Даже такому крупному представителю недавней эпохи, какъ Сумароковъ, отведено слишкомъ мало мѣста. Удивленный такимъ незаслуженнымъ равнодушиемъ, кн. Щербатовъ спрашивалъ: изъ чего же сдѣланы наши сердца, если надъ ними не производятъ «чувствiя» творенiя Сумарокова? ²⁹⁾ Хотя академiя и признала необходимымъ отдать «справедливость и другимъ писателямъ российскимъ, а наипаче Александру Петровичу Сумарокову» и поручила сдѣлать выборъ изъ «творенiй сего знаменитаго писателя» ³⁰⁾, но все-таки въ словарѣ академiи приведено изъ сочиненiй Сумарокова примѣровъ въ тридцать разъ менѣе, нежели изъ Ломоносова. Вопреки мнѣнiю кн. Щербатова, сочлены его не рѣшались поставить Сумарокова на одну высоту съ Ломоносовымъ. Такой взглядъ надолго утвердился у насъ, что можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго отзыва въ первомъ опытѣ исторiи русской литературы: «Слогъ новый, образованный Карамзинимъ, но очищенный отъ пятенъ, которыми хотѣли его украсить подражатели сего прозаика, сдѣлался господствующимъ образцемъ въ русскомъ языкѣ: обороты славянскiе, *выраженiя Сумарокова, слова дикiя* и составленныя по прихоти удаляются, какъ уродливые вымыслы Тредьяковскаго и его братiи удалились отъ пламенника, которымъ, въ половинѣ XVIII столѣтiя, Ломоносовъ освѣтилъ темную дотолѣ храмину нашей словесности» ³¹⁾.

Для поясненiя словъ, которыя отмѣчаемъ курсивомъ, приведены въ словарѣ российской академiи слѣдующiе примѣры изъ произведенiй русскихъ писателей:

СУМАРОКОВЪ.

- *Признаніе* вины къ прощенію успѣхъ:
Кто плачетъ о грѣхѣ, тотъ чувствуетъ свой грѣхъ (III, 98).
- Безсмертный тварей обладатель,
Правитель неба и земли,
Всея вселенныя *Создатель* (III, 70).
- Не *отъиценосецъ* я въ великолѣпномъ градѣ. (I. 1001).
- Я буду дѣлать тѣ, что *долгъ* повелѣваетъ. (II. 717).
- За *дерзость* будешь тамъ ты мучиться во вѣки. (II. 631).
Онъ палъ къ намъ въ руки, мы *желѣзо* извлекли:
Багрянныя струи стремительно текли. (II. 1100).
- О вы, которые стремитесь на Парнасъ,
Нестройнаго *судна* имѣя грубый гласъ. (II. 422).
- Неваженъ черни шумъ...
Ихъ *лай* разноситъ вѣтръ, исчезнетъ онъ. (III. 1145).
- Коль истины святой начальники не внемлютъ,
И, *беззаконниковъ* не наказуя, дремлютъ;
На что законъ?
Иль только для того, чтобъ былъ написанъ онъ? (III. 12 — 13).
- Во гнѣвѣ чловѣкъ лютѣйшій самый *зверь*. (III. 35).
- *Роптанье* на тебя злочестные сугубятъ. (V. 162).
- *Танцовщикъ* ты — богатъ, профессоръ ты — убогъ:
Конечно, голова въ почтеньи меньше ногъ. (VI. 25).
- Великій чловѣкъ, великій господинъ,
Какъ кто ни говори, есть *титулъ* не одинъ.
Великій господинъ — кто чинъ большой имѣетъ,
Великій чловѣкъ — кто много разумѣетъ:
Великій господинъ Локъ не былъ въ весь свой вѣкъ,
Ни конь Калигуловъ — великій чловѣкъ. (VI. 129).
- *И лжеучители* разсѣяли *развратъ*. (I. 912. — VI. 469).
- Яко *дерзостный* орель,
Выше облакъ возлетѣлъ. (II. 631 — 632).
- Премѣны счастья суть свойства *здѣшня* свѣта: (III. 47).

- Слепой въ сраженіе вступилъ со *зрячимъ*. (Ш. 133).
- Пораженъ *презлмною* тоскою. (Ш. 173).
- Что сей лѣсъ тѣсенъ былъ, нечистъ,
И вѣдали они, что онъ и не *зайчистъ*. (Ш. 22).
- Великій государь! смущается народъ,
И всѣ *волнуются*, какъ бурей токи водъ. (I. 766).
- Намъ мнится все добро, что *зримъ* въ себѣ самихъ. (Ш. 131).
- Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ,
И всѣ свои на ней уставы *созидаетъ*. (Ш. 69).
- Намѣрилася черепаха,
Изъ царства русскаго, *зываютъ*:
Въ пути себѣ не видя страха,
Въ Парижѣ хочетъ побывать. (Ш. 170).
- *Покорствуете* ли предписанной судьбѣ. (Ш. 850).
- *Изобличающа* мя совѣсть умолкаетъ. (Ш. 1201).
- Не возвращаются *назадъ* къ истокамъ воды,
Ни къ намъ прошедшіе молодые наши годы. (Ш. 7).
- Жена была остра, и съ мужемъ *зубъ за зубъ*. (Ш. 161).
- Когда питье мы шумно
За здравіе излишно *ъемъ*,
Какую дѣлаемъ другому пользу тѣмъ?
Въ томъ суетно ему здоровья ожидаемъ:
Свое лишь только повреждаемъ. (Ш. 43).

Простонародн.

- *Зубатъ* и я, да я жъ еще рога имѣю,
Ногъ столькожъ и у пса, коль я считать умѣю. (Ш. 164—165).
- *Здорово*, братъ! сказалъ осель когда-то льву. (Ш. 46).

ПЕТРОВЪ.

- Межъ тѣмъ на горизонтъ заря восходитъ,
И смертныхъ бдѣнія и тьмы *заботъ* возводитъ. (Ш. 3).
- *Законъ*, любовь который пишетъ,

- Сердце удобенъ быть царемъ;
Законъ, одна гдѣ строгость дышетъ—
 Несосенъ смертному яремъ. (Ш. 9).
- Въ *зарю* побѣдъ одѣясь нову,
 Красуйтесь voi и вожди;
 Какъ львы почійте послѣ лову —
 Корысти многи вамъ впреди. (Ш. 17).
- Шагами радости въ пещерѣ путь измѣря,
 Взираетъ съ жадностью народъ на *полузвѣрѣ*. (Ш. 37).
- Объемлетъ *зрѣніемъ* всю моря широту. (Ш. 132).
- Коль добры кони тѣ и каковыхъ *признаковъ*? (Ш. 102).
- Отъ низпадушихъ стрѣлъ скрываясь подъ щитами,
 Десными за *зубы* хватаются руками. (Ш. 163).
- Коль скоро *звонкія* услышатъ гласъ трубы. (Ш. 26).
- Сынъ роскоши и нѣгъ, одѣянъ въ свѣтлый санъ —
 Ничто, какъ во *златомъ* окладѣ истуканъ. (Ш. 78).
- Кровавый тамъ раздоръ, не внемля смысла гласу,
 Свирѣпствуетъ, главу трясущій *змѣвласу*. (Ш. 90).
- Въ пещерѣ здѣсь Церберъ, стражъ
 Грозныхъ въ Тартаръ вратъ,
 Лежитъ и полнитъ весь *тризвѣчнымъ* лаемъ адъ. (Ш. 171).
- Повѣдать ли, народъ какъ мучимъ былъ и рванъ,
 И како *звѣрствовалъ* піющій кровь тиранъ. (Ш. 37).
- Стоялъ и *озиралъ* насъ быстрыми глазами. (Ш. 143).

ХЕРАСКОВЪ.

- Доспѣхи воинства подобятся *зарнищю*. (Ш. 18).
- Не злато расточать, не *зданіямъ* дивиться,
 Придутъ къ ней цари, но царствовать учиться. (Ш. 67).
- Лѣнивою ногой къ намъ счастье приходитъ;
 На крыльяхъ *зло* летитъ и горести наводитъ. (Ш. 82—83).
- Какимъ превратностямъ подверженъ *длинній* свѣтъ!

- Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ. (Ш. 47 — 48).
- Тамъ паству тучную луга являютъ *злачны*. (Ш. 76).
- Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой;
Ни пашни тучныя, ни жатвы нѣтъ *златой*. (Ш. 78).
- Молва *звучащую* трубу въ рукахъ имѣтъ. (Ш. 30).
- Уже небесное горящее свѣтило
Ордынскія поля и горы *озлатило*. (Ш. 79).
- Межъ вѣтвей *зрѣлися* лазурны небеса. (Ш. 131).
- Куда его копье и мечъ ни устремится,
Вездѣ копье и мечъ перуномъ становится. (Ш. 48).
- Примѣръ *Призыванія*:
О ты, летающій превъше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ. (Ш. 122).

КОСТРОВЪ.

- Но прежде, какъ узрю тебя влекому въ плѣнь,
Да буду глыбами *земными* покровень. (Ш. 56).
- Я *духомъ зрю* грядуще оно время. (Ш. 131).

ЕКАТЕРИНА.

- Исторія есть слово греческое; оно значитъ *дни* или дѣянiя.
(Записк. Росс. Ист. I. 1). II. 887.
- *Законъ*, или уложенiе древнее руское, довольно древность
письма въ Руссiи доказываетъ. (Зап. кас. Росс. Ист.).
III. 10.
- Болѣе мудрости и смысла замыкается въ *созиданiи*, нежели
въ разрушенiи (Зап. кас. Росс. Ист.). III. 70.
- *Земля* наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ: при-
дите владѣти нами (Зап. кас. Росс. Ист.). III. 53 — 54.
- Великая княгиня Ольга жила въ Кiевѣ и управляла дѣла *зем-
скiя*. (Зап. касат. Ист. Росс.). III. 57.

ФЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

- Сей ли путь спасенія, яко помраченъ *забобонами*, не знаешь, что ты долженъ еси Богу, государю, отечеству? (III. 2).
- Егда самымъ твоимъ *лицезрѣніемъ* увеселяемъ, ощущаемъ въ себѣ радостное нѣкое движеніе. (III. 132).
- Въ его лицѣ, аки въ *зерцалѣ*, самого тебе видѣли мы. (III. 135).
- Симъ дѣломъ *прознаменова* Господь, яко апостольская ловитва не имѣла держатися при Іудеи. (III. 108).
- Се очима *зриши*, егоже умомъ твоимъ разсмотрѣвалъ еси. (III. 130).

КНЯЖНИНЪ.

- *Грущу* отечества драгова отчужденный. (Трагед. Рославъ).
II. 386.

КН. ДАШКОВА.

- *Природа* въ свѣтъ тебя стараясь произвестъ,
Дары свои на тя едину *истощила*,
Чтобы на верхъ тебя величества возвестъ,
И награждая всѣмъ, она насъ наградила. (V. 48 — 49. и
VI. 225 — 226).
- Кто любитъ *таканье* и слушаетъ льстеца,
Тотъ хуже всякаго бываетъ подлеца. (Собесѣд. ч. I, стр. 21).
VI. 19.
- Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно;
Тутъ всѣ поклонятся — и умный, и дуракъ,
И скажутъ не стыдятся: конечно, сударь, *такъ* (Собес. ч. I.).
VI. 18.

К. Д.

- Чтобъ въ томъ увѣриться, что *жизнь* полна бѣдами,
Что внутренней борьбы конца страшимся сами. (Перевод.
изъ Лукіана). II, 1122.

- Мы купно съ ней счастливы будемъ,
Лестницы свой ядъ прочь отвратятъ,
 И тотъ уставъ навѣкъ забудемъ,
 Что лесть одну монархи чтятъ. (Стихи къ Ея Величеству).
 III, 1178.

ПРЕОСВ. ПЛАТОНЪ.

Прежде конца никого ублажать и никого *окаяти* не должно
 (На Лазарево воскресеніе). III. 487.

Н. ПОПОВСКИЙ.

..... Пусть я *брусу* въ томъ подобень,
 Желѣзо что остритъ, самъ рѣзать неспособень (Письм. о
 стих.). I. 354.

М. ПОПОВЪ.

Всякъ *жизтьемъ* своимъ *скучаетъ*,
 И судьбинѣ докучаетъ:
 Для чего я не богатъ? (Досуги). III. 1103. — и II. 1145.

ИЗЪ СОБЕСѢДНИКА.

- Парижская жь *бряница* получше русской *бряни*
 Достойна налагать на дамъ російскихъ дани. (Т. XI. стр. 25).
 II. 778.

ИВ. ИВ. ШУВАЛОВЪ.

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ *витію*. (I. 1032).

БЕЗЪ ОЗНАЧЕНІЯ АВТОРОВЪ:

- О *вѣстникъ* счастья вождельнный
 Для насъ и будущихъ родовъ! (I. 1072).
 — Мѣста, мѣста дражайшія,

Свидѣтели утѣхъ моихъ. (I. 690).

— *Красоткой* всѣ меня зовутъ:

Мнѣ надобно подумать тутъ. (III. 908).

— Сыну глупому не помощь богатства,

Аще не купить мудрости *изрядства*. (V. 286).

— Доколѣ дряхлость обращаться.

Не *возбранитъ* моимъ устами. (I. 321).

— *Бъжитъ* въ свой путь съ весельемъ многимъ.

По холмамъ грознымъ исполнишь. (I. 412).

— Всѣ цвѣты твои *повяли*,

И пріятности пропали. (I. 1138).

— Что всеу добрыхъ мнѣ, сказалъ, сыновъ *убить*? (II. 418).

— *Лишь* только занялась заря,

И солнце вверхъ взошло, горя. (III. 1228).

IV.

Собирая матеріалы изъ различныхъ источниковъ, составители словаря обращались и къ произведеніемъ устной словесности — къ пословицамъ и поговоркамъ. Само собою разумѣется, что во взглядѣ на этого рода источники и въ способѣ ими пользоваться выразились, въ большей или меньшей степени, тогдашнія литературныя понятія вообще. Въ словарѣ россійской академіи находимъ слѣдующія опредѣленія:

— *Пословица* — Краткое и по большей части иносказательное изреченіе, содержащее въ себѣ *нравоученіе*: «Пословицы содержатъ въ себѣ изрядное *наставленіе*» (V, 541).

— *Поговорка* — Такъ называется извѣстный образъ вѣщанія, заключающаго въ себѣ *острый* и *нравоучительный* смыслъ, напримѣръ: «Дай Богъ память» (II, 152).

— *Присловица* — Поговорка, въ краткихъ словахъ заключающаяся, напримѣръ: «Ни дать, ни взять» (V, 543).

Различіе между этими терминами не выдержано съ строгою

последовательностью. Иногда одинъ и тотъ же примѣръ приводится то подъ названіемъ *пословицы*, то подъ названіемъ *поговорки*.

Въ первоначальномъ начертаніи, или планѣ, словаря предположено было исключить всѣ *длиныя* пословицы и присловицы. Болтинъ возразилъ на это, что краткость не есть достоинство, и что пословицы, коротки ли они или длинны, надо вносить въ словарь, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ что-либо неблагопристойное, или «не имѣютъ устройства въ слогѣ, для пословицъ потребнаго», или наконецъ вовсе не имѣютъ никакого смысла³³). Выслушавъ мнѣніе Болтина, академическое собраніе постановило: «Пословицы тѣ токмо должны имѣть въ словарѣ мѣсто, коихъ знаменованію можно дать ясную и довольную причину; тѣ же, коимъ довольной причины привести не можно, предоставить особливому пословицъ собранію»³³). Въ концѣ концовъ академія порѣшила такимъ образомъ: «Никакой по истинѣ языкъ не можетъ равняться обиліемъ пословицъ, присловицъ и поговорокъ съ языкомъ російскимъ; но какъ многія изъ нихъ *низки*, а нѣкоторыя и *неблагопристойны*, то академія приняла *больше* такія, которыя *кратки*, заключаютъ въ себѣ *острый смыслъ* или *ясное нравоученіе*»³⁴).

Приводимъ пословицы, поговорки и т. п., съ тѣми названіями и въ томъ видѣ, какъ находятся они въ словарѣ російской академіи. Слова, при которыхъ они помѣщены, печатаемъ курсивомъ:

Пословицы.

Богъ далъ, Богъ и взялъ (*взято изъ Свящ. писанія*). I. 248.

Богу молись, а самъ не плошись. I. 249.

Воля и добру жену портить. I. 823.

Бѣда глупости сосѣдъ. I. 429.

Кто въ *грѣхъ*, тотъ и въ отвѣтѣ. } II. 395.

Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. }

На *грѣхъ* мастера нѣтъ. II. 395 — 396.

Сказано на *глумъ*, а ты бери себѣ на умъ. II. 96.

Отъ *навалу* люди разживаются. I. 473. (Безъ объясненія).

Болтънъ входитъ пудами, а выходитъ золотниками. I. 280.

Невидадь корову купиль, будетъ ли на лѣто трава. I. 676.

Дурака учить, что мѣртваго лѣчить.

Дураку законъ не писанъ.

Дураку и въ алтарѣ не спускають.

} II. 799.

Не купи дому, купи *сосѣда*. V. 1042.

Конь о четырехъ ступняхъ, да и тотъ спотыкается. III.

783.

Волку зима за обычай.

Сколько *волка* ни корми, а онъ къ лѣсу гля- } I. 811—812.
дитъ.

Одна паршивая *овца* все стадо перепаршивить. IV. 611.

Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки. III. 880.

Воронъ *ворону* глаза не выключетъ. I. 854.

Два *чиренка* — тотъ же утенокъ. IV. 777.

Артель атаманомъ крѣпка. I. 48.

Глазами пива не выпьешь.

Глаза да мѣра, то прямая вѣра. } II. 67—68.

Глазъ видитъ, да зубъ нейметъ. II. 68 и III. 161.

Даровому коню въ *зубы* не смотрятъ. III. 161.

По которой *водѣ* плыть, ту и воду пить.

Не плюй въ колодезь: случится *водицы* испить.

Тихая *вода* берега подмываетъ.

Обожжешься на молокѣ, станешь и на *воду* дуть. } I. 793.

Куй *жельзо* пока горячо. II. 1101.

Гора съ *горю* не сойдется, а человекъ съ человекомъ столкнется. II. 231.

Не копай надъ другомъ *ямы*: самъ въ нее скорѣе попадешь. VI. 1045.

Два медвѣдя въ одной *берлогѣ* не уживутся. I. 133.

Дорога *борозда* къ агону. I. 313.

- Не измѣря *броду* сунуться въ воду. I. 330.
 Отъ *берегу* отсталъ, а къ другому не присталъ. I. 126.
 Соловья *баснями* не кормятъ. I. 114.
 Славны *бубны* за горами. I. 366.
 Смотри по *берду*, не будетъ ли близіонъ. I. 122.
 Взявшись за *ужь*, не говори, что не дюжь. II. 424.
 Попалъ какъ сомъ въ *вѣршу*. I. 658.
 И я въ полѣ не *объвокъ*. V. 1075.
 Или *корень* вонъ, или *полонъ* дворъ. III. 816.
 Своя *ноша* не тянетъ. IV. 488.
Рубашка ближе къ тѣлу. V. 192.
 По *одежкѣ* протягай ножки. II. 862.
 Смиренье молодцу *ожерелье*. II. 1111.
Браги частыя, а руки одинакія. I. 310.
 Послѣ ужина *горчица*. II. 259.
 Первый блинъ, да и тотъ *комомъ*. III. 765
 На языкѣ *медокъ*, а на сердцѣ *ледокъ*. III. 1159.
Клинъ *клиномъ* выбивать. III. 612.
 Легко около *костра* щепы брать. III. 865.
 Не боги *горшки* обжигаютъ, — тѣ же люди. II. 259—260.
Горшокъ котлу упрекаетъ, а оба черны. II. 260.
 Для *глухаго* двухъ обѣденъ не поютъ. II. 90.
 Сытый *олодного* не разумѣетъ. II. 186.
Бережливато коня и звѣрь въ полѣ не бьетъ. I. 124.
Видимый рокъ какъ *ножемъ* въ бокъ. I. 677.
Бодливой коровѣ не даетъ Богъ рогъ. I. 265.
Блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ. I. 230.
 Гдѣ *волчій* ротъ, гдѣ *лисій* хвостъ. I. 812.
 Подъ *лежачъ* камень и вода не идетъ. III. 1163.
Живетъ, только небо коптитъ. }
Живетъ, какъ бы день къ вечеру. } II. 1143.
Звали на честь, а посадили на печь. III. 113.
Говори на волка, *говори* и по волкѣ. II. 142.
Береги денежку на черный день. I. 123.

Тише *идеши*, далѣ будешь. VI. 975.

Ожжешься на молочкѣ, будешь дуть и на воду. (Ср. I, 793:

Обожжешься на молокоѣ, станешь и на воду дуть). II. 1072.

Повадилса кувшинъ по воду ходить, на томъ ему и голову положить. I. 461.

Тѣ же щи *переваривать*. I. 503.

Свои собаки *грызутся*, чужая не приставай. II. 390.

Чужую кровлю *кроетъ*, а своя каплетъ. III. 981.

Отольются волку коровьи слезы. III. 1238.

Ни шатко, ни *валко*. I. 466.

Споръ до слезъ, а *объ закладъ не бейся*. I. 176.

Пословицы престонародныя.

Голова — что шабала, а ума ни на нитку. II, 179.

Не рада баба *новою*, рада покою. I, 739.

Не ставъ сѣни *булдыремъ*. I, 380.

Присловицы.

Благому благо. I, 213.

Гдѣ *итъез*, тутъ и милость. II, 134.

Безъ *причины* вѣка не изживешь. VI, 770.

Въ *глазахъ* деревня сгорѣла. II, 67.

Какъ *варомъ* поварило. I, 494.

Что городъ, то норовъ; что деревня, то *обычай*. I, 940.

Дальные *проводы* — лишнія слезы. I, 556.

Барышиз съ накладомъ на однихъ саняхъ ѣздятъ. I, 107.

Въ *мутной* водѣ хорошо рыбу ловить. IV, 331.

Даровому коню въ зубы не смотрятъ. II, 336.

На смирнаго Богъ нанесетъ, а рѣзвый самъ *набъжитъ* (безъ объясн.). I, 421.

Говори, да назадъ оглядывайся. II, 142.

Ни дать, ни *взять*. I, 134.

Ни вздумать, ни *вздатъ*. II. 5.

Переводы переводить. I, 546.

Присловица въ просторч. употр.: Онъ и водою не помутитъ.
IV, 335.

Родъ присловицы: Сѣро, да збойливо. I, 190.

Поговорки.

Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ. V, 232.

Безъ *притчи* вѣка не изживешь (= посл.: Безъ *причины* вѣка не изживешь. VI, 770). II, 1154.

Зовъ — дѣло велико. III, 114.

Ждетъ, какъ *воронъ* крови. I, 855.

Блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ *заяцъ* (= посл. I, 230)
III, 21.

Береги денежку на черный *день*. II, 578.

У него послѣдняя копейка *ребромъ* скачетъ. V, 106.

Всякая *погудка* за хлѣбомъ хороша. II, 424.

На *сусть* пива не узнаешь. V, 973.

Про одни *дрожжи* не говорятъ трюжди. II, 758.

Не ударь себя лицомъ въ *грязь*. II, 410.

Тотъ тужи, у кого ременные *гужи*. II, 424.

Живой *живое* и мыслить, или думаетъ. II, 1127.

У *голоднаго* хлѣбъ на умѣ. II, 186.

Сытый, голоднаго не разумѣетъ (= посл. II, 186) V, 1020.

У него языкъ *дологъ*. II, 708.

Стерпится — слюбится. VI, 107.

Хоть ѣсть нечего, да *жить* весело. II, 1144.

Рука, нога не *отвалится*, когда работать будешь (безъ объясн.)
I, 474.

Масть къ масти *подбирается*. I, 152.

Не *клади* пальца ему въ ротъ. III, 554.

Быть такъ, коли *помѣтилъ* дякъ. IV, 433.

Говоритъ какъ книга, или: какъ по книгѣ. II, 142.

Какъ на огнѣ *горитъ*. II, 262.

- Что въ ротъ, то и *глотъ*. II, 87.
 Мягко стелеть, да *жестко* спать. II, 1113.
 Ни *шатко*, ни *валко* (= посл. I, 466) VI, 858.
Тяпъ — ляпъ, да и *клетка*. VI, 404.
 Изъ *дивъ диво*. II, 663.
Бобыль бобылемъ. I, 244.
 Съ *боку* припека. I, 267.
 Всею *варею*, или: Со всей *вари*. I, 496.
 Не *мытъемъ*, такъ *катаньемъ*. IV, 282.
 Ни *думано*, ни *гадано*. II, 4.
 Ни *дать*, ни *взять*. II, 478.
Вожу кого за носъ. I, 521.
Жить вмѣстѣ и умереть вмѣстѣ. II, 1143.
 Сказать не за *глаза*, въ *глаза*. II, 65.
Принять въ тупикъ, что некуда ступить. II, 222.
 Взять съ *бою*. I, 181.
Сонуть кого въ дугу. II, 129.
Обуть кого изъ сапоговъ въ лапти. I, 736.
 Обѣщать *золотыя* горы. III, 81.
 Первую пѣсенку *зардѣвшись* спѣть. V, 105.
 Попалъ на *зубы*. III, 162.
 Какъ на *положенное*. III, 1277.
Простонародн.: У нихъ *дымъ* коромысломъ. II, 847.
 Какъ на *лѣсъ* *взглянетъ*, такъ *лѣсъ* *вянетъ*. II, 101.
Родъ простонар. поговорк.: Какъ рукою *сняло*. II, 1006.
Древн.: Не *думалъ*, не *гадалъ*. II, 789. — «Не думали есмь на брата своего Луку, что его убити; ни засылали есмь на него». (Древн. Лѣтоп. I, 170).

Поговорки въ просторѣчїи употребляемыя.

- Не *житье* а *масленица*. II, 1145.
 Какое въ *колыбельку*, такое и въ *могилку*. IV, 203.
 Время *переходчиво*. III, 261.

Перевернуть что на свой салтыкъ. I, 649.

Поговорка въ просторнч.: Этотъ товаръ ходитъ въ *сапогахъ*. V, 339.

Примоворка: Какъ ни зови, только хлѣбомъ корми. III, 112.

Изреченіе: *Зеленъ* виноградъ, не сладокъ, младъ умъ не крѣпокъ. III, 49.

Образъ вѣщанія, въ простор. уотр.: *Булавка въ голову*. I, 379.

Пословицы, поговорки и т. п., приводимыя въ словарѣ, сопровождаются обыкновенно толкованіемъ ихъ смысла, какъ на примѣръ:

— *Богу молись, а самъ не плошись* — Пословица, изъясляющая, что всякъ, моля Бога о помощи, къ служенію, къ званію своему всѣми силами прилежать долженъ (I, 249).

— Пословица: *Бѣда глупости сосѣдъ*, т. е. несчастія приключаются болѣе отъ нашего неразумія, нерадѣнія, оплошности (I, 429).

— Пословица: *Видимый рокъ, какъ ножемъ въ бокъ*, означающая: Кто вдается въ очевидную опасность, тотъ неминуемо подвергнетъ себя напасти, гибели (I, 677).

— Пословица: *Отольются волку коровьи слезы* — За притѣсненіе безсильнаго, невиннаго, когда-нибудь послѣдуетъ сильному воздаяніе (III, 1238).

— Пословица: *Тихая вода берега подмываетъ* значить: Тихій и скромный человѣкъ по наружности опаснѣе того, который скоръ и откровененъ (I, 793).

— Пословица: *Не ставь наши сны буддыремъ* — Не почитай меня, не думай обо мнѣ, хуже другихъ (I, 380).

— Присловица: *Переводы переводить*, значащая смучать выносными изъ дому въ домъ рѣчами, вѣстями, переговорами (I, 546).

— Присловица: *Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость* — Кто, гнѣваяся, приѣмлетъ извиненія, того гнѣвъ неопасенъ, отъ того можно надѣяться милости (II, 134).

— *Стро, да збойливо* — Родъ присловицы, относительныя къ черни, которою означается, что и въ сѣромъ зипунѣ, то есть въ подломъ платьѣ, бывають иногда хитрые и проницательные люди; и для того не должно по простотѣ платья судить о умѣ (I, 190).

— Поговорка: *Всею варю* или *Со всей вари*, употребляемая къ означенію, когда кто ударится, упадетъ всѣмъ тѣломъ (I, 496 — 497).

— Поговорка: *Стерпится* — *слабится*: Кто одно или другое какое прискорбіе, отъ другихъ причиненное, терпѣливо переноситъ, тотъ послѣ не имѣетъ причины въ томъ раскаиваться (VI, 107).

— *Тотъ тужи, у кого ременные тужи* — Поговорка, означающая: Богатый заботься, чтобъ не потерять имѣнія, а бѣдному потерять нечего (II, 424).

— *Булавка въ голову* — Образъ вѣщанія, въ просторѣчїи и въ смыслѣ переносномъ употребляемаго о человѣкѣ нѣсколько пьяномъ: «Онъ весьма здорливъ, какъ скоро есть у него *булавка въ голову*» (I, 379), и т. д.

V.

Независимо отъ выбора словъ и выраженій изъ различныхъ источниковъ: изъ книгъ церковныхъ, изъ произведеній нашихъ писателей и т. п., въ словарѣ находится множество примѣровъ изъ языка разговорнаго, т. е. такого, какимъ говорили въ концѣ восемнадцато столѣтія, преимущественно въ образованномъ обществѣ того времени. Очевидно, что подобнаго рода примѣры большею частію придумывались въ академическихъ собраніяхъ, въ которыхъ разсматривались всѣ матеріалы для составленія словаря:

— Во множественномъ числѣ *Бумаги* означаютъ всякія письменныя дѣла: «Я не могу отыскать вашего письма; не знаю, куда оно въ *бумагахъ* засунулося. Какое множество у васъ *бумагъ*» (I, 382).

— *Коса* — Орудіе, изъ широкой желѣзной острой пластины состоящее, къ концу остроконечное, нѣсколько загнутое, на древноко насажденное; употребляемое для подрѣзыванія травы, овса и проч.: «Острая *коса*. Точить *косу*. Косить траву *косю*. Въ древности употребляли на браняхъ колесницы, вооруженныя *косами*. Стихотворцы и живописцы представляютъ время и смерть съ *косю*» (Ш, 856—857).

— *Переимчивость* — Даръ, способность понимать, перенимать: «*Переимчивость* ученика доказываетъ его остроту» (Ш, 978).

— *Воженье* — Рѣзвость, непомѣрное игранье, шалость съ шумомъ: «Что за *воженье* у васъ? Перестаньте шалить» (I, 568).

— *Пробѣгиваю* (простонародн.) — Прогуливаю, пролытываю, лишаюсь чего по причинѣ гулянья, отсутствія, бѣгання: «Товарищи твои получили свою награду, а ты-то *пробѣгалъ*» (I, 426).

— *Изволочиться* — Относительно къ дѣламъ любовнымъ, значить худѣть, лишиться силъ, здоровья: «Молодой человѣкъ совсѣмъ *изволочился*» (I, 774).

— *Ворожусь* — Требую у ворожеи въ какомъ-нибудь обстоятельствѣ помощи, или разрѣшенія въ какомъ-либо сумнѣніи: «Сколько ни *ворожился*, однако ни малаго успѣха не получилъ» (I, 874).

— *Отдаю* — Препоручаю, предаю: «Я все *отдаю* на вашу волю, на ваше благоразсмотрѣніе. Я сіе *отдаю* на судъ честныхъ людей» (Ш, 498).

— *Прихожу во что* — Употребляется иногда для означенія переменны состоянія лица или вещи: «Дѣла его *пришли* въ худое состояніе. Науки временемъ и постепенно *приходили* въ совершенство. *Прити* въ разслабленіе, въ сердце, въ гнѣвъ, въ бѣшенство, въ ярость. Отъ вѣсти сей *пришли* всѣ въ изумленіе, въ удивленіе» (Ш, 262), и т. д.

ствовавшимъ членамъ конецъ *аналогической печатной росписи словъ*, по чину азбучному расположенной»³⁸⁾, а въ августѣ 1794 года состоялось опредѣленіе выдать нѣкоторымъ академикамъ «по одному экземпляру словаря словопроизводнаго и, *буде отыщется*, по одному экземпляру *таблицы аналогической* для употребленія при сочиненіи аналогическаго словаря»³⁹⁾.

Въ составленной Анастасевичемъ росписи книгъ библіотеки Смирдина указаны «*Аналогическія таблицы славено-россійскаго словаря*; издано академіею наукъ. 5 частей. Въ т. академіи наукъ. 1781 г. (4). 50 р.»⁴⁰⁾. Но всѣ разысканія о книгѣ съ подобнымъ заглавіемъ оказываются напрасными. О ней не упоминается и въ замѣчательномъ библиографическомъ трудѣ Бакмейстера *Russische Bibliothek*. Книги или книгъ съ приведеннымъ заглавіемъ нѣтъ ни въ императорской публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ академіи наукъ, куда поступили книги и рукописи россійской академіи. Приходится допустить, что указаніе Анастасевича несовсѣмъ точно; изданіе *россійской академіи* приписано *академіи наукъ*, и годъ изданія означенъ невѣрно: въ 1781 году россійской академіи еще не существовало, и аналогическія таблицы выходили постепенно съ 1784 по 1787 годъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что они составляютъ величайшую библиографическую рѣдкость. По счастью, одинъ изъ экземпляровъ аналогической росписи—первообраза словаря россійской академіи сохранился въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ⁴¹⁾.

Румянцовскій экземпляръ состоитъ изъ пяти частей, въ четвертую долю большаго листа, т. е. такого же формата, какъ и словарь россійской академіи. На корешкѣ надпись: *Analyticae tabulae russae*. На первой части вовсе нѣтъ заглавія; всѣ остальные части озаглавлены *Аналогическими таблицами*: *Аналогическія таблицы Часть II*; *Аналогическія таблицы Часть III*, и т. д. На внутренней сторонѣ нижней обертки первой части написано: «Предварительный, или приуготовительный Россійскій словарь, съ коего составляемъ былъ Словарь императорской россійской академіи, заключающій въ себѣ самое полное собраніе

словъ, каковаго доселѣ еще не было, и могущій служить руководствомъ къ сочиненію словарей съ иностранными языками». Изданіе это есть безспорно то самое, о которомъ говорится въ архивныхъ источникахъ, какъ объ основѣ и первообразѣ словаря российской академіи. Очевиднымъ доказательствомъ служитъ одинаковое число страницъ, занятыхъ одними и тѣми же буквами. Въ собраніи академіи, въ ноябрѣ 1786 года, заявлено было, что уже отпечатанныя «три части таблицы аналогической, кончащіяся съ буквою *П*, составляютъ 1769 четвертныхъ страницъ, въ два столбца»⁴²⁾. Въ Румянцовскомъ экземплярѣ: въ первой части 871 страницъ; во второй—422; въ третьей, заключающей въ себѣ букву *П*—476; итого—1769 четвертныхъ страницъ.

Въ аналогическихъ таблицахъ слова помѣщены въ такомъ видѣ и въ такомъ порядкѣ:

— *Одолмый, ая, ое.* — *Одолъваемый, ая, ое.* — *Одолъваю, ешь, вать, лтъ.* — *Одолъніе, нія, ср.* — *Одолънъ, нный, ая, ое.* — *Одолътель, ля, м.* — *Одолътельный, ая, ое.* — *Одраніе, нія, ср.* — *Одранный, ая, ое.* — *Одровый, ая, ое.* — *Одръ, дра, м. сл.* — *Одръ—на чемъ мертвыхъ выносятъ.* — *Одрялльваю, ешь, вать, хлтъ.* — *Одрялльмый, ая, ое, и т. д.*

Большая часть словъ напечатана безъ всякихъ объясненій:

— *Обморѣкъ* (приписано: *évanouissement*). — *Доступокъ.* — *Пѣтрость.* — *Потрѣхъ.* — *Отгада.* — *Недомовитка.* — *Нѣмтьеръ.* — *Запрометчивъ.* — *Оковидно.* — *Очевидно.* — *Отдосуживаюсь.* — *Иностранствую.* — *Лазію, ешь, зать.* — *Нѣмью.*

— *Туфель, фля, м.* — *Фершелъ.* — *Ярмонка.* — *Типографчикъ, Типографчикій, и т. д.*

— *Кто бъ ни былъ.* — *Хны, хны.*

Въ словарь, т. е. въ аналогическія таблицы, внесены и собственные имена:

— *Азвакумъ.* — *Аверкій.* — *Андреянъ* (простонародн.), и т. д.

Опредѣленія словъ въ такомъ родѣ:

— *Огромъ* — Великолѣпность. — *Дыхавица* — Немошь. — *Припоказъ* — см. Примѣръ.

— *Простыня* — см. Большой простакъ (приписано: *piгаud*).

— *Чпакъ* — Кишеня, мѣшокъ, лядунка, карманъ.

— *Шлыкъ* — Бабы деревенскія носятъ подъ кокошникомъ.

— *Черезъ* — Денежный мѣшокъ, который вмѣсто пояса носятъ.

— *Нащока* — На худомъ мѣстѣ у сапога или башмака пришитый лоскутъ кожи.

— *Вязка* — Наддача на купленный товаръ сверхъ настоящей цѣны или подряда.

— *Единосовременникъ* — Современникъ, въ одно время жившій или живущій.

— *Изобѣда* — Кто кому обиду, утѣсненіе наноситъ.

— *Источница* — Говорится про ту женщину, коя въ чемъ-нибудь отмѣнно искусна.

— *Исплечка* — Говорится о лошадахъ, когда она какимъ-нибудь образомъ повредитъ себѣ плечо.

— *Кладъ* — Лѣкарственный составъ для лошадей.

— *Камѣли* — Суда, на коихъ корабли чрезъ мели проводятъ.

— *Распѣрстица* — Когда пальцы такъ болятъ, что ихъ ни развестъ, ни вмѣстѣ соединить невозможно.

— *Неостарокъ* — Не слишкомъ старъ. — *Непамятокъ* — Слабъ памятью. — *Укромный* — Въ укромное мѣсто положить что.

— *Натручаю* — Печали прибавляю.

— *Позыбляюсь* — Пошатываюсь.

— *Обросняюсь* — До гола обриться.

— *Перебиваю* (приведено тринадцать значеній этого глагола):

— Разламываю что.

— Чрезъ лишекъ бью.

— Битьемъ кого одолѣваю.

— Мягкимъ дѣлаю.

— Битьемъ разравниваю.

— Гвоздь съ одного мѣста на другое переколачиваю.

— Перехватываю у кого какое дѣло.

— Съ мѣста на мѣсто что перекладываю.

— Замѣшиваю листы въ книгѣ.

— Подшучиваю.

— Мѣшаю кому говорить.

— На рынкѣ какою мелочью торгую.

— Языкъ порчу частымъ чтеніемъ или частою рѣчью.

— *На*—нарѣч., при подачѣ чево кому въ руки употреб-
ляемое: *на, на вотъ, на возми.*

— *На*—предлогъ. На вопросъ *куда* принимаетъ падежъ
винительный: *возми себѣ на дорогу.* Тотъ же пред-
логъ на вопросъ *идѣ* принимаетъ сказательный па-
дежъ: *попался мнѣ на дорогѣ.*

— *Тютю*—Голосъ изъ подзакрытія, употребляемый въ
игрѣ дѣтей.

— *Тюкъ, тукъ*—Изображеніе какого-нибудь некрѣпкого
стука, какъ то: въ часахъ боя и т. д.

Указаны слова, употребляемыя въ разнаго рода ремеслахъ
и занятіяхъ и въ различныхъ слояхъ населенія:

— *Липка*—слово, у сапожниковъ употребляемое.

— *Мостница*—слово, употребляемое у гончаровъ.

— *Наждакъ*—слово, у гранильщиковъ употребляемое.

— *Тоги*—реченіе приказное: *Перечни въ счетъ.*

— *Жилецъ*—Называется у купцовъ товаръ, который не-
скоро съ рукъ сходить.

— *Животъ*—Въ крестьянскомъ быту разумѣется чрезъ
животъ скотина, и т. д.

Слова русскія, т. е. употребляемыя въ русскомъ литератур-
номъ языкѣ, отличаются, съ одной стороны, отъ словъ славян-
скихъ, съ другой—отъ словъ простыхъ или простонародныхъ.

Къ славянскимъ словамъ отнесены:

— *Ложь*.—*Лоні* или *Лонисъ*, нар.

— *Невѣстникъ*—Брачный чертогъ.

— *Простыня*—Отпущеніе грѣховъ (приписано: *absolution*).

— *Млеко*—зри *Молоко*.—*Провижду*—Провижу, и т. д.

При многихъ словахъ отмѣчено: *прост.*, при другихъ — *простон.*, *простонар.* Простыми или простонародными словами названы:

— *Лафа́* (прост.). — *Лынтязука*, *Лынтязузъ* (прост.). — *Молодежъ* (прост.). — *Болтовня* (прост.). — *Забулдыга* (прост.). — *Кобеня* (прост.). — *Забубенный* (прост.).

— *Лабжусъ*, *зитъся*, *ватъся* (прост.). — *Насудобливаю*, *Насутиваю*, *Насутиваюсь* (прост.). — *Насандаливаюсь*, *Насутиваюсь*, *Натрескиваюсь* (прост.). — *Всхламащиваюсь* (прост.). — *Забулдыжу* (прост.). — *Кобенюсъ* (прост.). — *Прилабживаю* (прост.). — *Примаюсъ* (прост.). — *Хобочу* (прост.). — *Шмякаю* (прост.). — *Льтось* (прост.). — *Набѣкрень* (прост.).

— *Обдѣло* (прост.) — Обманщикъ. — *Околесица* (прост.) — Враки. — *Оплеуха* (прост.) — Заушина.

— *Навозная куца* (прост.) — Рохля, неповоротливый.

— *Набалахрыщиваюсъ* (прост.) — Въ праздности живу. — *Набаробошиваю* (прост.) — Безпокойство дѣлаю. — *Нахлобучиваю* (прост.) — Ударъ дать кому въ голову.

— *Наголяжъ* (прост.) — При скудости. — *Накарачкажъ* (прост.) — На рукахъ и на ногахъ.

— *Алырникъ*, *Алыря* (простонародн.). — *Чудалай* (простонародн.). — *Шебала*, *Шебалда* (простонародн.). — *Шевелонъ* (простонародн.) приписано *trémousseur*. — *Штукаръ* (простонародн.). — *Болтушка* — имя общее, но простонар. — *Басокъ*, *ска*, *ско*, *йй*, *ая*, *ое* (простонародн.).

— *Алырничая*, *Алырю* (простонародн.). — *Барабошу*, *Побаробошитъ* (простонародн.).

— *Чушь* (простонародн.) — Нелѣпость, всякій вздоръ.

— *Раздолье* — Поле, равнина, а въ простонародномъ употребленіи значить *довольство*, и т. д.

Иногда приводятся и поговорки:

— *Ча́ло* (народн.) — Одно чадо, да и то чало (поговорк.).

— *Шатко* — Ни шатко, ни валко, ни на сторону (поговорк.),

При нѣкоторыхъ словахъ указаны источники, изъ которыхъ они заимствованы; въ числѣ источниковъ встрѣчаются и памятники древняго русскаго языка:

— *Ладунка* (нѣм.)—Уставъ царя Иоанна Васильевича.

— *Поскѣтина*—Выгонъ (Путешествіе Лепехина).

— *Поганяй*—Орудіе рыболовное (Путешествіе Гмелина).

— *Черноборецъ* (старин.)—Изъ черни взятый въ службу (Арх. Лѣт. 9, 2).

— *Недовычный*—Несовершенно изученный (Макс. Грек. Предисл. грам. л. 6).

— *Небоширокій*—На подобіе неба простертый (Треб. гл. 107).

— *Ступаюся*—Въ сраженіе, въ бой вступаю (Новогор. Лѣт. 101).

— *Суюняю, сунать*—Достичь (Арх. Лѣт. 115).

— *Стоять у грамоты*—Свидѣтельствовать (Судебн. цар. Ив. Васил.).

— *Твердь уготовить*—Окопаться валомъ (Новогор. Лѣт. 45),
и т. д.

Указаны слова малоупотребляемыя, вышедшія изъ употребленія, и т. п.

— *Рушуся* (малоупотр.)—*Рушится* мой покой.

— *Тишю* (неупотреб.)—Тишину возставляю.

— *Торгаюсь* (вышедшее изъ употребл.); отъ него сложеныя: *Восторгаюсь*, и проч.

При словахъ иностранныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, большею частью обозначено, изъ какого языка они заимствованы. Нѣкоторыя изъ иностранныхъ словъ замѣнены русскими или по крайней мѣрѣ обнаруживается стремленіе къ подобной замѣнѣ:

— *Метафора*—зри: *Образность*.—*Мѣсячникъ*—см. *Луна-тикъ*.—*Аналогія* (греч.)—см. *Сходство*.—*Антимонія*—зр. *Сурьма*.—*Королларій*—зри: *Слѣдствіе*.—*Черножелчіе*—*Меланхолия*.—*Литеральный* (лат.)—зри: *Словословный*.

— *Эпиграмма*—Надпись, стихами сдѣланная; остроумная мысль, стихами изображенная.

— *Демонстрація*—Доказательство, Доводъ, Улика.

— *Дышкантъ*—Голосъ тонкій и высокій въ пѣніи.

— *Егеръ* (нѣм.)—Стрѣлокъ въ войскѣ и въ охотѣ.

— *Дафни* (гр.)—Ягодки, Волчье лыко.

— *Палетра*—У живописцевъ та дощечка, на которую они тертыя краски кладутъ и держатъ при работѣ.

— *Екваторъ* (лат.)—Равноденственникъ; кругъ, раздѣляющій землю на двѣ равныя части, на сѣверную и на южную. Плоскость земнаго экватора, до неба протянутая, означитъ экваторъ на небѣ. Равноденственникомъ называется потому, что когда солнце вступитъ на оный, то по всему шару земному день бываетъ равенъ ночи, и т. д.

Латинскія слова: *Лабораторія*, *Левъ*, *Легионъ*, и др.

Нѣмецкія: *Лампада*, *Латный*, *Зрубленіе*, *Зрубляю*.

Татарскія: *Лагунъ*, *Магарычъ*, *Набалдашникъ*, *Камышъ*, и т. д.

Встрѣчаются объясненія, относящіяся къ русскимъ древностямъ и къ славянской мифологіи:

— *Десятичная черть*—построенная княземъ Владимиромъ въ Кіевѣ весьма великолѣпно, и названная такъ потому, что здатель отъ всѣхъ своихъ доходовъ опредѣлилъ въ нее давать десятую часть.

— *Тинъ*—Старинная монета русская, которая послѣ *рублемъ* проименована.

— *Обозная голова*, т. е. генераль-квартирмейстеръ.

— *Ладо*—Древнее славенское божество.

— *Дидо*, или *Дидъ*—Сынъ Ладинъ; у слав. въ язычествѣ былъ богомъ отвращенія любовной страсти, или богомъ цѣломудрія.

— *Дажбогъ*, или *Дашуба*—У слав. въ язычествѣ былъ богъ, богатства и всякихъ благъ податель; имѣлъ храмъ въ Кіевѣ.

— *Догѣда*—У слав. въ языкѣ. былъ богъ, производитель тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.

— *Домовые*—У слав. въ языкѣ. почитались домашними божками, и т. д.

VII.

Аналогическія таблицы были важнымъ подспорьемъ для предпринятаго академіею обширнаго труда. Многое въ нихъ измѣнено, иное выпущено, другое совершенно передѣлано, и т. д. Замѣтки и дополненія, появлявшіяся на листахъ аналогическихъ таблицъ, послужили новымъ и богатымъ матеріаломъ для словаря въ его окончательномъ видѣ. Матеріаль этотъ въ свою очередь подвергался пересмотру въ собраніяхъ академіи и ея различныхъ отдѣловъ, или «отрядовъ».

Такимъ образомъ словарь россійской академіи, на который заранѣе смотрѣли какъ на сокровищницу отечественнаго языка, является «общимъ академіи трудомъ», не только по названію, но и въ дѣйствительности. Это обстоятельство надо имѣть въ виду при сужденіи какъ о достоинствахъ, такъ и о недостаткахъ словаря. Изъ шестидесяти членовъ россійской академіи, въ составленіи словаря участвовало сорокъ семь. Наиболѣе замѣчательные представители литературы и науки внесли самые важные вклады и существенно содѣйствовали успѣху и достоинству предпріятія. Нѣкоторые изъ членовъ ограничились общими соображеніями и замѣчаніями, иногда случайными, не принимая на себя обработки тѣхъ или другихъ подробностей. Да и между труженниками встрѣчались лица мало подготовленныя, такъ что сдѣланное ими приходилось передѣлывать, вслѣдствіе чего работа поневолѣ затягивалась. Не смотря на это и на другія неблагопріятныя обстоятельства, словарь оконченъ былъ гораздо скорѣе, нежели можно было ожидать. Появленіе его было безспорно однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ академической жизни.

†) Особенно дѣятельное и въ высшей степени полезное участіе

въ составленіи словаря принимали Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ и еще нѣсколько ученыхъ и писателей того времени. Фонвизину и Болтину принадлежитъ заслуга вѣрной постановки вопроса—яснаго указанія основныхъ началъ, которыми должно руководствоваться при разработкѣ частныхъ вопросовъ. Не ограничиваясь указаніемъ вѣрнаго пути, Фонвизинъ и Болтинъ сами слѣдовали по намѣченному ими пути, и сообщили для словаря много данныхъ, имѣющихъ первостепенное значеніе.

Выборомъ словъ изъ различныхъ источниковъ и вообще собраніемъ матеріаловъ для словаря занимались: Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, митрополитъ Гавріилъ, Лепехинъ, Козодавлевъ, княгиня Дашкова, графъ Строгановъ, Ив. Ив. Шуваловъ и др. Опредѣленіе словъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ знанія, приняли на себя люди науки, принадлежавшіе къ числу лучшихъ въ то время знатоковъ своего дѣла. Слова изъ области математики и астрономіи объясняли астрономы-математики Румовскій и Иноходцевъ; слова, относящіеся къ естественной исторіи—натуралистъ Лепехинъ; названія болѣзней—докторъ медицины Озерецковскій и т. д. ⁴³). При чтеніи одного изъ листовъ словаря признали нужнымъ яснѣе опредѣлить слова: *Известь*, *Икосъ*, *Икота*; объясненіе ихъ приняли на себя трое изъ присутствовавшихъ въ этомъ собраніи членовъ академіи: химикъ Соколовъ опредѣлялъ слово *Известь*; протоіерей Красовскій—слово *Икосъ*; врачъ Протасовъ—слово *Икота*. Болтинъ сообщилъ академіи великое число словъ славянскихъ, выбранныхъ изъ многихъ книгъ—«плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ». Мусинъ-Пушкинъ объяснялъ значеніе словъ, встрѣчающихся въ памятникахъ древняго русскаго языка, и т. д. ⁴⁵.

Наиболѣе заботъ по изданію словаря выпало на долю Лепехина, непремѣннаго секретаря російской академіи. Онъ былъ и однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ въ сокровищницу словаря и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ каждаго отдѣла, образуемаго въ средѣ академіи съ цѣлью ускоренія и усовершенствованія

нія работъ по словарю. Но при всей своей готовности потрудиться на общую пользу, Лепехинъ не могъ справиться одинъ и долженъ былъ прибѣгать къ содѣйствию своихъ ближайшихъ товарищей—сочленовъ по академіи наукъ и по російской академіи. Вмѣстѣ съ Лепехинымъ членами *издательнаго комитета* были академики: Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ ⁴⁶⁾.

Участіе кн. Дашковой было и весьма полезно и весьма разумно. Ея мнѣнія отличались дѣльностью; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ о внесеніи въ словарь академіи словъ древнихъ и старинныхъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Зная волю Екатерины, нетерпѣливо ожидавшей перваго труда основанной ею академіи, Дашкова употребляла всѣ усилія, чтобы словарь былъ оконченъ какъ можно скорѣе. При выходѣ четвертой части словаря заявлено было, что «усердной дѣятельности княгини Ек. Ром. Дашковой обязана академія, что часть сія *въ краткое время* приведена была къ окончанію». Подобное же заявленіе сдѣлано при изданіи шестой и послѣдней части: «Княгиня Е. Р. Дашкова была главнѣйшею виновницею, что академія *въ одинъ почти годъ* издать могла *двѣ части* трудовъ своихъ» ⁴⁷⁾. Для успѣшнаго хода дѣла требовались значительныя матеріальныя средства, и Дашкова выразила готовность принять на себя всѣ расходы по изданію. Обращаясь къ своимъ сочленамъ, она сказала: «Иждивеніемъ съ радостью выполнить намѣрена, чтобъ хотя онымъ усердіемъ сдѣлаться достойною довѣренности моей государыни и той (довѣренности), которую вы, государи мои, втеченіе трехъ лѣтъ мнѣ оказывать изволили» ⁴⁸⁾.

О успѣшности, съ которою велись работы по словарю, можно судить по слѣдующимъ, числовымъ, даннымъ:

Въ академическомъ собраніи 13 января 1784 г. разсматривались первые листы аналогическихъ таблицъ и опредѣлено отдать въ печать, подъ смотрѣніемъ Лепехина, букву *А*. Къ 25 ноября того же года отпечатано было пять буквъ, занимающихъ 520 четвертныхъ страницъ. 2 октября 1787 года розданы были

членамъ академіи вышедшіе изъ печати послѣдніе листы аналогическихъ таблицъ. Несравненно медленнѣе шли работы по Словарю французской академіи. Разсмотрѣніе одной буквы *A* продолжалось съ 7 февраля по 17 октября 1639 года. Французская академія составляла свой словарь втеченіе почти шестидесяти лѣтъ⁴⁹); на составленіе же словаря российской академіи употреблено только десять лѣтъ и девять мѣсяцевъ.

23 августа 1785 года розданы были академикамъ, для просмотра, замѣчаній и дополненій, два первые, пробные листа словопроизводнаго словаря.

25 ноября 1786 года представлено академическому собранію *Предисловіе* къ словарю. Заявивъ, что къ изданію словаря «сдѣланъ уже довольный приступъ», Лепехинъ говоритъ: «Порядокъ же трудовъ академіи изъясняетъ *Предисловіе*, которое на разсмотрѣніе и утверженіе высокопочтенному собранію предложить честь имѣю». Въ собраніяхъ 3 и 10 марта 1789 года положено *енновъ* разсмотрѣть *Предисловіе* и отпечатать его въ десяти экземплярахъ для сообщенія тѣмъ изъ членовъ академіи, которые наиболѣе участвовали «въ сочиненіи, разсматриваніи и утверженіи знаменованія словъ, рѣчей и реченій» приготавливаемой къ выходу въ свѣтъ первой части словаря. Въ собраніяхъ 12 и 19 мая того же года разсматривались замѣчанія, сдѣланныя членами академіи на предисловіе къ словарю⁵⁰).

10 февраля 1789 года академія окончила разсмотрѣніе первой части словаря, со всѣми, сдѣланными въ ней по разному поводу замѣчаніями. Первая часть академическаго словаря издана въ 1789 году.

3 марта 1789 года началось, а 23 ноября 1790 года окончилось разсмотрѣніе, въ академическихъ собраніяхъ, второй части словаря. Издана въ 1790 г.

7 декабря 1790 года началось, а 27 марта 1792 года окончилось разсмотрѣніе третьей части. Издана въ 1792 г.

23 апрѣля 1792 года началось, а 9 апрѣля 1793 года окончилось разсмотрѣніе четвертой части. Издана въ 1793 г.

14 мая 1793 года началось, а 11 марта 1794 года окончилось разсмотрѣніе пятой части. Издана въ 1794 г.

18 марта 1794 года началось, а 5 августа того же года окончилось разсмотрѣніе шестой и послѣдней части. Издана въ 1794 г.

5 августа 1794 года «собраніе занималось слушаніемъ примѣчаній на окончательные листы послѣдней части словаря, и тѣмъ достигло конца въ предпріятѣ трудѣ, продолжавшемся до сего времени отъ начала установленія академіи. Причемъ академіи секретарь, отъ лица собранія, принесъ въ краткихъ словахъ благодарность предсѣдателю своему, ея сіятельству княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, за всѣ ея попеченія о благосостояніи академіи и о успѣхѣ окончаннаго труда»⁵¹⁾.

Вопросъ о названіи словаря, составляемаго академіею, былъ втеченіе нѣкотораго времени спорнымъ, и выяснялся постепенно, по мѣрѣ того, какъ опредѣлялось самое содержаніе словаря. Члены російской академіи, участвовавшіе въ предпріятѣ ею трудѣ, называли его: *Російскій словарь*; *Словарь славеноросійскій*; *Російскій толковый словарь*; *Толковый славеноросійскій словарь*; *Толковый словарь языка славеноросійскаго*⁵²⁾. Но такъ какъ въ словарѣ помѣщались не только славянскія и русскія слова, но и латинскія, греческія, персидскія, татарскія и пр., то одинъ изъ членовъ предлагалъ дать такое названіе: *Собраніе словъ славенскихъ, славеноросійскихъ, російскихъ книгъ и въ Росіи росіанами употребляемыхъ*⁵³⁾. Нѣкоторые изъ членовъ академіи называли словарь *Рѣчникомъ* преимущественно потому, что «въ немъ не одни слова, но цѣлыя *рѣчи*, пословицы, присловицы и проч., съ ихъ объясненіями содержатся». Но большинство членовъ было другаго мнѣнія, находя, что «*Рѣчникъ* — новое и неупотребительное названіе; *Слово* же, откуда *Словарь* происходитъ, въ обширномъ знаменованіи взятое, означаетъ всѣ виды вѣщанія». Обсудивъ предлагаемыя для словаря наименованія, «собраніе рѣшительно утвердило, чтобы назвать его просто *Словаремъ російской академіи*»⁵⁴⁾. Выборъ такого названія объясняется

слѣдующимъ образомъ: «Академія опредѣлила сперва назвать словарь свой *Толковымъ словаремъ языка славенороссійскаго*; но слѣдствіе разсужденія ея доказало, что сіе названіе не соотвѣтствуетъ содержанію онаго, ибо многія обстоятельства ввели въ языкъ нашъ слова чужеземныя, ни славенскому, ни россійскому языку несвойственныя, изъ коихъ многія такого рода академія отмѣнить или замѣнить другими права имѣть не можетъ. И такъ, для предваренія несоотвѣтственности сей названію словаря, за лучшее судили назвать его просто *Словаремъ россійскія академіи*»⁵⁵).

Быть можетъ, академія наша имѣла въ виду и то, что Французская академія назвала свой трудъ *Словаремъ Французской академіи* — *Le dictionnaire de l'académie française*. Названіе самой академіи — «*Россійская академія*» напоминаетъ *Académie Française*. Французская академія также не вдругъ придумала себѣ офціальное имя. Ее называли и *Академіею краснорѣчія* и другими именами: *Académie de l'éloquence*, *Académie des beaux-espriits*, и т. п.; предлагали даже назвать *Académie Éminente* въ честь ея протектора, кардинала Ришелье, имѣвшаго, по своему сану, титулъ *Éminence* — *Высокопресвященство*⁵⁶).

Въ печатномъ изданіи прилагательное *россійской* поставлено послѣ своего существительнаго: *Словарь академіи россійской*, а не *Словарь россійской академіи*. Такое измѣненіе произошло, вѣроятно, по причинѣ, подобной тѣмъ, по которымъ Карамзинъ назвалъ трудъ свой *Исторіею государства россійскаго* (а не *россійскаго государства*), и сама академія писала и печатала: «*Всякому, въ лѣтописяхъ искушившемуся* (а не *искушившемуся въ лѣтописяхъ*) извѣстно; «*Благо своихъ подданныхъ назидаящая* (а не *назидаящая благо*) и т. п.»⁵⁷).

VIII.

¹ Словарь россійской академіи принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ, появившихся у насъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Будучи разсматриваемъ въ своемъ полномъ

составѣ, словарь представляетъ обширное поле для наблюдений. Въ шести томахъ словаря находится, такъ сказать, весь наличный матеріалъ тогдашняго литературнаго языка и разсѣяно множество данныхъ, знакомящихъ съ тогдашними понятіями о языкѣ и слогѣ, о происхожденіи и значеніи словъ, объ отношеніи книжнаго языка къ разговорному, о словахъ иностранныхъ, усвоенныхъ русскимъ языкомъ, и т. д.

Общее число словъ, помѣщенныхъ въ словарь россійской академіи, простирается до сорока трехъ тысячъ⁵⁸). Многія изъ этихъ словъ представляютъ большія или меньшія особенности по своему значенію или по своей формѣ, сравнительно съ языкомъ современнымъ. Иныя слова получили новый смыслъ или новый оттѣнокъ смысла; другія вышли вовсе изъ употребленія и т. п. Жизнь языка сама собою сказывается въ этомъ вѣчномъ движеніи: слова измѣняются и по внутреннему смыслу и по внѣшнему виду, и старое незамѣтно и постепенно сливается съ новымъ⁵⁹). Изъ богатаго запаса, собраннаго въ словарь россійской академіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ—словъ и выраженій, въ которыхъ замѣтна какая-либо особенность въ томъ или другомъ отношеніи:

— *Хорошество*—Пригожество, изящество (VI, 575): «Въ вещи, даромъ доставшейся, *хорошество* не разсматривается» (II, 466).

— *Разнодумье*—Разность, несогласіе въ мысляхъ (II, 795).

— *Чистодушіе*—Безпорочность; чистая, непорочная душа (VI, 787).

— *Твердодушіе*—Твердость, постоянство, непоколебимость (II, 834).

— *Время*—Жребій, удача, участь, счастье: «Когда будешь во времени, и насъ помяни (I, 922).

— *Вольность*—Свобода, независимость: «Часто жертвуемъ вольностію прихотямъ своимъ (I, 825).

— *Меледа*—Медленіе, неповоротство, неповоротливость; вещь, работа, которую нескоро къ концу привести можно (IV, 77).

— *Душевредникъ*— Вѣроломецъ, нарушитель обязательства въ порученномъ отъ кого дѣлѣ; тотъ, который противъ совѣсти поступаетъ: «Сей стряпчій—настоящій *душевредникъ*» (I, 918).

— *Предводитель*— Наставникъ: «Въ юности моей былъ мнѣ всегдашнимъ *предводителемъ*» (I, 550).

— *Могутникъ*— Сильный человекъ, силачъ (IV, 205).

— *Госпожинки*— Такъ называется постъ, состоящій изъ двухъ недѣль, предъ днемъ успенія Богородицы (II, 274).

— *Крыжъ*— Знакъ крестика, каковыя для замѣтокъ ставятъ: «Ставить при сумнительныхъ словахъ *крыжи*, *крыжики*» (III, 1025).

— *Кутъ*— Уголь въ избѣ. Самый конецъ залива: «*Кутъ* Онежской губы» (III, 1097).

— *Просудъ*— Погрѣшность, проступокъ, ошибка въ судопроизводствѣ, въ рѣшеніи дѣла: «*Просудъ* неумышленный, безъ хитрости; *просудъ* съ намѣреніемъ» (V, 959).

— *Бомба*— Родъ шерстяной ткани, похожія на камлотъ, которая различествуетъ отъ сего только тѣмъ, что бываетъ нѣсколько толще и имѣетъ на себѣ наведенныя струи или волны, подобно объяри (I, 283).

— *Понитокъ*— Истканіе, у коего основа нитяная, а утокъ шерстяной: «Крестьяне въ лѣтнее время носятъ *понитки*» (IV, 533).

— *Рукомесло*— Ремесло: «*Рукомесло* столярное, слесарное, башмачное» (V, 207—208).

— *Растъ*— Время, пора поспѣванія чего: «Теперь самый *растъ* хлѣбу, плодамъ» (V, 74).

— *Споле*— Смежность полей (IV, 958).

— *Паужина* и *Паужинокъ*— Полдничанье; употребленіе пищи до ужина (VI, 419).

— *Досталь*— Послѣдки, остатокъ чего: «Купить *досталь* яблоковъ; *досталь* дешевле продается» (V, 795).

— *Недособоль*— Недошлый соболь; соболь, непустившій еще, послѣ линянія, своей оси (V, 633).

— *Промысина*—Полое мѣсто между плывущими по рѣкѣ льдинами; иначе *Проталина* (III, 1345).

— *Уразъ*—Ушибъ: «Пластырь, примочка отъ *уразу*» (V, 61).

— *Черевикъ*—Женскій башмакъ на высокихъ каблукахъ, съ небольшими ключами и запятками (VI, 696).

— *Хламостъ* и *Хламъ*—Всякій соръ; ломъ, отъ деревяннаго строенія оставшійся: «Убратъ откуда *хламъ*, *хламостъ*» (VI, 548).

— *Взрачный*—Видный, рослый; по росту и осанкѣ своей человѣкъ примѣтный: «*Взраченъ* собою» (III, 138).

— *Броскій*—Кидкій, далеко бросающій, или бросать могущій; скорый: «У него рука *броска*; *бросокъ* на услуги» (I, 345).

— *Былый*—Острый, пронизательный: «*Былый* умъ; *бллая голова*» (I, 413).

— *Подмый*—Относительно къ роду, низкаго происхожденія; худородный: «Онъ произошелъ отъ *подмыхъ* родителей» (IV, 944).

— *Заводный*—Достаточный, нескудный, всѣмъ снабженный (I, 535).

— *Уловчивый*—Употребляющій уловки, или умѣющій употреблять уловки (III, 1256).

— *Притьянъ*—Нѣсколько пьянъ, немного хмеленъ (IV, 1246).

— *Примухъ* (во образѣ существительнаго употребляемое)—Нѣсколько глухъ (II, 93).

— *Приблѣдный*—Блѣдноватый, нѣсколько блѣдный (I, 233).

— *Нравный*—Любъ: «*Нравно* ли вамъ это» (IV, 559).

— *Веществую*—Употребляется къ означенію людей, лишенныхъ почти разума и чувства, и значитъ: Существою, только что бытіе имѣю: «Онъ не живетъ, но токмо *веществуетъ*» (I, 674).

— *Бездушничая*—Безсовѣстно поступаю (II, 828).

— *Времению*—Ожидаю удобнаго времени, случая (I, 924).

— *Важу*—Въ почтеніи нахожусь, за велико почитаюсь: «Онъ много *важитъ* въ обществѣ (I, 454).

— *Удумать* — Усовѣтовать, положеніе сдѣлать: «Собравшись, *удумали*, чтобы» . . . (II, 795).

— *Зазнать* — Начать знать: «Я *зазналъ* его ребенкомъ» (III, 95).

— *Обезживотить* — Привести кого въ усталость тяжестію не подъ силу: привести въ изнеможеніе побоями: «Эта ноша меня *обезживотила*; если не перестанешь мотать, велю *обезживотить*» (II, 1132).

— *Голожу* — Причиняю голодь; заставляю нужду терпѣть въ пропитаніи: «*Оголодитъ* городъ пресѣченіемъ привоза съѣстныхъ припасовъ» (II, 186).

— *Закладуюсь* — Бьюсь объ закладъ въ чемъ (III, 567).

— *Надлежу* — Отношуся, причисляюся къ кому; во владѣніи чѣмъ нахожуся; приличествую кому: «Вопросъ сей *надлежитъ* до философіи; сіе дѣло *надлежитъ* до такого суда» (III, 1166).

— *Кладу* — Думаю, почитаю: «*Клади* такъ, что вещь сія пропала; онъ *кладетъ*, что отъ подряда сего столько рублей барыша ему придетъ» (III, 554).

— *Промалось* — Прошелъ, пронесся ложный слухъ: «*Промалось*, будто бы. . .» (III, 1149—1150).

— *Не догадался* — Не видалъ, не примѣтилъ: «Я и *не догадался*, какъ ты пришелъ; *не догадался* ли ты моей книги» (II, 7).

— *Замыкаю* — Закрываю, содержу въ себѣ что: «Рѣчь сія *замыкаетъ* въ себѣ тайну» (IV, 160).

— *Мележу, Меледить* — Медлю, медлить (IV, 77).

— *Обмогаю* — Выздоровливаю, оправляюся отъ болѣзни: «Большой *обмогается*» (IV, 212).

— *Выжимаю* — Разными нападками принуждаю кого оставить мѣсто, должность: «Ему при этомъ мѣстѣ было очень хорошо, но завистники *выжали* его оттуда» (II, 1172).

— *Ународить* — Населить достаточно какое пространное мѣсто или область жителями: «*Ународить* степныя мѣста» (V, 45).

— *Просылаю* — Принуждаю кого куда идти; съ трудомъ

склоняю кого сходить куда: «Насилу его *прослаз* къ вамъ» (VI, 907).

— *Отваливаюсь* — Подъ вымышленными видами отбываю отъ чего: «*Отваливаться* отъ должности, отъ службы» (I, 488).

— *Лѣтую*; *пролѣтываю* — Пробываю, препровождаю въ какомъ мѣстѣ лѣто; на лѣто остаюсь гдѣ: «Мы *лтовали* на промыслѣ, а осенью домой возвратилися» (III, 1367).

— *Сетьжю* — Убивъ, заколовъ скотину, снимаю съ нея кожу и вынимаю потроха (V, 373).

— *Чезну* — Относительно къ тѣлу: Отъ болѣзни изнуряюся. Говоря о вещахъ: Пропадаю отъ долгаго лежанья; отъ разрушающей причины тлѣю, расторгаюся въ составъ: «Ледъ *чезнетъ*» (VI, 685).

— *Хичу* — Починиваю, поправляю повредившіяся, обветшавшія части въ строеніи какомъ (VI, 531).

— *Чкаю* — Уязвляю кого словами: «Онъ при всѣхъ его *чкатъ* не переставалъ» (VI, 797).

— *Пылко* — Объемля вдругъ предметы своимъ понятіемъ (IV, 1232).

— *Радиво* — Попечительно, рачительно (V, 27).

— *Меледно* — Медлительно, нескоро (IV, 77).

— *Погнѣдно* — Попарно, по два вдругъ: «Бабки ставятъ на конѣ *погнѣдно*; каменщики становятся на стѣну *погнѣдно*» (II, 138).

— *Погрудно* — Покучно, кучами, по кучамъ: «*Погрудно* раскладывать деньги, рыбу» (II, 375).

— *По сердцамъ* — По злобѣ, по злости (V, 425).

— *Въ юны* — Въ запуски: «Бѣгаться *въ юны*» (II, 206).

— *Не въ проносъ* — Съ тѣмъ, чтобы никому не сказывать (IV, 514).

— *Самъ-другъ* — Подгулявши; навеселѣ: «Словцо сіе онъ сказалъ, будучи *самъ-другъ*» (II, 766).

— *Обыденно, Обыденкою, Обыденками* — Однимъ днемъ: «*Обыденною* съѣздить куда; *обыденною* возвратился» (II, 584).

— *Подъ шумкомъ*—Нѣсколько пьянъ, хмельновать (VI, 923).

— *Гизз*—Встарину было произношеніе скорохода, идущаго предъ повозкою вельможи, который, махая на обѣ стороны палкою, кричалъ *гизз*, вмѣсто: посторонись, дай дорогу (II, 40).

— *Глаза безстыдные, завистные, ненасытные*—Человѣкъ безстыдный, завистливый, ненасытный (II, 63).

— *Живой огонь*—Огонь, добытый посредствомъ тренія изъ дерева (II, 1126).

— *Грубая жизнь*—Жизнь, соединенная со многими трудами, отягощеніями, изнуреніями: «*Грубая жизнь* крестьянская» (II, 370).

— *Въ пыхахъ, Въ попыхахъ*—Надмень въ счастіи: «Онъ нынѣ въ пыхахъ, въ попыхахъ» (IV, 1241).

— *Замшекъ*—Остатокъ отъ чего-нибудь (III, 1225).

— *Изражаю*—Выражаю: «*Изражать* свои мысли» (V, 56).

— *Изваживаюсь*—Привыкаю; привычку, склонность къ чему получаю: «*Извадился* праздно шататься» (I, 459).

— *Извыкаю*—Приучаюсь; охоту къ чему получаю: «Онъ такъ *извыкъ* молоть пустое, что и отстать отъ того не можетъ» (I, 937).

— *Приличаю*—Доказываю на кого въ какомъ-либо преступленіи: «*Приличить* кого въ кражѣ, во мздоимствѣ, въ измѣнѣ» (III, 1205).

— *Въ доходъ*—Въ концѣ: «Первый, второй часъ *въ доходъ*» (III, 238).

— *Теча и Течь*—Проницаніе воды или влажности какой сквозь какой сосудъ или кровлю по причинѣ скважинъ: «*Течь* въ суднѣ, въ кровлѣ» (VI, 77).

— *Размѣна и Размѣнъ*—Мѣна одной вещи на другую (IV, 398).

— *Промѣнъ и Промѣна*—Мѣна однихъ вещей на другія (IV, 397).

Подобно двоякой формѣ одного и того же слова—*Теча и Течь, Размѣнъ и Размѣна* и др., въ словарѣ российской академіи вмѣ-

стѣ съ словами: *Извыкъ, Изражаю, Замышекъ, Примичаю, Въ до-
ходъ*, и т. д., находятся и слова: *Привыкъ, Выражаю, Измышекъ,
Обличаю, Въ исходъ*, и т. д.

— *Шкатула* (умал. *Шкатулка*)—Дощатый или бумажный ящикъ съ выпуклою или возвышенною крышечкою (VI, 892).

— *Маниша* (умал. *Манишка*)—Короткая, по поясъ и то-
мо спереди, безъ рукавовъ, рубаха (IV, 30).

— *Оттѣнь*—Различіе едва примѣтное: «Въ словахъ бы-
вають *оттѣни*, которыхъ объяснить неудобно» (VI, 362).

Слова *Оттѣнокъ*, соотвѣтствующаго, по своему значенію,
слову *Оттѣнь*, въ словарѣ нѣтъ.

— *Совѣстно*—Вѣрно, справедливо, безъ нарушенія совѣсти:
«Во всѣхъ вѣрваемыхъ ему дѣлахъ поступаетъ *совѣстно*» (I, 978).

— *Не по что*—Не зачѣмъ: «*Не по что* итти туда» (VI, 809).

— *Съ позволеніемъ*—Образъ вѣщанія, изъ учтивости въ дру-
жескихъ обращеніяхъ употребляемаго, и предшествующаго ка-
ковому-либо слову, не весьма благопристойному: «*Съ позволеніемъ
сказать*, я слышалъ, что. . .» (I, 844), и т. д.

— *Показываю*, говоря о наукахъ, значить: Преподаю, тол-
кую, учу: «*Показывать* грамматику, философію, маѳематику».
(III. 373,2).

— *Принять слово, остуду*—Получить выговоръ, стыдъ.
(II, 997).

— *Гнуть горбъ*—Прилежно работать, трудиться. (II. 119).

— *Снять голову*—Пристыдить. (II. 1006).

— *Потерять голову*—Лишиться жизни: «*Потерялъ голову* на
чужой сторонѣ». (VI. 109).

— *Съ ногъ кого срѣзать*—Остыдить кого. (IV. 546).

— *Срѣзать съ ногъ*—Нечаянною печальною вѣстію или ка-
кимъ обиднымъ словомъ привожу кого въ крайнее замѣпатель-
ство, въ стыдъ: «Симъ словомъ, сею вѣстію *срѣзалъ* онъ его *съ
ногъ*». (V. 258).

— *Можитъ голову, кость*—Чувствуется боль въ головѣ
или кости, какъ бы отъ ударенія. (IV. 218).

— *Обноситъ голову*—Голову кружить; чувствуемо бываетъ головы закруженіе. (IV. 502).

— *Муцу кому на кою*—Наговариваю, ябедничаю. (IV. 331).

— *Руки не доходятъ*—Недосугъ, нѣтъ времени что сдѣлать. (V. 203).

— *Стоятъ кони, коровы, овцы, дѣти*—Водятся, плодятся. }
 — *Не стоятъ кони, коровы*—Мрутъ, нѣтъ воду } V. 773.
 конямъ, коровамъ.

— *У него долги руки*—Говорится: 1) О такомъ, кто привыкъ красть, кто приворовываетъ, захватываетъ себѣ не принадлежащее, все къ себѣ прибираетъ; 2) О драчливомъ, забіячливомъ. (V. 205).

— *Какъ вы находитесь?*—Родъ вопросительнаго привѣтствія, каковое знакомые, встрѣтившись, другъ другу дѣлаютъ. (III. 245).

— *Бирюкъ бирюкомъ*—Въ преносномъ смыслѣ означаетъ угрюмаго человѣка. Отсюда: *Смотрѣть, глядѣть бирюкомъ*—Глядѣть, смотрѣть угрюмо, исподлобья. (I. 170).

— *Сидѣма сидѣть*—Не вставая, сидѣть за какимъ дѣломъ. (V. 1026).

— *Войлокъ войлокомъ*—Уподобительно говорится о волосахъ, когда они еклокотятся, свалются: «Волосы у него стали *войлокъ войлокомъ*». (I. 486).

— *Рубѣ рубомъ*—Говорится относительно къ толстой ткани. (V. 191).

— *Угомъ углемъ*—Говорится о чемъ-нибудь весьма черномъ. (VI. 410).

— *Сажка сажею*—Говорится для означенія чего-нибудь весьма зачерненнаго: «Рубаха *сажка сажею*, т. е. весьма черна». (V. 304).

Не названы пословицами или поговорками:

— *Умъ хорошо, а два лучше того*—Совѣтъ одного полезнѣе, а двоихъ еще полезнѣе. (VI. 431).

— *Голодъ въ мѣръ гонитъ*—Недостатокъ въ хлѣбѣ, въ пропитаніи побуждаетъ искать у другихъ помощи. (II. 185).

— *Отъ дождя въ воду*—Говорится о такомъ человѣкѣ, который для избѣжанія отъ одной опасности подвергается другой, еще большей. (II. 704).

— *Не смогая съ корову, да дойникъ объ уолъ*—Говорится въ такомъ случаѣ, когда кто, не въ силахъ будучи прямо мстить нанесшему обиду, надъ подчиненнымъ или надъ принадлежащимъ ему отмстить старается. (II. 735).

— *Туда и дорога*—Образъ вѣщанія, употребляемаго въ такомъ случаѣ, когда мы безъ сожалѣнія говоримъ о случающейся кому опасности или о какой потерѣ. (II. 731).

— *Мой грѣхъ до меня дошелъ*—Образъ вѣщанія, употребляемаго преступниками, когда они, или совѣстію, или судомъ обличенные, признаются въ своемъ злодѣяніи. (II. 395).

IX.

Составители словаря признавали тѣсную, неразрывную связь русскаго языка съ церковнославянскимъ. По тогдашнимъ филологическимъ понятіямъ, языки русскій и церковнославянскій весьма часто представлялись не столько двумя отдѣльными другъ отъ друга языками, сколько двумя способами выраженія, принадлежащими одному и тому же языку. Подобно своимъ предшественникамъ семнадцатаго столѣтія, полагавшимъ, что говорить надо порусски, а писать послavianски, многіе изъ нашихъ литераторовъ восемнадцатаго вѣка согласны были съ мнѣніемъ, что языки славянскій и русскій «почти одинаковы, и все различіе заключается въ разныхъ нарѣчіяхъ»⁶⁰).

Въ словарѣ россійской академіи *русскій* языкъ называется то *россійскимъ*, то *славенороссійскимъ*: «Языкъ *россійскій* имѣеть неизблемымъ основаніемъ языкъ славенскій. . . *Славенороссійскій* языкъ большею частію состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣеть».

Преобладаніемъ одного изъ двухъ существенныхъ началъ — *славянскаго* или *русскаго* опредѣлялось различіе слога, которое играло такую важную роль въ тогдашней теоріи краснорѣчія. Отсюда выраженія: *славенскій слогъ*, *славенское употребленіе*. Славянскій языкъ назывался иногда *книжнымъ*. Удачное соединеніе славянскаго начала съ русскимъ считалось тогда однимъ изъ необходимыхъ условій красоты, или изящества слога.

Для показанія различія слоговъ, въ словарѣ приведены примѣры *«славенороссійскіе*, т. е. изъ книгъ церковныхъ и лучшихъ писателей свѣтскихъ, чрезъ что означается употребленіе ихъ въ *высокомъ* и *красномъ* слогѣ».

— *Подвигаюся*—Въ простомъ употребленіи говорится: *подвинулся*, *подвинутъся*, и пр. Въ *высокомъ* и *славенскомъ* слогѣ глаголь сей имѣеть: *подвинулся*, или *подвигся*, *подвинутъся*, и пр. (II, 550).

— *Искренній*—Въ общемъ языкѣ употребленіи значитъ: чистосердечный, нелицемѣрный, праводушный. Въ *славенскомъ употребленіи*, вообще означаетъ ближняго, приснаго, и особенно друга, пріятеля (III, 314—315).

— *Строусъ*—*по книжному* же *Струѳіонъ*: «Будуть селища *струѳіономъ*». Исаи. XXXIV, 13 (V, 885 и 908—909).

По убѣжденію членовъ російской академіи, отъ соединенія русскаго языка съ славянскимъ «зависитъ обиліе, важность, сила и красота языка, нынѣ употребляемаго....⁶¹. Красота нынѣшняго языка, а наипаче въ писаніяхъ, состоитъ изъ языка російскаго съ искуснымъ употребленіемъ въ ономъ реченій и выраженій славенскихъ»⁶²).

Иногда славянскія формы называются, въ словарѣ російской академіи, *славенскимъ правописаніемъ* или *правописаніемъ церковныхъ книгъ*:

— *Февраль*—по славенскому правописанію *Февруарій* (VI, 482).

— *Музыка*—по правописанію же книгъ церковныхъ *Музыка* (IV, 325).

При всей близости одного языка къ другому, между ними замѣчалось и различіе, которое и указано въ словарѣ россійской академіи.

«Славенороссійскій языкъ великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ нѣкоторыя, изъ славянскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованіе, а другія и новый смыслъ получили... Неоспоримая есть истина, что языкъ *россійскій* болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ *славенскимъ* и т. п. ⁶³).

При разработкѣ матеріаловъ, собранныхъ для словаря, главное вниманіе было обращено на объясненіе «словъ, рѣчей, реченій и разнаго образа вѣщаній, съ утвержденіемъ точнаго ихъ знаменованія и употребленія *какъ въ языкъ славенскомъ, такъ и россійскомъ*» ⁶⁴).

— *Близкій* — Въ *славенскомъ* и *русскомъ* языкѣ означаетъ иногда друга, пріятеля, сотоварища, благодѣтеля, сродника, свойственника (I, 226).

— *Сведущій* — Въ *славенскомъ* языкѣ: вмѣстѣ съ кѣмъ о чемъ знающій, вѣдущій. Въ *россійскомъ* языкѣ усѣченно употребляется и значитъ: Знающъ, искусенъ въ чемъ; многое или великое знаніе о чемъ имѣющій (I, 975—976).

Съ названіемъ *славянскій* соединялось понятіе книжнаго языка, высокаго слога; съ названіемъ *русскій* — понятіе простаго, обыкновеннаго, общеупотребительнаго, разговорнаго языка. Поэтому и въ словарѣ чисто-русскія выраженія и слова обозначаются такимъ образомъ: *просто; просторѣчье; простое употребленіе; общее употребленіе; общее языка употребленіе; нынѣшнее языка употребленіе; обыкновенное языка употребленіе; обыкновенное употребленіе; обыкновенный языкъ; обыкновенный разговоръ; общая рѣчь; обыкновенный россійскій языкъ.*

Сопоставленіе многочисленныхъ данныхъ, разсѣянныхъ по всему словарю, указываетъ тѣ признаки, на основаніи которыхъ отличали русскій языкъ отъ церковнославянскаго. Принятое сло-

варемъ различіе между этими двумя языками, заключается въ слѣдующемъ:

Одни и тѣже понятія выражаются различными словами.

Одни и тѣже слова имѣютъ различное или, по крайней мѣрѣ, несовершенно одинаковое значеніе.

Слова одного корня принимаютъ неодинаковыя приставки и вообще различаются по своему образованію, а также по склоненію и спряженію.

Слова, сходныя по значенію, различаются по звукамъ, соответствующимъ одинъ другому съ строгою послѣдовательностію въ обоихъ языкахъ.

Въ звуковомъ отношеніи одну изъ существенныхъ особенностей русскаго языка составляетъ его полногласіе, которымъ онъ и отличается отъ церковнославянскаго.

Слова, одинаковыя, въ обоихъ языкахъ, и по корню и по значенію, иногда различаются между собою или по роду, или по ударенію, или по сочетанію съ другими словами.

— *Огневица* (слав.)—*Горючка* (IV, 614).

— *Бреніе* (слав.)—Глина, или смѣсь сухой земли съ влажностію, или *Грязь* (I, 336—337).

— *Деревня*—Пославенски: *Весь* (II, 601).

— *Ротъ*—Послав.: *Уста* (V, 168).

— *Якорь*—Послав.: *Кѣтва* (VI, 1044).

— *Человѣкъ*—Говорится въ славенскомъ: *Человѣки*, но въ общемъ языка употребленіи: *Люди* (VI, 689).

— *Трактиръ*—Пославенски: *Гостинница*: «Приведе его въ *гостинницу*» Лук. X, 34 (VI, 236; II, 277).

— *Забавляю*—Веселю, тѣшу кого. Въ славенскомъ же языкѣ значитъ: Удерживаю кого; замедленіе кому дѣлаю (I, 70).

— *Трегубый*—Въ обыкновенномъ языка употребленіи: Имѣ-

ющій раздѣленною или разсѣченную одну губу. Въ славенскомъ: Троякій, тройственный, втрое большій (II, 414).

— *Всяко*— Въ славенскомъ значить: Непремѣнно, точно такъ: «*Всяко* подобаетъ народу снитися». Дѣян. XXI, 22. Въ просторѣчїи: Разнообразно, неодинаково, и такъ и сякъ: «*Всяко* въ жизни случится можетъ» (I, 666).

— *Повоевать*— Въ славенскомъ языкѣ означаетъ: Поплѣнить, опустошить, разорить войною: «Помозите ми, да *повоюемъ* Гаваона» (Ис. Нав. X, 4). Въ общемъ же языка употребленїи значить: Иногда долгое, а иногда короткое время быть въ военныхъ дѣйствїяхъ: «Онъ въ жизни своей довольно *повоювалъ*. Нѣсколько дней *повоювали*, и возвратилися» (I, 810).

— *Квасъ*— Въ славенскомъ значить тоже, что *закваса*, умал. *закваска*: «Маль *квасъ* все смѣшенїе квасить» (Гал. V, 9). Въ обыкновенномъ руссїйскомъ языкѣ *Квасъ* значить: Напитокъ кислый, приготовляемый изъ ржаной муки, съ частїю солода смѣшанной, и т. д. (III, 495).

— *Село*— Въ нынѣшнемъ употребленїи: Селенїе, изъ крестьянъ состоящее, отъ деревни отличающееся тѣмъ, что имѣетъ церковь. Въ славенскомъ значить: 1) Деревня; селенїе, неогражденное стѣнами, и изъ земледѣльцевъ состоящее: «Возвѣстиша во градъ и въ *сельхъ*». Лук. VIII, 34. 2) Поле, пашенная земля: «Сѣявшу доброе сѣмя на *сель* своемъ». Матѣ. XIII, 24 (V, 410).

— *Скороходъ*— Пославенски же: *Скороходецъ* (III, 221).

— *Пътухъ*— Послав.: *Пътель* (IV, 1256).

— *Яюда*— Пославенски: *Яюдица* (VI, 1031).

— *Язва*— Послав.: *Язя* (VI, 1034).

— *Мстителъ*— Пославенск.: *Местникъ* (IV, 348).

— *Птенецъ*— Послав.: *Птвичицъ*, или *Птвичъ* (IV, 1169).

— *Шитъе*— Пославенски: *Швенїе* (VI, 928).

— *Паръ*— Пославенски: *Пара* (IV, 717).

- *Оселъ* — Пославенски: *Осля* (IV, 646).
- *Сквасжина* — Пославенски: *Сквасжня* (V, 475).
- *Сиротскій* — Пославенски: *Сиротный* (V, 458).
- *Смотрю* — Пославенски же: *Смотряю* (V, 598).
- *Вопервыхъ, Сперва* — Славенск.: *Первъе* (IV, 763).
- *Рыбарь* — Просто же: *Рыбакъ* (V, 232).
- *Худогъ* — Славенск., а въ обыкновенномъ употребленіи языка: *Художникъ* (VI, 599—600).
- *Яня* — Славенск.; просто же: *Яненокъ* (VI, 1031).
- *Убийство* — Славенск.; просто же: *Убивство* (I, 210).
- *Яремъ* — Славенск.; просто же: *Ярмо* (VI, 1047).
- *Слово* — Во множественномъ пославенски: *Словеса*; просто же: *Слова* (V, 533).
- *Рабій* — Славенск.; просто же: *Рабскій* (V, 1).
- *Жву* — Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Жую* (II, 1055).
- *Проповѣдаю* или *Проповѣдую* — Славенск.; просто же: *Проповѣдываю* (I, 990).
- *Поглядаю* — Славенск.; въ общемъ языка употребленіи: *Поглядываю* (II, 106).
- *Придержуся* — Славенск.; просто же: *Придерживаюся* (II, 623).
- *Презимъти* — Славенск.; просто же: *Перезимовать* (III, 74).
- *Предпріемлю* — Славенск.; просто же: *Предпринимаю* (II, 999).
- *Имамъ, Имаши, Имъхъ, Имъти* — Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Имью, Имъешь, Имъль, Имъть* (III, 291).
- *Обращаю, Обращаешь, Обратихъ, Обращати* — Славенск.; просто же: *Обращаю, Обращаешь, Обратилъ, Обращать* (I, 895).
- *Купую, Купихъ, Купити* — Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Купилъ, Купить*, а въ настоящемъ времени не употребляется (III, 1071).
- *Срътаю, Срътохъ, Сръцу* — Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Встрѣчаю, Встрѣтилъ, Встрѣчу* (V, 266).

— *Нимъ* или *Ницы*—Славенск.; просто же: *Никомъ* или *Ничкомъ* (IV, 534).

— *Взнакъ*—Славенск.; просто же: *Навзничъ* (IV, 534).

— *Лакоть*—Славенск.; просто же: *Локоть* (III, 1135).

— *Плесна*—Славенск.; просто же: *Плюсна* (IV, 879).

— *Колія*—Славенск.; просто же: *Колейя* (III, 709).

— *Кій*—Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Кой* (III, 550).

— *Копіе*—Славенск.; просто же *Копье* (III, 801).

— *Судія*—Славенск.; просто же: *Судья* (V, 952).

— *Бію*—Пославенски; въ обыкновенномъ же разговорѣ сокращенно употребляемый: *Бью* (I, 172).

— *Вію*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Вью* (I, 727).

— *Корносый*—Славенск.; просто же: *Курносый* (III, 833).

— *Како*—Славенск.; просто же: *Какъ* (III, 393).

— *Божественно*—Россійск.; *Божественнъ*—Славянск. (I, 254).

— *Благовременно*—Въ славенскомъ же языкѣ: *Благовременнъ* (I, 926).

— *Гордо*—Пославенски: *Гордъ* (II, 239).

— *Горделиво*—Славенск.: *Горделивъ* (II, 241).

— *Великодушно*—Въ славенскомъ: *Великодушнъ* (II, 830).

— *Конечно*—Славенск.: *Конечнъ* (III, 769).

— *Примчно*—Славенск.: *Примчнъ* (III, 1206).

— *Мудро*—Славенск.: *Мудръ* (IV, 314).

— *Смысленно*—Славенск.: *Смысленнъ* (IV, 374).

— *Неизмънно*—Славенск.: *Неизмъннъ* (IV, 389).

— *Образно*—Слав.: *Образнъ*—Уподобительно, Подразумѣвательно (IV, 589).

— *Самохотно*—Пославенски: *Самохотнъ* (VI, 578).

— *Духовенъ* — Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Духовно* (II, 808).

— *Откровеннъ* — Славенск.; просто же: *Откровенно* (III, 991).

— *Студъ* — Славенск.; въ обыкновенномъ же употребленіи языка: *Стыдъ* (V, 922).

— *Студный* — Славенск.; просто же: *Стыдный* (V, 922).

— *Сквозь* — Пославенски же: *Сквозь* (V, 474).

— *Нью* — Славенск.; просто же: *Нюю* (IV, 573).

— *Мою* — Пославенски: *Мью* (IV, 282).

— *Поядаю* — Пославенски: *Поядаю* (VI, 999).

— *Женитва* — Славенск.; просто же: *Женитьба* (II, 1107).

— *Постмаю* — Пославенски: *Постизаю* (V, 734).

— *Остатокъ* — Славенск.: *Останокъ* (V, 798).

— *Шю* — Пославенски: *Сю* (VI, 897).

— *Отпускъ* — Пославенски: *Отпустъ* (IV, 1190).

— *Мьлица* — Славенск.; просто же: *Мьлика* (IV, 376).

— *Изсякаю* — Пославенски: *Изсяцаю* (V, 1083).

— *Кротко* — Пославенски: *Кротиль* (III, 970).

— *Издаലെ* и *Издаലെа* — Славенск.; просто же *Издалека* (II, 460).

— *Цънь* — Пославенски: *Чень*: «И возложиши тресны и чени златъ». Исход. XXVIII, 24 (VI, 653 — 654).

— *Пригорици* — Славенск.; просто же: *Пригорини* (II, 257).

— *Мята* — Пославенски же: *Мятва* (IV, 454).

— *Оса* — Пославенски: *Осва* (IV, 645).

— *Свѣрло* — Пославенски: *Свердло* — Родъ напарья, бурава и т. д.; у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ жало, коимъ они проверяють кору произрастеній, для положенія туда своихъ яицъ (V, 352).

— *Седмъ* — Славенск.; просто же: *Семь* (V, 404).

— *Сныскиваю* — Употребл. въ высокомъ слогѣ; въ общемъ же языка употребленіи: *Сыскиваю* (III, 339).

- *Езеро* — Славенск.; просто же: *Озеро* (II, 949).
- *Елень* — Славенск.; просто же: *Олень* (II, 952).
- *Едмный* — Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Одинъ* (II, 937).
- *Единако* и *Единаково* — Славенск.; просто же: *Одинаково* (II, 941).
- *Невъжда* — Славенск.; просто же: *Невъжа* (I, 974).
- *Чуждый* — Славенск.; просто же: *Чужій* (VI, 831).
- *Вижду* — Славенск.; просто же: *Вижу* (I, 675).
- *Бужду* — Славенск.; въ общемъ же употребленіи: *Бужу* (I, 369).
- *Ненавижду* — Славенск.; въ общемъ же употребленіи: *Ненавизу* (I, 686).
- *Врежду* — Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Врежу* (I, 915).
- *Глажду* — Пославенски; въ общемъ же языка употребленіи: *Глажу* (II, 55).
- *Прихожду* — Славенск.; просто же: *Прихожу* (III, 261).
- *Обиждаю* — Славенск.; просто же: *Обижая* (IV, 585).
- *Суждую* — Славенск.; просто же: *Сужу* (V, 946).
- *Съжду* — Славенск.; просто же: *Съжу* (V, 1025).
- *Щажду* — Славенск.; просто же: *Щажу* (VI, 939).
- *Провожаяю* — Пославенски же: *Провождаю* (I, 554).
- *Развожу* — Пославенски: *Развожду* (I, 560).
- *Ночь* — Пославенски: *Ноць* (IV, 555).
- *Печь* — Пославенски же: *Пець* (IV, 749).
- *Плечо* — Пославенски: *Плеща* (IV, 890).
- *Нѣцвы* — Пославенски же: *Нѣцвы* — лотокъ отлогій (IV, 555).
- *Мощь* — Славенск.; просто же: *Мочь* (IV, 206).
- *Свъща* — Славенск.; просто же: *Свъча* (V, 382).
- *Хошу* — Славенск.; просто же: *Хочу* (VI, 577).
- *Жещи* — Славенск.; просто же: *Жечь* (II, 1059).

— *Власъ*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Волосъ* (I, 760).

— *Власяница*—Славенск.; просто же называется: *Волосяница* (I, 761).

— *Длань*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Долонъ, Ладонъ* (II, 681).

— *Класъ*—Славенск.; просто же: *Колосъ* (III, 591).

— *Кладязъ*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Колодезь* (III, 558).

— *Млатъ*—Славенск.; просто же *Молотъ* (IV, 169).

— *Хладъ*—Славенск.; просто же: *Холодъ* (VI, 542).

— *Младый*—Славенск.; просто же: *Молодый* (IV, 164—165).

— *Плавый*—Славенск.; просто же: *Половый* — Изжелта бѣлый (IV, 858).

— *Голосъ*—Употребл. въ общей рѣчи; пославенски: *Гласъ* (II, 187).

— *Солома*—Пославенски: *Слама* (V, 643).

— *Увлекаю*—Славенск.; просто же: *Уволокаю* (I, 788).

— *Градъ*—Славенск.; просто же: *Городъ* (II, 295).

— *Брада*—Славенск.; въ общемъ же употребленіи: *Борода* (I, 310).

— *Бразда*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Борозда* (I, 312).

— *Крава*—Славенск.; просто: *Корова* (III, 891).

— *Краста*—Славенск.; просто же: *Короста* (III, 920).

— *Мразъ*—Славенск.; просто же: *Морозъ* (IV, 292).

— *Скомражъ*—Славенск.; просто же: *Скоморожъ* (V, 485).

— *Стражъ*—Славенск.; просто же: *Сторожъ* (V, 866).

— *Краткій*—Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Короткій* (III, 922).

— *Мравій*—Славенск.; просто же: *Муравей* (IV, 290).

— *Порогъ*—Пославенски: *Прагъ* (IV, 998).

— *Порожъ*—Пославенски: *Пражъ* (IV, 999).

— *Сковорода*—Пославенски же: *Сковрада* (V, 483).

- *Сторонній* — Славенск.: *Странній* (V, 849).
- *Чреда* — Славенск.; просто же: *Череда* (VI, 802).
- *Чрепъ* — Славенск.; просто же: *Черепъ* (VI, 804).
- *Предній* — Славенск.; просто же: *Передній* (IV, 1076).
- *Пре* (предлогъ нераздѣлимый), *Предъ* — Славенск.; просто же: *Пере*, *Передъ* (IV, 1074).
- *Жребій* — Славенск.; *Жерѣбей* — Употребл. въ обыкновенномъ языкѣ (II, 1184).
- *Серебро* — Пославенск: *Сребро* (V, 431).
- *Дска* — Славенск.; просто же: *Доска* (II, 780).

— *Гортанъ* — Въ славенскомъ языкѣ есть рода мужескаго (II, 258).

— *Высоко* — Славенск.; просто же: *Высоко* (I, 950).

— *Приваливаю* — Перекатывая что тяжелое придвигаю къ чему: «*Привалитъ* камень къ дверямъ; *привалитъ* бревно къ забору». Въ славенскомъ же языкѣ иногда сочиняется глаголъ сей съ предлогомъ *надъ*: «*И привали* камень *надъ* *двери* гроба» Марк. XV, 46 (I, 477), и т. д.

X.

Называя русскій языкъ *простымъ* по сравненію съ церковнославянскимъ, составители словаря допускали различныя степени этой простоты, опредѣляемая большею или меньшею близостью къ живой, разговорной рѣчи. Отъ словъ и выраженій, общепринятыхъ въ языкѣ литературномъ, отдѣлены слова и выраженія, употребляемая въ *просторчій*, а также и тѣ, которыя названы *простонародными*.

По терминологіи словаря, вообще нестрога выдержанной, *просторчїе* соотвѣтствуетъ *разговорному* употребленію, въ противоположность съ *письменнымъ*, или *книжнымъ*.

Въ академическомъ собраніи; при чтеніи замѣчаній, достав-

ленныхъ разными лицами, замѣчено было, что «въ нѣкоторыхъ глаголахъ прошедшее время имѣетъ двоякій выговоръ, т. е. въ письмѣ употребляемый и въ просторѣчій; на примѣръ, пишется: *брель* (отъ *бреду*), а говорится: *брѣлъ*». Поэтому «положено въ собраніи: въ таковыхъ глаголахъ ставить оба прошедшія времена, тѣмъ наипаче, что сія сложная буква академію принята»⁶⁵).

Словарь академіи неоднократно указываетъ различіе написанія и выговора одного и того же слова, и это различіе служитъ однимъ изъ признаковъ для опредѣленія *просторѣчія*:

— *Жерновъ* — Въ просторѣчій говорятъ и *Жорновъ* (II, 1111).

— *Жестко* — Въ просторѣчій же: *Жостко* (II, 1113).

— *Объемъ* — Просто же: *Обзѣмъ* (II, 971).

— *Отъемное* — Просто же: *Отзѣдное* (II, 975).

— *Божій* — Въ просторѣчій: *Божей* (I, 254).

— *Еришъ* — Просто же: *Юришъ* (II, 1016).

— *Осна* — Въ просторѣчій: *Восна* (I, 867).

— *Покидаю* — Въ просторѣчій: *Опокидаю* (III, 521).

— *Щедушіе* — Просто же: *Щедушіе* (II, 834).

— *Уразина* — Большая палка, дубина; въ просторѣчій: *Арасина* (V, 61).

— *Клмросъ* — Въ просторѣчій: *Крылосъ* (III, 613).

Одни и тѣ же слова не всегда имѣютъ совершенно то же значеніе въ языкѣ книжномъ и въ просторѣчій:

— *Бубенъ* — Военное музыкійское орудіе, на подобіе литавръ и т. д. Въ просторѣчій: Человѣкъ убогій, ничего неимѣющій: «Голь, какъ *бубенъ*; *бубенъ бубномъ*» (I, 366).

Глазастый — Большіе глаза имѣющій. — Въ просторѣчій: Острое зрѣніе имѣющій, или тотъ, кто далеко и много видитъ (II, 68).

— *Погадать* — Нѣсколько времени провести въ гаданіи: «*Погадать* въ карты». Въ просторѣчій: Пораздумать, Поразсудить, Поразмыслить: «Какъ подумаешь да *погадаешь*, такъ дѣло-то и плох» (II, 11).

Отъ *просторѣчія* отличается *простонародное* употребленіе:

— *Варганю*— Въ просторѣчии употребляется въ третьемъ лицѣ и значить: Кипить съ шумомъ: «Вода въ котлѣ *заварганила*». Въ простонародномъ употребленіи значить: Неискусно на какомъ орудіи играю» (I, 493).

— *Отбиваю*— Въ просторѣчии берется иногда вмѣсто *уѣчу*: «*Отбить* руки и ноги». Простонародн.: Отлучаю, Отдаляю, Отчуждаю: «*Отбить* купца; онъ умѣлъ *отбить* отъ меня многихъ моихъ знакомыхъ» (I, 197).

— *Наваливаюсь*— Въ просторѣчии: Нападаю, притѣсняю кого. «На него всѣмъ міромъ *навалилися*». Простонародн.: Во множествѣ, кучею, толпою вхожу: «Въ избу *навалилися* мужики» (I, 472).

Но въ иныхъ случаяхъ просторѣчіе какъ бы сливается съ простонароднымъ:

— *Навязаться кому на шею*— Въ просторѣчии: Насильно къ кому пристать, прицѣпиться (I, 1115).

— *Навязать кому что на шею*— Образъ вѣщанія простонароднаго: Насильно отдать, препоручить кого въ чье смотрѣніе или попеченіе: «Едакова урода *навязали* на мою шею» (I, 1115).

— *Разбодряюсь*— Въ просторѣчии: Начинаю бодриться; весьма бодрюсь; хорохорюсь (I, 263—264).

— *Прибодряюсь*— Простонародн.: Бодрость оказываю; являю видъ, беру осанку бодрого; показываю себя неробкимъ, смѣлымъ (I, 263).

Въ словарѣ російской академіи названы просторѣчіемъ слѣдующія слова и выраженія:

— *Балы*— Въ просторѣчии: Пустословіе, веселый вздоръ; обольщеніе пустыми словами: «Точить *балы*; *балы* подпускать» (I, 91).

— *Богачъ*— Въ просторѣчии: Богатый человѣкъ (I, 245).

— *Бытъ*— Въ просторѣчии: Состояніе, родъ жизни; потребное къ состоянію: «Онъ въ *быту* своемъ доволенъ; въ домашнемъ *быту* все пригодится» (I, 397).

— *Бытѣ* — Въ просторѣчии: Все, кому принадлежащее: «Вотъ все мое житѣе, *бытѣе*, богатство» (I, 398).

— *Перевертышиз* — Въ просторѣчии: Ударъ, данный съ такою силою, что ударяемый долженъ перевернуться: «Онъ добраго ему далъ *перевертыша*» (I, 650).

— *Въхѣ* — Въ просторѣчии: Великорослый, тонкій и нескладный человѣкъ: «Экая *въха!*» (I, 1055).

— *Гайтанъ* — Въ просторѣчии: Снурокъ небольшой мѣры для завязыванія чего (II, 16).

— *Загвозда* — Въ просторѣчии: Сильный ударъ: «Далъ ему добрую *загвоздку*» (II, 30).

— *Глазунъ* — Въ просторѣчии: Волокита, зѣвака (II, 69).

— *Огласка* — Въ просторѣчии: Извѣщаніе многимъ о дѣлѣ, которое таилась, крылось (II, 78).

— *Глотъ* — Въ просторѣчии: Обидчикъ, притѣснитель, который нагло что себѣ присвоетъ (II, 87).

— *Негодъ* — Въ просторѣчии: Несчастіе, неудача; неурожай (II, 165).

— *Година* — Въ просторѣчии: Судьба: «Несчастливая *година*» (II, 166).

— *Головоломъ* — Въ просторѣчии говорится о тѣхъ предметахъ, которые требуютъ великаго, крайняго вниманія: «Сія наука — прямой *головоломъ*» (II, 181).

— *Удача* — Въ просторѣчии, въ отношеніи къ лицу, тоже, что *удалой*: «Онъ — великій *удача*» (II, 521).

— *Сдоръ* или *Вздоръ* — Распря, ссора; несогласіе безъ достаточной причины; нескладница; рѣчь, незаключающая въ себѣ никакого смысла (II, 655).

— *Домовище* — Въ просторѣчии означаетъ тоже, что *вробъ* (II, 727).

— *Горожанинъ* — Въ просторѣчии такъ зовется житель всякаго города вообще; особенно, житель города Архангельска или Архангельскаго намѣстничества (II, 303).

— *Раздумье* — Въ просторѣчии: Сумгніе, колебаніе въ мы-

сляхъ вразсужденіи какого предпріятія: «Его *раздумье* взяло» (II, 794).

— *Крѣпныиъ* — Въ просторѣчии называется: Скупой, крѣпкій сложеніемъ челоуѣкъ (III, 1035).

— *Отлика* — Въ просторѣчии: Отмѣна: «Между ими нѣтъ ни малой *отлики*» (III, 1204).

— *Лядъ* — Въ просторѣчии: Несчастіе, неудача: «На все *лядъ* пришелъ» (III, 1385).

— *Пай* — Въ просторѣчии иногда берется за счастье, за удачу: «Ему нѣтъ ни въ чемъ *паю*» (IV, 695).

— *Рубать* — Въ просторѣчии называется тотъ, кто склоненъ, искусенъ драться на шпагахъ (V, 179).

— *Скряга* — Въ просторѣчии называется до подлости скупой челоуѣкъ; чрезвычайный скупяга (V, 501).

— *Талантъ* — Въ просторѣчии значить: Дарованіе, природная къ чему способность (VI, 22 — 23).

— *Причина* — Въ просторѣчии иногда означаетъ непріятное или вредное приключеніе: «Со мною ~~эдакой~~ причины не бывало, какъ нынѣ случилось» (VI, 769 — 770).

— *Чудородье* — Въ просторѣчии означаетъ челоуѣка странныхъ свойствъ, или глупаго (VI, 829).

— *Мать сыра земля* — Въ просторѣчии такъ называютъ землю, говоря: «Пошолъ въ *мать сырую землю*», т. е. умеръ (III, 54).

— *Набитой братъ* — Въ просторѣчии: Равный званіемъ, состояніемъ (I, 194).

— *Даръ Божій* — Въ просторѣчии называется хлѣбъ (II, 465).

— *Батюшкинъ сынокъ* — Въ просторѣчии говорится для означенія богатаго отца сына, имѣющаго предстателей (V, 1004).

— *Близокъ* — Въ просторѣчии иногда значить знаемый, имѣющій доступъ, довѣренность; и въ семъ случаѣ употребляется какъ существительное съ предлогомъ *къ*: «*Близокъ* къ государю» (I, 225).

— *Бытнѣй* — Въ просторѣчии, въ отношеніи къ лицу: Нѣчто

значущій, составляющій: «Ты говоришь какъ *бытнoй* человекъ» (I, 397).

— *Бытный* — Въ просторѣчїи: Годный, полезный, корыстный: «Будто *вытнoй* человекъ о себѣ думаетъ» (I, 960).

— *Бълехонекъ* — Въ просторѣчїи наипаче употребляемое къ означенію посѣдѣвшихъ старыхъ людей или выпытыхъ замаранныхъ вещей: «Въ короткое время сдѣлался какъ лунь *бълехонекъ*» (I, 440).

— *Густъ* — Въ просторѣчїи значить: Достаточенъ, богатъ: «Онъ *устъ*, для него убытокъ сей нечувствителенъ» (II, 440).

— *Мастероватъ* — Въ просторѣчїи: Довольно искусный (IV, 54).

— *Наблoишняюся* — Въ просторѣчїи: Навыкаю, перенимаю; проворнымъ, ухватливымъ дѣлаюся: «Живучи по людямъ, довольно *наблoишился*» (I, 229).

— *Взвариваю* — Въ просторѣчїи: Прытко иду, шибко бѣгу, весьма скоро ѣду, мчусь: «Какъ онъ на гору *взвариваетъ*» (I, 497).

— *Загрезитъ* — Въ просторѣчїи: Начать врать, болтать; завести рѣчь о чемъ-нибудь пустомъ (II, 340).

— *Благодарствую* — Въ російскомъ языкѣ, въ просторѣчїи, глаголъ сей употребляется въ первомъ токмо лицѣ настоящаго времени, и по большей части говорится въ отвѣтъ тому, кто привѣтствуетъ кого, чихнувшаго, словомъ: *Здравствуй* или *Здравствуйте* (II, 470).

— *Подобрѣтъ, Раздобрѣтъ* — Въ просторѣчїи: Растволстѣтъ, Похорошѣтъ (II, 702).

— *Отбездѣловатъ* — Въ просторѣчїи: Отъ небережнаго употребленія испортить, или въ худое состояніе привести, какъ-то: измарать, изорвать, изтаскать что и проч.: «*Отбездѣловатъ* кафтанъ, книгу» (II, 911).

— *Живлюсь* — Въ просторѣчїи значить: Корытуюсь; прїобрѣтаю, праведно или неправедно, богатство: «Онъ много *живится* отъ подрядовъ» (II, 1136).

— *Куршу*—Въ просторѣчїи: Тру рукою глаза, когда они свербятъ или навертываются слезы (III, 1059).

— *Кучусь*—Въ просторѣчїи: Прошу убѣдительно (III, 1102).

— *Соблю*—Въ просторѣчїи: Берегу для себя или кого другаго чтò: «Онъ *собитъ* все дѣтямъ (V, 398).

— *Со всячиною*—Въ просторѣчїи говорится о людяхъ нравныхъ, своеобразливыхъ и неискреннихъ: «Осторожно съ нимъ обходись, онъ человекъ *со всячиною*» (I, 667).

— *Гладю* или *Гладюю*—Въ просторѣчїи значитъ: Ласково, употребляя ласку: «*Гладюю* лучше можно у него выспросить; не всегда съ пристрасткою, иногда *съ гладюю*» (II, 58).

— *Въ голяхъ* или *На голяхъ*—Употребл. въ просторѣчїи: Въ бѣдномъ состоянїи, при недостаткѣ чего-нибудь: «Я слышалъ, что ты проигрался, и теперь *въ голяхъ*; ему *на голяхъ* и тò годится» (II, 195).

— *Ономедни, Ономеднись, Ономеднясь*—Въ просторѣчїи: За нѣсколько дней предъ симъ (II, 584).

— *Напереломъ*—Въ просторѣчїи: Вопреки, напротивъ: «Дѣлать чтò кому *напереломъ*» (III, 1307).

— *Вмахъ* или *Смаху*—Въ просторѣчїи значитъ: Скоро, тотчасъ: «Подожди меня, я *смаху, вмахъ, сбѣгаю*» (IV, 66).

— *Собираюсь съ душою, или съ духомъ*—Въ просторѣчїи: Отдыхаю, отдохновенїе получаю послѣ скорога бѣжанья, послѣ удара, или отъ страха: «Онъ уже успѣлъ *собраться съ духомъ*, и опять побѣжалъ» (I, 161).

— *Мозолю нажить*—Говорится въ просторѣчїи, и значитъ: «Нажить тяжкимъ трудомъ» (IV, 221).

— *Прижать къ ногтю*—Въ просторѣчїи: Притаить, присвоить себѣ принадлежащее другому (IV, 548—549).

— *Навъситъ что кому на носъ*—Въ просторѣчїи: Весьма ясно намекнуть кому о чемъ (IV, 583).

— *Сбитъ кого съ нахвѣй*—Въ просторѣчїи: Привести въ замѣшательство, въ разстройку (IV, 738).

— *Отъ душки кусочекъ*—Образъ вѣщанїя, въ просторѣчїи

употребляемого для изъявленія, что отдасть лучшее, не жалѣть (II, 825—826).

— *Одна грудь завѣдаетъ*—Говорится въ просторѣчїи, т. е. Я самъ только могу чувствовать, сколько мнѣ сіе прискорбно, тягостно (II, 376).

Сверхъ *просторѣчїя* въ собственномъ смыслѣ, словарь российской академіи допускаетъ различные виды такъ называемой *простой рѣчи*, какъ напримѣръ: *низкое просторѣчїе, низкій слогъ, низкое слово, простое употребленіе, простое нарѣчїе*, и т. п. Низкій слогъ находили даже въ памятникѣхъ древняго русскаго языка.

— *Кадыкъ*—Говорится въ низкомъ просторѣчїи о весьма строптивыхъ, о неуступчивыхъ: «У него великъ, широкъ *кадыкъ*» (III, 355—356).

— *Приказная строка*—Говорится въ низкомъ просторѣчїи, и значить тоже, что ябедникъ, крючковорець (III, 378).

— *Уходитъ*—Въ низкомъ просторѣчїи, относительно къ вещамъ, значить *Проматать*: «Ему ничего нельзя дать, онъ тотчасъ *уходитъ*» (III, 280).

— *Кручина*—Печаль, грусть, безпокойствіе душевное. Реченіе сіе употребляется въ просторѣчїи и въ низкомъ слогѣ (III, 1021).

— *Хватаю*—Глаголь, въ низкомъ слогѣ употребляемый и значащїй: Хватаю, беру, употребляя усиліе: «*Хватающе* многихъ христіянъ въ плѣнъ». Царствен. кн. 153. (VI, 501—502).

— *Хабаръ*—Слово низкое, означающее прибыль, прибытокъ, барышъ (VI, 499).

— *Угаръ*—Въ простомъ употребленіи означаетъ: Удалецъ, забіяка (II, 271).

— *Собираюсь съ умомъ, съ мыслями*—Въ простомъ нарѣчїи значить: Разсуждаю, размышляю, думаю (I, 161). ✓

XI.

Въ академическомъ словарѣ помѣщено довольно значительное количество словъ и выраженій, названныхъ *простонародными*. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются и въ языкѣ литературномъ, у Ломоносова, у Сумарокова и у другихъ писателей. Говоря вообще, образованіе письменнаго языка совершается постепенно, и вліяніе живой, устной рѣчи обнаруживается все сильнѣе и сильнѣе. Тѣ, что считалось низкимъ и простонароднымъ, дѣлается достояніемъ образованнѣйшей части общества и вполне усваивается литературою. Въ словарѣ россійской академіи найдется нѣсколько указаній, любопытныхъ въ этомъ отношеніи. Такъ слово *Талантъ*, въ смыслѣ дарованія, отнесено къ *просторечію*, а слова: *Верховье* (рѣчки), *Крыша*, *Быль*, *Былое*, и др., названы *простонародными*, и т. п. Изрѣдка употребляется названіе *народный* совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и *простонародный*.

— *Базарь*—Простонародн.: Сказыватель сказокъ, небылицъ; рассказчикъ (I, 116).

— *Збойникъ* и *Збойчакъ*—Простонародн.: Лукавецъ, хитрецъ, выдумщикъ, вымышленникъ; человекъ, употребляющій различныя хитрости, умыслы (I, 190).

— *Братовщина*—Простонародн., въ шуточномъ смыслѣ употребляем.: Имѣніе, оставшееся послѣ братьевъ: «Онъ еще *братовщиной* дышетъ» (I, 325).

— *Буторъ*—Простонародное: означающее всякій домашній бытъ или пожитки (I, 393).

— *Быль*—Простонародн.: Что было дѣйствительно; истинная о чемъ повѣсть: «*Быль* что смола, а небыль что вода» (I, 396).

— *Забытъ*—Простонародн.: Дреманіе; легкій, некрѣпкій сонъ (I, 400).

— *Бьдокуръ*—Простонародн.: Причиняющій бѣды другимъ, или неостерегающійся отъ бѣдъ (I, 430).

— *Бъсовщина*—Простонародн.: Неистовство, нелѣпость, чрезмѣрная рѣзвость (I, 450).

— *Навалъ*—Простонародн.: Принужденіе, убѣжденіе взять какую вещь (I, 473).

— *Вахлакъ*—Простонародн.: Шишка, напухлое мѣсто или какой наростъ на тѣлѣ у животнаго (I, 512).

— *Верховье*—Простонародн.: Начало, вершина рѣки (I, 628).

— *Видальщина*—Простонародн.: Бывальщина; то, что видали; что уже не вдиловину (I, 676).

— *Втора*—Простонародн.: Причина, «Эка втора» (I, 934).

— *Повычка*—Простонародн.: Повадка; сдѣланная привычка (I, 943).

— *Вяха*—Простонародн.: Сильный ударъ: «Дать вяху» (I, 1139).

— *Гомоюнъ*—Простонародн.: Безпрѣстанно въ движеніи находящійся (II, 200).

— *Догадъ*—Простонародн.: Смысленый, догадливый (II, 7).

— *Гомзѹля*—Простонародн.: Говоря о хлѣбѣ, значить: большой ломоть, срѣзокъ, укрухъ; говоря о деньгахъ: нарочитое количество оныхъ скопленное (II, 198).

— *Горлопятина*—Простонародн.: Такъ называются самыя кислые и вяжущіе овощи, какъ-то яблоки и пр. (II, 252).

— *Гуня*—Простонародн.: Рубище; ветхая, изодранная одежда (II, 434).

— *Додоръ*—Простонародное, прочихъ надежей неимѣющее, употребляемое къ означенію, когда, по причинѣ тѣсноты или многолюдства, пройти куда трудно или невозможно: «На рынкѣ, въ банѣ додору нѣтъ» (II, 640).

— *Полудурье*—Простонародное, употребляемое къ означенію человѣка, несовѣмъ умнаго (II, 801).

— *Нятъ*—Простонародн.: Небытіе при должности: «Записанъ въ нятъ» (II, 1025).

— *Зажига*—Простонародн.: Зачинщикъ, заводчикъ, виновникъ какого раздора (II, 1067—1068).

— *Кока* — Въ простонародномъ: Яйцо куриное (III, 697).

— *Лылы* — Простонародн., несклоняем.: Обманъ: «Онъ про-водитъ его все на *лылахъ*» (III, 1343).

— *Тремодъ* — Простонародн.: Шутникъ, забавникъ (III, 1381).

— *Фаля* — Простонародн.: Непроворный, безтолковый, не-предусмотрительный человекъ (VI, 481).

— *Шимора* — Простонародн.: Мошенникъ, хитрымъ во-ровствомъ промышляющій (VI, 891).

— *Лихая болѣсть* — Простонародн.: Падучая болѣзнь, Чер-ная немочь (I, 280).

— *Живая грамота* — Говорится въ простонародіи въ та-комъ случаѣ, когда кто твердо изустно пересказываетъ о ка-комъ-либо происшествіи или что-нибудь, порученное отъ кого (II, 1126—1127).

— *Колотырный* — Простонародное, прилагаемое: къ такимъ, которые разными низкими и постыдными для человекъ средства-ми стараются о приумноженіи своего имущества; къ такимъ, кои дѣлаютъ смутки, переносятъ рѣчи и проч.; къ такимъ, кои ска-зываютъ что шутливое для препровожденія времени съ насмѣш-ками для другихъ (III, 723—724).

— *Щирый* — Простонародн.: Нарядный, статный; имѣющій всѣ свойственные отличительные знаки: «*Щирый Французъ, нѣ-мецъ*» (VI, 966).

— *Барабошу* — Простонародн.: Трогаю что-нибудь, шевелю; неугомоненъ бываю (I, 97).

— *Выбаживаюсь* — Простонародн.: Единожды произношу клятву, божбу (I, 257).

— *Валандаюсь* — Простонародн.: Непроворно, нерастороп-но что дѣлаю; задерживаюсь какимъ препятствіемъ: «Увязши въ грязи, долго *валандался*» (I, 463).

— *Винтую* — Простонародн.: Различными движеніями про-ворство, удалство, смѣльство свое показываю (I, 709).

— *Лузаю* — Простонародн.: Медлю, мѣшкаю, нерасторонно что дѣлаю (II, 425).

— *Дворянюсь* — Простонародн.: Говорится о человѣкѣ, который ни за что самъ приняться не хочетъ (II, 568).

— *Дрочу* — Простонародн.: Нѣжу кого: «*Дрочить* дитя, ребенка» (II, 763).

— *Отдуюаюсь* — Простонародн.: Оттерпливаюсь, выдерживаю что трудное или неприятное: «Отъ пристрастнаго разспроса *отдулся*» (II, 842).

— *Изнимаю* — Простонародн.: Принимаю, одолѣваю: «Бѣдность его *изняла*» (II, 967).

— *Крочу* или *Крочу* — Простонародн.: Брюжжу, ворчу (III, 970).

— *Кучу* — Простонародн. Относительно къ вѣтреной погодѣ значить: верчу, кружу: «Вѣтеръ *кутитъ*». Относительно къ человѣку: Произвожу смутками между другими ссору (III, 1102).

— *Трелюжусь* надъ кѣмъ — Простонародн.: Слишкомъ шучу, насмѣхаюся (III, 1381).

— *Лытаю* — Простонародн.: Много хожу повсюду праздно, безъ дѣла (III, 1344).

— *Ребрюсь, Изребриться* — Простонародн.: Избочениться, стать или пройти бокомъ (V, 107).

— *Тазаю* — Простонародн.: Журю, выговариваю, браню (VI, 8).

— *Щечу* — Простонародн.: Урывкою, украдкою понемногу таскаю (VI, 958).

— *Власно* — Простонародн.: Точь въ точь; ни дать ни взять; волосъ къ волосу (I, 761).

— *Изневѣсть* — Простонародн.: Невдогадъ, невзначай, нечаянно, внезапно, вдругъ (I, 982).

— *Думно* — Простонародн.: Сумнительно: «Ему *думно*, что»... (II, 791).

— *Конче* — Въ простонародномъ: Неотмѣнно, непремѣнно (III, 768).

— *Билиъ*, или *Бѣлиъ* — Частица простонародная, прилагаемая къ концу слова въ случаѣ недоумѣнія, и ничего сама по себѣ незначащая: «Какъ *билиъ* его зовутъ?» (I, 452).

— *Дѣчина* — Тоже, что дѣвица. Простонародное низкое; употребляется по большей части въ пѣсняхъ (II, 855).

— *Богатина* — Низкое: Богатый человекъ (I, 244).

— *Батракъ* — Народн.: Наемникъ; крестьянинъ, работающій у другого изъ договорной платы (I, 110).

— *Бекрень* — Народное, употребляемое токмо во образѣ нарѣчія *Набекрень* (I, 121).

— *Восца* — Въ общемъ родѣ простымъ народомъ употребляемое, означаетъ непосѣда, рѣзваго, который на одномъ мѣстѣ сидѣть не можетъ (I, 867).

— *Барка* — Въ простонародномъ слогѣ употребляется вмѣсто множества: «У него *барка* денегъ» (I, 102).

— *Боры* — Въ разговорахъ простонародныхъ называются, по уподобленію, морщины, или рубцы, на лицѣ болѣзнію произведенныя (I, 134).

— *Братанъ* — Въ простонародномъ употребленіи означаетъ брата (I, 324).

— *Рубаха рубахою* — Говорится въ простонародномъ употребленіи о безковарномъ, весьма простосердечномъ (V, 192).

— *Гнутъ калышки* — Въ простонародномъ употребленіи означаетъ: Врать вздоръ чепуху; небывальщину молоть съ тѣмъ, чтобы другіе смѣялись (II, 119).

— *У тебя, у него горло широко* — Говорится въ простонародномъ употребленіи, т. е. Неуступчивъ (VI, 889).

✓ — *То и дѣло* — Образъ простонароднаго вѣщанія: «Онъ *то и дѣло* бѣгаетъ, шалитъ, рѣзвится» (II, 908).

— *Перебиваю лавочку у кого* — Образъ вѣщанія простонароднаго: Перебиваю у кого какой доходъ, или обращаю на себя благосклонность, оказываемую другому (I, 199).

XII.

Членами российской академии, принимавшими непосредственное участие въ составленіи и изданіи словаря, а также и тѣми, которые жили внѣ Петербурга, собрано много словъ старинныхъ, областныхъ, техническихъ, иностранныхъ, и т. д. Изъ словъ старинныхъ удержаны въ словарѣ только тѣ, которыя способствуютъ пониманію древняго быта или же заключаютъ въ себѣ корень словъ, доселѣ употребляемыхъ въ языкѣ.

Подъ названіемъ *старинныхъ* помѣщены слова, извлеченныя изъ различныхъ источниковъ: изъ лѣтописи Нестора, изъ Новгородской лѣтописи, изъ Никоновскаго сборника, изъ Русской Правды, Судебника и Уложенія, изъ Синописа, изъ Ратнаго устава, и др.

— *Роля*, или *Роля* — старин. Пашня: «Хочемъ погубити смерды, и *ролю* имъ отъяти». Нест. Лѣт. 168 (V, 171).

— *Свесть* — старин. Своячина: «За Мстислава Ясыню изъ Владимира, *свесть* Всеволоду». Нест. лѣт. I. 271. «Прося за себя *свѣсти* его, сирѣчь своякини его. Др. Лѣт. I, 197» (V, 355).

— *Гридница* и *Гридня* — старин. Чертогъ, покой въ княжескомъ дворцѣ, опредѣленный для приему вельможей; называлась такъ же судебная хранина: «Устави на дворѣ въ *гридницу* пирь творити». Нестор. лѣт. 89. «Бояромъ его повелѣити въ столовую *гридню*». Арханг. Лѣт. 170. «Повелѣ вметати въ погребъ, а инныхъ въ *гридницу*». Новг. Лѣт. 87 (II, 348 — 349).

— *Корзно*; въ множ. *Корозная* — старин. Епанча, или верхняя одежда: «Володимеръ сскочи съ коня, и покры ѿ *корзнома*». Нестор. I. 204. «Святополкъ нача даяти овѣмъ *корозная*, а другимъ кунь». Никон. Лѣт. I, 222 (III, 820).

— *Вьдомецъ* — старин. Знатокъ, искусившійся въ тѣхъ дѣлахъ, каковыя ему поручаются: «И на то устроенныхъ тамо *вьдомцовъ*, да видятся со стражи татарскими, и подадять скоро вѣсть». Др. Лѣт. ч. II, стр. 33 (I, 972).

— *Прогрѣхъ*—старин. Прошибка, промашка: «Стрѣляху безъ *прогрѣха*». Др. Л. II, 77 (II, 399).

— *Украй*—старин. Предѣлъ, граница: «Вѣсть приде, что новгородцы на *украй* земли». Др. Лѣт. I, 206 (III, 899).

— *Мишанъ*—старин. Родъ судна, но какое оно было строеніемъ и величиною, неизвѣстно: «Суды ихъ вся изсѣкоша, и паузки, и кербаты, и лады, и *мишань*». Др. Лѣт. I, 246 (IV, 157).

— *Переветъ*—старин. Измѣна, содружество тайное съ не-пріятелемъ: «Творяхуть е *переветъ* держаще къ Святославу». Новг. Лѣт. 36 I, 1041).

— *Коркота*—старин. Корча, spasms: «Бысть на нихъ на пути *коркота*, начало имъ корчити руки и ноги». Арх. Лѣт. 100 (III, 853).

— *Вѣдунъ*—старин. Угадчикъ, прорицатель: «Явишася въ Новѣградѣ волхвы, *вѣдунъ*». Никон. Лѣт. II, 357 (I, 969).

— *Обжа*—старин. Участокъ земли, сколько одинъ чело-вѣкъ на одной лошади взорать можетъ: «*Обжа* одинъ чело-вѣкъ на одной лошади ореть; а кто на трехъ лошадахъ и самъ тре-тей ореть, ино то соха». Никон. Лѣт. VI, 97 (IV, 584).

— *Накра*—старин. Бубны: «Начаша въ сурны играти, и въ варганы, и въ *накры* бити». Никон. Лѣт. V, 234. «Въ сурны играти и въ *накры* и въ политавръ». Сказан. объ осадѣ Троицк. монастыр. 122 (IV, 470).

— *Отзиміе*—старин. По долговременной оттепели, зимою или весною, случающійся морозъ: «Тоя же весны бысть *отзиміе*, и паде снѣгъ великъ, и паки сойде». Царств. Лѣт. стр. 240. «*Отзиміе* было велико». Др. Лѣт. I, 266 (III, 74).

— *Олекъ*—старин. Подрѣзанный улей: «Оже будутъ пчелы не лажоны, то десять кунъ; будетъ ли *олекъ*, то пять кунъ». Русск. Пр.; нов. изд. стр. 72 (IV, 628).

— *Ухожье*—старин. Мѣсто, гдѣ борги или пчельники для пчель ставятъ, а у соболиныхъ промышленниковъ на соболей пасти: «Такія бортныя *ухожья* давати въ помѣстья». Улож. гл. XVI, ст. 35 (III, 281).

— *Молма*—старин. Оговоръ, огласка: «Которые воры, та-ти и разбойники учнутъ говорити, затѣвая воровствомъ какую татиную и разбойную *молму* на иныхъ людей для своей корысти». Улож. XXI, 33, 35 и 40 (IV, 235).

— *Кузьн*—старин. Золото или серебро кованое, въ сосудахъ или уборахъ состоящее: «Все золото и серебро, и священные сосуды, и ключи полатныя, идѣже *кузьн* церковная, сокровища вся, отъязтъ». Никон. Лѣт. 225. «Со святыхъ иконъ *кузьн* одраша». Др. Лѣт. II, 80 (III, 1112).

— *Шидяньи*—Прил. старинное, употребляемое для обозначенія нѣкоего истканія: «Овиں же камчаты, другіи же *шидяньи*». Др. Лѣт. II, 138 (VI, 884).

— *Лучу*—старин. Снискиваю, приобрѣтаю: «А сподобылиши вѣкъ онъ *лучити*». Никон. Лѣт. II, 185 (III, 1334).

— *Мотчая*—старин. Медлю, мѣшкаю: «Князь великій послалъ къ нимъ, чтобы не *мотчая* пошли къ Новгороду». Царств. Лѣт. 417 (IV, 272),

— *Объручь*—старин. несклоняем. Изъ обѣихъ рукъ, обѣими руками: «Удари Амарбея по плечу *объручь*». Царств. Лѣт. 331 (V, 214).

— *Неотвелика*—старин. Не много, нѣсколько: «И томъ хочю еще *неотвелика* объявити». Ратный уставъ. Ч. I, 84 (I, 587) и т. д. ⁶⁶).

Не при всѣхъ словахъ, названныхъ *старинными*, есть точныя ссылки на источники; иногда словарь ограничивается замѣчаніемъ, что слово *старинное*, не указывая, откуда оно заимствовано:

— *Бахматъ*—Названіе старинное, означающее великорослую лошадь: «Старинные наши бояра на *бахматахъ* ко двору ѣзжали» (I, 111).

— *Вечь*—старин. Башня или колокольня (I, 669).

— *Вѣща*—старин. Прутъ извитый, закрученный, употребляемый для сшиванія досокъ у водоходныхъ судовъ и связыванія плотовъ (I, 729).

— *Адамашка* — Старинное названіе одноцвѣтной, травчатой, шелковой ткани (I, 9).

— *Гльнь* — старин. Сокъ, влажность, изъ какого-либо вещества выжатая (II, 99).

— *Горволь* — старин. Пузырь водяной (II, 238).

— *Гуза* — старин. Морщина (II, 425).

— *Дѣлва* — старин. Кадка, бочка (II, 575).

— *Друзкъ* — старин. Сухль, хворостъ, посохлыя дерева (II, 774).

— *Знакомецъ* — Встарину у насъ назывались тѣ маломощные и мелкіе дворяне, кои у знатныхъ искали себѣ покровительства, и бывали у нихъ какъ домашніе люди; собесѣдовали имъ, принимали и угощали ихъ гостей, и разными непостыдными способами услуживали благодѣтелямъ своимъ. Сии же въ возмездіе и по мѣрѣ ихъ услугъ награждали ихъ опредѣленіемъ къ мѣсту и одобреніемъ государю: «Отецъ его жилъ во *знакомцахъ* у тако-го-то боярина» (III, 103).

— *Безмоленикъ* — старин. Пустынникъ; живущій уединенно (IV, 235).

Картомá или *Кортома* — старин. Откупъ, наемъ и деревень: иначе *аренда* (III, 455).

— *Комяна* — старин. Родъ лодки однодеревки (III, 766).

— *Вабій* — старин. Зять, дочернинъ мужъ (I, 452).

— *Кружъ* — старин. Глыба, комъ снѣгу, земли или другого чего (III, 1021).

— *Кѹфа* — старин. Бочка большая (III, 1101).

— *Мамуль* — Старинное названіе дикой кошки (IV, 28).

— *Моразъ* — старин. Бархатъ (IV, 261).

— *Нуръ* — старин. Земля (IV, 568).

— *Образа* — старин. Срамъ, студи, поношеніе (IV, 587).

— *Перепелы* — старин. Родъ головнаго убора, извѣстнаго подъ другимъ названіемъ *Трясульки* (IV, 766).

— *Пира* — старин. Рожъ или ржаная мука (IV, 815).

— *Голъемый* или *Голъмый* — старин. Великій, преимуще-
ственный (II, 198).

— *Ръти* — старин. Течь, тещи (V, 263).

— *Верстать помѣстьемъ* — рѣченіе старинное. Въ преж-
нія времена, когда военнoслужашимъ не было производимо де-
нежное жалованье, служили помѣщики сами, и приводили на
службу воиновъ по числу имѣющихся во владѣніи ихъ кре-
стьянъ и пространства земли. Отличившіеся же на войнѣ на-
граждаемы были отъ государей помѣстьями, и тѣмъ самымъ
пріобрѣтали право благородства (I, 620), и т. д.

Въ словарѣ отмѣчались слова: старинныя, вышедшія изъ
употребленія; старинныя, до сихъ поръ употребляемыя; обвет-
шалыя; обветшалыя древнія; мало или рѣдко употребляемыя и
вовсе неупотребительныя.

— *Бавлю* — старинное, вышедшее изъ употребленія; отъ
него: *бавлюся* — занимаюсь чѣмъ; замѣшківаюсь, и др. (I, 69).

— *Позорую* — старин., вышедш. изъ употребленія. Смотрю
на чтѣ на улицѣ, или на выставленное для общаго зрѣнія, или
на чтѣ необыкновенное: «Выволокоша въ неводѣ дѣтищъ, его же,
сходящися, *позоровахомъ* дивящася». Никон. Лѣт. I, 153. «Смот-
ряще съ *позорующими* царя». Прол. Март. 14 (III, 146—147).

— *Дъвуля* — старин. Нынѣ употребляется для означенія
мужчины, ничего мужественнаго въ себѣ неимѣющаго (II, 855).

— *Котора* — обетшал. Распря, ссора, раздоръ: «Бысть
котора зла въ людяхъ». Новг. Лѣт. 31 (III, 877).

— *Кресъ* — Обетшалое, вышедшее изъ употребленія, озна-
чавшее въ глубокой древности *Жизнь, явленность*: «Ему на *кресу*
не бывать», т. е. ему не спасти жизни; ему на яву не бывать
(III, 944).

— *Разгонка* — малоупотреб. Продолженіе дѣйствія разго-
няющаго (II, 226).

— *Вихаю* — малоупотреб. Шатаю, двигаю, сдвигаю (I, 718).

— *Догадываю* — малоупотреб. Надоумливаю: «Кто догадалъ тебя сіе сдѣлать?» (II, 6).

— *Голодью* — малоупотреб. Говорится, когда запасы оскудѣваютъ или когда бываетъ недородъ въ какомъ мѣстѣ (II, 186).

— *Стигу* — малоупотреб. Догоняю, стараюсь догнать кого: «Сопротивный *стижетъ* его». Ратн. уст. I, 119 (V, 732).

— *Грозность* — рѣдкоупотреб. Строгость, суровость, свирѣпость: «На лицѣ его *грозность* написана; *грозностию* взора страхъ наводитъ» (II, 355).

— *Гривистый* — рѣдкоупотреб. Хорошую гриву имѣющій: «*Гривистая* лошадь» (II, 345).

— *Преодолимый* — рѣдкоупотреб. Котораго преодолѣть, осилѣть, побѣдить можно (II, 724).

— *Гадательствую* — рѣдкоупотреб. Упражняюсь въ искусствѣ гадательномъ; говорю темно, загадками (II, 5).

— *Гомонъ* — вышедшее изъ употребленія. Мятежъ, молва, шумъ (II, 199).

— *Головство* — вышедшее изъ употребленія. Старшинство, властелинство, начальство. Древн. Вивл. VII, 377 (II, 182).

— *Далю* — вышедш. изъ употребленія. Прочь отъ себя устраняю: «Иныя стекла приближаютъ, другія *далютъ* предметъ» (II, 461).

— *Далюся* — вышедш. изъ употребленія. Вдаль отхожу, прочь отступаю (II, 461).

— *Котораюся* — въ нынѣшнемъ языкѣ неупотребительн. Ссорюся; имѣю распрю, раздоръ: «Почто все и туне кровь свою проливаемъ, *которающися* и бѣущися». Никон. Лѣт. II, 351. «Стефанъ Твердиславичъ и Иванъ Тимошеевичъ *разкотораста* съ Водовикомъ посадникомъ». Царств. Лѣт. 119 (III, 878) и т. д.

XIII.

Первоначально, при составленіи общаго плана словаря, предложено было держаться исключительно московскаго нарѣчія и не давать въ словарѣ мѣста словамъ «провинціальнымъ и неизвѣстнымъ въ столицахъ». Противъ этого предложенія возсталъ Болтинъ, утверждая, что областныя слова составляютъ неотъемлемую принадлежность языка, а слѣдовательно и словаря, и что въ московскомъ нарѣчій есть не мало изуродованнаго и непригожаго. Въмѣсто *зарезо, встрѣтился, на рѣкѣ*, москвичи говорятъ: *жарезо, встрѣлся, на рѣкѣ*. По мнѣнію Болтина, областныя слова должны быть вносимы въ словарь, потому что одни изъ нихъ служатъ къ обогащенію языка; другія, по своимъ корнямъ, весьма важны для словопроизводства; третьи наконецъ пригодны для литературы въ томъ отношеніи, что могутъ быть влагаемы въ уста поселянъ, выводимыхъ «въ сочиненіяхъ издѣвочнаго рода», и т. п. ⁶⁷). Согласно съ мнѣніемъ Болтина, академическое собраніе положило помѣстить въ словарѣ «областныя слова *всѣ безъ изыятія*, каковыя токмо до свѣдѣнія академіи дойти могутъ, и каковыхъ въ столицахъ не находится». Вскорѣ за тѣмъ, при новомъ пересмотрѣ замѣчаній на планъ словаря, академія опредѣлила вносить въ словарь не всѣ безъ исключенія областныя слова, а только тѣ изъ нихъ, которыми «изображаются вещи, орудія и проч., въ столицахъ неизвѣстныя; также и тѣ, которыя могутъ послужить къ обогащенію и обилію языка, или же изяществомъ своимъ превосходятъ слова, въ столицахъ употребляемая». Обогащать языкъ они могли «своею ясностію, силою и краткостію»; притомъ же могли послужить и къ замѣнѣ словъ иностранныхъ ⁶⁸).

При объясненіи того или другаго изъ областныхъ словъ указывается большею частью и мѣстность, гдѣ оно употребляется, какъ на примѣръ:

Малороссія.

— *Гуторъ* — малоросс. Разговоръ, шутка (II, 446).

— *Гребля* — Въ Малороссіи: Насыпная платина (II, 326).

* — *Курихья слѣпота* — Въ Малороссіи такъ называютъ траву *Chelidonium majus* (III, 1083).

— *Головица* — малоросс. Родъ браги, которая при гнаніи сивухи или горячаго вина снимается (II, 181).

— *Горьлка* — Въ Малороссіи такъ называется хлѣбное, простое вино (II, 262).

— *Галушка* — Малороссійское, уменьшительное отъ польскаго слова *галка*, означающаго всякое шаровидное небольшое тѣло, и т. д. Иначе у насъ называются *клевки* (II, 19—20).

Сибирь.

— *Дворянинъ* — Въ Сибири такъ называется чинъ казацкій, равняющійся съ десятникомъ въ прочихъ казацкихъ войскахъ: «Козакъ, дворянинъ, сынъ боярскій» (II, 566—567).

— *Маралъ* — Названіе сибирское оленя (IV, 39).

— *Крестовикъ* — Въ Сибири такъ называются молодые песцы четырехмѣсячные, у коихъ на спинѣ и поперегъ между крыльцами бываютъ черноватыя полосы; также и *Крестоватики* (III, 938).

— *Аклея* — Утка, въ Сибири такъ называемая; въ полныхъ же странахъ именуется *Малая чернетъ* (I, 16).

— *Аранцы* — Въ Сибири называются высокія каменныя горы (I, 43).

— *Бѣлякъ* — Въ Сибири симъ названіемъ означается излишній сверхъ ясака поборъ. Камчатск. истор. (I, 448—449),

— *Коча* или *Кочъ* — Большое водоходное, въ Сибири и на *Сѣверномъ океанѣ* употребляемое судно, съ одною мачтою и съ палубою. Камч. истор. I, 6 (III, 884).

— *Ботунъ* — Весьма вкусный, на высочайшихъ Алтайскихъ

горахъ растущій, лукъ. Впрочемъ въ Сибири и *Уфимскомъ на-мѣстничествѣ* всякій дикорастущій лукъ или чеснокъ *ботуномъ* называютъ (I, 300).

Камчатка.

— *Бродильщикъ* — Прокладчикъ дорогъ для проходу ловцамъ соболинымъ на Камчаткѣ (I, 329).

— *Покрученикъ* — Наемники на соболиныхъ или рыболовныхъ промыслахъ, которыхъ хозяева снабжаютъ на дорогу запасомъ, платьемъ и всѣмъ, къ промыслу принадлежащимъ. По возвращеніи ихъ съ промыслу берутъ у нихъ треть добычи, а остальные двѣ трети имъ оставляются, причемъ покрученики должны возратить хозяевамъ всѣ, къ промыслу надлежащіе, припасы, кромѣ съѣстнаго. Камч. истор. I, 238 и 257 (III, 1020).

— *Кошлакъ* — Молодой камчатскій бобръ. Камч. истор. I, 287 (III, 889).

— *Ару* — Названіе камчатское птицы, къ роду гагаръ принадлежащей, водящейся около каменистыхъ острововъ въ сѣверномъ холодномъ поясѣ. Въ *Колѣ* называютъ ее *Гагаркою* (I, 53).

— *Ипатка* — Морская птица; водится въ сѣверныхъ моряхъ. . . . *Ипатками* называютъ ихъ въ Камчаткѣ; въ *Колѣ* же извѣстны онѣ подъ именемъ *Туниковъ* (III, 310—311).

— *Шикша* — Водяница, кустикъ на подобіе вереска, въ самыхъ холодныхъ сѣверныхъ странахъ растущій, приносящій черныя ягоды, употребляемая какъ противуцинготное лѣкарство. Въ Камчаткѣ называютъ его *Шикшею*, и, кромѣ лѣкарственнаго употребленія, красятъ ягодами въ вишневую краску, и подчеркиваютъ плохой пушной товаръ (I, 803).

— *Куклянка* — Верхняя одежда или шуба, сшитая изъ кожъ оленьихъ, вдлину пониже нѣсколько колѣнъ, съ широкими рукавами, и назади съ кулемъ. Камч. ист. II, 43 (III, 1058).

— *Нарты* — Сани, въ Камчаткѣ употребляемыя. Камч. истор. I, 243 (IV, 473).

— *Падласы* — Путла у лыжъ, въ которыя становятся ногами. Камч. истор. I, 244 (IV, 676).

Охотскъ.

— *Мычагатка* — Морская птица, къ роду тупиковъ принадлежащая. Въ Охотскѣ называется *Ипаткою*; водится около Камчатки (IV, 356—357).

Байкаль.

— *Котзи* — несклон. Рыболовная ловушка, на Байкалѣ въ весеннее время при пловатыхъ берегахъ употребляемая (III, 876).

Ураль.

— *Багоръ* — У козаковъ уральскихъ и на Волжскихъ учугахъ, желѣзный кусокъ съ зазубриною, прикрѣпленный къ длинному шесту, употребляемый для вытаскиванія осетровъ и бѣлугъ (I, 75).

— *Багоръ соромный* — Такъ называютъ уральскіе козаки тѣ рыболовные багры, коихъ древко подлиннѣе трехъ или пяти сажень. Названіе сіе происходитъ отъ слова *Сорма*, означающаго неглубокое въ рѣкѣ мѣсто (I, 75).

— *Багоръ яровой* — У козаковъ уральскихъ называется рыболовный багоръ, насаждаемый на древко длиною отъ семи до десяти сажень, коимъ багрятъ рыбу въ ярахъ, т. е. глубокихъ мѣстахъ (I, 75).

— *Багровище* — Вообще шестъ или древко, на которое насаживаютъ багоръ; въ особенности же называется запасной шестъ у козаковъ уральскихъ, навязываемый на багоръ яровой для багренья на самыхъ глубокихъ мѣстахъ (I, 75—76).

Бѣлое море.

— *Юра́* — Реченіе, извѣстное на Бѣломъ морѣ, въ сельдяномъ промыслу, и означающее стадо сельдей (VI, 1014).

— *Плѣтѣва* — У рыбныхъ промышленниковъ на Бѣломъ морѣ называются поплавки, дѣлаемые изъ еловаго дерева, привѣшиваемые на тетивахъ къ заметнымъ и стоячимъ неводамъ (IV, 916).

Архангельскъ.

— *Побережникъ* — Слово, *архангелогородцами* только употребляемое къ означенію восточнаго вѣтра; но вообще принято быть не можетъ, поелику означаетъ вѣтръ, вдоль берега дующій; берега же морскіе не вездѣ отъ востока къ западу простираются (I, 128).

Волга.

— *Ватага* — Такъ называются по Волгѣ, начиная отъ Царицына до устья и по *Каспійскому морю* рыбачьи артели, и самыя тѣ мѣста, гдѣ они рыбу ловятъ (I, 511).

— *Костерá* или *Костеръ* — На Волгѣ такъ называются выродки осетровъ и севрюгъ, которые въ большемъ количествѣ и острѣе имѣютъ жучки и звѣздчатыя косточки, снаружи находящіяся (III, 865).

— *Ложёвье* — Рыболовами на Волгѣ называется то мѣсто, которое рыба избираетъ себѣ въ зиму на лежанку. Путеш. Гмел. II, 280 (III, 1262).

— *Бѣлякъ* — На Волгѣ симъ именемъ называется ходъ рыбъ рунами въ разныя времена года: «*Бѣлякъ* бѣлужій; *бѣлякъ* осетрій; *бѣлякъ* стерляжій» (I, 448).

— *Ба́рнѣльщикъ* и *Ба́рнѣчѣй* — На волжскихъ учугахъ называется рыбный промышленникъ, который осматриваетъ по два раза въ сутки въ забойкахъ избы, и зашедшую въ оныя рыбу длиннымъ багромъ вытаскиваетъ (I, 76).

— *Маниста* — У волжскихъ рыбаковъ такъ называется нижняя бѣлужья челюсть (IV, 30).

— *Мтина* — Реченіе, извѣстное волжскимъ рыболовамъ, означающее связку, состоящую изъ двѣнадцати судаковъ. Путеш. Гмел. II, 234 (IV, 313).

— *Ерикъ* — На низовой Волгѣ и по берегамъ *Каспійскаго моря* такъ называютъ небольшіе ручьи: «Горькій *ерикъ*; соленый *ерикъ*» (II, 1013—1014).

Екатеринославское намѣстничество.

— *Гутей* — Въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ называется тоже, что *Айва*, плодъ кругловатый... растетъ у насъ по Тереку. Въ другихъ мѣстахъ Россіи называютъ плодъ сей нѣмецкимъ словомъ *Кюитъ* (II, 446 и I, 13), и т. д.

Иногда, вмѣсто точнаго обозначенія мѣстности, говорится только: въ южныхъ странахъ; въ сѣверныхъ странахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; въ областномъ употребленіи, и т. п.

— *Балка* — Въ южныхъ странахъ называютъ у насъ симъ именемъ ущелья горъ или узкія долины (I, 89).

— *Греча, Гречиха и Гречуха* — Въ низовыхъ провинціяхъ называется *Джуша* (II, 342).

— *Обабки* — Называются такъ инде грибы; извѣстные подъ именемъ опенковъ (IV, 853).

— *Маниха* — Въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи называется малый, предварительный приливъ воды, зависящій отъ положенія береговъ и мысовъ, бывающій до прилива большаго. Камч. ист. I, 35 (IV, 30).

— *Косуля* — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ называется родъ сохи, у которой сошникъ глубже роетъ землю (III, 870).

— *Пласта* — Областное. Такъ называется юбка; въ старинномъ же употребленіи означало вретница, власяницу, (IV, 867).

— *Прогонъ* — Въ областномъ употребленіи означаетъ: Дорога, ведущая къ выгону между двумя изгородами (II, 224).

XIV.

Относительно словъ *техническихъ* высказано было также нѣсколько противоположныхъ мнѣній, изъ которыхъ особенно выдаются два — Фонвизина и Болтина. Фонвизинъ предлагалъ исключить изъ словаря всѣ тѣ техническія названія, которыя не вошли въ общее употребленіе и извѣстны только лицамъ, занимающимся тою или другою отраслюю наукъ, художествъ, ремеслъ. Возражая Фонвизину, Болтинъ доказывалъ, что именно такія названія всего нужнѣе для словаря, потому что въ словарѣ обыкновенно отыскиваютъ не того, что извѣстно всѣмъ и каждому, а того, что неполнѣ или вовсе неизвѣстно. По мнѣнію Болтина, всѣ техническія слова наукъ, художествъ и ремеслъ необходимо «усыновить» русскому языку и внести ихъ въ словарь, какъ равноправныя съ природными русскими словами⁶⁹).

Выслушавъ различныя мнѣнія, академическое собраніе, въ которомъ присутствовалъ и Болтинъ, постановило: «Названія, въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ употребляемая, принять *естъ безъ изгятія*, каковыя токмо сыскаться могутъ. Но сіи названія стараться изображать или принятыми уже російскими словами, или вновь, по правиламъ произведенія словъ, сдѣланными, которыя собирать мало по малу, ибо многія уже слова, въ рукодѣліяхъ, ремеслахъ и промыслахъ употребляемая, сдѣланы извѣстными чрезъ путешественниковъ, отъ академіи наукъ посланныхъ. Чтожъ касается до наукъ, то пригласить упражняющихся въ оныхъ членовъ, чтобы они, всякъ со своей стороны, въ той наукѣ, въ каковой кто упражняется, *составили слова по корню російскому*». Рѣшеніе свое академическое собраніе скорѣ измѣнило такимъ образомъ: Чтобы безъ нужды не увеличивать словарь помѣщеніемъ названій большею частью иностран-

ныхъ, внести въ словарь только такія «названія, учеными, художниками, ремесленниками и промышленниками употребляемыя, которыя суть или прямо русскія или вновь по россійскому корню составленныя и ясно вещи выражающія⁷⁰⁾.

До какой степени въ дѣйствительности исполнено то, чего желала академія, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Медицина.

— *Врачебная наука*—Medicina. Наука, предписывающая средства, служащія къ сохраненію здравія и къ врачеванію болѣзней (I, 879).

— *Блѣвунка*—Болѣзнь, въ которой человѣкъ тихо итти не можетъ, а поневолѣ бѣгаетъ отъ ускорительнаго движенія мышекъ, къ хожденію служащихъ (I, 414).

— *Темная вода*—Внутреннее поврежденіе глаза безъ всякаго наружнаго знака болѣзни (I, 794).

— *Дрямота*—Convulsio. Насильное и принужденное подергиваніе всего тѣла или нѣкоторыхъ онаго частей (II, 777).

— *Дергота*—Spasmus. Болѣзнь, въ которой члены и другія части тѣла скорчиваются и расправляются попеременно необыкновеннымъ образомъ и противъ нашей воли (II, 591).

— *Колотье*—Colica. Болѣзнь въ кишкахъ, причиняемая или острою соковъ, или чрезмѣрнымъ растягиваніемъ кишокъ отъ спершихся въ нихъ вѣтровъ, или воспаленіемъ и заваломъ крови въ кишечныхъ сосудахъ (III, 744).

— *Колотье въ боку*—Pleuritis. (III, 744).

— *Колотье въ груди*—Peripneumonia (III, 744).

— *Почечуй*—Haemorrhoides (IV, 1018).

— *Почечуйникъ*—Polygonum hydropiper. Простолюдины прикладываютъ листья сей травы къ почечуйнымъ шишкамъ: откуда и названіе (IV, 1019).

— *Жерновки*—Lapides cancerum. На подобіе камешковъ затвердѣвшія тѣла, находимыя въ желудкахъ у раковъ, кото-

рья входятъ въ лѣкарственный составъ во врачебной наукѣ (II, 1112).

— *Винный камень*—Tartarus. Изъ него приготавливается перечищенный винный камень—Cremor Tartari (I, 707).

— *Жгучий камень*—Lapis causticus. Составъ изъ поташа и негашеной извести, употребляемый лѣкарями для истребленія на тѣлѣ наросты (II, 1061).

— *Взваръ*—врачебн. Вода, напитанная частицами произрастеній, сообщенными ей чрезъ вареніе съ оными. Иначе латинскимъ словомъ называется *Декоктъ* (I, 497).

— *Вяжущій*—Adstringens. Реченіе врачебное. Такъ называются лѣкарства, которыя вялость и слабость въ мочкахъ тѣлесныхъ уменьшаютъ (I, 1111).

Анатомія.

— *Анатомія*, или *Трупоразгятіе* есть наука, показывающая строеніе, или сложеніе человѣческаго или другаго животнаго тѣла (I, 32). Анатомія называется также *Тѣлоразгятельной наукой* (II, 1163).

— *Трупоразгятель*—Анатомикъ (VI, 301).

— *Брыжейка*—Mesenterium. Реченіе анатомическое. Двойная перепонка въ животѣ, прикрѣпленная къ разнымъ неподвижнымъ мѣстамъ онаго, содержащая всѣ изгибы кишокъ въ надлежащемъ порядкѣ, и отвращающая всѣ неудобности и замѣшательства въ ихъ движеніи. У животныхъ же четвероногихъ, въ пищу употребляемыхъ, часть сія называется *Здоръ* (I, 354—355).

— *Вертлугъ*—Мѣсто, гдѣ соединяется голова бедра ко сти съ яминою кости безымянной (I, 638).

— *Жила бючая*—Arteria (II, 1164).

— *Жила кровезовратная*—Vena (II, 1164).

— *Жила сухая*—Tendo (II, 1164).

— *Жила чувственная*—Nervus. Такъ называются въ тѣлѣ животномъ мягкія, бѣловатыя, на подобіе нитей, отъ головного и позвоночнаго мозга распростертыя по всему тѣлу разной тол-

пины части, составленныя изъ многихъ, между собою вдоль сложенныхъ, тонкихъ трубочекъ, содержащихъ въ себѣ продолженіе онаго мозга. Посредствомъ ихъ производятся въ тѣлѣ животномъ чувствованія и движенія. «Носяще расслабленна *жилки*». Марк. II, 3 (II, 1164 — 1165).

— *Кутокъ въ глазу* — *Canthus oculi*. Глазной уголокъ; глужгъ, или лужгъ (III, 1097).

— *Глужгъ* — Гдѣ верхнее вѣко съ нижнимъ сходится; попросту *Лужга* (II, 96).

— *Ушки сердечныя* — Въ трупоразъятіи: Два мѣшочка на верху сердечныхъ желудковъ, составленные изъ мясныхъ волоконъ, и т. д. (VI, 461).

Химія.

— *Химія* — греч. Наука разпознавать свойства и качества тѣлъ посредствомъ раздробленія ихъ на части и примѣса къ онымъ постороннихъ веществъ (VI, 532).

— *Пріемникъ* — *Resipiens*. Химическій сосудъ, въ который при перегонкѣ собираются пары (II, 988).

— *Гоню* — Въ химіи: Отдѣляю жидкія части отъ твердыхъ, легкія отъ тяжелыхъ: «*Гнать* масло, вино; *гнать* водку» (II, 202).

— *Возгоняю* — Въ химіи: Летучія или легкія части твердаго тѣла, посредствомъ огня отдѣляя, вверхъ подняться понуждаю: «*Возгонять* летучія соли» (II, 207).

— *Возгонка* — *Sublimatio* (II, 207).

Физика.

— *Физика* — Наука, имѣющая предметомъ своимъ познаніе природы вообще и всѣхъ естественныхъ тѣлъ, ихъ свойствъ, явленій и взаимнаго другъ на друга дѣйствія (VI, 485).

— *Естествословіе* — Наука, показующая путь къ познанію природы (II, 1020).

— *Физическій* — Естественный: «*Физическія* причины» (VI, 485).

— *Тепломѣръ* — Орудіе, служащее къ испытанію теплоты воздуха; иначе греческимъ словомъ называется *Термометръ* (VI, 94).

Ботаника.

— *Ботаника* — Наука, предлагающая о растеніяхъ, ихъ раздѣленіи, отличительныхъ знакахъ и свойствахъ. Слово сіе происходитъ отъ греческаго реченія, означающаго *траву, произрастеніе* (I, 300).

— *Травовѣдство* — Наука располагать и распознавать произрастенія по отличительнымъ ихъ знакамъ и свойствамъ; иначе греческимъ словомъ называется *Ботаника* (VI, 229).

— *Травовѣдецъ* — Иначе греческимъ словомъ именуется *Ботаникъ* (VI, 228).

— *Травословъ* — Лепестъ, у *травослововъ*, перышко, часть цвѣтка составляющее (III, 1176).

Минералогія.

— *Рудословіе* — Наука, знаніе о рудахъ; иначе греческимъ словомъ называется *Минералогія* (V, 197 — 198).

— *Рудословъ* — Упражняющійся въ рудословіи (V, 198).

Геодезія.

— *Геодезія* — Землемѣріе; межеваніе (II, 32).

— *Землемѣръ* — Геодезистъ (III, 55).

Географія.

— *Землеописаніе* — Иначе называется греческимъ словомъ *Географія* (III, 55).

— *Землеописатель* — Греческимъ словомъ зовется *Географъ* (III, 55).

— *Мѣстоописание* — Иначе греческимъ словомъ называется *Топографія* (IV, 416).

Астрономія.

— *Звѣздословіе* — Астрономія (III, 33).

— *Звѣздословъ* — Астрономъ (III, 33).

— *Звѣздословный* — Астрономическій (III, 33).

— *Звѣздоблоститель* — Обсерваторъ, наблюдающій свѣтила небесныя (III, 32).

— *Оттѣнь* — Реченіе астрономическое. Край тѣни, освѣщенной частію свѣтозарнаго тѣла: «*Оттѣнь* земли въ затмѣніи лунѣ» (VI, 362).

— *Наблюдаю* — Въ физикоматематическихъ наукахъ: Примѣчаю; примѣчанія дѣлаю: «*Наблюдать* теченіе свѣтилъ небесныхъ» (I, 236).

— *Наблюдалице* — Строеніе, мѣсто, гдѣ дѣлаются наблюденія (I, 236).

— *Звѣздочетство* — Астрологія (III, 33).

— *Звѣздочетъ* — Астрологъ (III, 33).

Геометрія.

— *Геометрія* — Наука, имѣющая предметомъ все то, что измѣряемо быть можетъ въ длину, ширину и вышину, и служить основаніемъ другимъ частямъ маѳематики (II, 33).

— *Землемѣріе* — Иначе называется: *Геометрія практическая* (III, 55).

— *Средоточіе* — Точка въ кругѣ, отъ всѣхъ окружности онаго точекъ равно отстоящая; *центръ* (VI, 215).

Ариѳметика.

— *Числословіе* — Ариѳметика (VI, 779).

— *Числословъ* — Ариѳметикъ (VI, 779).

— *Числословный* — Ариѳметическій (VI, 779).

— *Наука числословная* — Дробь, въ науку числословной, означаетъ, и т. д. (II, 753). — Дѣлитель, въ науку числословной, называется, и т. д. (II, 870).

— *Золотое правило* — Въ ариметикѣ такъ называется тройное правило для великой его пользы въ премногихъ случаяхъ (III, 80).

Логика.

— *Логика* — Наука правильно разсуждать, умствовать, зависимость въ понятіяхъ и порядокъ въ мысляхъ соблюдать научающая (III, 1257).

— *Наводъ* — Логическій способъ доказанія, которымъ изъ предыдущихъ частныхъ положеній выводится общее заключеніе (I, 539).

— *Умозрѣніе* — Theoria, Θεορία (III, 132).

— *Умозрительный* — Умственный, еоретическій (III, 132).

Грамматина.

— *Грамматика* — Наука, подающая правила говорить и писать правильно (II, 316).

— *Мимошедшее время* — Реченіе грамматическое. Давно-прошедшее время (III, 210).

— *Сопрягательный* — Реченіе грамматическое. Соединительный: «*И* есть союзъ *сопрягательный*» (IV, 1153).

— *Союзъ распрягательный* — «Полагается вмѣсто союза *распрягательнаго*» и т. д. (I, 1).

Въ словарѣ российской академіи помѣщены техническія слова, относящіяся къ различнаго рода занятіямъ, искусствамъ, ремесламъ и промысламъ; употребляемыя въ различныхъ слояхъ народа, въ томъ или другомъ сословіи, и т. п. Приводимыя слова и выраженія называются обыкновенно *реченіями* или *нарѣчіями*.

— *Книгопечатня* — Иначе греческимъ словомъ называется *Типографія* (III, 662).

— *Книгохранилище* — Иначе греческимъ словомъ называется *Библиотека* (III, 662).

— *Слушание* — Мѣсто слушанія преподаваемыхъ наставленій въ какой-либо наукѣ; иначе латинскимъ словомъ *Аудитория* (V, 566).

Церковное нарѣчіе.

Отданіе праздника — Въ церковномъ нарѣчіи называется день, въ который прошедшій праздникъ съ своимъ празднествомъ оканчивается (II, 500—501).

Поганскій — Въ церковномъ нарѣчіи: Ложныхъ боговъ почитающій; язычникъ (IV, 941).

Реченіе церковное.

— *Ключъ грамми* — Реченіе церковное. Такъ называется каждое изъ тридцати пяти азбучныхъ письменъ, въ зрячую пасхалию принятыхъ для показанія, въ какое именно число въ извѣстномъ году праздновать должно день св. Пасхи и всѣ зависящіе отъ него подвижные праздники. Называется же каждая таковая буква *ключемъ грамми* потому, что отверзаетъ какъ-бы дверь къ точному познанію предѣловъ времени или мѣсячныхъ чиселъ, и т. д. (III, 641—642).

— *Мѣстный образъ* — Реченіе церковное. Образъ, для коего въ иконостасѣ устроено собственное и неподвижное мѣсто, для отличенія другихъ образовъ, внѣ иконостаса находящихся (IV, 417).

— *Мѣстная свѣча* — Реченіе церковное. Большая свѣча въ срединѣ лампы, предъ мѣстнымъ образомъ поставляемая (IV, 417).

Военное нарѣчіе.

— *Взводъ* — Въ военномъ нарѣчіи: Часть роты, состоящая изъ трехъ рядовъ, изъ коихъ въ каждомъ по двѣнадцати рядовыхъ считается (I, 528).

— *Верстаю* — Въ военномъ нарѣчїи: Ставлю солдатъ въ рядъ такъ, чтобы одинъ отъ другаго въ прямой чертѣ и въ равномъ отстояніи находился (I, 619).

— *Предавать огню и мечу* — Въ военномъ нарѣчїи: Жечь и убивать (II, 511).

Приказное нарѣчіе.

— *Искъ* — Въ приказномъ нарѣчїи: Требованіе въ судебномъ мѣстѣ удовлетворенія въ причиненной обидѣ, покражѣ или другомъ какомъ дѣлѣ: «На томъ недѣльщикѣ доправити истцовъ искъ вдвое». Улож. XXI, 84 (III, 325).

— *Подать прошеніе* — Въ приказномъ нарѣчїи: Изъявить свою просьбу письменно (II, 504).

Реченіе приказное.

— *Подбирать законы* — Реченіе приказное. Дѣяніе ябедниковъ и крючкотворцевъ, которые собраніемъ множества законовъ запутываютъ дѣло (III, 10).

— *Говорить судъ* — Реченіе приказное. По исковому дѣлу въ судебномъ мѣстѣ, съ наблюденіемъ узаконеннаго обряда, словесно или по запискѣ доказывать искъ, или оправдаться (V, 950).

Нарѣчіе ябедниковъ.

— *Подборъ* — Въ нарѣчїи ябедниковъ: Приводъ законовъ, затмевающихъ смыслъ дѣла, или приводъ словъ и доказательствъ, кои двоякимъ образомъ толковать можно (I, 152 — 153).

Реченіе мореходное.

— *Базаню* — Реченіе мореходное. Поворачиваю въ водѣ весло съ кормы вправо и влево на мелкихъ гребныхъ судахъ для того, чтобы судно впередъ подвигалось (I, 82).

Реченіе судоходное.

— *Чабурокъ* — Реченіе судоходное. Точеный деревянный или костяной шарикъ, на концѣ узкаго ремня у лямки привязываемый, и служащій къ зацѣпкѣ въ петлю каната (VI, 655).

Реченіе гребцкое.

— *Таваню* — Реченіе гребцкое. Гребу весломъ съ одной стороны въ противную сторону судовому ходу, чтобы тѣмъ скорѣе поворотить судно (VI, 5).

Реченіе охотничье.

— *Плоха* — Реч. охотн. Просѣка, каковыя прорубаются черезъ лѣсъ для удобнаго ловленія утокъ (IV, 913).

— *Запутчикъ* — Реч. охотн. Тотъ изъ охотниковъ, который, стоя въ осокѣ, какъ скоро примѣтитъ, что звѣрь къ тенетамъ приближается, кричитъ на него, пропустя мимо себя, дабы оный, бросившись, въ нихъ запутался (IV, 1207).

— *Называть* — Реч. охотнич. Скликать собакъ (III, 118).

— *Имай собакъ* — Реченіе охотничье, значитъ: Собирай, созывай звукомъ рога разсѣянныхъ собакъ по лѣсу (II, 956).

Нарѣчіе охотничье.

— *Отозваться* — Въ нарѣчій охотничьемъ: Дать знать о затравѣ звѣря (III, 120).

Реченіе торговое.

— *Харчи* — Реч. торгов. Путевыя издержки въ доставленіи или провозѣ товаровъ (VI, 505).

— *Заваль* — Реч. торгов. Залежавшійся долгое время товаръ въ лавкѣ, на который нѣтъ походу (I, 487).

Реченіе плотническое.

— *Вз лану*—Реченіе плотническое. Говорится о деревянномъ строеніи, котораго углы скрѣплены не полукруглыми, но плоскими и съ шипами вырубками: «Рубить уголь *вз лану*» (III, 1138—1139).

Плотническое нарѣчіе.

— *Сдираю*—Въ плотническомъ нарѣчій: Соскабливаю, сострагиваю скобелю, стругомъ шероховатость, негладкость съ дерева: «*Сдери* стругомъ съ доски *шерошнны*» (II, 654).

Реченіе каменщиковъ.

— *Кружало*—Речен. каменщиковъ. Дуга, изъ досокъ сдѣланная, на которой выкладываютъ своды (III, 1010—1111).

Реченіе портныхъ.

— *Воршу*—Речен. портн. Закрываю швы ворсою I, 858).

Реченіе сапожниковъ.

— *Варовікз*—Речен. сапожник. Лоскутъ кожи согнутой, въ средину коей кладутъ варъ, каковымъ натирають верви или швальные концы (I, 509).

Реченіе кожевниковъ.

— *Бухтарма*—Реченіе кожевниковъ, означающее мясистыя волокна на кожѣ животныхъ со стороны, обращенной къ мясу (I, 395).

Реченіе пивоварное.

— *Какъ вороново крыло*—Реченіе пивоварное, употребляемое къ означенію густаго и крѣпкаго пива, которое цвѣтомъ бываетъ черно (I, 855).

Реченіе въ карточной игрѣ.

— *Съ збѣгами и Безъ збѣловъ*—Реченіе въ карточной игрѣ, означающее договоръ игроковъ, всякую ли игру разыгрывать, или по желанію отказаться можно, съ платежемъ или безъ платежа условнаго числа денегъ. Въ первомъ случаѣ называется *играть безъ збѣловъ*, а въ послѣднемъ: *играть съ збѣгами* (I, 419).

Въ игрѣ зерни.

— *Голь*—Въ игрѣ зерни употребляется только въ множественномъ числѣ, когда бросаемыя кости весьма малое число показываютъ: «Бросилъ *голи*» (II, 194).

Реченіе господъ.

— *Взять во дворъ*—Реченіе господъ. Взять крестьянина въ домъ для услугъ (II, 564).

Простонародное нарѣчіе.

— *Челомъ бью*—Въ простонародномъ нарѣчій означаетъ: Свидѣтельствую поклонъ; приношу кому что въ даръ: «*Челомъ бью бараномъ, чаемъ*» (I, 174); и т. д. ⁷¹⁾.

ХV.

При выборѣ словъ и выраженій технических академія признала нужнымъ удержать въ своемъ словарѣ «особливья названія естественныхъ въ Россіи произведеній» на томъ основаніи, что названія эти «большею частію суть народныя» ⁷²⁾. Не ограничиваясь произведеніями исключительно русской природы, словарь сообщаетъ русскія названія различныхъ растений, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, и т. д., какъ на примѣръ:

— *Болмоловъ*—Омегъ, трава, *Cicuta virosa* (I, 270).

— *Воломодка*—*Anchusa officinalis*, трава, иначе называемая *Воловий языкъ* (I, 813).

— *Вѣтреница* — Anemone. Подъ симъ названіемъ означаются различныя травы, и т. д. (I, 1110).

— *Заманиха* — Nitraria Schoberi. Кустъ, изъ толстаго и древеснаго корня пускающій многія отрасли, и т. д. Растетъ въ Уральской степи и по солончакамъ Сибири (III, 16).

— *Красавица* — Belladonna, трава (III, 902).

— *Сонъ-трава* — Anemone pulsatilla (V, 655).

— *Мужикъ-корень* — Stellera Chamaejasme. Трава; растетъ обильно въ Сибири (IV, 321).

— *Адамова голова* — Mandragora; коренья травы (I, 9).

— *Боярская спесь* — Lychnis chalycedonica. Трава, въ низовыхъ мѣстахъ около Волги растущая (I, 308).

— *Гуменцо попово* — Одуванчикъ; трава (II, 432).

— *Пастушьи сумки* — Draba verna; трава, *Чижовой глазъ*, (IV, 723).

— *Куричья слѣпота* — Ranunculus arvensis; трава (III, 1083).

— *Солнцева сестра* — Cichorium intybus; трава; растетъ около пашень (V, 641).

— *Яблоко любовное* — Solanum lycopersicum. Произрастеніе однолѣтнее; плодъ, подобный яблокамъ (VI, 1022).

— *Колдунова трава* — Circea alpina. Небольшая травка; растетъ и около Петербурга при корняхъ деревь (III, 701).

— *Вишня жидовская* — Physalis alkekengi; трава (I, 721).

— *Вишня бѣшеная* — Atropa belladonna; трава (I, 721).

— *Бѣсово молоко* — Молочай; трава (I, 452).

— *Жабры чортovy* — Лисій хвостъ; трава (II, 1031).

— *Древо жизни* — Thuia occidentalis; дерево (II, 751).

— *Иванъ да Марья* — Melampyrum nemorosum. Трава, по лугамъ и рощамъ и около Петербурга во множествѣ растущая (III, 179).

— *День и ночь* — Пристѣнная трава (II, 577).

— *Сладко и горько*, трава — Послень, родъ вѣющагося кустарника (V, 525).

- *Не тронь*, или *Незамай меня*, Недотыка; трава (IV, 519).
- *Устели-поле* — *Ceratocarpus arenarius*. Трава, растущая по песчанымъ мѣстамъ низовой Волги (VI, 450).
- *Вертошейка* — *Juncus torquilla*. Птичка, величиною почти съ жаворонка (I, 639).
- *Глухыш* — *Procellaria glacialis*; птица (II, 98).
- *Глухарь* — *Tetrao vrogallus*; птица (II, 98).
- *Дуралъ* и *Дурачекъ* — Пташка (II, 796).
- *Жаръ-птица* — *Struthio casuarius*. Птица, величиною почти со страуса (II, 1047).
- *Бѣлуга* — *Acipenser huso*. Наибольшая рыба, заходящая въ рѣки, въ Черное и Каспійское море впадающія (I, 437).
- *Вьюнъ* — *Petromyzon fluviatilis*. Рыбка, на многоъ весьма похожая (I, 962).
- *Кутерма* — *Salmo lacustris*. Родъ лосося; водится въ ручьяхъ и рѣчкахъ, изъ Урала текущихъ (III, 1097).
- *Жужелица*, постаринному *Жужель* — *Carabus*. Подъ симъ названіемъ разумѣются различныя насѣкомыя, имѣющія твердыя покрывала крылъ съ ребромъ (II, 1194).
- Происхожденіе нѣкоторыхъ изъ русскихъ названій объяснено, какъ на примѣръ:
- *Баранчикъ* — *Primula veris*. Трава; названа симъ именемъ потому, что овцы охотно ее ѣдятъ (I, 99).
- *Багульникъ* — *Ledum palustre*. Кусты на болотныхъ мѣстахъ, въ сѣверныхъ мѣстахъ растущіе. Весь кустъ имѣетъ запахъ тяжелый, вкусъ ароматическій, съ легкою горечью; употребляется въ лѣкарства и для истребленія клоповъ, почему въ Сибири его *Клоповникомъ* называютъ (I, 79).
- *Бородавникъ* — *Chelidonium majus*. Трава; испускаетъ сокъ, которымъ простолюдины выводятъ бородавки (I, 286 — 287).
- *Вѣредовецъ* — *Thalictrum minus*. Трава, на поляхъ растущая, ежегодно отъ корня возраждающаяся. Порошокъ сей

травы присыпають къ *вередамъ*, откуда и наименование (I, 614 — 615).

— *Головня*—*Lilium temulentum*. Быліе колосистое, растущее между хлѣбными посѣвами. Название свое имѣетъ отъ того, что сѣмена онаго, примѣсившіяся къ хлѣбнымъ сѣменамъ, убавляютъ нѣсколько свойственной имъ бѣлизны (II, 184 — 185).

— *Живокость*—*Delphinium consolida*. Трава однолѣтная, на пашняхъ въ Европѣ растущая; название дано потому, якобы переломленныя *кости* отъ употребленія сей травы срстаются (II, 1118).

— *Барашекъ*—*Scolopax gallinoga*. Название птицы, подъ французскимъ именемъ *бекаса* извѣстной, данное по ея голосу, весною бляеніе *овчее* выражающему (I, 99).

— *Горбуша*—*Salmo gibbosus*. Рыба, къ лососьюму роду принадлежащая. Название дано ей потому, что у самцовъ, когда они роняють тѣло, на спинѣ вырастаетъ превеликій *горбъ*. Входятъ рунами въ рѣки и озера камчатскія изъ моря въ іюль до половины октября (II, 236).

— *Головачъ*—*Scarabeus cephalotis*. Pallas. Жукъ, величиною съ большихъ божьихъ коровокъ; *голова* вразсужденіи тѣла очень велика (II, 184).

— *Сопка*—Въ Сибири такъ называются огнедышачія горы по той причинѣ, что огонь изъ оныхъ съ шумомъ и какъ бы съ *сопнѣмъ* извергается (V, 657).

— *Громовая стрѣла*—*Belemnites*. Окаменѣлая раковина, имѣющая нѣкоторое сходство со *стрѣлою*, почему простой народъ думаетъ, что онѣ падаютъ на землю съ молніею, и употребляетъ какъ суевѣрное средство въ болѣзняхъ (II, 367), и т. д.

Нѣкоторыя изъ иностранныхъ названій передѣланы на русскій ладъ, какъ напримѣръ:

— *Бальдырьянъ*—Отъ латинскаго *Valeriana*; трава (I, 89).

XVI.

Слова иностранныя, введенныя въ русскій языкъ въ разныя времена, представляли особенный интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большую трудность для лицъ, работавшихъ надъ словаремъ академіи. Приходилось не только извлекать матеріалы изъ многочисленныхъ источниковъ, но и придумывать новыя слова для замѣны ими тѣхъ иностранныхъ словъ, которыя по чему-либо признавались неудобными. По понятіямъ того времени, филологическіе труды вообще, и словарь въ особенности, должны преимущественно имѣть въ виду *очищеніе* и *обогащеніе* языка. А языкъ тѣмъ богаче, чѣмъ больше въ немъ словъ, и тѣмъ чище, чѣмъ меньше въ немъ иностранной примѣси. Отсюда вытекаетъ весьма простой приемъ—удаленіе словъ иностранныхъ и замѣна ихъ, во что бы то ни стало, русскими. Но справедливость требуетъ сказать, что такой приемъ достигъ своего полнаго развитія только впоследствии; при составленіи же перваго словаря соблюдалось болѣе осторожности и сдержанности. Въ этомъ заключается безспорное преимущество первыхъ тружениковъ въ сравненіи съ ихъ продолжателями, во главѣ которыхъ стоялъ Шишковъ, настойчиво защищавшій свои исключительныя понятія о красотѣ, богатствѣ и силѣ славянорусскаго языка. Иначе относились къ дѣлу составители перваго словаря, по крайней мѣрѣ, самые даровитые изъ нихъ. Не изобрѣтая новыхъ словъ по собственному произволу для мнимаго обогащенія языка, они указывали на древній русскій языкъ и другіе славянскіе языки какъ на болѣе надежный источникъ для присканія словъ и корней, соответствующихъ предполагаемой цѣли. Считая лишнимъ бременемъ для языка иностранныя слова, попавшія въ него случайно, находили вмѣстѣ съ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ иностранныхъ словъ должны быть удержаны, а другія, равносильныхъ которымъ нѣтъ въ нашемъ языкѣ, должны быть вновь заимствованы изъ иностранныхъ языковъ. Само собою разумѣется, что при

этомъ необходимъ разумный выборъ и ясное пониманіе свойствъ отечественнаго языка ⁷³).

При самомъ началѣ словарныхъ работъ предложено было «выкинуть тѣ иностранныя слова, коимъ равносильныя и тоже выражающія славенскія или російскія слова найдутся». На это возражали, что подобныхъ словъ выкидывать не слѣдуетъ, потому что они встрѣчаются во многихъ книгахъ и объясненіе ихъ необходимо для разумѣнія этихъ книгъ ⁷⁴).

Какъ предсѣдатель російской академіи, кн. Дашкова «со-вѣтовала сколько возможно стараться о чистотѣ и обогащеніи языка, и, избѣгая всѣхъ словъ иностранныхъ замѣнять оныя російскими старинными или вновь по правиламъ произведенія словъ сдѣланными, выключая тѣ токмо иностранныя названія, которыя уже издревле вошли въ языкъ російскій отъ обращенія и сосѣдства съ азіатскими народами; нѣкоторыя слова греческія, въ священномъ писаніи употребляемыя, и тѣ, коихъ по корню російскому произвестъ и вновь составить неудобно, какъ-то въ математикѣ *интегралъ*, *дифференціалъ* и сему подобныя; наконецъ и тѣ, кои означаютъ должности и чины, ибо академія сама собою къ таковой перемѣнѣ приступить не можетъ, но должна ожидать высочайшаго на то соизволенія» ⁷⁵).

Въ замѣчаніяхъ своихъ на планъ словаря Болтинъ говоритъ: «Иностранныя слова, кои хотя и въ употребленіи, но введены безъ нужды, надлежитъ выкинуть. Тѣхъ, кои хотя и не въ употребленіи, но тождезначущихъ и равносильныхъ имъ словъ на русскомъ языкѣ нѣтъ, надлежитъ ввести. Если же найдется такое слово въ языкахъ, отъ славенскаго происходящихъ, каковы суть: польскій, чешскій и подобные имъ, или въ славенскомъ обветшалое и нынѣ неупотребительное, таковыя должно предпочесть иностраннымъ».

При обсужденіи замѣчаній Болтина въ академическомъ собраніи «опредѣлено сколько возможно избѣгать иностранныхъ словъ и стараться замѣнять ихъ: или старинными словами, хотя бы они были и обветшалыя, ибо въ семъ случаѣ частое употреб-

леніе удобно можетъ паки пріучить къ онимъ; или словами, находящимися въ языкахъ, отъ славенскаго корня произшедшихъ; или же вновь, по свойству славенороссійскаго языка, составленными»⁷⁶).

По вопросу о словахъ иностранныхъ, вновь возбужденному академикомъ Озерецковскимъ, собраніе остановилось на такомъ рѣшеніи: «Всѣмъ тѣмъ словамъ чужестраннымъ, которыя въ общемъ употребленіи находятся и общее соединяется съ ними понятіе, дать въ словарѣ мѣсто. При тѣхъ же словахъ и названіяхъ, кои равное имѣютъ употребленіе, какъ иностранныя, такъ славенскія или россійскія, то дѣлать токмо объясненіе надъ словами славенскими или россійскими; иностранныя же, оставя безъ объясненія, упомянуть токмо, что они употреблялися какъ равносильныя такимъ-то словамъ россійскимъ или славенскимъ. Ибо, исключивъ всѣ слова чужеземныя, надлежало бы многія дѣлать новыя названія одежды, сосудовъ, орудій, животныхъ, различныхъ веществъ и произведеній, отычуды привозимыхъ, и пр. Такъ въ одеждѣ нашей названія: *Кафтанъ, Шапка, Багимаки, Сапоги, Чулки, Колпакъ, Кушакъ, Шляпа, Карманъ, Фуфайка, Камзолъ, Ошкуръ, Епанча*; съѣстные вещи: *Щи, Каша, Саломата, Быкъ, Баранъ, Коза, Курица, Лошадь, Котъ*, и пр.; въ строеніяхъ: *Изба, Амбаръ, Сарай; Сундукъ, Корыто*, и пр. — суть татарскія. Да и многія славенскія слова имѣютъ свое происхожденіе отъ древнихъ языковъ: келтическаго, британскаго, и пр., какъ-то: *Брегъ, Брозда, Вранъ, Гостъ, Градъ, Братъ, Село, Сила*. Но если на мѣсто сихъ и многихъ подобныхъ имъ дѣлать вновь, то ихъ труднее будетъ ввести въ общее понятіе и употребленіе, нежели удержать тѣ, кои долговременнымъ употребленіемъ усѣновлены въ языкъ нашъ»⁷⁷).

Исключивъ изъ своего словаря иностранныя слова, введенныя безъ нужды и совершенно равносильныя русскимъ или славянскимъ, академія удержала въ немъ только слѣдующія:

1) Греческія и еврейскія слова, находящіяся въ священныя книги и извѣстныя всѣмъ христіанскимъ народамъ, во всѣхъ

слояхъ, отъ образованнѣйшей части общества до простолюдиновъ.

2) Названія чиновъ, должностей и т. п., принятыя въ нашемъ законодательствѣ.

3) Названія произведеній, какъ естественныхъ, такъ и художественныхъ, привозимыхъ изъ чужихъ краевъ ⁷⁸).

Въ одномъ изъ собраній академіи, при разсмотрѣніи послѣднихъ листовъ третьей части словаря, княгиня Дашкова объявила, что «государынѣ, покровительницѣ російскія академіи, благоугодно, чтобы въ сочиняемомъ академіею словарѣ избѣгать всевозможнымъ образомъ словъ чужеземныхъ, а *наипаче реченій*, замѣняя оныя словами или древними, или вновь составленными» ⁷⁹).

Общее число иностранныхъ словъ, внесенныхъ въ словарь академіи, не составляетъ и пятидесятой части всего количества словъ, помѣщенныхъ въ этомъ словарѣ. Въ словарь внесены слова, заимствованныя изъ языковъ: *греческаго, латинскаго, французскаго, польскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, голландскаго, шведскаго, норвежскаго, венгерскаго, татарскаго, турецкаго, персидскаго, бухарскаго, мунгальскаго, индійскаго, еврейскаго, сирскаго, арабскаго, кельтскаго, готскаго* и даже *сарматскаго*.

На основаніи данныхъ, находящихся въ словарѣ, отношеніе между количествомъ словъ, заимствованныхъ изъ различныхъ языковъ, можетъ быть выражено приблизительно слѣдующимъ образомъ: греческихъ словъ 342; латинскихъ 107; французскихъ 92; нѣмецкихъ 74; татарскихъ 33; еврейскихъ 21; арабскихъ 11; турецкихъ 11; голландскихъ 10; персидскихъ 9; итальянскихъ 7; польскихъ 4; сирскихъ 3; кельтскихъ 3; индійскихъ 2; венгерскихъ 2; шведскихъ 2; бухарск. 1; мунгальск. 1; норвежск. 1; готск. 1; сарматск. 1, и т. д.

Около половины греческихъ словъ, помѣщенныхъ въ словарь, заимствованы изъ св. писанія, изъ твореній св. отцевъ и изъ книгъ церковныхъ. Сюда относятся слова: *Ангелъ, Архистратигъ, Догматъ, Епископъ, Паремія, Теревинъ, Тристатъ, Фіалъ,*

Цата, Эпомида, Тиміамъ; Акаѳистъ, Дискосъ, Оморфоръ, Панаія, Раса, Ставропунія, Лампада, и многія другія. При словахъ, заимствованныхъ изъ св. писанія, сдѣланы точныя указанія библейской книги, главы и стиха.

Другую половину находящихся въ словарѣ греческихъ словъ составляютъ названія различныхъ предметовъ, относящихся преимущественно къ области наукъ и образованности вообще, какъ напримѣръ: *Атмосфера, Атомъ, Аксиома, Горизонтъ, Эфиръ, Диаметръ, Метафора, Физиологія, Философія, Хирургія; Анархія, Апологія, Гимназія, Идея, Каведра, Параграфъ, Проблема, Симпатія*, и мн. др.

Нѣкоторую особенность, въ отношеніи къ звукамъ и формамъ представляютъ слова:

— *Герой* — правильнѣе выговаривается: *Ирой* (II, 34).

— *Имнъ*, или *Гимнъ* (III, 296).

— *Математика*, или *Маѳематика; Математикъ*, или *Маѳематикъ* (IV, 56), и т. п.

Нѣсколько примѣровъ подобной особенности можно указать и въ словахъ, заимствованныхъ изъ латинскаго языка:

— *Манифактура* — латинск. *Рукодѣліе* (IV, 30).

— *Камера*, или *Камера* — латинск. *Комната* (III, 408).

— *Конфектъ* — латинск. *Закуски; плоды, въ сахарѣ вареные*, и т. п. (III, 781), и т. п.

Около трети словъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка, относятся къ военному быту: *Армія, Артиллерія, Бригада, Гарнизонъ, Кадетъ, Комендантъ, Эскадронъ, Траншея*, и т. д.

Въ отношеніи формы, въ которой употреблялись тогда нѣкоторыя слова, отмѣтимъ:

— *Бронзъ*, мужеск. рода — французск. *Смѣсь мѣди, олова и цинка* (I, 342).

— *Гоббѣя*, женск. рода — французск. *Муסיкійское духовое орудіе, дѣлаемое изъ пальмоваго дерева, внутри пустое*, и т. д. (II, 140).

— *Комплетъ* — французск. Полное число чего противъ положенія: «Принять кого сверхъ *комплету*» (III, 765), и т. д.

Изъ словъ нѣмецкихъ почти цѣлая треть приходится на долю такихъ, которыя служатъ для названія различныхъ чиновъ, должностей, службъ и т. п.; какъ напримѣръ: *Бухгалтеръ*, *Ма-клеръ*, *Ратманъ*, *Рекетмейстеръ*, *Бургомистръ*, *Мундшенкъ*, *Еф-рейтеръ*, *Камердинеръ*, *Кучеръ*, и пр.

Помѣщая въ приложеніи списокъ словъ, заимствованныхъ изъ различныхъ языковъ, приведемъ два-три примѣра, изъ языковъ: мунгальскаго, индійскаго, кельтскаго и сарматскаго⁸⁰).

— *Изюбрь* — *Сervus carpeolus*. Животное, къ роду оленей причисляемое. Названіе сіе употребительно только въ Сибири, и вѣроятно мунгальское; въ другихъ же мѣстахъ называютъ его *Серною* (III, 284).

— *Ракá* — Отъ индійскаго слова *Аракъ*. Первая выгонка вина изъ хлѣба (V, 67).

— *Бокалъ* — Цельтическое, означающее родъ сосуда, подобнаго рюмкѣ и т. д. (I, 266).

— *Камзолъ* — Отъ цельтическаго слова *Камиза* (III, 419).

— *Капа* — Цельтическое, означавшее у насъ встарину шапку (III, 430—431).

— *Воръ* — Сарматское. Тать, похититель, хищникъ (I, 861). Иногда какъ бы намѣчается путь, по которому то или другое иностранное слово дошло до нашего языка:

— *Батистъ* — Индійское, нами же отъ французовъ принятое слово (I, 109).

— *Ананасъ* — *Bromelia ananas*. Отъ бразильскаго названія *Нана* во многіе европейскіе языки принятое (I, 31).

— *Барка* — Готское, въ европейскіе нынѣшніе языки принятое слово (I, 102).

Встрѣчаются нѣкоторыя особенности въ собственныхъ именахъ, въ названіяхъ странъ и городовъ: Турція — *Туреція*, Брюссель — *Брюксель*, и т. п.

— *Аба* — Турецкое, употребляемое въ сопредѣльныхъ Ту-

реци российскихъ областяхъ, означающее бѣлое толстое сукно (I, 2).

— *Камлотъ* — Истканіе, дѣлаемое изъ шерсти: «*Брюксельскій камлотъ*» и т. д.

XVII.

Одну изъ выдающихся особенностей словаря российской академіи составляютъ обиліе и подробность описаній, относящихся къ области естественной исторіи. Произведенія природы занимаютъ въ словарѣ видное мѣсто уже вслѣдствіе того, что самыми ревностными участниками въ трудѣ были преимущественно натуралисты. Чтобы судить о свойствѣ и приемахъ описаній, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для характеристики словаря, приводимъ нѣсколько примѣровъ:

Голубь — *Columba*. Птица, имѣющая клювъ прямой, къ концу тонѣе становящійся, ноздри продолговатыя, покрытыя до половины пухлою, мягкою перепонкою; иначе у птицъ *молокомъ* называемою.

Голубь воркунъ, или *зобатый*. *Columba gutturosa*. Родъ голубей козырныхъ, которые во время воркованья зобъ надуваютъ.

Голубь дикій, каменный, или сизый. *Columba oenos*. Цвѣтомъ сизый; на шеѣ перья зелено-блестящія; на крыльяхъ полоса и конецъ хвоста черные; ноги красныя, голыя.

Голубь козырный. *Columba cucullata*. Сего рода голуби бываютъ разныхъ цвѣтовъ и пестроты, различаются же отъ прочихъ породъ тѣмъ, что на затылкѣ перья назадъ загибаются и стоятъ торчмя; когда такой хохоль бываетъ одинъ на затылкѣ, называются однохлыми; когда же напередѣ нѣсколько перьевъ наклоняются къ носу, называются двуххлыми; буде ноги голы — голоногими, обросшіе же перьями мохноногими именуется.

Голубь трубастый. *Columba tremula*. Различается отъ сродныхъ тѣмъ, что хвостъ имѣетъ длиннѣе и гуще, когда го-

лубь воркуеть, то распускаеть и поднимаетъ какъ индѣйскій пѣтухъ.

Голубь чистый. *Columba tabellaria.* Цвѣтомъ весь бѣлый, плеча же у крыльевъ изсиня-голубья, ноги голыя, красныя. Сихъ голубей держатъ охотники, гоняютъ ихъ съ тѣмъ, чтобы ловить другихъ; летаютъ они стадомъ и кругами. У охотниковъ много есть различныхъ ихъ названій, какъ вразсужденіи ихъ полета, такъ и цвѣта данныхъ. Мы приведемъ здѣсь только главнѣйшія. 1) Вразсужденіи полета: *Левикъ* — который летая круги дѣлаютъ налѣво, а *Правикъ* — который направо. *Турма*, или *Вертушка* — который на лету можетъ кувыркатся черезъ хвостъ и тѣмъ скорѣе вверхъ подыматься. 2) Вотношеніи къ цвѣтамъ: *Напѣлкой* — весь бѣлый, выключая одно плечо сизоголубое. *Двунѣрный* — у котораго два пера по краямъ хвоста черныя. *Однонѣрный* — у котораго одно перо въ хвостѣ черное. *Полухвостый* — когда въ хвостѣ одна половина изъ черныхъ, а другая изъ бѣлыхъ состоитъ перьевъ. *Родохвостый* — у котораго хвостъ черезъ перо изъ бѣлыхъ и черныхъ состоитъ перьевъ. *Черноватый* — у котораго весь хвостъ черный. *Черовый* — весь изчерна пепловатый. *Гривунъ* — имѣющій черное пятно на шеѣ. *Взлазистый* — у коего на плечахъ между сизыми перьями по бѣлому пятну. *Лысый* — имѣющій на лбу черное пятно. *Съ ухомъ* — когда на ухѣ бываетъ черное пятно. *Усакъ* — когда отъ угловъ пасти проведены черныя черты. *Бѣлый* — когда всѣ перья бѣлы.

Голубь Египетскій, *Columba risoria.* Сія порода мельче прежнихъ; сверху покрыты желтоватыми перьями, на затылкѣ же черная скобка; голубка голосомъ своимъ изражаетъ хохотъ. Отечество ихъ Индія. (II, 189 — 191).

Жаворонокъ — *Alauda.* Птаха, отличающаяся отъ прочихъ породъ птицъ клювомъ шилообразнымъ, прямымъ, языкомъ раздвоеннымъ, когтемъ на заднемъ пальцѣ болѣе испрямленнымъ, и который бываетъ длиннѣе самаго пальца.

Жаворонокъ земляной, или *хохлатый.* *Alauda cristata.* Цвѣтомъ сѣрый; хвостъ черный, въ коемъ у двухъ крайнихъ

перьевъ внѣшняя опушка бѣлая, и на головѣ хохолъ; лѣтомъ держится около дорогъ.

Жаворонокъ лѣсной. *Alauda arborea.* Вся сія птаха покрыта перьями сѣрыми, съ темными пятнами; крылья и хвостъ темные; шея сиспода желтоватая съ темными пятнами, имѣющая почти въ видѣ кольца бѣлую повязку; брюхо бѣлесоватое; хвостъ темный, короткій; по концамъ перья съ бѣлою каймою. Въ крыльяхъ 2, 3, 4 перо по концамъ означено бѣлымъ пятномъ на подобіе клина; бодцы длиннѣе пальца. Водится лѣтомъ по лѣсамъ; летаетъ стадами и поетъ отмѣнно пріятно; питается муравьями и ихъ яйцами.

Жаворонокъ луговой. *Alauda pratensis.* У него голова, спина, покрывальныя у крылъ перья и грудь одѣты перьями сѣрыми, съ темными пятнами; брюхо бѣлесоватое; бѣлая черта надъ глазами; крыльныя перья темныя; клювъ и ноги блѣдныя; хвостъ ровный, черноватый, выключая по два пера съ краевъ, у коихъ внутренняя полоса во все перо бѣлая. Держится на лугахъ, иногда садится и на дерева.

Жаворонокъ полевой. *Alauda campestris.* Голова и спина сверху покрыты перьями сѣрыми съ черными пятнами, глотка и грудь изжелта; черты желтоватыя надъ глазами къ затылку отъ носа проведенныя; брюхо бѣлесоватое; покрывальныя у крылъ перья иссѣра черноватыя съ бѣлесоватыми пятнами; крыльныя перья темныя; хвостъ ровный, темный; но каждое перо, исключая два среднія, отъ половины до конца бѣлыя. Водится лѣтомъ въ поляхъ.

Жаворонокъ степной. *Alauda alpestris.* Клювъ у него свинцоваго цвѣта, конецъ же онаго темный; лобъ желтый, отъ коего идетъ повязка съ каймами черноватыми по вискамъ отъ угловъ зѣва до глазъ, а отъ оныхъ внизъ до глотки, отъ глотки же исходитъ темная черта, распространяющаяся на груди въ темное круглое пятно; голова сѣрая съ черными крапинками; спина и стороны шеи ржаваго цвѣта съ темными пятнами; покрывало

крыль и хвостъ избѣла - сѣрыя съ черными крапинками. Водится въ степяхъ полуденной Россіи.

Жаворонокъ черный. *Alauda Tatarica.* Pall. Nigra. Falk. Клювъ у него желтоватый; голова, шея, спина, глотка и грудь черныя, испещренныя бѣлыми пятнами; отъ угловъ зѣва идетъ черная повязка надъ глазами и простирается по шеѣ; брюхо, крылья, хвостъ, ноги и когти черныя; въ перьяхъ же крыль-ныхъ и хвостовыхъ край бѣлый; хвостъ ровный и длиннѣе сложенныхъ крыль, когда птица сидитъ. Великою бываетъ со скворца. Водится стадами въ степяхъ около Каспійскаго моря. (II, 1031 — 1033).

Зетробой, Зетробойникъ. *Hurericum perforatum.* Трава, отъ корня возраждающаяся. Корень имѣетъ горизонтальный, цилиндрической, снаружи красный, выпускающій жилочки кроваваго цвѣта; нутръ же корня бѣлый. Стебель прямой, гладкій, обоюду угловатый, вышиною около аршина, испещренный маленькими точками, снизу стрѣлою, кверху вѣтвистый; вѣтви попеременно противоположенныя, такъ же какъ стволъ угловатая; листки противосидячіе, продолговатоовальные, гладкіе съ обѣихъ сторонъ, жилватые, точками прозрачными испещренныя, величиною около дюйма, но на вѣтвяхъ мельче. Цвѣтки шапкою расположенные, изъ пяти лепестковъ состоящіе; лепестки желтые, овально-продолговатые, трехжилные съ черными снизу точками. Тычки многочисленныя, пучками связанныя; пестиковъ три. Вмѣстилище сѣмянъ зеленое, овальное, гладкое, треугольное. Растетъ по лугамъ въ Европѣ. Запахъ имѣетъ слабый, вкусъ горьковатый, почему и употребляется отъ кровохарканія и внутреннихъ чирьевъ, какъ бальсамическое и крѣпительное, а по горечи и отъ глисть.

Зетробой бѣлый. *Svertia corniculata.* Трава, отъ корня возраждающаяся; вышиною иногда бываетъ до двухъ футовъ. Корень короткій, четырью мочками накрестъ лежащими означенный, крѣпковатый, бѣлый. Стебель четвероугольный, иногда одинокій, иногда же до пятка отъ одного корня выходятъ. Листки

прикоренные во множествѣ выходятъ, противоположно раздѣленные, на стебляхъ же противоположенные, овально копіевидные, трехжилные. Стебли цвѣтковъ выходятъ изъ пазухъ по одиночкѣ, и по одному содержатъ цвѣтку. Цвѣтки преклонные, по большей части изъ четырехъ блѣднозеленыхъ лепестковъ состоящіе, треугольно колокольчатые; лепестки острые, почти смыкающіеся, кончающіеся рожками болѣе зеленѣющими. Чашечка цвѣточная состоитъ изъ узенькихъ листочковъ, по числу лепестковъ. Трава имѣетъ вкусъ пріятно-горькій и употребляется сибиряками какъ домашнее крѣпительное лѣкарство. Растетъ въ Сибири за Енисеемъ въ борахъ.

Звѣробой черный. *Svertia perennis.* Трава, отъ корня возраждающаяся. Корень имѣетъ мочковатый, сѣрый или желтоватый. Листы прикоренные тройнѣ выходящіе; стебель длиною бываетъ до двухъ футовъ; листки при стеблѣ сидячіе противоположенные; цвѣтки изъ шести голубыхъ лепестковъ состоящіе. Чашечку цвѣточную составляютъ толикое же число листковъ узенькихъ. Всѣ части травы весьма гладкія. Вкусъ пріятную имѣетъ горечь. Растетъ по болотамъ высочайшихъ Уральскихъ и Даурическихъ горъ.

Звѣробой каменный см. Зерликъ.

Звѣробой крестовый. *Gentiana macrophylla.* Корень горизонтально вбокъ идущій, пускающій изъ себя блѣсоватая углубляющіяся жилочки. Листы прикоренные бываютъ длиннѣе самаго ствола съ листкомъ въ пядень, широкіе, копіевидные, съ пятью жилками, при концѣ стебель объемлющіе. Стебель отъ стороны прикоренныхъ листовъ выходитъ, объемлетъ однимъ или двумя гнѣздами листовъ, на прикоренные листы похожихъ, исключая величину. При верхнихъ двухъ гнѣздахъ листовъ сидятъ пучками синіе цвѣточки, на подобіе кубышки съ четырьмя или пятью на верху зубчиками. Растетъ въ Сибири, наипаче восточной, по полямъ и лѣсамъ.

Звѣробой лазоревый. *Gentiana adscendens.* Трава, возраждающаяся отъ корня, который состоитъ изъ жилокъ тонкихъ,

переплетшихся. Листы прикоренные бывают пучкомъ, узкіе, копіевидные, трехжилные; стебель одинокій или вдвойнѣ выходитъ отъ стороны прикореннаго листоваго пучка, вышиною въ пядень, снизу голый, по срединѣ двумя листочками узенькими, противолежащими снабженный, верхушка же усажена цвѣтками и листьями. Цвѣтки колокольчатые, пятираздѣльные, съ пятью сгибами, пятизубчатые. Вкусъ имѣеть слегка горькій, ароматическій; растетъ въ дальней Сибири.

Звѣробой синій. *Svertia rotata.* Трава однолѣтняя; корешокъ имѣеть стволъ небольшой, около полутора фута, круглый, снизу голый,верху вѣтвистый; вѣтви попеременно выходящія; листы противоположенные, узкіе, копіевидные. Вѣтви выходятъ изъ пазухъ и содержатъ по большей части по три цвѣточка; стебельки цвѣточные продолговатые, имѣющіе по гнѣзду листочковъ. Цвѣточная чашечка состоитъ изъ пяти узенькихъ листочковъ; цвѣтки звѣздчатые, изъ пяти голубыхъ лепестковъ, едва ноготками соединенныхъ, овальныхъ, остроконечныхъ, состоящіе. Впрочемъ всѣ части травы сея гладкія. Растетъ, начиная отъ Енисея, по всей восточной Сибири по полямъ влажнымъ и соленоватымъ въ такомъ множествѣ, что подъ исходъ августа всѣ поля голубымъ своимъ цвѣтомъ украшаетъ. Сибирскіе татары исжевавъ траву сію прикладываютъ къ ранамъ; россияне же, для пріятной въ ней горечи и ароматическаго вкуса, употребляютъ ее въ зварѣ съ пользою. (III, 37—41).

Кофей. *Coffea Arabica.* 1) Бобки различной величины, овальные, съ одной стороны выпуклые, съ другой ровные; на ровной сторонѣ находится вдоль проведенный желобокъ. По разности мѣстъ, изъ коихъ привозятъ оныя, различны. Употреблять кофе начали въ Европѣ подъ исходъ XVI вѣка, жженный и молотый, разваривая въ водѣ. Онъ укрѣпляетъ желудокъ, пособляетъ варенію пищи, служитъ помощію отъ головной болѣзни, зависящей отъ недоваренія въ желудкѣ, и прогоняетъ сонъ. Природная страна сего произрастенія есть счастливая Аравія и Еѳіонія, откуда въ разныхъ разведенъ мѣстахъ. Плодъ

сей родится на кустарникѣ, приносящемъ ягоды, коихъ сѣмена составляютъ кофейные бобки. 2) Напитокъ, сваренный изъ жженныхъ и смолотыхъ бобковъ кофейныхъ: «Варить *кофей*; пить *кофе*, *кофей*» (III, 882).

Въ свѣдѣнiяхъ, сообщаемыхъ словаремъ, обращаютъ на себя вниманiе тѣ мѣста, гдѣ говорится о способѣ и пользѣ употребленiя того или другаго изъ произведенiй природы. Подобныя указанiя были совершенно въ духѣ времени, и придавали книгѣ особенную цѣну, дѣлая ее болѣе общедоступною и полезною. Даже впослѣдствiи, по истеченiи цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ съ появленiя словаря, ставили ему въ большую услугу то, что «при описанiи произведенiй нерѣдко даются наставленiя объ употребленiи ихъ съ пользою въ домашнемъ быту, для лѣченiя болѣзней» и проч.⁶¹).

Вѣрные требованiямъ своего времени, и близко зная русскую природу и русскiй бытъ, составители словаря находили умѣстнымъ вносить въ него подробности, относящiяся къ различнымъ занятiямъ и промысламъ, а также къ домашнему обиходу вообще. При словѣ *Колодица* (III, 560) описывается, какъ ловятъ соболей; при словѣ *Клянци* (III, 654) — какъ убиваютъ лисицъ; при словахъ *Квасъ* (III, 495) и *Кисляя щи* (III, 539) сообщается словно рецептъ, какъ готовить эти напитки: «*Кисляя щи* — Напитокъ, приготовляемый слѣдующимъ образомъ» и т. д.

ХVIII.

При объясненiи словъ и выраженiй, помѣщенныхъ въ словарь росси́йской академiи, встрѣчаются черты, относящiяся къ быту различныхъ слоевъ общества, къ народнымъ обычаямъ, повѣрьямъ, играмъ, и т. п.

— *Въно* — Плата, отъ жениха за невѣсту даемая, или просто выводное. Вѣроятно слово сiе, по свойству своему, означаетъ цѣну за *вънокъ*, поелику, вышедшая замужъ лишается права носить вънокъ. А что встарину дѣвицы отличались отъ за-

мужнихъ вѣнкомъ, доказываютъ то у простолюдиновъ ленты и повязки, носимыя и донинѣ на головѣ, а у другихъ народовъ, напримѣръ у малороссіянъ и проч., волосы, въ косы заплетенныя и на верхушкѣ головы на подобіе *вѣнка* вокругъ обвитые (I, 1005—1006).

— *Подблюдныя пѣсни*—Пѣсни, поемыя о святкахъ въ простонародіи женскимъ поломъ: всякая кладетъ въ *блюдо*, покрытое платкомъ, вещь, ей принадлежащую, загадывая свое желаніе; по пропѣтіи каждой пѣсни трясутъ блюдо, и первую попавшуюся вещь въ руку вынимаютъ. По содержанію же пѣсни заключаютъ о событіи или несобытіи загаданнаго (I, 233—234).

— *Березку завивать*—Родъ издревле употребляемыхъ забавъ въ хороводѣ, въ коемъ наиболѣе женскій полъ низкаго состоянія участвуетъ. Забавы сіи отправляются въ Семикъ и Троицынъ день. Соучаствующія дѣлаютъ складчину, изъ коей приготавливаютъ столъ; срубленную березу ставятъ посреди хоровода, украшаютъ ее лентами и платками, пляшутъ около ея различно, припѣвая разныя *пѣсни*, изъ коихъ многія заимствованы еще отъ язычества (I, 129—130).

— *Уроки*—У суевѣрныхъ простолюдиновъ называется родъ припадка, которому будто бы подвергается тотъ, на кого посмотритъ кто-нибудь завистливыми глазами или похвалитъ не отъ доброжелательства (V, 140).

— *Русалка*—Такъ называли древніе славяне нимфъ, которыя почитаемы были богинями водъ и лѣсовъ (V, 224).

— *Льшей*—Суевѣрные простолюдины разумѣютъ подъ симъ названіемъ лѣсное чудовище, имѣющее, по ихъ мнѣнію, станъ человѣческій съ козлиными рогами, бороною и ногами, и которое будто бы когда ходитъ между травою, равняется съ нею, а въ лѣсу—съ деревьями. Ходящихъ по лѣсу людей обходитъ кругомъ съ тѣмъ, чтобъ они заблудились (III, 1365).

— *Волосянка*—Родъ дѣтской простонародной забавы, въ которой, начавъ какой-нибудь напѣвъ, тянутъ голосъ не преры-

вая, и кто прежде всѣхъ перерветъ голосъ, того *за волосы* дерутъ (I, 763—764).

Въ карточной игрѣ употреблялись такія названія: Дама — *Краля*, Валетъ — *Холопъ*, Пяки — *Вины*, Трефы — *Жлуди*, или *Кресты*:

— *Холопъ* — Карта игральная съ изображеніемъ мужчины, представляющаго слугу: «*Холопъ, хланъ* жлудовой, червонный, вишневый, бубновый; козырный *холопъ*; ходить съ *хлана*» (VI, 568), и т. д.

XIX.

О филологическихъ взглядахъ и приемахъ времени перваго словаря российской академіи можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

На словарь смотрѣли какъ на одну изъ частей того четверокнижія, въ составленіи котораго заключалась главная цѣль российской академіи, указанная первоначальнымъ начертаніемъ или уставомъ академіи. Изданіе словаря считалось необходимымъ въ той же мѣрѣ, какъ изданіе грамматики, риторики и пиітики. Подобно имъ, словарь долженъ былъ служить существеннымъ пособіемъ для краснорѣчія: только при помощи словаря можно безошибочно опредѣлить въ чемъ заключается обиліе, красота, важность и сила языка, и «пользоваться ими въ произведеніяхъ разума съ безсомнѣнною точностію, могущею послужить для подражанія примѣромъ»⁸³). Поэтому при составленіи словаря принято за правило «отличать слова, въ возвышенномъ и среднемъ слогѣ и проч. употребляемая; отдѣлять слова, въ обществѣ благородныхъ людей слышимыя, отъ словъ, между простонародіемъ токмо употребительныхъ, и все сіе сопровождать точными и ясными опредѣленіями и примѣрами»⁸³).

Особенныя, часто непреодолимыя затрудненія представляло словопроизводство. При тогдашнемъ состояніи сравнительной филологіи въ Европѣ вообще, нельзя было и ожидать отъ нашего

словаря строго выдержанной методы и безусловно вѣрныхъ выводовъ. Отсутствие филологической подготовки ярко обнаруживается во многихъ случаяхъ. Въ средѣ членовъ академіи не было лицъ, исключительно посвятившихъ себя филологіи. Вслѣдствіе этого приходилось обращаться къ посторонней помощи и, разумѣется, не всегда удачно. Теряясь въ догадкахъ о происхожденіи слова, вызвавшего продолжительныя и оживленныя пренія, Богдановичъ обѣщалъ посоветоваться съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, искуснымъ въ славянскомъ корнесловіи, и т. п. Но несмотря на невысокій уровень филологическихъ знаній вообще, нельзя не признать за членами россійской академіи весьма настойчиваго стремленія доискаться истины, т. е. дѣйствительнаго или по крайней мѣрѣ весьма вѣроятнаго корня того или другаго слова. Доказательствомъ служатъ многочисленныя мнѣнія, устные и письменныя, по поводу спорныхъ вопросовъ словопроизводства. Довольно указать на слова *Память* и *Воскресеніе*, для опредѣленія которыхъ потребовался цѣлый рядъ засѣданій, иногда весьма бурныхъ, пока наконецъ не пришли къ тому заключенію, что слово *Память* происходитъ отъ глагола *Мню*, а *Воскресеніе* — отъ древняго корня *Кресъ*, означавшаго *Жизнь*,⁸⁴) и т. п.

Смутныя понятія о сродствѣ языковъ, замѣчаемыя даже въ трудахъ, пользовавшихся большимъ почетомъ въ европейской литературѣ, отразились и въ словарѣ россійской академіи. Главнымъ и едва ли не единственнымъ для нея руководствомъ въ области сравнительной филологіи служилъ знаменитый въ свое время трудъ Екатерины II — «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы». Вѣроятно, на основаніи этого источника полагали, что слова: *братъ*, *сила* и пр., заимствованы изъ кельтскаго языка. Но для отысканія корней совѣтовали обращаться преимущественно къ языкамъ славянскимъ, утверждая, что «академія, обязавшись торжественно издавать *словопроизводный* словарь, меньшему подвергнетъ себя сужденію, *заимствуя корень изъ сродныхъ славен-*

скихъ языковъ, нежели ставя слова ясно сложныя за коренныя» и т. д. ⁸⁵).

Въ академическомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ, не происходятъ ли слова: *подобный, удобный, надобный* и проч. отъ стариннаго славянскаго слова *Доба*, означавшаго *Время*, да и въ св. писаніи «*нѣкоторыя мѣста означаютъ словомъ подобный пристойное къ чему время, напимѣръ: Искаше подобна времени, да предасть*» и проч. Собраніе признало правильнымъ такое производство, и въ академическомъ словарѣ подъ кореннымъ словомъ *Доба* помѣщены производныя: *Надобный, Подобный, Удобный*, и др.

— *Доба*—Въ языкахъ отъ славенскаго происшедшихъ, оставшееся, и значащее: время, пора, случай; также: возрастъ вѣсь: «*Доба намъ отъ сна встати; доба младости; къ добъ при- спѣвати*» (II, 690).

— *Ботъ*—Палка. Въ семъ знаменованіи реченіе сіе у насъ вышло изъ употребленія, а осталось у другихъ нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ (I, 300—301). Отсюда: *Батогъ* и др. (I, 301—302).

— *Гай*—Роща. Слово сіе во многихъ славенскихъ нарѣчійхъ и въ Малороссіи доннынѣ употребительно (II, 16).

Нѣсколько собраній было посвящено разсмотрѣнію вопроса, откуда происходятъ слова: *Ударъ, Одежда, Разоряю, Шествую*, и др.;

Что касается словъ: *Ударъ, ударяю*, и проч., «то собраніе, входя въ разбирательство сихъ словъ, и не находя другихъ, отъ нихъ происходящихъ, — ибо сложныя, отъ нихъ происходящія, всегда удерживаютъ глаголь *Ударяю*, напимѣръ: *Ударить*, сложн. *Пріударить*, — судило оставить ихъ коренными».

Слово *Одежда* одни производили отъ глагола *Дъваю*, подобно тому, какъ *Облаченіе, Облекаю* произведены были отъ *Влеку*; другіе — отъ глагола *Дью*, потому что *Дъваю* самъ по себѣ показываетъ учащеніе ⁸⁶). Первое мнѣніе одержало верхъ: въ сло-

варѣ *Одежда*, *Одѣваю* и проч. поставлены подѣ кореннымъ *Дѣваю* (II, 857—866).

Глаголь *Разоряю* одни производили отъ корня *Зорю*, другіе—отъ корня *Орю*, замѣчая, что если бы онъ происходилъ отъ *Зорю*, то въ соединеніи съ предлогомъ *раз*, удваивалъ бы букву *з*—писался бы: *Раззоряю*; но и въ церковныхъ книгахъ и въ древнихъ лѣтописяхъ въ глаголь этомъ пишется одно, а не два *з* ⁸⁷).

Глаголь *Шествую* признали первоначально кореннымъ, подобно глаголу *Шагаю*, ⁸⁸) но въ послѣдствіи отнесли къ производнымъ, и помѣстили подѣ корнемъ *Иду*. Неопредѣленное наклоненіе: *Итти* (а не *Идти*). (III, 205, 211).

О глаголь *Бываю* возникло сомнѣніе, поставить ли его подѣ буквою *В* или же подѣ буквою *Е* при глаголь *Есмь*, отъ котораго онъ *вѣроятно* происходитъ. «Но какъ многія, отъ *Бываю* происходящія слова, напримѣръ: *Позабываю*, весьма далеко отъ глагола *Есмь* устраниются, то опредѣлено, для большей удобства, оставить его со всѣми, отъ него происходящими, въ своемъ мѣстѣ, упомянувъ токмо, что онъ отъ глагола *Есмь* происходитъ» ⁸⁹). Въ словарѣ не упомянуто объ этомъ происхожденіи, и при глаголь *Бываю* указаны слѣдующія формы: *Бываю*, *быль*, *буду*, *бывать*, *быть* и пр. (I, 396).

— *Азъ*—Въ древнихъ книгахъ рукописныхъ, а особливо въ духовныхъ завѣщаніяхъ, вмѣсто *Азъ* писали *Язъ* (I, 12).

— *Де*—Частица несклоняемая, позади имени полагаемая, и въ просторѣчїи токмо употребляемая, когда мы другому пересказываемъ приказанье чье: «Онъ велѣлъ мнѣ тебѣ сказать, что я *де* тебя не слушаю, и угрозы *де* твоихъ не боюсь» (II, 572).

— *Князь*—Во образѣ нарѣчїи встарину и доднесь употребляется въ приказныхъ и другихъ письменныхъ производствахъ, прилагаемое къ отечеству какого-либо князя, княгини или княжны, для означенія непрерывнаго княжескаго рода или поколѣнія: «Князь Иванъ, *Князь* Ивановъ сынъ» и проч. (III, 668—669).

Отъ корня *Дубъ* происходитъ слово *Дубасъ* — Родъ одежды, подобной сарафану, употребляемой въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи, и названной потому, что красягъ въ *дубовомъ* листу (II, 781—783).

— *Армякъ* — Ткань изъ верблюжьей шерсти и одежда, сдѣланная изъ этой ткани, получившей названіе *въроятно отъ Арменіи*, откуда ее привозили сначала (I, 47).

— *Беремя* — Отъ славянскаго *Бремя* (I, 131).

— *Бльдъ* — Славянск. Нынѣ употребляется вмѣсто его *Бльдный* (I, 232).

Отъ корня *Для*, въ старин. употребл. *Дляя* — *Богадьяля* (II, 685—686).

Отъ корня *Мохъ* — *Замша* (IV, 276, 278).

Отъ корня *Мошна* — *Мошеникъ* (IV, 280—281).

Отъ корня *Полъ* (половица) — *Упѡлъ* — Влажность, каковыя снимаются изъ сосудовъ во время приготовленія кушанья и доливаются опять оною, когда выкипятъ (IV, 285—287).

Отъ *Ухо* — *Обухъ*, *Оплеуха*, *Ушатъ* (VI, 460—463).

Отъ *Треба* (знач. *Жертва*) — *Требую*, *Истребляю*, *Отруби* (VI, 241—247).

Отъ *Льзу* — *Лазутчикъ* (III, 1347—1348).

Отъ *Колью* (знач. *Зябну*) — *Окольтъ* (III, 741—742).

Отъ *Липкій* — *Льну*: «Смола липнетъ, льнетъ къ рукамъ» (III, 1216—1218).

Отъ *Кучусь* (знач. *Прошу убѣдительно*) — *Скука* (III, 1102—1103).

Отъ *Садню* (знач. *Оцарапливаю*) — *Досада* (V, 300—301).

Отъ глагола *Рѣти* (знач. *Течь*) — *Обрѣтаю*, *Изобрѣтаю*, *Пріобрѣтаю* (V, 263—265).

Отъ *Радъ* — *Радью*, *Радужный* (V, 22—23).

Отъ *Ницъ* (знач. *Лицомъ къ землѣ*) — *Проницаю*, *Вникаю*, *Изнанка* (IV, 534—536).

Отъ *Нзу* (старин.; знач. *Проницаю остриемъ своимъ*) — *Вонзаю*, *Заноза* (IV, 520—522).

Отъ *Нуръ* (старин.; знач. *Земля*)—*Понурый*; *Понурность*—Наклонность, навислость: «*Понурность горъ*» (IV, 568).

Отъ *Корнъ* (старин.; знач. *Короткій*)—*Курносый* (III, 833).

— *Корконосый*—Составл. изъ стариннаго слова *Коркъ*, означающаго: малый, небольшой, недостаточный, и слова *Носъ*; употребл. въ отношеніи къ такимъ, у которыхъ носъ менѣе надлежащей мѣры (III, 821—822).

— *Кургузый*—Составл. изъ стариннаго слова *Куръ*—Короткій и *Гуза*—Хвостъ (III, 1082).

Отъ *Ветхій*—*Ветшина*, или *Ветчина* (I, 667—669).

Отъ *Общій*—*Обтомъ*, т. е. Гуртомъ, не въ розницу (IV, 599—600).

Отъ *Мльчу*—*Зампчательный*, *Млтій* (IV, 430—432).

При опредѣленіи словъ принято за общее правило—поступать какъ можно осторожнѣе, ибо одно лишнее слово можетъ дать невѣрное понятіе объ опредѣляемомъ. Всего болѣе старались избѣгать такъ называемаго круга въ опредѣленіи, и всего чаще обращались къ синонимамъ, или *сословамъ*⁹⁰).

— *Опытъ*—Искусъ; изслѣдованіе, производимое надъ какою-либо вещью, и пр. (IV, 1239).

— *Искусъ*—Опытъ; испытаніе и пр. (III, 1108).

— *Народъ*—Языкъ; племя и пр. (V, 43).

— *Языкъ*—Народъ, племя (VI, 1037—1038).

— *Садъ*—Вертъ, вертоградъ, и пр. (V, 308).

— *Вертъ*—Огородъ, садъ (I, 625).

— *Снуръ*—Гайтанъ; витая или плетеная веревочка, и пр. (V, 625).

— *Гайтанъ*—Снурокъ небольшой мѣры, и пр. (II, 16).

Нѣкоторые изъ членовъ російской академіи предлагали сдѣлать различіе между словами: *Цвѣтъ*—Color и *Цвѣтъ*—Flos, а также между словами: *Дерево*—Arbor и *Дерево*—Lignum, и условились писать: *Цвѣтъ*—въ смыслѣ Flos, и *Цветъ*—въ смыслѣ Color. Но различіе это не было удержано въ словарѣ, принявшемъ въ обоихъ случаяхъ начертаніе *Цвѣтъ*⁹¹.

Во многихъ словахъ допускается двойное начертаніе, какъ напริมѣръ:

Равнина и Ровнина. V. 14.—Разнь или Рознь. V. 62.—
Разница или Розница. V. 63.—Таварь или Товарь. VI. 5. (Та-
варищъ. VI. 6).—Стокань или Стакань. V. 740.—Стерво или
Стерва. V. 730.

Равняю и Ровняю. V. 15.—Расту или Росту. V. 73.—
Обстраиваюсь и Обстроиваюсь. V. 894.—Чардакъ или Чер-
дакъ. VI. 664.—Кра́хмалъ или Крухмалъ. III. 927.—Челнь
или Чолнь. VI. 688.—Ческа или Чоска. VI. 746.—Черствый
или Чорствый. VI. 715.—Щеголь и Щоголь. VI. 945.—Щека
или Щока. VI. 948.

Шеколадъ или Шоколадъ. VI. 866.

Хлещу или Хлыщу. VI. 551.—Охлестать или Охлыстать.
VI. 552.—Клену или Клянѹ. III. 656. Кленусь и Клянусь. III.
656.—Мездра или Мяздра. IV. 83.

Свирѣпый или Сверѣпый. V. 360.—Утаеваюсь и Утамва-
юсь. VI. 15.

Кринка или Крынка. III. 954.

Риторика и Реторика; Риторъ или Реторъ. V. 147.

Строгоаю или Стругаю. V. 902.—Сода или Суда. V. 634.—
Томпакъ или Тумпакъ. VI. 171.—Кокушка или Кукушка. III. 699.

Плыву и Плову. IV. 918.

Тюльпанъ или Тюльпанъ. VI. 322.

Осмыкать или Осмыгать. IV. 358.

Пугало или Пужало. IV. 1170.—Напугать или Напужать.
IV. 1171.

Почва или Пошва. IV. 1018.—Подчерчиваю или Подчер-
киваю. VI. 722.

Пускаю, Опускаю и Пушаю, Опушаю. IV. 1180, 1188.

Слюзь или Шлюзь. V. 586.—Спинать или Шпинать. V. 669.

Математика или Маѳематика. IV. 56.—Хрисолиѳъ и Хри-
солитъ. VI. 592.

Машина и Машина. IV. 62.

Шжворень и Шворень. VI. 892.— Хлопокъ и Охлопокъ. VI. 555.

Богословіе и Богословія (V, 539).

Наживной и Наживный (II, 1138).

Промѣнз и Промѣна; Размѣнз и Размѣна (IV, 397—398).

Вліяніе въ и на: «Имѣть вліяніе въ общенародныя дѣла; Воспитаніе имѣеть вліяніе на всю прочую жизнь» (III, 1231—1232) и т. д.

Глаголы рѣшено ставить въ настоящемъ времени, между прочимъ, на томъ основаніи, что славянскій языкъ «много занимаетъ въ свойствѣ словъ отъ языка греческаго, почему и нужно держаться свойства онаго; но въ греческихъ словаряхъ всѣ глаголы пишутся въ настоящемъ времени»⁹²).

Вопросъ о помѣщеніи причастій въ словарь послужилъ поводомъ къ весьма продолжительнымъ преніямъ. Одни изъ членовъ академіи предлагали вовсе исключить причастія; другіе находили нужнымъ удержатъ только причастія страдательныя; третьи ограничивались причастіями, происходящими отъ глаголовъ неправильныхъ, и т. д. Необходимость помѣщенія страдательныхъ причастій, доказывали преимущественно тѣмъ, что они употребляются въ смыслѣ прилагательныхъ, и соединяясь съ существительными, даютъ имъ опредѣленное значеніе: *Вареная, жареная рыба; Шитое платье; Браный колосъ*, и проч. Касательно причастій отъ глаголовъ неправильныхъ возникло сомнѣніе, какіе именно глаголы считать неправильными. Порѣшили считать *неправильными* тѣ причастія, которыя «въ разныхъ временахъ отъ общихъ правилъ въ перемѣнѣ временъ удаляются»; тѣже, которыя «въ одномъ только времени или лицѣ отступаютъ, назвать *исключительными*», и т. д.⁹³).

Различныя мнѣнія высказаны были и по вопросу о буквахъ *З* и *С* въ сложныхъ словахъ. Нѣкоторые изъ членовъ академіи, «утверждая свое мнѣніе грамматическими и другими старинными книгами», предлагали писать *с* во всѣхъ безъ исключенія словахъ, сложныхъ съ предлогами: *воз* или *въ*, *изъ*, *низъ*, *разъ*, *безъ* и пр.

Другіе совѣтовали держаться словопроизводства, потому что если дать волю выговору, то у всякаго родится свое правописаніе. Наконецъ многіе были того мнѣнія, чтобы слѣдовать правописанію церковныхъ книгъ, въ которыхъ передъ мягкими согласными: *Б, Г, Д, Ж, З*, и плавными: *В, Л, М, Н, Р*, употребляется *З*, напримѣръ: *Возбудить, Возлагать, Воздержать, Возложить, Изрещи*, и пр.; передъ согласными же твердыми: *К, П, Т, Х, Ц, Ч*, — *С*: *Воскликнуть, Воспріять, Исходить, Истереть, Сирѣниться, Рассчитывать*, и пр. Исключеніе должны составлять слова, сложныя съ предлогами *Без* и *Низ*, и удерживающія вездѣ *З*, и т. д. Определено: послѣдовать правиламъ, изложеннымъ въ грамматикѣ Ломоносова и сообразнымъ съ употребленіемъ этихъ буквъ въ книгахъ церковныхъ⁹⁴).

Относительно *з* и *ъ* въ окончаніи именъ мужескаго рода «изъ сообщенныхъ членами мнѣній выведено и постановлено правиломъ», чтобы *з* ставить въ тѣхъ именахъ, которыя въ родительномъ падежѣ оканчиваются на *а*, а *ъ* — въ именахъ, оканчивающ. въ родительн. на *я*: *Плачь — Плача; Овоиць — Овоица; Гость — Гостя; Груздь — Груздя*, и пр.⁹⁵).

XX.

Въ вопросахъ литературныхъ россійская академія руководствовалась тѣми началами, на которыхъ построена была такъ называемая ложно-классическая теорія. Главная роль въ развитіи и распространеніи этихъ началъ принадлежитъ, какъ извѣстно, французскимъ писателямъ. Трудами ихъ пользовались и составители словаря россійской академіи. Помѣщенные въ немъ опредѣленія словъ, относящихся къ области словесныхъ наукъ, заимствованы, съ большими или меньшими измѣненіями, изъ словаря французской академіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и вліяніе Ломоносова, указавшаго особенности различныхъ родовъ слога.

— *Словесныя науки* — Науки, касающіяся до свойства и

чистоты языка какого, въ коихъ заключаются: грамматика, витійство и стихотворство (V, 536).

— *Словесность*—Знаніе, касающееся до словесныхъ наукъ. (V, 536).

— *Словесникъ*—Сильный, искусный въ знаніи языка какого (V, 536).

— *Писатель*—Сочинитель (IV, 829).

— *Проза*—Простая рѣчь. Проза противуполагается Стихотворенію. *Преложеніе*—Превращеніе *простой рѣчи* въ стихи (IV, 1087; III, 1287).

— *Штиль*—Слогъ; образъ сочиненія, писанія: «Слогъ важный, высокій, средній и низкій» (VI, 916—917; III, 1292).

— *Низкій слогъ*—Слогъ, наполненный словами простонародными (IV, 528).

— *Чертогъ*—Реченіе, употребляемое въ *важномъ* слогѣ (VI, 717).

— *Эклога*—Родъ пастушескаго стихотворенія, въ которомъ обыкновенно представляются разговаривающіе пастухи (VI, 1005).

— *Противоположность*—Въ словесныхъ наукахъ: Совершенное противорѣчіе въ свойствахъ человѣческихъ и обстоятельствахъ житейскихъ для извлеченія средины изъ сихъ двухъ крайностей: «Скупой и расточитель, введенные въ *противоположность*, подають наставленіе къ бережливости и щедротѣ» (III, 1281).

Словарь російской академіи.

Словарь французской академіи.

Поэзія—*Стихотворство* (IV, 1023; V, 737—738).

Poésie — L'art de bien raconter ou représenter en vers les

1) Наука изображать стихами мысли свои, описывать предметы, чувствамъ нашимъ подлежащія, или отвлеченные. *Руководство къ стихотворству.*

actions et les passions humaines sous des fictions ingénieuses. *La poésie est appelée le langage des dieux.*

Словарь російской академіи.

Учить, обучаться стихотворству. Стихотворство именуется языкомъ боговъ.

2) Сочиненіе, стихами писанное. *Высокость, превосходство стихотворства. Красоты стихотворства. Упражнятыя въ стихотворствѣ. Имѣть даръ, склонность къ стихотворству.*

Стихотворство лирическое, въ которомъ заключаются оды и другія небольшія сочиненія, въ похвалу пишемыя.

Стихотворство драматическое, въ которомъ заключаются трагедіи, комедіи и другія лицедѣйственныя сочиненія, представленія.

Стихотворство эпическое, къ которому относятся поэмы эпическія или героическія.

Стихотворство издѣвочное, которое шуточнымъ образомъ описываетъ разныя предметы и проч.

Поэма — стихотворское сочиненіе о важномъ какомъ предметѣ. (IV. 1023).

Словарь французской академіи.

Poésie — L'art de faire des ouvrages en vers.

On appelle *Poésie lyrique* celle des odes et des poèmes faits pour être mis en chant.

Poésie dramatique — celle des tragédies, et autres pièces que l'on représente sur le théâtre.

Poésie épique — celle qui regarde le poème épique.

On appelle *Poésie burlesque* celle qui traite son sujet d'une manière burlesque. *Burlesque* — qui est propre pour la raillerie.

On appelle *Poème épique, poème héroïque* un grand poème, où l'on raconte quelque action grande et heroïque, que l'on embellit de fictions ingénieuses et d'évenemens merveilleux. (Изд. 1694 г. II, 263).

Словарь российской академіи.

Эпопея—самое высокое стихотвореніе, въ которомъ описывается важное дѣлаго народа или всего человѣческаго рода происшествіе. Иначе *Поэма*. (VI. 1007).

Ода—Родъ пѣсносложенія лирическаго, раздѣленнаго на строфы, состоящія изъ стиховъ одинаковыя мѣры и числа. Слогъ ея долженъ быть важный и возвышенный. *Пиндаровы, Горациевы, Ломоносовы оды. Написать, сочинить оду.*

Одическій. Приличный, свойственный одамъ. *Одическій слогъ* (IV. 618).

Элегія. Стихотвореніе печальное и плачевное. *Сочинять элегии. Элегии Овидіевы, Тибулловы.* (VI. 1005—1006).

Сонетъ. Родъ стихотворенія, состоящаго изъ нѣкотораго числа стиховъ, раздѣленныхъ на два четверостишія и на два тристишія. *Сонеты Петрарховы. Сочинить сонетъ въ похвалу кому.* (V. 652).

Словарь французской академіи.

Эпореэ—Poème épique. (Изд. 1718 г. I, 562).

Ode—Sorte de poème lyrique divisé par strophes ou stances de même mesure, et de même nombre de vers, et dont ordinairement le style doit être noble et élevé.... *Les odes de Pindare, d'Horace de Malherbe. Faire une ode; composer une ode.* (Изд. 1694 г. II, 139;—1762 г. II, 237).

Элегіе—Espèce de poésie qui s'emploie dans les sujets tristes et plaintifs, principalement dans ce qui regarde l'amour. *Composer une élegie...* (Изд. 1740 г. I, 560).

Sonnet—Ouvrage de poésie composé de quatorze vers distribués en deux quatrains et deux tercets; les deux quatrains étant sur deux rimes seulement... *Composer un sonnet à la louange d'un tel...* *Les sonnets de Pétrarque....* (Изд. 1694 г. II, 488).

Словарь російской академіи.

Сатира. Сочиненіе, прозою или стихами написанное, въ которомъ язвительными и острыми мыслями и краснымъ слогомъ стараются привести въ омерзенеіе пороки, страсти, или недостатки, осмѣваемыя предъ всѣми. *Сатиры Горациевы. Сатиры Ювеналовы, Кантемировы.* *Написать сатиру прозою, стихами.* (V. 344).

Эпиграмма. Небольшое стихотвореніе, состоящее изъ нѣсколькихъ стиховъ и изъ одной острой мысли, которая самая сущность или острота заключается обыкновенно въ послѣднемъ стихѣ. (VI. 1006—1007).

Драма. Лицедѣйственное сочиненіе, представляющее печальное происшествіе, и различается тѣмъ отъ трагедіи, что въ драмѣ представляются обыкновенныя въ житіи приключенія. *Сочинить, представить драму.* (II. 743).

Трагедія. Лицедѣйственное сочиненіе или представленіе, заключающее въ себѣ какое-нибудь важное дѣяніе, происходящее между знаменитыми особами, удобное къ возбужденію страха или сожалѣнія, и

Словарь французской академіи.

Satyre (Satire)—Ouvrage en prose ou en vers, fait pour reprendre, pour censurer les vices, les passions déréglées, les sottises, les impertinences des hommes, ou pour les tourner en ridicule. *Satire en prose, satire en vers. Satires d'Horace, de Juvenal. La satire Ménipée. Faire une satire...* (Изд. 1694 г. II, 443; — 1762 г. II, 684).

Epigramme — Espèce de petite poésie, qui consiste ordinairement dans une seule pensée, dont la force est presque toute dans les derniers vers. (*Перв.* I, 378).

Drame—Poème composé pour le théâtre et représentant une action soit comique, soit tragique. L'unité d'action, l'unité de temps et l'unité de lieu sont les principales règles du Drame. (Изд. 1740 г. I, 530).

Tragédie — Poème dramatique, pièce de théâtre, qui représente une action grande et sérieuse entre des personnes illustres et propre à émouvoir la terreur ou la pitié (la compassion) et qui finit d'ordinaire

Словарь российской академіи.

оканчивающееся обыкновенно печальнымъ какимъ-нибудь происшествіемъ. *Сочинить, представить трагедію. Трагедіи Софокловы, Эврипидовы, Корнелиевы, Расиновы.* (VI. 235).

Комедія. Греч. 1) Представленіе нравовъ и обычаевъ человѣческихъ, въ дѣйствіе приведенныхъ. *Шутливая, смѣшная комедія. Ирать комедіи. Сочинять, писать комедіи. Комедія въ стихахъ, въ прозѣ. Комедія въ одномъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Древніе писатели комедій были Аристофанъ, Плато и Терентій.*

2) Самое то мѣсто, зданіе, гдѣ представляются комедіи. *Итти въ комедію. Быть въ комедіи.* (III. 760).

Траги-комедія. Греч. Лицедейственное сочиненіе, различающееся отъ комедіи тѣмъ, что въ ономъ представляются знаменитыхъ особъ бѣдственные приключенія, имѣющія счастливое окончаніе. (III. 761).

Призываніе. Въ правилахъ проическія поэмы называется *Призываніемъ*, или *Взываніемъ*, обращеніе къ лицу, когда стихотворецъ проситъ себѣ въ по-

Словарь французской академіи.

par quelque événement funeste. (Изд. 1694 г. II, 583;—1718 г. II, 795).

Comédie—Poème dramatique, pièce de théâtre, représentant quelque action de la vie humaine qui se passe entre des personnes privées. (Изд. 1694 г. I, 212).

Tragi-Comédie — Pièce de théâtre représentant quelque action sérieuse entre des personnes illustres qui passent d'un grand péril à une fin heureuse. (Изд. 1694 г. I, 212;—1718 г. II, 720).

On appelle *Invocation* dans le poème épique les vers par lesquels on s'adresse à quelque Puissance divine ou humaine pour lui demander son secours,

Словарь россійской академіи.

Словарь французской академіи.

мощь вдохновеніе отъ музъ,
Аполлона, премудрости и проч.
Призываніе слѣдуетъ непосред-
ственно послѣ предложенія. На-
прим.:

sa protection. (*Перв.* II, 656).—
(Изд. 1694 г. II, 656).

Къ тебѣ я вошю, премудрость
безконечна. М. Лом.

ИЛИ

О ты, летающій превъше свѣт-
лыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ
горнихъ мѣстъ.

М. Хер. Росс. (III. 122).

Пою. Стихотворцы относи-
тельно къ эпическимъ творені-
ямъ глаголь сей употребляютъ
вмѣсто: *повѣствуютъ*, описывая
славныя дѣла какого-либо проя,
славныя происшествія. *Омиръ*
тѣлъ Ахиллесовъ и тѣлъ и Троян-
скую брань. Ломоносовъ тѣлъ дѣ-
ла Петра Великаго. (IV. 1027—
1028).

Chanter — Les poètes, princi-
palement dans leurs poèmes
épiques et liriques, disent qu'*ils*
chantent, et ils commencent
d'ordinaire leurs poèmes par ces
mots: *Je chante* (Изд. 1694 г.
I, 166).

XXI.

Изъ словарей, предшествовавшихъ словарю россійской ака-
деміи, весьма важнымъ пособіемъ при его составленіи служилъ
Церковный словарь протоіерея Алексѣева⁹⁶). Толкованія, пред-
лагаемая авторомъ, признавались вполне вѣрными и основатель-
ными. Трудъ его восхваляли и въ стихахъ и въ прозѣ. Въ од-
ной изъ надписей къ словарю говорится:

Всѣ россійскихъ странъ ученія свѣтила

Гласятъ, что *словъ его толкъ справедливъ и сила.*

Мы уже представили подробное обозрѣніе этого замѣчательнаго труда ⁹⁷⁾. Намъ остается сдѣлать общій выводъ объ отношеніи его къ словарю россійской академіи.

Внутренняя связь между словаремъ прот. Алексѣева и словаремъ россійской академіи обнаруживается въ ихъ литературной цѣли и въ ихъ литературномъ значеніи для своего времени. По убѣжденію тогдашнихъ критиковъ, словарь прот. Алексѣева заключалъ въ себѣ существенно-полезные матеріалы не только для знакомства съ церковными книгами, но и для развитія отечественнаго языка, судьбы котораго неразрывно связаны съ языкомъ церковно-славянскимъ. Вслѣдствіе этого, изданіе словаря прот. Алексѣева приняли на себя члены *Вольнаго россійскаго собранія*, задача котораго состояла въ «исправленіи и обогащеніи» русскаго языка и въ составленіи «правильнаго россійскаго словаря». Издавая трудъ прот. Алексѣева, Вольное россійское собраніе полагало, что оно оказываетъ большую услугу нашимъ поэтамъ, ораторамъ и историкамъ — естественнымъ оберегателямъ чистоты и красоты русскаго литературнаго языка.

Подобно словарю россійской академіи, въ словарь прот. Алексѣева славянскій языкъ называется *книжнымъ*, а русскій — *простымъ*.

— *Колоколъ* — Покнижному: *Калтанъ*, или *Клепало* (стр. 138—139).

— *Велблудъ* — Просто: *Верблудъ* (37).

Въ словарь россійской академіи: *Велблудъ* — Въ просторѣчїи: *Верблудъ* (I, 584), и т. д.

Опредѣленія многихъ словъ, въ томъ и другомъ словарѣ, представляютъ ббльшее или меньшее сходство между собою; примѣры и ссылки въ обоихъ словаряхъ — нерѣдко одни и тѣже.

Словарь прот. Аленсѣва.

— *Азъ* — Въ церковныхъ книгахъ вмѣсто *Я* употребляется, а въ старинныхъ рукописныхъ значится *Язъ*, а не *Азъ* и не *Я*: «Се *язъ*, рабъ Божій» и проч. (стр. 5).

— *Богъ видитъ* — Образецъ простонародной клятвы, то есть божбы, для утвержденія истины. Чин. исповѣд. Лист. 15 (Продолженіе. стр. 24).

— *Босманъ*, или *Босмана* — Дорожная пища, хлѣбъ и прочія снѣди. Прол.; ноябр. 21: «Еже ношаше *босманы* старецъ» (Продолженіе. стр. 25).

— *Крестъ* — Дерево съ поперечникомъ, на которомъ злодѣевъ распинали, пригвождали, или привязывали у римлянъ. Иногда значитъ гоненіе, озлобленіе и напасть: Мате. X, 38. «Иже не приметъ *креста* своего, и въ слѣдъ Мене грядеть, нѣсть Мене достоинъ.... *Крестъ* же пріемлется за крестное изображеніе десною рукою, а какъ должно слагать персты, о томъ см. Скрижаль» и проч. (стр. 143).

— *Бразда* — Просто: *Бороз-*

Словарь російской академіи.

— *Азъ* — Значитъ: *Я*. Въ древнихъ книгахъ рукописныхъ, а особливо въ духовныхъ завіщаніяхъ, вмѣсто *Азъ* писали *Язъ*: «Се *язъ*, рабъ Божій князь Василій» и проч. Нынѣ употребляется вмѣсто его *Я* (I, 12).

— *Богъ видитъ* — Образъ божбы для утвержденія истины. Чин. исповѣд. Лист. 15 (I, 248).

— *Босманъ*, или *Босмана* — Дорожная пища, какъ-то хлѣбъ и проч.: «Еже ношаше *босманы* старецъ». Прол.; ноябр. 21 (I, 299).

— *Крестъ* — Столбъ, имѣющій близъ верхняго конца поперечину; у древнихъ народовъ распинаемы были на оныхъ.... Пріемлется за изображеніе, во образъ креста десною рукою дѣлаемое.... Въ слав. языкѣ берется за гоненіе, за озлобленіе, за напасть: «Иже не приметъ *креста* своего и въ слѣдъ Мене грядеть, нѣсть Мене достоинъ». Мате. X, 38 (III, 931—933).

— *Бразда* — Въ языкѣ сла-

Словарь прот. Алексѣева.

Словарь российской академіи.

да. Псал. LXIV, 11: «Бразды ея упои» (стр. 32).

— *Мшель* — Корысть, взятость, барышъ.

— *Мшеломецъ* — Имя, сложное изъ неупотребительнаго реченія *Мшель* и *Иманіе*, т. е. взятые незаконной корысти. *Мшеломецъ* въ Писаніи за *сребролюбиваго* берется: I Тимоѳ. III, 3 (стр. 176).

венскомъ означаетъ поле вспаханное: «Бразды ея упои» Псал. LXIV, 11: (I, 312—313).

— *Мшель* — Корысть; неправедный прибитокъ.

— *Мшеломецъ* — Корыстолюбецъ; кто корысть неправедную взымаетъ: «Не бійцѣ, не сварливу, не *мшеломцу*». I, Тимоѳ. III, 3 (III, 348).

Въ указаніи корней словарь прот. Алексѣева соблюдаетъ иногда болѣе осторожности. Такъ при объясненіи слова *Тезоименитство* онъ ограничивается замѣчаніемъ: «Чтѣ же собственно значить *Тезо*, того въ славенскомъ языкѣ не отыскано» (стр. 339). Словарь академическій дѣлаетъ такое опредѣленіе: «*Теза*, или *Тезя* — Имя, названіе» (VI, 73—74).

Различіе, замѣчаемое между словарями, о которыхъ идетъ рѣчь, опредѣляется какъ содержаніемъ, такъ и характеромъ, или ближайшею цѣлію каждаго изъ нихъ.

Въ словарѣ российской академіи на первомъ планѣ являлись соображенія филологическія и литературныя, состояніе и требованія отечественнаго языка и словесности. При собираніи же матеріаловъ для Церковнаго словаря и при ихъ обработкѣ, авторъ имѣлъ въ виду «высшаго рода пользу», получаемую «отъ прилежнаго чтенія и *подражанія* книгъ церковныхъ». Къ объясненіямъ богословскаго свойства присоединялись свѣдѣнія, заимствуемыя «съ бережливостію» изъ свѣтскихъ писателей и «*нравоучительныя*, по приличію мѣстъ приведенныя». Назидательная цѣль сказывается такъ или иначе при различныхъ толкованіяхъ и поясненіяхъ. Говоря о давнемъ обычаѣ обманывать

перваго апрѣля, авторъ словаря замѣчаетъ: «Начало сему постыдному обычаю произошло отъ нечестивыхъ жидовъ, кои какъ не вѣрили сперва воскресенію Христову, и научали лгать воиновъ, такъ и потомки ихъ разными выдумками сияются помрачить неоспоримую воскресенія истину. Апрѣля перваго числа, въ которое, по мѣсяцослову, Христосъ воскресъ, пбо распять 30 марта, сошедшись, одинъ говоритъ *Iesusъ воскресъ*, а другой, смѣючись, отвѣчаетъ: *Первое апрѣля*, т. е. неправда... Свѣдавши гнусный источникъ, изъ котораго простекаетъ такой непотребный лганья обычай, должны благочестивые не только перваго апрѣля, но и во всякое время блюстись отъ лжи, яко Богу противной, а врагу душъ нашихъ, діаволу, угодной». (Продолж. стр. 181—182). Содержаніе Церковнаго словаря почерпнуто преимущественно, хотя отнюдь не исключительно, изъ священныхъ книгъ и богословской литературы. Составители академическаго словаря пользовались, сверхъ церковныхъ книгъ, и другими богатыми источниками — произведеніями свѣтскихъ писателей, памятниками устной словесности и языкомъ разговорнымъ въ его «повседневномъ употребленіи», какъ выразился Ломоносовъ въ своей грамматикѣ.

Различіе въ содержаніи словарей отразилось и въ характерѣ приводимыхъ въ нихъ опредѣленій и толкованій. Особенно ярко обнаруживается оно при выборѣ тѣхъ или другихъ чертъ для опредѣленія словъ, относящихся къ области естественныхъ наукъ. Само собою разумѣется, что приемы историка и богослова отличались отъ приемовъ натуралиста, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ заимствованія чуть не дословны.

Словарь прот. Алексѣева.

Словарь россійской академіи.

— *Боріѳова трава* — Иерем.

— *Боріѳова трава* — Гур-

П, 22. Бѣлильщикамъ или кра-

sophila Struthium. Трава, бѣ-

сильщикамъ извѣстная трава,

лильщиками или красильщиками

коею они вымываютъ и чистятъ

употребляемая къ вымыванію и

Словарь прот. Алексѣева.

Словарь российской академіи.

пятны изъ суконъ. Иерон. (стр. 31). —

чищенію пятенъ на сукнахъ: «Аще умыешися нитромъ, и умножиши тебѣ *травы Боривовы*, порочень еси въ беззаконіяхъ твоихъ предо мною». Иерем. II, 22 (I, 285).

Въ словарѣ прот. Алексѣева:

— *Пелеканъ* — имя птицы морскія. Лев. XI, стих. 18. Съ еврейскаго языка *Каавъ*, по толкованію Бохартову, для того, что сія птица поглощенныя раковины паки изъ себя изрыгаетъ, дабы изъ нихъ выѣсть тѣльце, которое въ желудкѣ сварилось, выплонувши чрепокожіе. Книг. II, гл. 24 (стр. 233).

Въ словарѣ российской академіи:

— *Пелликанъ* — Баба-птица, *Pelecanus onocratulus*. Птица, величиною почти вдвое противъ лебедя, имѣющая клювъ длинный, плоскій, верхнюю челюсть при концѣ загнутуюся крюкомъ, означенную вдоль посрединѣ выдавшимся алымъ ребромъ. Отъ глотки по всей нижней блѣдно-алой челюсти протянуть кожаный желтоватый мѣшокъ, который птица наполняетъ рыбою, и носить въ гнѣздо для прокормленія дѣтей своихъ; ноги имѣетъ лапчатыя, свинцоваго цвѣта. Водится въ полуденной Россіи (I, 67).

Въ словарѣ прот. Алексѣева:

— *Мураволевъ* — Престарѣлый левъ, который не сможетъ ловить звѣрей въ пищу себѣ; для того разрываетъ муравьиное гнѣздо, и тамъ добываетъ готовую снѣдь. Просто называется *Муравейникъ*. Иов. IV, 11: «*Мураволевъ* погиге, занеже не имѣяше брашна» (стр. 175).

Въ словарѣ российской академіи:

— *Мураволевъ* — *Murmelion formicarium*. Насѣкомое съ четырьмя сѣтчатыми крыльями; на заднемъ оныхъ краѣ находится бѣлое пятно. Подъ симъ же названіемъ разумѣется его личинка, которая питается муравьями. На такой конецъ дѣлаетъ она въ

песку подземные проходы и на концѣ оныхъ обращенной воронкѣ подобную ямку. Бѣгаетъ задомъ, и, кусательными клещами бросая песокъ вверхъ, укрывается, и съ отверстыми челястями ждетъ, пока муравей, ползя, обрушится въ воронку, котораго, схвативъ, высасываетъ. Живетъ по песчанымъ мѣстамъ въ Европѣ (IV, 291). — и т. д.

XXII.

Словарь прот. Алексѣва былъ, какъ мы сказали, настольною книгою у составителей словаря россійской академіи. Но собственно для *словопроизводства* они должны были обращаться къ другимъ пособіямъ, и преимущественно къ тѣмъ, въ которыхъ указаны *корни* словъ, какъ напримѣръ въ словарь Кондратовича и въ Целларіусѣ Гельтергофа. По поводу спорнаго вопроса о происхожденіи словъ: *воскресаю*, *воскресеніе* и пр., академическія лѣтописи сообщаютъ слѣдующее: «Нѣкоторые предлагали произвестъ сіи слова отъ глагола *кресну*, поставленнаго корнемъ симъ словамъ въ *письменномъ словопроизводномъ словарѣ Кондратовича* и въ *Словопроизводномъ Россійскомъ целляріи*, напечатанномъ въ Москвѣ. Но какъ знаменованіе сего глагола ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не объяснено, то и произвожденіе отъ него словъ: *Воскресеніе* и проч. остается сумнительнымъ⁹⁸⁾.

О рукописномъ словарѣ Кондратовича мы говорили выше (стр. 5—7).

Словарь Гельтергофа напечатанъ въ Москвѣ, въ 1771 году, подъ названіемъ: «Россійскій Целларіусъ, или этимологическій россійскій лексиконъ»⁹⁹⁾.

Авторъ Россійскаго целларіуса, пасторъ Гельтергофъ, магистръ философіи, просидѣвшій въ петербургской крѣпости около двѣнадцати лѣтъ за участіе въ политическихъ дѣлахъ и потомъ сосланный въ Казань, освобожденъ при Петрѣ III, а въ царствованіе Екатерины II получилъ мѣсто лектора нѣмецкаго

языка въ московскомъ университетѣ, по приглашенію куратора Ададурова. Около семнадцати лѣтъ онъ пребылъ въ Москвѣ въ званіи преподавателя, и къ этому-то періоду его долгой жизни относится составленіе и изданіе русскаго словопроизводнаго словаря¹⁰⁰).

Цѣль этого труда самъ Гельтергофъ объясняетъ такимъ образомъ: «Что до собственнаго намѣренія въ сочиненіи лексикона сего касается, то состоитъ оно въ томъ, чтобъ любителямъ русскаго языка учинить оный легчайшимъ; но къ полученію онаго слѣдующее наблюдать должно. Вопервыхъ потребно затвердить и въ память гораздо углубить *первообразныя* слова сея книги, особливо такія, коихъ знать болѣе нужно, и отъ коихъ *производныя* есть и *сложныя*, а потомъ начать ежедневно по листу, или сколько кому заблагоразсудится, читать со вниманіемъ, отчего вскорости можно будетъ разбирать, какъ *естественнымъ образомъ производныя и сложныя отъ своихъ первообразныхъ выводятся*»¹⁰¹). Приводимъ нѣсколько примѣровъ словопроизводства, имѣя въ виду соотвѣтствующія, указанныя нами выше, данныя въ словарѣ русской академіи:

— Отъ первообразнаго слова *Ухо* происходятъ производныя: *Ушатъ, Обухъ, Оплеуха* (стр. 551—552).

— Отъ *Мнчу* — *Мнчкій*, *Der gut zielen kann* (стр. 332).

— Отъ *Иду* — *Итти* (а не *Идти*) (стр. 188).

— Отъ *Куца*, *Haufen* — *Скуца*, *Die lange weile* (стр. 258).

— Отъ *Сажаяю*, *Setzen*, *Pflanzen* — *Досада*, *Der verdross* (стр. 445).

Замша (стр. 172), *Обрътаю* (стр. 353), *Радью* (стр. 419) поставлены въ числѣ первообразныхъ, или коренныхъ словъ. *Заноза* находится и въ числѣ коренныхъ (стр. 172) и въ числѣ производныхъ отъ корня *Нжу*, *obs.* (стр. 338).

— Отъ *Ристаяю*, *Reppen* — *Рысью* бѣжать, *Den trab gehen* (стр. 431). Въ словарѣ русской академіи *Ристаяю* и *Рысь*, бѣгъ конскій, признаны двумя самостоятельными корнями (V, 144—145 и 237).

Въ концѣ Целлариуса помѣщено «Прибавленіе чужестранныхъ, въ російскомъ языкѣ принятыхъ словъ»:

- *Дышло* — Die deichsel (стр. 617).
- *Рюмка* — Ein weinglas (стр. 628).
- *Дюжина* — Das dutzent (стр. 618).
- *Мином* — Neunaugen (стр. 625).
- *Пена* — Die strafe (стр. 627).
- *Противень* — Eine bratpfanne (стр. 627).
- *Шурпугъ* — Die schraube (стр. 634).
- *Яхтя* — Das jagdschiff (стр. 634).
- *Стерхъ* — Der storch (стр. 630).
- *Струсъ* — Der vogel Strauss (стр. 630).
- *Касую, касовать* — Aufheben, abschaffen, cassieren (стр. 620).
- *Априкозъ* — Die aprikose (стр. 614).
- *Либерея* — Die liverey der bedienten (стр. 622).
- *Либерейный* — Zur liverey gehörig (стр. 622).
- *Шпарша* — Der spargel (стр. 634).
- *Шляхтецъ* — Ein edelmann (стр. 634).
- *Апельсина* (женск.) — Appelsine (стр. 614).
- *Ракетъ* (женск.) — Die raquete (стр. 628).
- *Рапиръ* (мужеск.) — Das rapier (стр. 628).
- *Тубель* (мужеск.) — Der pantoffel (стр. 631) и т. д.

XXIII.

Въ тѣ времена, когда составлялся академическій словарь, | большимъ почетомъ пользовался у насъ словарь французской академіи, который считали произведеніемъ, въ своемъ родѣ образцовымъ. Задумавши составить полный словарь отечественнаго языка, академики наши взялись за дѣло, которое, по своей новости и сложности, требовало пособій, указаній, руководящей нити. А при тогдашнемъ состояніи литературы всего удобнѣе было обращаться къ словарю французской академіи, въ состав-

ленія котораго участвовали писатели, заслужившіе громкую европейскую извѣстность. На многіе изъ спорныхъ вопросовъ, неизбежно возникавшихъ одинъ за другимъ, имѣлись готовые отвѣты, выраженные опредѣленно и ясно, какъ и слѣдовало ожидать по складу французскаго ума.

Еще до учрежденія російской академіи, Общество, старавшееся о переводѣ иностранныхъ полезныхъ книгъ на русскій языкъ, предприняло переводъ словаря французской академіи. Вышло только начало — буква *A*:

— *Ame* — *Оживляющее* всякую вещь существо.

— *Ame végétative* — *Оживляющее* растенія существо.

— *Ame sensitive* — *Оживляющее* животныхъ существо.

— *Amour divin* — *Неописанная* любовь.

— *Mourir d'amour* — *Умирать* съ любви.

— *Azot* (у алхимистовъ) — *Ртуть*, и т. д. ¹⁰²).

При составленіи словаря російской академіи члены ея часто обращались къ словарю французской академіи, и хотя и слышались голоса, указывавшіе недостатки этого труда и предостерегавшіе отъ подражанія ему, но обойтись безъ него оказывалось почти невозможнымъ. Болтинъ предлагалъ, чтобы «для большаго совершенства словаря и точнѣйшаго утвержденія знаменованія словъ и рѣчей прибавлять *столько примѣровъ, сколько есть случаевъ, въ какихъ опредѣляемое слово употребляется можетъ, — въ чемъ главнѣйшее совершенство состоитъ словаря французской академіи*». Предложеніе это, какъ мы видѣли, отклонено было между прочимъ на томъ основаніи, что «свойство языка російскаго отъ французскаго далеко отстоитъ» ¹⁰³). Въ первоначальномъ планѣ словаря сказано было, что не должно объяснять слова, означающія «всеобщія существъ собственности, напримѣръ: *Бытіе, Пространство, Время* и проч.». На это нѣкоторые изъ членовъ возражали, что всѣ подобныя слова «въ толковомъ словарѣ французской академіи объяснены, чего и намъ держаться надобно». Но кн. Дашкова замѣтила, что «въ семь случаевъ сло-

варь французской академіи правиломъ намъ служить не можетъ, потому что въ немъ много есть такихъ объясненій, которыя болѣе затмеваютъ смыслъ словъ, нежели объясняютъ оный, и сначала сила словъ яснѣе понимается, нежели по прочтеніи объясненія»¹⁰⁴). Тѣмъ не менѣе словарь французской академіи послужилъ въ большей или меньшей степени примѣромъ при объясненіи многихъ словъ, даже и тѣхъ, которыми обозначаются общія свойства вещей. Уже самое то обстоятельство, что подобныя слова *объяснены*, указываетъ, что примѣръ французской академіи оказалъ свое дѣйствіе.

Словарь російской академіи.

— *Бытіе* — Существованіе, дѣйствительность того, что есть или находится: «Вся сотворенная являютъ *бытіе* Бога. Богъ міръ сей изъ небытія привелъ въ *бытіе*» (I, 396).

— *Пространство* — Обширность; мѣсто, во всѣ стороны протяженное: «*Пространство* государства. Малое, *великое пространство*. Всякая вещь извѣстное занимаетъ въ мірѣ *пространство*» (V, 856).

— *Время* — Послѣдованіе бытія вещей: «*Время течетъ*. *Время все поглотитъ*. Прошедшаго времени возвратитъ не можно. *Онъ не знаетъ цѣны времени*» (I, 921).

Словарь французской академіи.

— *Etre* — Ce qui est. Signifie aussi Existence: «C'est Dieu qui nous a donné *l'être*» (Изд. 1694 г. I, 408. — 1762 г. I, 683).

— *Espace* — Etendue de lieu depuis un certain terme jusqu'à un autre: «*Grand espace*. Long espace. Espace vide. Espace rempli»... (Изд. 1694 г. I, 392).

— *Temps* — La mesure du mouvement; ce qui mesure la durée des choses: «*Le temps coule*. *Le temps amène tout*. C'est un homme qui ne connaît pas le *prix du temps*» (Изд. 1694 г. II, 535. — 1740 г. II, 747. — 1762 г. II, 809).

Въ отношеніи приемовъ, употребленныхъ для подготовки матеріаловъ, рѣшительное преимущество отдавали словарю российской академіи, составлявшемуся при помощи аналогическихъ таблицъ. Благодаря этимъ таблицамъ, наша академія, по словамъ кн. Дашковой, потратила на словарь въ двадцать разъ меньше времени, нежели академія французская, спорившая объ одномъ какомъ-нибудь словѣ по три и по четыре дня ¹⁰⁵).

Знакомство съ словаремъ французской академіи весьма ярко обнаруживается въ трудѣ нашихъ академиковъ. Оно замѣтно и въ взглядѣ на главную цѣль и значеніе словаря, и въ опредѣленіи словъ и выборѣ примѣровъ, и въ литературныхъ понятіяхъ вообще, насколько они могли выразиться въ словарѣ и т. д. По всему этому сравненіе съ словаремъ французской академіи необходимо для критической оцѣнки русскаго академическаго словаря.

Главная обязанность французской академіи, на основаніи ея устава, заключалась въ томъ, чтобы дать опредѣленные правила языку и сдѣлать его наиболѣе краснорѣчивымъ и способнымъ для изложенія наукъ и искусствъ: *La principale fonction de l'académie sera de travailler avec tout le soin et la diligence possibles, à donner des règles certaines à notre langue, et à la rendre plus éloquente et plus capable de traiter les arts et les sciences* ¹⁰⁶). Подобно российской академіи, имѣвшей «предметомъ своимъ *вычищеніе* російскаго языка», французская академія должна была заботиться объ *очищеніи* языка отъ нечистотъ и злоупотребленій, откуда бы они ни появлялись—*De nettoyer la langue des ordures* qu'elle avait contractée ou dans la bouche du peuple, ou dans la foule du Palais et dans les impuretés de la chicane, ou par le mauvais usage des courtisans ignorants, ou par l'abus de ceux qui la corrompent en l'écrivant, et de ceux qui disent bien dans les chaires ce qu'il faut dire, mais autrement, qu'il ne faut; que pour cet effet il serait bon *d'établir un usage certain des mots*; qu'il s'en trouverait peu à retrancher de ceux dont on se servait aujourd'hui pourvu qu'on les rapportât à un

des trois genres d'écrire, auxquels ils se pouvaient appliquer. . . . Для достиженія главной цѣли—для возведенія языка на высшую степень красноречія всего важнѣе и необходимѣе *риторика* и *пѣтики*; но чтобы дать имъ прочную основу, надо составить *грамматику*, а еще ранѣе *грамматики*—*словарь*, какъ собраніе матеріаловъ для *риторики* и *пѣтики*: Que le dessein de l'académie étant de rendre la langue capable de la dernière éloquence, il fallait dresser deux amples traités, l'un de *Rhétorique*, l'autre de *Poétique*; mais que, pour suivre l'ordre naturel, ils devraient être précédés par une *Grammaire*, qui fournirait le corps de la langue, sur lequel sont fondés les ornemens de l'oraison et les figures de la poésie; que la grammaire comprenait, ou les termes simples, ou les phrases reçues, ou les constructions des mots les uns avec les autres; qu'ainsi, avant toutes choses, il fallait dresser un *Dictionnaire*, qui fût comme le trésor et le magasin des termes simples et des phrases reçues.... Que si d'ailleurs la véritable gloire consiste à bien servir le public, un *Dictionnaire* de cette sorte, soit que vous le regardiez comme *un moyen pour parvenir à la Rhétorique et à la Poétique*, soit que vous le regardiez en lui-même, ne peut que faire beaucoup d'honneur à ses auteurs....¹⁰⁷).

Словарь французской академіи, въ его первомъ изданіи, расположенъ въ *словопроизводномъ* порядкѣ, который признавали и болѣе полезнымъ и болѣе пріятнымъ, нежели азбучный. Слова первообразныя, или коренныя, печатались крупнымъ шрифтомъ, какъ родоначальники происходящихъ отъ нихъ словъ: такимъ образомъ являлась воочию вся исторія слова, его рожденіе и развитіе, и т. д.¹⁰⁸). Только нетерпѣніе французовъ заставило академиковъ замѣнить словопроизводный порядокъ азбучнымъ при второмъ изданіи словаря: Легко представить себѣ — говорятъ издатели — нетерпѣніе челоуѣка, которому понадобилось узнать значеніе слова *Absoudre*; онъ ищетъ этого слова въ началѣ перваго тома, гдѣ ему и слѣдуетъ быть, и въ мѣсто того находитъ указаніе, что надо искать въ концѣ вто-

раго тома слово *Soudre*, которое ему вовсе ненужно, но которое служить корнемъ искомаго. Въ азбучномъ же словарѣ каждое слово отыскивается безъ всякаго труда ¹⁰⁹).

Желая представить языкъ въ его современномъ состоянїи, французская академія не вносила въ свой трудъ ни словъ старинныхъ, которыя уже не употребляются, ни словъ техническихъ, невошедшихъ еще въ общее употребленіе. Она ограничилась языкомъ образованнаго общества и языкомъ писателей, потому что въ этихъ двухъ источникахъ заключается, по ея мнѣнію, все, что можетъ содѣйствовать благородству и изяществу рѣчи ¹¹⁰).

При всемъ уваженїи къ языку образцовыхъ писателей, академики весьма часто придумывали свои собственные примѣры съ цѣлю опредѣлить какъ можно точнѣе настоящій смыслъ слова и кругъ его значенія, чего вовсе не имѣли въ виду писатели, употребляя то или другое слово ¹¹¹).

Въ видѣ уклоненія отъ основнаго понятія о литературномъ языкѣ, въ словарь допускались и пословицы, но только съ весьма строгимъ выборомъ. *Пословицы* — разсуждали академики — повсюду считались *правилами нравственности*, заключающими въ себѣ какое-либо *нравоученіе*. Но нѣкоторыя изъ нихъ опошлись въ устахъ черни, и могутъ употребляться развѣ только въ простомъ слогѣ. Но такъ какъ пословицы составляютъ значительную долю въ языкѣ, то и они включены въ число матеріаловъ, собираемыхъ для словаря ¹¹²).

Чтобы нагляднѣе представить отношеніе между словарями французской и російской академіи, укажемъ еще нѣсколько опредѣленій словъ съ соответствующими примѣрами:

Словарь французской академіи.

Словарь російской академіи.

— <i>Orgueil</i> — Vanité, presumption, opinion trop avantageuse de soi-même, par laquelle on se préfère aux autres. (Изд. 1694 г. II, 159).	<i>Гордость</i> — Высокомѣріе, надменность, высокоуміе, высокое о себѣ мечтаніе, кичливость, напыщеніе, спесь (II, 240).

Словарь французской академіи.

Словпръ російской академіи.

— *Vie*—L'état où est l'homme quand son âme est unie à son corps: «*Les principes de nos vies. Quand Dieu créa l'homme il souffla en lui un esprit de vie... Aimer la vie... Les débauches lui ont abrégé la vie. Attenter à la vie...*»

— *Vie* se prend encore pour la durée de l'union de l'âme avec le corps, pour tout l'espace de temps qui s'écoule depuis la naissance jusqu'à la mort:.... *Il a passé sa vie à la cour, à voyager.... Cette vie n'est qu'une ombre, qu'un songe....*

— Il se dit aussi de ce qui regarde la conduite de la vie et les moeurs: .... *Il a changé de vie.... Se repentir de sa vie passée....* On dit proverb.: *Telle vie, tel fin....* (Изд. 1718 г. II, 781—782).

Аме.

Ce qui est le principe de la vie dans les choses vivantes.

— *Жизнь* — 1) Состояние, въ которомъ находится чело-вѣкъ, когда душа его соединена бываетъ съ тѣломъ: «*Начало жизни. Богъ есть виновникъ нашей жизни. Богъ при сотвореніи вдунулъ въ человека духъ жизни. Любитъ жизнь. Несчастія сократили жизнь его. Посвятить на чью жизнь».*

— 2) Берется за продолженіе соединенія души съ тѣломъ, т. е. за все время, продолжающееся отъ начала рожденія до дня смерти, иначе Вѣкъ:.... «*Жизнь сія ничто иное есть, какъ сонъ. Онъ жизнь свою провелъ при дворѣ, въ странствованіяхъ»....*

— Образъ житія въ отно-шеніи къ нравамъ и поведенію: ....«*Раскаиваться о прошедшей, дурной жизни. Онъ перемѣнилъ образъ жизни. Какова жизнь, таковъ и конецъ».* (II, 1121 — 1122).

Душа.

1) Вообще— Духъ вліянный въ тѣло животное: «*И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду четвероногая и гадь».* Быт. I, 24.

Ame se dit particulièrement en parlant de l'homme et signifie Ce qui est en lui, qui le rend capable de penser, de vouloir et de raisonner.

Ame raisonnable — Celle qui est le principe de la vie, de la pensée et des mouvements volontaires dans l'homme.

L'âme est indivisible, spirituelle, immortelle. Les facultés de l'âme.... Les passions de l'âme.... Aimer Dieu de toute son âme.

Ame par rapport à ses bonnes ou mauvaises qualités. *Ame belle, grande, noble, généreuse, élevée, royale, héroïque.... Ame faible, petite, lâche, basse, intéressée.*

En parlant des âmes séparées du corps, on dit: *Les âmes des trepassés.... Les âmes bienheureuses....*

2) Особенно — Душа человеческая.

а) Существо бзтѣлесное, одаренное способностію понимать, мыслить, рассуждать, хотѣть и проч. и которое имѣетъ увѣреніе о своихъ дѣйствіяхъ, также волю, свободу и есть главная сила на тѣло дѣйствующая: «Въ сію ночь душу твою истяжутъ». Лук. XII, 20. *Душа есть нераздѣлима, непричастна смерти. Способности души. Страсти души. Любитъ Бога всею душею. Смерть есть разлученіе души съ тѣломъ. Дѣйствіе души на тѣло.*

Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ
падетъ. М. Л.

б) Въ отношеніи къ хорошимъ или худымъ человѣка качествамъ говорится: «*Благородная, великая, добродѣтельная, возвышенная, мужественная душа. Душа слабая, низкая, подлая. Душа корыстолюбивая.*

в) Въ отношеніи къ душамъ, отъ тѣла разрѣшившимся, говорится: «*Блаженныя души наслаждаются райскою жизнію. Души усопшихъ.*

Ame se dit quelquefois pour Conscience. *Il a l'âme noire, méchante.... Il sait bien en son âme que.... Il faut avoir l'âme bien noire pour faire une si horrible trahison.*

Ame se dit pour la personne entière, soit homme, femme ou enfant. *Il n'y a âme vivante en toute cette maison.... Il y a six à sept cents mille âmes dans Paris....* (Изд. 1694 г. I, 34;— 1718 г. I, 56).

г) Иногда тоже значить, что Совѣсть: «У него душа самая приказная. Онъ увѣренъ въ душу своей, что.... Я полагаюсь на твою душу. У него добрая душа. *Надобно душу имѣть весьма черную, чтобы учинить столь ужасную измѣну.* Кривая душа».

д) Человѣкъ мужескаго или женскаго пола всякаго возраста: «*Не случилось ни одной души въ домъ.* Крестьянъ у него столько душъ. При переписи найдено во всемъ государствѣ всѣхъ душъ столько-то. Приложпшася въ день той душъ яко три тысящи. Дѣян. II, 41. Бѣ въ корабли всѣхъ душъ двѣстѣ седмьдесятъ и шесть. Дѣян. XXVII. 37.

е) Иногда служить вмѣсто привѣтственнаго названія, когда кто блаженство дней своихъ въ комъ полагаетъ: *Душа моя.* Въ семъ же знаменованіи употребляются и умалительныя: *Душенька* и *Душечка.*

Душу стяжати въ терпннѣи. Сл. Приобрѣсти чрезъ терпѣніе блаженство вѣчное: *Въ терпннѣи ваиемъ стяжите души ваиа.* Лук. XXI. 19.

Душу чью искати. Сл. Желать чьей погибели: *Измроша ищущіе души Отрочате.* Матѣ. II, 20.

Изгяти душу. Сл. Умертвить, лишитъ жизни: *Ты ищещи души моя изгяти ю.* 1 Цар. XXIV. 12.

Душу положить за кого. Сл. Умереть, претерпѣть смерть за кого изъ любви, изъ приверженности къ кому: *Больши сея любве*

никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.
 Иоан. XV. 13. *Я радъ душу свою положити за честь ваиу.*

Пріяти душу. Сл. Воскреснуть, ожить, возстать изъ мертвыхъ: *Сего ради мя Отець любитъ, яко азъ душу мою полагаю, да пакы приму ю.* Иоан. X. 17.

Жити душа въ душу. Жити съ кѣмъ весьма согласно, дружелюбно, единопдушно: *Они между собою живутъ душа въ душу.*

На души мутитъ, или съ души тянетъ. Тошнится, позываетъ на рвоту.

Тянутъ души или за душу. Говорится въ случаѣ непріятнаго, заунывнаго пѣнія, протяжнаго колокольнаго звона, или сильнаго стонанья чьего: *Онъ стонетъ, какъ за душу тянетъ.*

Лежитъ на души т. е. Совѣсть упрекаетъ, мучитъ въ какомъ худомъ поступкѣ.

Отдать, брать на душу. Отвѣчать въ какомъ-нибудь своемъ или чужомъ дѣлѣ, въ такихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ явныхъ доказательствъ: *Я сего не беру на свою душу.*

Въ душу нейдетъ или душа не принимаетъ. Простор. Говорится въ случаѣ сытости или отвращенія отъ пищи.

Безъ души стать или сдѣлаться: Весьма устать: *Я бывши безъ души сталъ.*

Бѣжатъ безъ души т. е. весьма прытко, скоро, проворно.

Душою покривитъ. Несправедливо, противъ совѣсти поступить въ чемъ: *Стряпчей въ семъ дѣлѣ покривилъ душою.*

Отъ душики кусочекъ. Образъ вѣщанія въ просторѣчій употребляемаго для изъявленія, что отдаетъ лучшее, не жалѣетъ. *Даю тебѣ отъ душики кусочекъ.*

По души. Во образѣ нарѣчія, значить: Согласно съ чьею склонностью, съ желаніемъ: *Это мнѣ по души, что ты сіе сдѣлалъ.*

Не по души, въ видѣ нарѣчія. Противно, отвратительно. (II, 822—826).

XXIV,

Появленіе въ печати словаря россійской академіи вызвало различныя сужденія и толки; въ литературномъ кругу и въ обществѣ послышались голоса и за и противъ. Одни привѣтствовали появившійся трудъ, какъ сокровищницу отечественнаго языка; другіе ограничились указаніемъ недостатковъ, большею частью несущественныхъ, и насмѣшками надъ мнимою медленностью, съ которою ведены были работы по словарю. Едва вышла въ свѣтъ первая часть словаря, какъ заговорили о ней въ обществѣ. Княгиня Дашкова успѣшила сообщить собранію, что она слышала такого рода толки:

«1) Что академія долго медлила своимъ изданіемъ, и насилу разрѣшилась отъ бремени первою частию чрезъ пять лѣтъ.

2) Что находятся въ немъ ошибки, въ свидѣтельство коихъ приведено на стр. XI Предисловія, гдѣ вмѣсто *суть* напечатано *сустъ* (Реченія въ законодательствахъ, состояніяхъ, наукахъ и проч., каковы *сустъ*: недоимка, недоросль, непроницаемый и т. д.).

3) Что, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ академіи, наборъ рѣдокъ, и такъ растянуты отстоянія, что, соблюдя должный размѣръ въ наборѣ, можно сбережъ четвертую часть бумаги. Почему и совѣтуютъ въ наборѣ соблюдать слѣдующее: гдѣ надлежитъ поставить запятую, тутъ должно быть разстояніе между словами на одну букву; гдѣ находится точка съ запятою, тутъ отстоянія должно быть на двѣ, а гдѣ точка, тутъ на три буквы»¹¹³).

Въ томъ же собраніи положено было, по совѣту нѣкоторыхъ членовъ, обратиться къ обществу съ приглашеніемъ присылать въ академію замѣчанія, поправки и дополненія къ вышедшей части словаря. Вслѣдствіе этого появилось въ вѣдомостяхъ такое заявленіе: «Первоначальный сей трудъ академія, *при недостаткѣ многахъ пособій, каковыми другіе въ подобныхъ сочиненіяхъ пользоваться могли*, рѣшилась представить по частямъ на судъ просвѣщенному обществу, зная, что совершенство таковыхъ

твореній наипаче отъ времени зависить. Почему всѣхъ любителей російскаго слова почтенно приглашаетъ и просить ей сообщать свои примѣчанія, къ исправленію и пополненію сея общепользныя книги служить могущія, которыя она во второмъ изданіи, или въ особливомъ прибавленіи ко второй части, помѣстити не оставить, съ объявленіемъ имени приславшаго таковыя примѣчанія или безъ онаго, какъ кому угодно явится. Присылать же благоволятъ или къ предсѣдателю російской академіи е. с. кн. Ек. Ром. Дашковой или къ непремѣнному ея секретарю Ив. Ив. Лепехину» ¹¹⁴).

На призывъ академіи откликнулись нѣкоторые изъ ея членовъ и двое изъ «постороннихъ любителей». Дополненія и замѣчанія сообщены слѣдующими лицами: кн. Дашковой, Румовскимъ, Лепехинымъ, Иноходцевымъ, Захаровымъ, Богдановичемъ, Мальгинымъ и членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ Крестининымъ ¹¹⁵).

Словопроизводный словарь російской академіи послужилъ существенно-важнымъ пособіемъ для послѣдующихъ словарей, рядъ которыхъ начинается трудами Гейма, профессора исторіи, статистики и географіи въ московскомъ университетѣ. Издавая, въ концѣ прошлаго столѣтія, русско-французско-нѣмецкій словарь, Геймъ говоритъ: «Стараніе мое было *придерживаться сколько можно большаго словаря російской академіи*, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я осмѣливался и отступать отъ него. Я старался опредѣлить разныя значенія одного и того же слова, и при переводѣ основывался на многихъ примѣрахъ, сообразныхъ разнымъ родамъ слога, и взятыхъ изъ общаго употребленія или изъ лучшихъ писателей... Русское правописаніе сего лексикона есть точно такое, какому слѣдуютъ лучшіе наши писатели, и какое находится въ славенскихъ книгахъ, а наипаче въ св. писаніи. Въ семь случаѣ я часто удалялся отъ правописанія, наблюдаемаго во многихъ мѣстахъ словаря російской академіи, и прошу въ томъ извиненія у издателей онаго. Правда, они сами *часто перемѣняютъ его, смотря по тому, какое наблюдаетъ ко-*

торый-нибудь из них особенно. Я бы могъ привести множество примѣровъ, гдѣ они то предпочитаютъ славенское правописание принятому ими, то сіе послѣднее — славенскому. Мнѣ казалось, что орѳографія единообразная и взятая изъ тѣхъ источниковъ, изъ коихъ російскій языкъ почерпалъ и безпрестанно почерпаетъ свое изобиліе, заслуживаетъ наше предпочтеніе предъ всѣми другими» и т. д. ¹¹⁶).

Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ шестой и послѣдней части словаря, Авг. Людь. Шлецеръ ознакомилъ съ его содержаніемъ читателей геттингенскаго журнала, и высказалъ при этомъ весьма сочувственный отзывъ о первомъ трудѣ нашей академіи. Шлецеръ называетъ словарь, изданный російскою академіею, предпріятіемъ патріотическимъ, потребовавшимъ много работы, усиленной и напряженной, но зато и увѣнчавшейся успѣхомъ. Хотя словарь этотъ есть національный даръ, поднесенный академіею собственно Россіи, потому что все въ немъ — исключительно русское: и слова и объясненія, и примѣры, тѣмъ неменѣе онъ составляетъ общую славянскую сокровищницу, и каждый ученый славянинъ можетъ пользоваться ею для своего роднаго языка. Шлецеръ признаетъ совершенно справедливымъ мнѣніе составителей словаря, что славяно-русскій языкъ весьма много обязанъ греческому своимъ богатствомъ, великолѣпіемъ, силою и гибкостью. Такъ какъ русскій языкъ принадлежитъ къ числу самостоятельныхъ и древнѣйшихъ языковъ (Ursprache), то Шлецеръ вполне одобряетъ распредѣленіе словъ по корнямъ, принятое въ академическомъ словарѣ ¹¹⁷). Единственное неудобство подобнаго порядка заключается въ трудности пріисканія того или другаго слова. Но если Шлецеръ не могъ найти нѣкоторыхъ словъ, напримѣръ: *наволока*, то, по замѣчанію Добровскаго, это произошло оттого, что онъ не умѣлъ искать: стоило только посмотреть подъ корнемъ *Влеку* или *Волоку* ¹¹⁸).

Научная, вполне справедливая оцѣнка академическаго словаря появилась нескоро, по прошествіи тридцати лѣтъ со времени его изданія. Она принадлежитъ знаменитому слависту Доб-

бровскому, и сдѣлана имъ при разборѣ другаго труда нашей академіи—словаря, расположеннаго по азбучному порядку. Но по связи этихъ двухъ словарей между собою, многое, что сказано Добровскимъ о второмъ изъ нихъ, относится и къ первому. Весьма кратко, но чрезвычайно мѣтко, обозначены ученымъ критикомъ какъ достоинства, такъ и недостатки словопроизводнаго словаря ¹¹⁹).

Россійская академія — говоритъ Добровскій — изданіемъ своего перваго словаря соорудила себѣ прочный памятникъ, дѣлающій ей великую честь. Въ другомъ мѣстѣ Добровскій называетъ словарь Россійской академіи произведеніемъ, во многихъ отношеніяхъ превосходнымъ ¹²⁰).

Добровскій былъ въ Петербургѣ въ 1792 году, въ то самое время, когда шли работы по словарю, и имѣлъ возможность бесѣдовать съ его составителями. По мнѣнію Добровскаго, при русскихъ словахъ, по крайней мѣрѣ при коренныхъ, слѣдовало бы помѣщать объясняющія ихъ слова латинскія или нѣмецкія. Съ этимъ мнѣніемъ вполне согласился одинъ изъ выдающихся членовъ Россійской академіи, митрополитъ Гавріиль.

Съ особенною похвалою отзывается Добровскій о принятомъ въ словарь способѣ приводить пословицы, какъ напримѣръ: *«Или корень вонъ, или полонъ дворъ»* — означ. отважное какое дѣло, предприемлемое на удачу». Но онъ выражаетъ сожалѣніе, что пословица приведена немного; пословицы: *Медъ сладко, муха падоко* нѣтъ ни подъ однимъ изъ этихъ словъ.

Находя прекраснымъ порядокъ, принятый въ словарь, въ которомъ за словами коренными слѣдуютъ производныя и сложныя, образующія со своими корнями какъ бы одно цѣлое, Добровскій вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и невѣрности въ отношеніи словопроизводства.

Въ словарь Россійской академіи слово *Бугоръ* производится отъ корня *Гора* (II, 229, 234), между тѣмъ, какъ настоящій коренной слогъ *Бу* (сравн. нѣмецк. *Büchel*, холмъ), а *ор*—только приставка. Еще ранѣе замѣчено Добровскимъ, что никогда

слогъ *бу* незамѣняетъ собою предлога *но* или *на*, какъ въ польск. *ragorek*, чешск. *rahorek*, и потому корнемъ надо считать *Бу*, и сравнивать его съ древнимъ нѣмецкимъ *Visk*, откуда *Vihei* (холмъ), *Viskel* (горбъ)¹²¹).

Въ числѣ *коренныхъ* словъ помѣщены въ академическомъ словарѣ производныя: *Обѣдъ*, *Законъ*, *Обручъ*, *Число*, *Ржа*, *Свиинецъ*, и др. Но слово *Обѣдъ* слѣдовало бы помѣстить подъ глаголомъ *Ѣсти*; производное *Законъ* — подъ корнемъ *Кон*; *Обручъ* — подъ *Рука*; *Число* — подъ *Чту*; *Ржа* — подъ *Рдѣти*; *Свиинецъ* — подъ *Вію* (*свію*), и т. д.

Слово *Истецъ* не происходитъ отъ *Искать*, и слово *Утлый* — отъ корня *Тля*.

Слова *Рѣти*, съ смыслѣ *Течь* и въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, не существуетъ въ языкѣ. Отъ *Рѣту* въ неопредѣленномъ наклоненіи было бы *Рѣсти*, откуда: *Обръсти*, *Сръсти*, и т. д.

Также нѣтъ въ языкѣ слова *Теза*, а *Тез* есть не что иное, какъ мѣстоименіе *Т*, усиленное приставкою *ез*.

Слово *Кумиръ* — не еврейское, а скорѣе болгарское или хазарское. Въ Грамматикѣ древняго славянскаго языка Добровскій говоритъ о словѣ *Кумиръ*: «Ошибаются тѣ, которые почитаютъ сіе слово еврейскимъ: оно есть, кажется мнѣ, древнее болгарское»¹²²).

Гомола — слово также не еврейское, а чисто славянское.

Орденъ — въ этой формѣ, не латинское, а нѣмецкое.

Анталъ — не венгерское, а скорѣе испорченное нѣмецкое *Antheil*.

Воръ — по словарю сарматское: *Was ist aber sarmatisch? Hier etwa finnisch*.

Слова: *Босманъ* и *Монисто* названы въ академическомъ словарѣ славянскими, хотя они въ дѣйствительности иностранныя. Слово *Босманъ* — очевидно не славянское, а въ словѣ *Монисто*, полатыни *Monile* (ожерелье), только окончаніе можно назвать славянскимъ.

Слова: *Бумага*, *Глазъ*, *Велбудъ* (канатъ) не названы иностранными. Но *Бумага* происходитъ отъ *Wombag* — слова, повсюду употребляемаго въ Азіи; слово *Глазъ* можно считать варяжскимъ, а слово *Велбудъ* — производить отъ готскаго *Ulbund*.

Но справедливо ли ставить въ большую вину подобные промахи и недосмотры — *Wer dürfte aber darüber, dass nicht eines jeden fremden wortes herkunft angegeben worden, den herausgebern gerechte vorwürfe machen?...*

Краткіе отзывы и бѣглыя замѣтки о первомъ трудѣ російской академіи изрѣдка встрѣчались въ нашей литературѣ. Ученые и писатели упоминали о немъ, въ разное время, по тому или по другому поводу.

Въ академической рѣчи 5 декабря 1818 года Карамзинъ говоритъ: «Академія російская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для языка. Полный словарь, изданный академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ» и т. д.

Въ замѣчаніяхъ касательно новаго изданія словаря, предпринятаго Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, Н. И. Гречъ такимъ образомъ объясняетъ одну изъ особенностей стараго, словопроизводнаго словаря: «Въ первомъ изданіи словаря описанія предметовъ естественной исторіи были очень пространны. Это произошло отъ особеннаго случая. Княгиня Дашкова спѣшила составленіемъ первой части для поднесенія государынь. Для наполненія тома членъ академіи, натуралистъ Лепехинъ внесъ въ словарь языка статьи изъ лексикона естественной исторіи, который онъ составлялъ въ то время. Академія поступила очень хорошо, исключивъ эти подробности въ послѣдовавшихъ изданіяхъ»¹²³). Объясненіе Греча не подтверждается точными доказательствами.

Большое значеніе имѣетъ отзывъ академика И. И. Срезневскаго, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей славянской филологіи. Срезневскій говоритъ:

«Новый періодъ нашей словарной литературы начинается со времени утвержденія литературнаго значенія народнаго языка

русскаго. Въ 1783 году учреждена императорская россійская академія, а въ 1789—1794 изданъ ею «Словопроизводный словарь». Опыты введенія кореннаго русскаго элемента въ словарь были и прежде; можно найти ихъ и изъ времени царствованія Петра Великаго; но эти опыты такъ слабы во всѣхъ отношеніяхъ, что ихъ нельзя принимать въ расчетъ при обзорѣнн успѣховъ нашей лексикографіи. Академія первая обратила должное вниманіе сколько на русскій языкъ, столько же и на необходимость филологической разработки его для словаря. Ея словарь, составленный слишкомъ на-скоро, не удовлетворилъ ожиданіямъ ни полнотой, ни обдѣлкой; возбудилъ противъ себя многихъ недовольныхъ, но возбудилъ и мысли, и дѣятельность. Стали думать о томъ, какой словарь нуженъ и возможенъ; стали обращать вниманіе на словный строй русскаго языка, на его особенности, на словопроизводство и отгѣнки значеній словъ, на отчетливый переводъ словъ русскихъ иностранными, и иностранныхъ, принятыхъ тогда у насъ, подлинными русскими, на синонимы и т. д... Въ «Словарѣ словопроизводномъ» многія опредѣленія и словопроизводства произвольны, иныя совершенно неправильны; нерѣдко выказывается нетвердое знаніе русскаго языка, еще болѣе незнаніе общихъ началъ языкознанія, — и между тѣмъ въ немъ господствуетъ тонъ диктаторскій, такъ какъ въ словарѣ академіи французской. Но съ другой стороны нельзя не удивляться, какъ много сдѣлала академія въ одинъ разъ — академія, не сильная въ своемъ составѣ опытностью филологической, не предупрежденная въ своей дѣятельности никакими важными приготовительными трудами. Теперь, когда уже нѣтъ надобности пользоваться этимъ словаремъ, можно только съ благодарностію вспоминать о благородной рѣшимости членовъ академіи, и, забывая о несовершенствахъ ихъ труда, глядѣть на него, какъ на начало ученой словарной разработки русскаго языка. Виднѣе всѣхъ несовершенствъ обдѣлки его должно быть для насъ то, что въ немъ въ первый разъ собрана и приведена въ порядокъ громада срока трехъ тысячъ словъ уже не одного книжнаго русско-сла-

вянскаго языка, но и русскаго общественнаго, простонароднаго, ученаго, техническаго. Сравнивая же этотъ словарь русскій со словарями западно-европейскихъ языковъ того времени, нельзя не согласиться, что очень немногіе составлены лучше, сообразнѣе съ потребностями общими.... Не тѣмъ бы, говорятъ, должна была начать академія, чѣмъ начала, — должна была бы позаботиться болѣе о собираніи и правильномъ и подробномъ объясненіи словъ, чѣмъ о систематизированіи ихъ по корнямъ, представивъ хлопоты о словопроизводствѣ на будущее время; но едва ли могла она поступить иначе, сообразно со средствами, которыми могла располагать. Выбирать слова изъ книгъ и изъ разговора, каждое поодиночкѣ, было выше ея силъ, потому что это и до сихъ поръ выше силъ нашей филологіи. Академія знала, что съ помощію однихъ словъ легко припоминать другія слова того же корня, употребила словопроизводство въ помощь, и едва ли ошиблась въ выборѣ методы, едва ли могла сдѣлать свой первый словарь столь обильнымъ, если бы держалась какихъ-нибудь другихъ правилъ. Что касается ея системы словопроизводства, то, сколько ни помогала она смѣлостью знанію, она не выходила, при отличеніи корней, изъ предѣловъ простой наглядности, и, слѣдовательно, не могла себя затруднять рѣшеніями сложныхъ этимологическихъ вопросовъ. *Приготовивши себѣ «Словаремъ словопроизводнымъ» главную часть матеріала*, академія продолжала свои труды заботами объ умноженіи и объясненіи словъ, и, черезъ десять лѣтъ по изданіи послѣдней части перваго словаря, приступила къ печатанію первой части втораго» ¹²⁴).

При изданіи составленнаго вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка вспомнили добрымъ словомъ родоначальника всѣхъ другихъ словарей: «Россійской академіи мы обязаны двумя словарями — словопроизводнымъ и азбучнымъ. По большинству голосовъ, академія рѣшилась издать прежде словарь словопроизводный.... Уже одно собраніе и распредѣленіе словъ, отысканіе примѣровъ употребле-

нія ихъ въ разнородныхъ памятникахъ церковной и гражданской словесности, приведеніе реченій изъ простонароднаго и областного быта, кромѣ самого истолкованія ихъ, составляетъ подвигъ, увѣнчанный справедливымъ уваженіемъ современниковъ и благодарнымъ воспоминаніемъ потомства»¹²⁵).

XXV.

Въ томъ же самомъ собраніи (5 авг. 1794 г.), въ которомъ окончилось разсматриваніе словопроизводнаго словаря, рѣшено было приступить къ составленію словаря, расположеннаго въ азбучномъ порядкѣ, *съ прибавленіемъ иностранныхъ языковъ*. Академики Румовскій и Озерецковскій представили «предварительныя начертанія» или планы, по разсмотрѣніи которыхъ и были приняты слѣдующія начала для предстоящихъ словарныхъ работъ:

1) При русскихъ словахъ помѣщать соотвѣтствующія имъ иностранныя только на трехъ языкахъ: *латинскомъ, французскомъ и немецкомъ*. Къ русскимъ словамъ придавать тѣ «описанія» (т. е. опредѣленія), которыя находятся въ словопроизводномъ словарѣ, и оставлять ихъ безъ перевода. Также точно не переводитъ примѣровъ, пословицъ, присловицъ, поговорокъ, и проч. При этомъ стараться объ исправленіи, сколько возможно, ошибокъ и недостатковъ, вкравшихся въ опредѣленія словъ въ первомъ академическомъ словарѣ.

2) При словахъ, уклонившихся отъ своего первоначальнаго значенія, ставить равносильныя имъ слова иностранныя, но опредѣленія подобныхъ словъ оставить также безъ перевода.

3) Названія древнихъ обрядовъ, чиновъ и т. п. должны остаться на одномъ русскомъ языкѣ, если не имѣютъ равносильныхъ себѣ наименованій на языкахъ иностранныхъ.

4) Названія естественныхъ произведеній ставить просто, безъ объясненій и описаній, прибавляя только соотвѣтствующія названія на языкахъ: латинскомъ, французскомъ и немецкомъ.

б) Сложныя слова, находящіяся въ св. писаніи, и особенно въ церковныхъ книгахъ, и составленныя по свойству греческаго языка, оставлять безъ перевода, если имъ нѣтъ равносильныхъ въ языкахъ иностранныхъ: «переводъ такихъ словъ можетъ родить каковѣй-нибудь неприличествующій толкъ» ¹²⁶).

Едва только начаты были работы по словарю, какъ понадобилось дать ему «точное и твердое положеніе» и постановить «непреложныя правила». Но лица, обѣщавшія составить эти правила, почему-то не представили ихъ; дѣло затянулось надолго, и о немъ не упоминалось болѣе въ извѣстіяхъ объ академической дѣятельности. Наконецъ, въ собраніи 14 іюля 1800 года, одинъ изъ членовъ академіи заявилъ, что пора уже снова принятыся за начатый трудъ. Но большинство членовъ, присутствовавшихъ въ собраніи, признало «трудъ сей всякаго и общія силы превосходящимъ». Вслѣдствіе чего и положено было: «приступить къ сочиненію *словаря аналогическимъ порядкомъ, безъ прибавленія языковъ иностранныхъ*». Составленіе плана для словаря взялъ на себя непремѣнный секретарь российской академіи И. И. Лепехинъ ¹²⁷).

XXVI.

Въ академическомъ собраніи 19 января 1801 года читано было представленное Лепехинымъ «начертаніе вразсужденіи приведенія славенороссійскаго этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ». При этомъ было замѣчено собраніемъ, что описаніе произведеній природы должно быть кратко и не касаться ихъ употребленія въ общежитіи. Относительно приемовъ въ работахъ предположено слѣдовать примѣру составителей перваго словаря. Члены академіи порѣшили: приводить словарь въ аналогическій порядокъ, раздѣля по буквамъ, и представлять ихъ въ комитеты, назначаемые для разсмотрѣнія и дополненія матеріаловъ; замѣчанія же и поправки, сдѣланныя комитетами, обсуждать въ полныхъ собраніяхъ академіи ¹²⁸).

Починъ въ приведеніи словаря въ буквенный порядокъ принадлежитъ Лепехину и Озерецковскому. Лепехинъ составилъ начертаніе, или планъ азбучнаго словаря. Озерецковскій сообщилъ для новаго словаря собраніе словъ, на первыя двѣ буквы *А* и *Б*. По примѣру Озерецковскаго, Мальгинъ взялъ букву *В*, Севастьяновъ *Г*, Севергинъ *Д*, и т. д. Нѣкоторые изъ академиковъ взяли по двѣ буквы и болѣе ¹²⁹).

Изъ членовъ академіи составленъ былъ комитетъ для пополненія опущенныхъ словъ, выраженій и *пословицъ* ¹³⁰). Академикъ Гурьевъ сообщилъ опредѣленія словъ математическихъ и физическихъ; А. С. Никольскій принялъ на себя трудъ «собрать русскія *пословицы* и *поговорки*, съ объясненіемъ настоящаго ихъ знаменованія» ¹³¹). Другіе академики также вносили свои вклады, не особенно впрочемъ значительные.

Президентъ русской академіи Нартовъ предложилъ внести въ словарь всѣ названія, употребляемыя въ наукахъ и художествахъ, а преимущественно въ *естественной исторіи*, какъ переведенныя на русскій языкъ, такъ и оставленныя безъ перевода; напр.: *Журчалка*, *bombylus*; *Кровососка*, *hiprobosca*, — родъ наѣдомыхъ; *Воронка*, *gobius* — рыба; *Гекко*, *gecko*; *Игуана*, *iguana* — ящерицы; *Сциена*, *sciaena* — рыба и проч. Къ русскимъ названіямъ должны быть присоединяемы латинскія, чтобы академія, при разсмотрѣніи словаря, могла или принять ихъ или замѣнить ихъ новыми названіями ¹³²).

Въ отношеніи глаголовъ сдѣлано было то измѣненіе сравнительно съ словопроизводнымъ словаремъ, что вмѣсто настоящаго времени глаголы ставились въ неопредѣленномъ наклоненіи, которое служитъ такимъ же началомъ для глаголовъ, какъ именительный падежъ для именъ и мѣстоименій; при томъ же многіе глаголы вовсе не имѣютъ настоящаго времени, и т. д. ¹³³. Желая сдѣлать словарь сколько возможно «совершеннѣе и полезнѣе», собраніе положило, чтобы къ неопредѣленному наклоненію были присоединяемы: настоящее время, прошедшее совершенное, будущее совершенное и повелительное совершенное; напри-

мѣръ: *Колоть, Кольнуть, Уколоть, Камывать; колю, лешь; уколоть; уколю, лешь; Уколи* ¹³⁴).

При разсматриваніи матеріаловъ для словаря возникли пренія по поводу словъ: *Бездоимочно* и *Безкровный*, т. е. неимѣющей крови. Нартовъ, основываясь на значеніи слова *Доимка*, находилъ правильнымъ помѣщенное въ словопроизводномъ словарѣ опредѣленіе: «*Бездоимочно* — Не оставляя доимку; не взыскивая не спрашивая доимки», и утверждалъ, что надо писать *Безкровный*, т. е. съ ъ послѣ *о*, для отличія отъ слова *Безкровный*, происходящаго отъ *Кровъ*. Большинство присутствовавшихъ въ собраніи членовъ академіи согласилось съ мнѣніемъ Нартова; но Мальгинъ, Севастьяновъ и Як. Дм. Захаровъ настояли на томъ, чтобы слово *Бездоимочно* опредѣлить такъ: *Безъ остатка; все столна*, и чтобы слово *Безкровный* писать безъ ъ, потому что значеніе этого слова легко распознать по связи рѣчи, гдѣ оно встрѣчается ¹³⁵).

Работы по новому словарю шли такъ медленно и такъ вяло, что въ средѣ самой академіи заговорили о необходимости усерднѣе приняться за дѣло. Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ, обратился къ своимъ сочленамъ съ такого рода призывомъ ¹³⁶).

Императорской российской академіи превосходительный
господинъ президентъ и всѣ достопочтенные господа
члены!

Какъ первѣйшая и существенная цѣль учрежденія сей академіи состояла и состоитъ въ томъ, чтобы российскую словесность, очистя отъ вкравшихся злоупотребленій нашего языка, чрезъ надлежація правила и примѣчанія привести къ своему совершенству и красотѣ: то для достиженія сей цѣли еще съ начала предположено было, сочиня полный словарь и грамматику российскаго языка, сочинить и правила российскаго краснорѣчія, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Почему императорская рос-

сійская академія въ первые годы своего существованія, стремясь къ сей первоначально предположенной себѣ цѣли, и имѣла главнымъ и почти единственнымъ своимъ предметомъ и упражненіемъ сочиненіе словопроизводнаго словаря, а потомъ и російской грамматики.

Но какъ съ нѣкотораго времени занятія сей академіи въ общихъ ея собраніяхъ состоятъ по большей части въ пересмотрѣ и сужденіи нѣкоторыхъ или вновь сочиненныхъ, или на російскій языкъ преложенныхъ піесъ, кои побочнымъ только образомъ касаются російской словесности; а между тѣмъ помянутыя правила ея, первоначальную цѣль академіи составляющія, остаются безъ всякаго почти желаемаго дѣйствія; чему ощутительнымъ доказательствомъ служить можетъ и единъ *изъ прежняго словопроизводнаго азбучнымъ порядкомъ передѣланный, но столь медлительно нынѣ разсматриваемый и издаваемый словарь*, котораго многіе не только изъ нашихъ соотечественниковъ, но и изъ самыхъ даже иностранцевъ отъ академіи ожидая, давно уже спрашиваютъ; потому что онъ *изъ готоваго будущи передѣланъ, съ нѣкоторымъ только пополненіемъ и переправкою, могъ бы давно уже выйти въ свѣтъ* ко удовольствію любителей російскаго слова, если бы обыкновенныя собранія академіи чаще и наиболѣе разсматриваніемъ и исправленіемъ онаго, нежели помянутыми посторонними піесами занимались: того ради я, имѣя честь быть членомъ сея академіи и побуждаемъ будучи ревностію къ спѣянію и пользѣ російской словесности, осмѣливаюсь симъ вашему, государи мои, достопочтенному собранію, покорнѣйше доложить, не благоугодно ли будетъ отселѣ въ общихъ собраніяхъ академіи заниматься первоначально и паче всего какъ разсматриваніемъ помянутаго вновь издаваемаго словаря, такъ и сочиненіемъ и разсматриваніемъ реченныхъ правилъ російскаго краспорѣчія, а побочно російской словесности касающіяся піесы предоставить или особливому академіи комитету, или лучше тому времени, когда академію обработаны будутъ сопряженные съ первоначальною и существенною цѣлію ея учрежде-

нія предметы. Впрочемъ, предавъ сіе мнѣніе благоразсудительному суду вашего достопочтеннаго сословія, съ должнымъ къ нему уваженіемъ пребуду на всегда вашъ, милостивые мои государи!

усердный сочленъ, протоіерей Іоаннъ

Красовскій.

Сентября «3» дня.

1804 года.

Собраніе отвергло предложеніе своего сочлена, и рѣшило не отступать отъ прежняго порядка занятій, такъ какъ почти въ каждое засѣданіе прочитывается по листу и болѣе вновь издаваемаго словаря. Но что словарныя работы велись вообще весьма медленно, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; доказательствомъ служатъ слѣдующія данныя:

23 ноября 1801 года Озерецковскій сообщилъ собранію слова и выраженія, начинающіяся съ буквы *А*, прочтенныя и исправленныя комитетомъ, разсматривающимъ труды составителей словаря. §

16 декабря 1805 года окончилось, въ академическихъ собраніяхъ, разсмотрѣніе первой части «новосочиняемаго», т. е. азбучнаго словаря. Она издана въ 1806 году.

5 октября 1807 года окончилось разсмотрѣніе второй части словаря. Издана въ 1809 году.

24 іюля 1809 года окончилось разсмотрѣніе третьей части словаря. Издана въ 1814 году.

18 января 1813 года окончилось разсмотрѣніе четвертой части академическаго словаря.

26 августа 1816 года окончилось разсмотрѣніе пятой части словаря.

29 сентября 1817 года читанъ былъ въ собраніи академіи двадцать-пятый листъ шестой и послѣдней части словаря, что составляетъ болѣе четверти всего шестаго тома.

Но съ 1814 года продолженіе словаря не появлялось въ пе-

части. Въ собраніи 12 февраля 1821 года Шишковъ заявилъ, что напечатано семьдесятъ листовъ четвертой части и только тринадцать пятой части словаря¹³⁷⁾.

Четвертая, пятая и шестая части словаря вышли въ одномъ и томъ же, 1822-мъ, году.

Внимательное сличеніе двухъ словарей россійской академіи удостовѣряетъ въ томъ, что составители втораго словаря держались въ сущности того приѣма, который предложенъ былъ въ самомъ началѣ работъ и состоялъ «въ приведеніи этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ». Въ обоихъ словаряхъ и опредѣленія словъ и примѣры—одни и тѣже; сходство во многихъ случаяхъ дословное; все отличіе заключается весьма часто въ самомъ легкомъ измѣненіи редакціи, въ замѣнѣ одного слова другимъ, въ сокращеніи числа примѣровъ, и т. п.

По числу словъ азбучный словарь значительно богаче словопроизводнаго: въ словопроизводномъ словарѣ помѣщено 43257 словъ, въ азбучномъ—51388.

Изъ словъ, внесенныхъ въ азбучный словарь и не находящихся въ словопроизводныхъ, нѣкоторыя относятся къ *просторечію* и къ языку *простонародному*— по терминологіи, принятой какъ въ первомъ, такъ и во второмъ словарѣ:

— *Бабикъ*—Приверженный къ женщинамъ; любящій быть въ бесѣдѣ съ женщинами (I, 74).

— *Пригожайка*—Простонародн.: Пригожая дѣвушка (V, 293).

Словъ, находящихся въ словопроизводномъ словарѣ: *Разнодумье*, *Чистодушіе* и др. нѣтъ въ словарѣ азбучномъ.

Многія опредѣленія и описанія—буквально тѣже самыя въ обоихъ словаряхъ, безъ малѣйшаго отличія хотя бы въ одномъ какомъ-либо словѣ, какъ на примѣръ: *Льто*, *Кречетъ*, *Кривоносикъ*, *Коксунъ*, и весьма многія другія.

При словѣ *Корень* (III, 302—304) тѣ же самыя опредѣленія, что и въ словопроизводномъ словарѣ (III, 814—816), и тѣ же самыя примѣры, заимствованные изъ однихъ и тѣхъ же ис-

точниковъ: еванг. Марка; книг. Іудинь; ода Ломоносова, народная пословица, и т. д. Вся разница въ томъ, что въ первомъ словарѣ: «Называются вообще *Коренья*», а во второмъ: «Называются вообще *Коренья*», да нѣсколько иначе объяснена приводимая въ обоихъ словаряхъ пословица:

Словопроизводный Словарь.

— Пословица: *Или корень вонъ, или полонъ дворъ*, означающая отважное какое дѣло, предприемлемое наудачу, къ достиженію чего великаго или къ потерянію всего собственнаго.

Азбучный Словарь.

— Пословица: *Или полонъ дворъ, или корень вонъ*, означающая отважное какое дѣло, могущее приключить величайшее счастье или несчастье.

При словѣ *Колода* тѣ же опредѣленія и примѣры: изъ Царственнаго лѣтописца, изъ старинныхъ крѣпостныхъ сдѣлокъ, и т. п. Измѣненія въ такомъ родѣ:

Словопроизводный Словарь.

— *Колода* — Корыто, *вытаженное* изъ отрубка бревна толстаго....

Весьма длинная тонкая восковая свѣча, употребляемая во время *сорокоустовъ по усопшимъ*.... (III, 559—560).

Азбучный словарь.

— *Колода* — Корыто, *выдланное* изъ отрубка бревна толстаго....

Весьма длинная тонкая восковая свѣча, употребляемая во время *сорокоустія* (III, 238—239).

При словѣ *Звѣробой*, въ первомъ словарѣ: «Листки противосидячіе, *продолговато-овальные*, гладкіе» и проч. (III, 38); во второмъ словарѣ: «Листки противосидячіе, *кругло-продолговатые*, гладкіе» и пр. (II, 834).

Трава *Звѣробой* описана весьма подробно, съ указаніемъ ея лѣкарственнаго употребленія, несмотря на то, что принято за правило, чтобы описанія произведеній природы были какъ можно короче и не касались ихъ употребленія въ тѣхъ или другихъ случаяхъ.

При словѣ *Предходить* вмѣсто двухъ примѣровъ изъ Ломоносова удержанъ только одинъ. Тоже находимъ и при многихъ другихъ словахъ.

Словопроизводный Словарь.

— *Горшокъ* — Сосудъ, дѣлаемый по большей части изъ глины, различнаго вида и различной величины, употребляемый на разныя потребности: «Дѣлать, обжигать горшки. Варить въ горшкахъ. Горшокъ съ цвѣтами. Плавильный горшечекъ». Пословицы:

Не боги горшки обжигаютъ, тѣ же люди — употребляется въ случаѣ, когда кто желаетъ показать себя, что онъ такъ же можетъ исправить какое-либо дѣло, какъ и другіе.

Горшокъ котлу упрекаетъ, а оба черны — говорится тогда, когда кто упрекаетъ другого въ такомъ порокѣ, каковому самъ подверженъ. (II, 259 — 260).

— *Пригожій* — Красивый, хорошій: «Пригожее лице». Благопристойный, приличный: «Пригожее ли это дѣло»? (II, 171).

Вода — Стихія мокрая, про-

Азбучный Словарь.

— *Горшекъ* — Сосудъ, дѣлаемый изъ глины, *металла, изъ камня или стекла*, различнаго вида и различной величины, употребляемый на разныя потребности: «Дѣлать, обжигать горшки. Варить въ горшкахъ. Горшекъ съ цвѣтами. Плавильный горшечекъ». Пословица:

Не боги горшки обжигаютъ, тѣ же люди — говорится о дѣлѣ, коего исполненіе не превосходитъ человѣческихъ силъ.

Горшекъ котлу попрекаетъ, а оба черны — говорится тогда, когда кто упрекаетъ другаго въ такомъ порокѣ, каковому самъ подверженъ. (I, 1206 — 1207).

— *Пригожій* — Красивый, хорошій, *млообразный, миловидный*: «Пригожее лице. Она пригожа, пригоженька». Благопристойный, приличный, *мный*: «Пригожее ли это дѣло»? (V, 293).

Вода — 1) Тѣло жидкое, мок-

Словопроизводный Словарь.

Азбучный Словарь.

зрачная, отъ стужи въ ледь превращающаяся, удобная къ напоенію и омовенію. *И иже аще напоитъ единого отъ малыхъ чашею студены воды, не поубитъ мзды своея.* Матѣ. X. 42. *Ключевая, рѣчная, морская, дождевая вода. Вода прѣсная, соленая, свѣжая, мутная. Капля воды.*

рое, прозрачное, отъ стужи въ ледь превращающееся. *Вода ключевая, рѣчная, морская. Вода прѣсная, соленая. Свѣтлая, мутная. Капля воды.* 2) Говоря о драгоцѣнныхъ камняхъ: качество или степень прозрачности. *Алмазь первой, лучшей воды.*

Кюмень въ брегахъ своихъ мутится

И воды скрыты подъ землю тшится.

М. Лом.

2) Самыя моря, озера, рѣки, и всякое собраніе водъ. *И крестився Иисусъ възиде абие отъ воды.* Матѣ. III. 16. *Якоже идяху путемъ, приидоша на нѣкую воду....* Дѣян. VIII. 36. *Бѣгать водою. Броситъся въ воду.* Воды низкія, высокія.

Пословица: *По которой водѣ плыть, ту и воду пить*, значить: Гдѣ живешь, тамошнимъ обычаямъ должно послѣдовать, нравамъ тѣхъ людей сообразоваться.

Пословица: *Не плыи въ колодезь, случится водицы испить*,

Послов.: *По которой водѣ плыть, ту и воду пить*, значить: Гдѣ живешь, по тамошнимъ обычаямъ и поступать должно.

Послов.: *Не плыи въ колодезь, случится водицы испить* — Не

Словопроизводный Словарь.

Азбучный Словарь.

значить: Не презирай и малаго пренебрегай никѣмъ, всякъ мочеловѣка, въ немъ можетъ нуж- жетъ тебѣ понадобится. жа случиться.

Пословица: *Тихая вода бере- га подмываетъ*, значитъ: Тихій и скромный человѣкъ по наружности опаснѣе того, который скоръ и откровененъ. Послов.: *И тихая вода бере- га подмываетъ*, значитъ: И тихій лукавый человѣкъ можетъ быть опаснѣе того, кто скоръ и откровененъ.

Пословица: *Обожжешься на молокъ, станешь и на воду дуть*, значитъ: Единожды обманувшись въ чемъ, бываемъ при всякомъ дѣлѣ осторожнѣе. Послов.: *Обожжешься на мо- локъ, станешь и на воду дуть*, значитъ: Однажды въ чемъ обманувшись, бываешь и при ма- лѣйшемъ дѣлѣ осторожнѣе. (I, 567).

3) Вода въ драгоценныхъ камняхъ означаетъ степень ихъ прозрачности. *Алмазъ первой воды*. (I, 792—793).

Азбучный словарь россійской академіи вызвалъ замѣчательную критическую статью Добровскаго, о которой мы упоминали при обзорѣни перваго, т. е. словопроизводнаго словаря.

Признавая важное значеніе словаря, Добровскій говоритъ: *Wir dürfen die anzeige dieses wichtigen werkes nicht schliessen, ohne den leser mit dem inhalte desselben genauer bekannt zu machen*. Вслѣдъ за этимъ она перебираетъ словарь по буквамъ, указывая число страницъ, занимаемыхъ каждою изъ буквъ, и сосчитывая число строкъ въ описаніяхъ произведеній природы.

Такъ какъ словарь этотъ, надо полагать, былъ разсматриваемъ многими изъ членовъ академіи, то на него можно смѣло положиться въ тѣхъ случаяхъ, когда то или другое слово отнесено къ числу общеупотребительныхъ или же устарѣлыхъ и вышедшихъ изъ употребленія.

Весьма хорошо, что уменьшительныя и увеличительныя по-

мѣщены при своихъ первообразныхъ такъ же, какъ и женскія при мужескихъ. Жаль однакоже, что не всегда соблюдена послѣдовательность. При словѣ *Котъ* находятся слова: *Котикъ* и *Котиче*, а слова: *Котенокъ* и *Кошка* помѣщены отдѣльно, въ видѣ самостоятельныхъ, а не производныхъ. Слово *Калкунка* (индѣйка) помѣщено при словѣ *Калкунъ* (индѣйскій пѣтухъ), и *Жница*—при словѣ *Жнеиъ*; но слова: *Жрица* и *Жреиъ* помѣщены отдѣльно одно отъ другаго. Такимъ же образомъ отдѣлены одно отъ другаго слова: *Овенъ* (баранъ), *Овца* и *Овца* (то же, что *Овца*).

Нельзя помириться съ отсутствіемъ въ словарѣ стародавнихъ, славянскихъ названій странъ и народовъ, какъ напримѣръ: *Нѣмеиъ*, *Чехъ*, *Ляхъ*, *Царьградъ*, и мн. др. *Нѣмецкій инбиръ* есть въ словарѣ, а прилагательнаго: *Нѣмецкій* и существительнаго: *Нѣмеиъ*—нѣтъ, подобно тому, какъ есть слова: *Жидоморъ*, *Жидовникъ*, *Жидовскія вешни*, а нѣтъ слова *Жидъ*. Почему объяснено слово *Ареопалъ*, а слово *Китай* оставлено безъ объясненія, несмотря на производное: *Китайка*?

— *Ареопалъ*—Греч., значащее: *Ареевъ*, или *Марсовъ холмъ*—мѣсто въ Аѣинахъ близъ крѣпости, на которомъ судимы были дѣла важныя (I, 49).

— *Китайка*—Плотная, лощеная или нелощеная, изъ хлопчатой бумаги ткань, дѣлаемая въ *Китай*, бывающая разныхъ цвѣтовъ (III, 136).

Слово *Бокалъ* названо въ первомъ словарѣ *кельтскимъ*, а слово *Глыба*—*латинскимъ*; второй словарь отбросилъ эти названія. Слово *Кентавръ* справедливо названо *греческимъ*. Но слова: *Альи* и *Карій* не названы иностранными, хотя они—безспорно татарскія, и въ первомъ словарѣ *Альи* произведено отъ турецкаго *Алз*.

Существенный недостатокъ втораго академическаго словаря составляетъ отсутствіе въ немъ словъ, находящихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ: въ лѣтописи Нестора, въ произведеніяхъ Кирилла Туровскаго, и др. Нѣтъ даже многихъ словъ,

которыя объяснены Карамзинымъ въ его Исторіи государства российскаго. Не внесены древнія и старинныя слова: *Тезъ* (*Тезка*), *Темникъ*, *Паломникъ*, *Комонъ* и др.

Естественному порядку въ расположеніи словъ много повредили буквы *з* и *ъ*, которымъ составители словаря придавали черзчуръ большое значеніе. Предлоги *К* (*къ*) и *С* (*съ*) поставлены при самомъ концѣ словъ, начинающихся на *К* и *С*, вмѣсто того, чтобы стоять въ самомъ началѣ. По этой же причинѣ, первообразное *Полъ* помѣщено гораздо ниже производнаго *Половина*, и производное *Полковникъ* — выше кореннаго *Полкъ*, и т. п.

Нѣкоторыя слова опредѣлены невѣрно и неточно:

Неясить — Птица та же, что *Филинъ*, *Сова* (III, 1384). Но уже Поликарповъ гораздо правильнѣе опредѣлилъ *Неясить* словомъ *Пелликанъ*.

Велбудъ — Толстый канатъ; *Велблюдъ* — животное (I, 423—424). Но это — не два разныя слова, а двѣ формы одного и того же слова, значащаго *Верблюдъ* (*camelus*). *Велбудъ* — древняя форма, *Велблюдъ* — позднѣйшая.

Слово *Полъ* встрѣчается четыре раза, какъ самостоятельное по своему значенію, а именно: 1) Помость; 2) *Sexus*; 3) Берегъ, сторона; 4) Половина (IV, 1461). Но только первое значеніе рѣзко отличается отъ четвертаго; второе же и третье относятся къ четвертому, какъ иносказательныя къ своему источнику.

Если бы въ началѣ цѣлаго ряда словъ, начинающихся съ *Тре*, было указано, что *Тре* образовалось изъ *Трое*, то было бы ясно, что *Треблаженный* есть то же, что *Ter beatus*. При словѣ *Инокъ* не было бы лишнимъ упомянуть, что оно сокращено изъ *Единонокъ*, и т. п.

Принятая въ словарѣ система объясненія словъ посредствомъ синонимовъ имѣетъ то неудобство, что нерѣдко ускользаютъ особенности и отгѣнки значенія, и принимаются за тождественныя слова, имѣющія только повидимому совершенно одинаковый смыслъ, безъ малѣйшаго отличія. Слово *Чортъ* опредѣляется словами: *Демонъ*, *Діаволъ*, *Бѣсъ*, *Злый духъ* (VI, 1278); слово

Демонъ — словами: *Дьяволъ, Бѣсъ, Злый духъ* (II, 49); слово *Дьяволъ* — словами: *Бѣсъ, Демонъ; Злый, Нечистый духъ* (II, 86).

Нѣкоторыя изъ опредѣленій и описаній неудачны или неумѣстны; иныя просто смѣшны:

— *Идти* — Ступая, или движась, перемѣнять мѣсто (II, 954).

— *Стоять* — Быть на ногахъ; противоплагается въ семъ смыслѣ глаголамъ: *Лежать* и *Сидѣть* (VI, 524).

— *Ротъ* — Отверстіе подъ носомъ на лицѣ человѣческомъ и у нѣкоторыхъ животныхъ, растворяемое и затворяемое губами, чрезъ которое издается голосъ и пріемлется пища и питіе (V, 1080).

Кто изъ русскихъ читателей — говоритъ Добровскій — не разсмѣется, встрѣчая въ словарѣ опредѣленія такого рода: «*Третій* — Слѣдующій по второмъ» (VI, 776); «*Девять* — Число, состоящее изъ осьми единицъ съ единицею» (II, 47). Линде, въ своемъ польскомъ словарѣ, счастливо избѣжалъ подобныхъ излишествъ, принявши другой языкъ, именно нѣмецкій, для объясненія польскихъ словъ¹³⁸).

Хотя Добровскій и называетъ разбираемый имъ трудъ новымъ, дополненнымъ и улучшеннымъ изданіемъ словаря, но изъ самаго разбора оказывается, что новый словарь часто повторяетъ ошибки прежняго, и весьма мало сдѣлалъ для ихъ исправленія.

Довольно строгій приговоръ надъ общимъ трудомъ академіи, во главѣ которой стоялъ Шишковъ, впервые завязавшій у насъ связи съ ученымъ славянскимъ міромъ, заставилъ Добровскаго опасаться неудовольствія со стороны его русскихъ почитателей. Но отзывъ одного изъ дѣятельныхъ посредниковъ въ сношеніяхъ съ славянскими учеными разсѣялъ эти опасенія. Въ «Библиографическихъ листахъ» П. И. Кеппена появилась такая замѣтка о рецензій Добровскаго на словарь российской академіи, расположенный по азбучному порядку: «Рецензентъ, наторѣвшій въ трудахъ сего рода, предлагаетъ мысли свои о возможномъ

усовершенствованіи помянутаго словаря. Свойственная ему скромность въ изложеніи сужденій служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что одно только усердіе къ наукамъ побудило его приняться за перо. Ревнителямъ російской литературы въ такомъ случаѣ нельзя не благодарить почтеннаго ветерана за напечатаніе статьи, заслуживающей вниманія каждаго отечественнаго филолога»¹³⁹). Замѣтка эта порадовала Добровскаго, какъ можно заключить изъ словъ его въ письмѣ къ Кенпену: *Es war gut, dass sie in ihren Blättern, wo sie von meiner recension des wörterbuchs der russ. akademie sprechen, mich gleichsam entschuldigten und meine absicht dabei rechtfertigten*¹⁴⁰.

Русскіе филологи время преобразованія російской академіи въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности отдавали предпочтеніе второму, т. е. азбучному словарю передъ первымъ, т. е. словопроизводнымъ. Въ предисловіи къ Словарю церковно-славянскаго и русскаго языка, составленному Вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ, находится такое замѣчаніе: «Что касается до Азбучнаго словаря, то превосходя первый *количествомъ словъ и опредѣлительностію ихъ значеній*, онъ доселѣ почитался замѣчательнымъ и весьма полезнымъ трудомъ»¹⁴¹).

Въ обзорѣ нашей словарной литературы академикъ И. И. Срезневскій говоритъ о второмъ словарѣ російской академіи:

«Въ составъ этого словаря вошло до пятидесяти двухъ тысячъ словъ языка книжнаго, стараго и новаго, языка народнаго, равно и термины наукъ, художествъ и т. д. На каждомъ словѣ обозначено удареніе. При каждомъ словѣ отмѣчено его грамматическое значеніе, и вслѣдъ за тѣмъ объясненъ смыслъ слова. Замѣчательно, что всѣ слова безъ исключенія, какія бы то ни были, истолкованы одинаково *объясненіемъ* самыхъ понятій, заключающихся подъ ними, такъ что въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ словарь есть вмѣстѣ и краткая энциклопедія. При словахъ менѣе обыкновенныхъ есть свидѣтельства и ссылки на книги, при словахъ обыкновеннаго разговорнаго языка — выраженія поговорочныя. Словарь не полонъ ни по количеству словъ, ни по

отличенію смысловъ словъ, ни по свидѣтельствамъ объяснительнымъ, ни тѣмъ болѣе по фактамъ для исторіи языка; въ немъ немало и странностей, и ошибокъ; но мысль, руководившая составителей, выкупаетъ ошибки; время составленія ихъ извиняетъ, а то, что онъ до сихъ поръ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ послѣ его окончанія, (писано въ 1847 г.), не замѣненъ вполне ничѣмъ лучшимъ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, какъ трудно у насъ удаются подобныя предпріятія, какъ еще не время у насъ требовать совершенства въ твореніяхъ филологическихъ, и какъ много достоинства можетъ иногда остаться безъ должной оцѣнки тамъ, гдѣ легче увидѣть недостатки, чѣмъ ихъ непреодолимость. *Азбучный словарь академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій российской академіи. Издавши этотъ словарь, она уже могла сказать, что не даромъ существовала* ¹⁴²).

XXVII.

Въ одно и то же время академія приступила къ двумъ трудамъ, указаннымъ ея уставомъ—къ составленію Азбучнаго словаря и *Российской грамматики*. Въ собраніи 5 августа 1794 года учрежденъ былъ изъ членовъ академіи особый, такъ называемый грамматическій отдѣлъ, на который и возложено «сдѣлать начертаніе и расположеніе» предпринимаемаго труда. Нѣсколько засѣданій посвящено было разсмотрѣнію плана, или «начертанія для составленія грамматическихъ правилъ». Планъ этотъ окончательно разсмотрѣнъ и утвержденъ въ собраніи 21 октября 1794 года ¹⁴³). По свидѣтельству членовъ российской академіи, при составленіи плана «руководствовались наиболѣе грамматиками Максима Грека и *Ломоносова*» ¹⁴⁴).

24 февраля 1795 года началось, а 2 апрѣля 1799 года кончилось разсмотрѣніе составляемой грамматики; съ мая 1796 года академическія собранія посвящены были главнымъ образомъ разсмотрѣнію грамматики.

7 мая 1799 года началось а 18 мая 1801 года окончилось «повторительное просматриваніе» грамматики, составленной російскою академіею.

8 июня 1801 года началось, а 24 декабря того же года окончилось «третьичное чтеніе и поправленіе російской грамматики» ¹⁴⁵).

О спорныхъ вопросахъ, возникавшихъ по поводу разсматриваемаго труда, и о способѣ ихъ рѣшенія можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Въ одномъ изъ собраній російской академіи «предложенъ былъ вопросъ, что слова: *многій*, *нѣсколькій* и другія, имъ подобныя, суть ли имена числительныя, или почитать ихъ просто именами прилагательными; и нужно ли числительныя имена количественныя раздѣлять на *опредѣленныя* и *неопредѣленныя*. — На что членъ академіи Петръ Соколовъ, сочинявшій о именахъ числительныхъ, отвѣтствовалъ, 1-е что ежели имена, означающія число вещей и соотвѣтствующія вопросу: *коликій*, суть имена числительныя, то и помянутыя слова: *нѣсколькій*, *многій* и проч. поелику соотвѣтствуютъ вопросу: *коликій*, имѣютъ право быть причислены къ именамъ числительнымъ количественнымъ. — 2-е поелику числительныя имена, напримѣръ: *два* и *многій*, показываютъ оба количество вещей съ тою токмо разностью, что слово *два* означаетъ положительное или точное число вещей, а слово *многій* показываеъ неопредѣленное число оныхъ: посему и необходимо нужно раздѣлить количественныя имена на *опредѣленныя*, кои означаютъ положительное число вещей, напр. *два*, *три*, *пять*, *сто*, *тысяча* и проч., и на *неопредѣленныя*, кои означаютъ неопредѣленное число вещей, таковы суть: *нѣсколькій*, *многій*, и проч. — Гг. присутствовавшіе члены, нашедъ причины сіи основательными, рѣшили, дабы раздѣленія именъ числительныхъ оставить таковыми, какъ онѣ сдѣланы въ листѣ *О* сочиняемой російской грамматики, съ нѣкоторою поправкою приведенныхъ на оныя примѣровъ» ¹⁴⁶).

«Нѣкоторые изъ гг. членовъ предлагали свое мнѣніе, что хотя

раздѣленіе глаголовъ на залогі: дѣйствительные, возвратные, средніе, взаимные, общіе и страдательные въ сочиняемой грамматикѣ сдѣлано сходственно съ начертаніемъ для составленія оныхъ, академіею утвержденнымъ, и сообразно съ прочими російскими грамматиками: однако, вникая въ главное и общее знаменованіе глаголовъ возвратныхъ, среднихъ, взаимныхъ и общихъ, каковы суть: *моюся, иду, стучу, ссорюся, стараюся*, видѣть можно, что они не иное что суть, какъ виды или подраздѣленія глагола дѣйствительнаго, поелику каждый изъ нихъ означаетъ дѣйствіе вещи, что и самыя опредѣленія, сдѣланныя имъ въ грамматикахъ, свидѣлствуютъ. Посему и совѣтовали раздѣлить всѣ глаголы на два токмо главные залога: на *дѣйствительный* и *страдательный*; прочіе жъ залогі, т. е. *возвратный, средний, взаимный* и *общій*, почитать подраздѣленіями залога дѣйствительнаго. Новое сіе раздѣленіе возложено было собраніемъ обдѣлать на члена академіи Петра Соколова и представить оное къ будущему собранію на разсмотрѣніе»¹⁴⁷⁾.

«При чтеніи 243-й статьи, въ которой изображено, что, «гдѣ глаголы, которые не имѣютъ прошедшаго совершеннаго времени простаго, ни сложнаго, ни отъ сложныхъ заимствовать не могутъ, замѣняютъ сей недостатокъ прошедшимъ неопредѣленнымъ временемъ, напр.: *отъчалъ, царствовалъ* и проч». Собраніе положило прибавить слѣдующее замѣчаніе, что правилу сему подвержены наипаче глаголы, произведенные отъ именъ и кончащіяся на *ствую* и *цаю* напр.: *существую, существовалъ; владычествую, владычествовалъ; господствую, господствовалъ; бряцаю, бряцалъ* и проч. Равнымъ образомъ глаголы, кончающіяся на *чаю* и означающіе какое-либо ремесло или промыселъ, каковы суть: *барышничая, барышничалъ; сапожничая, сапожничалъ*, и проч, къ сему жъ принадлежатъ правилу, — что исправить и пополнить возложено на сочинителя сей части грамматики, члена академіи г. Петра Соколова»¹⁴⁸⁾.

Составителями академической грамматики сама академія признаетъ членовъ своихъ: Петра Ивановича и Дмитрія Михай-

ловича Соколовыхъ, главнымъ сотрудникомъ которыхъ былъ, также членъ российской академіи, протоіерей И. И. Красовскій¹⁴⁹).

Въ 1802 году появилась въ свѣтъ *Россійская грамматика*, составленная императорскою российскою академіею. Цѣль и отчасти значеніе новаго академическаго труда довольно ясно опредѣляется въ «предызвѣщеніи», въ которомъ говорится отъ лица академіи:

«Россійская академія, при сочиненіи изданнаго ею словаря вникая въ происхожденіе и разныя знаменованія словъ, славено-россійскій языкъ составляющихъ, и дѣлая грамматическія замѣчанія при каждомъ словѣ, открыла чрезъ тò путь къ составленію российскоіи грамматики.

Желая сдѣлать сочиненіе сіе, сколько возможно, исправнѣе и полнѣе другихъ изданныхъ въ свѣтъ российскихъ грамматикъ, академія старалася расположить оное порядкомъ простѣйшимъ и для учащихся менѣе затруднительнымъ, дополнить недостатки, въ прочихъ грамматикахъ находящіеся, дать точныя и съ понятіемъ начинающихъ учиться сходственныя опредѣленія, дабы юношество, положивъ твердое основаніе въ правилахъ языка отечественнаго, могло съ большею удобностію и въ кратчайшее время научиться языкамъ иностраннымъ.

Но главнѣйшее академіи попеченіе состояло въ томъ, дабы подвести подъ общія и единообразныя правила спряженіе глаголовъ, которые не токмо иностраннымъ, но и природнымъ россиянамъ великое причиняютъ затрудненіе. — Въ грамматикѣ покойнаго г. статскаго совѣтника и профессора Михаила Васильевича Ломоносова и въ другихъ российскихъ грамматикахъ глаголы раздѣлены на два спряженія, которыхъ разность состоитъ въ окончаніи втораго лица числа единственнаго настоящаго времени. И по сему раздѣленію глаголы, кончащіеся на *ешь*, наприм.: двигаю, *двигаешь*, пою, *поешь*, относятся къ первому, а глаголы, кончащіеся на *ишь*, какъ-то: верчу, *вертишь*; пою, *поишь* и проч. суть втораго спряженія. Но сличивъ прочіе гла-

голы съ приложенными въ грамматикахъ для спряженія образцами, ясно видѣть можно, что великое находится множество глаголовъ, которые въ прочихъ временахъ и наклоненіяхъ весьма отъ образцовъ своихъ отступаютъ, напримѣръ: глаголы: двигаю *двигаешь*, емлю *емлешь*, несу *несешь*, колю *колешь*, воюю *воюешь*, по второму лицу относятся къ спряженію первому; а глаголы: терплю *терпишь*, верчу *вертишь*, молчу *молчишь*, хвалю *хвалишь*, принадлежатъ ко второму спряженію; въ наклоненіи жъ неокончательномъ и во временахъ прошедшихъ никакого въ ихъ окончаніяхъ нѣтъ сходства; какъ-то: *двигать*, *йти*, *нести*, *воевать*, *колоть*, *терпѣть*, *молчать*; *двигалъ*, *ялъ*, *несъ*, *воевалъ*, *кололъ*, *терпѣлъ*, *хвалилъ* и проч.

Для отвращенія сего неудобства и уменьшенія количества глаголовъ неправильныхъ академія за нужное почла раздѣлить оныя на четыре спряженія по неокончательнымъ ихъ наклоненіямъ; и по сему глаголы, кончащіяся на *ть* съ предыдущею гласною буквою *а* или *я*, какъ напримѣръ: *писатьъ*, *стытъ*, принадлежатъ къ спряженію первому; кончащіяся на *ть* съ предыдущею гласною *е* или *ь*, какъ-то: *мереть*, *смотрѣть*, — ко второму; съ предыдущею гласною *и* или *ы*, на прим. *строить*, *мытъ*, — къ третьему, а съ предыдущею гласною *о* или *у*, какъ напр. *колоть*, *сознуть*, — къ спряженію четвертому. Тѣ жъ глаголы, кои въ неокончательномъ наклоненіи кончатся на *чь* или съ предыдущею согласною буквою на *ть*, какъ-то: *влечь*, *течь*, *нести*, *грызть*, и пр., такъ какъ и глаголъ *итти*, причислены къ глаголамъ неправильнымъ. Таковое глаголовъ на четыре спряженія раздѣленіе тѣмъ паче удобнѣе и полезнѣе прежняго быть кажется, что отъ неокончательныхъ наклоненій весьма легко всѣ прошедшія времена изъявительнаго наклоненія, причастія и дѣе-причастія временъ прошедшихъ произведены быть могутъ почти безъ всякаго исключенія.

Академія, издавая въ свѣтъ трудъ сей, усердно желаетъ, чтобы общая польза соотвѣтствовала ея намѣренію, къ утверженію правилъ россійскаго слова клонящемуся¹⁵⁰).

Составители грамматики не достигли предполагаемой цѣли. По замѣчанію Добровскаго, вмѣсто однихъ затрудненій въ спряженіи глаголовъ появились другія. Глаголы: *Грѣю, емъ* и *Смотрю, ишь* отнесены къ одному и тому же, именно ко второму, спряженію, а глаголы: *Строю, ишь* и *Мою, емъ* — къ третьему. Глаголь *Дую* отдѣленъ отъ глагола *Мою*, и отнесенъ къ четвертому спряженію. Вѣрнѣе было бы глаголы: *Грѣю, Мою, Дую*, отнести къ тому же спряженію, что и глаголь *Двигаю*, хотя они и отличаются одинъ отъ другаго въ неокончательномъ наклоненіи, и т. д. ¹⁵¹⁾.

Грамматика російской академіи выдержала нѣсколько изданій. Второе изданіе вышло въ 1811 году, третье — въ 1819 году. По поводу послѣдняго изданія явилась въ Сынѣ отечества пространная критическая статья, получившая особенное значеніе вслѣдствіе протеста російской академіи ¹⁵²⁾.

Критикъ Сына отечества находитъ, что академическая грамматика вовсе не заключаетъ въ себѣ научнаго изслѣдованія свойствъ русскаго языка, и должна быть отнесена къ числу простыхъ учебниковъ, и притомъ довольно плохихъ. Она не отличается ни ясностью и точностью изложенія, ни вѣрнымъ пониманіемъ излагаемаго предмета. Неопредѣленность, темнота и сбивчивость поражаютъ читателя чуть не на каждомъ шагу. На доказательства критикъ не поскупился:

Въ грамматикѣ російской академіи сказано: «Во многихъ случаяхъ, въ среднемъ и низкомъ словѣ, также въ разговорахъ, имена прилагательныя, кончащіяся на *ый, ий, кий, хий*, букву *ы* или *і* перемѣняютъ на *о*, напримѣръ: *Храброй, Умной, Ветхой, Великой, Упругой*, и проч. Имена же прилагательныя, кончащіяся на *жий, мій, сій, чій, шій, щій*, букву *і* перемѣняютъ на *е*, напримѣръ: *Прежней, Лучшей, Общей*. Ибо нехорошо бы было сказать: Древніе римляне бѣжавшимъ въ сраженіи воинамъ отрубали *болгий*, вмѣсто *большой*, палець у руки, или: *маленький домикъ, мальчикъ*, вмѣсто: *маленькой; ветхий сарай* вмѣсто: *ветхой сарай*».

Критикъ возражаетъ на это: «Почему жъ нехорошо, если смѣемъ просить? Мы не находимъ тутъ никакой ошибки, никакой несообразности, и должны еще просить разрѣшенія, гдѣ именно находится предѣлъ употребленія окончаній *ый* и *ой*, *ий* и *ей*. По нашему мнѣнiю, всѣ имена прилагательныя должно писать въ окончанiи *ый* или *ий*, кромѣ тѣхъ, кои имѣютъ ударенiе на послѣднемъ слогѣ, напримѣръ: *Стпной*, *Кривой*. Окончанiе же *ей* можетъ и должно быть вовсе отринуто. Если намъ возражать, что оно иногда слышно въ произношенiи, то мы съ большимъ правомъ станемъ требовать, чтобъ въ родительномъ падежѣ писали: *Стпнова*, *Кривова*, и пр.»

Въ академической грамматикѣ: «Предлогъ есть часть рѣчи несклоняемая, и *напереди* предъ другими частями рѣчи раздѣльно или слитно поставляемая».

Критикъ: «Надежало бы прибавить: и *неспрягаемая*, ибо если опасаются, что кому-нибудь вздумается склонять: *Изъ*, *Иза*, *Изу*, то также можно бояться и спряженiя: *Между*, *Междишъ*, *Междитъ*. Слово *напереди* совсѣмъ лишнее: можно ли что-либо поставить *предъ* вещью *назади* оной?»

Въ грамматикѣ: «Неокончательное однократное наклоненiе имѣютъ *только* глаголы, кончащiеся на *бать*, *гать*, *катъ*, *пать*, *хать*».

Критикъ: «Слѣдовательно можно сказать: *Колѣбнуть*, *Искнуть*, *Спнуть*, *Лгнуть*?»

Въ грамматикѣ: «Дѣйствительные глаголы означаютъ дѣйствiе одной *вещи* на другую, и требуютъ падежа винительнаго, напримѣръ: *Читать книгу*; *Писать письмо*; *Почитать родителей*».

Критикъ: «Спрашиваемъ, можетъ ли вещь читать книгу, писать письмо, почитать родителей».

Къ числу ложныхъ правилъ, предлагаемыхъ академiею, критикъ Сына отечества относитъ употребленiе буквы *ъ* въ словахъ: *Лъкаръ*, *Лъчитъ*, *Мъжа*, *Одъжда*, *Подъинта*.

Любопытно указанiе архаизмовъ въ правилахъ и примѣрахъ

академической грамматики. Они объясняются тѣмъ, что составители грамматики руководствовались тѣми же самыми взглядами и требованіями относительно языка и слога, что и составители перваго академическаго словаря. Вслѣдствіе этого называли въ 1819 году общеупотребительными и современными такія черты и особенности, которыя въ 1783 году считались уже старинными и выходящими изъ употребленія. Названіе *низкое просторчье, славенское правописаніе*, озадачившее критика, заимствовано, изъ терминологіи перваго словаря. Несмотря на то, что по мнѣнію академіи «намъ нужна наипаче *грамматика нынѣ употребительнаго языка*», академическая грамматика смѣшивала иногда старое съ новымъ, отживающее съ общеупотребительнымъ¹⁵³).

Въ грамматикѣ россійской академіи: «Въ важныхъ предметахъ, также въ слогѣ высококомъ и близко къ славенскому подходящемъ, употребляются *лучше* имена числительныя, по славенскому правописанію пишемая, какъ-то: *Единый, Первыйнадесять, Тридесять*, и пр., поелику приличнѣе сказать и писать: *Карлъ Вторыйнадесять*, нежели *Двѣнадцатый; Лудовикъ Пятыйнадесять*, нежели *Пятнадцатый*».

Критикъ Сына отечества: «Мы, признаемся, не видимъ, почему *Двѣнадцатый* сказать не такъ прилично, какъ *Вторыйнадесять*, и не знаемъ, кто бы сказалъ: *Тридесатый, Двадесать* и пр.»

Въ грамматикѣ: «Согласными буквы именуются *для того*, что сами собою произносимы быть не могутъ, а выговариваются чрезъ приложеніе къ нимъ гласныхъ».

Въ первомъ академическомъ словарѣ, 1790 г.: «*Для того что* — употребляется *иногда* вмѣсто союза винословнаго, и значить то же, что *Поелму, Понеже, Ибо*: Я не могъ исполнить вашего приказанія, *для того что* сдѣлался боленъ» (II, 686). Опредѣленіе это дословно повторяется во второмъ академическомъ словарѣ, 1809 г. (II, 91). Но въ литературномъ языкѣ оно уже сдѣлалось архаизмомъ, какъ видно изъ замѣчанія критика Сына отечества: «Выраженіе *Для того* означаетъ не при-

чину а послѣдствіе, напримѣръ: Онъ учится грамматикѣ для того, чтобъ знать ее».

Въ академической грамматикѣ приводятся подобнаго рода примѣры:

— Чрезъ добрыя дѣла можно заслужить честь.

— Уже варвары, когда Александръ ввелъ въ городъ свою фалангу (строевое македонское войско), разбѣжались, куда кого боязнь загнала.

— Когда Анаксагору сказали, что сынъ его умеръ, тогда онъ такъ отвѣтствовалъ....

«Эти фразы — замѣчаетъ критикъ — гораздо старѣе и перваго изданія сей грамматики».

Критика Сына отечества раздражила членовъ российской академіи. Они не знали, на что рѣшиться: возражать — значитъ вступить въ полемику съ журналистомъ, рискуя подвергнуться новымъ оскорбленіямъ; промолчать — значитъ сознаться въ справедливости укоровъ противника. И то и другое унижительно для академіи и несогласно съ ея достоинствомъ. Въ порывѣ негодованія академики стали утверждать, что «нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности», чтобы книги, издаваемыя академіею, и слѣдовательно оцѣненныя и одобренныя ею, снова переоцѣнивались журналистами, — и что «поступокъ» журналиста, т. е. его критика на академическую грамматику, подлежитъ, какъ своего рода преступленіе, суду правительства. Вслѣдствіе этого президентъ российской академіи обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ такого содержанія:

«Въ прошедшихъ засѣданіяхъ российской императорской академіи читана была напечатанная въ журналѣ сына отечества (sic), подъ названіемъ критики, на изданную отъ ней грамматику обидная для академіи брань. Академія нашлась принужденною поручить мнѣ бывшія по сему случаю сужденія ея препроводить къ вашему сіятельству, яко члену оной и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, для свѣдѣнія, въ какомъ при

таковыхъ обстоятельствахъ находится она положеніи, и притомъ донести, что если и впредь журналисты, и всякій, кто захочетъ, будутъ въ правѣ о издаваемыхъ ею книгахъ возвращать публикѣ съ своими, ни разсудкомъ, ни пристойностію не обузданными толками, то ей не останется ничего другаго, какъ или таковыя произшествія съ нею для свѣдѣнія публики записывать и помѣщать въ своихъ изданіяхъ, или не издавать ничего, дабы не подвергаться стыду быть передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго, кто захочетъ, браненой, и молчать».

Главное правленіе училищъ, рассмотрѣвъ жалобу російской академіи, нашло, что никому нельзя запретить писать критики, особенно на грамматику, и если академія недовольна разборомъ ея труда, то можетъ дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ, т. е. печатнымъ словомъ, доказывая несостоятельность взводимыхъ на нее обвиненій. Что же касается рѣзкихъ и оскорбительныхъ отзывовъ, то рѣшено было сдѣлать выговоръ цензору, пропустившему статью, и поставить на видъ автору, что подобнаго рода статьи могутъ повести къ закрытію его журнала. Министръ народнаго просвѣщенія писалъ попечителю с. петербургскаго учебнаго округа: «Оскорбительные для академіи выраженія и отзывы совершенно противны уставу о цензурѣ и слѣдовательно не могутъ быть никому дозволены, не токмо въ отношеніи къ цѣлому сословію, но и ко всякому частному лицу. Вслѣдствіе того покорнѣйше прошу учинить выговоръ цензору, дозволившему, вопреки цензурныхъ правилъ, напечатать тѣ замѣчанія, и притомъ не оставьте предписать цензурному комитету, чтобъ впредь ничего оскорбительнаго ни на какое лицо печатать дозволяемо не было. Самому же издателю журнала *Сынъ отечества* прошу васъ, поставивъ на видъ таковой, противный законамъ, поступокъ, объявить, что хотя и запрещено строго цензурѣ о непропускѣ впредь къ напечатанію никакихъ, подобныхъ сему, оскорбительныхъ на чье-либо лицо замѣчаній и изъясненій; но какъ цензура, при многихъ ея занятіяхъ, съ одной стороны, будетъ всегда напрасно затрудняема исправленіемъ

тѣхъ обидныхъ мѣстъ въ просматриваемыхъ ею изданіяхъ; съ другой же — можетъ иногда по неосторожности ихъ пропустить, то въ такомъ случаѣ всегда издатель подвергнетъ себя отвѣтственности, и наконецъ самый журналъ его должно будетъ запретить»¹⁵⁴).

XXVIII.

Изданіемъ словаря и грамматики исполнена только половина той задачи, которая возложена на академію при самомъ ея учрежденіи. Академіи предстояли еще два труда — составленіе *Риторики* и *Поэтики*.

Достоинство академіи требовало, чтобы составлены были не простые учебники, съ ихъ избытыми, схоластическими приемами, и чтобы «академія — говоря словами Лепехина — избрала настоящую стезю и не слѣдовала школьнымъ забобонамъ». По мнѣнію другого академика, риторика, составляемая російскою академіею, «должна быть ею обработана не во образѣ дѣтскаго къ краснорѣчію руководства, но въ качествѣ мужественнаго къ оному наставленія, подобнаго тому, какое изъ древнихъ оставили намъ Цицеронъ и Квинтиліанъ, а изъ новѣйшихъ Эрнестъ и другіе риторы»¹⁵⁵).

Идеаломъ представлялась такая риторика, которая могла бы «вперить вкусъ къ истинному краснорѣчію, и изяществомъ своимъ приносила честь академіи». Для осуществленія подобнаго идеала обратились прежде всего къ двумъ членамъ російской академіи, извѣстнымъ своими «знаніями, опытностію и искусствомъ въ російской словесности» — къ архіепископу ярославскому Павлу (Пономареву) и къ Ник. Як. Озерецковскому. Они просили дать имъ время на размышленіе. Архіеп. Павелъ вскорѣ отказался отъ участія въ трудѣ, возлагая всю надежду на Озерецковскаго — на его «знанія, искусство и даръ словами». Въ свою очередь отказался и Озерецковскій на томъ основаніи, что не надѣялся сочинить такую риторіку, которая изяществомъ

своимъ превосходила бы существующія уже риторикѣ Ломоносова и архіеп. Амвросія.

Пришлось обратиться къ лицамъ, которыя никогда не отказывались ни отъ какихъ порученій академіи, исполняя ихъ по мѣрѣ своихъ способностей, — именно къ Петру Ивановичу и Дмитрію Михайловичу Соколовымъ. Одинъ изъ «вновь назначенныхъ сочинителей риторикѣ», П. И. Соколовъ представилъ планъ, или начертаніе предпринятаго труда, и академическое собраніе «изъявило свое удовольствіе сочинителю сего начертанія». Проходили года; въ извѣстіяхъ о трудахъ академіи упоминалось иногда, что Соколовъ занимается составленіемъ полной риторикѣ, но о дальнѣйшей судьбѣ ея не имѣется точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Въ позднѣйшемъ перечнѣ трудовъ и занятій Соколова, говорится объ участіи его въ составленіи словаря и грамматики, но о приготовляемой къ изданію риторикѣ нѣтъ и помину¹⁵⁶).

Такая же неудача постигла и другое предпріятіе россійской академіи — составленіе *Піитики*. Президентъ академіи Нартовъ предложилъ собранію, что «россійская академія должна также сочинить *Науку россійскаго стихотворства*, и что онъ способнѣйшимъ къ исполненію сего новаго и общепользнаго предпріятія почитаетъ М. М. Хераскова, яко мужа, искусствомъ своимъ въ россійской словесности, а наипаче своими стихотвореніями знаменитаго». Херасковъ отказался по старости; въ отвѣтъ его любопытно тѣ, что составленіе піитики казалось ему дѣломъ довольно легкимъ; онъ говоритъ: «Возлагаемый на меня россійской академіей трудъ *не есть важенъ*, однако требуетъ немалаго вниманія, разсмотрѣнія и прилежности»¹⁵⁷). Съ тѣмъ же порученіемъ академія обратилась къ Богдановичу. Богдановичъ изъявилъ согласіе, но работу свою — по его собственнымъ словамъ — «производилъ неторопливо», и до того неторопливо, что признано нужнымъ поручить ее другому лицу. Графъ Хвостовъ самъ вызвался «сочинить правила россійскаго стихотворенія», но черезъ нѣсколько времени отказался отъ работы, которая

казалась ему легкою только до тѣхъ поръ, пока онъ не приступалъ къ ней ¹⁵⁸).

Въ 1811 году издана российскою академіею «Наука стихотворства», составленная И. С. Рижскимъ, первымъ по времени профессоромъ русской словесности въ харьковскомъ университетѣ. Хотя Рижскій и былъ членомъ российской академіи, но представленная имъ на судъ академіи «Наука стихотворства» есть его личный трудъ, который только изданъ академіею, подобно тому, какъ издавала она произведенія лицъ постороннихъ, неимѣющихъ званія ея членовъ. Книга Рижскаго вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ «общихъ трудовъ академіи», къ которымъ можно примѣнить сказанное Нартовымъ по поводу академической грамматики: «*При помощи не болѣе двадцати членовъ, въ краткое время успѣли мы довести Россійскую грамматику до такого состоянія совершенства, что она печатается*», и т. д. ¹⁵⁹).

XXIX.

Съ окончаніемъ перваго и важнѣйшаго труда — словопроизводнаго словаря академическая дѣятельность замѣтно ослабѣла и какъ-бы вышла изъ своей колеи. Послѣдующія работы ведены были уже не съ тою энергіею и не съ такимъ успѣхомъ. Самый выборъ работъ происходилъ болѣе или менѣе случайно и зависѣлъ иногда отъ личныхъ взглядовъ президента, нестрѣбчавшихъ особеннаго сочувствія ни въ литературѣ, ни въ средѣ самой академіи.

Со времени учрежденія академіи и до окончанія словопроизводнаго словаря собранія ея происходили еженедѣльно; но такъ какъ 5 августа 1794 года «первый предпринятый академіею трудъ приведенъ былъ къ окончанію, то, согласно съ мнѣніемъ гг. членовъ, положено быть собраніямъ чрезъ двѣ недѣли» ¹⁶⁰).

Въ началѣ 1803 года президентъ академіи Нартовъ заявлялъ, что «россійскій словарь, азбучнымъ порядкомъ расположенный, приведенъ къ окончанію и рукописный представленъ

академіи, которая нынѣ въ собраніяхъ своихъ его разсматриваетъ и по мѣрѣ прочтенія передаетъ уже печати»¹⁶¹). Но первый томъ словаря появился въ печати только черезъ три года, а шестой и послѣдній — черезъ двадцать лѣтъ.

Число рабочихъ силъ постепенно убывало, несмотря на видимое приращеніе количества дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ. Академическія собранія становились безцвѣтнѣе, и посѣтители должны были иногда придумывать предметы для своихъ занятій. Для того, «чтобы академія могла чѣмъ-нибудь въ своихъ собраніяхъ заняться, членъ академіи Озерецковскій обѣщался представить на разсмотрѣніе академіи букву А, расположенную буквеннымъ порядкомъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изданъ словарь этимологическій»¹⁶²). По свидѣтельству Шишкова, П. И. Соколовъ трудился надъ сочиненіемъ справочныхъ листовъ словаря, и тѣмъ доставлялъ сочленамъ своимъ занятіе въ академическихъ засѣданіяхъ¹⁶³).

Любопытно сопоставить мнѣнія, высказанныя въ разное время, о томъ, въ чемъ должна состоять дѣятельность россійской академіи. Мнѣнія эти принадлежатъ лицамъ, находившимся во главѣ академіи и вслѣдствіе этого имѣвшимъ большое вліяніе на ходъ академическихъ дѣлъ и предпріятій.

Непосредственный преемникъ княгини Дашковой, управляющей академіею П. П. Бакунинъ предложилъ собранію: Такъ какъ «главнѣйшій предметъ россійскія академіи состоитъ въ утвержденіи, обогащеніи и распространеніи языка славено-россійскаго; то сверхъ продолженія предпринятаго труда академіею въ сочиненіи полной грамматики и словаря съ прибавленіемъ языковъ иностранныхъ, почитаетъ онъ наилучшимъ средствомъ къ достиженію желаемаго намѣренія, чтобы искуснымъ въ россійскомъ словѣ и въ знаніи языковъ чужеземныхъ предлагать, изъ награжденія, иностранныя общепользныя книги для предложенія на языкъ россійскій, а упражняющимся въ сочиненіяхъ — задачи, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, заслуживающія общее вниманіе, и которыя сочиненія могли бы служить не токмо укра-

шеніемъ російскому слову, но и объясняли бы какой-либо историческій предметъ или дѣянія великихъ мужей, каковыми отечество наше хвалиться можетъ, или бы возвышали и вперяли нравственныя качества. Предложеніе сіе принято всѣми присутствовавшими членами, и возложено на секретаря, извѣстия о семъ всѣхъ отсутствовавшихъ высокопочтенныхъ господъ академіи членовъ, испрашивать ихъ на сіе положеніе мнѣнія, и если кому угодно, просить также предложенія книгъ или задачъ по намѣренію академіи, дабы общимъ согласіемъ можно было сдѣлать онымъ выборъ. Что секретаремъ и было исполнено».

Но какъ всякое начинаніе бываетъ благоутѣшнѣе тогда, когда оному предназначень порядокъ и правила, коимъ слѣдуя удобнѣе достигнуть совершенія онаго; то и въ семъ случаѣ нужно предначертаніе, которое сдѣлать возложено на секретаря.

Управляющій академію Павелъ Петровичъ Бакунинъ предлагалъ далѣе, чтобы упражняющихся въ російскомъ словѣ пригласить, кому угодно будетъ сообщать академіи свои творенія, которыя, буде оною одобрены будутъ, предавать тисненію и составить изъ нихъ ежегодныя академическія дѣянія, что равнымъ образомъ всѣми присутствовавшими членами принято и утверждено»¹⁶⁴).

Преемникъ Бакунина, Нартовъ, при вступленіи своемъ въ должность президента, указалъ слѣдующіе предметы для занятій російской академіи:

«Главнѣйшій предметъ трудовъ, академію подъемлемыхъ, стремится единственно къ усовершенствованію и обогащенію російскаго слова; то академію, сверхъ существенныхъ предметовъ ея упражненія, каковы суть: славенороссійскій словарь, грамматика, риторика и поэзія можетъ.

а) Задать къ сочиненію похвальное слово Екатерины Великой, яко виновницѣ славы, величія и благоденствія, коими наслаждается любезное отечество наше, яко мудрой законодательницѣ, щедрой покровительницѣ наукъ и художествъ и основательницѣ російской академіи.

б) Пригласить чрезъ С.-П.-бургскія и московскія вѣдомости упражняющихся въ россійскомъ стихотвореніи къ сочиненію оды на день коронованія Его Императорскаго Величества Александра Перваго.

в) Поручить искусному члену академіи собирать высочайшіе указы и учрежденія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Перваго, яко драгоцѣннѣйшіе залоговѣ благоденствія его вѣрноподанныхъ, съ тѣмъ дабы онъ, сочинивъ изъ нихъ исторію достойную толь милосердаго монарха и самой академіи, представлялъ оную на разсмотрѣніе академіи по истеченіи года; за что академія да опредѣлитъ ему пристойное трудамъ сямъ награжденіе.

г) Задавать къ сочиненію похвальныя слова особамъ, знаменитыми подвигами своими безсмертную славу снискавшимъ и другія творенія до словесности россійской относящіяся, опредѣливъ въ награжденіе золотую или серебряную медаль тому, коего сочиненіе признано будетъ того достойнымъ.

д) Издавать сочиненія до словесныхъ наукъ относящіяся, которыя членами и вообще любителями наукъ будутъ представлены и ею одобрены, къ чему всѣ упражняющіеся въ сочиненіи на россійскомъ языкѣ приглашены бытъ должны чрезъ вѣдомости.

Всѣ сіи предложенія г. президента академіею съ уваженіемъ приняты и положено произвести ихъ въ дѣйство: на первый же случай за лучшую оду на день коронованія Его Императорскаго Величества академія опредѣлила въ почесть золотую медаль, а за другую оду изяществомъ своимъ къ первой ближайшую, серебряную медаль. Срокъ присылкѣ одъ назначенъ къ 1-му числу августа сего 1801 года; по прошествіи же онаго въ обѣщанной почести участвовать не будутъ.

3-е. Хотя россійская грамматика академіею сочиненная читана и выправлена вторично въ собраніяхъ академическихъ, однакожь его превосходительство, не ограничивая себя, яко президентъ, единымъ попеченіемъ о благосостояніи академіи, но яко ревностный сотрудникъ оныя, желая соучаствовать во всѣхъ ея

упражненіяхъ, опредѣлилъ читать російскую грамматику въ третій разъ въ своемъ присутствіи, дабы чрезъ то содѣлать ее исправнѣйшею и совершеннѣйшею»¹⁶⁵).

Въ связи съ этимъ предложеніемъ находится составленный Нартовымъ планъ академическихъ занятій — переводовъ и временныхъ изданій:

«Начертаніе о переводахъ и ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, каковыя российская академія издавать въ свѣтъ намѣрена.

Императорская российская академія, высокомонаршими щедротами подкрѣпляемая и внимающая предметамъ главнѣйшихъ трудовъ своихъ, во первыхъ издала російскій производный словарь и грамматику. Нынѣ занимается она вновь сочиненіемъ славеноросійскаго словаря азбучнымъ порядкомъ располагаемаго; такъ же логики, риторики и поэзіи. Но такового рода творенія, содержащія въ себѣ правила съ краткими на оныя примѣрами служатъ токмо начальными основаніями російскаго языка и наукъ словесныхъ; сего ради академія непреложнымъ долгомъ своимъ поставляетъ пе щись о доставленіи любителямъ російской словесности избраннѣйшихъ и подражанія достойныхъ образцовъ и примѣровъ во всякомъ родѣ сочиненія до словесныхъ наукъ относящихся для извлеченія изъ оныхъ всякой красоты, служащей къ усовершенствованію стихотворства и краснорѣчія и чрезъ то споспѣшествовать распространенію вкуса и охоты къ толь благородному упражненію, какова есть словесность.

Предложеніе на языкъ отечественный знаменитыхъ классическихъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій есть самый надежный и кратчайшій путь къ достиженію сея для російской словесности полезныя, а для самой академіи достохвальныя цѣли. Какимъ же на первый случай при сихъ переводахъ и сочиненіяхъ правиламъ послѣдовать должно, онымъ краткое начертаніе здѣсь предлагаю.

О переводахъ классическихъ писателей.

1.

Во первыхъ академія рѣшить должна, какія именно древнія и новѣйшія знаменитѣйшія классическія книги переведены быть должны, кромѣ уже тѣхъ, которыя по усердію своему нѣкоторые господа члены переводить предпріяли, а именно: Тацита, Лукана Фарсальскую брань, двѣнадцать избранныхъ Цицероновыхъ рѣчей и нравственныя творенія Сенеки.

2.

Къ переводу избранная и одобренная президентомъ и собраніемъ книга препоручается одному изъ членовъ по его на то согласію, въ обоихъ языкахъ искусному. При семъ наблюдать должно, чтобы книга переводима была съ того языка, на которомъ она отъ сочинителя писана.

3.

Перевода книги во многихъ томахъ или частяхъ состоящая, разнымъ членамъ препоручать не должно: въ противномъ случаѣ слогъ былъ бы разнообразенъ, а потому и переводъ будетъ не токмо не согласенъ, но даже противенъ намѣренію, съ какимъ академія преложеніе классическихъ писателей предпріемлетъ. Если же какія-либо непредвидимыя или внезапныя обстоятельства воспрепятствовали бы члену, пріявшему на себя переводъ продолжать оный, то академія препоручаетъ его другому кому либо изъ своихъ членовъ.

4.

Окончанный и представленный въ академію переводъ читается или въ собраніи или въ нарочно для того назначенномъ комитетѣ изъ желающихъ членовъ. По прочтеніи и утвержденіи подписаніемъ президента отдается оный переводъ тисненію.

5.

Предложеніе классическихъ писателей предоставляется единственно членамъ академіи. Если же, паче чаянія, никто изъ членовъ не приметъ на себя перевода какой-либо книги, предложеніе которыя весьма нужно, и полезно для словесности, напри- мѣръ: Фукидидъ, Демосоенъ и проч., тогда академія препору- чаетъ переводъ таковой книги кому либо изъ постороннихъ, ко- его искусство и знаніе въ обоихъ языкахъ ей извѣстно.

6.

Награда есть поощреніе къ трудамъ: высокомонаршая жъ щедрота на трудящихся къ пользѣ и просвѣщенію отечества обильно изливается. Посему президентъ и собраніе да назначать приличное возмездіе пріившему на себя предложеніе какой либо классической книги за каждый листъ подлинника, а не съ пере- вода. Ибо трудящійся въ предложеніи не долженъ ожидать за труды свои награжденія до того времени, когда переводъ его напечатанъ будетъ: и сіе возмездіе да получаетъ онъ по мѣрѣ своихъ успѣховъ въ переводѣ.

О ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ.

1.

Главнѣйшая цѣль при изданіи академіею ежемѣсячныхъ про- запескихъ и стихотворческихъ сочиненій состоитъ въ томъ, чтобы доставить публикѣ изящныя сочиненія, и тѣмъ подать примѣръ и способы сочинителямъ трудиться въ стихотворствѣ и въ прочихъ до словесности касающихся предметахъ. И для того онѣ должны быть писаны чистымъ, яснымъ и предлагае- мому предмету приличнымъ слогомъ.

2.

Къ сообщенію сочиненій, предметъ новаго сего академіи упражненія составлять долженствующихъ, пригласить всѣхъ го-

сподъ членовъ какъ въ столицѣ сей пребываніе имѣющихъ, такъ и въ другихъ городахъ живущихъ.

3.

Въ таковыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ должны имѣть мѣсто какъ подлинныя, російскія сочиненія, такъ и переводы, до словесныхъ токмо наукъ относящіяся, и потому въ нихъ заключаться могутъ:

- 1) Объясненія російскихъ древностей.
- 2) Частныя описанія достопамятностей російскія исторіи и знаменитыхъ новѣйшихъ происшествій.
- 3) Похвальныя слова російскимъ государямъ, знаменитымъ мужамъ или наукамъ.
- 4) Извлеченія знаменитыхъ писателей, до правилъ словесныхъ наукъ касающіяся.
- 5) Разнаго рода стихотворенія, какъ то, торжественныя, похвальныя и нравоучительныя оды, басни, посланія, элегіи, нравственныя письма, мадригалы, сонеты и проч.
- 6) Сочиненіе, содержащее въ себѣ неблагопристойное, вредное нравамъ и кому-либо лично оскорбительное въ сихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ мѣста имѣть не будетъ.

4.

Въ нынѣшнія просвѣщенныя времена, въ которыя вкусъ и охота къ словеснымъ наукамъ довольно распространились, много находится и въ Россіи такихъ особъ, кои съ похвалою занимаются въ стихотворствѣ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Таковыхъ академія російская можетъ пригласить чрезъ прибавленіе къ С.-п.-бургскимъ вѣдомостямъ, дабы они благоволили принять въ семъ общеплезномъ ея трудѣ участіе сообщеніемъ академіи стихотворческихъ и прозаическихъ своихъ сочиненій, которыя она, по разсмотрѣніи, предавать тисненію не преминетъ.

5.

Къ изданію въ свѣтъ таковыхъ твореній академія не прежде приступить можетъ, какъ собравъ предварительно достаточное на цѣлый годъ количество матеріаловъ; и тогда будетъ выдавать оныя каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ, отъ пяти до семи листовъ въ себѣ содержащей. Но для такого изданія долженъ быть особый комитетъ, который бы присылаемыя сочиненія читалъ, разсматривалъ и къ тисненію одобрявалъ»¹⁸⁶).

На рукописи помѣтка Нартова: «Читано и согласно определено быть по сему».

Преемникъ Нартова Шишковъ, желавшій придать академической дѣятельности самыя широкіе размѣры, насчитывалъ одиннадцать главныхъ предметовъ, на которые, по его мнѣнію, академія должна обратить свое вниманіе. Они указаны въ слѣдующемъ предложеніи Шишкова, какъ президента академіи:

«Входя въ упражненія российской академіи, хотя и нахожу я, что она со времени возобновленія своего, оживленная монаршими щедротами, получила новый блескъ и принесла немалые успѣхи, а именно: словарь по азбучному порядку приводится къ окончанію, издала девять частей академическихъ Извѣстій, сдѣлала нѣкоторые съ иностранныхъ языковъ весьма полезныя переводы, учредила особые комитеты для разсматриванія присылаемыхъ въ нее сочиненій, изъ коихъ за тѣ, кои одобрены ею, награждала и награждаетъ писателей денежными пособіями и медалями; сверхъ сего устроила типографію, приумножила бібліотеку и другія многія вещи совершила и привела въ порядокъ. Но желая еще болѣе увеличить ревность ея и успѣхи, я почитаю за нужное исчислить здѣсь всѣ тѣ творенія, въ коихъ настоитъ совершенная надобность и о которыхъ трудолюбивые члены могутъ, на извѣстныхъ положеніяхъ, приложить свое попеченіе. Оныя, по моему мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ:

I. Словарь по корнямъ, или словопроизводный.

Примѣч. Словарь сей нужнѣйшій и единственный, могущій

положить твердое основаніе нашему отечественному языку и подать свѣдѣніе о составѣ и началахъ всѣхъ вообще языковъ, требуетъ, конечно, великихъ трудовъ и соображеній; но въ академическихъ Извѣстіяхъ отчасти положенъ уже къ тому путь, такъ что со временемъ можно ожидать плода отъ многихъ сдѣланныхъ тамъ изслѣдованій и объясненій, если оныя обратятъ на себя вниманіе людей, дѣйствительно ученыхъ и помышляющихъ о прочной пользѣ и славѣ отечественнаго языка своего.

II. Словарь сравнительный всѣхъ славенскихъ нарѣчій.

Примѣч. Сей словарь долженъ быть составленъ по азбучному порядку, начиная съ російскаго языка, и присовокупляя ко всякому слову онаго всѣ соответствующія ему слова всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тѣми письменами, какія у нихъ употребительны. Для сего надлежитъ сперва исчислить всѣ нарѣчія, дабы ставить ихъ всегда одно за другимъ въ одинакомъ порядкѣ, и тѣмъ буквамъ, которыхъ нѣтъ въ латинской азбукѣ, какъ-то: *ч, ш, щ, я* и проч. сдѣлать особливую табличку, показующую, какъ оныя пишутся. Иностранные языки не должны въ словарь сей входить; однакожъ не бесполезно было бы помѣщать въ скобкахъ тѣ изъ словъ ихъ, которыя очевидно имѣютъ одинъ корень и одинакое значеніе съ славенскими. Главный, но весьма полезный, трудъ при сочиненіи сего словаря долженъ состоять въ томъ, чтобъ обогатить оный примѣчаніями на тѣ названія, которыя почерпнуты изъ общаго языка, но отъ иныхъ источниковъ. Нѣкоторыя изъ сихъ словъ, хотя и различны съ нашими, напр. наше: *предпріятіе* и богемское: *predsevzeti*, или наше: *бабка повивальная* и кроатское: *piporezka*, однакожъ мы легко понимать ихъ можемъ, и потому кажется излишно дѣлать на нихъ замѣчанія; но другія нескоро могутъ приходиться на память, какъ, напр. наше: *вредъ* и богемское: *kaz* (отъ *исказить, искажаю*) или польскія: *chuc'* — склонность, *chustka* — платокъ (первое отъ *хоть, хотѣніе*; а второе отъ *холстъ, холстина*), и имъ подобныя. Таковыя слова надлежитъ хотя кратко объяснять, или подводить ихъ подъ тѣ наши слова, которыя происхожденіе ихъ довольно

ясно показывають, какъ-то: богемское *kaz* ставить не подъ словомъ *вредъ*, но подъ словомъ *искаженіе*; польскія: *chub*, *chustka*, не подъ словами: *склонность*, *платокъ*, но подъ словами: *хотѣніе*, *холстъ*. Также нехудо замѣчать и тѣ употребительныя у насъ иностранныя названія, которыя замѣняютъ они славенскими словами; такъ на примѣръ: *аллею* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ называютъ *древорядъ*; *театръ* побогемски: *divadlo* (отъ глагола *дивлюсь*); *актеръ* побогемски: *hrasz* (отъ глагола *играю*), подалматски: *hlitasz* (отъ глагола *глумлюсь*), и такъ далѣе.

III. Словарь технической, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и рукодѣляхъ.

Примѣч. Сей словарь можетъ сочиняемъ бытъ разными лицами, кто какую часть охотнѣе возьмется описывать. Желательно, чтобъ любовь къ своему языку торжествовала въ семь словарѣ надъ слѣпою привязанностію къ навыку употреблять иностранныя слова, и чтобъ вмѣсто: *миѳологія*, *астрономія*, *географія*, *перпендикуляръ*, *экваторъ*, *металлъ*, *метафора* и проч. читали мы опредѣленія оныхъ подъ словами: *баснословіе*, *звѣздословіе*, *землеописаніе*, *отцовъ*, *равноденственникъ*, *крушецъ*, *иносказаніе*, и проч. Въ подобномъ случаѣ надлежитъ руководствоваться разсудкомъ, а не глумленіями тѣхъ, которые знаніе свое основываютъ не на силѣ языка и чтеніи книгъ, но только на одной наслышкѣ.

IV. Словарь словесныхъ наукъ, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ умословіи, стихотворствѣ, исторіи, риторикѣ и грамматикѣ.

Примѣч. Сей словарь долженъ на такихъ же правилахъ быть сочиняемъ, какъ и предыдущій. Надлежитъ при точныхъ опредѣленіяхъ и объясненіяхъ обогатить его избранными изъ отличныхъ писателей примѣрами, точно соотвѣтствующими тому правилу, какое выше объясняется. Избраніе примѣровъ составляетъ существенное достоинство сего словаря.

V. Риторика всеобщая.

Примѣч. Подъ симъ названіемъ обыкновенно разумѣемъ мы науку краснорѣчія, содержащую въ себѣ правила, во всякомъ

языкъ наблюдаемыя. Такова есть риторика Ломоносова, и другія, ей подобныя. Въ нихъ видимъ мы мѣста и примѣры, могушіе быть переводимы съ одного языка на другой почти тѣми же словами и оборотами, не теряя своего достоинства, и показуемыхъ ими правилъ. Но, кажется, для лучшаго знанія свойствъ собственнаго языка своего не бесполезно бы было сочиненіе такой книги, въ которой бы преимущественно о немъ одномъ толковалось. При сравненіи языковъ одного съ другимъ полезно отыскивать общій корень ихъ, дабы видѣть теченіе мыслей человѣческихъ изъ одного и того жъ начала; но каждый языкъ имѣетъ свое свойство, и потому для каждаго изъ нихъ будетъ порчею, когда употреблять оный по свойству другаго, какъ наприм. русскимъ языкомъ говорить пофранцузски, или французскимъ порусски. По сей причинѣ, а равно и въ исполненіе устава академическаго (глав. II § 1), кромѣ риторики всеобщей необходимо нужно сочинить:

VI. Риторикѣ частную, или особенную, разсуждающую о красотахъ стихотворства и краснорѣчія, особенно русскому языку свойственныхъ, изъ его источниковъ почерпнутыхъ и ему единственно принадлежащихъ.

Такое сочиненіе можетъ состоять изъ слѣдующихъ разсужденій: 1) о древности славенскаго языка; 2) о постепенныхъ измѣненіяхъ его до нынѣшняго нарѣчія; 3) о существенной разности того, что безъ всякой опредѣленности называютъ славенскимъ и русскимъ языкомъ, отъ чего рождаются превратныя ко вреду обоихъ понятія. Не столько нужно показать грамматическую между сими языками разность, которая мала и всякому извѣстна, сколько принадлежность одного изъ нихъ къ высокому, а другаго къ простому слогу, и наблюденія приличія въ смѣшаніи оныхъ. Обстоятельство, хотя и всякому языку свойственное, однако нашему несравненно въ превосходнѣйшей степени, потому что ни одинъ языкъ не требуетъ толь великаго различія въ словахъ, составляющихъ высокую и простую рѣчь; 4) можно присовокупить къ сему собраніе отличныхъ краткостію и силою выраженій или мѣстъ, избранныхъ изъ священныхъ писаній.

5) Собрание особенныхъ, нашему токмо языку свойственныхъ реченій и оборотовъ, избранныхъ изъ народныхъ пѣсень, сказокъ, пословицъ и проч. Все сіе долженствуетъ быть сопровождено здравыми разсужденіями, основательными примѣчаніями и хорошими примѣрами, такъ, чтобы изъ сей необширной, но достаточной совокупности можно было хотя отчасти пріобрѣсть то познаніе въ языкѣ, которое не иначе пріобрѣтается, какъ долговременнымъ упражненіемъ и чтеніемъ многихъ книгъ.

VII. Грамматика.

Примѣч. Всѣ наши грамматики, начиная отъ первой до послѣдней, суть списки, или подражанія грамматикамъ чужихъ языковъ, и слѣдственно должны заключать въ себѣ многіе недостатки, а можетъ быть и погрѣшности, ибо, какъ уже выше замѣчено, всякій языкъ имѣетъ свои свойства и свои правила, различныя съ другимъ. По сей причинѣ нужно бы было, не увлекаясь чужими грамматиками, заняться подробными изслѣдованіями языка своего, дабы на нихъ основать и составить тотъ вѣрный чертежъ онаго, какой грамматика представлять долженствуетъ. Сравнимъ нашъ языкъ, напримѣръ, съ французскимъ: въ нашемъ находимъ многіе корни, пустившіе отъ себя до двухъ тысячъ вѣтвей и болѣе, тогда какъ во французскомъ едва ли найдется корень съ пятьюдесятью вѣтвями; въ составленіи нашего языка предлоги имѣютъ великое, во французскомъ, напротивъ, малое участіе; нашъ языкъ управляется падежами, а ихъ членами; нашъ въ расположеніи словъ свободенъ, а ихъ связанъ; нашъ изобилуетъ увеличительными, уменьшительными, усѣченными именами, а французскій почти совсѣмъ ихъ не имѣетъ. Однимъ словомъ, составы сихъ двухъ языковъ, во многомъ весьма различны: какимъ же образомъ чертежи ихъ (т. е. грамматики) могутъ быть сходны и снимаемы одинъ съ другаго?

VIII. Поэзія.

Примѣч. Правила стихотворства между двумя языками могутъ быть болѣе общи; а потому особенности для нашего должны состоять токмо въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, какъ напри-

мѣръ въ ограниченіи вольности сокращенія, растяженія, убавленія и ударенія словъ. Также въ участіи уха, которое при оцѣнкѣ стиховъ есть судія, едва ли не равностепенный съ разумомъ. Правила сіи потому нужно согласить съ свойствами языка, что вольности сіи съ одной стороны необходимо нужны въ стихотворствѣ, а съ другой, будучи неограничены и произвольны, могутъ приносить вредъ и языку, и стихотворству.

IX. Собраніе отличныхъ сочиненій, избранныхъ изъ російскихъ писателей.

Примѣч. Выборъ сей нѣтъ надобности поручать особенно кому-либо изъ гг. членовъ; но всякій можетъ въ академическія засѣданія приносить то, что онъ по своему мнѣнію найдетъ достойнымъ помѣщенія въ сію книгу. Тогда академія, по прочтеніи и достаточномъ о томъ разсужденіи и примѣчаніяхъ, утвердитъ или не утвердитъ оное. Когда такимъ образомъ наберется довольно для составленія первой части, то и приступитъ къ изданію оной. Выборъ сей долженъ простираться на всѣ роды сочиненій, не исключая и самыхъ древнихъ, ибо красота мыслей въ старинной одеждѣ часто бываетъ несравненно лучше одѣтаго по модѣ пустословія. Въ мѣстахъ, которыя въ цѣлости отлично хороши, но изрѣдка вставлены несоотвѣтствующія тому выраженія или слова, должно сіи послѣднія замѣчать и оговаривать. Нехудо въ семъ собраніи помѣщать и переводы, удачно предложенные, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, съ приложеніемъ подлинника.

X. Преложеніе на російскій языкъ иностранныхъ классическихъ писателей, и преимущественно древнихъ.

Примѣч. Избранную книгу долженъ переводить одинъ кто-нибудь изъ членовъ академіи. Достоинство такихъ переводовъ состоитъ въ томъ, когда они съ подлинникомъ вѣрны, а въ чтеніи кажутся быть сочиненными на русскомъ языкѣ. Такие переводы, прежде напечатанія ихъ, комитетъ разсматривательный, учрежденный при академіи марта 8 дня 1819 года, долженъ прочитывать вмѣстѣ съ подлинникомъ и представлять

мнѣніе и замѣчанія свои академіи, которая, судя по тому, приступаетъ къ изданію оныхъ, или отлагаетъ до лучшаго исправленія.

XI. Составленіе правилъ для единообразнаго правописанія.

Примѣч. Для сего нужно замѣчать вводимое въ нашъ языкъ, не основанное ни на какихъ правилахъ и разсужденіяхъ, новое правописаніе, и стараться ясными доказательствами отвращать отъ онаго. Академія же должна опредѣлить для себя правила и постоянно держаться оныхъ.

Сія суть главные предметы, на которые академія должна обратить свое вниманіе. Конечно, никто частно не въ состояніи сего исполнить, но вообще согласное всѣхъ членовъ о пользѣ и славѣ своего сословія раченіе и усердіе можетъ со-временемъ достигнуть до великихъ успѣховъ. Для поощренія къ симъ важнымъ упражненіямъ и трудамъ полагаю я нужнымъ сдѣлать слѣдующія постановленія:

1) Сочиненіе словаря по корнямъ предоставляется каждому члену, на основаніяхъ, объясненныхъ въ академическихъ Извѣстіяхъ, но которыя и здѣсь кратко изложить можно, а именно: а) разсмотрѣніе корня, сколько пустилъ онъ отъ себя колѣнъ, и сколько при каждомъ колѣнѣ вѣтвей; б) подробное сихъ вѣтвей исчисленіе съ опредѣленіемъ значенія каждой изъ нихъ и съ присовокупленіемъ къ каждой отысканнаго въ книгахъ, или нарочно сочиненнаго, хорошаго примѣра, одного или нѣсколькихъ. Когда отъ кого такимъ образомъ представленъ будетъ одинъ или многіе описанные и въ порядокъ приведенные корни со всѣми происшедшими отъ нихъ колѣнами и вѣтвями, и когда академія сей трудъ приметъ и одобритъ, тогда сочинителю дается по расчисленію за каждый печатный листъ такая награда, какая полагается за всякое другое одобренное сочиненіе. Академія, выдавъ награжденіе, хранитъ сіе сочиненіе въ рукописи, доколѣ не соберетъ столько, что можетъ приступить къ изданію всего словаря.

2) Словари: сравнительный всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тех-

нической и словесныхъ наукъ могутъ на такомъ же основаніи быть сочиняемы. Если усмотрѣно будетъ, что который-либо изъ нихъ требовалъ бѣльшихъ трудовъ, нежели другой, то разсматривательный комитетъ къ опредѣленной за сочиненіе наградѣ можетъ представлять о прибавкѣ оной, или о награжденіи сверхъ того медалію, буде не болѣе одного или двухъ человекъ надъ тѣмъ трудились.

3) За сочиненіе риторики, грамматики и поэзіи не можно иначе положить награжденія, какъ по окончаніи всего труда. Сочинитель не можетъ усумниться въ признательности академіи, когда представитъ ей трудъ, достойный ея уваженія.

4) Собраніе отличныхъ сочиненій есть дѣло общее всей академіи, а потому и не полагается за то никакой награды, развѣ когда усмотрится въ комъ особое къ тому тщаніе и прилежаніе: тогда президентъ не упуститъ сего замѣтить и предложить академіи о наградѣ.

5) Вразсужденіи перевода на російскій языкъ классическихъ писателей, академія сама назначаетъ, какія именно книги должны быть переведены. Однакожь каждый членъ можетъ выбрать для себя книгу, и представить оную академіи, которая, по изъявленіи на то согласія, записываетъ ее въ число избранныхъ ею для перевода книгъ. Всякая книга не иначе переводится, какъ съ того языка, на которомъ сочинена.

6) Награда за принятый и одобренный отъ академіи переводъ полагается, смотря по достоинству и трудности перевода, также по величинѣ буквъ, коими печатанъ подлинникъ, отъ 40 до 60 рублей за печатный листъ подлинника. Трудившійся въ переводѣ получаетъ плату по принятіи перевода его, не ожидая напечатанія онаго.

7) Награда за сочиненіе, по той же соразмѣрности, полагается отъ 60 до 100 рублей.

8) Переводъ со стиховъ въ стихи считается наравнѣ съ сочиненіемъ.

9) Переведшій или сочинившій книгу, получа за нее награду, оставляетъ книгу въ собственность академіи.

10) Разсматривательный комитетъ, имѣя обязанность прочитывать каждую отосланную въ него книгу, дѣлать свои на нее замѣчанія и представлять мнѣніе свое академіи, не можетъ иначе сего исполнять, какъ собираясь одинъ или два дня въ недѣлю сверхъ обыкновенныхъ академическихъ собраний, а потому, неся излишніе труды, долженъ за оныя получать какое-либо опредѣленное возмездіе. Оное полагается въ денежной наградѣ, и по прошествіи шестнадцати собраний выдается каждому члену 224 рубля, съ вычетомъ за каждое собраніе, если кто въ ономъ не былъ».

Предложеніе Шишкова не было гласомъ вопіющаго въ пустынь. По крайней мѣрѣ такъ казалось на первыхъ порахъ: работы сейчасъ-же были распределены. Члены академіи, по вызову Шишкова, приняли на себя слѣдующіе труды:

Н. Я. Озерецковскій — переводъ на русскій языкъ *Quintiliani Institutiones oratoriae*, съ латинскаго подлинника, по парижскому изданію шестнадцатаго столѣтія.

П. М. Карabanовъ и А. С. Никольскій — сочиненіе словаря словесныхъ наукъ.

А. Ѳ. Севастьяновъ — переводъ съ англійскаго языка на русскій Блэровой риторики.

Я. Д. Захаровъ — сочиненіе словаря ремесль и рукодѣлій.

П. И. Соколовъ и А. X. Востоковъ — составленіе словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій¹⁶⁷).

XXX.

Такимъ образомъ на академію возлагаемы были обязанности, не только весьма сложныя, но даже и невыполнимыя. Отъ нея требовали составленія четырехъ обширныхъ словарей, грамматики, риторики, піитики, логики, исторической хрестоматіи, и т. д. Сверхъ того, академики должны были заниматься перево-

дами на русскій языкъ образцовыхъ произведеній иностранныхъ писателей, и издавать журналъ, который бы оказывалъ влияние на литературу и знакомилъ общество съ содержаніемъ и направленіемъ академической дѣятельности.

Посмотримъ же, до какой степени академія оправдала тѣ смѣлыя надежды, которыя возлагали на нее составители «начертаній» и «предложеній», и что въ дѣйствительности получили отъ нея литература и общество.

Какъ для обогащенія языка считали весьма полезнымъ придумывать новыя слова и замѣнять иностранныя русскими, такъ для обогащенія литературы признавали необходимымъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ на русскій и предлагать задачи для сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ.

Россійская академія, «употребляя всевозможныя средства къ распространенію Россійской словесности и къ вѣдшему поощренію дарованій упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, по предложенію г. президента А. А. Нартова, единогласно положила задать, изъ награжденія, слѣдующіе къ сочиненію на отечественномъ языкѣ нашѣмъ предметы:

Похвальное слово царю и самодержцу всероссійскому Іоанну Васильевичу IV.

Похвальное слово Минину и Пожарскому.

Разсужденіе о началѣ, успѣхахъ и распространеніи словесныхъ наукъ въ Россіи по нынѣшнее время»¹⁶³).

Академія предлагала также награды за сочиненіе похвальныхъ словъ: царю Алексѣю Михайловичу, Петру Великому, Ломоносову, Сумарокову, Хераскову, Лепехину, и т. д.

Въ числѣ предложенныхъ задачъ находились и слѣдующія:

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, содержаніе которой должно быть заимствовано изъ отечественной исторіи.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ или въ прозѣ: содержаніе должно быть заимствовано изъ народныхъ нравовъ и обычаевъ¹⁶³).

Академіи приходилось по нѣсколько разъ повторять свои за-

дачи, потому что большая часть присылаемых «упражнений въ словесности» не выдерживала самой снисходительной критики.

Какъ на особенность для того времени, можно указать на *трагедію безъ любви*, присланную на судъ академіи. По укоренившимся воззрѣніямъ, основою трагическаго дѣйствія неизбѣжно должна быть *любовь*, какъ самая сильная изъ страстей: трагедія безъ любви — говорили теоретики — то же, что тѣло безъ души. Одинъ изъ тогдашнихъ литераторовъ отважился поступить вопреки господствующему обычаю, и не скрылъ отъ академіи своихъ опасеній за сдѣланный имъ смѣлый шагъ. Обращаясь къ своимъ судьямъ, онъ говоритъ:

«Вы требовали чрезъ газеты на нашемъ языкѣ трагедію. Воля только знаменитой академіи есть для меня священный законъ. Примите, милостивые государи, сей посильный трудъ мой; найдите въ немъ ошибки, и будьте моими учителями.

Какое ободреніе для трудящихся въ російскомъ словѣ! Какая похвала въ потомствѣ знаменитому вашему собранію! Вы желаете имѣть трагедію, и обѣщаете за оную награжденіе. Безъ сомнѣнія, милостивые государи, всякая академія покровительствуемая монархомъ удобна произвести *Эсхилова*, *Софоклова* и *Расинова*.

Російскій театръ требуетъ великихъ трудовъ дабы наша сцена сравнилась со сценою французскою, и едва ли еще на сіе не требуется многихъ вѣковъ. Ежели позволите мнѣ сказать, причина тому есть та, что возникающіе умы, одаренные геніемъ отъ природы, просвѣщенные лучами наукъ, не имѣютъ ни состоянія, ниже ободренія посвятить себя славѣ отечества. Таковыя переводятъ съ иностранныхъ языковъ романы, и переводчики находятъ больше читателей, чѣмъ сами сочинители; ибо кругъ невѣждъ пространнѣе чѣмъ кругъ ученыхъ. Но вы, милостивые государи, вступая за честь, богатство, и красоту отечественнаго языка, хотите его сравнить съ лутчими въ Европѣ, то есть, сдѣлать чтобы прочіе иностранцы имѣли причину намъ завидовать.

Я повергаю предъ вами мою трагедію со всѣми ея несовершенствами, но первую на нашемъ языкѣ безъ любви, что и испрашиваетъ нѣсколько вашего снисхожденія. Вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ мнѣ, сколь трудно сочинить трагедію безъ любви, гдѣ должны страсти говорить во всей ихъ силѣ. Я слыхалъ, отъ многихъ ученыхъ иностранцевъ, что русскіе авторы могутъ выводить на сцену однихъ только русскихъ героевъ, ибо де нравы имъ оныхъ больше извѣстны. По справедливости нашъ трагикъ г. Сумароковъ кромѣ русскихъ героевъ въ своихъ піесахъ не представлялъ, но не оттого, чтобъ онъ не умѣлъ вывести на сцену другихъ. Я слишкомъ слабъ, дабы опровергнуть мнѣніе иностранцевъ, однако, сколько могъ, старался представить справедливѣе древнихъ римлянъ на нашей сценѣ. Царствованіе Нумы Помпилія есть эпоха въ римской исторіи, ибо онъ тамъ былъ первый законодатель, и въ моей трагедіи занимаетъ мѣсто главнаго лица, на которомъ основана вся піеса.

Ежели вы, милостивые государи, ободрите меня къ прохожденію труднаго сего поприща, ибо состояніе мое требуетъ вашего покровительства, обѣщаюсь, вскорѣ послѣ сего, прислать на ваше разсмотрѣніе еще другую трагедію, за которою немедля послѣдуетъ *Петріада*, поэма эпическая, кою я уже привожу къ окончанію»¹⁷⁰).

Обычай предлагать задачи для соисканія наградъ издавна усвоенъ французскою академіею. Втеченіе чуть не цѣлаго столѣтія, по вызову академіи, восхваляли въ стихахъ подвиги и добродѣтели Людовика XIV. Академическія награды присуждаемы были, съ замѣчательною послѣдовательностью, такого рода *стихотвореніямъ*, наводнявшимъ французскую литературу.

— Успѣхи астрономіи въ царствованіе Людовика-Великаго.

— Успѣхи живописи въ царствованіе Людовика-Великаго.

— Успѣхи мореплаванія въ царствованіе Людовика-Великаго.

— Успѣхи инженернаго искусства въ царствованіе Людовика-Великаго, и т. п.

Одною изъ любимѣйшихъ задачъ французской академіи было сочиненіе *Похвальныхъ словъ* писателямъ. Академическими наградами увѣнчаны *Похвальные слова*: Декарту, Мольеру, Буало, Корнелю, Монтескье, Роллену, Фенелону, Жанъ-Жаку Руссо и другимъ литературнымъ знаменитостямъ ¹⁷¹).

Для соисканія наградъ были предложены российской академіею, въ 1809 году, слѣдующія задачи:

- 1) Похвальное слово императору Петру Великому.
- 2) Похвальное слово великому князю Владимиру Мономаху.
- 3) Похвальное слово Михаилу Матвѣвичу Хераскову.
- 4) Похвальное слово Петру Дмитриевичу Еропкину.
- 5) Поэма стихами на побѣду великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго.
- 6) Трагедія, стихами, изъ русской исторіи.
- 7) Комедія, стихами или прозою, изъ народныхъ нравовъ и обыкновений.

Вслѣдствіе этого присланы были въ академію четыре похвальные слова, двѣ комедіи, одна трагедія и одна поэма:

1) Похвальное слово Петру Великому — съ девизомъ: «Имъ же вся быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть».

2) Похвальное слово Владимиру Мономаху — съ девизомъ: «Дѣла геройскія описывать полезно отечеству».

3) Похвальное слово генераль-аншефу П. Д. Еропкину — съ девизомъ: «Рѣдкія заслуги соплѣтаютъ вѣнецъ благодарности».

4) Другое похвальное слово Еропкину — съ девизомъ: *Tu ne sede malis, sed contra audentior ito.*

5) *Старожилость* — комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; съ девизомъ: *Labor vincit omnia.*

6) *Калтыка*, или *Всякій имѣетъ свои недостатки* — комедія, въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; съ девизомъ: «Жертва Богу духъ сокрушенъ».

7) Трагедія подъ названіемъ: *Утопшіе три брата* — съ девизомъ: *Felix quem faciunt aliena pericula cantum.*

8) Поэма на побѣду вел. кн. Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ — безъ девиза.

По прочтеніи всѣхъ этихъ сочиненій въ академическихъ собраніяхъ признано, что ни одно изъ представленныхъ произведеній не заслуживаетъ награды за исключеніемъ похвальнаго слова Еропкину съ девизомъ: *Tu ne sede malis* и проч. О другомъ похвальномъ словѣ Еропкину, также какъ и о похвальномъ словѣ Владимиру Мономаху, замѣчено, что они не только не могутъ быть одобрены, но и не заслуживаютъ никакого вниманія. «Прослушавъ всю комедію *Калъка*, академическое собраніе «нашло, что сочиненіе сіе, хотя и находятся въ немъ нѣкоторыя изрядныя явленія, но вообще неудовлетворительно и не заслуживаетъ обѣщаннаго академіею за лучшую комедію награжденія, потому что свойства нѣкоторыхъ лицъ, въ оную введенныхъ, изображены надостаточно, а иногда и неточно; развязка сдѣлана неискусно; языкъ неведѣ чистъ, и выраженія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ низки и неправильны».

Несмотря на цѣлый рядъ неудачныхъ опытовъ, академія порѣшила пригласить любителей словесности къ сочиненію:

1) Похвальнаго слова графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому.

2) Похвальнаго слова Александру Васильевичу Суворову, князю италійскому и графу рымникскому.

3) Похвальнаго слова Михаілу Матвѣевичу Хераскову.

4) Героической пѣсни на побѣду Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ.

5) Трагедіи въ пяти дѣйствіяхъ, стихами.

Прочія же задачи, а именно: похвальныя слова Петру Великому и Владимиру Мономаху, а также и сочиненіе комедіи, — «разсуждено отмѣнить»¹⁷²).

Въ непосредственной связи съ задачами для соисканія наградъ находятся статьи, помѣщавшіяся въ академическихъ изданіяхъ, а также рѣчи и стихи, которые читались въ торжественныхъ собраніяхъ академіи. Какъ въ задачахъ на преміи, такъ

и въ статьяхъ, рѣчахъ и стихотвореніяхъ, выражаются, болѣе или менѣе ярко, литературныя и филологическія понятія, господствовавшія въ средѣ російской академіи.

Для перваго повременнаго изданія академіи члены ея обѣщали доставить статьи:

1) Какія дарованія и знанія потребны тому, кто хочетъ быть стихотворцемъ.

2) Наставленія касательно разныхъ родовъ поэзіи, «начавъ съ мелкихъ стихотвореній и продолжая до самыхъ важныхъ».

3) О краснорѣчии вообще; о качествахъ и знаніяхъ витіи.

4) Похвальное слово государямъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ просвѣщенію Россіи, и т. д. ¹⁷³).

Выборъ «задачъ», или чтеній, въ академическихъ собраніяхъ происходилъ иногда посредствомъ балотировки. Такимъ образомъ изъ семи предложенныхъ задачъ выбрано было только двѣ. Предложены были слѣдующія задачи ¹⁷⁴):

1) Написать разсужденіе о краснорѣчии св. писанія.

2) Показать, въ чемъ состоитъ эстетика; чѣмъ она различается отъ риторики; чего не доставало въ риторикѣ прежде, нежели выдумали эстетику. Наконецъ — доказать, какая отъ эстетики польза для учащихся.

3) Написать разсужденіе, въ коемъ надлежитъ доказать, въ какомъ столѣтіи, кѣмъ и какъ изобрѣтены, составлены или заимствованы и введены въ употребленіе въ Россіи славенскія буквы, или грамота, на чтеніе и письмо; какого рода и вида, или начертанія оныя были при своемъ началѣ и въ послѣдственныхъ измѣненіяхъ до нашихъ временъ.

4) Написать *стихами* разсужденіе о превосходствѣ російскаго языка надъ прочими европейскими относительно поэзіи, и опредѣлить качество знаменитыхъ нашихъ стихотворцевъ.

5) Сочинить разсужденіе о причинахъ упадка словесности какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена.

6) Показать, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и

сила російскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, очистить и усовершенствовать можно.

7) Какія въ употребленіи были у славянъ письма прежде составленія письменъ азбучныхъ славенски Меѳодіемъ-Константиномъ, и ежели тѣ первоначальныя письма, какъ нѣкоторыя мнятъ, были руническія, то какими достовѣрными памятниками утвердить то можно.

По произведенной балотировкѣ оказалось, что наибольшее число голосовъ соединили въ свою пользу двѣ задачи: о богатствѣ, красотѣ и силѣ русскаго языка и о краснорѣчій св. писанія. Вообще голоса распредѣлились въ такомъ отношеніи:

Первая задача	8	избират. и	5	неизбирательн.
Вторая	»	5	»	» 8
Третья	»	7	»	» 6
Четвертая	»	2	»	» 11
Пятая	»	3	»	» 10
Шестая	»	10	»	» 3
Седьмая	»	7	»	» 6

XXXI.

Россійская академія принимала на себя изданіе общепользныхъ, по ея мнѣнію произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, которыя обыкновенно разсматривались въ академическихъ засѣданіяхъ, причемъ дѣлаемы были разнаго рода измѣненія и поправки. Академія издержала десятки тысячъ рублей на изданіе книгъ, при выборѣ которыхъ руководствовалась частію сознаніемъ внутренняго достоинства издаваемаго труда, частію желаніемъ помочь авторамъ, поставленнымъ судьбою въ самыя неблагопріятныя условія для литературной дѣятельности. Россійскою академіею изданы:

Наука стихотворства, соч. профессора И. С. Рѣзскаго.

Россійская грамматика, Востокова.

Общій церковно-славяно-россійскій словарь, составленный П. И. Соколовымъ, и т. д.

Россійской академіи литература обязана изданіемъ *Иліады* въ переводѣ Гнѣдича.

Россійскою академіею изданы также:

Ключъ къ Исторіи государства россійскаго, составленный Строевымъ.

Книга большаго чертежа (второе изданіе), и др.

Россійская академія приняла на себя продолженіе изданія государственныхъ грамотъ и договоровъ, прерваннаго смертію государственнаго канцлера графа Румянцова.

Сочиненіе дѣвицы Ярцовой: *Полезное чтеніе для дѣтей* издано академіею на томъ основаніи, что «сочинительница отличается совершеннымъ знаніемъ отечественнаго языка, свѣдѣніями во многихъ наукахъ и весьма рѣдкою способностію излагать избранные ею предметы слогомъ чистымъ, весьма пріятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приспособленнымъ къ понятіямъ юныхъ ея читателей, такъ что сочиненіе это дѣйствительно можно назвать украшеніемъ нашей словесности» и т. д.

Издавая стихотворенія дѣвицы Шаховой, академія имѣла въ виду такого рода соображенія: «Немногія изъ новѣйшихъ писательницъ отличаются тою легкостію и свободностію стиха, ясностію мыслей, чистотою чувствъ, какими исполнены ея стихотворенія. Находясь въ бѣдности и чувствуя разстройство здоровья въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, дѣвица Шахова остается опорою и утѣшеніемъ матери, лишеной зрѣнія». Вслѣдствіе этого академія не только напечатала стихотворенія дѣвицы Шаховой, но и всѣ экземпляры предоставила въ ея пользу.

Узнавши, что «извѣстный по нравственности своихъ стихотвореній писатель Н. П. Шатровъ находится въ весьма ограниченномъ состояніи при совершенномъ лишеніи зрѣнія, академія поспѣшила принять на свой счетъ, въ его пользу, изданіе его стихотвореній»¹⁷⁵).

Сочувствіе академіи не только къ положенію, но и къ талан-

ту Шатрова нашла отголосокъ въ литературѣ. По отзыву одного изъ тогдашнихъ писателей, Шатровъ «всѣмъ былъ обязанъ природному уму и природному таланту. Псалмы Шатрова замѣчательны яркостію картинъ, силою выраженія и красотою языка» и т. д. Главный недостатокъ академическаго изданія заключается въ его неполнотѣ: «многое не вошло въ это изданіе, между прочимъ превосходная Ода на новый 1817 годъ и Подражаніе псалму 136-му, тоже отличающееся силою»¹⁷⁶).

XXXII.

Изъ числа произведеній, признаваемыхъ «совершенными образцами для упражняющихся въ словесности» президентъ Нартовъ предлагалъ сочленамъ своимъ перевести на русскій языкъ слѣдующія:

- 1) Юлія Кесаря—Записки о походѣ его въ Галлію, и проч.
- 2) Муретовы рѣчи.
- 3) Письма Цицероновы.
- 4) Письма Плиніевы.
- 5) Философскія сочиненія Сенеки.
- 6) Римскую исторію Тита Ливія.
- 7) Гейнекція—Объ основаніяхъ слога.
- 8) Корнелія Непота¹⁷⁷).

Еще ранѣ Нартовъ предлагалъ перевести съ латинскаго языка на русскій «всѣ стихотворенія Клавдіана, яко знаменитаго классическаго писателя». Одинъ изъ членовъ академіи изъявилъ желаніе перевести на русскій языкъ сочиненія Клавдіана, но не стихами, а прозою, и притомъ съ такимъ условіемъ, чтобы имя переводчика было скрыто отъ публики, и чтобы при переводѣ «исключать всѣ тѣ статьи и мѣста, въ которыхъ латинскій стихотворецъ нестрого наблюдалъ надлежащую благопристойность»¹⁷⁸).

Въ разное время переведены членами академіи и изданы россійскою академіею:

Лѣтопись Тацита, перевод. С. Я. Румовскимъ.

Саллустія—О войнѣ Катилины и о войнѣ Югурты.

Квинтилиана—Риторическія наставленія, и т. д.

Особенное значеніе имѣютъ изданныя россійскою академіею переводы:

Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ. соч. Бросса.

Ликей или курсъ словесности—Лагарпа.

Съ сочиненіемъ Бросса находятся въ тѣсной связи филологическія опыты членовъ россійской академіи и особенно Шишкова, многое почерпнувшего изъ этого источника. Книга Лагарпа почиталась въ своемъ родѣ единственною, полезною и необходимою, потому что въ ней «преподается истинное, подробное и совершенное понятіе о твореніяхъ древнихъ классическихъ писателей, оставившихъ потомству почти неподражаемые прилѣры во всякомъ родѣ стихотворства, витійства и бытописанія»¹⁷⁹).

Самымъ неудачнымъ предпріятіемъ академіи былъ переводъ на русскій языкъ сочиненія Бартеlemi: *Путешествіе Анахарсиса*. Множество засѣданій посвящено было чтенію и исправленію этого перевода; всему дѣлу приданъ былъ видъ чего-то чрезвычайно важнаго, а въ дѣйствительности оказалось, что время потрачено даромъ, и вмѣсто обогащенія литературы прибавился только новый поводъ къ нападкамъ на академію. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской науки того времени говоритъ, что не имѣлъ терпѣнія прочесть нѣсколькихъ листовъ «академическаго Анахарсиса», и прибавляетъ: «Такъ-то переводитъ академія, думающая быть учительницею въ россійской словесности»¹⁸⁰).

XXXIII.

Россійская академія, имѣя въ виду содѣйствовать, какъ ей казалось, развитію здравыхъ понятій филологическихъ и литературныхъ, предпринимала нѣсколько повременныхъ изданій.

Съ 1805 по 1842 годъ появилось пять повременныхъ изданій россійской академіи, а именно:

- Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею.
- Извѣстія россійской академіи.
- Повременное изданіе императорской россійской академіи.
- Краткія записки, издаваемыя отъ россійской императорской академіи.
- Труды императорской россійской академіи.

Первое повременное изданіе россійской академіи подъ названіемъ: *Сочиненія и переводы* состоитъ изъ семи частей, вышедшихъ втеченіе девятнадцати лѣтъ: Первая часть вышла въ 1805 году; вторая — въ 1806 году; третья — въ 1808 году; четвертая — 1810 году; пятая — въ 1811 году; шестая въ — 1813 году; седьмая и послѣдняя — въ 1823 году.

По словамъ Шишкова, говорившаго отъ лица академіи, главная цѣль изданія заключалась въ томъ, чтобы открытіемъ красотъ, свойственныхъ нашему языку, принести существенную пользу словесности и предохранить нашихъ писателей отъ чужезычія, причемъ на первомъ планѣ должны быть: подробный разборъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія и указаніе красотъ славянскаго языка ¹⁸¹⁾.

Въ Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ россійскою академіею, помѣщены:

— Извѣстія объ учрежденіи и занятіяхъ россійской академіи. Извѣстія эти доведены до конца 1805 года, и прекращаются въ шестой части.

— Похвальное слово Ломоносову, соч. Севергина.

— Похвальное слово Сумарокову, соч. Дмитревскаго.

— Похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу, соч. Львова.

— Вступительная рѣчь Ив. Ив. Мартынова.

— Рѣчь Нартова въ новомъ домѣ академіи.

— Рѣчь Мальгина: О состояніи въ Россіи древняго и новѣйшаго народнаго просвѣщенія.

— Шишкова: Разсужденіе о краснорѣчїи св. писанія.

— Его же: Примѣчанія на Слово о полку Игоревѣ.

— Его же: Разсмотрѣніе рѣчи Георгія Конисскаго.

— Его же: О звукоподражаніи.

— Его же: О сословахъ.

— Его же: Разговоръ между двумя прїятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой.

— Его же: Переводъ на русскій языкъ шестнадцатой пѣсни Иліады. Переводъ сдѣланъ по слѣдующему поводу: Шишковъ до того времени читалъ Иліаду только во французскомъ переводѣ; прїятель Шишкова замѣтилъ ему, что Гомера надо читать или въ подлинникъ или въ англійскомъ переводѣ Попе. Греческаго языка Шишковъ вовсе не зналъ, а англійскій зналъ весьма плохо; поэтому прїятель сталъ читать Иліаду по англійски, а Шишковъ переводилъ читаемое на русскій языкъ.

— Мартынова: Разсужденіе о качествахъ, писателю потребныхъ.

— Димосеена: Надгробное слово аѳинянамъ, убитымъ въ сраженіи при Хероней — переводъ Евгенія Болховитнова.

— Рѣчь Геллерта о причинахъ преимущества древнихъ писателей предъ новѣйшими, особливо въ стихотворствѣ и краснорѣчїи — переводъ Румовскаго.

— Богдановича: Добромысль, старинная повѣсть.

— Стихотворенія Державина, Хераскова, князя Серг. Ал. Шихматова, графа Хвостова, Карабанова, и др.

Одинъ изъ обычныхъ прїемовъ изданія заключался въ подновленіи языка ¹⁸²⁾. Нѣсколько примѣровъ мы уже указали; упомянемъ здѣсь о рукописномъ сочиненіи сотника черниговскаго полка Григорія Кузмѣнскаго, подъ заглавіемъ: «Петръ Великій, въ Елисаветѣ воскресшій. Року 1744». Воспроизводя въ академическомъ изданіи (Ч. II) эту похвальную рѣчь, Шишковъ говоритъ: «Она избилуетъ многими хорошими мыслями и выраженіями, но оныя смѣшаны съ нѣкоторыми обветшалыми и даже иностранными реченіями, таковыми какъ *кавалерійскій прогно-*

стихъ. Дабы извлечь сіе, впрочемъ весьма изрядное, сочиненіе изъ глубины забвенія, *разсудилъ я за благо переправить оное, перемѣнить темныя или недовольно сильныя мѣста*» и проч. Но внѣшній видъ надписи Шишкова почему-то нашелъ нужнымъ сохранить:

Отринь печаль твою,
 возрадуйся пакы, Россія,
 златые дни твои вспять возвратилися:
 Петръ воскресъ въ Елисаветѣ,
 Петръ,
 котораго великихъ дѣлъ
 ни исчислить, ни описать невозможно,
 ибо исчисленіе утомляетъ память,
 описаніе побѣждаетъ умъ.

Второе повременное изданіе, предпринятое академією, подъ названіемъ: *Извѣстія россійской академіи*, выходило втеченіе четырнадцати лѣтъ; всѣхъ книжекъ — двѣнадцать: первая вышла въ 1815 году, послѣдняя — въ 1828 году.

«Извѣстія россійской академіи» до того переполнены статьями Шишкова, что сама академія называла свой новѣйшій журналъ произведеніемъ, или «трудомъ» Шишкова, котораго, какъ автора «Извѣстій», и увѣнчала золотою медалью¹⁸³). По мнѣнію Шишкова, настоящее призваніе академіи — заниматься корнесловіемъ; все остальное — роскошь и праздное препровожденіе времени. Онъ говоритъ: «Чтеніе присылаемыхъ въ академію стихотвореній или иныхъ краснорѣчивыхъ писаній есть больше забава, нежели упражненіе. Настоящая обязанность академіи не есть заниматься стихами и краснорѣчіемъ; но изслѣдованіемъ *состава и разума словъ*, опредѣленіемъ правилъ и свойствъ *языка*, установленіемъ и *огражденіемъ его отъ порчи писателей, незнающихъ силы онаго*»¹⁸⁴). Понятно послѣ этого, что академическій журналъ посвященъ былъ почти исключительно корнесловію. На первомъ планѣ являются статьи Шишкова;

— Опытъ славенскаго словаря, или объясненіе силы и знаменованія коренныхъ и производныхъ русскихъ словъ, по недовольному истолкованію ихъ мало извѣстныхъ и потому малоупотребительныхъ.

— Опытъ словаря по корнямъ, иначе называемаго словопроизводнымъ и т. п.

Въ «Извѣстіяхъ российской академіи» помѣщены переводы Шишкова:

— Краледворская рукопись, съ подлинникомъ и объяснительными примѣчаніями.

— Опытъ изслѣдованія словопроизводства; изъ сочиненій аббата Мореллета, и др.

Въ «Извѣстіяхъ» печатались краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ «происшествіяхъ» въ российской академіи, а также и стихотвореніями, какъ напримѣръ: *Письмъ Сотворшему все*, князя Шихматова, и *Цейкса и Гамліона*, переводъ Жуковскаго.

Третій журналъ, вышедшій подъ именемъ *Повременнаго изданія императорской российской академіи*, состоитъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ первая вышла въ 1829 году, а четвертая и послѣдняя въ 1832 году. О содержаніи и направленіи этого журнала можно судить по его главнѣйшимъ статьямъ, а именно:

— Собранія языковъ и нарѣчій; составлено на основаніи сравнительнаго словаря Екатерины II, и представляетъ рядъ корней и вѣтвей, сближаемыхъ авторомъ по его личнымъ филологическимъ соображеніямъ.

— Краткое начертаніе о письменахъ славянскихъ, соч. Соларича; переводъ съ итальянскаго.

— О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ еракійскихъ и иллирійскихъ; соч. Аппендани; переводъ съ итальянскаго, и т. д.

Всѣ эти статьи принадлежатъ Шишкову, снабдившему свои переводы обильными примѣчаніями. Шишковымъ же переведены

нѣкоторыя произведенія — одни стихами, другія прозою, какъ напримѣръ: Асанова супруга; идиллія Свѣтлякъ; и т. п.

Стихотворный отдѣлъ академическаго журнала наполнялся преимущественно произведеніями Бориса Михайловича Федорова и князя Сергѣя Александровича Шихматова.

Четвертый журналъ выходилъ подъ такимъ заглавіемъ: *Краткія записки*, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности, издаваемыя отъ російской императорской академіи. Всего вышло три книжки: первая въ 1834 году, вторая и третья въ 1835 году. Въ настоящее время онѣ составляютъ библиографическую рѣдкость; поэтому приводимъ собственное свидѣтельство издателей академическаго журнала:

«Записки сіи не съ тою цѣлію издаются, чтобъ быть полными и послѣдственными въ языкѣ и словесности наставленіями, каковы суть; риторики, грамматики, словари и проч.; но съ тѣмъ, чтобъ въ сихъ важныхъ сочиненіяхъ быть помощію тому, кто ихъ предприметь. Онъ въ разныхъ отрывкахъ сихъ записокъ найдетъ многія замѣчанія, коими можетъ пользоваться, и которыя послужатъ ему къ облегченію его труда: такъ напримѣръ, сочиняющій риторикѣ, или иное какое о краснорѣчій разсужденіе, найдетъ въ нихъ выписанные изъ книгъ хорошіе примѣры, собранные и готовые для употребленія тѣхъ изъ нихъ, которые ему понадобятся: — Сочиняющій всякую другую учебную или неучебную книгу тожъ найдетъ собранные отсюду примѣры свойственныхъ и несвойственныхъ языку выраженій, изъ коихъ первыми, когда хочетъ писать по русски, наставлять себя, а отъ другихъ избѣгать долженъ. — Писатель грамматики можетъ также найти многія, касающіяся до сей науки замѣчанія. — Пристрастившійся къ употребленію иностранныхъ словъ увидитъ, что многимъ изъ нихъ есть соотвѣтствующія русскія слова, и что одинъ только навѣкъ, а не здравый разумъ, побуждаетъ его чужія предпочитать своимъ, столько же или еще больше знаменательнымъ. — Забвенію старыхъ и выдумыванію новыхъ словъ

приложится разборъ, довольно ли, и къ пользѣ ли языка, однѣ изъ нихъ оставлены, а другія вводятся. *Словопроизводство*, толь нужное для основательнаго познанія не только своего, но и всѣхъ другихъ языковъ: *словопроизводство, отгоняющее отъ очей нашихъ мракъ, въ какомъ сокрываются дѣйствія составляющаго языка ума человеческого*; сіе, мало извѣстное, и необходимо потребное для насъ просвѣщеніе, получить въ помѣщаемыхъ здѣсь словахъ опыты истолкованія оныхъ, и подасть поводъ къ дальнѣйшимъ въ томъ упражненіямъ. — Всѣ подобныя симъ замѣчанія, хотя отрывками и безъ послѣдственнаго порядка собранныя, могутъ быть полезными напоминаніями тому, кто разсуждаетъ и любитъ не одному самолюбію своему вѣрить, но вникать и выслушивать силу доводовъ, хотя бы они были и противъ его понятія. Станется, что не вездѣ въ запискахъ сихъ съ новѣйшими писателями встрѣтятся согласіе, но да не прогибываются они, когда навѣкъ ихъ не предпочтется яснымъ доказательствамъ и здравому разсудку».

Въ «Краткихъ запискахъ» помѣщены статьи Шишкова:

— О пересудѣ, или разборѣ сочиненій, называемомъ критикою:

— Нѣчто о правописаніи.

— Разговоры между старикомъ и юношею о русскомъ языкѣ, краснорѣчій, стихотворствѣ и вообще о словесности, и т. д.

Шишкову же принадлежатъ помѣщенные въ этомъ журналѣ переводы, съ французскаго языка, нѣсколькихъ статей, направленныхъ противъ романтизма.

Пятый и послѣдній журналъ издавался подъ названіемъ: *Труды императорской российской академіи*. Вышло пять частей: первая, вторая и третья въ 1840 году, четвертая—въ 1841 году, пятая и послѣдняя—въ 1842 году.

Изданіе открывается статьею непремѣннаго секретаря российской академіи Д. И. Языкова: «Краткое извѣстіе объ императорской российской академіи, отъ основанія оной въ 21 день октября 1783 года по 1840 годъ». Въ статьѣ Языкова особенно

много говорится о литературныхъ трудахъ Шишкова, восхваляемыхъ выше всякой мѣры. Хвалебные отзывы въ такомъ родѣ: «Повременное изданіе вмѣщаетъ въ себѣ многія, *посправедливости классическія* сочиненія почтеннѣйшаго президента академіи, касающіяся до изясненія объ отечественномъ языкѣ. . . . Для опыта представлено разсужденіе о силѣ и значеніи нѣкоторыхъ предлоговъ. Опытъ сей, продолженный въ послѣдующихъ повременныхъ изданіяхъ академіи и въ собраніи сочиненій и переводовъ почтеннѣйшаго ея президента, останется прочнымъ памятникомъ его глубокаго знанія языка, котораго всѣ части онъ раздробляетъ, подобно искуснѣйшему трупоразъятелю. Весьма жаль, что онъ не совершилъ сего труда, ибо *таковыя умы рождаются въ ками*», и т. д. Приводятся отзывы иностранныхъ журналовъ и отдѣльныхъ лицъ, полученныхъ въ отвѣтъ на присылку имъ сочиненій Шишкова, въ нѣмецкомъ переводѣ. Въ *Litèrarischer begleiter des provinzial-blattes* сказано, что «вся образованная Европа приметъ сочиненіе Шишкова съ исполненнымъ уваженіемъ вниманіемъ». *Allgemeine litteratur-zeitung* замѣчаетъ, что изслѣдованія Шишкова, которыя «всякому любящему науку словознанія должны принести великое удовольствіе, принадлежатъ къ самодостойнѣйшимъ трудамъ его». Президентъ Американскаго философскаго общества въ Филадельфіи увѣрялъ, что онъ «восхитился филологическими сочиненіями» Шишкова и, благодаря имъ, пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что «латинскій языкъ обязанъ словенскимъ нарѣчіямъ такъ много, какъ до сего и не воображали; очевидно, что языкъ словенскій гораздо древнѣе латинскаго и даже греческаго» и т. п.

Не смотря на все это, въ статьѣ Языкова много любопытныхъ свѣдѣній, относящихся къ російской академіи.

Въ «Трудахъ російской академіи» есть нѣсколько статей, относящихся къ русской литературѣ, какъ напримѣръ:

— Лобанова: Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

— Его же: Жизнь и сочиненія Ник. Ив. Гнѣдича, — и т. д.

Но большинство статей — исторического содержания:

— Царствованіе Петра II, Арсеньева.

— О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ, В. М. Перевощикова.

— Судьба Германіи по совершенномъ расторженіи имперіи Карла-Великаго до кончины императора Оттона I;—Шульгина.

— О бывшемъ монгольскомъ городѣ Укенѣ; переводъ изъ сочиненій Френа.

— О рукописяхъ, относящихся до русской исторіи, хранящихся въ дрезденской королевской библиотекѣ; — письмо Ханькова къ государственному канцлеру графу Румянцову, и т. д.

Въ «Трудахъ» помѣщены также:

— Доношеніе Тредьяковскаго президенту академіи наукъ графу Разумовскому.

— Статья Д. И. Языкова: О славянскихъ названіяхъ года, мѣсяцевъ, недѣль, недѣльныхъ дней и годовыхъ временъ.

— Миѣніе Перевощикова и Востокова о сочиненіи Данковскаго: Грамматика всѣхъ славянскихъ и греческихъ нарѣчій, — и т. д.

XXXIV.

Для вѣрной оцѣнки академической дѣятельности большое значеніе имѣютъ разборы произведеній, представляемыхъ, по тому или по другому поводу, на судъ российской академіи. Подобные разборы составлялись обыкновенно членами такъ называемаго *разсматривательнаго комитета* и утверждались общимъ приговоромъ академіи. Приведемъ нѣсколько образцовъ академической критики.

Драматическій опытъ Плат. Григор. Ободовскаго:

«Великій князь Александръ Тверской».

«По разсмотрѣннн представленнаго г-ну президенту императорской российской академіи драматическаго опыта г-на Ободов-

скаго: *Великій Князь Александръ Тверской*, комитетъ съ удовольствіемъ поставляетъ долгомъ отдать справедливость отличнымъ дарованіямъ сочинителя. *Александръ Тверской* тѣмъ замѣчательнѣе, что есть произведеніе оригинальное, и представляетъ одно изъ достопамятныхъ событій въ русской исторіи: подвигъ самоотверженія великодушнаго тверскаго князя, рѣшившагося свершить мечь надъ хищными татарами во время владычества ихъ въ Россіи и освободить Тверь отъ Шевкала, одного изъ лютейшихъ притѣснителей, ханскаго сродника и любимца. Не смотря на неблагоприятное положеніе главнаго лица драмы, князя Тверскаго, ханскаго данника, сочинитель умѣлъ окружить его такимъ величіемъ и показать въ лицѣ его такую возвышенность чувствованій, что Тверской представляется истиннымъ героемъ — готовымъ принести жизнь въ жертву усердія къ святынь вѣры и любви къ отечеству.

Драма г. Ободовскаго написана шестистопными ямбами. Расположеніе ея просто, не обильно событіями; завязка слаба, но участіе читателя и зрителя возбуждается многими прекрасными сценами. Въ первомъ дѣйствіи, при свиданіи Александра съ Шевкаломъ, посоль Узбека, хвалясь могуществомъ хана, требуетъ дани—жертвы достояніемъ святыхъ храмовъ. Александръ съ негодованіемъ отказывается отъ выполненія сего требованія, и тогда Шевкаль напоминаетъ ему о бѣдственной участи князя Михаила Тверскаго, отца его, погибшаго въ ордѣ.

ШЕВКАЛЬ.

Иль не страшитъ тебя мятежника конецъ?

Такъ! — эту злобу къ намъ вдохнулъ въ тебя отецъ,
Тотъ горделивый рабъ, въ злодѣйствахъ закоснѣлый.

АЛЕКСАНДРЪ.

Шевкаль, ты преступилъ посланника предѣлы;
Какъ солнце, чистотой сіяла жизнь отца;
Онъ недостойнъ былъ плачевнаго конца;

Сна мертвыхъ не тревожь, не оскверняй святыни;
 Непрочно торжество безумныя гордыни;
 Превыше всѣхъ царей есть Царь на небесахъ,
 Ему отдасть отчетъ Узбекъ въ своихъ дѣлахъ.
 Незримый Судія, свергающій престолы,
 Даетъ надежду намъ сложить яремъ тяжелый.
 Пусть узы тяжкія куетъ на насъ орда,
 Во храмъ Божию свободны мы всегда.
 Крестъ Божій на груди; въ рукѣ десной сѣкира:
 Вотъ все, съ чѣмъ мы поидемъ на всѣхъ злодѣевъ міра.

Во второмъ дѣйствиі, услышавъ вѣсть о дерзости татаръ, устремившихся на расхищеніе святыни храмовъ, князь тверской требуетъ отчета отъ Шевкала въ нарушеніи грамоты хана, обѣщавшаго охраненіе алтарей. Шевкаль кипитъ яростію, но въ то же время великодушная супруга Александра стремится удержать гнѣвъ ханскаго посла, и предлагаетъ ему сокровища за пощаду Твери, а между тѣмъ Александръ готовится къ мести хищникамъ. Въ третьемъ дѣйствиі княгиня, слыша издалека шумъ битвы, молитъ небесный Промыслъ спасти жизнь ея супруга; но примѣчая близость грозящей ему опасности среди пожара и сѣчи, сама стремится къ нему раздѣлить съ нимъ жребій, схватываетъ тверскую хоругвь и воспламеняетъ мужество воиновъ. Александръ торжествуетъ. Татары поражены. Шевкаль плѣнникъ. Александръ даетъ ему свободу, говоря:

Какъ хищника — тебя князь русскій презираетъ,
 Какъ ханскаго посла — тверской освобождаетъ.

Гордый Шевкаль не хочетъ пережить свое униженіе, и самъ поражаетъ себя. Драма оканчивается молитвою Александра, соединяющаго благодарный голосъ свой съ благоговѣйною радостію воиновъ и народа.

Стройность стиховъ г. Ободовскаго, показывающихъ и дарованіе поэтическое, и опытное знаніе языка; выразительность

характеровъ: пылкаго, доблестнаго и твердаго въ благочестіи Александра, самонадѣяннаго и кичливаго Шевкала, заслуживаютъ совершенное одобреніе. — Надлежитъ еще замѣтить, что г. Ободовскій приобрѣлъ извѣстность многими прекрасными произведеніями въ драматическомъ родѣ. Довольно поименовать: переводъ драмы *Іоаннъ, герцогъ финляндскій*, соч. Вейсентурнъ; Шиллеровой трагедіи: *Донъ-Карлосъ*; Шенковой трагедіи *Велмзарія* и другихъ, имѣвшихъ блестящій и заслуженный успѣхъ на русской сценѣ.

Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ г. президента, полагаетъ, что Драматическіе опыты г. Ободовскаго заслуживаютъ особенное вниманіе, и по предмету, и по языку, и по нравственному направленію ихъ, почему имѣетъ честь представить императорской россійской академіи, не признаетъ ли она справедливымъ увѣнчать полезную дѣятельность отличнаго дарованіями сочинителя одною изъ наградъ, опредѣленныхъ высочайше утвержденнымъ уставомъ».

Въ собраніи россійской академіи постановлено: наградить П. Г. Ободовскаго малою золотою медалью съ надписью: «За успѣхи въ россійской словесности»¹⁸⁵).

Собраніе идиллій Панаева.

Президентъ россійской академіи Шишковъ обратился въ разсматривательный комитетъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Господинъ Панаевъ сообщилъ мнѣ для представленія въ академію изданную имъ сочиненія своего книгу, содержащую въ себѣ 25 идиллій въ стихахъ. Книга сія по всей справедливости есть нѣкое въ словесности нашей новое въ семъ родѣ произведеніе, отличающееся какъ выборомъ рассказовъ, такъ равно господствующимъ въ нихъ благонравіемъ и пріятностію стиховъ, выключая нѣкоторое малое число искаженныхъ по произношенію для риѣмы словъ, благородству и чистотѣ языка несвойственныхъ; но какъ сія погрѣшность, хотя и вредная умножающимся

къ порчѣ языка нововведеніемъ и подражаніемъ, однакожь въ сравненіи съ достоинствомъ и красотою всего сочиненія мало-важная, то я препровождаю книгу сію въ комитетъ для разсмотрѣнія, не заслуживаетъ ли сочинитель ея, въ силу устава, быть отъ академіи награжденъ золотою третьей степени медалію.

Разсматривательный комитетъ представилъ такой отзывъ:

«Собраніе идиллій сочиненія г. Панаева есть новое, очень хорошее произведеніе російской словесности въ подражаніе древнимъ греческимъ и римскимъ писателямъ, въ семь родѣ стихотворенія отличившимся. Кромѣ ощутительной почти вездѣ правильности и чистоты языка, кромѣ піитическихъ красотъ въ вымыслахъ, изображеніяхъ и описаніяхъ, кромѣ пріятныхъ, нѣжныхъ и непринужденныхъ выраженій мыслей, чувствованій и страстей слогомъ, во многихъ мѣстахъ отличнымъ и очень сему роду стихотворенія свойственнымъ, онѣ имѣютъ еще то особенное въ себѣ достоинство, что по большей части, такъ сказать, отзываються чистою нравственностію. Нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ сего достоинства и какъ содержаніемъ, такъ и разсказомъ ниже или слабѣе прочихъ, напр. XII-я Филлида и Коридонъ, XIV Коридонъ и XVI-я изгнанникъ Алексисъ; но всѣ вообще въ большей или меньшей степени хороши. Есть нѣсколько неисправностей въ выраженіяхъ, какъ-то стран. 37-я и 78-я: *обдижъ* вмѣсто *обойхъ*; стран. 48: *говоръ листовъ* вмѣсто: *шорохъ* или *шепотъ*; какъ и самъ сочинитель въ другомъ мѣстѣ, стран. 66-я, сказалъ: *подъ шепотомъ листовъ*; стран. 74-я:

Мнѣ и самой съ тобою

Пріятнѣй какъ-то быть одною.

Стр. 77. Вдали верхи синѣлись горь.

Стр. 79. Подъ тѣнію *мирта густова*—вмѣсто: *мирты густой*.

Стр. 93. *Вътвѣй* вмѣсто: *вѣтвей*. (Перемѣна правильныхъ и общепринятыхъ удареній есть также искаженіе языка).

Но такія неисправности простительны, ежели ихъ немного встрѣчается въ одномъ какомъ-либо сочиненіи или книгѣ: не-

извинительна порча правописанія, замѣченная въ римахъ, въ которыхъ буква е перемѣняется въ какую-то доегласную, означаемую двумя точками букву ё, вводимую не такъ-то съ давняго времени писателями, мало занимающимися правильностію и чистотою языка, которымъ повидимому подражалъ и г. Панаевъ безъ всякой надобности, почитая, можетъ быть, такое искаженіе въ правописаніи стихотворческою вольностію. Не такъ должно писать, какъ выговаривается, а какъ требуетъ правописаніе. Читатель разумный знаетъ, какъ произнести какое-либо слово по общему чистому выговору, и не должно учить его сему изобрѣтеніемъ особенныхъ буквъ. Во многихъ словахъ сія доегласная буква ё для произношенія непріятна; слухъ нашъ чувствуетъ въ ней какую-то простоту выговора, очень грубую. Все сіе можно ощутить изъ выписанныхъ здѣсь римъ, которыя, такъ сказать, дерутъ уши, особливо ежели они часты. Лучше какъ-нибудь избѣгать ихъ въ окончаніяхъ стиховъ, нежели коверкать ими языкъ и правописаніе. Г. Панаевъ чувствовалъ самъ, что можно обойтись безъ доегласнаго ё, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не поставилъ сей буквы:

Стр. 50. Слезъ, принесъ.

- » 56. Краснобокой, далекой.
- » 6. Проведете, не найдете.
- » 67. Влечетъ, обрѣтетъ.
- » 55. Окномъ, огнемъ.
- » 77. Въ немъ, днемъ.

Повторяемъ, что хорошіе стихотворцы пишутъ для читателей разумныхъ, а не для незнающихъ: слѣдовательно, должно держаться правильности и чистоты.

Вотъ тѣ римы, которыя не одобряются вкусомъ и разборчивостію:

Стр. 8. Рокъ, ручейкъ.

- » 10. Листовъ, дерёвъ (ухо деретъ).
- » 12. Цвѣтокъ, щёкъ.

Стр. 22. Востока, издалёка.

» — Хлою, зарёю.

» 33. Въ сѣмъ, пососшкомъ.

» — Начнётъ, черёдъ.

» 43. Пойдѣмъ, подождѣмъ, дождѣмъ.

» 48. Востокъ, щѣкъ.

» 10. Недѣли, дѣлѣ (это уже совсѣмъ не рѣма или очень худая).

» 11. Полстада.

» — Не надо . . (тоже).

» 46. Не воротить.

» — Не находить . . (тоже).

» 49. Упоенный.

» — Восхищеннымъ (тоже).

» 56. Волъ, подошѣлъ.

» 57. Непогодъ, идетъ.

» 68. Далёкой, одинокой.

» 70. Струей, дорогѣй.

» 72. Луговъ, ручьѣвъ.

» 74. Порою, семьёю, роднёю, со мною.

Желательно, чтобъ г. Панаевъ при второмъ изданіи своихъ идиллій очистилъ ихъ отъ сей порчи, которая вредитъ ощутительно слогу благородному, возвышенному и часто простому, и чтобы впредь не слѣдовалъ своенравію писателей, желающихъ отличиться какою-нибудь новостію дрянною, и радующихся, когда видятъ подражателей имъ, заключая изъ сего, что ихъ почитаютъ другіе писателями уже именитыми»¹⁸⁶).

Виргиліевы Георгіки, переводъ Раича.

«Комитетъ, приступивъ къ чтенію Виргиліевыхъ Георгікъ перевода г-на Раича, началъ свое сличеніемъ съ подлинникомъ, дабы увидѣть сходство или несходство съ онымъ. По сличенію замѣчено, что переводившій держался только мыслей Виргилія,

такъ сказать, издалека, давъ себѣ полную свободу въ описаніи предметовъ земледѣльческихъ своими начертаніями и самопроизвольнымъ порядкомъ, при многихъ отступленіяхъ, со многими прибавленіями, не держась силы выраженій и красотъ подлинника, исключая весьма немногіе стихи, въ коихъ видны сила мыслей и красота выраженій *Виргиліевыхъ*. Для усмотрѣнія таковаго несходства представляется при семь нѣсколько мѣстъ, переведенныхъ прозою близко къ подлиннику и преложенныхъ ихъ стиховъ г. Раича въ прозу же.

Подлинникъ латинскій.

Quid faciat laetas segetes, quo
 sidere terram
 Vertere, Maecenas, ulmisque
 adjungere vites
 Conveniat; quae cura boum, qui
 cultus habendo
 Sit pecori; aribus quanta experientia
 parcis:
 Hinc canere incipiam. Vos, o
 clarissima mundi
 Lumina, labentem coelo quae
 ducitis annum,
 Liber et alma Ceres; vestro si
 munere tellus
 Chaoniam pingui glandem multavit
 arista,
 Poculaque inventis Acheloa miscuit
 uvis;
 Et vos, agrestum praesentia numina,
 Fauni,
 Ferte simul Faunisque pedem
 Dryadesque puellae:

Буквальный переводъ.

Что содѣлываетъ жатвы плодоносными; въ какое время приличествуетъ орать землю, о *Маценатъ*, и подвязывать виноградныя лозы къ ильму; какое надлежитъ имѣть попеченіе о волахъ; какой присмотръ за скотомъ, и сколь великое требуется искусство разводить трудолюбивыхъ пчель: вотъ предметъ моего пѣнія. — Вы, лучезарныя свѣтила міра, низводящія съ небесъ скоротечный годъ: *Вакхъ* и питательница *Церера*, ежели по вашему дару земля перемѣнила хаонскій желудъ на тучный класъ и *ачеловы чаши* растворила найденнымъ гроздіемъ, и вы присутія полямъ божества, *Фавны*, прійдите, внушите мнѣ стихъ, *Фавны* вкупѣ и *Дриады дѣвы*.

Подлинникъ латинскій.

Буквальный переводъ.

Munera vestra cano. Tuque o,
 cui prima frementem
 Fudit equum, magno tellus per-
 cussa tridenti,
 Neptune; et cultor nemorum, cui
 pingua Caeae
 Ter centum nivei tondent dumeta
 juveni;
 Ipse, nemus linquens patrium
 saltusque Lycaei,
 Pan, ovium custos, tua si tibi
 Maenala curae,
 Adsis, o Tegeaeae, favens; oleae-
 que Minerva
 Inventrix; uncique puer mon-
 strator aratri;
 Et teneram ab radice ferens,
 Silvane, cupressum;
 Dique deaeque omnes, studium
 quibus arva tueri;
 Quique novas alitis non ullo se-
 mine fruges;
 Quique satis largum coelo de-
 mittitis imbrem;
 Tuque adeo, quem mox quae
 sint habitura deorum
 Concilia, incertum est: urbisne
 invisere, Caesar,
 Terrarumque, velis curam, et te
 maxumus orbis
 Auctorem frugum tempestatum-
 que potentem

Ваши дары воспѣваю. И ты,
 о Нептунъ, коему древле зем-
 ля, трезубцемъ пораженная,
 произвела ретиваго коня; и ты,
 обитатель дубравъ, у коего на
 островѣ Цеѣ триста бѣлоснѣж-
 ныхъ юницъ щиплютъ сочныя
 лѣторасли; и ты самъ, оставив-
 шій отеческую дубраву и Ли-
 кейскій лѣсъ, Панъ, стражъ
 овецъ, ежели ты печешься о
 своихъ стадахъ, пасущихся на
 горѣ Меналѣ, прииди, благопрі-
 ятствующъ мнѣ, о Тегейскій!
 И ты, насадительница масли-
 ны; и ты, изобрѣтатель искрив-
 леннаго плуга, и Сильванъ, но-
 сящій въ рукѣ младый отъ кор-
 ня кипарисъ; и вы, всѣ боги и
 богини, попечительные блюсти-
 тели нивъ; вы, кои питаете но-
 вые плоды, безъ сѣянiя расту-
 щіе; и вы, кои ниспосылаете на
 потребу довлѣющій дождь.

А наипаче ты, о которомъ
 теперь еще неизвѣстно, какой
 будетъ совѣтъ боговъ; восхо-
 щешь ли ты, о цесарь, управ-
 лять градами и селами, или про-
 странннй міръ почтетъ тебя ви-
 новникомъ плодовъ и владыкою
 временъ годичныхъ, увѣнчивая

Подлинникъ латинскій.

Бунвальный переводъ.

Adcipiat, cingens materna tem-	чело твое материнскою миртою;
pora myrto;	или содѣлаешься богомъ неиз-
An deus immensi venias maris,	мѣримаго океана, и плователи
ac tua nautae	боготворить будутъ тебя еди-
Numina sola colant, tibi serviat	наго; или послужить тебѣ от-
ultima Thule,	даленная на край міра Тула, и
Teque sibi generum Thetys emat	Фетида отдастъ тебѣ всѣ воды,
omnibus undis;	чтобы имѣть тебя зятемъ; или
Anne novum tardis sidus te men-	присоединишь себя, какъ новую
sibus addas,	звѣзду, къ созвѣздіямъ длин-
Qua locus Erigonen inter Che-	ныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, тамъ,
lasque sequentis	гдѣ есть праздное мѣсто между
Panditur: ipse tibi jam brachia	Эригономъ и послѣдующими за
contrahit ardens	нимъ хеласами (вѣсами); самъ
Scorpios, et coeli justa plus par-	Скорпионъ предъ тобою поджи-
te relinquit:	маетъ клешни свои и оставляетъ
Quidquid eris; nam te nec sperent	тебѣ большую часть неба. Что
Tartara regem,	ты ни будешь (ибо тартаръ да
Nec tibi regnandi veniat tam	не надѣется имѣть тебя влады-
dira cupido:	кою, ниже обиметь тебя столь
Quamvis Elysios miretur Grae-	неистовая страсть царствовать
cia campos,	надъ тѣнями, хотя Греція удив-
Nec repetita sequi curet Proser-	ляется полямъ Елисейскимъ, и
pina matrem;	хотя Прозерпина, вызываемая,
Da facilem cursum, atque auda-	не думаетъ слѣдовать за ма-
cibus adnue coeptis,	терью), дай мнѣ быстрый бѣгъ
Ignarosque viae mecum mecum	и соблаговоли на дерзновенныя
miseratus agrestis,	мои предпріятія; и сжался надъ
Ingredere, et votis jam nunc	невѣдущими, какъ я, поселяна-
adsuesce vocari.	ми предпріятого пути, предше-
	ствуй и уже отнынѣ навикай
	быть призываемъ мольбами.

Переводъ г. Раича.

Преложеніе въ прозу.

*И класы тучныя въ поляхъ за-
тогорающы,*

*И грозною фіалъ амврозіей ки-
пящій;*

Вы, боги мирныхъ сель, и вы,
о нимфы горъ!

Придите, соплетясь въ единый
красный хоръ!

*Вамъ тѣсни гласъ мой, о Фав-
ны и Дріады!*

И ты, предъ взорами соперницы
Паллады,

Изведшій изъ земли божествен-
нымъ жезломъ

Красиваго коня, надменнаго че-
ломъ!

И ты, Зевеса дщерь, на холмы
горделивы

Мироносящія воззавшая оливы!

И ты, Кирены сынъ, роскош-
ный гость дубравъ,

О юный богъ, кому пасутся три-
ста кравъ,

Снѣго-образною блестящихъ бѣ-
лизною,

На Цейскихъ берегахъ, уще-
дренныхъ травою;

И ты, великій Панъ, священный
сстражъ овецъ!

Когда заботъ твоихъ начало и
конецъ—

Любимый твой Меналъ, сойди
съ холмовъ Ликея

обращаю пѣснь мою, о Фавны
и Дріады! И ты, изведшій предъ
взорами соперницы Паллады,
красиваго и надменнаго челомъ
коня, ударивъ въ землю боже-
ственнымъ жезломъ! И ты дщерь
Зевесова, насадившая гордые
холмы мироносящими оливами!

И ты, сынъ Кирены, роскош-
ный гость дубравъ, о юный
богъ, у коего на Цейскихъ бе-
регахъ, ущедренныхъ травою,
пасутся триста кравъ, блестя-
щихъ снѣго-образною бѣлизною;
и ты, великій Панъ, священ-
ный стражъ овецъ! ежели все
твое попеченіе обращено на
гору Меналъ, сойди съ Ликей-
скихъ холмовъ, и внемли скром-
ному гласу пѣвца! и ты, пер-
вый повѣрившій браздамъ сѣ-
мена; и ты Сильванъ, Ленея
другъ, пріившій на рамена свои
печальную вѣтвь младаго кипа-
риса, услыши гласъ мой! Вы,

Переводъ г. Ранча.

Преложеніе въ прозу.

На скромный гласъ пѣвца! и ты, о сынъ Целея,
 Повѣрившій браздамъ впервые сѣмена;
 И ты, на старчески пріявшій рамена
 Печальну *вайю* младаго кипа-
 риса—
 Сильванъ — Ленея другъ — на
 зовъ мой улыбнися!
 Вы, силы горнія — весь сонмъ
 боговъ, богинь—
Лемятелей нивъ — питатель-
 ницъ долинъ,
 На землю жаждущу дождей сво-
 дящихъ токи—
 Приникните съ небесъ на под-
 вигъ мой *высокій!*
 И ты, котораго священный сонмъ боговъ
 Въ предѣлы ждетъ свои — въ надзвѣздный край міровъ;
 Кому безсмертными предызобра-
 ны селеня,
 Невѣдомыя намъ—земнаго ча-
 дамъ тлѣнья;
 Отъ *миртовъ матери* украшен-
 ный вѣнцомъ,
 Благоволишь ли быть градовъ
 и сель отцомъ,—
 И смертный божество почтитъ
 твое дарами,
 И ты, котораго священный сонмъ боговъ ждетъ въ свои
 предѣлы — въ надзвѣздный край міровъ; кому назначены
 безсмертными селенія, намъ,
 земнаго тлѣнія чадамъ, неизвѣ-
 стныя; ты, украшенный вѣн-
 цомъ изъ миртовъ матери твоей,
 благоволишь ли быть отцомъ
 градовъ и сель; почтитъ ли
 смертный дарами своими божес-
 тво, и оратай молиться будетъ
 предъ твоимъ алтаремъ; восхо-
 щешь принять подъ кровь свой

Переводъ г. Райча.

Преложеніе въ прозу.

Оратай воззоветъ къ тебѣ предъ
алтарями;

Восхощешь ли пріять моря подъ
свой покровъ—

И взыдетъ предъ тебя молебный
гласъ пловцовъ;

Тебѣ и Фулы сынъ въ краяхъ
далекихъ свѣта

Колѣнопреклоненъ возносить
дань обѣта;

*Тебѣ и дочери дань и волны вст
морей—*

*Все царство влажное — пре-
дастъ Фетида съ ней.*

Иль въ свѣтломъ образѣ созвѣз-
дія младаго,

Ты *хочешь* къ намъ блистать
въ дни лѣта золатаго,

*И гибки рамена сжимаетъ Скор-
пѣонъ,*

*Да на горахъ небесъ воздвигнет-
ся твой тронъ.*

Пускай у нѣжности Церериной
отъята,

Забыла родшую для Тартара
Геката;

Пускай Эллады сынъ возносить
похвалою

Элизія поля, прохладу и покой,—
Твое владычество горѣ—не въ

безднахъ ада;
Тамъ ужасъ царствуетъ — ты

чадъ земныхъ отрада.

моря, и пловцы прострутъ къ
тебѣ молебный гласъ, тебѣ сынъ

Фулы въ далекихъ краяхъ свѣ-
та приноситъ (тебѣ) дань съ ко-

лѣнопреклоненіемъ; Фетида пре-
дастъ тебѣ волны морей, все

царство влажное и дань своей
дщери; или восхощешь блистать

къ намъ во дни златаго лѣта
въ свѣтломъ образѣ созвѣдія

младаго; Скорпѣонъ сжимаетъ
гибкія свои рамена, да тронъ

твой воздвигнется на горахъ
небесныхъ.

Пускай Геката, отъята у
нѣжности Цереры, забыла

рождшую для прелестей Тар-
тара. Пусть сынъ Эллады пре-

возносить похвалою Елисейскія
поля, ихъ прохладу и тиши-

ну; но владычество твое горѣ,
а не въ безднахъ ада; тамъ цар-

ствуетъ ужасъ, а ты отрада
чадъ земныхъ. О цесарь, улыб-

нись на подвиги пѣвца, и путь

Переводъ г. Раича.

Преложеніе въ прозу.

О Цесарь! *улыбнись* на подвиги мой озари веселіемъ лица сво-
 пѣвца, его, да мирный селянинъ, въ
 И путь мой озари веселіемъ избыткѣ восхищенія, окропить
 лица, алтарь твой слезами умиленія.
 Да мирный селянинъ въ избыт-
 кѣ восхищенья
 Алтарь твой *окропитъ слезою*
 умиленья!...

Подобная разность перевода отъ подлинника видна во всѣхъ пѣсняхъ Георгикъ, на каждой страницѣ, со всѣми въ ономъ при-
 бавленіями переводчика.

Посему члены комитета должны были разсматривать произ-
 веденіе г-на Раича не какъ переводъ, но какъ сочиненіе, напи-
 санное въ подражаніе латинскимъ Георгикамъ. Ибо *переводъ* въ
 точномъ смыслѣ сего слова значить преложеніе съ иностраннаго
 языка на свой какого-либо сочиненія въ истинномъ его видѣ, то
 есть, съ вѣрнымъ выраженіемъ всѣхъ его мыслей и красотъ, въ
 его порядкѣ, слогомъ и оборотами реченій, свойственными тому
 языку, на который оно переводится; и такой переводъ съ пре-
 краснаго сочиненія почитается весьма нужнымъ для сообщенія
 своимъ единоземцамъ знаній и вкуса, отличныхъ писателей: до-
 стоинство же *подражательнаго* сочиненія состоитъ въ равно-
 сильномъ изображеніи предметовъ, сходствующихъ съ тѣми, кои
 описываетъ подражаемый сочинитель, своимъ благовиднымъ по-
 рядкомъ, своимъ хорошимъ оборотомъ мыслей и реченій, и
 своими привлекательными красками, приличными тѣмъ предме-
 тамъ. Съ сей-то стороны положено было разсмотрѣть Георгики
 русскіе.

При внимательномъ чтеніи оныхъ уже не въ видѣ точнаго,
 но слишкомъ вольнаго перевода, отъ начала до конца, во время
 засѣданій комитета, открылись многія неисправности, изъ коихъ
 болѣе примѣтныя суть слѣдующія:

1. Противъ полноты и ясности смысла:

Пѣснь I.

Стр. 4. *Вамъ пѣсни гласъ мой, о Фавны и Дриады.*» 6. *И глыбы разрѣшить весенній вѣтерокъ:*

Пусть блещеть на поляхъ браздой отерто рало,
И стонеть подъ ярмомъ до ночи волъ усталый.

Претерпитъ-ли земля, взоранная тобой, (къмъ?)

Двукраты зимній хладъ, двукраты лѣтній зной,

Пріятные плоды отъ нивы златордяной.

Расторгнуть житницы въ дни осени румяной.

Стр. 7. Какъ стертыя съ лица земнаго поколѣнья
Дружили съ плугами отечественный край,
И чѣмъ онъ изъ дарилъ, заранѣ испытай...

Долину, тучностью исполненну весной,

Предай на тяжкій трудъ воловъ четы молодой,

Пусть глыбы влажныя изсякнутъ зноемъ лѣта,

Песчано-зыбкій слой другаго ждетъ *привѣта,*

Надъ нимъ чуть лежу длань съ тяжелымъ плугомъ съясь,

Приникшему челомъ Аркасу отъ небесъ.

Стр. 9. Но если грудь земли твой острый плугъ щадилъ,
Тогда безъ страха ей повѣрь младое сѣмя,
И плодъ сторицею воздастъ въ благое время.

Стр. 14. *Тамъ дружный тернъ сковалъ плоды полей* младые...
Мужайся, другъ труда! ты царь послушныхъ сель:
То съ граблями знакомъ родительскій удѣлъ,
То вѣтви отрѣшай, люючи мракъ на пивы,
То бранью *воружись* на стаи птицъ льнивы.

Стр. 15. Избравши вязъ прямой въ *тѣни* лѣсовъ зеленой,
Но корню юному дай рала видъ согбенный.

Стр. 15. Высоку жердь, *ошь кратъ измпренну стопами,*
На темь укрпни опорой для валовъ.
 Заботливый *зоветъ зарань* изъ лѣсовъ
 И липу для ярма и букъ *свѣтло-блѣсный,*
 У плуга назади вращающій колесы,
И возноситъ ихъ на кровъ, гдѣ вѣется *сизый дымъ.*

Стр. 16. Иные съ овощей обманчивы покровы
Отгязъ, и силу имъ и жизнь давали новы,
Съ зародышемъ плодовъ въ сосудахъ подруживъ
 Селитру бѣлую и черный сокъ оливъ.
 Бывали сѣмена, заботливое око
 Хранило ихъ — и что жъ? *измѣною жестокой*
 Неблагодарныя платили за труды:
 Переродясь, они не обѣщаютъ мзды;
 Но если ждешь ее, отличныя добротой
 Погодно отдѣляй съ удвоенной заботой...

Подобныхъ симъ примѣровъ неясности и даже совершенной
 темноты можно найти почти на каждой страницѣ.

Выраженія, несвойственныя языку російскому:

Стр. 63. Но горе повое, коль вихрь *порыва свисты.*
 На *темя древъ* нагналь и свился въ темный шаръ;

Ршиитъ ли кто меня броздамъ повѣрить лозы....

» 66. Безплодный листь *сними внимательнымъ перстомъ.*

» 67. Обрѣжь имъ *рамена* (т. е. вѣтви).

Стр. — *Кипящій лёта зной.*

- » 71. Возносить гордый станъ на высяхъ (т. е. вершинахъ)
горъ сосна....
-

- » 72. Увидѣть буками волнуемый Цитеръ
И ель Нарищи на дикихъ *высяхъ* горъ;
Пріятно видѣть лёсъ въ *объятіяхъ* природы,
- » 79. . . . . Мечи, изшедшіе изъ стали.
-

- » 88. Всѣ части — прелесть въ немъ (т. е. въ конѣ): отваги
полна грудь
Средь жилъ трепещется роскошными волнами.
-

- » 89. *И тѣну стетъ съ браздъ.*
Хребетъ у заднихъ бедръ округлость облекла.
-

- » 94. *Тогда легли для нихъ уроки полевые.*
-

- » — . . . . . потомство населять.
-

- » 95. . . . . *звонкія копыта.*
-

- » 155. И влажный огонь очей тускнѣетъ въ хладѣ сна.
-

- » — въ эфирну зыбь свилась.
-

- » 156. . . . . *стонъ пронзаетъ мраки ночи.*
-

Противъ сообразности и чистоты выражений съ предметами:

Стр. 4. И ты на старчески прїявшій *рамена*
Печальну *ваію младаго кипариса*.

» 5. Сильванъ—Линейя другъ,—на зовъ мой *улыбнися!*

» — Отъ миртовъ матери украшенный вѣнцомъ.

» 6. О цезарь! улыбнися на подвиги пѣвца.

» — Алтарь твой окропитъ *слезою* умиленья!....
(одной слезой окропитъ нельзя).

Нѣкоторыя слова приняты не въ надлежащемъ ихъ смыслѣ,
напримѣръ:

Счастіе *оцѣло*, вм. *отцѣло*.

Сельскіе *достѣхи*, вм. *орудія*.

Дебрь, т. е. яма, узкая долина, взята вмѣсто *тѣса*.

Погрѣшности противъ правописанія, искажающія языкъ, и
даже самыя рѣшмы:

Орошѣнна—Стримона.—

Уединѣнна—Ворона.—

Облѣкъ—Токъ.—

Недалѣкъ—Потокъ.—

Стебелѣкъ—Токъ.—

Горныхъ—Чѣрныхъ.—

Льетъ—Плодъ.—

Далѣкой—Жестокой.—

Копьемъ—Домъ, и проч. и проч. и проч.

Обручѣнна—Иксіона.

Пьетъ—Родъ.

Ждетъ—Водъ.

Пьетъ—Водъ.

Растетъ—Заботъ.

Раздѣленъ—Онъ.

Сочтѣтъ—Плодъ.

Воспоѣмъ—Челомъ.

При всѣхъ таковыхъ неисправностяхъ или погрѣшностяхъ находятся въ семь произведеніи многія мѣста хорошія, хотя и въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности и неисправности, какъ то можно видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ:

Стр. 21. Есть много для селянъ другихъ работъ — они
 Не возбраняются и въ праздничные дни;
 Какіе смертнаго или боговъ уставы
 Силки имъ запретагь развѣшивать лукавы,
 И къ жаждущимъ браздамъ прокапывать ручьи,
 И земли обводить оградами свои.
 На полѣ новомъ жечь кусты *тѣсовъ* терновыхъ
 И *блѣющихъ* стада въ струяхъ купать здоровыхъ? . . . .
 Тогда навьючившій лѣниваго осла,
 Досужій селянинъ исходитъ изъ села
 Съ плодами дикихъ грушъ, съ избытками елея
 И съ сыромъ лакомымъ — младыхъ снѣговъ *бѣлья*;
 Взамѣнъ изъ города для мельницы своей
 Привозитъ жернова и смолу для осей.

Стр. 23. Зимю по ночамъ въ уютномъ уголкѣ
 Досужій селянинъ при тускломъ ночникѣ
 Сидитъ, и факелы изъ красной точитъ ели,
 Межъ тѣмъ прелестная хозяйка у кудели
 Поетъ — и долгій трудъ при пѣсняхъ не тяжелъ,
 Или варитъ въ котлѣ изъ сотовъ добрыхъ пчель
 Напитокъ лакомый на пиршество *завѣтно*,
 И зимни вечера проходятъ непримѣтно.
 Въ дни лѣтніе блестятъ надъ нивою серпы,
 И скачутъ по снопамъ тяжелые цѣны;
 Работамъ полевымъ златое время года,
 Зимю отъ трудовъ оратаю свобода.

Стр. 24. Покроетъ ли мятель сугробами поляны,
И мразы наведутъ мосты *на рѣку* лдяны,
То ставитъ онъ силки и сѣти журавлямъ,
То съ пращею бѣжить за серной по полямъ,
То зайцамъ рыщетъ въ слѣдъ по утренней порошокѣ,
И радостный къ женѣ идетъ съ тяжелой ношей.
Но зимнею порой свободнаго отъ дѣлъ
Какой ждетъ осенью оратая удѣлъ,
Когда и красный холмъ и роща обнажится,
И ранѣе на нихъ ночная тѣнь ложится.

Стр. 31. Веселостию дней грядущей *обаянъ*
Трикраты каркаетъ протяжнымъ гласомъ вранъ,
И, часто радостью объять неспостижимой,
Надъ колыбелію взвивается любимой,
Бьетъ крыльями листы гостепріимныхъ дровъ;
Пріятно для него, когда замолкнетъ ревъ
Погибельной грозы и воюющіе грома,
Увидѣтъ милыхъ чадъ, увидѣтъ кровь знакомый.
Не духъ пророчества въ вѣщателѣ живетъ,
Не слыше даръ ему предвѣднія, — нѣтъ!
Но хлада и тепла и влаги измѣненье,
Зефира вѣянье и Эвра дуновенье —
Оттолъ пернатыхъ пѣснь въ дубравахъ и садахъ,
Оттолъ по лугамъ веселіе въ стадахъ,
Оттолъ тигра ревъ и *вои* волка дики
И врана чернаго торжественные крики.

Стр. 35. И Альповъ высота надменныхъ трепетала.

Стр. 51. Здѣсь браноносный конь, воспитанный тобою,
По стонушимъ полямъ несется вихремъ къ бою;

Здѣсь бѣлоснѣжные, измытые твоей,
 Божественный Клитумнъ, священной струей,
 Дебелые волны, ведомые къ божицамъ,
 Торжественнымъ вождей предыдутъ колесницамъ;
 Здѣсь вѣчная весна, облегающая холмы,
 Роскошно нѣжить насъ средь лѣта и зимы;
 Здѣсь *блеюущихъ* стада двукратно въ годъ чреваты,
 И каждый годъ древа плоды даютъ двукраты; —
 Но тигровъ лютыхъ нѣтъ, и львовъ невѣдомъ страхъ,
 И яды льющій злѣкъ не стелется въ лугахъ,
 Не вьется по землѣ чудовищъ Лернскихъ стая,
 Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая.
 Кто прелести твои, Италія *сочтѣтъ*?
 Тамъ грады пышные — трудовъ великій плодъ,
 Здѣсь рядъ твердынь нависъ надъ дикими скалами,
 Тамъ слышенъ *шопотъ рѣкъ* подъ древними стѣнами;
 На сѣверъ и на югъ два моря возлегли,
 И плещутъ озера въ объятіяхъ земли:
 Здѣсь тихострунный Ларъ небесъ рисуетъ своды,
 Тамъ ропщущій Бенакъ крутитъ какъ море, воды....

.....
 Въ твоихъ, Италія, хранилищахъ подземныхъ
 Сокровища горятъ металловъ драгоцѣнныхъ;
 Здѣсь мѣдью и серебромъ богаты рудники,
 И съ золотомъ въ рѣкахъ мѣшаются пески.
 Ты Марзовъ извела побѣдоносны войски,
 Тобой *воспитаны булатомъ* страшны войски,
 Лигурцъ—покоя врагъ, Сабиновъ грозна рать;
 Ты нашихъ Деціевъ, ты Сципіоновъ мать
 И доблестей примѣръ, твои Камиллы чада,
 Твой Цезарь сынъ — твоя хвала — римлянъ отрада,
 Который, сѣя страхъ Евфрата по берегамъ,
 Знамена водрузилъ, въ залогъ спасенья намъ.
 Привѣтствую тебя, великая плодами

Сатурнова земля, великая вождами!
 Тебѣ мой скромный гласъ! Тебѣ труды полей—
 И слава, и краса отъ юности твоей.
 Отверзшій токъ святыи, я первый на цѣвницѣ
 Пою Аскрейску пѣснь тебѣ, земель царицѣ!

Стр. 55. Все дышитъ нѣгой тамъ, и свѣтлые потоки,
 И мягкая трава, и сладостная тѣнь,
 И прелести долинъ; что долгій лѣтній день
 Похититъ у луговъ, усѣянныхъ стадами,
 То кратка ночь отдастъ—прохладная росами.

Стр. 58. Перебираяся межъ тѣсными путями,
 Вода проникнетъ дно и выступитъ слезами;
 Пріятая въ уста, въ нихъ горечь разольетъ,
 И на забвеніе равнину обречетъ.

Стр. 60. Привычки юности—основа цѣлой жизни.

Подобныхъ симъ хорошихъ стиховъ примѣры находятся и на многихъ другихъ страницахъ, какъ-то: 74, 76, 93, 141 и проч. ¹⁸⁷).

Стихотворенія Павла Межакова.

«Разсматривательный комитетъ, прочитавъ со вниманіемъ рукопись подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Павла Межакова*, находитъ, что изъ сихъ стихотвореній, нѣкоторыя, весьма одна-коже немногія, показываютъ, что сочинитель оныхъ не чуждъ стихотворческаго дарованія и искусства, а прочія всѣ не заслуживаютъ одобренія по содержащимся въ нихъ мыслямъ мелочнымъ, неправымъ, нелѣпымъ, неблагочестивымъ. Между сими

послѣдними есть и такія стихотворенія, которыя, по содержанію своему соблазнительному, противному всякой благопристойности и вредному для благонравія, достойны строгаго порицанія. Слогъ стихотвореній г-на Межакова во многихъ мѣстахъ неестественъ, неровень, непонятенъ, а нерѣдко вялъ и грубъ. Слѣдующія выписки послужатъ всему тому доказательствомъ».

Выписки, показывающія дарованіе и искусство стихотворца:

Въ стихотворенія подъ заглавіемъ: *Безсмертіе*, заключаются мысли справедливыя, облеченныя выраженіями приличными, уму и слуху пріятными, хотя и не вовсе чуждыми погрѣшностей.

Сочинитель говоритъ:

Давно-ли вы зеленью взоры плѣняли,
 Безкровные нынѣ пустыя лѣса?
 Давно-ли долины цвѣтами блистали?
 Куда же сокрылася ваша краса?
 И гдѣ ароматы, что всюду курились,
 Предъ солнца восходомъ, отъ юныхъ цвѣтовъ?
 Зачѣмъ вы умолкли, куда удалились
 Вы, птички, веселые гости лѣсовъ?

Унылые ¹⁾ вѣтры, въ шумящихъ порывахъ,
 Иссохшіе листья долиной несутъ,
 Недолго красуются класы на нивахъ,
 Недолго и смертные въ мірѣ цвѣтутъ.
 Безмолвное время, въ ужасномъ полетѣ,
 Къ намъ зиму и старость несетъ на крилахъ:
 Весны сынъ любимый увянетъ во цвѣтѣ,
 И гордый сынъ праха прострется во прахъ.

Въ *Элегии изъ Проперція* многіе стихи хороши, но къ сожалѣнію наполнены выраженіями сладострастными, и по сей при-

1) Прилагательное, неприличное вѣтрамъ.

чинѣ для читателей, особливо юныхъ, болѣе вредны, нежели полезны.

Изъ стихотворенія подь названіемъ *Мой удѣлъ* можно съ удовольствіемъ прочитатъ слѣдующіе стихи:

И убѣдися самъ, (пишетъ сочинитель къ пріятелю)
 Что слава—привидѣнье,
 Величество—мечта,
 Блаженство—обольщенье,
 И мудрость—слѣпота!

Также и слѣдующіе (въ которыхъ сочинитель описываетъ попеченіе свое о благѣ своихъ поселянъ):

Когда я раздаю: ¹⁾
 Занятія—лѣнливимъ,
 Покой—трудолюбивимъ,
 Больнымъ—цѣлебный сокъ,
 Одежду—погорѣлымъ,
 Подпору—престарѣлымъ,
 Пріютъ—осиротѣлымъ,
 Проходимъ—уголокъ,
 Утѣху—огорченнымъ,
 Защиту—угнетеннымъ,
 И нищему—кусокъ;
 Тогда—передъ тобою,
 О другъ мой, признаюсь—
 Доволенъ самъ собою,.... и пр.

Въ стихотвореніи подь заглавіемъ *Солома* пріятно остановиться на слѣдующихъ стихахъ:

Солома осѣняетъ кровъ,
 Гдѣ земледѣлецъ обитаетъ,

---

1) Жаль только, что глаголь *раздаю* не всѣмъ именамъ, которыми управлять, точно приличествуетъ.

И утомленный отъ трудовъ,
 Онъ на соломѣ отдыхаетъ.
 Склонясь главою на мягкій пухъ,
 Богачъ, въ великолѣпномъ домѣ,
 Безсонницей терзаетъ духъ —
 Бѣднякъ спитъ крѣпко на соломѣ.

Выписки изъ стихотвореній, незаслуживающихъ одобренія по слогу и по мыслямъ:

Изъ стихотворенія подъ заглавіемъ *Моимъ деревьямъ*:

Встаютъ кругомъ густыя тучи,
 Гроза отъ сѣвера шумитъ,
Шатаетъ, клонитъ лѣсъ дремучій,
 И обрывая листь *летучій*
 Далеко по полю крутитъ.

Развѣяны густыя сны,
 Пріютъ любимый соловья,
 Гдѣ въ знойный день, въ прохладной тѣни,
Предавшись сладострастной лъни,
 Ему внималъ съ восторгомъ я.

Все видъ унылый и *опальный*
 Являетъ здѣсь моимъ очамъ;
 Не здѣсь-ли . . . я . . .
 Часы *крылаты* провождалъ!

Увы! въ плачевной сей юдоли,
 Не зная предписанной намъ доли,
 Должны мы въ мрачный гробъ вступить ¹⁾.

1) Въ сихъ стихахъ замѣчается сомнѣніе о будущей жизни.

Стихотвореніе подъ заглавіемъ *Мотылекъ*:

Родиться съ розами весной,
 И въ свѣтлыхъ областяхъ *эвѳра*
 Безпечно плавать надъ землей,
 Прильнувши къ крылышку зефира;
 На лонѣ *дѣственномъ* цвѣтовъ
 Чуть развернувшихся качаться,
 Питаться запахомъ листовъ,
Лазурью, сѣтомъ упиваться,
 И, мигомъ взвившись въ облака,
 Сокрывается въ нихъ, *какъ дуновение*—
 Вотъ золотого мотылька
 Волшебное опредѣленье.
 Онъ, какъ желаніе, ни въ чемъ
 Не находя подъ солнцемъ счастья,
 На небеса, взмахнувъ крыломъ,
 Летитъ искать тамъ *сладострастья*.

Изъ стихотв. подъ заглав. *Матери на рожденіе сына*:

А ты, чувствительная мать,
 Внимая сына *стону*,
 Учиси нѣжно прижимать
 Его къ родному лону.

Изъ посланія къ Капнисту:

На берегахъ цвѣтущихъ Псола,
 .....
 Въ *тѣни* зеленаго *раздола* . . . . и пр.
 Здѣсь прудъ *лнвивыми струями*
 Въ зеленыхъ *вьется берегахъ*.
 Разборчивость оставя строгу,
Я вовсе не знатокъ въ чинахъ.

Изъ стихотв. подъ заглав. *Весенній день*:

Дерева зеленью пріятно покрылись,
 И нѣжный лугъ зазеленѣлъ,
 Фіалка скромная и ландышъ распустились,
 Вотъ и нарцисъ расцвѣлъ.
 Тамъ жавороночекъ, вверхъ, вверхъ приподнимаясь,
 Согласно пѣснь веснѣ поеть.

Изъ стихотв. подъ заглав. *Къ друзьямъ*:

Бушуетъ вихорь, ночь мрачна,
 И мрачны размышленья.
 Друзья! за чашею вина
 Поищемъ утѣшенья!

Пусть мудрецы минувшихъ лѣтъ
 Винятъ забавы наши,
 Мы выслушаемъ ихъ совѣтъ —
 И опорожнимъ чаши,

Друзья! скажите кто изъ насъ
 Въ сужденьяхъ справедливѣй?
 Они умнѣе во сто разъ —
 Мы во сто разъ счастливѣй!

Что же принадлежитъ до неблагопрістойныхъ стихотвореній г-на Межакова, то скверныя утѣхи страсти плотской описываются въ нихъ съ такимъ безстыдствомъ, что комитетъ почитаетъ неприличнымъ для себя дѣлать изъ нихъ выписки, а только довольствуется для подтвержденія справедливости своихъ замѣчаній поименовать здѣсь означенныя, недостойныя чтенія, стихотворенія. Таковы суть: *Воспоминаніе*, нѣкоторые стихи изъ *Тибулловой элегии*, и изъ стихотворенія подъ заглавіемъ: *Твердое намѣреніе*, также *Гроза* и наконецъ всѣхъ скарѣднѣйшее *Свиданіе*, въ которомъ мерзости сладострастныя представ-

лены безъ всякаго прикровенія, къ явному поруганію и оскорбленію стыдливости и цѣломудрія.

Въ заключеніе всего, комитетъ полагаетъ, что не токмо стихотворенія г-на Межакова не заслуживаютъ вниманія академіи по всѣмъ вышеприведеннымъ выпискамъ (которыхъ число весьма бы можно было еще умножить, ежели бы здѣсь умѣстно было о нихъ распространиться); но что и самъ сочинитель оныхъ достоинъ того, чтобъ академія изъявила ему свое негодованіе за дерзость, съ каковою не постыдился онъ дышащія нечистотою любострастія стихи свои представить, въ чаяніи награды, сословію, вмѣняющему себѣ въ священнѣйшую обязанность усовершенствованіемъ словесности содѣйствовать къ усовершенствованію общественнаго благонравія, слѣдуя неуклонно собственному своему непреложному правилу—одобрять и награждать тѣ токмо словесныя произведенія, которыя, совмѣщая пріятность съ пользою, вселяютъ въ читателей своихъ любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку»¹⁸⁸).

Питика, составленная Пенинскимъ.

Старшій учитель первой с.-петербургской гимназіи *Пенинскій* представилъ министру народнаго просвѣщенія первую часть *Питики*, прося включить ее въ число учебныхъ книгъ для гимназій. Министръ препроводилъ рукопись Пенинскаго въ русскую академію, которая согласилась съ слѣдующимъ мнѣніемъ разсматривательнаго комитета:

«Въ самомъ предувѣдомленіи сочинителя сказано, что наука о стихотворствѣ въ полныхъ курсахъ нашей словесности составляетъ что-то стороннее, побочное; что о ней говорятъ мимоходомъ, поверхностно, и то часто невѣрно, или не говорятъ вовсе; что сочинитель, удостовѣрясь въ совершенномъ недостаткѣ у насъ *теоріи стихотворства*, долженъ былъ составлять свои записки, чтобы дать воспитанникамъ достаточное понятіе о богатствѣ механизма нашей поэзіи и *познакомить ихъ ближе съ пре-*

восходными ея произведеніями, служащими украшеніемъ, славою литературы нашей.

Не пѣтика можетъ ознакомить съ превосходными произведеніями поэзіи: это входитъ въ область критики, въ предметъ эстетической исторіи словесности. Съ этою цѣлію издано множество книгъ, и всякій, кто только читалъ ихъ, не имѣетъ нужды въ новой Пѣтикѣ, чтобъ ознакомиться съ произведеніями Ломоносова, Державина и другихъ. — О трудахъ предшественниковъ приличнѣе отзываться съ уваженіемъ, а строго судить ихъ значить обрекать самого себя взыскательной критикѣ. Сочинителю новой Пѣтики лучше было бы просто исчислить изданныя прежде книги сего рода, и потомъ означить, чѣмъ онъ дополнилъ ихъ.

Комитетъ замѣтилъ, что значительная часть 1-й части Пѣтики заимствована изъ книги г. Востокова: *Опытъ о русскомъ стопосложеніи*; но что было неизлишнимъ въ опытѣ, то нерѣдко не у мѣста въ Пѣтикѣ.

Сочинитель надѣется, что по книгѣ его Пѣтика *будетъ преподаваема съ меньшею небрежностію* и съ большимъ успѣхомъ для словесности нашей.

Небрежность преподаванія зависитъ не отъ книги, а отъ преподавателей; но чтобъ ожидать успѣха отъ книги сего рода, нужно сколько можно болѣе, чтобъ предлагаемыя правила были точны, вѣрны, выражены ясно; чтобы въ параграфахъ для изученія соблюдена была постепенность въ переходѣ отъ легкаго къ трудному, а не наоборотъ; наконецъ, чтобы примѣры, приводимые въ образецъ, были избраны со вкусомъ, изъ лучшихъ писателей, и представляли сколько можно болѣе чистоты въ слогѣ.

Разсматриваемая пѣтика представляетъ довольно много несообразнаго съ сими условіями, что можно видѣть изъ 114 замѣчаній, сдѣланныхъ на 1-ю часть.

Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Все идѣ-либо и кѣмъ-либо сказанное по предмету пѣтики,

говоритъ сочинитель въ предувѣдомленіи, стр. 4), *я имѣлъ въ виду при составленіи моихъ записокъ.*

Подобными выраженіями сочинитель обязываетъ себя къ большей отчетливости, но, какъ почти всегда сбывается, такіа выраженія вовлекаютъ читателя въ ошибки, а книгу подвергаютъ болѣе строгой критикѣ. Легко замѣтить, что сочинитель не имѣлъ въ виду не только всего, кѣмъ-либо и гдѣ-либо сказаннаго по предмету пѣтики, но оставлялъ иное безъ вниманія, что въ самыхъ замѣчательныхъ книгахъ нѣкоторые знатоки словесности и древнихъ языковъ писали по части пѣтики. Напримѣръ: въ начертаніи *Экзаметра* (стр. 16) показано, что во 2-мъ полустишіи 5-я мѣра *должна быть дактиль*, а 6-я *спондей*. Но у насъ почти нѣтъ спондеевъ, и это всѣмъ уже извѣстно. Шестая мѣра въ экзаметрѣ не только *можетъ* быть хорей, но и весьма часто, и даже по всей строгости правилъ экзаметръ *долженъ* кончиться на трохей, то-есть: хорей. Все это можно было имѣть въ виду въ статьѣ объ экзаметрѣ, напечатанной въ 17-мъ чтеніи Бесѣды любителей русскаго слова, 1815 г. стр. 51 и 52. — Въ пѣтикѣ однакожъ замѣчено, что «измѣненія экзаметра еще усугубляются, если пятая стопа будетъ спондей, или шестая трохей, что хотя рѣдко, однако встрѣчается въ экзаметрѣ древнихъ».

Напротивъ того, трохей *вовсе не рѣдко ставился древними въ шестой стопѣ.*

Довольно сказать, что большая половина стиховъ *Иліады* кончается хореемъ, какъ замѣчено въ показанной нами статьѣ объ экзаметрѣ. Изъ этой же превосходной статьи сочинитель пѣтики могъ бы увидѣть, что принятое имъ за правило въ начертаніи экзаметра ставить въ предпоследней стопѣ *спондей*, а въ послѣдней *дактиль*, согласуется съ правиломъ аббата Малле, участвовавшаго въ новомъ изданіи *Энциклопедіи*, но вовсе не согласно съ правилами древнихъ ученыхъ, писавшихъ о экзаметрѣ за 16 столѣтій прежде *энциклопедіи*.

Другое неоспоримое и самое ясное доказательство, что экза-

метръ долженъ кончатся на *хорей*, есть указаніе на два первые стиха *Иліады*, *Одиссея* и *Энеиды*.

Они оканчиваются на хорей. — И такъ, *не все, идъ-либо и къмъ-либо* сказанное по предмету *пѣтики*, сочинитель имѣлъ въ виду.

Главныхъ размѣровъ, по 2 § *пѣтики*, три: *количественный* (метрический), *слогочислительный* (силлабический) и *ударятельный* (тонический). Сей послѣдній размѣръ въ § 28 раздѣленъ на *собственно-ударятельный*, имѣющій основаніемъ удареніе грамматическое, и на *ударятельный по превосходству*, основанный на удареніи ораторскомъ. — Ораторскія ударенія, сказано въ § 66, составляютъ основу народныхъ русскихъ стиховъ.

Размѣръ *метрический* лучше назвать *стопомѣрнымъ*, какъ и самъ сочинитель допускаетъ подобное названіе на стр. 28 и 76 въ § 74; вмѣсто размѣра *ударятельнаго* (тоническаго) приличнѣе употребить названіе: *стопослагательный*. Размѣръ же *ударятельный по превосходству* сходнѣе назвать *словоударятельнымъ*.

Вначалѣ *пѣтики* нужно бы исчислить тѣ мѣры, которыя заимствованы нами отъ древнихъ и употребительны у насъ; другія же, которыя по свойству русскаго языка нельзя ввести въ нашу словесность, лучше отнести въ дополнительную статью, въ концѣ книги. Исчисленіе же греческихъ: *вакхія*, *палимвакхія*, *молоса* или *тримакра*, *антиспаства*, *дѣямба*, *перваго*, *втораго*, *третьяго* и *четвертаго энитрита*, и пр., и пр., на которые по свойству русскаго языка, нельзя ни приискать, ни составить правильного примѣра, несбивающагося на другой размѣръ, можетъ только затмить понятія воспитанниковъ, бесплодно обременить память ихъ, и скорѣе отвлечь отъ поэзіи, нежели объяснить правила *пѣтики*, свойственной русскому языку.

Мнѣніе сочинителя, что *александрійскій* стихъ держится одною давностію употребленія, и что если въ *пятистопномъ ямбическомъ* стихѣ не наблюдать пресѣченія, то *александрійскій* стихъ совершенно непуженъ, неосновательно и несправедливо; 6-ти-

стопный ямбическій размѣръ усвоенъ русскому языку превосходными поэтами. Довольно напомнить Державина:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала на нихъ и золото, и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ, и пр.

«Мы, сказано на стр. 77, довольно богаты механизмомъ, господствующимъ теперь у насъ въ поэзи, но быть богаче никогда не мѣшаетъ».

Механизмъ никогда не можетъ господствовать въ поэзи, и что была бы за поэзія, въ которой бы господствовалъ механизмъ?—Сочинитель безъ сомнѣнія хотѣлъ сказать, что мы богаты разными введенными въ нашу поэзію метрами, и что наша поэзія будетъ еще разнообразнѣе, если будутъ испытывать и разрабатывать и другіе метры, могущіе быть усвоенными русскимъ языкомъ.

Но стр. 76 говорится, что не должно пренебрегать и стариннаго русскаго размѣра, не потому только, что онъ наше народное достояніе, незаимствованное отъ чужестранцевъ, но и потому, что онъ *самъ по себѣ справедливо носитъ названіе ударительнаго по превосходству*.

Никто еще не называлъ русскаго размѣра *ударительнымъ по превосходству*, и въ подобномъ названіи русскій размѣръ не приобрѣлъ бы никакихъ правъ на преимущество. Прелесть механизма стиховъ не въ *удареніи по превосходству*, а въ стройности, плавности звуковъ.

Стопомѣрное стихотвореніе лучше *слогочислительнаго*, сказано на стр. 76, тѣмъ, что въ стопѣ не одинъ слогъ, а по крайней мѣрѣ два. «Чѣмъ самыя стопы превосходнѣе одна другой?—Числомъ же слоговъ, въ нихъ заключающихся».

Стопомѣрное стихотвореніе лучше слогочислительнаго не по обилію слоговъ, а по преимуществу, пріятности, стройности стиха. Въ 6-ти-стопныхъ ямбахъ болѣе слоговъ, нежели въ 4-хъ-

стопныхъ, но неужели поэтому 6-ти-стопный стихъ превосходитъ четырехстопнаго?

Подобныхъ мѣстъ найдется много въ пѣтикѣ г. Пенинскаго.

Изъ числа примѣровъ стихосложенія, приводимыхъ въ образецъ сочинителемъ пѣтики, многіе необходимо нужно замѣнить другими, съ выборомъ изъ лучшихъ писателей, особенно слѣдующіе, совершенно далекіе отъ цѣли сочинителя—познакомить съ превосходными произведеніями поэзіи.

На стр. 49-й въ примѣръ двухстопнаго дактиля:

Другу сеструшечкѣ,
Милой милушечкѣ,
Разуму здравому, и проч.

Стр. 36.

Хоть далеко я буду,
Никогда не забуду, и пр.

Стр. 33.

Прости, мой другъ,
Я лью слезъ рѣки,
Прости, супругъ,
Прости на вѣки.

На стр. 33 и 34 приведены въ примѣръ *односложнаго ямба*:

Потѣтъ
Всечасно,
Терпѣтъ
Напрасно,
Нѣтъ силъ, и пр.

При всемъ томъ, 1-я часть пѣтики г. Пенинскаго представляетъ возможность къ исправленію, и если будетъ очищена отъ замѣченныхъ недостатковъ, пополнена лучшими примѣрами, то можетъ еще принадлежать къ числу полезныхъ книгъ, тѣмъ болѣе, что по части пѣтики мы не имѣемъ удовлетворительнѣйшаго руководства, приспособленнаго къ преподаванію въ учебныхъ заведеніяхъ»¹⁸⁹).

**Руководство къ изученію русской словесности,
соч. Георгіевскаго.**

Профессоръ царскосельскаго лицея и училища правовѣдѣнія Георгіевскій представилъ въ академію наукъ, на демидовскую премію, составленныя имъ книги: одну подъ заглавіемъ: *Руководство къ изученію русской словесности*, въ четырехъ частяхъ; другую —подъ тѣмъ же заглавіемъ, но въ краткомъ объемѣ, содержащую языкоученіе, общую риторикъ и теорію слога прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій. Академія наукъ передала книги Георгіевскаго на разсмотрѣніе російской академіи, и члены разсматривательнаго комитета высказали такое мнѣніе:

«Книги г. Георгіевскаго служатъ свидѣтельствомъ его дѣятельнаго стремленія къ полезнымъ трудамъ, но, къ сожалѣнію, далеко не достигаютъ своего назначенія — передать питомцамъ точное и ясное познаніе словесности; не представляютъ желаемой отчетливости и разборчивости, необходимой въ книгахъ сего рода; напротивъ того, представляютъ столько ошибочнаго и невѣрнаго, что могутъ сообщить гораздо болѣе сбивчивыхъ понятій, нежели принести пользу желающимъ изучить словесность.

Руководство, раздѣленное сочинителемъ на четыре части, заключаетъ въ 1-й общія понятія объ изящныхъ искусствахъ, во 2-й теорію краснорѣчія, въ 3-й піитику, въ 4-й исторію литературы.

Какъ въ краткомъ, такъ и въ пространномъ Руководствѣ замѣтенъ недостатокъ соображенія въ изложеніи основаній науки, напримѣръ: въ Кратк. Руководствѣ, стр. 176: *«Если вкусъ будетъ слишкомъ тонокъ, онъ вездѣ будетъ искать красоты едва примѣчательныхъ: потребуетъ однихъ эпиграммъ и загадокъ»*. Не на оборотъ ли? Тонкій вкусъ чуждается мелочнаго, ищетъ изящнаго въ высокомъ, и открываетъ красоты, непримѣчательныя другими. (Кр. Рук. 158): *«Надобно прежде исчерпать все посредственное, чтобъ потомъ написать истинно краснорѣчивое»*. Но

не будетъ-ли справедливѣе: избѣгать посредственности, чтобъ написать истинно краснорѣчивое.

Во II части, стр. 6, сказано, что *краснорѣчіе не есть чистое изящное искусство, такъ какъ поэзія, живопись и скульптура, но смѣшанное, подобно зодчеству (?)*, а на стр. 7, что *въ поэзіи выраженіе составляетъ красоту, а въ краснорѣчій первое мѣсто*, по мнѣнію сочинителя, *всегда предоставляется разуму*. Но не жалка-ли будетъ поэзія, въ которой болѣе выраженія, нежели разума?

«Поэзія, сказано во II части стр. 7-я, какъ выраженіе ума, преобладаемо чувствомъ, есть свободное произведеніе дѣятельности духа человеческого, неизмѣющее цѣли внѣшней, сторонней: она есть сама себѣ цѣль». Сими словами нисколько не объяснена высокая, священная цѣль поэзіи — возносить душу человѣка, озарять путь жизни, научать великимъ истинамъ, исполнять утѣшеніемъ сердце.

Кр. Руков. (стр. 23): *«Проза и поэзія различаются тѣмъ, что первая (проза), проистекая изъ разсудка и разума, говоритъ о предметахъ существенныхъ, истинныхъ»*. Но развѣ поэзія не должна проистекать отъ разума и не можетъ говорить о предметахъ истинныхъ?—*«Поэзія, говоритъ сочинитель, есть выраженіе идей, творчество»*. Но развѣ идеи не отъ разсудка, а творчество только въ мечтательномъ? Впрочемъ, *«проза и поэзія»*, по замѣчанію сочинителя, *«часто сливаются, какъ свѣтъ и тѣнь»*.—И такъ поэзія сблизится съ разсудкомъ.

Въ ч. IV, стр. 93 сказано, что славянскій языкъ, будучи *исключенъ изъ свѣтской литературы, остался въ Россіи языкомъ религіи*.—(Нѣтъ, славянскій языкъ вошелъ въ составъ русскаго, составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, усиливаетъ, украшаетъ его). Ч. II — 109 говорится: *«Языкъ славянскій подобно древнимъ греческому и латинскому языкамъ называется мертвымъ, но идъ и у какого народа былъ онъ живымъ языкомъ, о томъ не находится достоверныхъ свѣдѣній»*.

Но и въ наше время цѣлыя племена, нѣсколько милліоновъ

въ Европѣ, говорятъ нарѣчіями, представляющими въ совокупности одинъ и тотъ же языкъ славянской?

Послѣ отчета о успѣхахъ словесности въ вѣкъ Екатерины и Александра, послѣ исчисления твореній Державина, Фонвизина, Богдановича, Карамзина, и множества другихъ образцовыхъ русскихъ писателей, сочинитель говоритъ (IV—308), что *«вступленіе Россіи на поприще романтизма, страсть нашего юнаго поколѣнія къ просвѣщенію и пр. суть предзнаменованія близкаго рожденія русской оригинальной словесности!»*—И такъ, русская словесность еще не родилась, а сочинитель составилъ четыре тома Руководства къ изученію русской словесности!

(Ч. II, стр. 70) — *«Фантастическія путешествія барона Брамбеуса, говоритъ сочинитель, составляютъ весьма пріятное явленіе въ нашей словесности. Сочиненіе это усыпано остроуміемъ, и принадлежитъ къ тому роду, въ которомъ нѣкогда превосходствовалъ Вольтеръ, и Кандидъ его есть первообразъ того, что мы видимъ въ книгѣ Брамбеуса»*. Но Фантастическія Путешествія Брамбеуса принадлежатъ къ числу такихъ книгъ, о которыхъ неприлично упоминать въ книгѣ учебной, классической; и не должно завлекать любопытство юнаго возраста къ подобнымъ произведеніямъ.

О статьѣ объ исландскихъ сагахъ, помѣщенной въ Библіотекѣ для чтенія, сказано (Ч. IV, стр. 263): *«Она показываетъ глубокую и разностороннюю ученость (сочинителя), и въ особенности важна приближеніемъ къ истинному взгляду на начало нашей исторіи и даже на языкъ»*. — Но скандинавскія сказанія столько же могутъ служить вѣрнымъ пособіемъ для русской исторіи, какъ рассказы какого-нибудь якута и камчадала, бывшихъ въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины Великой. Странно было бы искать вѣрнѣйшаго изображенія временъ Екатерины—чрезъ нѣсколько вѣковъ—въ сказаніяхъ якутскихъ и камчадалскихъ.

«Въ драмахъ (стр. 234, Ч. III) слогъ долженъ быть простой. Простой слогъ и въ повѣсти стихотворной (177 стр. Ч. III).

Элегій пишутся слогами простымъ». (Ч. III — 80). Тоже говорится о многихъ другихъ родахъ, и только въ идилліи и эклогѣ (Ч. III, стр. 142) сельскіе нравы не просто описываются!

Идиллія (Ч. III, стр. 142) довольствуется изліяніемъ однихъ сердечныхъ чувствованій, нѣжностію и рассказомъ о красотахъ природы. Въ ней изображается состояніе счастливѣйшее. Все это невѣрно опредѣляетъ идиллію. Также невѣрно опредѣлена и элегія, которая будто бы выражаетъ и веселыя ощущенія (Ч. III, стр. 79). Еще сказано (Ч. III, стр. 79—80), что «подъ элегіею нынѣ разумѣютъ лирическое стихотвореніе, изображающее смѣшанное чувство печали и радости». Но веселыхъ и радостныхъ элегій нѣтъ!

«Θεοκρίτῃ (Ч. III, стр. 145) нѣрѣдко теряется въ мало-важныхъ и однообразныхъ происшествіяхъ. Большою частію онъ описываетъ ссоры пастуховъ».—Изъ этого видно, что сочинитель не разсматривалъ идилліи Θεοκρίта. Однообразны-ли его: Волшебница, Рыбаки, Циклопъ и многія другія идилліи? Вездѣ-ли у него дѣйствіе въ лесу или на луку, какъ замѣчаетъ сочинитель (стр. 146, Ч. III).

Эклога, сказано въ III Ч. стр. 144, можетъ имѣть видъ оды.—Ч. III, стр. 143. Тамъ (въ пастушескомъ стихотвореніи) луга украшаются вѣчною зеленою.—Но развѣ предметомъ идилліи не можетъ быть зима или осень? Мы имѣемъ прекрасные образцы.

Первымъ источникомъ забавнаго въ баснѣ сочинитель (III, стр. 130) почитаетъ «сообщеніе животнымъ названій и свойствъ, принадлежащихъ людямъ, наприм.: назвать медведя скивомъ», и проч.—Но это едва-ли не послѣдній изъ источниковъ забавнаго, а главное въ умѣньи подмѣтить смѣшное и передать съ живостию и простосердечіемъ.

«Сказка содержитъ одно происшествіе» (Ч. III, стр. 177). «Въ притчахъ дѣйствуютъ съ людьми животныя, что не всегда бываетъ въ сказкѣ; если же въ ней и вводятся животныя, какъ напримѣръ въ сказкѣ Дмитріева: Модная жена, идѣ помѣщены попуга и собачка, то сіе дѣлается для разнообразія» (Ч. III—

177). Но въ сказкѣ можетъ быть не одно, а множество происшествій; что касается до *попугая и собачки*, то объ нихъ только мелькомъ упомянуто въ сказкѣ Дмитріева: это не дѣйствующія, не вводныя лица; они принадлежатъ къ мелочнымъ предметамъ, которыми поэтъ обставляетъ свою картину.

(Ч. III—223). «*Комедія есть предложенное въ дѣйствіи подражаніе нравовъ, пороковъ, странностей, видимыхъ между людьми.*».—(Не подражаніе, а надлежало бы сказать *изображеніе*. Не говорится: *подражаніе нравовъ, пороковъ, а подражаніе нравамъ, порокамъ*).

«*Въ характерныхъ комедіяхъ описываются нравы и обычаи общіе и частныя.*».—Не описываются, а представляются.

(Ч. I, стр. 14). *Искусственное произведение, подражающее другому, будь оно совершенно, навсегда останется холодно, и такой художникъ никогда не сдѣлается великимъ.*—Но что совершенно, то уже не относится къ холоднымъ произведеніямъ; ученики Рафаэля были его подражателями, и сдѣлались сами превосходными живописцами.—Главное въ томъ, кому, какъ и въ чемъ подражать. Виргилій былъ также подражателемъ Гомера.

(Ч. I — 49). «*Первое качество высокаго есть величина.*»
(Ч. I—57). «*Должно быть чему-либо великому въ идеаль, или имѣть нарочитое пространство, чтобъ назваться высокимъ.*»

Всѣ сіи мысли показываютъ, что сочинитель не глубоко вникалъ въ свой предметъ.—Въ I Ч., стр. 78, сказано, что историческія картины и *ландшафты* наиболѣе способны къ возбужденію страстей. Но могутъ-ли ландшафты возбуждать страсти?

Ч. II, стр. 118, § 128. «*Существенное свойство хорошаго письма есть легкое, простое, благородное и безыскусственное изясненіе нашихъ мыслей.*» Но въ письмахъ часто нужно бываетъ много искусства, и самое глубокое и главное въ томъ, чтобъ не дать замѣтить искусства.

«*Общія свойства повѣствовательныхъ сочиненій* (сказано во II Ч., стр. 34): *правильность языка, ясность, краткость, разнообразіе съ предметомъ*, и пр. Но это нужно не однимъ повѣ-

ствовательнымъ сочиненіямъ, а необходимо и для учебныхъ, и для ораторскихъ, словомъ сказать — для всѣхъ родовъ словесности.

«Всякое разсужденіе требуетъ плана, или предварительнаго начертанія». Но въ чемъ же этотъ планъ? Далѣе (Ч. II, стр. 80—81), между прочимъ объясняется, что *сначала* должно быть *вступленіе*, а *наконецъ заключеніе*.

(Кр. Рук. стр. 133). *«Сжатый слогъ въ немногихъ сильныхъ словахъ и выраженіяхъ высказываетъ все».*— Не все, а въ немногихъ словахъ заключаетъ много мыслей.

(Кр. Рук. стр. 77). *«Физическія описанія начинаются обращеніемъ къ предмету».*— Но это правило вовсе не общее. *Къ физическимъ описаніямъ* (стр. 79) отнесены *путеописанія и путевыя записки*. Но путевыя записки могутъ касаться разныхъ предметовъ познаній, не ограничиваясь физическими описаніями.

(Ч. III, стр. 19). *«Менѣе одностопныхъ, стиховъ не бываетъ».* Но менѣе и быть не можетъ.

Въ обзорѣни словесности разныхъ народовъ, говоря о шведской, датской, даже индійской словесности, сочинитель пропустилъ французскую и нѣмецкую (IV—91), замѣчая, что онѣ преподаются отдѣльно въ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ полномъ курсѣ словесности необходимо должно было помѣстить взглядъ на литературу Франціи и Германіи, столь богатую замѣчательными произведеніями.

Говоря о митрополитѣ Макаріи, Даниилѣ Заточникѣ, Аврааміи Палицынѣ и другихъ, слѣдовало бы привести примѣры слога изъ сихъ писателей, что показало бы, на какой степени было достоинство русскаго краснорѣчія за нѣсколько вѣковъ до нашего времени.

Очень мало сказано о Древней вивлюэикѣ Новикова, — примѣчательной собраніемъ драгоценныхъ памятниковъ русской исторіи и письменности.

Нельзя нисколько согласиться съ тѣмъ, что говоритъ сочинитель въ похвалу одного изъ поэтовъ Библіотеки для чтенія,

(Ч. IV—295) забывъ поэтовъ, достойнѣйшихъ вниманія. Между лириками пропущенъ князь Сергій Шихматовъ, между баснописцами—Измайловъ. Въ статьѣ о русскихъ комедіяхъ очень мало сказано о князѣ Шаховскомъ—писателѣ, который обогатилъ русскій театръ многими прекрасными произведеніями. Сочинитель долженъ бы оцѣнить его Аристофана. Говоря о переводѣ Деларю изъ Овидіевыхъ превращеній (Ч. III, стр. 83), надлежало бы вспомнить о превосходномъ переводѣ Жуковскаго лучшей изъ повѣстей Овидія: Цейкса и Гальціоны. Сочинитель нерѣдко противорѣчитъ самому себѣ, наприм.: о *софистахъ* (Ч. II, стр. 12) говоритъ, что *сколь пагубны были эти люди для нравовъ Греція, столь велики и неотрицаемы ихъ заслуги, оказанныя наукамъ.*—Далѣе говоритъ, что *они научили учениковъ своихъ одну и ту же вещь и утверждать и опровергать; что краснорѣчіе въ устахъ этихъ людей превратилось въ пустую игру словъ и въ ребяческое искусство говорить много о вещахъ бесполезныхъ.*—Если такъ, то какую же пользу принесли они, когда, при всемъ этомъ, были еще пагубны для нравовъ?

Ч. IV (на стр. 303) сказано,—что *«недостатокъ развитія у насъ общественной жизни еще болѣе говоритъ не въ пользу отечественной драматургіи, и доказываетъ, что мы высокихъ комедій имѣть не можемъ».* А на слѣдующей страницѣ сказано, что *«статьи Энциклопедическаго лексикона служатъ несомнѣннымъ признакомъ общественнаго нашего образованія»;* на страницѣ же 309 говорится, что *«литераторы наши, кажется, убыли, что и въ нашемъ обществѣ есть жизнь»* и проч.

Ч. IV (на стр. 143) сказано, что *«поэтъ, излагая сельскія занятія, не долженъ теряться въ подробностяхъ»*, а на слѣдующей стран. говорится, что слогъ пастушеской поэзіи вообще простъ, нѣсколько плодитъ, потому что пастухи любятъ заниматься подробностями.

Ч. I—24. *«Музыка мало способствуетъ къ образованію ума, но можетъ облагородить наше чувство къ изящному, можетъ возвысить наши умъ надъ обыкновеннымъ».*—Но что можетъ воз-

высится и облагородитъ умъ, то уже много способствуетъ къ его образованію.

Ч. I, стр. 47, сказано, что *слозь высокій требуетъ всѣхъ фигуръ краснорѣчія*; на слѣдующей страницѣ видно, что *если распротранимъ или украсимъ высокую мысль извѣстными оборотами, то слогъ (говоритъ сочинитель) сдѣлается великолѣпнѣе, но самыя мысли слабѣе*. — И такъ, высокій слогъ не требуетъ всѣхъ фигуръ.

Выписавъ строфу изъ перевода Ломоносова и Сумарокова оды Руссо: *Fortune, dont la main couronne*, и сказавъ, что *главныя мысли подлинника въ обоихъ переводахъ равно сохранены*, и что хотя *краски переводчиковъ и различны, но имѣють одинакую степень доброты* (Кр. Рук. стр. 102), сочинитель далѣе (ст. 104) говоритъ, что Сумароковъ ни одной черты не снимаетъ съ *оригинала*: чему же вѣрить?

(Ч. IV—279). «*Ермакъ и Освобожденіе Москвы Дмитріева были первыми его прекрасными образцами лиро-эпической поэзіи*». Но далѣе сказано: «*оба эти стихотворенія написаны по стариннымъ и нынѣ обветшалымъ уже правиламъ*» (!). Трудно согласить подобныя противорѣчія, и нельзя допускать ихъ въ учебной книгѣ, безъ вреда для учащихся!

Недостатокъ въ ясности очень много вредитъ достоинству учебной книги: дадутъ-ли ясное понятіе объ эпической поэзіи слѣдующія строки:

(Ч. III—149 и 150). Поэзія эпическая «*представляетъ одно только дѣйствіе во всемъ его многообразіи, коего средоточіемъ одно (только) главное лицо, какъ высокое явленіе эпическаго міра, состоящее подъ законами вселенной, повинующеся волѣ боговъ, несомое вихремъ временъ и колеблемое бурей происшествій, но твердо стоящее на незыблемомъ основаніи своего благородства и ощущающее шествіе Божества по землѣ*».

Отъ повѣствовательной поэзіи описательная отличается тѣмъ, что «*представляетъ предметы въ пространствѣ, а не во време-*

ни; она не рассказываетъ о предметахъ, но рисуетъ ихъ, какъ настоящіе» (III—129).

«Истинное идеальное (стр. 85) въ самой области сверхъестественнаго носитъ на себѣ печать естественнаго».

(I. 20). «Театральный артистъ на самомъ себѣ являетъ и художника и живое его произведеніе, и котораго органическое тѣло, вмѣщаясь въ пространство, производитъ вѣстѣ и перемѣны во времени посредствомъ членовъ и органовъ». — Подобныя мѣста не могутъ быть терпимы въ учебномъ курсѣ.

Вотъ еще образцы изысканныхъ выраженій (IV. — 192): «Лучшая жизнь заструилась въ его духъ. Черезъ всю чѣлостъ сочинительской фантазіи пронизывается одна основная мысль».

Сочинитель допустилъ раздѣленіе поэзіи на субъективную и объективную. «Поэзія объективная, сказано (III—25), слѣдуетъ главнымъ формамъ времени: прошедшаго, настоящаго и будущаго» (25), а «эпическая поэзія рассказываетъ прошедшее, какъ прошедшее».

(II—28). «Учебное краснорѣчіе водворяетъ общую истину въ частныя явленія».

Въ числѣ риторическихъ предложеній сочинителемъ введены (см. Кр. Руков.) *предложенія дѣятельныя* (30 и 32). Но что такое *дѣятельныя предложенія*? Вотъ примѣры: *Убтай пороковъ! Старайся быть добрымъ!* Почему же это *предложенія дѣятельныя*? Потому, что въ нихъ требуется или повелѣвается что-нибудь *дѣлать*.

Замѣтны ошибки противъ языка: *Вдревле элейю называли тѣсною печальною* (III—79) народы, *обитавшіе съверную часть Швеции*. (IV. 66).

(Кр. Рук. стр. 30). Въ числѣ книгъ *учебно-словесныхъ, отличающихся порядкомъ и точностію изложенія*, сочинитель означилъ между прочимъ книги г. *Плаксина*, которыя могутъ болѣе служить примѣромъ неточности и неосновательности. Еще болѣе распространился онъ въ похвалахъ нѣкоторымъ журналистамъ, и даже, какъ нѣчто заслуживающее вниманія выписы-

ваетъ мнѣніе, что «*Св. Кириллъ и Меводій перевели Библию собственно ни на какое нарѣчіе, (ч. IV. с. 136), а составили новый, неслыханный до того времени языкъ церковный*». — Замѣчательно, что слово *сапогъ* сочинитель почитаетъ татарскимъ (ч. IV — 116), тогда какъ оно встрѣчается въ Библии, слѣдовательно, за нѣсколько вѣковъ до появленія татаръ.

На стр. 292. IV ч. говорится о 60 томахъ *Россійскаго Ѳеатра*, а на стр. 232, IV ч., о 18 томахъ *Дѣяній Петра Великаго*, сост. Голиковымъ. — Но извѣстно, что Россійскаго Ѳеатра не шестьдесятъ, а *сорокъ три* тома; дѣяній же Петра Великаго 12, дополненій къ нимъ 18, а всего *тридцать* томовъ. Это показываетъ, что сочинитель не посмотрѣлъ внимательно на тѣ книги, о коихъ пишетъ.

(Ч. (III—56). «*Въ Ломоносовъ чаще всего встрѣчаются картины сѣвера; въ Державинъ, потомъ въ Барима, повсюду великолѣпіе востока, и пр. Нѣга, роскошь, благоухающія розы, и нерѣдко тундры*». — Но развѣ нѣтъ у Державина картинъ сѣвера и зимы? Стоило взглянуть въ Собраніе его стихотвореній; вспомнить: *Съ бѣлыми Борей власами*, и проч.

Еще удивительнѣе замѣчаніе (ч. III — 48), что «*Ломоносовъ для связи строкъ употреблялъ холодныя выраженія: Но что я зрю? Какое зрѣлище предстало?*» — Нѣтъ! Когда воображенію поэта представляется новая картина, новое зрѣлище, то выраженіе: *Но что я зрю?* не будетъ холоднымъ. На стран. 57; той же части опять повторено, что *Ломоносовъ часто употреблялъ холодныя выраженія: Но что я вижу?*

Послѣ разбора эпитетовъ: *сѣдой* и *благомыслный* (въ Утрѣ Державина) (стр. 114) сказано: Сочинители, бѣдные мыслями или молодые всегда употребляютъ много эпитетовъ. Державинъ употреблялъ много эпитетовъ: что же должно заключить изъ словъ сочинителя?

Къ погрѣшностямъ Державина сочинитель (III — 57) причисляетъ повтореніе одного слова или стиха въ началѣ строкъ, напр.:

Падуть — и вождь непобѣдимый.

Въ сенатѣ и пр.

Падуть — и несравненный мужъ.

Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы, и пр.

Но поэтому:

И блѣдна смерть на всѣхъ *глядитъ*,

Глядитъ на всѣхъ, и пр.

можно будетъ также отнести къ погрѣшностямъ?

Многія статьи Руководства къ словесности чрезвычайно сбивчивы, наприм. о *романъ, идилли, сказкь*, и пр. — Сочинитель нѣсколько разъ начинаетъ говорить о романахъ одного рода, переходитъ къ другимъ, и опять возвращается къ прежнимъ, такъ, что въ обзорѣнн романовъ нѣтъ никакой постепенности и порядка. — Говоря объ одномъ предметѣ, сочинитель нерѣдко сбивается на другое; напр. въ главѣ о *страстномъ* говорить болѣе о *трогательномъ*.

Встрѣчаются примѣры, неподходящіе подъ разрядъ положеній и правилъ; въ примѣръ фигуры *сокращенія* приведены стихи:

Ты дхнешь и двигнешь океаны,

Речешь, и вспять они текутъ,

А мы, одной волной подъяты,

Одной волной поглощены. (Кр. Рук. стр. 68).

Но стихи сіи болѣе могутъ служить примѣромъ поэтической *противуположности*. — Въ примѣръ *простодушія* приведены (ч. I — 75) изъ Виргилія слова Низа, который, видя друга своего Эвриала въ рукахъ враговъ; стремящихся умертвить его, говоритъ:

Me, me! adsum, qui feci! in me convertite ferrum, и пр. Но это не *простодушіе*, а выраженіе силы чувствъ, голосъ любви, жертвующей собою для спасенія друга. Также въ примѣръ *простодушія* приведенъ (Ч. I — 77) изъ сочиненій М. Н. Муравьева

отрывокъ, въ которомъ видна чистота чувствъ, свѣтлыя мысли, высокая истина, но вовсе не то, о чемъ взялся говорить сочинитель въ статьѣ: *о простодушиномъ*.

Вообще обзоръ книги г. Георгіевскаго убѣждаетъ, что нужно быть особенно осторожнымъ въ составленіи книгъ, издаваемыхъ для преподаванія. — Сочиненія, не представляющія точности, опредѣлительности и ясности, вмѣсто просвѣщенія, скорѣе могутъ затмить понятія изучающихъ по такимъ книгамъ правила науки.

Между лучшими мѣстами книги г. Георгіевскаго, представляющими болѣе основательности и достоинства въ изложеніи правилъ словесности комитетомъ замѣчены слѣдующія: Приступъ къ сужденію объ общихъ законахъ изящнаго (I — 35). О различіи высокаго и великаго (I — 54). Дѣйствіе высокаго на сердце (I — 58). Указаніе примѣровъ высокаго (I — 62). Опредѣленіе генія (I — 89). Различіе генія отъ таланта (I — 91). Различіе между геніемъ и воображеніемъ (I — 93). О пользѣ правилъ краснорѣчія (II — 5). Достоинство рѣчей Демосѣена (II — 13, 14). О христіанскихъ ораторахъ западной и восточной церкви (II — 19). О твореніяхъ Тацита (II — 48). Несправедливость упрека Квинту Курцію (II — 65). Различіе впечатлѣній по расположенію души. Замѣчаніе о рѣчахъ Цицерона, о Гораціевой Наукѣ стихотворства, о сатирахъ его и посланіяхъ. Заботливость Эврипида о своихъ сочиненіяхъ. О похвальныхъ словахъ Ломоносова, о твореніяхъ Теофана. Разборъ водевиля Мельникъ, соч. Аблесимовымъ, и нѣкот. друг. Вообще *исторія словесности*, составленная г. Георгіевскимъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ болѣе обработанности, нежели другія части его сочиненія. Въ краткомъ Руководствѣ къ изученію русской словесности, въ числѣ мѣстъ, заслуживающихъ особенное одобреніе, комитетомъ замѣчены: *О измѣненіи значенія словъ* (стр. 112 и 113). «Это происходитъ отъ незнанія языка и невниманія, особливо отъ обманчиваго о вещахъ понятія; напр. слово *подобострастный* принимаютъ въ смыслѣ *униженнаго*, а въ самомъ

дѣлѣ оно означаетъ имѣющаго подобныя страсти, что показываетъ самый составъ слова: Въ *подобострастное намъ облекся еси тѣло* (Лук. гл. 24 ст. 11). Должно замѣчать прежнее и нынѣшнее употребленіе словъ, ибо многія слова потеряли свое знаменованіе и получили новое, напр.: *хитрость* значитъ теперь лукавство, а прежде означало искусство; и краснорѣчіе называли *риторскою хитростію*. — *Дряхлый* значитъ теперь *престарѣлый*, а прежде *печальный*. — *Строййй* прежде означало *острый*, какъ у Ломоносова: «ступаетъ по *вершинамъ строимымъ*». — *Опасный*, по нынѣшнему употребленію, вредъ въ себѣ скрывающій, напр. «Услуживый дуракъ *опаснѣе* врага», а по древнему *осторожный*; напр. «блюдайте, како *опасно* ходите». — *Столъ* встарину тронъ, престолъ; напр.: у Нестора: «Ярославъ сѣде въ Кіевѣ на *столъ* отчи». Отсюда произошли: *столица*, *стольникъ*. — *Странный* теперь *чудный*, а прежде *чужеземецъ*, странствующій: *Страненъ* бѣхъ, и введосте мене.

Вотъ опредѣленіе вкуса (Кр. Рук. 165): Предложивъ, что вкусъ есть плодъ природы и науки, мы можемъ сдѣлать опредѣленіе онаго. — *Основательный вкусъ* будетъ не иное что, какъ *врожденное чувство изящнаго, утонченное прилежнымъ наблюдениемъ красотъ всѣхъ родовъ, и управляемое разборчивостію до высочайшей степени образованнаго ума.*

О красотахъ нравственныхъ (166): «Красоты нравственныя не только сами по себѣ превосходнѣе всѣхъ; но онѣ при всякомъ случаѣ имѣютъ великое вліяніе почти на всѣ другіе предметы вкуса. Тотъ, котораго чувства грубы, кто не удивляется всему высокому, и кто не питаетъ въ душѣ чувствованій кроткихъ и чистыхъ, тотъ никогда не будетъ вкушать удовольствія и при совершеннѣйшихъ красотахъ краснорѣчія и поэзіи».

Замѣчаніе о успѣхахъ литературы въ царствованіе Екатерины II есть одно изъ лучшихъ мѣстъ книги г. Георгіевскаго (Ч. IV стр. 227): «Екатерина II, возведя Россію на высшую степень политической славы, вознесла и русскую словесность, которая была предметомъ особеннаго ея благоволенія и покровитель-

ства. Она знала сильное ея вліяніе на образованіе народа и счастье жизни. Истинныя дарованія всегда имѣли право на лестныя отличія монархини. Россійская академія, департаментъ для перевода иностранныхъ книгъ, народныя училища и многія другія заведенія основаны по ея велѣнію. При ея же попечительности начертаны правила общественнаго и частнаго воспитанія, лучшія произведенія древнихъ и новѣйшихъ писателей появились на русскомъ языкѣ и имѣли вліяніе на образованіе народное. *«Петръ Великій, говоритъ Карамзинъ, хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей, Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми просвѣщенными»*. Книгопечатанію дана была благоразумная свобода, завелись вольныя типографіи. вмѣстѣ съ тѣмъ московскій университетъ имѣлъ весьма ощутительное вліяніе на успѣхи отечественной словесности, образовавъ по части ея отличныхъ людей. Екатерина съ удовольствіемъ взирала на созрѣвающіе плоды трудовъ своихъ, и при всей скромности, съ какою обыкновенно отзывалась объ успѣхѣхъ своихъ постановленій, показала преимущество нашего языка предъ французскимъ въ письмѣ своемъ къ Вольтеру: «Нѣтъ ничего труднѣе, говоритъ она, какъ перенести на языкъ французскій что-либо написанное на русскомъ. Этотъ послѣдній столь богатъ и выразителенъ и терпитъ такіе обороты и составленія словъ, что изъ него можно сдѣлать все, что угодно, а вашъ столь ученъ и столь бѣденъ, что надобно быть вами, чтобъ сдѣлать изъ него такое употребленіе, какое вы сдѣлали».

Выпишемъ еще прекрасное мѣсто о долгѣ безпристрастія критики (Ч. II. ст. 89): «Совершенный критикъ, имѣющій въ виду разсматривать новыя сочиненія, опредѣлять цѣну и внутреннее ихъ достоинство, показывать нравственную ихъ пользу и вліяніе на отечественное просвѣщеніе, долженъ поставять священною для себя обязанностію быть безпристрастнымъ. Онъ долженъ быть безъ партій, безъ друзей, безъ покровителей, безъ моды, или, точнѣе сказать, безъ предубѣжденія и безъ предразсудковъ. Когда онъ критикуетъ, то долженъ смотрѣть на со-

чиненіе, а не на сочинителя, — долженъ отличать произведеніе истиннаго таланта, имѣющаго въ виду пользу просвѣщенія и благо отечества, отъ порожденія суетной самонадѣянности, дерзкой предприимчивости и низкаго корыстолюбія. Критикъ не долженъ также быть эхомъ похвалъ, коими нерѣдко осыпаетъ публика новаго моднаго писателя, своего любимца; равномерно долженъ быть умѣренъ и въ порицаніи. — Похвала пристрастная вредна для словесности; но хула пристрастная не только вредна для ней, но и для оуждаемаго. — Вообще критика, на нарочномъ умыслѣ, на зависти или злобѣ основанная, есть преступленіе противъ законовъ чести и достоинства изящной словесности.»

Если бы все сочиненіе г. Георгіевскаго было составлено такъ основательно и удовлетворительно, какъ означенныя мѣста, то оно принадлежало бы къ числу полезнѣйшихъ книгъ, преимущественно заслуживающихъ награду; но, къ сожалѣнію, значительная часть обѣихъ книгъ его *необходимо требуетъ исправленія, и въ цѣлости не можетъ быть одобрена*, особенно принимая во вниманіе всю важность значенія учебныхъ книгъ, которыхъ недостатки тѣмъ ощутительнѣе, что самое невѣдѣніе вредитъ менѣе, нежели сбивчивость, противорѣчія, незрѣлость въ сужденіяхъ, невѣрность въ изложеніи книгъ, составленныхъ для преподаванія науки. — Если г. Георгіевскій исправитъ сіи недостатки, очиститъ, усовершенствуетъ свое сочиненіе, на чтѣ подають надежду многія прекрасныя мѣста его труда, то составленное имъ Руководство къ изученію словесности будетъ принадлежать къ числу полезнѣйшихъ книгъ, и тогда пріобрѣтетъ право на полную награду, но въ настоящемъ видѣ сей книги, комитетъ, къ сожалѣнію, почитаетъ невозможнымъ, безъ нарушенія справедливости, причислить сей трудъ, впрочемъ замѣчательный и благонамѣренный, къ разряду сочиненій, заслуживающихъ демидовскую премію»¹⁹⁰).

Корнесловъ русскаго языка, составленный Шимкевичемъ.

Трудъ Шимкевича, предназначаемый для соисканія демидовской преміи, переданъ былъ въ разсматривательный комитетъ рос-сійской академіи, отъ котораго полученъ слѣдующій отзывъ:

«Комитетъ входилъ въ разсмотрѣніе сообщеннаго отъ кон-ференціи императорской академіи наукъ. предисловія г. Шим-кевича къ составленному имъ Корнеслову русскаго языка.

Трудъ, предпринятый г. Шимкевичемъ, можетъ быть весьма полезнымъ, если только будетъ имъ обработанъ съ такою же разборчивостію, съ какимъ постоянствомъ и дѣятельностію онъ вполнѣ преданъ своему предмету. Изъ опыта, представленнаго имъ, видно, сколько онъ неутомимъ въ изслѣдованіяхъ по части языкознанія. Въ списокѣ предуготовительныхъ работъ, служившихъ ему пособіемъ при составленіи корнеслова, между про-чимъ, показаны имъ: словарь малороссійскаго нарѣчія, словарь областныхъ словъ русскаго языка, славено-русскій словарь, составленный имъ по лѣтописямъ, древнимъ грамотамъ, церков-нымъ книгамъ, и другимъ стариннымъ памятникамъ, и сверхъ того собраніе замѣчательныхъ русскихъ простонародныхъ словъ изъ старинныхъ пѣсенъ и пословицъ.—Для полнѣйшаго обо-зрѣнія трудовъ г. Шимкевича, комитетъ просилъ его о сообще-ніи упомянутыхъ приуготовительныхъ его занятій, по самому предмету своему относящихся къ разсмотрѣнію россійской академіи.

Представленные г. Шимкевичемъ опыты хотя и не приве-дены имъ къ концу, а нѣкоторые только-что начаты, но всѣ они свидѣтельствуютъ полезную цѣль, избранную имъ для тру-довъ своихъ, любовь къ языкознанію и дѣятельность.

Самый опытъ корнеслова еще не довольно представляется удовлетворительнымъ. Замѣчено, что сочинитель напрасно отно-сится къ концу корнеслова тѣ слова, которыя, по его мнѣнію, не могутъ доказать своего туземства употребленіемъ въ сла-вянскихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ: *берегу*, *блюду* и пр. Такая

разборчивость можетъ вовлечь въ сбивчивость; легко можетъ встрѣтиться въ одномъ славянскомъ нарѣчїи коренное слово, употребляемое въ другихъ, и тѣмъ не менѣе туземное, также какъ *берегу* и *блюду*, очевидно славянскія по своему происхожденію.

Въ опредѣленіяхъ словъ нельзя не пожелать болѣе точности.

Сочинитель опредѣляетъ слово *блюдо*: «родъ столоваго сосуда». Это недостаточно; нужно было бы прибавить объясненіе вида сего сосуда.

Слово *болій* опредѣлено: «превосходящій другихъ величиною». Но *болій* говорится и не въ смыслѣ *величины*, а просто въ смыслѣ превосходства. Довольно бы сказать: *превосходящій другихъ*.

Слово *боль* опредѣлено: «непріятное чувствованіе въ какой-нибудь части тѣла»; но боль есть чувство страданія въ какой-нибудь части тѣла; непріятное чувство можетъ быть и безъ боли.

Отъ слова *Богъ* показаны производныя: *богиня*, *богатый*, *убогій*, а опущены ближайшія: *Божество*, *божественный*, *боготворить*.

Слово *бороть* объяснено: «обхвативъ кого, стараться повалить на землю». Но изъ примѣра: *борятъ мя страсти* видно, что *бороть* употребляется иносказательно въ смыслѣ *одолѣвать*, и это необходимо объяснить.

О словѣ: *борзый* сказано: «быстро бѣгущій», и прибавлено: «говорится только объ лошадяхъ и объ одномъ родѣ собакъ». Но изъ старинныхъ памятниковъ видно, что *борзый* относилось и къ людямъ; напр. въ лѣтописи находимъ: *посади два попа борзотисца зъло*.

Борода, по объясненію сочинителя, — «волоса на нижней части лица»; но подъ симъ словомъ разумѣется и собственно нижняя часть лица, почему есть поговорка: *на борода и волосъ нѣтъ*.

Слово *братъ* объяснено: «каждый изъ сыновей въ отношеніи одного къ другому». Правильнѣе было бы сказать: «каждый изъ сыновей одного отца или одной матери».

О *брезнь* сказано: «продолговатое полѣно». Правильнѣе сказать: «обрубленный стволъ дерева».

О словѣ *бубать* сказано: «неупотребительно, стучать; отъ сего слова произошло *бубенъ*», и пр. Но далѣе видно, что *бубать* покроецки *стучать*, почему и нужно было бы въ самомъ началѣ показать, что слово *бубать* взято изъ кроатскаго языка.

О словѣ *бтыу* сказано: «находиться въ быстромъ движеніи»; но это невѣрно: дервиши, кружась на одномъ мѣстѣ, дѣти, качаясь на качеляхъ, находятся въ быстромъ движеніи, но не *бтыуютъ*. Слово *бтыу* должно бы внести въ корнесловъ не въ настоящемъ времени, а въ неопредѣленномъ *бтыать*, и въ объясненіи сказать: «стремиться гѣшему съ одного мѣста на другое».

Наконецъ *валить* и *хвалить* сочинитель отнесъ къ одному корню, указывая на французское *valoir*. Ближе было бы указать на латинское *valere*, родовое французскаго слова. Въ особенности нужно замѣтить, что слово *хвалить* никакъ не можетъ быть отнесено къ одному корню со словомъ *валить*.

Кромѣ того членъ комитета В. М. Перевощиковъ изложилъ слѣдующее свое мнѣніе:

1-е. Сочинитель выставляетъ корни однихъ русскихъ словъ. Но желательно было бы прибавить корни и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, ибо легко можетъ быть, что русское слово, котораго корень неизвѣстенъ, имѣетъ корнемъ слово въ другомъ славянскомъ нарѣчій; также можетъ быть и наоборотъ, что слово какого-нибудь нарѣчія получило корень въ русскомъ языкѣ. Между славянскими нарѣчійми столь много общаго, что корнесловіе ихъ должно быть сосредоточено въ одну систему.

2-е. Сочинитель показываетъ послѣ коренныхъ нѣкоторыя производныя слова; но, или должно показывать всѣ производныя слова, или, ограничиваясь нѣкоторыми, показывать и объяснять только тѣ, коихъ производство отъ корня менѣе очевидно, и которыя однакожъ, не смотря на наружную отдаленность, относятся къ одному и тому же корню.

Наконецъ въ предисловіи къ сочиненію полезно было бы

исчислить всѣ окончанія словъ, объяснивъ знаменованіе ихъ, и тѣмъ опредѣлить ихъ важность и отношенія ихъ къ системѣ русскаго языкознанія.

Съ мнѣніемъ В. М. Перевощикова согласились прочіе члены комитета. Разсмотрѣвъ трудъ г. Шимкевича, комитетъ призналъ за нужное пригласить его лично въ собраніе, находя полезнымъ дать ему руководство къ усовершенствованію его труда, который, по мѣрѣ обработыванія, онъ можетъ представлять по частямъ на разсмотрѣніе академіи. Между тѣмъ, по недостатку его способствъ, и имѣя въ виду предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія, комитетъ почитаетъ нужнымъ въ поощреніе г. Шимкевича къ продолженію начатаго имъ труда представить академіи, не благоволено ли будетъ ей назначить ему въ пособіе *триста* рублей серебромъ»¹⁹¹).

Болгарская грамматика, составленная Венелинымъ.

Получивъ отъ Венелина рукописную грамматику нынѣшняго болгарскаго нарѣчія, министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, полагавшій, что изданіе этой рукописи можетъ принести пользу «изслѣдованіямъ вообще разныхъ нарѣчій отечественнаго нашего языка», препроводилъ ее въ російскую академію. Разсматривательный комитетъ, избранный изъ членовъ російской академіи, представилъ ей слѣдующее обзорѣніе рукописи Венелина:

«Болгарская грамматика начинается статью объ именахъ. Сочинитель раздѣляетъ ихъ на три отдѣла: въ первомъ (имена тождественныя съ русскими) списокъ сихъ именъ начинается со слова *ядъ*, далѣе *духъ*, *волъ*, далѣе чрезъ нѣсколько словъ — *совѣсть*, *лопата* и пр. (5). Здѣсь не видно ни азбучнаго, ни систематическаго порядка.

Въ числѣ именъ, однимъ болгарамъ свойственныхъ, уклоняющихся отъ русскихъ, и по свойству нарѣчія въ чемъ-либо измѣненныхъ, приведены въ примѣръ: болгарское — *гладъ*, рус-

ское—*голодъ*; болгарск. *градъ*, русск. *городъ*; *гласъ*, *голосъ*; *мразъ*, *морозъ*; *хладъ*, *холодъ*; *стражъ*, *сторожъ*; *вранъ*, *воронъ*; *страна*, и *сторона*; *сребро* и *серебро*; *злато* и *золото*. (7). Но сочинитель напрасно отлучаетъ отъ русскаго языка слова: *гладъ*, *градъ*, *хладъ* и пр. Они—богатство его, и разница между *градъ* и *городъ* и пр. только та, что сокращенныя слова преимущественно употребляются въ возвышенномъ, а другія въ простомъ слогѣ.

Въ числѣ *существительныхъ*, *уклоняющихся отъ русскыхъ*, какъ въ произношеніи, такъ иногда даже и въ формахъ, помѣщены: *свѣща* (8), *цѣльба*, *яденіе*, *масть* (9) и пр. Но почему же *цѣльба* и *яденіе* внесены сочинителемъ въ болгарскія слова, а *нда* и *цѣленіе* отнесены къ русскимъ? (9). И у насъ въ возвышенномъ слогѣ говорится *масть* вмѣсто *мази*.

Въ числѣ *созначительныхъ*, т. е. по опредѣленію сочинителя такихъ существительныхъ, которыя, происходя отъ совершенно другихъ корней, чѣмъ русскія, употребляются въ значеніи сихъ послѣднихъ, между прочимъ помѣщены: болгарск. *уста*, русск. *ротъ* (11), болг. *чадо*, русск. *дитя*, *срамота* и *стыдъ* (11), *товаръ* и *рузъ*, *рамо* и *плечо*. Но развѣ чужды русскому языку *уста*, *чадолубивый* и пр. Развѣ *рузъ* у насъ не называютъ *товаромъ*? Если *срамота* не русское слово, то почему же *стыдъ* русское? Оба сіи слова принадлежатъ къ одному и тому же источнику нашего языка.

На стр. 30 сочинитель говоритъ вообще, что у россіянъ употреблялись не *прозвища*, а *отцеименные*, и приводитъ въ примѣръ, что одинъ Георгій назывался *Михайловымъ*, другой *Ивановымъ*, третій *Апраксинымъ*, четвертый *Волковымъ*, пятый *Медвѣдевымъ*. Но этотъ самый примѣръ доказываетъ, что у россіянъ употреблялись прозвища, наприм. *волкъ*, *медвѣдь*. Такихъ именъ не было, но прозвища весьма часто замѣняли имена. Да и самъ сочинитель на 66 стр. противорѣчитъ себѣ, говоря о прозвищахъ лицамъ: *Радъ*, *Дразъ*, и пр., что *подобныя производныя личныя существовали прежде и на Руси*, и что и теперь еще нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ фамильныхъ, напр.

Томиловъ, Стрекаловъ, Шипиловъ и пр. Ясно, что у россиянь употреблялись прозвища.

Названіе *Ивана*, *Иванки* сочинитель производитъ не отъ *Иоаннъ*, а отъ *Ива* (стр. 37). *Игоря* же выводитъ отъ *Егора* (38).

Стр. 62. *Екъ*, говоритъ сочинитель, образуетъ уменьшительныя лицъ и вещей у западныхъ славянъ, въ болгарскомъ же языкѣ, имена, долженствующія оканчиваться на *екъ*, образуются на *ецъ*, и замѣчаетъ, что русское *старикъ* болгаре пишутъ *старецъ*; вмѣсто *младенекъ*—*младенецъ*; вмѣсто *боекъ*—*боецъ*; вмѣсто *ловчій*—*ловецъ*; вмѣсто *писарь* поболгарски *писецъ*, и проч. Но *старецъ*, *младенецъ*, *боецъ*, *ловецъ*, *писецъ* составляютъ неотъемлемую собственность русскаго языка.

Старецъ и *младенецъ*, замѣчаетъ сочинитель (63), хотя и принимаютъ въ русскомъ словѣ, однако они составлены не по духу русскаго нарѣчія, а перешли отъ болгаръ при богослуженіи (63 ст.).

О существительныхъ именахъ на *ище* сочинитель говоритъ (74): «Сія форма употребляется, когда нужно выразить сосудъ, въ коемъ что-либо находилось, и вмѣстѣ тѣ, къ чему онъ служилъ, равномѣрно пространство или мѣсто, на коемъ происходило какое-либо дѣйствіе». Сочинитель приводитъ въ примѣръ: *судилище*, *училище*, *сокровище*, *поприще*, *пристанище*, *капище*, и пр. Но нѣтъ ни одного слова, въ которомъ былъ бы виденъ *сосудъ*, въ коемъ что-либо находилось, и тѣ, къ чему онъ служилъ. Если бы и нашлось такое слово, то порядокъ требовалъ начать тѣмъ, что словами, оканчивающимися на *ище*, означаетъ какое-либо пространство или мѣсто, а иногда и *сосудъ*, въ коемъ что-либо находилось. Сочинитель же началъ съ конца.

О склоненіяхъ болгарскихъ именъ говорится слишкомъ неопредѣлительно, такъ что нисколько нельзя положиться на точность правилъ. По замѣчанію сочинителя (стр. 95), «гласныя окончанія словъ весьма часто подвергаются *недослышкѣ*, такъ напр. и въ русскомъ нерѣдко мѣшаютъ *добрые* вм. *добрыя*, и наоборотъ». Но эта недослышка не допускается въ грамматикѣ, опре-

дѣляющей, когда говорить *добрые*, а когда *добрыя*. Иное дѣло въ произношеніи, иное на письмѣ. Сочинитель говоритъ (97), что *болгаре не имѣютъ падежей или склоненія съ опредѣленнымъ и постояннымъ смысломъ*; что во всѣхъ падежахъ въ окончаніи склоненій *прислушивается* одно и то же окончаніе (98), и что это происходитъ оттого, что *семь простыхъ гласныхъ* могутъ слиться въ одинъ общій звукъ грубый и открытый (ы), *точно также, какъ и семь простыхъ чертовъ сливаются въ одинъ бѣлый*. Подобныя правила заставляютъ сомнѣваться въ свѣдѣніяхъ сочинителя, который, какъ говоритъ онъ (146), *прислушивался къ разговорѣ болгаръ изъ разныхъ областей*, но какъ видно не глубоко вникнулъ въ языкъ. Нельзя составлять грамматику какого бы ни было народа безъ основательныхъ и точныхъ свѣдѣній въ языкѣ его; *прислушиваніе* въ этомъ случаѣ недостаточно и легко введетъ въ заблужденіе: отъ него-то и происходятъ *недослышки* и *переслышки*, упоминаемыя сочинителемъ. Знающій языкъ легко отличить окончанія падежей; одинъ неимѣющій свѣдѣнія смѣшиваетъ окончанія падежей, такъ что они часто сливаются въ его слухѣ подъ общій звукъ (особенно если говорятъ скоро; напримѣръ въ падежахъ: *дубъ, дуба, дубу, дубь, дубомъ, мѣсъ, мѣса, мѣсу, мѣсть, мѣсомъ* будетъ слышаться только *дубъ* и *мѣсъ*); но однакожь никто не скажетъ, чтобы русскій языкъ не имѣлъ падежей съ опредѣленнымъ смысломъ. На чемъ же основался сочинитель въ предлагаемыхъ имъ формахъ склоненій, когда болгаре падежей не имѣютъ, и когда окончанія падежей сливаются въ одинъ звукъ? Видимъ (стр. 101), что онъ основался на старыхъ формахъ болгарскаго языка, какъ онѣ находятся въ переводѣ священнаго писанія, отмѣчая особеннымъ знакомъ ударенія спавшія съ голоса окончанія. Но когда *окончанія*, какъ самъ онъ сказалъ (95), часто *подвергаются недослышкѣ*; когда формы падежей, по его же словамъ (101), *должны быть оживлены правописаніемъ, а писавшіе болгары не опредѣлили на это точныхъ постоянныхъ правилъ, и писали, какъ кому вздумалось, и когда пишущіе, или,*

лучше сказать, продолжаетъ онъ, маракающие болгаре по невъжеству своему досель вовсе не отличали формъ надежныхъ, то къ чему послужатъ знаки произвольнаго ударенія надъ словами прежняго церковно-славянскаго языка, и пояснятъ ли они формы склоненій для желающаго изучить грамматику настоящаго болгарскаго языка? Цѣль сочинителя (стр. 101) исправить голосъ нарчїя? На стр. 113 сочинитель говоритъ, что для выраженія лица, въ пользу коего что-либо дѣлается, есть чистая надежная форма, довольно цѣлая и общая въ склоненіи именъ мужескаго рода, но и этой формы, продолжаетъ онъ, болгаре избѣгаютъ по возможности. Этого нельзя согласить съ предыдущимъ. Если избѣгаютъ, то эта форма не общая; если же это чистая и общая форма, то видно, что не избѣгаютъ ея. Болгаре, пишетъ сочинитель (107), всячески стараются избѣгать чистое употребленіе надежей въ прямомъ ихъ смыслѣ. Здѣсь уже сочинитель заставляетъ сомнѣваться въ правильности русской грамматики, и тѣмъ болѣе, что избѣгать чистое употребленіе написано какъ видно не по ошибкѣ. Черезъ три страницы находимъ (111): избѣгая родительный надежъ посредствомъ предлога. На стр. 39 онъ пишетъ: народъ болгарскій долженъ былъ имѣть подобныя имена, какъ такія. Тамъ же: ибо поелику у обоихъ сїихъ народовъ и пр. На стр. 50-й: Греческій народъ подъ шами иноплеменниковъ. На стр. 173 сочинитель говоритъ: коренные глаголы, имѣющіе гласную или полугласную і передъ окончательною ѡ, то сїю послѣднюю превращаютъ и пр. На стр. 269 упомянуто будетъ объ нихъ во столько, во сколько они составляютъ принадлежность глаголовъ; (345) напѣву можно выучиться только въ живучи.

Такіе обороты столько же новы въ русскомъ языкѣ, какъ и слова, вводимыя сочинителемъ. На стр. 40 онъ оканчиваетъ *языкописный обзоръ болгарскихъ существительныхъ, и приступаетъ къ родописному раздѣленію (40). На стр. 41: Видописъ или описаніе рожденія болгарскихъ существительныхъ; (на стр. 145) инстинктъ такъ сказать или языковѣдная оцупъ; (на стр.*

318), сочинитель пишетъ: *науку объ оборотахъ* я называю *оборотописью* (фразеографія). На стр. 345 говорится о *правилахъ востъвовъ* и объ отношеніяхъ, составляющихъ *языкописную натьвопись*.

Съ другой стороны сочинитель допускаетъ выраженія: *задунайская славяница* (24), говоритъ о *турцизмахъ* (25), о жестокомъ *руссизмъ* (144), о *гречествовавшихъ болгарахъ* (354): На стр. 162, предлогъ *играетъ роль*; на стр. 198, глаголь *возрастаетъ въ нормъ* своей, но не *возрастаетъ въ механизмъ*. На стр. 46. *Чъмъ болѣе умъ или вниманіе переходитъ въ категорию количественности и качественности, т. е. когда облакается въ формы производныя отъ именъ числительныхъ и прилагательныхъ, тогда онъ вступаетъ въ сферу математизма и метафизизма, т. е. сферу количественныхъ и качественныхъ отвлеченностей*, и пр. На стр. 319 сочинитель говоритъ, что видѣлъ иныхъ французовъ и русскихъ, писавшихъ *несовѣмъ* въ духѣ *діалектизма своего языка*, — и вслѣдъ за симъ сказано: «При недостаткѣ въ изложеніи полной системы народныхъ оборотовъ и идиотизмовъ, *то народная чистота языка доселѣ сохраняется просто народною оцупью*» (Стр. 319). Неужли подобныя фразы въ духѣ русскаго языка, и писаны по правиламъ русской грамматики?

Многое заставляетъ сомнѣваться въ основательности положеній сочинителя, и требуетъ подтвержденія отъ знатоковъ болгарскаго языка, къ которымъ академія могла бы обратиться, если бы несообразности грамматики, составленной сочинителемъ, были менѣе очевидны. Напримѣръ: нужно бы повѣрить, справедливо ли, что болгаре не имѣютъ падежей съ опредѣленнымъ смысломъ (стр. 97); — чтобы глаголы болгарскаго языка по формамъ прошедшаго могли быть раздѣлены на пять спряженій (стр. 185); — что симъ формамъ они подвергаются безъ всякаго отступленія, такъ что это обстоятельство показываетъ исключительную *форменную правильность* болгарскихъ глаголовъ, не имѣющую и не терпящую отступленій. (стр. 187).

Очевидно, что нельзя положиться на таблицы и формы, со-

ставленные сочинителемъ. Въ грамматикѣ его множество формъ и таблицъ, но въ нихъ нѣтъ послѣдовательности и соображенія.

На стр. 197 говорится, что спряженій простыхъ глаголовъ, относительно ихъ формъ настоящаго, есть два: 1) оканчивающихся на *еиш* и 2) на *иш*. — Куда же дѣвались оканчивающіяся на *иш*? Но сочинитель вспомнилъ объ нихъ на 207 страницѣ, гдѣ сказано, что *иш* принадлежитъ равномерно и второй, и третьей категоріи.

На стр. 158 и 159 сочинитель по взаимному тройному отношенію въ существенныхъ значеніяхъ раздробляетъ глаголы на 9-ть категорій, а далѣе замѣчаетъ, что вмѣсто 9-ти категорій весьма удобно удовлетвориться тремя (159) и что категоріи сіи: опредѣленная, неопредѣленная и многократная суть слѣдующія: опред. *бѣлю* имѣеть въ неопредѣленномъ *бѣлю*, а въ многократномъ *побѣливаю*; но *бѣлю* и *бѣлю* два глагола совершенно разные; одинъ значить: *покрываю бѣлымъ*, а другой: *становлюсь, представляюсь бѣлымъ*. Далѣе чрезвычайно сбивчивое положеніе сочинителя (185), что болгарскіе глаголы распределяются двояко: 1) всякій порознь на тройное спряженіе категорій, и 2) всѣ вообще на формы общихъ спряженій; — что сіи опять подраздѣляются а) по формамъ настоящаго на три и б) по формамъ прошедшаго просто на пять спряженій, не выводя изъ сего никакого исключенія. Неупотребляемая же категоріи не суть исключенія, а недостатки. — Но при разсмотрѣніи такъ называемыхъ категорій сочинителя замѣтно много несообразностей и противорѣчій; что же касается до исключеній, то названіе ихъ недостатками не перемѣнитъ существа дѣла и не уничтожитъ невозможность подвести подъ общее правило формы совершенно разнообразныя. Напр. объясняя болгарскія спряженія русскими, и чтобъ подвести подъ свою категорію, сочинитель показываетъ, что глаголь *кладу* однократный, имѣеть въ многократномъ *кладываю*. Но существуетъ ли въ русскомъ языкѣ *кладываю*?

На стр. 199 и 200, глаголь *люблю*, почитаемый отъ сочинителя производнымъ болгарскимъ глаголомъ, по замѣчанію его,

не имѣеть кореннаго своего глагола, ибо невозможно любнуть однократно, опредѣленно. Черезъ нѣсколько строкъ далѣе говорится, что *люблю* не есть такой глаголь, который не имѣлъ бы своего простаго, и что онъ не имѣеть онаго, можетъ быть, только въ русскомъ и болгарскомъ языкахъ (200). *Люблю* у сербовъ значить *прикасаться устами*, (полюби ми руку—поцѣловаль мнѣ руку), а *цѣлованіе* по мнѣнію сочинителя есть *опредѣлительнаго свойства*, почему должно бы выразаться коренно простымъ, неумягченнымъ глаголомъ. Теперь не могу сказать, продолжаетъ сочинитель, *сохранился ли коренный сей глаголь въ какомъ-либо славянскомъ нарѣчьи*, однако *сейчасъ же вспоминаю*, что *сей славянскій глаголь безъ умягченія сохранился въ латинскомъ *libo*, прикасаюсь устами, отвѣдываю*. Но пояснить ли болгарскую грамматику приисканіе въ латинскомъ языкѣ словъ, сходныхъ по звуку со славянскими? Могло ли славянское *люблю* сохраниться въ латинскомъ словѣ, которое значить *отвѣдываю*?

Въ статьѣ формы возрастанія болгарскихъ глаголовъ (167) показаны: въ 1 формѣ глаголы: *четѹ* и *инѹ*, измѣняющіеся во второй въ *почитаѹ* и *загинаѹ*, а въ III въ *почитуѹ* и *загинуѹ*. Но здѣсь очевидно смѣшаны *простые коренные глаголы съ предложными*. Далѣе (168) въ примѣръ тройнаго спряженія *простое прошедшее: паднаѹ* (отъ глагола *паду*) въ *неопредѣленномъ* показано: *упадаѹ*, а въ *многократномъ упадувахъ*. Опять смѣшеніе простаго глагола съ предложнымъ!

На стр. 173 сказано: *Коренные глаголы, имѣющіе гласную і предъ окончательною ѡ, то сію послѣднюю превращаютъ въ ѡѡ*. Въ примѣръ приведены: отъ *бію* — *разбиваѹ*, *отбиваѹ* и пр.; отъ *лію*: *разливаѹ*, *отливаѹ* и пр.; отъ *вію* *развиваѹ*, *отвиваѹ* и пр.; отъ *крыю* — *покрываѹ*, и множество подобныхъ. Но *разбиваѹ* происходитъ отъ *разбію*, а не отъ *бію*; то же можно замѣтить и о другихъ глаголахъ. Отъ смѣшенія глаголовъ *простыхъ съ предложными* происходитъ очевидно сбивчивость. Надобно было сначала привести формы спряженій глаголовъ *простыхъ*, а потомъ уже говорить о *предложныхъ*. Но сочини-

тель въ формѣ простыхъ вмѣшалъ предложныя глаголы, а въ форму предложныхъ примѣшалъ простыя.

Въ таблицѣ глаголовъ (стр. 219) въ таблицѣ *a* помѣщены глаголы: *собирамъ, призывамъ*, и показаны измѣненія ихъ: на *ахъ, аше, —лъ, —нъ, —нѣ* и пр., *собрахъ, собираще, собиравъ, собираю, собираю, собираю* (стр. 229). Въ таблицѣ *ь* глаголь *оскудывамъ* и *охлаждаю* съ измѣненіями на *ахъ, аше, лъ, нъ, нѣ*, 259. Въ таблицѣ *o* глаголь *почитаю* опять съ тѣми же измѣненіями на *ахъ, аше, лъ, нъ, нѣ*. Но въ приведенныхъ примѣрахъ формы временъ по большей части однѣ и тѣ же, разница только въ прошедшемъ опредѣленномъ: *собрахъ, оскудывахъ, почитахъ*; эту разницу, какъ исключеніе, можно было обозначить въ одной таблицѣ, а не раздроблять глаголы одной формы на множество таблицъ спряженій, почти однообразныхъ.

Въ отдѣлѣ, названномъ: *o спряженіи категорій* (стр. 163); сочинитель замѣчаетъ, что всѣ три формы глагольныхъ опредѣленностей спрягаются особю, въ настоящемъ: I, *паду*; II, *падаю*; III, *падываю*; въ прошедшемъ предложномъ: I, *упалъ*; II, *упадалъ*; III, *упадывалъ*. Но ни *падываю*, ни *упадывалъ* не существуетъ въ русскомъ языкѣ. Не болгарскіе-ли они? Но сочинитель самъ говорить (стр. 166), что *теорію возрастанія славянскихъ глаголовъ онъ поясняетъ русскими примѣрами* во первыхъ потому, что это относится не только къ болгарскимъ, но и къ русскимъ глаголамъ; во вторыхъ, что излагая мысли свои объ общихъ началахъ для русскаго читателя, онъ могъ ощутительнѣе отгнѣять и подкрѣплять оныя только *русскими примѣрами*, не смотря на то, что замѣчанія сіи относятся къ болгарскимъ глаголамъ». Такимъ образомъ вышла грамматика ни болгарская, ни русская.

Въ исчисленіи глаголовъ (стр. 153) пропущены глаголы страдательныя. По выраженію глаголами большей или меньшей опредѣлительности дѣйствія, сочинитель (на стр. 155) объясняетъ, что «можно составить, такъ сказать, *лѣстницу изъ глаголовъ, начиная съ самыхъ непродолжительныхъ и восходя къ самымъ продолжительнымъ*, и что *если раздѣлить сію лѣстницу надвое*,

то выйдутъ два общіе разряда глаголовъ: кратковременныхъ и долговременныхъ. Но такихъ лѣстницъ дѣлать нельзя: не должно стѣснять языкъ односторонностію правилъ; на первой ступени этой лѣстницы грамматика оступится. Самое кратковременное дѣйствіе, говоритъ сочинитель (стр. 155), совершается въ одно мгновеніе, напр. *мигаю*, а самое долговременное полагается примѣрно въ продолженіе цѣлаго дня, напр. *жну*, *кошу*. Но глаголь *мигать* выражаетъ дѣйствіе, могущее продолжаться нѣкоторое время, а однократное и кратковременное — выражается глаголомъ *мигнуть*. Глаголы *жну* и *кошу* выражаютъ дѣйствіе не съ утра до вечера, а болѣе или менѣе продолжительное, смотря по тому, когда пришелъ и когда ушелъ съ поля косецъ или жнецъ. Одно дѣйствіе, говоритъ сочинитель, можетъ совершиться въ продолженіе одной минуты, напр. *стучу* или въ продолженіе только цѣлаго часа, напр. *обьдаю* (155). Здѣсь опять неосновательное ограниченіе времени. *Обьдать* можно и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ; *стучать* не значитъ *стукнуть*, и можно сказать: *стучать цѣлый часъ у воротъ*; кузнецъ *стучитъ цѣлый день* молотомъ.

На стр. 161 сказано, что глаголь *сплю* не можетъ имѣть формы *многократной* потому, что спанье есть уже *дѣйствіе*, *кого повтореніе до самой смерти не можетъ подать причины означать многократность онаго*. Не говоря уже о невразумительности такого опредѣленія, довольно замѣтить, что если бы глаголь *сплю* не имѣлъ многократнаго, то нельзя бы сказать: *сытали на спль*, *сыталъ по цѣлому дню*. На стр. 160 сказано, что *кратковременные* или *однократные глаголы* обыкновенно состоятъ изъ одного слога, напр. *мну*, *тру*. Но *мну* и *тру* не *кратковременные* глаголы. Можно *мять* и *тереть* въ продолженіе цѣлаго дня. На стр. 162 видно, что глаголь *шлю* имѣетъ въ неопредѣленной формѣ: *посылаю*, глаголь: *рѣжу* — въ неопредѣленномъ: *изрѣзаю*. Но *шлю* происходитъ отъ глагола *слать*, а *посылаю* отъ *посылатъ*. Глагола *изрѣзаю* въ русскомъ языкѣ не существуетъ.

Въ статьѣ о словосочиненіи (стр. 317) сочинитель отдѣляетъ

словосочиненіе отъ грамматики! Онъ говоритъ, что во всякомъ языкѣ, равно какъ и въ болгарскомъ, есть правила, независія отъ грамматики, *которыя разставляютъ слова въ извѣстный порядокъ*, и что собраніе этихъ правилъ называется *словосочиненіемъ*. Грамматика, по его положенію, занимается *механикою словъ*, а словосочиненіе *порядкомъ словъ*. Слова, двигавшіяся въ грамматикѣ по *отдѣльнымъ* законамъ, въ словосочиненіи слѣдуютъ *естъ общимъ*. Грамматика, по его мнѣнію, есть *наука частей*, а словосочиненіе *наука общаго состава*. Но можетъ-ли существовать составъ безъ частей, механизмъ безъ порядка, и словосочиненіе безъ грамматической правильности? Къ чему же ведетъ отдѣленіе словосочиненія отъ грамматики, когда оно есть цѣль грамматики; нарушающій правила грамматики не можетъ дѣлать правильнаго словосочиненія.

По мнѣнію сочинителя, мысль объ изобрѣтеніи будто Кирилломъ письменъ въ IX вѣкѣ есть *сущяя сказка*, но чтобъ говорить такъ рѣшительно, нужны ясныя, неопровергаемыя доказательства. Даже и буквы *ч, ш, џ*, по замѣчанію его, удержаны изъ глаголитскаго алфавита. Но глаголитскій алфавитъ, по свидѣтельству г. Востокова и другихъ опытныхъ въ языковѣдѣніи, изобрѣтенъ въ позднѣйшія времена.

На стр. 349 сказано, что въ болгарскомъ нарѣчій введеніе удареній излишно; что знаки удареній не суть необходимы, и напротивъ того излишны. Но если такъ, то чѣмъ же отличить слова: *мука* и *мука*, *водды* и *водды*, *цвѣта* и *цвѣта*; безъ слоудареній можетъ-ли быть правильно произношеніе словъ?

Въ переводѣ прибавленнаго для объясненія болгарскаго словосочиненія *Сказанія о святой Пятницѣ Парасковіи* не видно той отчетливости, какая нужна въ книгахъ, излагающихъ составъ и правила языка.

Святая Пѣтка откатò погребѣ родителіе свои, отрѣдичи добрѣ (359).

Переведено: Святая же Парасковія *хорошо* предала погребенію своихъ родителей (359).

Чинѣше мольбу и метаніе, и
руцѣ те си вдѣгаше на гѣрѣ и
плѣчеше (365).

И не дѣй се гнусі отъ мѣне,
щѣ сѣмъ твоя рабыня (стр. 367).

И излѣзе, и трѣгни, да иде на
свое то сѣ отчѣство (369).

И скочи юнатски съ Божі-
имъ повелѣніемъ (381).

Выраженіе: Што ми кажешь,
побратіме (стр. 319).

Переведено: Когда *молилась*
и *бросала поклоны*, и *плакаясь*
поднимала руки свои кверху. Но
по-русски нельзя сказать ни *бро-*
сала поклоны, ни *плакаясь*. Это
могло быть переведено: Творила
моленіе и повергалась ницъ, под-
нимая руки свои вверхъ и плача.

Переведено: И не гнущайся
отъ меня, твоей рабыни. Но по-
русски должно сказать: *не ну-*
шайся меня.

Переведено: Тогда вышла и
двинулась въ свое отечество.

Переведено: И двинулся мо-
лодечки съ Божіимъ повелѣ-
ніемъ. Но *юнатски* значитъ *от-*
важно, неустрашимо, отъ слова
юнакъ, которое значитъ болѣе,
нежели *молодецъ*, и ближе под-
ходить къ смыслу: *витязь, герой*.

По мнѣнію сочинителя пере-
водится русскимъ: *ужели?* или
французскимъ: *est il possible?*
Но почему же нельзя его пере-
вести гораздо ближе: *что ты,*
братъ, говоришь? или француз-
скимъ: *que dis-tu?* Французское
est - il possible по-русски зна-
читъ: *возможно-ли?* И у бол-
гаръ безъ сомнѣнія на это есть
также свое равнозначущее вы-
раженіе, а *не што ми кажешь,*
побратіме.

Предлоги и нарѣчія.

Въ болгарской грамматикѣ такая сбивчивость въ объясненіи нарѣчій и предлоговъ, что нерѣдко одни принимаются вмѣсто другихъ. Напримѣръ, къ предлогамъ отнесено *освень* (т. е. *кромь*) стр. 286, и въ примѣръ сего предлога представлена фраза: Свѣчки людіе потопены бѣше освень Ноя іосъ сынове (всѣ люди были потоплены кромѣ Ноя и его сыновей). Также нарѣчіе *кромь* причислено къ предлогамъ. Нарѣчіе: *подиръ, спустья, послъ* (стр. 290) стоятъ въ *предлогахъ*, и оно же показано и въ *нарѣчіяхъ* (стр. 301). *Отпреди* и *отзади* (*спереди* и *сзади*) и пр. причислены къ *нарѣчійамъ*, а *помежду* и *спроти* (*между* и *супротивъ*) отнесены къ *предлогамъ* (см. стр. 293 и 291). Все это доказываетъ несообразность при составленіи грамматики. *Срящу* или *сръщу*, включенное сочинителемъ въ предлоги, по объясненію его, значитъ: *противъ*, но изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что это нарѣчіе очевидно происходитъ отъ глагола: *срътати*, и ближайшее значеніе его: *навстрѣчу*.

Чрезвычайно замѣчательно опредѣленіе самаго предлога (стр. 267). Предлогъ есть *ключъ къ явленіямъ*, ибо онъ есть условіе, подъ которымъ совершается дѣйствіе. Предлогъ есть *подвижный, бродящій, независимый надежъ*; онъ *кочуетъ между дѣйствіемъ и предметомъ онаго*. Предлогъ есть не только *всеобщее склоненіе* и пр., но *сверхъ сего предлогъ есть всеобщее спряженіе*. Все это довершаетъ слѣдующій выводъ: *И такъ, если глаголъ долженъ требовать чего-либо, то требуетъ не только надежей, но и предлоговъ*. Одни глаголы *могутъ напиратъ болѣе на надежныя формы*, а *другіе болѣе на предлоги* (стр. 268).

При выпискѣ сихъ строкъ нельзя не замѣтить, что подобныя мѣста нерѣдки въ разсматриваемой грамматикѣ. Напр. (на стр. 45) сказано, что существительныя: *снѣгъ, дождь, громъ, градъ*, означающія, такъ сказать, *сырья произведенія природы*, образовались отъ дѣйствія оной на наши чувства. Согласимся, что въ *снѣгъ* и *дождь* есть сырость, но какъ же *громъ* попалъ

въ *сырья произведенія*? Далѣе говорится, что словами: *дождь*, *громъ*, *градъ*, выражаютъ ощущенія наши, производимыя извѣстными явленіями въ природѣ;—что коренныя слова суть произведенія грубыя самой природы: коренныя означаютъ буквально однѣ только *сырья вещи*, а производныя, поднимаясь съ своихъ мѣстъ, съ своихъ предметовъ физическихъ, увлекаютъ за собою вниманіе человѣка съ предмета на предметъ. Такъ, напримѣръ, грубый предметъ *огонь* посредствомъ словопроизводства слетаетъ съ своего предмета, напр. въ двѣ стороны и садится на тѣло человѣка и на кусокъ желѣза; въ словахъ *огневикъ* и *огниво* представляя намъ полное понятіе о *чирьѣ* и *кускѣ металла*.

Послѣ всего замѣченнаго нельзя не признать, что сочинитель очень сбивчиво изложилъ болгарскую грамматику и особенно составъ глаголовъ; что въ основаніи склоненій болгарскихъ также обнаруживается неточность его соображеній; что самое изложеніе правилъ болгарской грамматики во многихъ мѣстахъ впадаетъ въ изысканность и несоответственность слога съ предметомъ; мало обращено вниманія на чистоту и грамматическую правильность русскаго языка въ сочиненіи, писанномъ по-русски о болгарской грамматикѣ, и многія мѣста совершенно темны и невразумительны. Комитетъ, къ сожалѣнію, не можетъ одобрить сочиненія г. Венелина, полагая, что гораздо полезнѣе было бы, еслибъ сочинитель составилъ небольшую болгарскую хрестоматію, присовокупивъ словарь болгарскихъ словъ съ отмѣтками произношенія и сходства или несходства ихъ съ нашимъ церковно-славянскимъ языкомъ.

Заключая сямъ обзорѣніе болгарской грамматики, комитетъ долгомъ поставяетъ присовокупить, что г. Востоковъ, находившійся въ собраніяхъ комитета, при разсмотрѣніи болгарской грамматики, совершенно согласился съ мнѣніемъ членовъ; касательно же прежняго своего заключенія о трудѣ г. Венелина отозвался, что какъ болгарская грамматика есть первый опытъ по сей части, то онъ и не хотѣлъ сперва строго судить ее, и хотя, въ представленномъ отъ себя мнѣніи, указалъ на нѣкото-

рыя ея погрѣшности, однако за всѣмъ тѣмъ полагалъ полезнымъ напечатаніе этой книги, какъ содержащей въ себѣ матеріалы для изучающихъ языки славенскіе. Нынѣ же, когда другіе члены комитета вмѣнили себѣ въ обязанность подвергнуть книгу сію подробнѣйшему разсмотрѣнію, соглашается и онъ съ ихъ мнѣніемъ насчетъ всѣхъ замѣченныхъ въ этомъ сочиненіи недостатковъ и несообразностей.

Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ комитета, собраніе российской академіи рѣшило, что трудъ Венелина не заслуживаетъ быть напечатаннымъ на счетъ академіи¹⁸²).

Филолого-критическое объясненіе Гунскихъ именъ, Венелина.

О содержаніи статьи Венелина, написанной имъ для того, чтобы она служила введеніемъ въ болгарскую грамматику, можно составить понятіе по слѣдующему отзыву разсматривательнаго комитета:

«Сочинитель филолого-критическаго объясненія гунскихъ именъ, говоритъ, что объясненіе его *по праву убѣжденія* припишетъ навсегда гунновъ русскому народу. Болгаре и гунны, по мнѣнію его, означаютъ одинъ и тотъ же народъ.

Сходство болгарскихъ именъ съ гунскими онъ свидѣтельствуется именами дѣда, отца, брата, всего семейства Аттилы и его сановниковъ, выписанными изъ *Приска*, бывшаго посланникомъ при дворѣ Аттилы.

Сочинитель видѣлъ въ Варнѣ болгарца *Телана*, имѣеть пѣсню о какой-то красивой *Теланъ*, почему и думаетъ, что *Аттилла* — есть болгарское имя *Тьланъ*. Каратонъ, или Харатонъ, кажется ему *Кратомъ*; *Мундѣухъ*, отецъ Аттилы, былъ, какъ полагаетъ онъ, *Мане-Духанъ*, отъ слова: *душа*, *духъ*. Это подтверждается, говоритъ онъ, и тѣмъ, что *отецъ сыну своему Аттиллъ*, изъ ощущенія значенія собственнаго своего имени, далъ соответствующее противоположное: *Тьлана*.

Рекана, или *Крека*, супруга Аттилы, напоминаетъ сочини-

телю болгарское слово: *крякъ*, *крячь*, польскій *Краковъ*, и наконецъ сочинитель замѣтилъ, что въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1831 г. въ объявленіи о полученіи изъ почтамта обратно писемъ и посылокъ, между прочимъ, записано такъ: *Москов. мѣщанки Наталіи Марковой его благор. Никитѣ Крикину*: вотъ, говорить онъ, отсюда и очистится намъ *Крика*.

Точно въ такомъ же родѣ разысканія о братьяхъ и сыновьяхъ Аттилы. *Донатосъ*, дядя отца Аттилы, пишетъ сочинитель, что-то *латиноватое*, по видимому *Данъ*, а сынъ Аттилы *Динсирнахъ*, по объясненію сочинителя, выходитъ *Даниль-Райко*. Кажется, говорить онъ, *мать или отецъ, по ощущенію и почти невольно, должны были попасть на личное Раё, Райко, и Раянъ*, что отъ слова до слова значить: *mon petit bonheur, mes délices, свѣтъ мой! утѣха моя!*

Въ сынѣ Аттилы *Ирнакъ* сочинитель видитъ *Храняна* и *Херака*, напоминаетъ *Херакова*, *Хераскова* и даже сближаетъ имя сына Аттилы съ *харчемъ* и *харчевнею*, поясняя, что въ *харчевнѣ*, *разумѣется, нынѣ, кормятъ* за деньги; также сближаетъ *Хранянъ* и съ *хрѣномъ*, прибавляя, что подразумѣвается *пищевой корень, или употребляемый съ пищею, или въ пищу*.

Въ числѣ необыкновенныхъ выраженій, встрѣчающихся очень часто у сочинителя, замѣчательны: *словопроизводный наростъ*; — *если разложитъ это имя, то-есть отброситъ приросшее канъ, то очистился бы корень ай*; Аттила не имѣлъ нужды *призывать, такъ сказать, въ крестные отцы* кароагенскаго Генсерика, *но адресовался къ своимъ старымъ родственникамъ гунскимъ*; отрытое и открытое имя; *слово очитано и описано*; *наткнулся почти случайно* (на уменьшительные сложные болгарскихъ именъ); *я приведу только тѣ, которые идутъ и должны идти*; *пока не объяснилъ себѣ этихъ двухъ именъ на живыхъ лицахъ*; *объяснитъ тотъ, кто объяснитъ и то*; должно было быть приспособлено къ *греческимъ устами и ушамъ*.

Неизвѣстно, на какой грамматикѣ утверждаются слѣдующія

выраженія: *удержали давати*, имена изъ языка; замѣняли чрезъ *в*; подъ греческими *перами*, и проч. и проч.

Замѣчательна искренность сочинителя. Онъ во многихъ мѣстахъ признается въ неосновательности своихъ прежнихъ мнѣній. Напр. выводя, что вельможа Аттиллы, по греческому *Оннизиосъ*, долженъ быть не иной кто, какъ болгарецъ *Нъшишъ*, сочинитель признается: «*И азъ грѣшный въ запискахъ Приска моего Нъшиша величалъ Оннизиемъ: вотъ какимъ образомъ и путемъ изуродовано славянское имя въ славянской же книгѣ моей. Дурничество одного часто можетъ обмануть двадцатерыхъ, а эти двадцать другихъ столко же*» и пр. Здѣсь въ доказательство бытности *Нъшиша* сочинитель указываетъ на *Оннина*.

Не одинъ *Оннинъ* приводится въ сличеніе съ именами разныхъ лицъ семейства Аттиллы. Съ *Осварзиосомъ* сочинитель припомнилъ *Ивова*, *Ивашковского*, съ *Крекою*—*матроименное Крекшина*, съ *Баламиромъ*—*Балашиова*; съ *Ройо*—*Раича*, *Раевского*; съ *Берихосомъ*—*Баркова*; съ *Айканомъ*—*Бабу-ягу*, *Ягаило*, *Яеллона*, *Стрекалова*, *Шипилова*, *Брусилова*, *Башилова*, *ягоду*, *лагоду* и *Ладоду*.

Подобныя сближенія гунскихъ именъ съ русскими фамиліями нелегко могутъ сходиться; но у сочинителя есть средство: онъ сближаетъ *по созвучію*; объ одномъ имени говоритъ: *это имя можетъ встрѣтиться въ другихъ, болѣе древнихъ грамотахъ, коихъ мнѣ не случилось видѣть*; объ другихъ замѣчаетъ, что у грековъ могли случиться *описки*, *оетки*, и наконецъ *опечатки*, какія и въ лѣтописяхъ, напр. имя *Мундиухъ*, по его мнѣнію, если не описано нѣсколько, то навѣрное *недослышано*, или же *невыворено*, или, хуже еще, передано съ *устъ въ уста*, или, наконецъ, *опечатано*; что иное случайно прибавлено не *отъ недослышки*, а *отъ переслышки*; иная буква *вставлена* отъ *недочетки* типографщика, а въ иномъ мѣстѣ *греческій членъ сплавленъ* типографщиками *съ именемъ*, и пр.

Сочинитель прерываетъ свои замѣчанія *впредъ до продолженія и дальнѣйшаго объясненія*.

Остается откровенно замѣтить, что подобное начало не имѣетъ нужды въ продолженіи, и никакъ не можетъ быть допущено въ видѣ введенія въ грамматику»¹⁹³).

XXXV.

Дѣятельность россійской академіи находилась въ непосредственной и весьма замѣтной связи съ академическою жизнію. Устройство россійской академіи, укоренившіеся въ ней обычаи, взаимныя отношенія ея членовъ, и т. д. представляютъ немало любопытныхъ чертъ, рисующихъ нравы и понятія тогдашняго общества.

Первоначальный, такъ называемый уставъ, или «начертаніе» россійской академіи, при которомъ она жила и дѣйствовала въ свои лучшіе годы, отличается чрезвычайной простотой и отсутствіемъ всякихъ формальностей. Это не уставъ въ собственномъ смыслѣ, даже не проектъ устава, а нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о томъ, чѣмъ бы должна быть академія. Черновыя наброски Дашковой утверждены Екатериною II и вслѣдствіе этого получили значеніе законодательнаго акта. Въ редакціи «начертанія» сохранились яркіе черты его происхожденія, какъ на примѣръ: «*Кажется, шестидесяти человекъ къ составленію россійской академіи весьма достаточно... На содержаніе академіи «надобно болѣе пяти тысячъ рублей»... «По мнѣнію моему, должно»* и т. д.¹⁹⁴).

Первое засѣданіе академіи было посвящено обсужденію началъ для составленія устава. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, стали придумывать и предлагать разнаго рода требованія: одни желали, чтобы никто изъ членовъ ничего не печаталъ безъ ея одобренія; другіе считали нужнымъ, чтобы особою статьею было вмѣнено академіи въ обязанность опредѣлить правила ударенія, и т. п. По счастью, первые по времени члены россійской академіи ясно понимали бесполезность продолжительныхъ пререканій объ отдаленномъ будущемъ и невозмож-

ность заранее указать всё мелкія черты предстоящей дѣятельности. Остановившись на мысли, что «*время все приводитъ въ совершенство и *наипаче научаетъ**», академики приступили прямо къ своей главной цѣли—къ составленію словаря. Между дѣломъ былъ составленъ и проектъ устава, но почему-то ему не дано было дальнѣйшаго хода. Главный предметъ академіи—сказано въ проектѣ—долженъ состоять въ очищеніи и обогащеніи русскаго языка и въ распространеніи словесныхъ наукъ въ Россіи. Нѣкоторыя подробности проекта будутъ сообщены ниже ¹⁹⁵).

Съ воцареніемъ императора Александра наступила пора преобразованій; явились новыя учрежденія, и во главѣ ихъ — министерства; въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія вошла и руссійская академія. Первымъ дѣйствіемъ министерства относительно руссійской академіи было составленіе для нея новаго устава. Въ числѣ лицъ, принявшихъ на себя этотъ трудъ, находились такіе замѣчательные люди, какъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ и профессоръ Баузе. Въ составленномъ ими и ихъ сотрудниками проектѣ устава существенною задачею академіи признавалось постановленіе правилъ языка и вкуса и разработка вопросовъ, относящихся къ области русской исторіи и древностей. По духу того времени, въ проектѣ довольно ярко выступаетъ мысль о сближеніи науки съ обществомъ, другими словами, о просвѣтительной цѣли, которую должны имѣть въ виду академики. На академію возлагалась обязанность возбуждать русскихъ писателей къ дѣятельности вѣрною оцѣнкою ихъ произведеній и «предчувствованіемъ общаго мнѣнія». Академія должна была стремиться къ тому, чтобы «возвысить руссійскую словесность и сдѣлать ее предметомъ общественнаго вниманія». Отъ академіи общество вправѣ ожидать «критики просвѣщенной, строгой къ сочиненіямъ, снисходительной къ писателямъ»: установить «общее мнѣніе о писателяхъ» есть дѣло академіи. Слѣдующая также духу времени, проектъ ставитъ выборное начало въ основу академической жизни ¹⁹⁶).

Для судьбы академіи имѣетъ значеніе то обстоятельство, что

проектъ, составленный въ началѣ царствованія Александра I, не былъ утвержденъ, и академія осталась попрежнему безъ устава. Въ этомъ отсутствіи устава послѣдній президентъ академіи Шишковъ видѣлъ главный источникъ всѣхъ постигавшихъ ее невзгодъ. По мнѣнію Шижкова, очевидно одностороннему, если академія, втеченіе своего тридцатидвухлѣтняго существованія, мало сдѣлала «для напоенія жажды ученія», то единственно оттого, что до сихъ поръ не было точнаго, офиціально-утвержденнаго, устава. Шишковъ взялъ на себя пополнить этотъ чувствительный пробѣлъ въ академической жизни, и представилъ государю, Александру I, проектъ устава при весьма пространномъ докладѣ. Въ объяснительной запискѣ Шишковъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

1-е. Россійская академія, основанная императрицею Екатериною Второю, въ началѣ учрежденія своего подъ предсѣдательствомъ княгини Дашковой, была знаменитое, блистательное общество, обѣщавшее принести великую пользу языку и словесности. Императрица хотя не называлась ея членомъ, однакожъ отлично ей покровительствовала, и сама подъ скрытымъ именемъ въ трудахъ ея участвовала. Знатнѣйшіе и ученѣйшіе въ государствѣ мужи содѣлались ея членами, и всегда въ засѣданіяхъ ея присутствовали. Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи своемъ не умедлила она принести весьма полезный плодъ, а именно: сочинила руссійскій словарь. Книга сія, при всемъ своемъ несовершенствѣ и поспѣшности, съ какою она сочиняема была, есть и понынѣ первѣйшее и важнѣйшее для руссійскаго языка произведеніе. Но академія не долго пользовалась покровительствомъ и благопріятностію обстоятельствъ. Неуспѣвшая утвердить себя ни уставомъ, гласящимъ о ея правахъ и обязанностяхъ, ни нужными для дѣйствованія своего доходами, она, не токмо не поддерживаемая, но даже гонимая, стала вмѣсто возрастанія отъ часу ниже упадать, такъ что едва не пришла въ совершенное разрушеніе, отъ котораго хотя и спасена благодѣтельною рукою государя императора, однакожъ и понынѣ пребываетъ она въ

томъ же скудномъ, уничиженномъ и несоотвѣтствующемъ имени своему состоянію.

2-е. Отъ сего самаго академія не могла принести никакихъ важныхъ заслугъ, и отъ часу болѣе упала въ неуваженіе и забвеніе, такъ что вмѣсто требующаго великихъ трудовъ старанія утвердить правила языка и распространить о немъ свѣдѣнія, безгласная и безмолвная, стала сама принимать законы отъ неопытныхъ и неискусныхъ въ немъ писателей.

3-е. Россійская академія основана Екатериною Второю. Александръ Первый утвердилъ ея существованіе, яко нужное и полезное. Благодѣтельная воля сихъ монарховъ не въ томъ состоитъ, чтобъ сія академія была только именемъ, а не дѣломъ академія.

4-е. Давняя и всѣми ученѣйшими людьми признанная истина, что безъ знанія языка ни науки, ни законы, ничто умственное процвѣтать не можетъ: и такъ надобность академіи излишно доказывать.

5-е. Безъ поддержанія академіи языкъ и словесность непременно должны упадать; ибо кто безъ избраннаго общества будутъ попечители о немъ? кто судіи? кто проповѣдники? Молодые писатели безъ наукъ, безъ свѣдѣнія, безъ опытовъ, руководимые самолюбіемъ и пристраціемъ. Они будутъ кричать, но крикъ не просвѣщаетъ.

6-е. Взглянемъ на другія академіи. Французская, на примѣръ, была нѣкогда въ величайшемъ уваженіи. Она имѣла право приказывать типографіямъ, чтобъ словъ не коверкали и не печатали иначе, какъ по уставленному отъ нея правописанію. При такихъ преимуществахъ и уваженіи академія могла приносить пользу и быть охранительницею языка. Членъ ея гордился симъ званіемъ, ревновалъ отличиться трудами, и вѣкъ Людовика XIV былъ славнѣйшій.

7-е. Академія безъ людей съ талантами ничего не можетъ сдѣлать. А таланты рождаются ободреніемъ, когда произведенія ихъ оцѣниваются и вознаграждаются судомъ правды и вѣдѣнія,

а не судомъ пристрастія и незнанія. Но какой судъ можетъ быть справедливейше суда цѣлаго общества, на дѣло сіе избраннаго и обязаннаго честію пещись о возникненіи талантовъ?

8-е. Я не знаю, будеть-ли академія приведена въ то состояніе, въ какомъ бы я, по долгу предсѣдательства моего въ ней и по усердію моему къ общей пользѣ, видѣть ее желалъ; но знаю, что не сдѣлавъ тому начала, и оставляя оную въ нынѣшнемъ ея положеніи, безъ правилъ, безъ устава, безъ достаточныхъ къ дѣйствованію средствъ, безъ особаго покровительства, она никогда не достигнетъ до того намѣренія, съ какимъ основана.

9-е. Доходы ея, съ начала положенные, простираются до *десяти тысячъ* рублей. Сколь ни скудно было таковое положеніе, немогшее доставлять ей никакихъ къ обширному дѣйствованію средствъ; но оное современемъ сдѣлалось еще скуднѣйшимъ, поелику сумма сія, по соразмѣрности цѣнъ, замѣняла нынѣшнихъ *сорокъ тысячъ* рублей. Напримѣръ, академія за отличные труды давала медаль во сто червонныхъ, которая стоила ей не болѣе трехсотъ рублей, а нынѣ стоитъ она болѣе тысячи. И такъ академія получаемыми ею доходами не можетъ нынѣ дѣлать даже и того, что дѣлала прежде.

10-е. Посему, полагаемая въ представленномъ штатѣ на академію сумма *шестьдесятъ тысячъ* рублей, соображая увеличеніе цѣнъ, превосходитъ прежнюю токмо *двадцатю тысячами*; но сія прибавка можетъ послужить къ прибытку, а не къ убытку казнѣ, и притомъ употребляема быть съ лучшею несравненно пользою; ибо донынѣ подаваемыя государю императору книги часто безъ разсмотрѣнія ихъ печатаются на счетъ казны, и сочинителямъ ихъ дается награда. Но тогда таковыя книги могли бы отсылаемы быть въ академію, съ тѣмъ, чтобъ она сама, по разсмотрѣніи оныхъ, наградила трудившагося, или, буде книга не содержитъ въ себѣ ничего полезнаго, возвратила ее сочинителю въ собственное его съ нею распоряженіе.

11-е. Все сіе представляю я на благоусмотрѣніе, побуждаясь единственно общею пользою и долгомъ предсѣдательства

моего, дабы не быть укоряему совѣстію, что я во зло употребилъ довѣренность монаршую, и не имѣлъ о порученной мнѣ части должнаго попеченія. За симъ, по исполненіи всего моего долга, могу уже я спокойно молчать.

Президентъ академіи Александръ Шишковъ.

31 марта 1817 года.

Въ проектѣ своемъ Шишковъ, постоянно увлекавшійся, требовалъ отъ академіи невозможнаго. Сверхъ составленія нѣсколькихъ словарей и другихъ трудовъ, о которыхъ мы упомянули выше, академики должны были извлекать изъ сочиненій, изданныхъ на разныхъ языкахъ, *все тѣ мѣста*, гдѣ говорится что-либо заслуживающее вниманія и любопытное о русскомъ языкѣ и народѣ; всѣ такія мѣста отыскивать, собирать и переводить, дѣлая на нихъ свои замѣчанія, подтверждая справедливое, указывая ошибочное и обличая лживое и невѣжественное. Сверхъ того академія должна была истолковывать и объяснять невѣстныя слова и темныя мѣста, встрѣчающіяся въ древнихъ памятникахъ; исправлять ошибки древнихъ и старинныхъ переписчиковъ; приводить въ извѣстность «древнее населеніе земли, положеніе городовъ, мѣста знаменитыхъ битвъ, оружіе, *народныя нравы, обычаи*, одежду и проч.; словомъ — собирать все тѣ, что открываетъ коренныя понятія въ составѣ языка» и служить къ объясненію древнихъ и забытыхъ памятниковъ исторической жизни и литературы, и т. д. ¹⁹⁷).

Составленный Шишковымъ проектъ устава російской академіи переданъ былъ, по волѣ государя, на разсмотрѣніе особаго комитета, въ который вошли слѣдующія лица: главнокомандующій въ С.-Петербургѣ Серг. Козм. Вязмитиновъ, министръ юстиціи Дм. Прокоф. Трощинскій и исправляющій должность министра народнаго просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Въ совѣщаніяхъ принималъ участіе и Шишковъ. По разсмотрѣніи въ комитетѣ, уставъ російской академіи былъ

утвержденъ государемъ 29 мая 1818 года, въ городѣ Данковѣ. Изъ проекта Шишкова исключено комитетомъ слѣдующее мѣсто:

«Опытъ показалъ, сколь много сообщество подъ названіемъ Бесѣды любителей русскаго слова приносило доселѣ удовольствія и пользы: оно открытыми чтеніями своими привлекало и увеселяло часто до трехсотъ и болѣе посѣтителей изъ знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ обоюгаго пола особъ; оно, принося имъ удовольствіе, вмѣстѣ съ онымъ, такъ сказать, раздувало въ умахъ и сердцахъ ихъ огонь любви къ отечественному языку, къ собственнымъ своимъ произведеніямъ; оно отворяло младымъ, пламеннымъ умамъ врата предстать предъ судилище многочисленнаго, почтеннаго, просвѣщеннаго собранія, и пріобрѣсть остротою озареннаго науками ума и навыкомъ пріятнаго въ чтеніи произношенія, лестный для начинающаго лавръ похвалы, поощряющій къ новымъ трудамъ и подвигамъ на семь скользкомъ поприщѣ. Отсюда расширялось знаніе и рождалось соревнованіе. Общество сіе, только полезное, состояло бодьшею частію изъ членовъ россійской академіи и дѣлало собранія свои въ частномъ домѣ и безъ достаточныхъ къ тому средствъ. Сколь же бы прочнѣе, приличнѣе и важнѣе было, когда бы то жь самое происходило въ стѣнахъ посвященнаго наукамъ храма, въ стѣнахъ академіи? Для произведенія въ дѣйство сего нужно построить особую приличную для сего залу. Домъ академической весьма удобенъ для пристроенія оной, и потому, если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ уставъ сей утвердить, то 1-е, отпускъ нынѣ производимыхъ въ академію суммъ изъ Кабинета долженъ быть прекращенъ, поелику всѣ суммы имѣютъ быть впредь производимы изъ государственнаго казначейства, и 2-е, вслѣдъ за симъ поднесены будутъ планъ и смѣта на высочайшее усмотрѣніе».

Число членовъ россійской академіи, какъ по уставу, такъ и по всѣмъ его проектамъ, полагалось шестьдесятъ. При выборѣ членовъ не всегда руководствовались одними и тѣми же началами

и соображеніями. Въ первообразѣ уставовъ — «краткомъ начертаніи російской академіи» сказано только, что члены должны быть избираемы изъ «извѣстныхъ людей, знающихъ російскій языкъ». По проекту устава, составленному въ восемнадцатомъ столѣтіи, для выбора въ члены російской академіи требовались «нужныя знанія и способности» и какое-либо «знаменитое сочиненіе», написанное на русскомъ языкѣ. По проекту Шишкова, въ члены російской академіи избираются «изъ всего круга русскихъ ученыхъ и литераторовъ, которыхъ «имя и труды сдѣлались уже извѣстны».

Въ числѣ разнообразныхъ мотивовъ, указываемыхъ при выборѣ того или другаго члена, находимъ: отличное знаніе російскаго слова; труды въ области русской словесности; знаніе и «любленіе» отечественнаго языка; чистота и правильность слога въ литературныхъ произведеніяхъ и т. п.

Иногда принимались во вниманіе и постороннія обстоятельства, какъ напр. начальство въ духовныхъ училищахъ, благонравіе и хорошее поведеніе, и т. п.

Выборы въ академики происходили обыкновенно по предложенію президента или членовъ; но иногда бывали случаи, что литераторы сами предлагали себя въ члены російской академіи, какъ напр. князь Шаховской, Голенщевъ-Кутузовъ, и др. Въ письмѣ къ президенту російской академіи Нартову, кураторъ московскаго университета Павелъ Ивановичъ Голенщевъ-Кутузовъ говоритъ: «Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ возрастающая во мнѣ склонность къ словесности, произведшая нѣкоторыя сочиненія и въ стихахъ и въ прозѣ, а паче любовь къ отечественному языку нашему, налагаютъ на меня священный долгъ изъяснить сердечное мое сорадованіе о успѣхахъ и процвѣтаніи російской академіи. Желая, по мѣрѣ силъ моихъ, содѣйствовать благимъ намѣреніямъ російской академіи, осмѣливаюсь препроводить присемъ опыты трудовъ моихъ. Какъ оныя, такъ и безпристрастное снисхожденіе ваше и всей академіи да внушатъ вамъ изреченіе приговора, долженствующаго рѣшить, *могу ли я*

быть сочленомъ вашимъ». Академія нашла, что литературные опыты Голенищева-Кутузова показываютъ его «знаніе въ языкѣ отечественномъ» и склонность къ словесности, а потому и даютъ ему право на званіе члена россійской академіи¹⁹⁸).

Нѣсколько строже отнеслась академія къ желанію, заявленному генераль-маіоромъ Завалишинымъ, въ слѣдующемъ письмѣ его къ президенту Нартову:

«Каждый соотечественникъ вашъ, въ свободныя минуты отъ должности своей съ возлюбленными музами иногда бесѣдующій, внимая гласу великаго покровителя наукъ, поставившаго ваше превосходительство на россійскомъ геликонѣ предсѣдательствующимъ, не долженъ ли воспылатъ новыми чувствами благодарности къ виновнику своего блаженства, августѣйшему всемплоти-вѣйшему нашему государю, видѣвши въ назначеніи вашего превосходительства на сіе знаменитое мѣсто новый опытъ его отеческаго и ежедневно усугубляющагося о счастіи своихъ вѣрно-подданныхъ попеченія. Кто не пожелаетъ общежителствовать съ европейцомъ, коего умъ, науками просвѣщенный, сердце, добрымъ воспитаніемъ обработанное, душа, правилами нравственности упитанная, содѣлываютъ они, и заставляютъ желать его бесѣды? Кто не похочетъ воспользоваться сообществомъ такого челоуѣка. Ваше превосходительство вмѣщаете въ себя всѣ оныя качества, и кому неизвѣстна долговременная, отличная и безпорочная ваша служба? Кому не свѣдомы подъемлемые вами труды, на пользу общественную предпріятыя и совершаемыя? Всякій, дѣятельныхъ мужей замѣчающій, то знаетъ, и о превосходныхъ вашихъ дарованіяхъ и ревности къ общему дѣлу несумнѣнно въ душѣ своей увѣренъ. Любовь ваша къ отечеству и наукамъ какою лестною надеждою упоеваетъ сердца истинно васъ почитающихъ, неложныхъ любителей россійскаго слова. Говорите: всякое дѣло мастера боится. Вы — мастеръ своего дѣла, не только просвѣщенный, но безпристрастный и умѣющій и отличать и уважать дарованія своихъ собратій. Ваша ревность, трудолюбіе, съ свойственной вамъ справедливостію, всеконечно не

преминуť распространить, поощрить и возвысить донинѣ увядшую нашу словесность.

Ваше превосходительство, ставши президентомъ вольнаго экономическаго общества, по единому о посильныхъ трудахъ мопхъ вѣдѣнію, почтили меня; по ремеслу солдата, предложить въ сочлены онаго, и полезными согражданами я былъ избранъ. Я упражнялся, и люблю словесность. Вашему превосходительству то небезызвѣстно. Ежели заслужилъ, и вы сочтете меня достойнымъ быть предложену и помѣщену въ число почтенныхъ сочленовъ російской академіи, коей вы нынѣ есть душа, то отличіе таковое поставлю себѣ за отмѣнную честь».

Въ отвѣтъ на это заявленіе академія назначила Завалишину своего рода искусъ — поручила написать похвальное слово Суворову на томъ основаніи, что «академія непреложнымъ поставила себѣ правиломъ помѣщать на праздное мѣсто члена російской академіи такихъ мужей, которыхъ бы творенія и переводы были ей предварительно пзвѣстны, и которые бы показали *новые опыты трудовъ и способностей своихъ* въ російской словесности сочиненіемъ, каковое она сама имъ предложить». Выборъ предложенной задачи объясняется тѣмъ, что Завалишинъ участвовалъ во многихъ походахъ Суворова. При этомъ было заявлено, что академія не преминетъ отдать должную справедливость автору, если найдетъ сочиненіе его удовлетворительнымъ. Повидимому онъ не оправдалъ ожиданій академіи: по крайней мѣрѣ имени его не встрѣчается въ спискѣ ея дѣйствительныхъ членовъ ¹⁹⁹).

Бывали, хотя чрезвычайно рѣдко, и такіе случаи, что лица, избираемыя академію, отказывались отъ предложенной имъ чести принять званіе члена російской академіи. Такъ поступилъ генераль-маіоръ Ив. Ив. Русановъ, отказавшійся отъ званія члена російской академіи подъ предлогомъ многочисленныхъ занятій по должности, но въ дѣйствительности отказъ этотъ могъ произойти подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія. При балотировкѣ Русанова голоса раздѣлились пополамъ: избирательныхъ шесть и неизбирательныхъ также шесть ²⁰⁰).

До устава 1818 года въ російской академіи не существовало званія почетныхъ членовъ. Оно введено — поясняется въ уставѣ — по примѣру всѣхъ ученыхъ обществъ въ Европѣ. Уставомъ 1818 года дозволялось избирать въ почетные члены и женщинъ; но дозволеніе это, повидимому, осталось только на бумагѣ: въ спискѣ почетныхъ членовъ не находится ни одного женскаго имени. По свѣдѣніямъ, обнародованнымъ російскою академіею, число ея почетныхъ членовъ простиралось до сорока пяти, въ періодъ съ 1818 г. по 1838 г. Не лишены своего рода интереса тѣ основанія, по которымъ производились выборы въ почетные члены російской академіи. Невольно вспоминаются при этомъ подобныя же выборы въ академіи наукъ. Такъ на примѣръ адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ былъ представленъ въ почетные члены академіи наукъ, «какъ любитель наукъ, художествъ, всѣхъ ученыхъ и всѣхъ художниковъ» ²⁰¹).

Президентъ російской академіи Шишковъ предложилъ, «не угодно ли будетъ ей избраніемъ въ почетные члены свои оказать достоюжное уваженіе начальнику морскаго штаба, князю Александру Сергѣевичу Меншикову, какъ по военнымъ заслугамъ своимъ знаменитому, такъ и по извѣстной любви его къ наукамъ и *просвѣщенной словесности*» ²⁰²).

Павелъ Николаевичъ Демидовъ избранъ въ почетные члены російской академіи «за покровительство произведеніямъ отечественной словесности и русскимъ ученымъ, въ поощреніе коихъ учредилъ онъ преміи по 20000 рублей въ годъ».

- Оберъ-прокуроръ св. синода графъ Протасовъ избранъ въ почетные члены російской академіи «за дѣятельное участіе, принимаемое имъ въ управленіи по народному просвѣщенію» ²⁰³).

Генералъ-адъютантъ графъ Карлъ Федоровичъ Толь предложенъ и избранъ въ почетные члены російской академіи за «заслуги на поприщѣ военныхъ дѣлъ и государственнаго управленія, извѣстныя всѣмъ вообще», и т. п. ²⁰⁴).

Нѣкоторые изъ почетныхъ членовъ, какъ и многія изъ лицъ нашего образованнаго общества, смѣшивали *Россійскую академію*

съ *Академією наукъ*. Пав. Ник. Демидовъ, въ письмѣ изъ Флоренціи, благодарить за избраніе его въ почетные члены «*россійской академіи наукъ*».

Ближайшимъ поводомъ къ избранію Меззофанти въ почетные члены російской академіи послужило слѣдующее письмо знаменитаго лингвиста къ нашему резиденту въ Римѣ:

Милостивый государь

Павель Ивановичъ,

Уже давно получилъ я въ Болоніи Извѣстія російской академіи, ко мнѣ отправленныя съ г. генераломъ графомъ Остерманомъ, и немедленно свидѣтельствовалъ тогда должную свою благодарность г. президенту императорской російской академіи адмиралу Александру Семеновичу Шишкову, который благоволилъ мнѣ показать такую милость. Пользуясь теперь даннымъ мнѣ случаемъ, повторяю г. президенту мое благодареніе, и его прошу благосклонно прислать продолженіе онаго сочиненія отъ 10 книжки доньинѣ.

Уповаю чрезъ милостивое ваше превосходительство достигнуть желаемаго, имѣю честь съ глубокимъ почтеніемъ пребывать

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

И. К. Меззофанти.

Римъ,

апрѣля 26 дня 1839.

Получивъ копію съ письма Меззофанти, президентъ академіи Шишковъ обратился къ сочленамъ своимъ съ такимъ предложеніемъ:

«Кардиналь Меззофанти, какъ всѣмъ извѣстно, одаренъ рѣдкою способностію изучать всѣ языки, какъ древніе, такъ и новыя. Въ доказательство того, какъ онъ хорошо владѣетъ нашимъ

славенороссійскимъ языкомъ, представляю у сего списокъ съ письма его, писаннаго къ резиденту нашему въ Римѣ г. Кривцову отъ 26 апрѣля сего года. Посему, и на основаніи устава академіи, имѣю честь предложить г. Меззофанти въ почетные члены. Сямъ избраніемъ россійская академія окажетъ достойную честь сему, можно сказать, удивительному языкознателю»²⁰⁵).

До какой степени простиралось умѣнье Меззофанти владѣть русскимъ стихомъ, можно видѣть изъ двухъ его стихотвореній, посвященныхъ одно — Александрѣ Ивановичу Тургеневу, другое — князю Петру Андреевичу Вяземскому:

Ахъ! что свѣтъ!
 Все въ немъ тлѣнно,
 Все премѣнно,
 Мира нѣтъ.
 Я въ себѣ
 Безпокоенъ.
 Гдѣ покоенъ
 Буду, Боже,
 Гдѣ? — Въ Тебѣ....

Хоть русскихъ славныхъ музъ я слышу съ удивленьемъ,
 Могу-ли подражать я, иностранецъ, пѣньемъ?
 И вами хоть теперь дана мнѣ *Бирюза*,
 Какъ ваши, нѣжные стихи писать нельзя.
 Не только то: совсѣмъ стихи писать не можно;
 А васъ благодарить за вашу книгу должно.
 Что дѣлать? Сердца дамъ простой и вѣрный знакъ,
 Дамъ благодарности знакъ: *Да какъ бы не такъ.*

Стихи князю Вяземскому, съ намеками на его сочиненія, написаны по случаю присылки перваго тома «Новоселья». По сви-

дѣтельству лицъ, знавшихъ Меззофанти, онъ съ наслажденіемъ читалъ «Бориса Годунова» и «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина, и вообще принималъ живое участіе въ явленіяхъ русской литературы. Называя Ломоносова отцомъ русской словесности, Меззофанти вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: «Ломоносовъ — такой высокопарный; теперь у васъ пишутъ легче», и т. п. ²⁰⁶).

При избраніи наслѣдника-цесаревича, въ послѣдствіи императора Александра II, въ почетные члены российской академіи возникъ вопросъ о томъ, должна ли академія отступить отъ своего основнаго, выборнаго начала и слово: *избраніе* замѣнить другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ въ такомъ исключительномъ случаѣ. Шишковъ, какъ президентъ, обратился къ наслѣднику престола съ слѣдующимъ заявленіемъ о единодушномъ желаніи академіи:

Ваше императорское высочество,

Россійская императорская академія, основанная Великою Екатериною, ущедренная благословеннымъ Александромъ, и покровительствуемая нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ, родителемъ вашимъ, состоящая изъ шестидесяти настоящихъ и нѣкотораго числа почетныхъ членовъ, заслугами своими знаменитыхъ; академія сія поручила мнѣ просить ваше императорское высочество удостоить еѣ принятіемъ на себя званія почетнаго ея члена. Таковое, государь, благоволеніе къ ней ваше придало бы ей новый блескъ славы, возбудило бы въ ней новое рвеніе приносить трудами своими пользу российскому слову, и осчастливленная имѣть сочленомъ своимъ наслѣдника престола приумножила бы вѣсь свой и цѣну не токмо въ отечествѣ нашемъ, но и во всей Европѣ.

Вашего императорскаго высочества

всенижайшій

президентъ академіи

адмиралъ Александръ Шишковъ.

Наслѣдникъ-цесаревичъ отвѣчалъ Шишкову:

«Для меня было весьма пріятно получить ваше письмо, коимъ вы сообщаете мнѣ желаніе россійской академіи *избрать* меня въ свои почетные члены. Съ удовольствіемъ соглашаясь возложить на себя это званіе, прошу васъ изъявить мою признательность членамъ академіи и увѣрить ихъ, что я буду всегда принимать живое участіе въ успѣхахъ ихъ дѣятельности, способствующей усовершенствованію нашего языка, неуступающаго никакому другому въ красотѣ и богатствѣ. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы изъявить особенное мое уваженіе вамъ, достойному президенту академіи, заслужившему благодарность отечества столь многими полезными трудами».

По существующему обычаю, академія должна была изготовить дипломъ, и одинъ изъ выдающихся членовъ россійской академіи, А. Н. Оленинъ, писалъ непремѣнному секретарю:

«До меня дошли слухи, что въ редакціи диплома, подносимаго отъ россійской академіи его императорскому высочеству государю наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу на званіе почетнаго члена сей академіи, между прочимъ сказано, что «она *избрала* его высочество въ сіе званіе по общему желанію ея членовъ». Позвольте мнѣ замѣтить, милостивый государь, (какъ одному изъ старшихъ членовъ сей академіи), что слово: *избрала* не приличествуетъ въ семъ случаѣ къ высокой той особѣ, къ которой сія рѣчь въ дипломѣ обращена.

Россійская академія можетъ, по мнѣнію моему, *всеусерднѣйше просить* наслѣдника всероссійскаго престола *удостоить, осчастливить* ее, принятіемъ званія почетнаго ея члена, но *избирать* его высочества въ свои сочлены кажется неприлично».

Но несмотря на заявленіе Оленина, академія единогласно одобрила слѣдующій проектъ диплома:

«Подъ высочайшимъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшаго,
державнѣйшаго великаго государя,

Николая Павловича,

императора и самодержца всероссійскаго,

и пр. и пр. и пр.

«Императорская россійская академія, основанная и покровительствуемая великими отечества нашего самодержцами, по общему желанію всѣхъ ея членовъ *избрала* его императорское высочество государя цесаревича и великаго князя Александра Николаевича; наслѣдника всероссійскаго престола, въ почетные свои члены, и удостоенная соизволеніемъ его на то, имѣть счастье, на основаніи Устава своего, поднести его императорскому высочеству дипломъ на сіе званіе». ²⁰⁷).

Обычай выдавать дипломы появляется въ россійской академіи только въ началѣ девятнадцатаго столѣтія.

Въ 1801 году представленъ Лепехинымъ такой проектъ академическаго диплома: «Подъ высочайшимъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго, великаго государя императора и самодержца всероссійскаго, и проч., и проч., и проч., императорская россійская академія, отдавая должную справедливость извѣстному ей въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ нашемъ знанію. . . ; силу сего, по общему согласію, объявляетъ своимъ сочленомъ и соучастникомъ во всѣхъ трудахъ своихъ, съ тѣмъ правомъ и преимуществомъ, каковыя отъ всемилостивѣйшаго монарха членамъ императорской россійской академіи пожалованы и впредь опредѣляемы быть могутъ. Данъ въ Санктпетербургѣ . . . .» ²⁰⁸).

Въ 1804 году президентъ Нартовъ предложилъ собранію «отпечатанный дипломъ для членовъ россійской академіи, котораго они до сего времени не имѣли, слѣдующаго содержанія: «Подъ высочайшимъ покровительствомъ, и проч., императорская

россійская академія, отдавая должную справедливость извѣстному ей въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ нашему знанію и упражненію.... избрала.... и силою сего, по общему согласію, признаетъ своимъ членомъ. Данъ въ С.-Петербурѣ, мѣсяца.... дня.... года»²⁰⁹).

Со времени учрежденія россійской академіи, въ основу академической жизни положены два начала: свободный выборъ и равноправность. Невсегда впрочемъ начала эти обнаруживались съ одинаковою силою и послѣдовательностью. Вліяніе общественной среды, съ ея обычаями и порядками, отражалось и на судьбѣ академіи.

По убѣжденію первыхъ дѣятелей россійской академіи, крѣпчайшій союзъ, связующій ея членовъ, состоитъ въ ихъ *равенствѣ*, и управленіе всѣми дѣлами академіи должно находиться въ рукахъ ея членовъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Президентъ, или по тогдашнему названію предсѣдатель, долженъ имѣть «почести и голосъ, равные каждому члену»²¹⁰). Академики считали своимъ правомъ избирать не только своихъ сочленовъ, но и президента. Такимъ образомъ избрана, въ 1801 году, предсѣдателемъ кн. Дашкова, тогда же отказавшаяся принять это званіе по невозможности жить постоянно въ Петербургѣ. По уставу россійской академіи, «президентъ не есть начальникъ ея, а только первенствующій въ ней: онъ не повелѣваетъ, а предлагаетъ, соглашаетъ и убѣждаетъ». Если президентъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членъ академіи, то онъ имѣетъ два голоса; если же не членъ, то одинъ только свой голосъ, какъ и всѣ члены академіи вообще.

Для характеристики тогдашнихъ нравовъ любопытны указанія и правила, какъ члены россійской академіи должны вести себя въ академическихъ засѣданіяхъ. Въ проектѣ устава, составленномъ вскорѣ по учрежденіи академіи, требуется, чтобы члены россійской академіи, присутствуя въ академическихъ засѣданіяхъ, «предлагали свои мнѣнія, какъ въ разговорахъ, такъ и въ сочиненіяхъ, съ пристойнымъ мѣсту уваженіемъ и безъ

личнаго огорченія». По уставу академіи, получившему силу закона, споръ между сочленами допускается только до тѣхъ поръ, пока онъ ведется «съ хладнокровіемъ»; но когда спорящіе начинаютъ «горячиться», то президентъ прекращаетъ состязаніе, предлагая сторонамъ письменно изложить свои мнѣнія съ надлежащими доказательствами. Президентъ Нартовъ, вступая въ управленіе академіею, счелъ умѣстнымъ обратиться къ своимъ новымъ сочленамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Долгъ и благопристойность обязываютъ каждого члена не токмо споспѣшествовать трудами и способностями своими къ преуспѣванію предпріемлемаго Обществомъ труда, но и кротостію, благонавіемъ и вѣжливостію своею доставлять оному честь и уваженіе». Поэтому онъ, какъ президентъ, «за нужное почитаетъ напомнить:

Чтобы во время собранія не заниматься разговорами о предметахъ постороннихъ, ибо сіе послужило бы къ замедленію общаго дѣла.

Дабы, когда президентъ дѣлаетъ свое предложеніе, а члены — представленія, слушать со вниманіемъ, не перебивая онаго, и подавать свой голосъ по порядку, начиная съ младшаго члена.

Чтобы при разсужденіяхъ и подаваніи своего мнѣнія воздерживаться отъ колкихъ и оскорбительныхъ выраженій, яко несвойственныхъ мужамъ благовоспитаннымъ и носящимъ на себѣ званіе членовъ знаменитой академіи, — и

Чтобы никто изъ гг. членовъ не представлялъ кого-либо въ члены академіи, не увѣдомивъ о томъ предварительно президента, дабы онъ имѣлъ время получить обстоятельное свѣдѣніе о знаніяхъ и способностяхъ представляемой въ члены особы»²¹¹).

Членамъ российской академіи, присутствовавшимъ въ академическихъ засѣданіяхъ, выдавались *жетоны*, или *даржки*. Въ «начертаніи», которое послужило первымъ уставомъ для академіи, сказано: «Собраніямъ быть каждую недѣлю одинъ разъ, а по окон-

чаніи каждаго да дастся присутствующему члену *жетонъ*». Въ уставѣ 1818 года: «По окончаніи каждаго собранія казначей подноситъ президенту и всѣмъ присутствующимъ членамъ по одному серебряному академическому *дарикуну*».

Первоначальная форма жетона была четвероугольная. На лицевой сторонѣ: вензель Екатерины II, основательницы академіи, окруженный лаврами, и надпись: *Императорская российская академія*. На оборотной сторонѣ: символическія изображенія — *ключъ* и *книга*: ключъ премудрости, повѣшенный на земномъ шарѣ, означаетъ *Грамматику*, открывающую путь къ знаніямъ и неразрывно связанную съ *Поэзією* и *Красноррчіемъ*; книга служитъ эмблемою *Просвѣщенія*, т. е. просвѣтительной дѣятельности академіи. Книга лежитъ на цоколѣ, на которомъ надпись: *21 октября 1783*, день открытія российской академіи²¹²).

Императоръ Павелъ I приказалъ измѣнить видъ жетоновъ — вмѣсто четвероугольныхъ дѣлать ихъ круглыми. Вмѣсто вензеля Екатерины II появился на жетонахъ вензель Павла I. На оборотной сторонѣ: книга, на ней земной глобусъ, къ которому прикрѣплены: ключъ, лира и кадуцей — символъ мира и атрибутъ Меркурія; на глобусѣ сова — символъ мудрости.

Императоръ Александръ I повелѣлъ снова изображать на академическихъ жетонахъ имя Екатерины II. Въ рескриптѣ президенту российской академіи Нартову, 13 іюня 1801 года, говорится: «Что принадлежить до жетоновъ, они должны носить имя первой учредительницы академіи — великія Екатерины, какъ знакъ признательности, составляющій истинную честь для самой академіи».

Такъ какъ жетоны выдаваемы были въ видѣ вознагражденія, то количество выдаваемыхъ жетоновъ опредѣлялось ихъ цѣнностью. На вопросъ медальера монетнаго департамента о цѣнѣ жетоновъ, непремѣнный секретарь российской академіи Ив. Ив. Лепехинъ отвѣчалъ (въ 1798 г.), что на основаніи именнаго указа императрицы Екатерины II «цѣна жетоновъ должна быть въ восемьдесятъ копеекъ». За двѣсти семьдесятъ жетоновъ вне-

сено, въ 1799 году, въ монетный департаментъ 216 рублей. За купленные (въ 1800 году) тридцать жетоновъ заплачено 10 р. 40 к., и т. д.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что распределение жетоновъ, предложенное кн. Дашковой, указываетъ, по существу своему, на одну изъ свѣтлыхъ сторонъ тогдашней академической жизни. Обративши вниманіе на то, что члены академіи, присутствующіе въ ея собраніяхъ, исполняютъ обязанности, которыя лежатъ на *всѣхъ* членахъ безъ исключенія, кн. Дашкова предложила, чтобы въ каждое собраніе выдавать присутствующимъ половину того числа жетоновъ, которое положено на *полное* академическое собраніе. Въ числѣ причинъ для подобнаго распределенія Дашкова указала между прочимъ на то, что нѣкоторые изъ присутствующихъ, «не имѣя своихъ лошадей, принуждены употреблять наемныхъ». Чтобы такого рода возмездіе не было нисколько оскорбительно для членовъ-бѣдняковъ, кн. Дашкова изъявила желаніе сама получать жетоны, и такимъ образомъ «не показать отличности и соблюсти *равенство*» между всѣми членами академіи, безъ различія въ званіяхъ, сословіяхъ и матеріальныхъ средствахъ.

На томъ основаніи, что «академія можетъ достаточно извѣщаться осмьюсотнымъ числомъ жетоновъ» въ годъ, постановлено было выдавать въ каждое собраніе по тридцати жетоновъ, распределяя ихъ поровну между членами, присутствовавшими въ собраніи. Войдя въ подробное исчисленіе своихъ доходовъ, академія признала возможнымъ распределять, въ каждое собраніе, между присутствующими членами не половину, а все количество жетоновъ, т. е. шестьдесятъ. Такое распределение началось съ 3 декабря 1799 года. Впослѣдствіи, именно съ 17 ноября 1800 года, принято за правило: выдавать полное количество жетоновъ только тогда, когда въ собраніи бываетъ болѣе десяти членовъ; если же число присутствующихъ не будетъ превышать десяти, то ограничиться выдачею тридцати жетоновъ ²¹³).

Жетоны служили обычнымъ, установленнымъ вознагражде-
ніемъ для посѣтителей академическихъ собраний. Иного рода
награды ожидали тѣхъ изъ членовъ російской академіи, которые
содѣйствовали обогащенію отечественной литературы, внося въ
нее свои посильные вклады. Уже въ первомъ «начертаніи» ака-
деміи говорится: «Признанные, по большинству баловъ, отли-
чившимися трудомъ и пользою, имѣютъ получить большую золо-
тую медаль». Академія считала и своимъ правомъ и своею обя-
занностью награждать трудолюбіе и *таланты*.

Вопросъ о *талантахъ* и правильной ихъ оцѣнкѣ былъ од-
нимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ академической жизни.
Способомъ его рѣшенія опредѣляется тотъ взглядъ на росій-
скую академію, который сложился въ литературныхъ кругахъ,
а отчасти и въ обществѣ. По проекту устава, составленному въ
началѣ царствованія императора Александра I, академическія
награды должны были служить поощреніемъ и поддержкою пре-
имущественно для молодыхъ дарованій. Подобно Новикову, не-
желавшему, по его собственнымъ словамъ, брать себѣ на душу
невниманіе къ начинающимъ труженикамъ, составители проекта,
о которомъ идетъ рѣчь, находили, что «слабые опыты предзна-
менуютъ иногда великаго писателя, и академическія награжденія
могутъ открыть дарованіе, кроющееся въ отдаленности и само-
му себѣ неизвѣстное, *особливо въ юности*», и т. д. Нѣсколько
иначе взглянулъ на дѣло Шишковъ, и его диктатура въ акаде-
міи отразилась, прямо или косвенно, и въ оцѣнкѣ литературныхъ
дарованій и въ присужденіи академическихъ наградъ. Вслѣдствіе
положенія, занятаго Шишковымъ въ російской академіи, право
открывать и награждать дарованія всецѣло принадлежало пре-
зиденту. Чтò вышло изъ этого,—показываютъ отношенія, упор-
но державшіяся, между російскою академіею и тогдашнимъ
литературнымъ міромъ. Послѣдующія поколѣнія писателей усво-
или взглядъ своихъ предшественниковъ на академію, на которю
когда-то возлагали столько хорошихъ надеждъ.

Шишковъ говоритъ: «Академія безъ людей съ талантами ни-

чего не можетъ сдѣлать, а *таланты рождаются ободреніемъ*», и «какой судъ справедливѣе суда цѣлаго общества, обязаннаго пещись о *возникненіи талантовъ*», т. е. суда российской академіи. Въ распредѣленіи наградъ указана Шишковымъ постепенность, опредѣляемая *успѣхами* соискателей: Если «кто изъ членовъ окажется *хорошіе успѣхи* въ относительныхъ къ языку или разбору онаго упражненіяхъ», то академія «тотчасъ» назначаетъ ему награду, состоящую или въ золотой медали или въ единовременномъ денежномъ дарѣ. Если успѣхи награжденнаго члена все болѣе и болѣе возрастаютъ, то онъ получаетъ пенсію ежегодную, а наконецъ и пожизненную. Если «таковыя таланты начнутъ открываться не въ членѣ академіи», то академія поступаетъ точно такъ же, съ тою только разницею, что въ число наградъ полагаетъ избраніе его въ члены академіи, и т. д.

Нагляднымъ знакомъ вниманія академіи къ трудамъ и заслугамъ писателей преимущественно служили золотыя медали. Первоначально на медаляхъ было, съ одной стороны, изображеніе основательницы российской академіи, императрицы Екатерины II, а на другой сторонѣ—надпись: *Россійскому слову отличную пользу принесшему*. Въ началѣ царствованія императора Александра I, президентъ российской академіи Нартовъ ходатайствовалъ, чтобы сверхъ существующихъ медалей, утверждены были новыя въ награду за «небольшія сочиненія или переводы» и «для возбужденія въ членахъ благороднаго соревнованія». На одной сторонѣ учреждаемыхъ медалей — изображеніе государя и надпись: *Александръ I Покровитель*; на другой сторонѣ—«Геній съ распростертыми крыльями и пламенемъ на головѣ, для означенія, что генію свойственно возвышаться и блистать. Книжки, у ногъ его положенныя, знаменуютъ, что геній не иначе, какъ только съ помощію познаній распространяется и усовершенствуется. Орелъ показываетъ отважность и пареніе выспрь, яко свойства, генію сродныя. Различныя вѣнки на столбѣ означаютъ, что слава есть награда генія. Лучи, упадающіе на его лицо, показываютъ, что геній есть даръ природы, а не ученіемъ приобрѣ-

тается. Вокругъ его надпись: «Отъ императорской россійской академіи» ²¹⁴).

Въ первый періодъ существованія россійской академіи увѣнчаны золотыми медалями члены ея: Болтинъ, Лепехинъ, Румовскій и нѣкоторые другіе; во второй періодъ: Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Жуковскій и нѣсколько второстепенныхъ и третъстепенныхъ литераторовъ. Обиліе талантовъ, открываемыхъ Шишковымъ, подрывало авторитетъ академіи, возбуждая недовѣріе къ ея приговорамъ и къ ея взглядамъ на литературные вопросы.

Авторское самолюбіе не знало предѣловъ; не довольствуясь общепринятымъ вознагражденіемъ требовали отъ академіи исключительныхъ наградъ. Членъ россійской академіи Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ перевелъ стихами Теокрита, и предоставляя изданіе этого перевода академіи, предложилъ ей нѣкоторыя условія, которыя называлъ умѣренными и безкорыстными. «При изданіи Теокрита—пишетъ Голенищевъ-Кутузовъ—желанія мои суть слѣдующія:

— Чтобы мнѣ данъ былъ отъ академіи дипломъ, въ коемъ бы были означены труды мои, въ пользу россійской словесности понесенные, и изъяснено бы было какъ о изданіи моихъ сочиненій, такъ Пшидара и Теокрита.

— Чтобы мнѣ дана была медаль, коей ни цѣны, ни величины я не означаю; но чтобы она была мнѣ знакомъ отличнаго академіи члена.

— Чтобы академія, сдѣлавъ отъ себя государю императору приношеніе моего перевода, объяснила, что я — переводчикъ сего изданія, и просила государя, чтобы обратилъ высочайшее свое вниманіе на меня, яко на человека; отлично въ пользу россійской словесности подвизавшагося, и переводомъ двухъ классическихъ авторовъ, сдѣлавшаго то, чего ни одинъ россиянинъ никогда не сдѣлалъ», и т. д. ²¹⁵).

Заслуживаютъ вниманія; по отношенію къ возникавшей мысли о славянской взаимности, почетныя награды, которыми

россійская академія выразила свое сочувствіе къ дѣятельности замѣчательнѣйшихъ славянскихъ писателей и ученыхъ того времени. Академія присудила золотыя медали (средней величины, въ пятьдесятъ червонныхъ) Коллару, Шафарыку, Ганкѣ, Юлману, Коштару. Извѣщая о полученіи медали, Коштаръ прислалъ въ академію печатное извѣстіе о томъ, какое употребленіе онъ сдѣлалъ изъ академической награды. Золотую медаль російской академіи онъ приложилъ къ табакеркѣ, полученной имъ отъ австрійскаго императора, и цѣну ихъ раздѣлилъ между двумя нуждающимися труженниками, посвятившими себя изученію славянства ²¹⁶).

Добровскій и Неѣдлы избраны были въ почетные члены російской академіи.

Не ограничиваясь медалями, академія раздавала и денежныя награды и пособія, и притомъ съ большою щедростью. Россійская академія назначила изъ своихъ средствъ пенсію Караджичу, и сверхъ того дала ему возможность совершить путешествіе для собиранія пѣсенъ и другихъ произведеній народной словесности. Въ награду за литературные труды академія выдала изъ своихъ суммъ Д. И. Языкову четыре тысячи рублей, а Сергѣю Николаевичу Глинкѣ четыре тысячи пятьсотъ. За тринадцатилѣтнее, безвозмездное, управленіе академическою типографіею выдано Петру Ивановичу Соколову тринадцать тысячъ рублей изъ суммъ російской академіи, и т. д. ²¹⁷).

Возможность производить подобныя выдачи объясняется весьма удовлетворительнымъ состояніемъ денежныхъ средствъ академіи. Еще при княгинѣ Дашковой построены два дома, приносящіе доходъ академіи, и внесено въ воспитательный домъ на храненіе 49000 рублей, принадлежащихъ російской академіи. Со смертію Екатерины настали для академіи печальныя времена. Вскорѣ по возшествіи на престолъ императора Павла I послѣдовалъ указъ о прекращеніи ежегоднаго отпуска изъ Кабинета 6500 рублей, назначенныхъ Екатериною II на содержаніе російской академіи. Но съ воцареніемъ Александра I воз-

вращено было академіи все то, что было даровано ей Екатериною II. Въ рескриптѣ на имя президента сказано: «Внявъ представленному Намъ описанію настоящаго положенія російской академіи, и желая возвратить ей всѣ способы къ пользѣ и просвѣщенію сообразно цѣли ея учрежденія, повелѣли Мы ежегодный отпускъ изъ Кабинета опредѣленныхъ на содержаніе ея шести тысячъ двухсотъ пятидесяти рублей возстановить», и т. д. ²¹⁸). Доходы академіи постепенно увеличивались, и въ 1836 году капиталы російской академіи, находившіеся въ Заемномъ банкѣ и въ Сохранной казнѣ Воспитательнаго дома, простирались до полумилліона рублей, а именно:

Хозяйственная сумма 295000

Кабинетная сумма 30561

Типографская сумма 173439

Итого . . . 499000 рублей.

Уже при назначеніи крупной денежной выдачи П. И. Соколову императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ, что російская академія очень богата. Разсматривая же смѣту расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія на 1837 годъ, государь приказалъ: изъ принадлежащей російской академіи экономической суммы, обратить четыреста тысячъ на постройку обсерваторіи на Пулковской горѣ. Вслѣдствіе этого російская академія передала для пулковской обсерваторіи всю свою хозяйственную сумму (295000) и 105000 изъ своей кабинетной суммы ²¹⁹).

Главными источниками дохода служили для академіи построенные ею дома, отдаваемые въ наемъ, и типографія.

Въ проектѣ устава, который разсматривался въ первыхъ собраніяхъ академіи, говорится:

«Домъ для собраній академическихъ имѣеть быть казенный». Извѣстіе о первомъ академическомъ домѣ находимъ въ описаніи Петербурга, вышедшемъ въ концѣ прошлаго столѣтія: «Императорская російская академія имѣеть свои засѣданія въ преж-

немъ Ашевомъ, а нынѣ ей принадлежащемъ каменномъ домѣ, по лѣвой сторонѣ Фонтанки, за Обуховымъ мостомъ. На большомъ мѣстѣ, что передъ домомъ, стоятъ два каменные строения по набережной»²²⁰. Домъ этотъ, по свидѣтельству самой академіи, «нажитъ почти собственными ея трудами», и лишившись дома она «не имѣла пристанища для своихъ собраній». Лишеніе послѣдовало по волѣ императора Павла.

Генераль-прокуроръ Беклешовъ увѣдомилъ, что генераль-аудиторъ князь Шаховскій просилъ о пожалованіи ему дома, принадлежащаго российской академіи, и вслѣдствіе этого «нужно знать, для донесенія государю, можетъ-ли академія обойтись безъ дома, и на какое употребленіе она имъ располагаетъ». Академія отвѣчала, что владѣя старымъ одноэтажнымъ домомъ, и построивъ два отдѣльные, выходящіе на Фонтанку двух-этажные дома, т. е. два флигеля, «оними, въ нынѣшнемъ состояніи, она себя наипаче содержитъ»²²¹). Бѣда повидимому миновала, но ненадолго. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало повелѣніе: домъ российской академіи съ однимъ изъ флигелей отдать военно-сиротскому дому, а другой флигель—департаменту удѣловъ²²²).

Оставшись безъ крова, российская академія рѣшила представить государю всеподданный докладъ слѣдующаго содержания: «Российская академія отъ высокомонаршихъ щедротъ имѣла каменный домъ, изъ трехъ отдѣленій состоящій, въ которомъ она собиралась для своихъ упражненій, и отъ коего имѣла нѣкоторый доходъ къ своему содержанию. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было высочайше повелѣть взять оный домъ подъ военно-сиротское училище и департаментъ удѣловъ. Съ того времени академія не имѣетъ пристанища для своихъ собраній, а поелику на Васильевскомъ острову въ первой линіи есть мѣсто, Московскимъ подворьемъ называемое, которое отъ давняго времени праздно, нынѣ отдается въ наемъ за 450 рублей въ годъ, и московскій митрополитъ, по ветхости строения, самъ желаетъ оное продать. Российская академія всепод-

даннѣйше просить Ваше Императорское Величество, по высоко-
 монаршей милости и высочайшему покровительству, наградить
 ее тѣмъ подворьемъ для пужныхъ ея упражненій въ пользу сло-
 весныхъ наукъ»²²³). Началась любопытная переписка между
 Ник. Як. Озерецковскимъ, какъ представителемъ россійской
 академіи, московскимъ митрополитомъ Платономъ и Дм. Ник.
 Неплюевымъ, представившемъ государю всеподданиѣйшій до-
 кладъ россійской академіи²²⁴). Пререканія возникли по поводу
 цѣны московскаго подворья: митрополитъ находилъ, что оно
 стоитъ не менѣе десяти тысячъ, а россійская академія полагала,
 что оно стоитъ никакъ не болѣе трехъ тысячъ. Конецъ прере-
 каніямъ положенъ рескриптомъ государя с.-петербургскому воен-
 ному губернатору графу Палену 10 іюля 1800 года: «Москов-
 ское подворье, состоящее на Васильевскомъ острову, въ первой
 линіи, со всею принадлежащею къ нему землею и строеніемъ,
 повелѣваемъ, числа въ казенномъ вѣдомствѣ, отдать подъ Нашу
 россійскую академію»²²⁵). 27 октября 1800 года академія имѣла
 первое свое собраніе въ пожалованномъ ей домѣ, въ которомъ
 «на сей случай изготовлено было зало для ея собранія»²²⁶. Для
 того, чтобы вмѣсто временнаго и случайнаго приспособленія
 имѣть что-либо болѣе прочнѣе, необходимы были значительныя
 денежныя средства. Они даны были Александромъ I, пожелав-
 шимъ возратить россійской академіи все то, что считалось ея
 неотъемлемымъ достояніемъ при Екатеринѣ II. Высочайшимъ
 указомъ, даннымъ Кабинету 25 марта 1802 года, повелѣно:
 «Взамѣнъ удержанныхъ у Россійской академіи съ 29 декабря
 1796 года по 13 іюня 1801 года суммъ, опредѣленныхъ на со-
 держаніе ея изъ Кабинета, ежегодно по шести тысячъ по двѣсти
 по пятидесяти рублей, отпустить въ будущемъ году на постройку
 дома для той академіи двадцать пять тысячъ единовременно, да
 на изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій и на воздаяніе за труды со-
 чинителямъ и переводчикамъ классическихъ писателей отпускать
 каждый годъ, начавъ съ настоящаго, по три тысячи рублей»²²⁷).
 12 іюля 1804 года происходило первое и торжественное собра-

не въ новомъ домѣ россійской академіи, построенномъ соответственно ея нуждамъ ²²³). Впослѣдствіи построены: два каменные флигеля, съ портиками, службами и проч., по проекту архитектора Стасова, и второй каменный этажъ между двумя портиками для помѣщенія типографіи, по проекту архитектора Тона ²²⁹).

XXXVI.

Россійская академія въ первый періодъ своего существованія, во времена Екатерины II и кн. Дашковой, пользовалась большимъ сочувствіемъ въ литературномъ мірѣ и въ образованнѣйшей части тогдашняго общества. Ученые и писатели видѣли въ россійской академіи учрежденіе, вызванное потребностями времени и добросовѣстно трудящееся на пользу отечественнаго языка и словесности. Одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ представителей нашей литературы, Фонвизинъ говоритъ: «Между неспечтными благами, коими Россія облагодѣтельствована отъ Екатерины Вторыя, должно считать и установленіе россійской академіи» ²³⁰). Основаніе россійской академіи признавалось побѣдою просвѣщенія надъ невѣжествомъ, поправившимъ свободу мысли и слова. По мнѣнію Княжнина, съ открытіемъ россійской академіи открылось обширное поле для дѣятельности русскихъ писателей и «даны крылья умамъ» ²³¹). На страницахъ Собесѣдника, имѣющаго неоспоримое значеніе для исторіи нашей журналистики вообще, помѣщались хвалебные восторженные отзывы о россійской академіи, избравшей своею задачею очищеніе и обогащеніе отечественнаго языка. Въ журналѣ «Зритель» находимъ такое замѣчаніе: «А чтобы умѣть въ Россіи порусски, это развѣ чудомъ почитается, а особливо когда россійская академія трудится въ опредѣленіи языку точности и силы, и *трудится съ желаемымъ успѣхомъ*» и т. д. ²³²).

Въ литературѣ прошлаго столѣтія встрѣчаются и насмѣшки надъ россійскою академіею, но они направлены преимущественно на внѣшніе приемы и случайности, не касаясь самой сущности

дѣла. Подобно тому, какъ издатели Собесѣдника обѣщали помѣщать въ своемъ журналѣ безъ малѣйшихъ измѣненій всѣ критики и сатиры на него, такъ и члены россійской академіи добродушно подсмѣивались надъ нею, печатая свои шутки въ академическомъ изданіи. Большая часть сатирическихъ замѣтокъ по адресу россійской академіи принадлежатъ перу основательницы ея Екатерины II, принимавшей прямое, непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ.

Въ Собесѣдникѣ — журналѣ, издававшемся членами россійской академіи, помѣщена пародія на засѣданія россійской академіи, подъ названіемъ: «Ежедневная записка Общества незнающихъ»²³³). Сохранились какъ отрывки изъ нея, писанные рукою Екатерины II, такъ и собственноручная записка Екатерины о качествахъ члена Общества незнающихъ (*ignorants*)²³⁴). Объ отношеніи пародіи къ подлиннику, т. е. къ запискамъ, или протоколамъ россійской академіи, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Въ запискѣ засѣданій россійской академіи: «По прочтеніи записокъ перваго академіи собранія, всѣ члены единогласно утвердили, чтобы оныя впредь единственно предсѣдателемъ и секретарями подписываемы были». Въ запискѣ Общества незнающихъ: «Засѣданіе началось чтеніемъ ежедневныхъ записокъ прошедшихъ дней. Дневныя записки всѣ за скрѣпою Каноника извѣстнаго». Каноникъ — псевдонимъ Льва Александровича Нарышкина, забавлявшаго императрицу комическимъ воспроизведеніемъ рѣчи, которую Дашкова произнесла при открытіи россійской академіи.

Въ запискахъ россійской академіи неоднократно упоминается, что тотъ или другой вопросъ переданъ предварительно на разсмотрѣніе отдѣла, или *отряда*, составленнаго изъ нѣсколькихъ членовъ академіи, и затѣмъ разсматривался въ общемъ собраніи и постановленіе его разослано отсутствующимъ членамъ, и т. д. Подобнымъ приемомъ предполагали достигнуть наиболѣе точнаго и яснаго разрѣшенія спорнаго вопроса. Выработку общаго, ру-

ководящаго плана академія признавала необходимымъ для того, чтобы всѣ ея члены могли «трудиться единообразно и благоуспѣшно» и т. д. ²³⁵). Въ запискѣ Общества незнающихъ: «Понеже само по себѣ слово *чутье* подлежитъ разнообразнымъ толкамъ, того для не благовольтъ ли палата съ чутьемъ назначить точное опредѣленіе онаго яснѣйшими израженіями, дабы, по важности того дѣла, единчество понятія о томъ установиться могло для общаго благовѣреннаго имъ дѣла», и т. д.

Гораздо болѣе шривымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣзкимъ нападкамъ подвергалась французская академія—*Académie française*: народѣ на ея засѣданія и приговоры составляютъ цѣлую литературу. Довольно вспомнить: *La comédie des académistes, Requête présentée par les dictionnaires à messieurs de l'académie pour la réformation de la langue française*, и т. д. ²³⁶). Въ драматической шуткѣ подъ названіемъ: *La comédie des académistes* выведены на сцену члены французской академіи, и въ уста ихъ вложены такого рода отзывы о литературныхъ упражненіяхъ въ академическомъ вкусѣ:

Mais ils passent deux ans à réformer six mots...
 Faire un petit recueil, une traduction,
 Composer quatre vers plein de dévotion,
 Un sonnet pour un grand, ou bien l'épithalame,
 Ajouter s'il se peut la petite épigramme,
 Rêver cinq ou six mois sur l'objet le plus beau,
 Pour faire voir au jour quelque méchant rondeau,
 Se ravir les premiers de leurs inventions,
 C'est vraiment mériter de bonnes pensions...

Встревоженные академическими нововведеніями, словари обращаются къ членамъ академіи съ челобитною:

A nosseigneurs académiques,
 Nosseigneurs les hypercritiques
 Souverains arbitres des mots,
 Doctes faiseurs d'avant-propos,

Cardinal-historiographes,
 Surintendants des orthographes,
 Raffineurs de locutions,
 Entrepreneurs de versions,
 Peseurs de brèves et de longues,
 De voyelles et de diphtongues:
 Supplie humblement Calepin,
 Avec Nicod, Estienne, Oudin,
 Et tous autres dictionnaires,
 Lexicons et vocabulaires,
 Disant que depuis trente années
 On a, par diverses menées,
 Banni ces nobles mots: *moult, ains, jaçoit,*
Ores, adonc, maint, ainsi soit...
 . . . . . votre Gomberville
 Aurait injustement proscrit
 Le pauvre *car* d'un sien écrit,
 Comme étant un mot trop antique,
 Et qui tire sur le gothique...
 Or, nosseigneurs académiques,
 Nosseigneurs les hypercritiques,
 Ce n'est pas tout: nos pauvres mots
 Ont bien enduré d'autres maux;
 Mille ont été bannis des maîtres;
 Les uns accourcis de trois lettres,
 Les autres d'autant allongés;
 Leurs genres ont été changés.
 . . . . Ce beau mignon fait la figue
 A quiconque dit *un intrigue*,
 Et veut, contre toute raison,
 Que l'on dise de *la poison*,
Une épitaphe, une épigramme,
Une navire, une anagramme,
Une reproche, une duché....

Въ нашей журналистикѣ конца прошлаго и самаго начала девятнадцатаго столѣтія изрѣдка встрѣчаются критическія замѣтки о появлявшихся тогда въ печати трудахъ российской академіи. Особенно любопытно то, что написано Карамзинымъ. Къ числу выдающихся произведеній тогдашней переводной литературы принадлежитъ Естественная исторія Бюффона, переведенная на русскій языкъ членами российской академіи Румовскимъ, Лепехинымъ и др. Въ «Московскомъ журналѣ» Карамзина находимъ слѣдующій отзывъ объ этомъ переводѣ: «Важень трудъ почтенныхъ господъ переводчиковъ и достоинъ всевозможной похвалы. Самыя труднѣйшія физическія слова перевели они весьма удачно. Ясность и гладкость слога составляютъ второе важное достоинство сего перевода... Между многими очень хорошо переведенными словами попадаются и такія, которыя бы, казалось, могли быть иначе переведены. Такъ напримѣръ: *Mipéaux* — *Ископаемая*, *Subdivision* — *Подраздѣленіе*. Название: *Ископаемая* скорѣе бы могло означать *Fossiles* — *Фоссилы*. Что принадлежитъ до *Подраздѣленія*, то русскому трудно понять, какъ можно что-нибудь *подраздѣлять*: не лучше ли бы было сказать вмѣсто *Подраздѣленіе* — *Передѣленіе*»²³⁷). Дальнѣйшее движеніе русскаго литературнаго языка показало, что слово: *Подраздѣленіе*, введенное Румовскимъ и Лепехинымъ, вполне усвоено языкомъ и сдѣлалось общепонятнымъ и употребительнымъ.

Карамзинъ, въ своемъ журналѣ, подсмѣивался надъ российской академіею и надъ пристрастіемъ ея членовъ къ славянщинѣ, доходившемъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Разбирая русскій переводъ Кларисы Ричардсона, Карамзинъ замѣчаетъ по поводу выраженія переводчика: *Колико для тебя чувствително*: «Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико*. Впрочемъ г. переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ русскій слогъ *голыми* претолковниками *NN*, иже отрываютъ все, ежесть русское, и блестяются блаженны сияніемъ славяномудрїа»²³⁸). Подъ име-

немъ *гольмыхъ претолковниковъ* Карамзинъ разумѣлъ членовъ россійской академіи. Въ изданномъ ими словарѣ находятся слова *Гольмый* и *Гольмо*: «*Гольемый*, или *Гольмый* — Великій, преимущественный; *Гольмо* — Вельми, нарочито, преимущественно»²³⁹). Въ *славяномудрїи, отрѣвляющемъ все русское*, заключается намекъ на тѣхъ изъ членовъ россійской академіи, которые въ трудахъ своихъ старались блистать славянизмами вопреки естественному движенію русскаго литературнаго языка. Кого особенно имѣлъ въ виду Карамзинъ, подсмѣиваясь надъ гольмыми поклонниками славяномудрїа, можно отчасти догадываться по отзыву его современника Ив. Ив. Дмитриева. По словамъ этого писателя, изъ школы Ломоносова выдѣлилась впоследствии новая школа, во главѣ которой стояли Елагинъ и Фонвизинъ: Елагинъ «обратился къ *славянчизнѣ*, перевелъ почти по славянски *Похвальное слово Марку Аврелію*, извѣстнаго французскаго оратора Тома. Фонвизинъ, хотя и съ большимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими. Послѣдователи Елагина и Фонвизина захотѣли перещеголять своихъ учителей, и уже начали еще болѣе употреблять славянскіе реченія и обороты. Усерднѣйшіе изъ нихъ славянофилы были: М. Поповъ, переводчикъ съ французскаго языка Тассовой поэмы — Освобожденный Іерусалимъ; сенаторъ И. С. Захаровъ; особенно же г. Якимовъ, Пахомовъ и священникъ Сидоровскій²⁴⁰).

Изъ названныхъ лицъ, Елагинъ, Фонвизинъ, Захаровъ и Сидоровскій были членами россійской академіи.

Поводомъ къ избранію Захарова въ члены россійской академіи послужилъ его переводъ «Похожденія Телемака». Въ предисловіи къ своему переводу Захаровъ говоритъ: До Ломоносова русскій языкъ «наполненъ былъ реченіями ветхими, низкими, чужестранными. Ломоносовъ научилъ насъ познать разные въ россійскомъ языкѣ слогі; онъ показалъ обиліе, силу, красоту славено-россійскаго слова; онъ вразумилъ насъ почерпать слова въ самомъ ихъ источникѣ, сиречь въ книгахъ церковныхъ...

Или заключить кто (по невѣдѣнію важности эпическія поэмы), что наполненъ оный многими славенскими реченіями» и т. д. Самый переводъ въ такомъ родѣ: «Скончавшейся трапезѣ, устранила богиня Телемака, и тако рекла ему: се зриши, о сынъ великаго Улесса, съ коликою приѣмлю тебя благосклонностію. . . . Рекущу сіе Ментору, Телемакъ погружался въ печаль и сѣтованіе» ²⁴¹). О Захаровѣ замѣчаютъ, что онъ, въ своемъ переводѣ Телемака, прославился фразою: *возсъдали старцы обоюго пола* ²⁴²).

Переводъ Елагина популярной въ свое время книги: *Приключенія маркиза Г.* напоминаетъ, по слогу, переводъ Телемака Захарова. Безпрестанно встрѣчаются такіе выраженія и обороты: «Вдова пошла тотчасъ къ судіи, и нашедъ его сидяща одного въ конторкѣ, подала ему письмо. . . Я видѣлъ несчастнаго Маріэнера, упадшаго мертва съ коня. . . Услышали звукъ сего орудія, на которомъ я игралъ, и которому голосъ мой сотовариществовалъ», и т. д. ²⁴³).

О переводахъ Сидоровскаго можно судить по слѣдующему образцу: «Родители твои и въ свой домъ меня принимали и многими почтили дарами. Знаю я совершенно, что ты еси сынъ ихъ, и возвѣщаешь о себѣ неложно. По сихъ словахъ возставъ онъ съ сѣдалища, объемлетъ меня, лобзаетъ и поемлетъ съ собою въ домъ свой. . . Мы заблагорасудили возлещи его по вершинамъ древеснымъ, яко густымъ бывшимъ. Привязавъ къ нему великое ужище и возшедъ на дерева, возвлекли его туда съ трудомъ крайнимъ». . . . Къ слову: *откликъ* прибавлено поясненіе: «т. е. *ихо*, или *ехо*» и т. д. ²⁴⁴).

По поводу грамматики, изданной росіійскою академіею, Карамзинъ написалъ остроумную статейку подъ названіемъ: «Великій мужъ русской грамматики» ²⁴⁵). Нельзя не согласиться, что академическое руководство, въ томъ видѣ, какъ оно было издано, представляло весьма обильный матеріалъ для критики. Отъ академіи можно было ожидать не простаго учебника, а труда, имѣющаго самостоятельное научное значеніе. О подготовительныхъ

работахъ по грамматикѣ и о мѣрахъ къ ея усовершенствованію неоднократно упоминалось въ академическихъ протоколахъ; но до какой степени важны и полезны были предлагаемыя мѣры, можно судить по слѣдующему примѣру. Президентъ академіи Нартовъ, желая — какъ говорится въ протоколѣ — «довести до большаго совершенства Россійскую грамматику, предложить дабы къ словамъ и терминамъ, собственно грамматикѣ принадлежащимъ, присоединить латинскія оныхъ названія»²⁴⁶). Вслѣдствіе этого въ оглавленіи появилось нѣсколько латинскихъ словъ: О правописаніи (orthographia), о словосочиненіи (syntaxis), о имени вообще (nomen), о причастіяхъ (participium), и т. д.

Въ примѣръ глаголовъ, въ неокончательномъ многократномъ склоненіи, приведены академическимъ руководствомъ: *калывать, жаривать, балывать, жидать, лыгать, колеблывать, треплывать*, и др. Карамзинъ влагаетъ въ уста великаго мужа русской грамматики слѣдующее замѣчаніе: «О небо! Когда *съ семъ* склоненіи бывали такіе глаголы въ языкѣ русскомъ? Можно ли *изъявительное* такъ своевольно обратитъ въ *неокончательное* и глаголы *недостаточные* въ *полные*? Можно ли забыть, что нѣкоторые изъ нихъ употребляются только *съ предлогами*, какъ-то: *накалывать, ожидать, прилыгать*?»

Въ академической грамматикѣ говорится: «Числительныя имена требуютъ послѣ себя имени въ падежѣ родительномъ числа единственнаго, напримѣръ: *два стола, три книги, четыре рубля*, и проч.» Въ статьѣ Карамзина: «Вы найдете въ грамматикахъ, что надобно говорить: *два человека, семь рублей*. Важное наставленіе! Кто изъ русскихъ ошибается въ этомъ случаѣ? Но гдѣ же узнаете, какъ должно писать: *съ двумястами ренадеръ* или *ранадерами; съ двумя тысячами рублей* или *рублями*. Вотъ камень преткновенія!»

Составители академической грамматики, предостерегая отъ неправильнаго употребленія предлога *между*, говорятъ: «Нѣкоторые предлогъ *между* употребляютъ съ падежемъ родительнымъ, однакожъ неправильно, ибо нельзя сказать: *Между меня*

и его произошла ссора; или: *Межъ лѣса и селенія находится поле*). Карамзинъ возражаетъ: «Употребленіе есть избалованное дитя народовъ, съ которымъ нельзя обходиться сурово; надобно во многомъ щадить его. Давно уже русскіе говорятъ: *между полями и между полей*, соображаясь иногда съ пріятностію слуха. Сохранн насъ Богъ отъ тиранства! Грамматикъ долженъ быть добродушнымъ и жалостливымъ, особливо къ стпхотворцамъ. Они и такъ нерѣдко стенаютъ отъ упругости длинныхъ словъ въ языкѣ русскомъ: на что ихъ обременять лишними слогами? Грамматикъ чувствительный, и даже справедливый, съ обыкновенною искренностію скажетъ имъ: *пшпите смѣло между ясиновѣ и млей*» и т. д.

Съ водвореніемъ Шишкова и его вліянія въ російской академіи окончательно порывается связь, когда-то существовавшая между литературою и академіею. Они образуютъ два противоположные лагеря, и рознь между ними все болѣе и болѣе усиливается. Органы литературы или вовсе не говорятъ объ академической дѣятельности или же отзываются о ней съ явнымъ недовѣріемъ къ трудамъ и талантамъ членовъ російской академіи. Причину подобнаго равнодушія, а порою и враждебности, можно бы отчасти объяснить тѣмъ разладомъ между литературою и наукою, на который указывали какъ люди науки, такъ и представители нашей журналистики. Въ одномъ изъ выдающихся журналовъ нашихъ временъ російской академіи находимъ такое замѣчаніе: «У насъ доселѣ существуетъ ложное предубѣжденіе, будто между ученостію и литературою нѣтъ никакого соотношенія, кромѣ развѣ непріязненнаго. Предполагаютъ, что литературѣ подъ вліяніемъ учености тяжело, трудно, удушливо. Но не такъ думаютъ въ другихъ странахъ Европы» и т. д.²⁴⁷). Въ самомъ распространенномъ журналѣ того времени высказанъ такого рода взглядъ на отношеніе журналистики къ академической жизни: «Журналъ не принимаетъ на себя обязанности извѣщать о дневныхъ событіяхъ; онъ исключительно посвящается тому, что должно оставить по себѣ прочныя слѣды. Не его дѣло извѣщать

о избраніи какого-нибудь писателя въ члены академіи, но онъ обязанъ сказать *нѣчто*, если избраніе сіе составляетъ нѣкоторую эпоху въ лѣтописяхъ словесности» и т. д. ²⁴⁸). Но обѣщанное *нѣчто* не появлялось даже въ тѣхъ случаяхъ, когда всего скорѣе можно было бы его ожидать.

Главная причина равнодушія и враждебности заключается въ томъ исключительномъ направленіи, которое усвоено Шишковымъ и проводилось имъ съ самою настойчивою послѣдовательностью. Оно вытекало изъ основнаго понятія о цѣли академіи, какъ учено-литературнаго общества, призваннаго охранять отечественный языкъ отъ порчи и искаженій. Вопреки совѣтамъ знаменитаго ученаго, митрополита Евгенія, предлагавшаго профессору русской словесности извлекать примѣры изъ сочиненій Ломоносова, Карамзина и изъ *журналовъ*, російская академія, руководимая Шишковымъ, возставала противъ журналовъ, какъ противъ ереси, губельной не только для языка, но и для нравственности. Журнальныя статьи писались такъ называемымъ *новымъ слоюзъ*, а новый слогъ былъ ненавистенъ академіи, т. е. президенту, ревностному поклоннику *старого слога*, желавшему ввести въ современный литературный языкъ старинныя слова и обороты, давно и навсегда вышедшіе изъ употребленія. Непомѣрное рвеніе Шишкова послужило поводомъ къ тому, что академію стали обвинять въ застоѣ и въ непониманіи жизни и движенія литературы и ея орудія—языка. Упорная борьба между послѣдователями Карамзина и ихъ противниками, съ Шишковымъ во главѣ, кончилось не въ пользу російской академіи, въ средѣ которой были самые усердные приверженцы Шишкова. Любопытны отзывы современниковъ, бывшихъ свидѣтелями этой борьбы въ ея различные періоды, и принимавшихъ въ ней большее или меньшее участіе. Приводимъ одинъ изъ этихъ отзывовъ, появившійся въ самомъ популярномъ журналѣ того времени:

«Отъ начала нынѣшняго столѣтія существовали у насъ въ литературѣ двѣ главныя партіи, или школы: карамзинистовъ и славянофиловъ. Многіе люди, даже съ дарованіемъ, увлеченные

гармоническою, прелестною прозою Карамзина, сдѣлались подражателями его во всемъ, даже въ недостаткахъ, которыхъ у Карамзина было довольно. Аханье, вздохи, словесный филантропизмъ, однообразіе напѣва, и безотчетное, излишнее употребленіе словъ и оборотовъ иностранныхъ, были отличительными признаками первой партіи. Противъ этого возсталъ авторъ книги: *О старомъ и новомъ слоgъ*, имѣвшій также многихъ и жаркихъ поборниковъ. Эта, другая партія вдалась въ крайность противоположную: какъ карамзинисты подражали во всемъ иностранному, такъ славянофилы хотѣли все обратить къ славянскому языку, къ древнимъ обычаямъ и навыкамъ, и несправедливо почитая современниковъ своихъ славянами, хотѣли доказать, что надобно оставить иностранцевъ, и заимствовать всѣ силы души и слова изъ роднаго, какъ полагали они, источника. Здѣсь, какъ почти всегда бываетъ въ спорахъ, обѣ стороны имѣли справедливыя основанія, были обѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ правы, и только ошибались въ выводахъ, въ слѣдствіяхъ. Карамзинъ оказалъ нашему языку великую услугу тѣмъ, что, заимствовавъ для него нѣкоторыя формы и слова изъ иностранныхъ языковъ, писалъ на немъ прекрасно, и былъ изящнымъ образцомъ такого слога, какаго до него не знала Россія. Винаватъ ли онъ, что не нашлось ему достойнаго преемника, не нашлось дарованія, которое, идя проложеннымъ путемъ, очистило бы его отъ терній и волцовъ, остававшихся на немъ? Послѣдователи Карамзина увеличили только недостатки его слога, навербовали кучу излишнихъ, нечлѣнныхъ иностранныхъ словъ и выраженій, превратили вздохи его въ рыданія, чувствительность въ слезливость, и вмѣсто умнаго заимствованія отъ иностранцевъ, хотѣли сдѣлать насъ вовсе не русскими. Основная мысль Карамзина—братъ хорошее у чужеземцевъ и благоразумно усваивать его себѣ—была справедлива, прекрасна, необходима для образованнаго народа. Однакожъ, поставьте себя на мѣсто его современниковъ, которые не могли, такъ какъ мы, судить объ этомъ по опыту, по слѣдствіямъ; они видѣли только мутный потокъ ино-

страннаго, который готовъ былъ затопить богатыя нивы русскаго слова. Они должны были остановить его, и также справедливо утверждали мысль, оправданную опытомъ, что главныя улучшенія для языка, для словесности, должны быть заимствованы изъ роднаго міра, изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ русскаго духа, изъ стихій русскаго быта, ибо таково было основаніе ихъ мысли. Она была несправедлива только примѣненіемъ своимъ, ибо анти-карамзинисты хотѣли сдѣлать насъ опять не русскими, а славянами, хотѣли, чтобы мы забыли объ иностранцахъ, и для прошедшаго, мертваго, оставили настоящее, живое, утвержденное употребленіемъ и дарованіями. Казалось, надобно было-бы тѣмъ и другимъ сдѣлать одинъ шагъ, чтобы стать на точку истины. Однакожъ это дѣлается не такъ-то скоро.

Мало-по-малу первые состязатели удалились съ боеваго поприща. Мѣсто ихъ заняли двѣ новыя, происшедшія отъ нихъ, измѣненныя временемъ, партіи. Карамзинисты породили новую школу, которую можно именовать поклонниками Карамзина. Оставивъ безусловное подражаніе сему необыкновенному писателю, они полагаютъ, что нельзя идти далѣе его; что не пнениуя его русскимъ Аристотелемъ, должно слѣдовать ему какъ русскому Аристотелю, только не вводя новыхъ иностранныхъ словъ, и заимствуя мысли не у тѣхъ чужеземныхъ писателей, у которыхъ заимствовался Карамзинъ, ибо эти люди уже знаютъ романтизмъ, и читаютъ не однихъ французскихъ классиковъ; они готовы на всякое улучшеніе, только было-бы оно въ духѣ Карамзина. Впрочемъ эта школа не такъ многочисленна печатно, какъ словесно, и не столько дѣйствуетъ она въ литературѣ, сколько въ такъ называемомъ лучшемъ обществѣ. Къ ней принадлежатъ въ обществѣ даже тѣ люди, которые въ словесности составляютъ прямую противоположность Карамзину. Школа славянофиловъ осталась въ другой кастѣ нашей словесности, къ которой принадлежатъ люди, прилежно изучавшіе иностранныя литературы, и убѣжденные, что прежде всего надобно быть чистымъ сыномъ своего отечества, заимствовать силу и краски

у своего народа, и воскрешать старинный, а если можно то и древній бытъ, древній языкъ, древнія понятія, потому что все это въ нынѣшнемъ русскомъ мірѣ образовано слишкомъ по иностранному. Эти люди уже во многомъ убавили требованія славянофиловъ, и пристали къ нимъ потому только, что основная мысль сихъ послѣднихъ справедлива; но они ошиблись въ средствахъ, и думаютъ, что воскрешаютъ русскій духъ, говоря: *возвративый* вмѣсто *возвратившій*, *рамо* вмѣсто *плечо*, *ланиа* вмѣсто *щека*. Ошибка ихъ въ томъ, что они по слѣдамъ предшественниковъ своихъ почитаютъ русскихъ славянами, и церковно-славянскій языкъ—древнимъ русскимъ. Впрочемъ, это люди, по большей части, основательно учившіеся, глубоко понимающіе романтизмъ, и готовые на все прекрасное—только подъ славянскимъ знаменемъ. Къ этому разряду писателей принадлежатъ почетныя имена русской литературы: Грибоѣдовъ, Жандръ, авторъ *Ижорскаго*, и нѣкоторые другіе. Къ нимъ принадлежитъ и г-нъ Катеннъ»²⁴⁹).

Катеннъ отвѣчалъ на это своему критику: «Вы сами обнаруживаете странную вражду къ нѣкоторымъ словамъ, укоряете пишущихъ: *возвративый*, *рамо*, *ланиа*, ревнуете объ убавленіи въ языкъ запасовъ и средствъ къ выраженію. *Возвративый*, вмѣсто *возвратившій*, можетъ встрѣтиться только въ чемъ-нибудь библейскомъ и тамъ прилично; *рамо*-же и *ланиа* употребляются сплошь стихотворцами всѣхъ школъ, шными не у мѣста, тамъ, гдѣ простыя разговорныя названія лучше бы кстади пришлись; но въ слогѣ высококомъ сіи старинныя, колп угодно, славянскія, придають рѣчи красоту незамѣнимую. Нѣмцы, любимые образцы ваши, пишутъ въ стихахъ благородныхъ: *Haupf*, а не *Kopf*; *Roß*, а не *Pferd*; даже именно *Wange*, *ланиа*, а не *Wace*, *щека*; по какой критикъ станетъ въ томъ укорять Гёте, утверждая, что онъ пишетъ не по нѣмецки, а по *германски*?

Здѣсь мѣсто пояснить нѣсколько ошибочное сказаніе ваше о теоріи тѣхъ людей, къ числу коихъ справедливо причисляете

меня. Они не почитаютъ «языкъ церковно-славянскій древнимъ русскимъ»; знаютъ не хуже другихъ, что библія переведена людьми не русскими; но увѣрены, что съ тѣхъ поръ, какъ приняла ее Россія, ею дополнился и обогатился языкъ русскій, скудное дотолѣ нарѣчіе народа полудикаго; они видятъ въ ней свѣтильничекъ неугасный, озарившій умъ и слово россиянъ въ ночь владычества татарскаго, въ бурю набѣговъ литовскихъ и польскихъ; они признаютъ ее краеугольнымъ камнемъ новаго зданія, которое воздвигнулъ Ломоносовъ, достроивали Петровъ, Державинъ, Костровъ, Дмѣтріевъ, Озеровъ, кн. Шихматовъ, Гнѣдичъ, и другіе, писавшіе съ дарованіемъ въ родѣ высококомъ. Но мысль ихъ далека отъ того, чтобы языкъ и словесность должны были ограничиваться однимъ родомъ, каковъ бы онъ ни былъ; они любятъ весь языкъ, хотятъ имѣть полную литературу, и не довольствуясь даже рѣзкимъ раздѣломъ слога на трагическій и комическій, или важный и шуточный, допускаютъ, принимаютъ, вводятъ всѣ возможныя постепенности и отбѣнки въ языкѣ, всѣ роды, формы и краски въ поэзіи и стихосложеніи; ихъ теорія эклектическая, многообъемная и безпристрастная» ²⁵⁰).

На вопросъ объ отношеніяхъ литературы къ академіи весьма опредѣленнымъ и нагляднымъ отвѣтомъ служатъ статьи и отзывы, появлявшіеся въ тѣхъ изъ нашихъ журналовъ, къ которымъ нельзя не обращаться, когда рѣчь идетъ о современном имъ состояніи и направленіи литературы. Сюда принадлежатъ повременныя изданія: Московскій Телеграфъ, Библіотека для чтенія, Отечественныя записки.

Какъ на одну изъ наиболѣе сочувственныхъ академіи статей можно указать на рецензію, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ, въ которой говорится:

«Первое изданіе словаря было *этимологическое*: производныя слова стоятъ тамъ подъ коренными или первообразными, и при каждомъ томѣ присовокуплены алфавитные реэстры находящихся въ нихъ коренныхъ и производныхъ словъ, которые не связаны однимъ общимъ алфавитнымъ реэстромъ, такъ что не довольно

знакомый съ русскою этимологіею часто долженъ перебрать всё шесть томовъ, дабы сыскать нужное ему слово. Для втораго изданія академія избрала нѣсколько членовъ подъ руководствомъ президента, и приняла сообразнѣйшее съ цѣлію расположеніе, а именно: *расположить слова по азбучному порядку, а глаголы не по первому лицу настоящаго времени, но по неопредѣленному наклоненію.*

Во второмъ изданіи академическаго словаря, буквѣ съ предлогами, служащими для составленія словъ, гораздо болѣе, нежели въ первомъ. Вообще, вездѣ видны поправки: прибавленій много, напр. при словѣ *вьюрокъ*, къ которому хотя и не прибавлено уменьшительнаго, приложены слова гораздо нужнѣйшія. *Fringilla montifringilla*, точнѣйшее опредѣленіе, и вся статья передѣлана. Таковыя прибавленія идутъ до конца сочиненія и столь же видимы и при послѣднихъ буквѣхъ, какъ и при первыхъ. Сего втораго изданія, печатаннаго гораздо красивѣйшими буквами, въ 1806 г. появился первый томъ А—Д, на 1310 страницѣхъ; второй Д—К, на 1178 страницѣхъ. Потомъ уже въ 1814 г. начать третій К—Н, на 1444 страницѣхъ, но долго не былъ кончанъ, ибо послѣдніе три тома (О—ПОР на 1536 стр., П. О. Р—Р на 1142 стр. и С—V на 1478 стр.) появились только въ 1822 году. Ревность въ послѣднемъ отпечатаніи, равно какъ и во внутренней обработкѣ, должно приписать старанію нынѣшняго достопочтеннаго президента академіи, г-на адмирала и министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, который, будучи самъ отличный лингвистъ первой степени, блистательно руководствуетъ занятіями отечественной своей академіи. Въ заключеніе Геснерова большаго словаря (Thesaurus) приложенъ Index etimologicus Latinitatis: если бы и къ сему драгоценному словарю, при слѣдующихъ изданіяхъ, приложить подобный *Index*, тогда бы цѣль распредѣленія перваго изданія соединилась тѣснѣе съ цѣлію новаго изданія»²⁵¹).

Большая часть статей и замѣтокъ написаны въ духѣ, небла-

гопріятномъ для академіи. Иногда пропія сказывается въ одномъ словѣ или эпитетѣ, какъ напрімѣръ: *оная академія, оффиціальная муза* членовъ академіи, и т. п.; иногда сопоставляются, какъ двѣ противоположности: намѣреніе академіи обогащать литературу твореніями даровитыхъ писателей и перечень произведеній, помѣщенныхъ въ академическомъ изданіи.

По поводу журнала, предпринятаго академіею, подъ названіемъ: *Повременное изданіе императорской россійской академіи*, появилось въ Московскомъ Телеграфѣ нѣсколько небольшихъ статей, или замѣтокъ, изъ которыхъ ясно, что академіи не посчастливилось на журнальномъ поприщѣ. Даже доброжелатели академіи должны были сознаться, что она не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя могли возникнуть въ литературномъ мірѣ при извѣстии о новомъ академическомъ предпріятіи. Московскій Телеграфъ привѣтствовалъ благую мысль академіи: «Не можемъ не изъявить здѣсь радости нашей, что знаменитое ученое общество рѣшается посвятить труды свои споспѣшествованію успѣхамъ современной русской литературы. Въ составъ журнала войдутъ: *филологія* (изслѣдованія о славянскомъ и русскомъ языкахъ); *словесность* (сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ); *критика* (обозрѣнія русской словесности и извѣстія о книгахъ); *исторія русской литературы* (жизнеописанія русскихъ литераторовъ и покровителей русской литературы); *исторія академіи*.

Сочиненія и переводы, присланные отъ постороннихъ особъ, по достоинству своему, будутъ награждаемы медалями, принятіемъ сочинителей и переводчиковъ въ академики, и денежною платою. Какое ободреніе для талантовъ! Частный человекъ никогда не въ состояніи выполнить того, что можетъ сдѣлать академія, имѣющая право на особенное почтеніе общественное, и средства многочисленныя»²⁵²).

Вышла первая часть ожидаемаго изданія, и журналисту пришлось ограничиться нѣсколькими словами, изъ которыхъ читатели могли уже догадываться, что академія дала не совсѣмъ то, или — пожалуй — совсѣмъ не то, что обѣщала:

«Академія російская обѣщала, нѣсколько времени назадъ, издавать повременное изданіе, *образцовое по слогу и выбору статей*. Нынѣ является первая книжка сего изданія. Содержание оной слѣдующее:

Проза. 1) Краткое начертаніе о письменахъ славянскихъ; переводъ съ итальянскаго языка А. Ш. 2) О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ аракійскихъ и иллирійскихъ; сочиненіе Франциска Маріи Апендини. Переводъ съ итал. А. Ш. 3) Сѣтованіе Эдуарда Юнга. Ночь первая. Съ англійск. перевелъ кн. П. Ширинскій-Шихматовъ.

Стихотворенія. 4) Преложеніе псалмовъ: 8-го, 113-го и 144-го, князя Сергія Шихматова. 5) Къ орлу Россіи, М. Лобанова. 6) На кончину князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, соч. кн. П. Ширинскаго-Шихматова. 7) Рауль Синяя Борода, *Перомтова сказка*, пер. Б. Федорова» ²⁵³).

При выходѣ второй части *Повременнаго изданія російской академіи* Московскій Телеграфъ высказался еще опредѣленнѣе: «Если *повременное* значитъ въ извѣстное, условное продолженіе времени издаваемое, то почему собраніе стиховъ и прозы, издаваемое академіею, называется *повременнымъ*? Помнится, что намъ обѣщано было *по книжкѣ черезъ каждые четыре мѣсяца, или три книжки въ годъ*. Въ прошломъ году вышла книжка, въ нынѣшнемъ году другая. Слѣдовательно, это уже *не повременное* изданіе, а просто книга прозы и стиховъ, стиховъ и прозы, выходящая *не въ опредѣленное время*. Зачѣмъ же несвойственное названіе при ней осталось?»

Кажется еще, что намъ обѣщаны были въ повременномъ изданіи російской академіи: 1) *филологія* (изслѣдованія о славянскомъ и русскомъ языкахъ); 2) *словесность* (разумѣется, отличныя сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ); 3) *критика* (обозрѣніе русской словесности и извѣстія о книгахъ); 4) *исторія русской литературы* (жизнеописанія русскихъ литераторовъ и покровителей русской литературы); 5) *исторія академіи*.

Въ двухъ вышедшихъ книжкахъ помѣщено: *Проза*—статья итальянца Саларича о славянской азбукѣ; статья итальянца Аппендини о томъ, что народы Малой Азіи были славяне; моравская пѣсня; статья о происхожденіи русскихъ предлоговъ; сличеніе словъ разныхъ народовъ съ славянскими. Три первыя статьи переведены, двѣ послѣднія сочинены почтеннымъ президентомъ академіи А. С. Шишковымъ. Переводъ въ прозѣ одной Юнговой ночи, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, дополняетъ отдѣлъ прозы. Отдѣлъ *Стихотвореній* составляютъ: пять пьесъ соч. князя П. А. Ширинскаго-Шихматова; три пьесы С. А. Ширинскаго-Шихматова; сказка Перрольта, перев. Б. М. Ѳедоровымъ; стихи М. Е. Лобанова, и четыре богемскія пѣсни.

Видимъ, что главные труды самого г-на президента; другіе, не столь важныя, трехъ членовъ академіи; есть и отъ постороннихъ особъ присланныя статьи. Касательно послѣднихъ, любопытно бы знать, не награждены-ли онѣ медалями, принятіемъ сочинителей и переводчиковъ въ академики, или денежною платою. Академія объявляла, что *такія награды* будутъ отъ нея даваемы, смотря по достоинству пьесъ, присланныхъ отъ постороннихъ особъ»²⁵⁴).

Библіотека для чтенія подсмѣивалась надъ трудами россійской академіи, оригинальными и переводными, указывая ихъ недостатки въ литературномъ и стилистическомъ отношеніи.

Когда академія издала знаменитое произведеніе Квинтилиана въ русскомъ переводѣ члена россійской академіи Никольскаго, Библіотека для чтенія весьма рѣзко отозвалась объ академическомъ переводѣ. Въ рецензій говоритъ: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *она* академія оказала важную услугу нашимъ словеснымъ наукамъ, издавъ въ русскомъ переводѣ этотъ великолѣпный памятникъ критическаго ума древности. Квинтилианъ долженъ быть подъ рукою у всякаго литератора и всякаго желающаго судить о литературѣ, и такъ какъ современныя понятія объ изящномъ значительно различествуютъ съ теоріями классическаго міра, то самое это различіе влечетъ за собою, нынче

болѣе чѣмъ когда либо, необходимость тщательнаго изученія послѣднихъ, потому что человѣкъ, отторгшійся отъ прошедшаго и заключающій себя въ одномъ настоящемъ, всегда находится въ умственномъ младенествѣ. Познаніе мысли древняго міра въ разныхъ ея отгѣнкахъ всегда было и будетъ основаніемъ твердой и полезной учености, и все, что споспѣшествуетъ этой цѣли, все, что умножаетъ наши способы къ легчайшему и скорѣйшему ея достиженію, заслуживаетъ полную благодарность вѣка, обремененнаго науками, изысканіями и дѣлами, занятаго, недосужнаго, не успѣвающаго даже управиться съ своимъ безпокойнымъ любопытствомъ. За всѣмъ тѣмъ, когда бъ намъ пришлось даже изумить своимъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ нашихъ читателей, мы не усомнимся сказать, что переводъ «Наставленій» Квинтиліана, на какой бы языкъ ни было, есть дѣло самое неблагодарное. Мы не знаемъ ни одного автора латинской древности, котораго твореніе было бы увлекательнѣе въ подлинникѣ и приторнѣе въ переводѣ. Блистательнѣйшій и тончайшій изъ риторовъ, писатель совершенно проникнутый остроуміемъ своего вѣка, удивительный мастеръ на слогъ, но на слогъ особенной школы, котораго нельзя примѣнить къ новѣйшему слову, критикъ со вкусомъ, но со вкусомъ, заключающимся преимущественно въ латинской фразѣ, выражающей его сужденіе, а не въ самомъ сужденіи, почти всегда похожемъ безъ этой оболочки на картину безъ освѣщенія. Квинтиліанъ, его мысль, его ученія такъ слиты съ языкомъ, на которомъ онъ писалъ, что только самъ онъ могъ бы выразить ихъ хорошо на другомъ языкѣ, только самъ могъ бы передать себя иноземными звуками, не переставая быть Квинтиліаномъ. Его надобно читать по-латыни, а переводить таланту, равному его, и притомъ поставленному въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ, — что для насъ уже сдѣлалось физически невозможнымъ, — во всякомъ случаѣ, великому литературному и критическому таланту. Каковъ же при этихъ понятіяхъ, долженъ казаться намъ Квинтиліанъ въ переводѣ тяжеломъ и тускломъ, одѣтый въ неискусную фразу, лишенный всего

цвѣта своей школы, всей пріятности и гармоніи своего слова, всего своего остроумія въ тонкомъ, искусномъ выборѣ выраженій и оборотовъ, — и особенно, лишенный своего латинскаго періода, главнаго предмета риторскихъ заботъ его? Этотъ Квинтиліанъ, который лежитъ передъ нами, — по совѣсти, не Квинтиліанъ! Это какой-то сухой, угрюмый риторъ, котораго въ теченіи цѣлаго часа нельзя проглотить двадцати страницъ, тогда какъ того Квинтиліана читаешь въ часъ по сту страницъ и болѣе, не только безъ труда, но еще съ восхищеніемъ, — такъ онъ плавленъ, блестящъ и уменъ!

Переводъ, о которомъ мы говоримъ, вообще вѣренъ съ подлинникомъ; но вѣрная передача смысла не сообщаетъ еще понятія о достоинствахъ подобныхъ твореній. Крайне сожалѣя, что Квинтиліанъ доселѣ не нашелъ у насъ изящнѣйшаго пера для своихъ «Наставленій», мы однако жъ готовы принять и вѣрность съ подлинникомъ въ счетъ важныхъ преимуществъ настоящаго изданія, и тѣ, кто не въ состояніи читать знаменитаго критика по-латыни, конечно будутъ весьма признательны россійской академіи за доставленную имъ возможность познакомиться съ нимъ посредствомъ этого перевода»²⁵⁵).

Упомянувъ о достоинствахъ труда члена россійской академіи Арсеньева: *Царствованіе Петра Второго*, Библіотека для чтенія обратила главное вниманіе на «разливъ мѣстоименій» и другіе недостатки слога академика. Рецензентъ Библіотеки для чтенія говоритъ: «Мы такъ бѣдны матеріалами для новѣйшей отечественной исторіи, что они ограничиваются почти одними оффиціальными документами. Отсюда — такъ мало новыхъ книгъ по этой части, между тѣмъ какъ въ другихъ литературахъ новѣйшая исторія — главнѣйшій источникъ плодovitости современныхъ писателей. Слѣдовательно, сочиненіе г. Арсеньева есть такой подарокъ, котораго мудрый не станетъ пренебрегать, не смотря на его малость. Этотъ очеркъ, краткій, быстрый, свѣтлый, будетъ признанъ всѣми прекраснымъ академическимъ разсужденіемъ о царствованіи короткомъ, но весьма любопытномъ, —

очеркъ, который мы охотно назвали бы даже блестящимъ, если бь слогъ былъ тщательнѣе обработанъ; но непомѣрное обиліе всякаго роду мѣстоименій, которыя авторъ рѣшается даже разнообразить, этотъ разливъ мѣстоименій, столь противный духу русскаго языка и вовлекающій писателя въ слишкомъ сложную фразеологію, и небрежность въ ихъ употребленіи, много вредятъ живости, а иногда и ясности, разсказа. Для оправданія и нашей похвалы и нашего упрека, который произносимъ мы не во вредъ сочиненію, но для пользы молодыхъ писателей, мы рѣшились сдѣлать довольно пространную выписку, именно тѣхъ мѣстъ, гдѣ почтенный авторъ изображаетъ поведеніе и судьбу Меншикова.

«Князь Меншиковъ, всегда неусыпно дѣятельный, въ послѣднія минуты жизни Екатерины I такъ счастливо одолѣвшій козни враговъ сильныхъ, тѣмъ бдительнѣе и строже наблюдалъ за всѣми дѣйствіями своихъ совмѣстниковъ, *его* (?) сочленовъ въ совѣтѣ администраціи. Онъ зналъ непріязнь къ себѣ герцога и то рѣшительное участіе, которое онъ (тотъ?) принималъ въ погубленіи его, и въ особенности къ отклоненію покойной императрицы отъ согласія на бракъ Петра Алексѣевича съ княжною Меншиковою, и потому всѣ удары власти и злобы обратилъ Меншиковъ преимущественно на герцога голштинскаго; прочіе совмѣстники казались *ему* неопасными или *ему* преданными. Графы Головкинъ и Апраксинъ давно свыклись съ мыслию о превосходствѣ Меншикова надъ *ними* (?), и не противодѣйствовали ему ни въ чемъ, или по миролюбію и уклончивости, или по нелюбви къ тревожной жизни и кознямъ дворскимъ».

«Вскорѣ послѣ кончины императрицы, Меншиковъ перевелъ государя-отрока изъ дворца въ свой домъ на Васильевскій островъ, переименованный въ это время Преображенскимъ. Ввѣривъ *его* (островъ?) непосредственному попеченію своего семейства, онъ приставилъ къ нему людей надежныхъ, которые издавна были преданы Меншикову и знали всѣ сокровенные за-

мысли его неограниченнаго честолюбія; между такими особенно извѣстенъ генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ».

«Вообще, со времени отъѣзда герцога голштинскаго, князь Меншиковъ началъ вести жизнь менѣе тревожную, считалъ себя безопаснымъ, оттого менѣе *наблюдалъ* (соблюдалъ?) осторожности въ своихъ поступкахъ, болѣе являлъ безпечности и самоувѣренности, и не подозрѣвалъ, что, и по удаленіи герцога, опасность для него не миновала, что число его враговъ хотя уменьшилось, *но* (однако?) злоба и дѣятельность ихъ увеличились. Туча готова была разразиться надъ *главою* могучаго, гибель его неотвратима, какъ мы увидимъ *ниже* (далѣе?)»²⁵⁶).

Особенное впечатлѣніе въ литературномъ мірѣ произвела рѣчь академика Лобанова, произнесенная имъ въ собраніи российской академіи. Въ рѣчи своей, подъ названіемъ: *Мнѣніе о духъ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной*, Лобановъ безпощадно осуждаетъ современное направленіе русской литературы. Онъ говоритъ: «Всякое сочиненіе, всякое периодическое изданіе, статья и даже отрывокъ, если соблюдается въ нихъ строгая нравственность, распространяются чистыя правила, вѣрныя сужденія, и пр. есть драгоцѣнное достояніе государства, есть благотворное зерно назиданія народнаго. Но отвѣчаютъ ли симъ непремѣннымъ условіямъ выходящіе и читаемые нынѣ книги и журналы? Безпристрастные наблюдатели могутъ сказать: Есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями. Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и слѣдовательно будущихъ заблужденій или преступленій... Остановливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности, всякій благомыслящій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ — совершенную безотчетность,

безсовѣстность, наглость и даже буйство... Цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Ктожь долженъ содѣйствовать въ семь трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный писатель, а всего болѣе академія», и т. д. — все въ такомъ-же родѣ ²⁵⁷).

Живымъ протестомъ противъ обвиненій, вводимыхъ на литературу членомъ российской академіи, служить превосходная статья Пушкина. Вопреки стремленіямъ сдѣлать изъ академіи вѣрную союзницу и сподвижницу цензуры, Пушкинъ выражаетъ желаніе, чтобы российская академія *оживила* отечественную словесность, и *не стѣсняя мысли писателей*, достойныхъ изъ нихъ награждала своимъ дѣятельнымъ покровительствомъ, а недостойныхъ *наказывала однимъ своимъ невниманіемъ* ²⁵⁸).

По мнѣнію Бѣлинскаго, статью Пушкина слѣдовало бы помѣстить при новомъ изданіи рѣчи Лобанова. Рецензія Бѣлинскаго, помѣщенная въ Отечественныхъ Запискахъ, написана имъ по поводу вторичнаго появленія въ печати рѣчи Лобанова — въ Трудахъ российской академіи. Не соглашаясь съ Пушкинымъ, что форма этой рѣчи вовсе не *академическая*, Бѣлинскій продолжаетъ: «Статья почтеннаго академика, о коей идетъ рѣчь, исполнена энергіи въ выраженіи, отличается густотою красокъ, и смѣемъ замѣтить — немного на счетъ истины. Г. Лобановъ, конечно, не безъ основанія нападаетъ на французскую романтическую школу; но его нападки могли имѣть видъ истины назадъ тому лѣтъ пять, ибо тогда это былъ вопросъ современный, а теперь это дѣло прошлое, почти забытое... Еще менѣе можно согласиться касательно гибельнаго будто-бы вліянія помянутой школы на русскую литературу: ни одинъ, рѣшительно ни одинъ, русскій писатель не подчинился вліянію французской школы, между-тѣмъ, какъ вліяніе англійской и нѣмецкой литературы на многихъ было весьма замѣтно. Да и какъ могла русская литература повторять то, что породила неистовая школа, когда на каждой русской книгѣ стоитъ благодѣтельное «печатать позволяется»? Нѣтъ, слава Богу, мы уже не подражаемъ француз-

скимъ писателямъ — именно съ тѣхъ поръ, какъ перестали не только удивляться генію Корнеля, Расина, Буало, Вольтера, Кребилльона, Дюсиса, Жанъ-Батиста Руссо, Делиля, но и почитать ихъ поэтами и читать ихъ обточенные, галантерейныя произведенія... Еще менѣе справедливыми находимъ мы факты изъ современной русской литературы, приводимые почтеннымъ академикомъ въ доказательство будто-бы вреднаго вліянія французскаго духа на нашу литературу: ни въ одномъ журналѣ никто не называлъ Ломоносова педантомъ, не глумился надъ Карамзиннымъ; но во всѣхъ журналахъ отзываются объ этихъ великихъ людяхъ русской земли съ должнымъ уваженіемъ. Если же теперь журналы не такъ сильно восхищаются Державинимъ и не такъ часто говорятъ о немъ, какъ восхищалось имъ и говорило о немъ старое поколѣніе, и если сама публика не читаетъ его, то съ этимъ дѣлать нечего: въ литературѣ всякій воленъ имѣть свое мнѣніе и свой вкусъ, и у всякой эпохи есть свои предметы уваженія, удивленія и поклоненія. Было же время, когда «Федра» Расина, такъ прекрасно переведенная г-мъ Лобановымъ, почиталась первѣйшею трагедіею въ мірѣ, такъ что посредственный переводъ ея могъ доставить извѣстность иному безталанному писакѣ; а теперь кто станетъ говорить о «Федрѣ», или помнить о ея переводѣ, когда можетъ читать «Гамлета» и «Макбета» въ переводѣ г. Вронченко? Можетъ быть, «Дмитрій Донской» Озерова и въ самомъ дѣлѣ не лишенъ поэзіи, но какъ же можно читать его теперь, не говоримъ послѣ «Бориса Годунова» Пушкина, но даже послѣ «Димитрія Самозванца» г. Хомякова²⁵⁹?

XXXVII.

Вліяніе Шишкова, господствовавшее въ академической жизни и дѣятельности, продолжалось до самой смерти Шишкова. Со смертію его прекратилось и существованіе російской академіи. Докладывая государю, что президентъ російской академіи

Шешковъ скончался въ ночь съ 9 на 10 апрѣля 1841 года, министр народнаго просвѣщенія Уваровъ присовокупилъ, что впредь до дальнѣйшаго повелѣнiя онъ принялъ руссiйскую академiю въ непосредственное свое управленiе. Императоръ Николай Павловичъ написалъ на этомъ докладѣ, 11 апрѣля 1841 года: «Представьте мнѣ проектъ соединенiя руссiйской академiи съ академiею наукъ». Вслѣдствiе этого Уваровъ представилъ свой проектъ соединенiя академiй. Но въ сущности Уваровъ предлагалъ не столько соединенiе, сколько раздѣленiе двухъ академiй, полагая, что слiянiе ихъ въ одно цѣлое невозможно уже по самой разнородности ихъ занятiй. За академiею наукъ онъ признавалъ историческое право на отдѣльное существованiе; что же касается руссiйской академiи, то онъ находилъ необходимымъ преобразовать ее и расширить кругъ ея дѣятельности. По проекту Уварова вмѣсто двухъ академiй предполагалось три подъ однимъ названiемъ: *Императорскiя Соединенныя Академiи*, а именно: *Академiя наукъ*, въ кругъ которой входятъ науки математическiя и естественныя; *Академiя русской словесности*, или *Славяно-русская академiя*, и *Академiя исторiи и филологiи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ ходатайствовалъ о принятiи наследникомъ-цесаревичемъ званiя *Канцлера Императорскихъ Соединенныхъ Академiй*. Не изъявивъ согласiя ни на учрежденiе трехъ соединенныхъ академiй, ни на принятiе наследникомъ престола званiя канцлера, государь повелѣлъ, чтобы подъ общимъ названiемъ *Императорской академiи наукъ* состояло три отдѣленiя:

Первое отдѣленiе — собственно Академiя наукъ (sciences exactes).

Второе отдѣленiе — Словесное, въ коемъ заключалась бы и Россiйская академiя.

Третье отдѣленiе — Исторiи и древностей, съ коимъ поставить въ сношенiе и Археографическую комиссiю ²⁶⁰).

Для составленiя устава академiи наукъ, съ которою соединялась руссiйская академiя, учрежденъ былъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академiи наукъ князя Дон-

дукова - Корсакова, изъ членовъ: со стороны россійской академіи — Востокова и Языкова, со стороны академіи наукъ — Френа и Фуса. Составители проекта должны были руководствоваться началами, изложенными министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ въ докладѣ государю о соединеніи россійской академіи съ академіею наукъ. Въ докладѣ этомъ говорится: «Однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ устава россійской академіи было то, что онъ предоставлялъ произволу и досугу членовъ труды по части языка и словесности. Академія должна остаться и впредь доступною для отличнѣйшихъ писателей, которыхъ имена, украшая отечественную словесность, украсятъ и сословіе членовъ академіи» и т. д. Комитетъ съ своей стороны выразилъ убѣжденіе, что «ограниченіе словеснаго отдѣленія одними академиками, посвящающими себя исключительно ученымъ изысканіямъ о языкѣ, оставило бы Отдѣленіе неполнымъ: и достоинство самого учрежденія и польза словесности требуютъ, чтобъ, вмѣстѣ съ представителями ученой лингвистики отечественной, Отдѣленіе заключало въ своемъ составѣ и представителей отечественной словесности въ собственномъ смыслѣ, т. е. писателей, снискавшихъ извѣстность отличными произведеніями по разнымъ родамъ литературы. Не принимая на себя постоянныхъ обязанностей и опредѣленнаго труда, они будутъ полезны словесному отдѣленію академіи практическою своею опытностію въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами»²⁶¹).

Комитетъ, о которомъ идетъ рѣчь, предлагалъ преобразовать россійскую академію въ «Классъ отечественнаго языка и словесности, занимающійся въ частности славяно-русскою филологіею, собственно русскимъ языкомъ и его нарѣчіями, исторіею отечественной словесности, славянскими нарѣчіями, именно: болгарскимъ, сербскимъ, хорватскимъ (кроатскимъ) и хорутанскимъ (краинскимъ), польскимъ, чешскимъ (богемскимъ) и словацкимъ, и языками, содержащими въ себѣ славянскія начала: литовскимъ (жмудскимъ, прусско-литовскимъ, латышскимъ) и волошскимъ. Одною изъ главнѣйшихъ обязанностей сего класса

есть составленіе полныхъ словарей русскаго языка, какъ по азбучному, такъ и по словопроизводному порядку». По классу отечественнаго языка и словесности полагалось восемь ординарныхъ академиковъ, а именно: четыре для русскаго языка и словесности: два для славянскихъ нарѣчій—одинъ для болгарскаго, сербскаго, хорватскаго хорутанскаго яз., другой — для польскаго, чешскаго и словацкаго; одинъ—для славянорусской филологіи, и одинъ — для языковъ, содержащихъ въ себѣ славянскія начала ²⁶²).

Болѣе подробное опредѣленіе занятій Словеснаго отдѣленія сдѣлано Востоковымъ и Языковымъ. По мнѣнію ихъ, въ кругъ занятій преобразованной російской академіи должны были войти слѣдующіе предметы ²⁶³):

1. Составленіе словаря русскаго языка:

- а) по азбучному порядку,
- б) по словопроизводному порядку.

2. Составленіе словаря чужеземныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, какъ употребляющихся еще нынѣ, такъ и вышедшихъ изъ употребленія, но оставшихся въ книгахъ, съ историческими и хронологическими, по возможности, указаніями.
3. Составленіе сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій.
4. Составленіе словаря областныхъ словъ, съ замѣчаніями на нихъ.
5. Исторія словесности отечественной въ особенности и славянской вообще.
6. Составленіе ученой полной славянской грамматики, основанной на сравненіи всѣхъ нарѣчій и историческихъ памятникахъ.
7. Составленіе грамматики русскаго языка, именно для употребленія въ училищахъ.
8. Переводъ съ иностранныхъ языковъ на русскій такихъ

сочиненій, которыя относятся до языкознанія вообще и славянскаго въ особенности, съ нужными отъ себя замѣчаніями и поясненіями.

9. Переводъ на русскій языкъ классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ.
10. Переводъ на русскій языкъ византійскихъ и западныхъ современниковъ.

Проектъ академическаго устава представленъ въ министерство въ началѣ августа 1841 года; но до октября дѣлу не дано было дальнѣйшаго движенія. На докладѣ о медали, выбитой на пятидесятилѣтіе россійской академіи, государь написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ академіи: я все жду»²⁶⁴). Слова эти написаны 14 октября 1841 года, а 15 октября того же года Уваровъ представилъ государю доклады о присоединеніи россійской академіи къ академіи наукъ и объ утвержденіи академиковъ и адъюнктовъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Причина замедленія заключалась, по словамъ Уварова, въ томъ, что дѣло о россійской академіи, совсѣмъ оконченное, находилось въ числѣ дѣлъ, о которыхъ онъ надѣялся доложить лично, но болѣзнь воспрепятствовала.

19 октября 1841 года государь утвердилъ Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Въ первомъ параграфѣ Положенія говорится: *«Императорская россійская академія присоединяется къ Императорской академіи наукъ въ видѣ особаго Отдѣленія русскаго языка и словесности. Вслѣдствіе сего вся собственность первой, состоящая въ зданіяхъ, денежныхъ суммахъ и другихъ принадлежностяхъ, обращается въ составъ имущества послѣдней».*

Тогда же послѣдовало утвержденіе дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. Всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ россійской академіи, которые не вошли въ число дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія, присвоено званіе *Почетныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*. При первомъ своемъ образованіи, Отдѣленіе русскаго языка и

словесности состояло изъ двадцати членовъ, изъ которыхъ шестнадцать утверждены въ званіи ординарныхъ академиковъ и четыре — въ званіи адъюнктовъ. Изъ шестнадцати ординарныхъ академиковъ четырнадцать были до того времени членами российской академіи, а именно: Филаретъ, митрополитъ московскій; Инокентій (Борисовъ), епископъ вологодскій; Арсеньевъ, Бутковъ, Востоковъ, князь Вяземскій, Жуковскій, Каченовскій, Крыловъ, Михайловскій-Данилевскій, Панаевъ, Погодинъ, кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Языковъ, бывшій непремѣнный секретарь российской академіи. Сверхъ того утверждены: въ званіи ординарныхъ академиковъ — профессоръ петербургскаго университета Плетневъ и профессоръ московскаго университета Давыдовъ; въ званіи адъюнктовъ: Бередниковъ, Розбергъ, Строевъ и Шевыревъ.

XXXVIII.

Болѣе нежели полувѣковое существованіе российской академіи не прошло совершенно безслѣдно для русской литературы и науки. Къ такому заключенію приводитъ безпристрастное свидѣтельство данныхъ, которыми необходимо руководствоваться при оцѣнкѣ академической дѣятельности.

Появленіе учено-литературнаго общества, которому дано названіе *Россійской академіи*, отнюдь не было простою случайностью, неимѣвшею связи ни съ прошедшимъ, ни съ настоящимъ состояніемъ русской образованности. Мысль объ учрежденіи общества, которое посвятило бы себя изученію и разработкѣ отечественнаго языка, восходитъ къ первымъ годамъ существованія академіи наукъ. Въ средѣ академіи наукъ образовалось такъ называемое *Россійское собраніе*, поставившее своею задачею составленіе словаря, грамматики, риторики и пѣитики. Слѣдовательно, *Россійское собраніе* стремилось къ тому, что въ послѣдствіи сдѣлалось цѣлію *Россійской академіи*. Однородную цѣль имѣло въ виду и открытое при московскомъ университетѣ *Вольное россій-*

ское собраніе, многіе изъ членовъ котораго избраны и въ члены российской академіи. Пришло время перейти отъ попытокъ и начинаній къ болѣе опредѣленной и постоянной дѣятельности, и учрежденіе российской академіи было отвѣтомъ на требованіе времени. Новая академія ревностно принялась за дѣло, завѣщанное ей прежними поколѣніями ученыхъ и писателей, дорожившихъ успѣхами роднаго языка и словесности. Въ основной цѣли российской академіи, въ кругѣ академическихъ занятій и предпріятій, обнаруживается то стремленіе къ самосознанію, которое такъ ярко выразилось въ нашей умственной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Мысль о всестороннемъ изученіи нашего отечества проявилась тогда съ особенною силою. Съ этою цѣлью предпринимаемы были научныя путешествія по различнымъ краямъ Россіи, имѣющія такое важное значеніе въ области естественныхъ наукъ; этой же цѣли должно было служить и изученіе духовной стороны русскаго народа — его языка и его исторіи. Главнѣйшею задачею учреждаемой академіи полагалось изученіе и разработка отечественнаго языка, а также и отечественной исторіи. Самое названіе: *Россійская*, данное академіи, какъ бы указывало на ея національное значеніе. Не высокъ былъ въ ту пору уровень общественной образованности, тѣмъ не менѣе отовсюду, изъ всѣхъ слоевъ общества были призваны живыя силы для участія въ предпріятомъ академіею трудѣ, который, по убѣжденію современниковъ, долженъ былъ сдѣлаться сокровищницею отечественнаго языка. Въ дружномъ стремленіи къ одной и той же цѣли сошлись и представители науки, и свѣтила тогдашней литературы, и скромные, никому неизвѣстные труженики, и образованнѣйшіе изъ людей блестящаго свѣтскаго общества, занимавшіе самыя высокія мѣста въ государственной службѣ. Первый періодъ существованія российской академіи ознаменованъ составленіемъ и изданіемъ словопроизводнаго словаря, котораго одного достаточно, чтобы сказать, что академія существовала не даромъ. Собраніе громаднаго, по тому времени, количества словъ: общеупотребительныхъ,

старинныхъ, областныхъ, техническихъ; объясненіе ихъ, во многихъ случаяхъ вполне удовлетворительное, по тогдашнему состоянію филологіи; умѣнье довести дѣло до конца, и т. д. — все это свидѣтельствуесть, что російская академія добросовѣстно исполнила свою задачу и проложила путь для дальнѣйшихъ работъ на открытомъ ею поприщѣ. Какъ велико было сочувствіе къ російской академіи въ кругу ученыхъ и писателей, можно судить по дѣятельному участию въ трудахъ ея такихъ представителей литературы и науки, какъ Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ, Озерецковскій, и др. И количество и качество вкладовъ, внесенныхъ этими замѣчательными людьми, краснорѣчиво говоритъ о дѣйствительномъ сочувствіи цѣлямъ и предпріятіямъ академіи. Литературный органъ, получившій историческое значеніе — «Собесѣдникъ любителей російскаго слова» издавался членами російской академіи; на страницахъ его помѣщались статьи, представляемыя въ російскую академію и читанныя въ ея засѣданіяхъ.

Тяжелая пора настала для академіи со смертію ея основательницы, императрицы Екатерины II, принимавшей непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ. Думали даже, что дни російской академіи уже сочтены, что пробилъ ея послѣдній часъ. Ссылка президента и явное нерасположеніе власти къ учено-литературному обществу, учрежденному Екатериною II, служили какъ бы подтвержденіемъ тревожныхъ ожиданій. Лучемъ свѣта показалась тогда и такая мѣра, которая во всякое другое время была бы сочтена за большое лишеніе. Выслушавъ извѣстіе о томъ, что отпускъ суммъ на содержаніе академіи прекращается, академики почувствовали нѣкоторую радость. Причина ея заключается въ томъ, что академіи предоставлялось отнынѣ содержать себя исключительно своими собственными средствами. Значить — заключали академики — право на существованіе признано за академіею, и она не будетъ окончательно уничтожена.

Съ воцареніемъ императора Александра I судьба російской академіи измѣнилась къ лучшему. Все, отнятое у академіи, было

ей возвращено и притомъ за все время, протекшее со смерти Екатерины II до возшествія на престолъ императора Александра I. Но зданіе было уже распатано, и для возстановленія его требовалось много такихъ условій, которыя были не по силамъ людямъ, желавшимъ призвать академію къ новой жизни. Многие изъ дѣятелей Екатерининской эпохи сошли въ могилу; не было въ живыхъ ни Фонвизина, ни Лепехина, ни Болтина. Дашкову не могъ замѣнить Нартовъ, назначенный президентомъ, хотя академія избрала въ президенты другое лицо, именно графа Александра Сергѣевича Строгонова. Преемникъ Нартова Шишковъ сдѣлался полнымъ властелиномъ академіи; его возрѣнія, его сочувствія, даже его литературные предразсудки находили вѣрный отголосокъ въ сужденіяхъ и приговорахъ російской академіи. Вслѣдствіе этого академія представлялась постороннему наблюдателю не столько учено-литературнымъ обществомъ, безпристрастно оцѣнивающимъ заслуги писателей, сколько литературною партією, почтительно повторявшею мнѣнія своего руководителя.

Несмотря однакоже на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, російская академія продолжала приносить свою посильную пользу. Для вѣрнаго вывода въ этомъ отношеніи необходимо припомнить, что російская академія принимала на себя обязанности, которыя впослѣдствіи раздѣлены между нѣсколькими учрежденіями. Работая надъ словаремъ, расположеннымъ по азбучному порядку, составившимъ славу академіи во второй періодъ ея существованія; издавая, одинъ за другимъ, четыре учено-литературныхъ журнала, академія занималась вмѣстѣ съ тѣмъ переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій; издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ, и т. д. На пособіе писателямъ и на снабженіе едва возникавшихъ тогда мѣстныхъ бібліотекъ, въ различныхъ краяхъ Россіи, академія употребила около семидесяти тысячъ. Замѣтимъ, что въ тѣ времена нуждающіеся пи-

сатели находили единственную поддержку въ російской академіи: она шла имъ на помощь, выдавая имъ значительныя денежныя суммы, подписываясь на нѣсколько сотъ экземпляровъ издаваемыхъ сочиненій, или же печатая на свой счетъ и предоставляя все изданіе въ пользу автора.

Нельзя забыть также, что російской академіи принадлежитъ починъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ. Среди всеобщаго равнодушія къ славянству, російская академія заговорила о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятниковъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ, и т. п. Російская академія приглашала въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими учено-литературными обществами и съ замѣчательнѣйшими изъ представителей науки и литературы славянъ — съ Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкою, Караджичемъ и др. Немало научныхъ трудовъ на пользу славянства появилось въ свѣтъ только благодаря щедрымъ пособіямъ со стороны російской академіи; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ весьма значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра, и т. п.

Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о дѣятельности російской академіи и ея значеніи въ исторіи нашей умственной жизни, необходимо имѣть въ виду тѣ черты, которыя связываютъ російскую академію съ тѣмъ ученымъ учрежденіемъ, съ которымъ она и слилась впоследствии, именно съ академіею наукъ. Извѣстно, что при самомъ учрежденіи академіи наукъ въ Россіи, геніальнымъ основателемъ академіи указаны ей двѣ великія цѣли: разработка наукъ вообще и распространеніе знаній въ Россіи. Для достиженія второй цѣли Петръ Великій поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы академики-иностранцы готовили себѣ преемниковъ изъ природныхъ русскихъ. Для распространенія свѣта знаній въ странѣ, необходимо было близко

знать эту страну, ея нужды и потребности, складъ понятій, нравы и обычаи ея жителей. Эту истину превосходно понимали самые замѣчательные изъ ученыхъ, призванныхъ въ нашу академію изъ чужихъ краевъ. Предпринимая научныя путешествія по Россіи, академики-иностранцы выбирали достойныхъ спутниковъ, и при помощи ихъ открыли себѣ возможность познакомиться со многимъ, что было бы имъ недоступно по незнакомости ими страны, народа и его языка. Значительное число научныхъ наблюденій сдѣлано русскими спутниками иностранныхъ ученыхъ, а то, что относится къ этнографіи, принадлежитъ почти исключительно русскимъ ученымъ. Въ этомъ удостовѣряютъ и печатныя изданія путешествій и сохранившіяся въ рукописяхъ сообщенія лицъ, находившихся во главѣ экспедицій. Почти всѣ изъ русскихъ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ научныхъ путешествіяхъ и ихъ описаніяхъ, избраны въ члены российской академіи при самомъ ея учрежденіи или же въ первый періодъ ея дѣятельности.

Вступленіе въ российскую академію сплотило русскихъ ученыхъ въ одно цѣлое, и открыло передъ ними обширное поле для трудовъ на пользу Россіи и для распространенія знаній въ русскомъ народѣ. Завѣтная мысль Петра Великаго, развитіемъ которой служила дѣятельность Ломоносова, сдѣлалась руководящимъ началомъ для учениковъ Ломоносова, избранныхъ въ члены российской академіи. Стоя на высотѣ современной имъ науки, пользуясь вполнѣ заслуженною извѣстностію въ европейскомъ ученномъ мірѣ, они постоянно имѣли въ виду поднятіе уровня русской образованности, и въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ по справедливости можетъ названа быть просвѣтительною. Въ своихъ трудахъ по различнымъ отраслямъ знаній, ученики Ломоносова и ученики его учениковъ поднимали вопросы, имѣющіе жизненное и просвѣтительное значеніе для русскаго общества. Русскіе ученые, о которыхъ идетъ рѣчь, внесли весьма важныя вклады въ словарь российской академіи, и много сдѣлали для русской научной терминологіи; своими изслѣдованіями, своими

статьями въ поврежденныхъ изданіяхъ и своими лекціями они безспорно содѣйствовали распространенію знаній въ Россіи. Къ чести этихъ достойныхъ тружениковъ надо еще замѣтить, что, будучи членами академіи наукъ, они постоянно являлись горячими защитниками русскихъ дарованій, и отстаивали права русскихъ ученыхъ на избраніе въ академики. Мнѣнія, высказанныя по этому поводу членами академіи наукъ, бывшихъ въ тоже время членами российской академіи, проникнуты и уваженіемъ къ наукѣ и сочувствіемъ къ умственной жизни Россіи. Эта неизгладимая черта, это единоедушіе сближаетъ между собою всѣхъ замѣчательныхъ членовъ российской академіи, втеченіе всего ея существованія, отъ Лепехина, котораго современники признавали «человѣкомъ, въ честности святымъ», до Ник. Сем. Мордвинова, заслужившаго всеобщее уваженіе благородствомъ и независимостію своего образа мыслей. Даже враги Мордвинова, называвшіе его «русскимъ думникомъ» утверждали, что завѣтнымъ убѣжденіемъ его было: «должно поддерживать русскія дарованія». Замѣчательнѣйшіе изъ членовъ российской академіи служили живою связью между академіею и образованною частью русскаго общества. Къ российской академіи обращались университеты съ просьбою объ указаніи лицъ, достойныхъ занять кафедру русской словесности. Члены российской академіи принимали участіе и въ устройствѣ университетовъ и въ другихъ вопросахъ нашей умственной и общественной жизни. Стоитъ только прочесть составленные Озерецковскимъ и его сотрудниками проекты уставовъ: цензурнаго и университетскаго, чтобы убѣдиться, до какой степени вѣрны были просвѣтительнымъ началамъ лучшіе изъ дѣятелей российской академіи.

Все, сказанное нами, подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, сохранившихся въ первыхъ и достовѣрнѣйшихъ источникахъ. Но вмѣстѣ съ свѣтлыми сторонами въ академической дѣятельности были въ ней и темныя стороны, о которыхъ мы неоднократно говорили въ своемъ историческомъ обзорѣ. Отыскивая главную ихъ причину, невольно припоминаешь от-

звѣвъ Даламбера о нареканіяхъ на французскую академію, заключающій въ себѣ черты, поразительно сходныя съ тѣмъ, что представляетъ судьба російской академіи.

Французскую академію обвиняли въ томъ, что нѣкоторые изъ знаменитыхъ писателей оставлены ею безъ вниманія, а многія посредственности попали въ члены академіи. Даламберъ замѣчаетъ на это, что нельзя руководствоваться исключительно приговоромъ позднѣйшихъ критиковъ, а надо принимать въ соображеніе, какъ современники смотрѣли на тотъ или другой академическій выборъ. Есть много условій, совершенно ясныхъ и понятныхъ для современниковъ, но теряющихъ свой смыслъ для потомства. По убѣжденію Даламбера, корень зла заключается въ томъ, что академія лишена была самостоятельности. Даламберъ находитъ необходимымъ, чтобы академіи предоставлена была полная свобода выборовъ, и чтобы академія могла дѣйствовать совершенно независимо, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, безъ всякихъ требованій, приказаній и запрещеній: тогда, и только тогда, въ средѣ ея появятся члены, которые вполне достойны этой чести. Писатели, дѣйствительно знаменитые, займутъ подобающее имъ мѣсто: *рано или поздно*, но во всякомъ случаѣ *неизбѣжно*, они будутъ избраны въ члены академіи, и т. д. ²⁶⁵).

И въ отношеніи російской академіи можно сказать, что главное ея несчастіе заключалось въ томъ, что она не была предоставлена самой себѣ, и не имѣла свободы выбора. Шишковъ распоряжался въ ней полновластнымъ хозяиномъ, и вербовалъ своихъ единомышленниковъ, будучи наивно увѣренъ, что они-то и составляютъ настоящее украшеніе литературы. Отсутствие талантовъ подрывало авторитетъ академіи, и можно ли было довѣрять ея приговорамъ, когда она упорно молчала о Лермонтовѣ, а нѣкоторое время даже о Пушкинѣ, и превозносила поэтическія дарованія Бор. Оеодорова и кн. Шихматова...

Долго, чрезвычайно долго господствовало въ академіи подобное недоразумѣніе; но оно должно было *рано или поздно* усту-

пить мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ писателей. Избраніе Карамзина, Пушкина и Жуковского въ члены российской академіи помирило съ нею общественное мнѣніе, и наглядно показало, что она не желаетъ плыть противъ теченія и отрицать таланты, которые составляютъ дѣйствительную красу и славу отечественной литературы.

Пушкинъ признавалъ, что российская академія принесла истинную пользу нашему прекрасному языку; и можетъ, если захочетъ, ободрить и оживить нашу словесность ²⁶⁶). Краснорѣчивымъ приговоромъ надъ дѣятельностью российской академіи могутъ служить отзывы современниковъ, высказанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ закрытія российской академіи, т. е. преобразования ея во Второе отдѣленіе академіи наукъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ отзывъ князя Вяземскаго — писателя, несочувствовавшаго направленію российской академіи и вообще нелюбившаго скрывать темныя стороны ни въ людяхъ, ни въ учрежденіяхъ. Князь Вяземскій обвиняетъ российскую академію въ томъ, что она дѣлала на пользу словесности гораздо менѣе, чѣмъ могла и должна была дѣлать. Онъ приводитъ остроу Крылова, называвшаго академію богатою и скупою невѣстою, копившею приданое для московскаго университета. «Свадьба не состоялась, — говоритъ князь Вяземскій — академическій капиталъ былъ отобранъ; богатая невѣста замужъ не вышла, и, какъ сиротка, пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академикомъ это былъ жестокій ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодованіи своемъ иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованиемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой: она была основательницей академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, *лучше было бы не трогать академіи*, не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести; но все же не-

совѣтъ праждно просуществовала. *Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику.* Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то, особенно въ явленіяхъ умственной и литературной дѣятельности. Впрочемъ наша академія тоже записала событіе въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ Исторіи государства російскаго, и получилъ золотую медаль изъ рукъ незапамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился съ *новымъ*, но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія. Чтеніе академика-Пушкина могло бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней» ²⁶⁷).

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Рукописныя записки засѣданій российской академіи. Собрание 21 октября 1783 года. Краткое начертаніе императорской российской академіи; ст. III, л. 5.—

2) Записки засѣданій российской академіи. Собрание 28 октября 1783 года; ст. III и IV, л. 12—12 об.—

Словарь академіи российской. 1794. Часть VI, стр. 159.—

3) Записки российской академіи. Собрание 11 ноября 1783 года; ст. V, л. 17 об.—18 и слѣд.—

4) Записки российской академіи. Собрания: 18 ноября 1783 года; ст. III, л. 21 об.—22;—25 ноября 1784 года; л. 56 об.;—25 ноября 1786 года; ст. II, л. 107.—

Въ октябрѣ 1784 года представленъ былъ императрицѣ Екатеринѣ II слѣдующій отчетъ о занятіяхъ российской академіи въ первый годъ ея существованія:

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссийской

Отъ предсѣдателя российской академіи, княгини
Дашковой

всеподданнѣйшій рапортъ.

Со дня открытія российской академіи, благотворнымъ вашего императорскаго величества велѣніемъ основанной, вопервыхъ

прилагаемо было попеченіе о утвержденіи ея устава, который съ общаго согласія академіи членовъ начертавъ, имѣла я счастье поднести вашему императорскому величеству на высочайшую конфирмацію. Потомъ академія, приступивъ къ прямому своему упражненію, старалася положить точное основаніе трудамъ своимъ начертаніемъ правилъ, которыхъ бы держаться въ сочиненіи словаря, яко нужнѣйшей и понынѣ недостающей отечественному нашему языку книги.

Соотвѣтственно сему, приложено было стараніе о собраніи всѣхъ словъ, какъ славянскихъ, такъ и россійскихъ, порядкомъ аналогическимъ. Трудъ сей раздѣленъ былъ между членами, и въ краткое время собраны слова почти на всѣ буквы въ такомъ количествѣ, въ какомъ оныхъ доселѣ никогда собираемо не было; ибо употреблены на сіе не токмо всѣ печатные краткіе словари, но и нѣкоторые письменные, и дополняемы были слова изъ лучшихъ книгъ церковныхъ, гражданскихъ, лѣтописей разныхъ, законодательствъ, какъ древнихъ, такъ и вашимъ императорскимъ величествомъ данныхъ, изъ книгъ, касающихся до наукъ, ремесль, рукодѣлій, промысловъ и проч.

Отъ сего собранія произошла нынѣ печатаемая аналогическая словъ роспись, которая пятая буква *Д*, еще тисненіемъ неокончанная, уже 55-й листъ занимаетъ.

Роспись сія печатается по числу членовъ, академію составляющихъ, въ томъ единственно намѣреніи, чтобъ, избѣжавъ многотрудной и медленной переписки, подать удобнѣйшій способъ каждому члену дѣлать свои примѣчанія и пополненія. Отъ сего количество словъ безпрестанно немалое получаетъ приращеніе, и члены, въ отдаленности отъ столицы живущіе, дополняютъ оную словами, въ тѣхъ областяхъ употребляемыми. Посему академія, при всѣхъ сихъ пособіяхъ, имѣетъ несумнѣнную надежду, съ окончаніемъ печатанія сея росписи, собрать всевозможныя слова, въ Россіи употребляемыя, и чрезъ то быть въ состояніи начать разные словари издавать вдругъ.

Къ преуспѣянію въ семъ намѣреніи учреждены изъ членовъ разные отдѣлы.

Первый изъ нихъ—отдѣлъ *грамматикальный*, коего должность есть опредѣлять всѣ слова грамматически, отличать употребительныя въ чистомъ языкѣ отъ низкихъ словъ, областныя отъ употребляемыхъ въ столицахъ; отдѣлять первообразныя, или коренныя отъ производныхъ и проч. Ибо академія судила, для удобнѣйшаго объясненія языка, сдѣлать первое изданіе словаря порядкомъ этимологическимъ, въ коемъ слова; отъ кореннаго, или первообразнаго происходящія, разныи оныхъ смыслъ и употребленіе въ различныхъ случаяхъ и слогахъ, въ одномъ, такъ сказать, мѣстѣ означатся и истолкуются. Этимологическій же словарь въ аналогическій, когда потребуется, преобразить весьма удобно будетъ.

Второй отдѣлъ—*объяснительный*, коего члены трудятся надъ изъясненіемъ словъ, какъ въ собственномъ, или точномъ ихъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ распространенномъ и переносномъ, гдѣ можно, опредѣленіемъ. Въ словахъ же, нетерпящихъ опредѣленія сословами и примѣрами, прибираютъ воедино слова тождественныя.

Третій отдѣлъ—*издателей* печется о изданіи трудовъ, первыми двумя отдѣлами обработанныхъ; о чистотѣ и исправности въ печатаніи, о сохраненіи порядка, начертаніемъ предписаннаго, и надзираетъ, не вкралась ли какія ошибки въ первыхъ двухъ отдѣлахъ.

Впрочемъ, встрѣчающіяся трудности во всякомъ отдѣлѣ, предлагаются на рѣшеніе всея академіи, и всѣ ихъ труды равнымъ же образомъ предписано разсматривать въ собраніяхъ академическихъ.

Такимъ образомъ россійская академія, расположивъ труды свои, питается сладостною надеждою имѣть счастье въ непродолжительномъ времени начало словаря, въ точномъ его видѣ, повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества.

Наконецъ академія не упускаетъ изъ виду и другихъ своихъ

упражнений, къ чистотѣ языка относящихся, и трудится въ сочиненіи російской грамматики, коей уже доброе положено начало.

Равнымъ образомъ многочисленное словъ собраніе открываетъ путь къ предписанію точныхъ правилъ ударенія словъ, коихъ по сіе время совсѣмъ языку нашему не доставало; и надъ утвержденіемъ коихъ отрядные члены особливо трудятся. —

Октября дня, 1784 года.

5) Записки російской академіи. Собраніе 25 ноября 1784 года; л. 55 об. —

6) Отчетъ кн. Дашковой, представленный въ октябрѣ 1784 года, помѣщенный выше, въ Приложеніи 4-мъ.

7) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложение къ III-му тому Записокъ имп. академіи наукъ. 1863; стр. 81. —

8) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. 1870. Томъ I, стр. 650—651, 643. —

9) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867; стр. 105. —

10) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. 1873. Томъ II, стр. 373—374, 401, 413. —

11) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1875. Томъ XIII, стр. 36—37. —

12) Исторія академіи наукъ. П. Пекарскаго. Т. II, стр. 897. —

13) Записки російской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года; ст. XI, л. 26. —

14) Записки російской академіи. Собраніе 16 декабря 1783 года; ст. III, л. 27 об. —

15) Заглавія нѣтъ; на корешкѣ: 113. Подъ этимъ номеромъ означенъ Словарь и въ печатной «Росписи» (Роспись книгамъ и рукописямъ императорской російской академіи. 1840; стр. 159, № 113. *Рукопись, содержащая слова русскія*).

16) Записки российской академии. Собрание 24 мая 1785 г.; ст. III, л. 69. —

17) Записки российской академии. Собрание 11 ноября 1788 года; ст. I, л. 161. —

18) Сохранившееся въ рукописяхъ российской академии письмо Веревкина, помѣченное: «11-го декабря 783-го, изъ клинскаго уѣзда». —

19) Д. В. Полѣнова: О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. синода (Записки императорской академіи наукъ. 1864. Т. IV, стр. 187—188). —

20) Лѣтопись Несторова по кенигсбергскому списку. 1767; стр. 46. —

21) Лѣтописецъ новгородскій. 1781; стр. 137, 36, 135, 87, 84, 13, 92, 687. —

22) Никоновская лѣтопись. II, 86, 13. —

23) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. 1793—1794. Часть I, стр. 155 (= л. 237); Часть II, стр. 50 (= л. 566). —

24) Опытъ трудовъ Вольнаго российскаго собранія. Ч. II, стр. 85. —

25) Первое изданіе вышло подъ заглавіемъ: «Совершенный егеръ (sic), или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и прочей полевой охотѣ, съ приложеніемъ полнаго описанія о свойствѣ, видѣ и расположеніи всѣхъ, обитающихъ въ российской имперіи (исключая землю Камчатку и дальнѣйшія части Сибири), звѣрей и птицъ. Въ трехъ частяхъ. Съ нѣмецкаго языка на российскій языкъ перевелъ, приложивъ многія пополненія, Василій Левшинъ. Печатанъ въ С.-Петербургѣ, 1779». —

Второе изданіе: «Совершенный егеръ, стрѣлокъ и псовой охотникъ, или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и псовой охотѣ, содержащее въ себѣ: Полное описаніе о свойствѣ, видѣ и расположеніи всѣхъ, находящихся въ Россійской имперіи, звѣрей и птицъ. Спб. 1791». —

И въ томъ, и въ другомъ изданіи помѣщено «Предувѣдом-

леніе *егеря Веймара*». Русскій переводчикъ говоритъ о себѣ, что «занявши нѣсколько знанія» отъ старыхъ искусныхъ егерей, онъ собиралъ разныя нѣмецкія книги, провѣрялъ ихъ указанія на опытѣ, и «почти ежедневною практикою получа основательное въ сей наукѣ знаніе», рѣшилъ издать эту книгу на русскомъ языкѣ, воспользовавшись многими источниками, особенно же сочиненіемъ «искуснаго *егеря Веймара*». Но *Веймаръ* (городъ) — мѣсто печатанія книги; авторъ же ея — *Шлегель*. —

26) Опытъ трудовъ Вольнаго руссійскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ. 1783. Часть шестая. Разсужденіе о различіи слоговъ — статья, сообщенная членомъ Собранія Михайломъ Никитичемъ Муравьевымъ. стр. 14, 15, 16, 19 — 20, 28. —

27) Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ господина коллежскаго совѣтника и профессора Михайла Ломоносова. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ. 1757 года. Книга первая стр. 3 и 7. —

28) Словарь академіи руссійской. 1789. Часть I. стр. VII—VIII. —

29) Исторія руссійской академіи. 1885. Выпускъ седьмой. стр. 142 — 143. —

30) Записки руссійской академіи. Собраніе 23 сентября 1788 года; ст. I; л. 159. —

31) Греча: Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822. § 58. Языкъ. стр. 521. —

32) Исторія руссійской академіи. 1880. Выпускъ пятый. стр. 286. —

33) Записки руссійской академіи. Собраніе 30 января 1784 года; ст. II; л. 34 об. —

34) Словарь академіи руссійской. 1789. Часть 1. стр. XIV. —

35) Записки руссійской академіи. Собраніе 2 октября 1787 года; ст. IV, л. 129 — 129 об. —

Отчетъ, или «рапортъ» кн. Дашковой, помѣщенный въ Приложеніи 4-мъ.

36) Записки российской академіи. Собрание 25 ноября 1786 года; ст. II; л. 106 об. —

37) Записки российской академіи. Собрание 18 ноября 1783 года; ст. VIII; л. 23 об. —

38) Записки российской академіи. Собрание 2 октября 1787 года; ст. IV, л. 129 — 129 об. —

39) Записки российской академіи. Собрание 10 августа 1794 года; ст. VI, л. 70. —

40) Роспись российскимъ книгамъ для чтенія, изъ библиотеки Александра Смирдина. 1828. стр. 467; № 5947. —

41) Ни на одной изъ пяти частей Аналогическихъ таблицъ не означено года выхода ихъ въ свѣтъ. На каждой изъ нихъ красныя клейма: сверху—*Karjavine*; сбоку—*Theodore Karjavine*. На всѣхъ частяхъ клеймо: E bibl. sanc. imp. com. Nic. de Romanzoff.

Первая часть — отъ *A* до *K*; страниц. всего... 871

Вторая часть — отъ *L* до *O*..... 422

Третья часть, заключ. въ себѣ одн. тольк. *П*..... 476

Четвертая часть — отъ *P* до *T*..... 368

Пятая часть — отъ *У* до *V*..... 246

42) Записки российской академіи. Собрание 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 106 об. —

43) Записки российской академіи. Собрание 5 октября 1784 года; ст. VI, л. 53 — 53 об. —

44) Записки российской академіи. Собрание 3 мая 1791 г.; ст. II, л. 226 об. —

45) Словарь академіи российской. Часть II. стр. VIII—IX и XIII. — Часть III. стр. III. — Часть V. стр. 2. — Часть VI. стр. II. —

46) Записки российской академіи. Собрание 11 марта 1788 года; ст. III, л. 147. —

47) Словарь академіи російской. Часть IV. стр. I. (Имена господъ членовъ, участвовавшихъ въ составленіи сея четвертыя части). — Часть VI. стр. I. (Имена гг. член., участв. въ сост. сея шестыя части). —

48) Записки російской академіи. Собрание 25 ноября 1786 года; ст. I, л. 105 об. —

49) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Olivet, avec une introduction, des éclaircissements et notes par M. Ch.-L. Livet. 1858. I, 109. —

50) Считаемо нужнымъ помѣстить «Предисловіе», такъ какъ оно служитъ существенною частью словаря, заключаая въ себѣ тѣ основныя начала, которыми руководствовались составители перваго академическаго словаря:

— «Всякому, въ лѣтописяхъ искусившемуся, довольно извѣстно, что народное просвѣщеніе повсюду медленными шествуетъ стопами, если не споспѣшествуютъ оному мудрость и попеченіе самихъ государей. Великая наша самодержица, истинное благо подданныхъ своихъ назидаящая, избрѣла средство въ краткое время распространить просвѣщеніе, всякому состоянію соотвѣтственное, насаждая повсюду училища, ограждая ихъ преимуществами, обезпечивая во всемъ монаршими щедротами. Отъ прозорливости ея не сокрылось, что насажденія сіи обильнѣйшія принесутъ плоды, когда науки на природномъ языкѣ юношеству преподаваемы будутъ, и дабы наивящше въ томъ предупѣть, благоволила дать російскому слову не токмо отличное свое покровительство учрежденіемъ російскія академіи, но и удѣляя часы отъ трудовъ своихъ, отверзла намъ двери къ самымъ сокровеннымъ и первобытнымъ источникамъ онаго.

Россійская академія, благотворнымъ ея велѣніемъ въ 21 день октября 1783 года основанная, тщася явить себя достойною монаршаго покровительства, и внемля предметамъ трудовъ своихъ, главнѣйшимъ себѣ поставила долгомъ сочиненіе словаря, или изъясненія словъ, реченій, рѣчей и разнаго образа вѣщаній, въ языкѣ славенороссійскомъ употребительныхъ.

Пользу и необходимую нужду такового сочиненія доказывать излишно: неоспоримая сія истина всѣмъ извѣстна, что безъ полнаго собранія словъ и рѣчей, и не опредѣляя точнаго ихъ знаменованія, не можно ни утвердительно сказать, въ чемъ состоитъ обиліе, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться оными въ произведеніяхъ разума съ несомнѣнною точностію, могущею послужить примѣромъ.

Разсѣянное обиліе языка славенороссійскаго во множествѣ разныхъ книгъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, было главною доселѣ причиною трудности въ прямомъ нашего языка употребленіи. Отсюда введены въ него многія рѣчи и расположеніе оныхъ, свойству его противныя; отсюда видимъ во многихъ новѣйшихъ нашихъ писателяхъ и переводчикахъ слогъ, болѣе свойственный тѣмъ языкамъ, къ коимъ они вѣщнее раченіе, нежели къ своему собственному прилагали. Но сіе самое обиліе, въ единый составъ приведенное, облегчитъ каждаго трудъ въ познаніи точнаго смысла и употребленія языка славенороссійскаго, откроетъ непосредственно правила, къ утвержденію его нужныя, и послужитъ къ приведенію въ совершенство всѣхъ частей наукъ словесныхъ; ибо не правила языкъ раждають, но изъ употребленія онаго извлекаются правила.

Славенороссійскій языкъ большею частью состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ, хотя впрочемъ великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ, нѣкоторыя изъ славенскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованіе, а другія и новый смыслъ получили.

Нѣтъ сомнѣнія, что славенскій языкъ къ древнѣйшимъ и кореннымъ языкамъ относить должно: сіе доказываетъ ясно особенность и независимость его отъ всѣхъ языковъ извѣстныхъ, и явные слѣды онаго, обрѣтаемые во многихъ древнихъ языкахъ, отъ коихъ нынѣшніе европейскіе языки столь много заимствовали. Примѣромъ сему послужить могутъ приведенныя кельтскія

слова *), почерпнутыя изъ соравнительныхъ словарей всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранныхъ десницею высочайшей особы. Древность сію изслѣдовать и изыскать въ точности предоставляет академія будущимъ трудамъ своимъ; для настоящаго же ея предмета непремѣнно нужно знать, что славенскій языкъ, отъ временъ просвѣщенія славянъ словомъ евангельскія истины, совсѣмъ иной получилъ видъ и образованіе. Ибо греки, принесшіе къ славенскимъ племенамъ христіанскій законъ, тщилися о распространеніи онаго преложеніемъ книгъ священныхъ и церковныхъ на языкъ славенскій; они явили неподражаемыхъ творцовъ во всѣхъ родахъ краснорѣчія, они витійствовали и въ твореніяхъ церковныхъ. Великіе изъ нихъ христіанскія церкви учителя возвышали древнее свое краснорѣчіе богословскими ученіями и пареніемъ усерднаго къ Богу пѣнія. Отъ преложенія оныхъ на славенскій языкъ пріобрѣлъ сей обиліе, важность, силу, краткость въ изображеніи мыслей, удобность къ сложенію словъ и другія красоты языка греческаго.

Грекороссійская церковь, во всѣхъ племенахъ славенскихъ единымъ языкомъ славословія имя Божіе, главною и истинною дондесъ пребыла виною, что мы, преимущественно предъ многими европейскими народами, цѣлость славенскаго языка неизмѣнну сохранили, и не токмо книги, писанныя за многія столѣтія, удобно разумѣемъ, но и другія славенскія нарѣчія, употребляемыя во странахъ, иноплеменными языками отъ насъ отдѣленныхъ, довольно для насъ вразумительны.

Языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, со-

*) по Россійски:	по Кельтски:	по Русски:	по Кельтски:
Мать.....	Ма	Долина.....	Доль
Братъ.....	Браотъ	Кровь.....	Кравъ
Око.....	Огъ	Сила...	Циль
Брюхо.....	Бру	Вода.....	Одъ
Гора.....	Горъ	Древо.....	Дервъ
День.....	Диддъ	Воли (власть).....	Вели

хранилъ тоже преимущество, и народъ російскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ.

Но сіе также неоспоримая есть истина, что языкъ російскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ славенскимъ, — что не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представитъ себѣ великое пространство російскаго обладанія, сосѣдственныхъ и внутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ, отъ коихъ вошли многія тѣхъ странъ названія вещей и произведеній, которыя, достигши столицъ, такъ укоренилися, что незнающимъ сихъ языковъ російскими быть кажутся. Науки, художества, ремесла, рукодѣлія, торговля, промыслы, обновленное военное и гражданское состояніе, ввели въ языкъ російскій многія реченія, предкамъ нашимъ невѣдомыя.

Таковое состояніе языка славеноросійскаго заставило академію, при составленіи словаря своего, вникать въ тотъ и другой языкъ съ возможною точностію, ибо отъ соединенія ихъ зависитъ обиліе, важность, сила и красота языка, нынѣ употребительнаго, — почему и открылось ей поле, подлежащее къ воздѣланію, едва предѣлы имѣющее.

И такъ, вопервыхъ надлежало предуготовить вещества нужныя, т. е. собрать всевозможныя слова, въ употребленіи бывшія и нынѣ находящіяся. При малыхъ пособіяхъ, каковыя отыскать можно въ печатныхъ и письменныхъ сего рода собраніяхъ, академія, для достиженія своего намѣренія, почла за лучшее средство дополнить оныя изъ всѣхъ извѣстныхъ книгъ церковныхъ, и лучшихъ свѣтскихъ сочиненій, лѣтописей разныхъ, законодательствъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, записокъ путешественниковъ, реченіями въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и проч. употребительными. Для большаго же совершенства сего собранія опредѣлила всѣ присканныя и въ составъ по азбучному порядку совокупленныя слова напечатать, дабы присутствующіе и отсутствующіе члены въ семъ трудѣ соучаствовать могли. Симъ способомъ собрано было толикое обиліе словъ, каковаго

доселѣ никогда въ одномъ составѣ не бывало, и академіи уже не о словахъ, но о выборѣ оныхъ пещися оставалось, который она слѣдующими изъятіями облегчить предположила:

1) Исключить всѣ тѣ слова, кои къ составленію языка не способствуютъ, куда относятся собственные имена людей, земель, городовъ, морей, рѣкъ, озеръ и проч.

2) Слова и реченія наукъ и художествъ, которыя не входятъ въ общее употребленіе, но единственно ученымъ и художникамъ извѣстны, изъемя изъ сего однакоже естественныя въ Россіи произведенія, имѣющія особливья названія, которыя большею частію суть народныя.

3) Всѣ слова и рѣчи, благопристойности противныя.

4) Всѣ слова старинныя, вышедшія изъ употребленія, удерживая однакоже тѣ, которыя къ разумнѣю древнихъ дѣяній, обрядовъ или обычаевъ способствуютъ, яко *тризна*; или которыя заключаютъ въ себѣ корень нынѣ употребительныхъ, напр. *зидѣ*. Первое означаетъ обрядъ поминковъ, бывшій у славянъ въ употребленіи, а второе заключаетъ въ себѣ корень словъ: *зижду*, *созидаю*, *зданіе* и проч., ибо слово сіе въ славенскомъ языкѣ означаетъ *стѣну*, *забрало*.

5) Всѣ областныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя своею ясностію, силою и краткостію могутъ служить къ обогащенію языка, или означаютъ тѣхъ странъ произведенія, или наконецъ могутъ послужить къ замѣнѣ словъ иностранныхъ.

6) Всѣ иностранныя слова, введенныя безъ нужды, и которымъ равносильныя славенскія или російскія находятся; удерживая токмо I) Названія еврейскія и греческія, въ священныя книгахъ принятыя, которыя во всѣхъ языкахъ христіанскихъ извѣстны и употрѣбительны какъ между просвѣщеннымъ, такъ и между простымъ народомъ, и не терпятъ никакого преложенія. II) Названія властей, степеней, достоинствъ, чиновъ, званій, въ новѣйшія времена введенныхъ, которыя, яко изреченныя закономъ, безъ всякой перемѣны внесены въ словарь нашъ. III) Названія произведеній какъ естественныхъ, такъ и художествен-

ныхъ, отъинуда привозимыхъ, которымъ, по общему праву всѣхъ языковъ, дано мѣсто и въ нашемъ словарѣ.

Сдѣлавъ соотвѣтственно симъ правиламъ академія выборъ словъ, и придавъ имъ грамматическія примѣчанія, касающіяся до частей рѣчи, тщилася вникать въ ихъ происхожденіе относительно къ тѣмъ языкамъ, изъ коихъ вошли они въ языкъ славенскій или російскій, и расположила ихъ по чину словопроизводному. Порядокъ сей на первый случай признала академія къ утверженію языка необходимо нужнымъ, ибо чрезъ оный корень, сила, различное въ разныхъ случаяхъ употребленіе, сложность, уклоненіе, или прехожденіе въ другій смыслъ, преносительность и иносказательность словъ, и зависящихъ отъ нихъ рѣчей, въ одномъ толкуются и объясняются мѣстѣ.

Неудобность сего расположенія всѣмъ языкамъ отъ другихъ слова заимствующимъ есть общая, посему неминуема и въ языкѣ нашемъ, ибо многія сложныя чужеземныя слова, употребленіемъ принятыя, не имѣютъ своего простаго знаменованія въ языкѣ славеноросійскомъ, напр. *патріархъ*, *архимандритъ* и проч., употребляются токмо въ сложности; простыя же, изъ коихъ они составлены, неупотребительны. Таковыя слова, не взирая на ихъ сложность, занимаютъ мѣсто первообразныхъ и поставлены по чину азбучному. Не меньшему затрудненію въ приведеніи подъ коренное слово подвержены названія, изображающія естественныя или художественныя произведенія Россіи, которыя большею частію или изъ двухъ словъ составлены, или даны простымъ народомъ, и суть неизвѣстнаго происхожденія, напр. *воробей* (птица), *звѣробой* (травя) казались бы составлены быть изъ именъ существительныхъ: *воръ* и *звѣръ* и глагола: *быю*; но первое происходитъ отъ словенскаго *вработи*, слова же *воръ* въ славенскомъ языкѣ не находится, а другое произвести отъ имени или отъ глагола здравому разсудку противно. Посему академія за лучшее судила всѣ таковыя слова оставить, яко коренныя, и дать имъ мѣсто по порядку азбучному.

Самая главнѣйшая неудобность въ семъ порядкѣ состоитъ

въ приписываніи словъ производныхъ и сложныхъ; но для отвращенія оныя приложена роспись всѣмъ словамъ и реченіямъ по чину азбучному, съ означеніемъ столбцовъ, на которомъ какое слово находится.

Для избѣжанія ненужныхъ повтореній имена женскаго рода подведены подъ мужескія; уменьшительныя подъ положительныя; глаголы учащательныя подъ простые исключая тѣ токмо случаи, въ коихъ они отъ обыкновеннаго смысла уклоняются. Изъ словъ, сложныхъ съ отрицательною частицею *не*, въ словарь дано мѣсто токмо тѣмъ, которыя 1) лишены будучи той частицы сами по себѣ утвердительнаго знаменованія не имѣютъ, напр. *неряха, нелюдимъ, невѣжда, невѣста*; 2) которыя значатъ нѣкое существованіе или дѣйствіе, напр. *непріятель, неправда*, или же каковой отличный въ себѣ смыслъ отъ утвердительныхъ заключаютъ, какъ-то: *невечерній, немокренный, неизглаголанный*; 3) которыя составляютъ реченія въ законодательствахъ, состояніяхъ, наукахъ, художествахъ, рукодѣліяхъ и проч., каковы суть: *недоимка, недоросль, незараемый, непроницаемый, недоудокъ, недоносокъ, нетопырь*.

Степени уравненія именъ прилагательныхъ хотя основаны на извѣстныхъ правилахъ грамматическихъ, однако многія, а особливо въ славенскомъ языкѣ, бывають въ нихъ изъятія; почему академія за нужное почла дать мѣсто въ словарь всѣмъ такимъ степенямъ, которыя отъ обыкновенныхъ правилъ уклоняются.

Глаголы, какъ въ языкѣ славенскомъ, такъ и російскомъ, отиѣнно предъ всѣми языками европейскими, имѣють различное неокончательное наклоненіе: иные имѣють четыре, напр. *скакать* неопредѣл., *скокнутъ* един., *скачуть* соверш., *скакивать* сомнительн.; нѣкоторые же токмо три: *давать, дать, давывать*, а нѣкоторые токмо два: *пить, пивать* и проч., то академія для большаго вразумленія старалася при всѣхъ глаголахъ ставить всѣ виды неокончательнаго наклоненія, тѣмъ наипаче, что отъ онаго разныя въ глаголахъ времена производятся, и что они нерѣдко различное въ себѣ знаменованіе заключаютъ.

Греки, принесшіе къ славянамъ письма свои, ввели въ языкъ ихъ всѣ свои буквы, къ коимъ присовокупленныя по выговору славенскому: б, ж, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ъ, ѣ, ю, я, составили ту способность въ выговорѣ, что мы удобнѣе прочихъ европейскихъ народовъ чужестранныя слова чисто выговаривать можемъ*). Но разбирая внимательно каждой изъ нихъ употребленіе, произношеніе и знаменательность, удобно видѣть можно, что нѣкоторыя изъ нихъ суть токмо! буквы сложныя, каковы суть славенскія: Ш, Я, Ю, и греческія ζ, ψ, θ; другія же одинаково произносятся, или разность въ произношеніи нынѣ нами потеряна, куда принадлежатъ З и с, Ф и θ, Ѱ и У. Однако академія за нужное почла удержать оныя, поелику на нихъ основанъ счетъ церковный, и соблюденіе ихъ отвратитъ всѣ затрудненія, а особливо иностраннымъ, въ разумѣніи книгъ, славенскимъ языкомъ писанныхъ; посему и опредѣлила всѣ слова славенскія, а наипаче сокращенно пишемыя, изобразить въ скобкахъ славенскими буквами. Хотя російское правописаніе въ краткихъ содержится правилахъ, однако много во ономъ зависитъ отъ употребленія. Часто мѣшаютъ а съ я; е съ я; з употребляютъ вмѣсто с и с вмѣсто з и проч., то академія почла за нужное слѣдовать въ словарѣ своемъ правописанію книгъ церковныхъ, пока сей же самый трудъ откроетъ ей довольные способы къ утверженію единожды навсегда правилъ правописанія.

Различное произношеніе и удареніе словъ по разности областей академія тщилася соображать по выговору, въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе, въ книгахъ славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сіе правила.

---

*) Буквы славенскія составлены были Константиномъ епископомъ и братомъ его Мееодіемъ, посланными отъ греческаго царя Михаила въ Моравію въ 9-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ: см. Лѣтописецъ преподобнаго Нестора, ч. I, стр. 21 и Четвѣ Миней, мая 11 дня, въ житіи преподобныхъ отецъ Мееодія и Константина. Михаилъ же царь греческій современникъ былъ великому князю російскому Рюрику. См. Записки касательно російской исторіи, стр. 56.

При объясненіи знаменованія словъ главнымъ пособіемъ употребила академія сословы, или слова тожде-значащія, послѣ коихъ для бѣльшаго утвержденія какъ точнаго, такъ и въ иной смыслъ преходящаго или распространеннаго знаменованія, присовокуплены опредѣленія; причемъ, сколько возможно, наблюдаемо было, чтобы въ опредѣленіи не погрѣшить противу логическаго примѣчанія, называемаго *кругъ въ опредѣленіи*; и посему слова, заключающія въ себѣ отвлеченныя понятія, напр. *дерево*, оставлены безъ опредѣленія; объяснены же одними примѣрами.

Слова чужестранныя, введенныя употребленіемъ, коимъ найдены равносильныя въ славенскомъ или російскомъ языкѣ, оставлены также безъ всякаго объясненія, которое присовокуплено къ словамъ, російскимъ равносильнымъ. Тоже самое наблюдаемо было для избѣжанія ненужныхъ повтореній при словахъ славенскихъ и російскихъ, совершенно одно и то же значащихъ, каковы суть: *выя* и *шея*, *рамо* и *плечо*, *ланита* и *щека*. Объясненія словъ, изъявляющихъ произведенія трехъ царствъ природы въ Россіи, не токмо составлены изъ отличительныхъ ихъ знаковъ и свойствъ, но прилагаемо было тщаніе замѣчать главнѣйшія ихъ употребленія; для бѣльшаго же разумѣнія и введенія оныхъ въ употребленіе присовокуплены и латинскія названія изъ Линнеевой системы.

Наконецъ присовокуплены, гдѣ нужда требовала, избранныя примѣры, и для показанія различія слоговъ, гдѣ и какое слово употребляется, приведены примѣры славеноросійскіе, то есть изъ книгъ церковныхъ и лучшихъ писателей свѣтскихъ, чрезъ что означается употребленіе ихъ въ высокомъ и красномъ, слогѣ.

Для опредѣленія же другихъ слоговъ особливо замѣнены слова славенскія, вышедшія изъ употребленія, вводимыя вновь, употребляемыя въ обыкновенныхъ разговорахъ и простымъ народомъ.

Никакой поистинѣ языкъ не можетъ равняться обиліемъ пословицъ, присловицъ и поговорокъ съ языкомъ російскимъ; но какъ многія изъ нихъ низки, а нѣкоторыя и неблагопристойны,

то академія приняла больше такіа, которыя кратки, заключаютъ въ себѣ острый смыслъ или ясное нравоученіе.

Первоначальный сей трудъ академіа, при недостаткѣ многихъ пособій, каковыми другіе въ сочиненіяхъ подобныхъ пользоваться могли, рѣшилась представить по частямъ на судъ просвѣщенному обществу, зная, что совершенство таковыхъ твореній наипаче отъ времени зависить; почему всѣхъ любителей російскаго слова почтенно приглашаетъ и просить сообщать ей свои примѣчанія, къ исправленію и пополненію сея общепользныя книги послужить могущія, которыми она при второмъ изданіи съ должнымъ къ соучаствовавшимъ благодареніемъ воспользоваться не оставитъ».

51) Записки російской академіи. Собранія: 23 августа 1785 года; ст. I, л. 71. — 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 106. — 3 марта 1789 года; ст. II, л. 164 об. — 10 марта 1789 года; ст. IV, л. 165 об. — 12 мая 1789 года; ст. I, л. 168. — 19 мая 1789 года; ст. I, л. 168 об. — 10 февраля 1789 года; ст. I, л. 164. — 3 марта 1789 года; ст. IV, л. 164 об. — 23 ноября 1790 года; ст. II, л. 205. — 7 декабря 1790 года; ст. I, л. 205. — 27 марта 1792 года; ст. I, л. 6 об. — 23 апрѣля 1792 года; ст. I, л. 7. — 9 апрѣля 1793 года; ст. I, л. 43 об. — 14 мая 1793 года; ст. I, л. 44. — 11 марта 1794 года; ст. I, л. 57. — 18 марта 1794 года; ст. I, л. 57. — 5 августа 1794 года; ст. I, л. 67 об. —

52) Записки російской академіи. Собранія: 21 октября 1783 года; ст. VI, л. 5. — 25 ноября 1784 года; л. 55. — 28 октября 1783 года; ст. III, л. 12. — 11 ноября 1783 года; ст. V, л. 17 об. — 18. — 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 107. —

53) Записки російской академіи. Собраніе 22 февраля 1785 года; ст. I, л. 60. —

54) Записки російской академіи. Собраніе 31 октября 1786 года; ст. I, л. 101. —

55) Записки російской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 107—107 об. —

56) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Olivet. 1858; I, 18—19.—

57) Словарь академіи російской. 1789. Часть I, стр. V.—

58) Опытъ исторіи императорской російской академіи. Первый періодъ исторіи императорской російской академіи, написанный въ 1839 году бывшимъ тогда дѣйствительнымъ членомъ ея Александромъ Красовскимъ. 1849; стр. 56, 81—82. Въ словопроизводномъ словарѣ російской академіи всѣхъ словъ 43257.—

59) Изъ словъ, помѣщенныхъ въ словарѣ російской академіи и болѣе или менѣе особенныхъ по своему значенію, нѣкоторыхъ нѣтъ въ словарѣ Второго Отдѣленія академіи наукъ; другія отличаются по значенію; третьи очевидно взяты изъ словаря російской академіи.

Нѣтъ въ Словарѣ Второго Отдѣленія.

Разнодумье. II, 795.—Хламость. VI, 548.—Чистодушіе. VI, 787.—Маниша. IV, 30.—

Припьянь. IV, 1246.—Приморчивый (Разборчивый). I, 159.—

Веществую. I, 674.—Обезживотить. II, 1132.—Закладуюсь. III, 567.—Надлежу. III, 1166.—Ународить. V, 45.—Чезну. VI, 685.—Важу. I, 454.—Отваливаюсь. I, 488,2.—Кладу. III, 554,8.—Замыкаю. IV, 160,3.—Выжимаю. II, 1172,2.—

Не по что. VI, 809.—Пылко. IV, 1232,8.—

Гизъ. II, 40.—

Бѣглая голова. I, 413.—Грубая жизнь. II, 370.—Живой огонь. II, 1126.—Глаза безстыдные. II, 63.—

Съ позволеніемъ. I, 844, и т. д.—

Опредѣлены нѣсколько иначе:

Словарь російской академіи.

Словарь второго отдѣленія.

Вольнодумецъ. I. 825. На- I. 324: Непризнающій ис-
званіе сіе придаютъ себѣ враги тины христіанскаго ученія.

Словарь российской академии.

христианскаго ученія отъ временъ Колина, несмотря на то, что вольность сія служитъ токмо къ необузданности и противуборствію законамъ здраваго смысла.

II. 1102. *Желъзный чело-вѣкъ*—Скупой: *У этого желъзнаго чело-вѣка ничего не выпро-симъ.*

I. 308. *Боярщина* и *Барщина*: 1) Помѣстье, владѣніе боярское, господское. 2) Оброкъ, подать, платимая отъ крестьянъ господину своему. *Собирають, даютъ боярщину.* 3) Всякая работа, которую отправляютъ крестьяне на господина своего. *Работаютъ на боярщину.*

I. 570. *Ввезенный* — тотъ, котораго куда ввезли.

I. 571. *Ввозный*—Тайно ввезенный.

III. 582. *Прикладъ*... Примѣръ, употребленіе правила. *Наприкладъ*—Напримѣръ: *Наприкладъ* сказать.

IV. 482. *Незабудочка*, или *не забудь меня*. *Myosotis arvensis*. Трава однолѣтная, имѣющая стебель простой, листки копіе-

Словарь втораго отдѣленія.

I. 839: а) Человѣкъ нечувствительный, или нерасположенный къ добру. б) Терпѣливо переносящій душевныя и тѣлесныя страданія.

I. 164 и 48: *Боярщина* — то-же, что *Барщина* въ 1 значеніи. *Барщина*: 1) Барское помѣстье, владѣніе; боярщина. 2) Оброкъ, платимый крестьянами помѣщику. *Собирають, даютъ барщину.* 3) Работа, отправляемая крестьянами на помѣщика. *Работаютъ на барщину.*

I. 215: *Ввозный*—Ввезенный куда-либо. *Ввозный товаръ*. *Ввозная грамота*. (*Стар.*).

II. 993: . . . . *Наприкладъ* (*Стар.*). Напримѣръ.

I. 911: *Незабудка*. *Myosotis palustris*, растеніе. *Незабудочка* —ум. слова *Незабудка*. *Не забудь меня*—то-же, что *Незабудка*.

Словарь россійской академіи.

видные, шероховатые; цвѣточ-
ки маленькіе, свѣтлоголубые,
посрединѣ коихъ находятся жел-
тыя чешуйки, преграждающія
отверстіе въ цвѣточную трубоч-
ку; сѣмена шероховатыя. Рос-
теть въ Европѣ по сухимъ по-
лямъ.

VI. 1018. *Ябеда*, употреби-
тельнѣе во множеств. *Ябеды*:
1) Привязка, придирка, прицѣп-
ка по тяжбынымъ дѣламъ; ключ-
ки приказныя для присвоенія
себѣ чужаго. *Подъяческія, при-
казныя ябеды. Нажился, обога-
тился отъ ябедъ.* 2) Иногда бе-
рется за клеветы, наговоры. *Все,
что онъ ни говорилъ, есть су-
щая ябеда.*

IV. 158. *Обмишумиваюсь* —
1) Собственно: не попадаю въ
цѣль. 2) Ошибаюсь въ чемъ.

IV. 200—201: *Памятцо* (ср.)
Книжка, тетрадка, содержащая
въ себѣ имена усопшихъ род-
ственниковъ чьихъ, которыя чи-
таются на проскомидіяхъ и при
панихидахъ.

III. 135: *Прежде сего назы-
вамъ Зерцаломъ* родъ троесто-
роннаго кивота, на которомъ
наклеивались указы, напомина-

Словарь втораго отдѣленія.

II. 1005: 1) Клевета, наго-
воръ, навѣтъ. 2) Привязка, при-
дирка, прицѣпка по тяжбынымъ
дѣламъ.

II. 42: *Обмишениваться* —
1) Не попадать въ мишень, стрѣ-
лять мимо цѣли. 2) *Простон.*
Ошибаться, обманываться.

II. 328: *Памятца*—Книжка,
или тетрадка, содержащая въ
себѣ имена усопшихъ, которыя
поминаются на проскомидіи и
при панихидахъ. *Вписать въ
памятцу родителей.* и т. д.

I, 174.—*Зерцало*.... Призма,
поставляемая на столѣ судебна-
го мѣста, съ наклеенными на
всѣхъ трехъ сторонахъ указа-

Словарь российской академии.

Словарь втораго отдѣленія.

ющіе судяиъмъ о ихъ должности, ми о строгомъ соблюденіи пра-
изданные Петромъ Великимъ. восудія, и т. д.

Въ *обоихъ Словаряхъ* помѣщ. слова, названныя въ Словарѣ
россійской академіи *старинными, областными, простонародными.*

Старин.: Отповѣдь. I, 989. — Одонье. IV, 619. —

Посямѣсть. IV, 417. —

Областн.: Кулгукъ. III, 1061. — Моряна. IV, 253. —
Щока. VI, 969. —

Падунъ. IV, 678. —

Скоросый. V, 493. —

Простонародн.: Черноработецъ. V, 6. — Нѣщечко. VI,
810. — Намутки. IV, 334. — Неурѣживаю. V, 243. — Счунаю.
VI, 844. — Четаюсь. VI, 738. — Расчухать. VI, 844. —

Просторнч.: Битка. I, 177. — и т. д.

60) Московскій Телеграфъ. 1829. Часть XXVI. Бесѣда
кембриджскихъ профессоровъ съ московскимъ митрополитомъ
Платономъ; стр. 37—38. —

61) Словарь академіи российской. 1789. Часть I, стр. VIII,
VI, XIV, VIII. —

62) Записки российской академіи. Собрание 10 августа 1794
года; ст. II, л. 69. —

63) Словарь академіи российской. 1789. Часть I, стр. VI,
VIII и др. —

64) Записки российской академіи. Собрание 25 ноября 1786
года; ст. II, л. 106 об. —

65) Записки российской академіи. Собрание 8 мая 1787 г.;
ст. IV, л. 119 об. —

66) Сверхъ приведенныхъ примѣровъ помѣщены, въ сло-
варѣ российской академіи, слѣдующіе, извлеченные изъ древнихъ
и старинныхъ памятниковъ:

Нестор.: Вваживаюсь (Нест. Лѣт. I, 46). I, 459. —

Древн. Лѣт.: Варка (I, 331). I, 496. — Вечникъ (I, 87). I,

670.—Дивство (II, 358). II, 664.—Зимница (I, 305). III, 72.—
Кожухъ (I, 276). III, 686.—Сумежіе (I, 171). IV, 80.—Но-
щеденство (II, 268). IV, 555.—Посадникъ (I, 2). V, 321.—
Учанъ (I, 246). VI, 465.—

Граю (II, 35—36). II, 316.—

Громъ пушаты (I, 295). II, 361.—

Древн. Лѣт. и Арх. Лѣт.: Разметная (Др. II, 411; Арх. 76).
IV, 121.—Ропать (Др. II, 155; Арх. 31). V, 162.—

Нов. Лѣт.: Вошаница (137). I, 866.—Перевѣтникъ (135).
I, 1042.—Гостебникъ (84). II, 276.—Полугривна (13). II,
348.—Перезоръ (92). III, 143.—Лейвубуть (25). III, 1173.—

Взвонить вече (613). I, 670.—Поставить вѣче (650).—
Стать вечемъ (687). I, 670.—

Архан. Лѣт.: Вече (59). I, 670.—Звѣзда хвостата (72).
III, 31.—Кормичичъ (42). III, 827.—

Златопечатный (93). III, 77.—

Никон.: Извѣтникъ (III, 189). I, 1035.—Повѣстникъ (I,
197). I, 1095.—Гостьба (II, 362). II, 276.—Градоблюдіе
(II, 280). II, 300.—Лыскаръ (I, 177). III, 1344.—Олачуга
(IV, 80). IV, 627.—Болонье (II, 13, 86). I, 271. (Ср. Карамз.
II, прим. 174).—Уводъ (I, 10). I, 567.—Повозникъ (I, 163).
I, 579.—

Паволочитый (I, 31). I, 780.—

Дручу (I, 38). II, 775.—

Повозъ возить (I, 67). I, 579.—

Никон. и Др. Лѣт.: Приградіе (Ник. II, 175; Др. II, 295).
II, 300.—

Никон. и Цар. Лѣт.: Котораюся (*неупотребит.*). (Ник. II,
351; Цар. 119). III, 878.—

Никон. и Русск. Правд.: Тіунъ (Ник. I, 197; Р. Пр. нов.
изд. 67). VI, 133.—

Никон. и Др. Вивл.: Паволока (Ник. I, 31; Др. Вивл. VIII,
127). I, 780.—

Никон. и Пролог.: Луда (Ник. I, 130, 131; Прол. мая 26).
III, 1323. —

Цар. Книг.: Первосовѣтникъ (100). I, 1052. —

Привѣчаю (259). I, 1042. —

Цар. Книг. и Др. Вив.: Докончальный (Цар. 187; Вивл. VIII,
303). III, 772. —

Цар. Книг. и Никон.: Городня (Цар. 278; Ник. II, 226).
II, 305. —

Цар. Лѣт.: Вечевый колоколь (366). I, 670. — Перевѣsie
(177). I, 1060. — Говоръ (424). II, 143. — Обговоръ (400). II,
149. — Сговорка (201). II, 158. — Зголовъ (225). II, 183. —
Суемъ (360). II, 1007. — Рта (261). V, 177. —

Градобитный (94). II, 300. —

Цар. Лѣт. и Новг. Лѣт.: Вече (Цар. 366; Новг. 89, 599).
I, 669. —

Русск. Правд.: Гридинъ (9). II, 348. — Отарица (Нов. изд.
гл. IV, ст. 4). IV, 662. —

Робити (Нов. изд. гл. IV, ст. 1). V, 2. —

Судебн.: Поверстный срокъ. I, 623. — Волостель (гл. 22,
65, 72). I, 752. — Кормленіе (гл. 65, 66, 67). III, 826. —
Польщикъ (21). IV, 958. —

Судебн. съ толков. Татищ.: Рокошь (212). V, 158. — Пра-
вая (130). V, 202. —

Уложен.: Дозорная книга (X, 235). III, 139. — Недѣльщикъ
(гл. X, 144). II, 913. — Пожелѣзное (гл. XX, 94). II, 1102. —
Рожа (ср. Жонка) (XX, 75). V, 153—154. —

Лживлю (X, 253; XX, 74). III, 1147. —

Сдать землю (XVI, 9, 10). II, 492. —

Др. Росс. Вивл.: Денежникъ (III, 49, 52). II, 589. — Ко-
шуля (X, 9). III, 890. — Разратіе (II, 50). V, 89. — Шертую
(III, 344). VI, 874. —

Продолж. Росс. Вивл.: Позовникъ (V, 50). III, 121. —

Вивл. и Улож.: Правый десятокъ (Вивл. ч. I, ст. 3; Ул. X, 116). IV, 1041.—

Синопс.: Колыска (гл. 3. Идол. 48). III, 738.—

Осад. Тр. Лавр.: Голка (195). II, 177.—

Ратн. Уст.: Бронникъ (II, 2). I, 343.—Вязень (I, 50). I, 1112.—Привозные люди (I, 57). I, 580.—Болтъ само-стрѣльный. I, 278.—Гасары (I, 50). II, 22.—Гасло (I, 71). II, 22.—Дозорщикъ (I, 79). III, 139.—Прогазанъ (I, 76). IV, 1095.—Ефросина (I, 154). II, 1026.—

Гвоздоватый (II, 186). II, 29.—Безголовный (I, 98). II, 182.—

Стигу (I, 119). V, 732.—Отволаживаю (II, 130). I, 747.—

Убойчиво (I, 146). I, 212.—Проволочливо (II, 44). I, 785.—

Ратн. Уст. и Осад. Тр. Лавр.: Жесточъ (Ратн. I, 130; Тр. 12). II, 1116.—

Опыт. Волн. Собр.: Шерть (V, 53). VI, 873.—

Рукописный списокъ царя Θεодора Ивановича о поворотной пошлинѣ: Пуло. IV, 1177.—

Сообщ. изъ Оружейн.: Мерекляные кирасы. IV, 93.—Мп-сюрка. IV, 156.—Перната. IV, 171—172.—Решма. V, 120.—Тарчъ. VI, 29.—Тахтуй. VI, 31.—Троки. VI, 272.—Чуги. VI, 827.—

67) Исторія россійской академіи: Выпускъ V. 1880; стр. 284—286.—Выпускъ VII. 1885; стр. 16.—

68) Записки россійской академіи. Собранія: 30 января 1784 года; ст. II, 4; л. 34 об.—12 марта 1784 года; ст. III, vi; л. 43.—

Словарь академіи россійской. 1789. Часть I, стр. IX.—

69) Исторія россійской академіи. Выпускъ V, стр. 282—284.—Выпускъ VII, стр. 15—16.—

70) Записки россійской академіи. Собранія: 30 января 1784 года; ст. II, 3; л. 34—34 об.—12 марта 1784 года; ст. IV, л. 42 об.—

71) Сверхъ приведенныхъ нами, въ словарь россійской ака-

деміи находятся еще слѣдующія слова и выраженія техниче-
скія:

Старинное нарѣчіе: Справа (Судебникъ). IV, 1063. —

Духовное нарѣчіе: Грамота ставленая II, 318. —

Церковное нарѣчіе: Погружаю. II, 383. — Погруженіе.
II, 384. —

Реченіе церковное: Коливо. III, 707. — Поганинъ, Поганка.
IV, 941 — 942. — Свѣтиленъ; Свѣтильничныя молитвы. V,
380. — Стиховна. V, 736. —

Военное нарѣчіе: Граната. II, 318. — Отбиваю. I, 196 —
197. —

Воинское нарѣчіе: Удалецъ (Др. Жит. II, 55). II, 521. —

Старинное реченіе военное: Закопъ (=траншея; Цар. Кн.)
III, 794. —

Реч. воен.: Инженерныя работы. III, 306. —

Реченіе военного зодчества: Контрескарпъ. III, 780. — По-
крытый путь. III, 994. —

Въ артиллеріи: Вага. I, 454. — Кружало. III, 1010. —

У артиллеристовъ: Зазоръ. III, 139. — Птичій языкъ. IV,
1169. — Подмазывать. IV, 12. —

Приказное нарѣчіе: Справа. IV, 1063.

Реченіе приказное: Сдѣлка (Улож.) II, 927. — Ищикъ. III,
326. — Говорить судъ V, 950. —

Приказное слово: Безволокитно. I, 769. —

Приказный слогъ: Сдача земли, помѣстья (Улож.) II, 493. —
Вышеименованный и пр. III, 302. — Неповадно. I, 461. —

Реченіе, у мореходцевъ извѣстное: Гикъ. II, 40. —

У мореходцевъ: Рей. V, 112. —

У судовщиковъ: Кулакъ. III, 1060. —

Реченіе рудокоповъ: Развалъ. I, 481. — Горокопъ=Минеръ.
II, 232. —

На желѣзноплавильныхъ заводахъ: Домна. II, 729. —

Въ старинномъ употребленіи въ охотъ: Угонка. II, 229. —

Реченіе охотничье: Псовина. IV, 784. — Пороша. IV, 1000. —

Свора. V, 371.—Сырейщикъ. V, 1018.—Щипецъ. VI, 960.—
Доѣзжачій. VI, 979.—Слѣдничать. V, 575.—

Слово охотн.: Хлысть. VI, 551.—

Язык охотничій: Позывистъ. III, 121.—

Охотничьи названія голубей: II, 190—191.—

У охотниковъ: Труба. VI, 291,4.—Голубятникъ. II, 192.—
Отъемный островокъ. II, 975.—

Реченіе псовыхъ охотниковъ: Навзрячь гнать. III, 138.—

Подозрѣть звѣря. III, 145.—

Во псовой охотѣ: Багранный. I, 78.—Сдваивать слѣдъ. II,
529.—Ослѣдить. V, 575.—Высвориваю. V, 372.—

Реченіе, известное въ охотѣ псовой: Ищя. III, 326.—

Реченіе, во псовой охотѣ употребительное: Ляка, или Пере-
лякъ. III, 1385.—

Употребляется во псовой охотѣ: Заловить. III, 1254.—

У псовыхъ охотниковъ: Опознать. III, 101.—Обозрѣ-
ваюсь. III, 142,4.—

Речен. птицелов.: Крыть шатромъ, сѣтью. III, 980.—

Въ птицеловной охотѣ: Коблучечу. III, 351.—Снаряжать
ловчихъ птицъ; Птица снаряжается. V, 288.—

Реченіе сокольниковъ: Лощить соколъ, ястребъ, голубь и пр.
III, 1316.—

Реченіе соколинич.: Бабило, Вабка. I, 453.—

Въ соколиной охотѣ: Помытчикъ. IV, 359.—Помыкаю,
IV, 358.—Ваблю. I, 453.—

Реченіе стрѣлковъ: Сидѣть на чучелахъ. VI, 836.—

Реченіе рыболовное: Учугъ. VI, 478.—Чечень. VI, 745.—
Стокныя сѣти. VI, 86.—Чистяковая рыба. VI, 666.—

У рыбныхъ промышленниковъ: Дворъ. II, 563.—Куканъ. III,
1057.—Банить рыбу. I, 95—96.

Рыбные промышленники называютъ: Рѣжа. V, 242.—

Реченіе у промышленниковъ рыбныхъ и звериныхъ: Что Богъ
послалъ. I, 252.—

Въ рыбномъ и звериномъ промыслахъ: Нажива. II, 1138.—

- У промышляющихъ на моръ зѣрей:* Голомянный. I, 187. —
У соболыныхъ промышленниковъ: Чуница. VI, 834. —
Речен. пахотн.: Бросать ленъ. I, 344. —
Реченіе земледѣльц.: Чистить ляды; прятать ляды. III, 1385.
Речен. садовнич.: Тѣнникъ. VI, 361. —
Реченіе торговое: Холстомѣрь. VI, 570. —
Реченіе торгошней: Вывалка. I, 469. —
Въ торговль: Навертываюсъ, I, 645,з. —
Реченіе зодчихъ: Брызгъ. I, 356. — Шеломъ, или Шоломъ.
 VI, 868. —
Въ зодчествѣ: Прогонъ. II, 225. — Капельки. III, 434. —
 Плинтусъ. IV, 895.
Реченіе плотническое: Легель. III, 1163. —
Реченіе столяровъ и плотниковъ: Въ замокъ рубить. IV,
 162. —
У столарей и плотниковъ: Окачиваю. III, 470. —
Реченіе столаровъ: Калѣвка. III, 407. —
У столарей: Шовъ. VI, 929,2. —
Речен., каменщик. употребляемое: Хмылю и Охмыливаю.
 VI, 565. —
У каменщиковъ: Заворъ. III, 139. — Коза. III, 688. —
 Кулакъ. III, 1059. — Шовъ. VI, 929,з. — Щипецъ. VI, 960. —
 Гусакъ. II, 444.
У печниковъ: Раздѣлка. II, 926. —
У бочаровъ-и обручниковъ: Нагоняю. II, 914. —
Реч. кузнечн.: Наварка. I, 501. —
Реч., портн. употребляемое: Заворотъ. I, 891. Кондырь.
 III, 767. —
Реч., извѣстное у портныхъ: Гульфикъ. II, 426. —
Речен. суконн.: Воршу. I, 858. —
Реченіе сапожниковъ: Потягъ. VI, 399. —
У сапожниковъ: Верва. I, 600. —
Реченіе, сапожниками употребляемое: Заворотъ. I, 892. —
У пивоваровъ: Друтакъ. II, 765. —

Въ шашечной игрѣ: Доведь, I. 533. — и т. д.

72) Словарь академіи російской. 1789. Часть I, стр. IX. —

73) Ср. Исторія російской академіи. 1880. Выпускъ V. стр. 284. —

74) Записки російской академіи. Собрание 16 декабря 1783 года; ст. IV и V, л. 27 об. — 28. —

75) Записки російской академіи. Собрание 13 января 1784 года; ст. VI, л. 29 об. — 30. —

76) Записки російской академіи. Собрание 12 марта 1784 года; ст. V, л. 42 об. — 43. —

77) Записки російской академіи. Собрание 22 февраля 1785 года; ст. IV, л. 61 об. — 62. —

78) Словарь академіи російской. 1789. Часть I. стр. IX — X. —

79) Записки російской академіи. Собрание 20 марта 1792 года; ст. II, л. 6. —

80) Иностранныя слова, помѣщенныя въ словарь російской академіи съ обозначеніемъ ихъ происхожденія:

Греческія.

Изъ книгъ Священнаго Писанія, съ ссылками на нихъ.

Анаеема. (Галат. I, 8). I. 33. — Ангель (Марк. XIII, 27; Лук. I, 27.) I. 33. — Архистратигъ (I Цар., XII, 9). I. 52. — Акриды (Левит. XI, 22). I, 16 — 17. — Архимагиръ (Иер. XL, 5). I. 51. — Архитриклинь (Иоан. II, 9). I. 53. — Аспалаеъ. (Сирах. XXIV, 11). I. 55. — Ваія (Иоан. XII, 13). I. 462 — 463. — Амигдалъ (Еккл. XII, 5). I. 30. — Анфраксъ (Иезек. X, 9). I. 38. — Вириль (Ап. XXI, 20). I. 713. — Виссъ, Виссонъ (Апокал. XVIII, 12; Лук. XVI, 19). I. 1140. — Догмать (3 Макк. I, 3). II. 704. — Епископъ (Тит. I, 7; Дѣян. XX, 28). II. 1010. — Діаконъ (1 Тимоѳ. III, 12). II. 678. — Эпитимія (Сирах. VIII, 6). II. 1011. — Ересь (Дѣян. XV, 15) II. 1013. — Демонъ (Апок. IX, 20). II, 576. — Діаволь (Матѳ. XXV, 41).

II. 677.—Игемонъ (Дѣян. XXIII, 26). III. 181.—Идолъ (Дѣян. VII, 41; Бытїя XXXI, 19). III. 203.

Икономъ (Эсфир. 118). III. 287.—Іерей (Лук. I, 5; Марк. I, 44; Псал. XCVIII, 6). III. 343.—Архіерей (Макк. XVI, 24). III. 344.—Катапетазма (1 Макк. I, 22). III. 458.—Катарактъ (Второзак. XVI, 17). III. 459.—Керастъ (Притч. XXIII, 32). III. 507.—Кивотъ (1 Цар. V, 2). III. 509.—Кидаръ (Захар. III, 5). III, 510.—Кинамонъ (Іер. VI, 20). III. 529.—Кимвалъ (Парал. XV, 19). III. 529.—Литра (3 Цар. X, 17). III. 1222.—Милоть (Евр. XI, 37). IV. 135.—Митрополїя (Эсф. IX, 19). IV. 156.—Мнасъ (Лук. XIX, 13). IV. 177.—Патріархъ (Дѣян. II, 29). IV. 735.—Плиноа (Быт. XI, 3). IV. 896.—Пиганъ (Лук. XI, 42). IV. 800.—Пира (Матѳ. X, 9). IV. 815.—Паремїя (Сирах. XLVII, 19). IV. 714.—Пліады (Іов. XXXVIII, 30). IV. 875.—Псалтирь (Псал. XXXII, 2; LXXX, 3). IV. 1168.—Сикера (Лев. X, 9; Числ. VI, 3). V. 440.—Самвикъ (Данїил. III, 10). V. 333.—Скорпія (Лук. X, 19). V. 491.—Сандалій (Юдиѳ. X, 4). V. 335.—Сапфиръ (Ис. XXIV, 11). V. 340.—Скимень (Псал. CIII, 21). V. 476.—Скинія (Евр. IX, 3). V. 476.—Смарагдъ (Исх. XXXVI). V. 587.—Смирна (Матѳ. II, 11). V. 591.—Стакти (Быт. XXXVII, 25). V. 700.—Стамна (Исх. XVI, 33). V. 701.—Стивїе (Іер. IV, 30). V. 731.—Стомахъ (1 Тимѳ. V, 23). V. 747.—Стратигъ (2 Макк. VIII, 9; 3 Макк., III, 9). V. 858.—Талантъ (Матѳ. XXV, 15; Захар. V, 7). VI. 22.—Тектонъ (Марк. VI, 3). VI. 74.—Теревинѳъ (Быт. XXXV, 4). VI. 99.—Тимпанъ (Юдиѳ. III, 7; Псал. CXLIX, 13). VI. 120.—Тристатъ (Исх. XV, 4; XIV, 7). VI. 268.—Трихалтъ (Іезек. XVI, 12, 10). VI. 268.—Трапеза (Марк. XI, 15; Дан. XIV, 13; Матѳ. XV, 26; Псал. CXXXVII, 4). VI. 237.—Фелонъ (2 Тимѳ. IV, 13). VI. 482.—Фіаль (Исх. XXVII, 3; Апок. XVI, 2, 3). VI. 490.—Халванъ (Исх. XXX, 34). VI. 500.—Харадрїонъ (Лев. XI, 19). VI. 502.—Хартїа (2 Посл. Іоан. I, 12). VI. 504.—Хитонъ (Іоан. XIX, 23). VI. 534.—Хирогриль (Лев. XI, 5). VI. 533.—Хламида (Матѳ. XXVII, 28). VI. 548.—Хри-

стось (Матѣ. I, 16; Иоан. IV, 42, и т. д.). VI, 592.—Цата (Лук. XX, 24; Цар. II, 36). VI. 618. — Эпомида (Исх. XX, 7). VI. 1007.—Өмїамъ (Апок. V, 8). VI. 1066. — Вакинѣвъ. (Апок. XXI, 20). VI. 1067.—Vпять (Дан. III, 8). VI. 1068.—

Изъ церковныхъ книгъ и отчасти изъ св. писанїя, безъ ссылокъ.

Акаѣстъ. I. 15.—Аксїосъ. I. 17.—Амвонъ. I. 28.—Архангелъ. I. 34.—Антидоръ, Антиминсъ. I. 36.—Архимандритъ. I. 51.—Антифонъ. I. 37.—Апокалипсисъ, Апостоль. I. 39.—Артось. I. 50. — Библия. I. 169.—Агіазма (св. вода; Номок.). I. 6.—Алекторъ. I. 20.—Асида (птица). I. 54.—Аспидъ. I. 55.—Аноипать (областеначальникъ). I. 38. — Асаронъ (трава). I. 54.—Ваїя. I. 462.—Евхаристїя. II. 934.—Дискось. II. 672.—Деисусъ. II. 575. — Ефимоны. II. 1028. — Епитрахиль. II. 1012.—Архіепископъ. II. 1011.—Икона. III. 286.—Камилавка. III. 420.—Герархъ. III. 344.—Икошь, Ирмосъ. III. 345.—Канонъ. III. 427.—Катавасїя. III. 458.—Катехизисъ. III. 459.—Каѣизма. III. 491.—Келїя. III. 506.—Керамида (доска глиняная, выжженная). III. 507.—Киновія. III. 530.—Клиръ, Клирикъ, Клиросъ. III. 613.—Кондакъ. III. 766.—Куринъ. III. 955.—Клиторъ. III. 1048. — Литїя, Литургїя. III. 1222. — Мангїя. IV. 31. — Маргаритъ. IV. 45. — Минїя. IV. 140. — Митра. IV. 156.—Монахъ. IV. 250.—Налой. IV. 470.—Октоихъ. IV. 626.—Омофоръ. IV. 633.—Панагїя. IV. 710.—Параэклесіархъ, Паралипоменонъ. IV. 713.—Пентикостїя. IV. 761.—Потиръ. IV. 1015.—Пресвитеръ. IV. 1080.—Прокимень. IV. 1087.—Проскомидїя. IV. 1090.—Просфора. IV. 1094.—Псаломъ. IV. 1167.—Семидалъ (мука). V. 418. — Синклитъ. V. 440.—Символь, Симфонїя. V. 449.—Рипида. V. 144.—Ряса. V. 297.—Саккосъ. V. 326.—Синагога, Синаксарїй. V. 450.—Синодъ. V. 454.—Ставропигїя, Стадїя. V. 699.—Стихарїй. V. 735.—Стихира. V. 736.—Стратилать. V. 859. — Схима. V. 1000.—Тартаръ. VI. 29.—Трїудъ. VI. 269.—Тропарь. VI. 272.—

Хиротонія. VI. 533.—Впостась. VI. 1068.—Впакон (стихи-
ра). VI. 1068.—Лавра. III. 1125.—Лампада. III. 1137.—

Со ссылками на русскіе памятники:

Келарь (*Улож.*) III. 506.—Номоканонъ (*Никон.*) III. 428.—
Игумень (*Др. Лѣт.*) III. 202. —

Названія различныхъ предметовъ.

Атмосфера. I. 60—Астрологія. I. 57.—Астролябія, Астро-
номія. I. 58.—Атомъ. I. 61.—Аэрологія, Аэрометрія. I. 65—
66. — Баллистика. I. 89. — Барометръ. I. 104. — Аксіома. I.
17. — Акустика. I. 18. — Антиподы. I. 37. — Апоплексія. I.
41.—Артерія. I. 49.—Апостема (чирій). I. 41.—Апострофъ,
Арифметика. I. 41.—Анатомія. I. 32.—Анемометръ. I. 35.—
Антидотъ. I. 36.—Архипелагъ. I. 52.—Географія, Геодезія.
II. 32.—Геометрія. II. 33.—Грамматика. II. 316.—Діалектъ.
II. 680.—Горизонтъ. II. 242.—Эвиръ. II. 1028.—Діаметръ.
II. 671.—Эпакта. II. 1009.—Діета. II. 681.—Драма. II. 743.—
Эпифанія. II. 1011. — Зенитъ. III. 63. — Зодиакъ. III. 125. —
Имнъ. III. 296.—Ипохондрія. III. 311.—Истерика, Исторія.
III. 317.—Климатъ. III. 611.—Комедія. III. 760.—Трагоко-
медія. III. 761. — Кѳмета. III. 762.—Космологія, Космогра-
фія. III. 863. — Критика. III. 956. — Логарифмъ, Логика. III.
1257. — Мат(е)матика. IV. 56. — Металлургія, Метафо-
ра. IV. 96. — Мифологія. IV. 158. — Механика. IV. 103.—
Оксія. IV. 626.—Панегририкъ. IV. 710.—Планета. IV. 862.—
Подагра. IV. 943. — Поэзія. IV. 1023. — Рѳема. V. 147.—
Силлогизмъ. V. 448. — Синтаксисъ. V. 454. — Статика. V.
710. — Стихія. V. 735. — Сфера. V. 1001. — Топографія.
VI. 186. — Трагедія. VI. 235. — Тропикъ. VI. 272. —
Физика. VI. 485. — Физиологія, Физиономія. VI. 486. —
Филологъ. VI. 487. — Философія. VI. 488. — Химія. VI.
532. — Хирургія. VI. 534. — Хрія. VI. 595. — Хронографъ,
Хронологія. VI. 596. — Эклиптика. VI. 1004. — Эпопея. VI.
1007.—Этимологія. VI. 1008.—Ѳеологія. VI. 1066.—Удрогра-
фія. VI. 1067. —

Архитектонъ (употребительнѣе *Архитекторъ*). I. 52. —
 Архіатеръ (употребительнѣе *Архіаторъ*). I. 53. — Антагонистъ.
 I. 36. — Аристократъ. I. 45. — Амарантъ (растен.). I. 27. —
 Анисъ, Анитъ (трава). I. 35. — Акація. I. 15. — Аспарагъ
 (спаржа). I. 55. — Алой. I. 23. — Алкіонъ (птица). I. 21. —
 Амфивія. I. 31. — Адамантъ. I. 8. — Азбестъ. I. 11. — Аме-
 тистъ, Аміантъ. I. 29. — Амальгама. I. 27. — Ароматы. I.
 47. — Алифа, Алифлю. I. 21. — Бальсамъ. I. 91. — Асфальтъ.
 I. 59. — Анархія. I. 53. — Амвросія. I. 29. — Амнистія. I. 30. —
 Афоризмъ. I. 63. — Антипатія. I. 37. — Апологія. I. 39. —
 Аптека. I. 42. — Апоегма. I. 41. — Ареопагъ. I. 44. — Арфа.
 I. 50. — Аксамитъ. I. 17. — Аллегорія. I. 21. — Бандура. I.
 93. — Академія. I. 14. — Демократія. II. 671. — Гимназія. II.
 41. — Епархъ. II. 1010. — Дипломъ. II. 672. — Герой. II.
 34. — Гигантъ. II. 39. — Евнухъ. II. 934. — Діадима. II.
 678. — Драхма. II. 745. — Ехидна. II. 1026. — Зефиръ. III.
 65. — Идея. III. 203. — Иронія. III. 312. — Календаръ. III.
 398. — Іакиноъ (гіацинтъ), Іасписъ. III. 343. — Каталогъ. III.
 458. — Каеэдра. III. 491. — Кентавръ. III. 507. — Кристаллъ.
 III. 955. — Лабиринтъ. III. 1122. — Лексиконъ. III. 1173. —
 Лира. III. 1218. — Литера. III. 1222. — Мастика. IV. 55. —
 Машина. IV. 62. — Металлъ. IV. 95. — Мирра. IV. 144. — Мо-
 нархъ. IV. 249. — Музыка. IV. 325. — Пификъ. IV. 855. —
 Параграфъ. IV. 713. — Періодъ. IV. 769. — Пирамида. IV.
 816. — Полипъ. IV. 965. — Политика. IV. 965. — Полиція.
 IV. 966. — Порфира. IV. 1003. — Проблема. IV. 1086. —
 Симпатія. V. 449. — Саванъ. V. 299. — Скипетръ. V. 476. —
 Типографія. VI. 121. — Тиранъ. VI. 122. — Триумфъ. VI.
 269. — Тронъ. VI. 272. — Трофей. VI. 274. — Хаосъ. VI.
 501. — Химера. VI. 532. — Хиромантія. VI. 533. — Хороводъ.
 VI. 576. — Хрисолитъ. VI. 592. — Школа. VI. 893. — Эхо.
 VI. 1008. — Удра. VI. 1067. — Вена. VI. 1068. —

Латинскія.

Адъюнктъ. I. 11. — Ассессоръ. I. 57. — Докторъ. II. 767. — Депутатъ. II. 590. — Директоръ. II. 672. — Инспекторъ. III. 306. — Кандидатъ. III. 425. — Кесарь. III. 508. — Консулъ. III. 779. — Корректоръ. III. 843. — Маюръ. IV. 16. — Министръ. IV. 139. — Офицеръ. IV. 669. — Президентъ. IV. 1078. — Профессоръ. IV. 1100. — Эксекуторъ. VI. 1005. —

Альтъ. I. 27. — Аммуниція. I. 30. — Артикуль. I. 49. — Аспектъ. I. 55. — Архивъ. I. 51. — Балдырьянь (*valegiana*). I. 89. — Вирша. I. 712. — Госпиталь. II. 272. — Декоктъ. II. 575. — Градусъ. II. 295. — Губернія. II. 417. — Январь. II. 31. — Декабрь. II. 575. — Глыба. II. 99. — Имперія. III. 296. — Индиктъ. III. 305. — Инструкція, Инструментъ. III. 306. — Июнь, Июль. III. 346. — Камара (или *Камера*). III. 408. — Каминъ. III. 420. — Каникулы. III. 426. — Канцелярія. III. 429. — Карбункуль. III. 445. — Карта. III. 451. — Квадратъ, Квадрантъ. III. 491. — Кварталь. III. 493. — Кинсонъ. III. 530. — Классъ. III. 590. — Коллегія. III. 709. — Комерція. III. 762. — Конгресъ. III. 766. — Консистерія. III. 779. — Контрактъ. III. 780. — Копусъ, Конфектъ, Конференція, Конфирмація, Концертъ. III. 781. — Корпусъ. III. 843. — Кубъ. III. 1051. — Лабораторія. III. 1123. — Линія. III. 1212. — Магистратъ. IV. 2. — Манифактура. IV. 30. — Матерія. IV. 56. — Монета. IV. 251. — Мускуль. IV. 329. — Океанъ. IV. 620. — Октомврій, Октябрь. IV. 626. — Ораторія. IV. 638. — Ордень. IV. 639. — Оцетъ. IV. 671. — Пара. IV. 712. — Партесъ. IV. 715. — Патерикъ, Патерица. IV. 734. — Пенсія. IV. 760. — Перпендикулярный. IV. 773. — Проба. IV. 1085. — Проза. IV. 1087. — Процентъ. IV. 1101. — Пульсъ, Пунктъ. IV. — 1108. — Ревизія. V. 108. — Реляція. V. 113. — Республика. V. 117. — Рецептъ. V. 118. — Сенатъ. V. 419. — Сикарь. V. 440. — Статуя, Статъ. V. 710. — Сударь. V. 941. — Сумма. V. 966. — Титуль. VI. 129. — Трактатъ.

VI. 236. — Университетъ. VI. 446. — Унція. VI. 447. — Фабрика. VI. 479. — Факель. VI. 480. — Факультетъ. VI. 481. — Февраль. VI. 482. — Фигура. VI. 484. — Фундаментъ. VI. 496. — Церемонія. VI. 624. — Штиль. VI. 916. — Экваторъ. VI. 1004. — Экзерциція. VI. 1005.

Греколатинское.

Архитравъ. I. 53. —

Французскія.

Амбразура. I. 28. — Апроши. I. 42. — Армія. I. 46. — Артиллерія. I. 49. — Бастіонъ. I. 108. — Батальонъ. I. 109. — Бекетъ. I. 121. — Бригада. I. 339. — Гарнизонъ. II. 21. — Гвардія. II. 27. — Инженеръ. III. 305. — Кадетъ. III. 354. — Калиберъ. III. 399. — Канонеръ. III. 427. — Кирась. III. 535. — Колонна. III. 721. — Комендантъ. III. 762. — Конвой. III. 766. — Мушкетонъ, Мушкетъ. III. 346. — Патронъ. IV. 735. — Рапира. V. 73. — Редуть. V. 112. — Ретрутъ. V. 113. — Ретирада, Ретраншементъ. V. 118. — Траншея. VI. 236. — Фузея. VI. 496. — Эскадра, Эскадронъ. VI. 1008. —

Флотъ. VI. 493. — Фрегатъ. VI. 495. — Галера. II. 17. — Гарнитуръ. II. 21. — Грезетъ. II. 340. — Гродетуръ (= Гарнитуръ). II. 353. — Драгетъ. II. 736. — Канифасъ. III. 426. — Крепъ. III. 930. — Плисъ. IV. 897.

Блонды. I. 229. — Газъ. II. 24. — Галунъ. II. 19. —

Капоръ. III. 431. — Капишонъ. III. 433. —

Батыршикъ. I. 110. — Граверъ. II. 293. — Пажъ. IV. 692. — Резидентъ. V. 112. —

Аудиенція. I. 62. — Биржа. I. 169. — Капиталь. III. 432. — Карантинъ. III. 443. — Комиссія. III. 762. — Копія. III. 803. — Компания. III. 764. — Комплектъ. III. 765. — Медаль. IV. 73. — Пакетъ. IV. 696. — Паспортъ. IV. 723. —

Патентъ. IV. 734. — Почта. IV. 1021. — Протоколъ. IV. 1100. — Реестръ. V. 112. — Планъ. IV. 862. — Перспектива. IV. 774. — Профиль. IV. 1101. — Балъ. I. 91. — Арестъ. I. 45. —

Балконъ. I. 89. — Галерея. II. 18. — Кабинетъ. III. 350. — Квартира. III. 493. — Палисадъ. IV. 701. — Канapé. III. 494. — Клавесинъ. III. 551. — Комодъ. III. 764. — Кастрюля. III. 458. — Бильярдъ. I. 169. — Футляръ. VI. 497. — Бутылъ. I. 393. — Графинъ. II. 324. —

Брильянтъ. I. 338. — Бронзъ. I. 342. — Аурипигментъ (употребительнѣе *Аврипигментъ*). I. 62. —

Балъ. I. 91. — Маска. IV. 49. — Парикъ. IV. 715. — Гобоя. II. 140. —

Артишокъ. I. 50. — Шампignonъ. VI. 850. — Бекасъ. I. 121. —

Нѣмецкія.

Бергмейстеръ. I. 122. — Бухгалтеръ. I. 394. — Вахмистръ. I. 513. — Герцогъ. II. 35. — Графъ. II. 324. — Гофмейстеръ. II. 288. — Егеръ. II. 935. — Ефрейтеръ. II. 1025. — Камергеръ. III. 408. — Камердинеръ, Камеръюнкеръ. III. 409. — Квартирмейстеръ. III. 494. — Кучеръ. III. 1101. — Маклеръ. IV. 16. — Мундшенкъ. IV. 328. — Ратманъ. V. 87. — Рекетмейстеръ. V. 113. — Фельдмаршалъ. VI. 482. — Шкиперъ. VI. 892. — Штурманъ. VI. 920. — Бургомистръ. I. 386. —

Болверкъ. I. 270. — Эфесъ. II. 1025. — Лагерь. III. 1126. — Лафетъ. III. 1144. — Провіантъ. IV. 1086. — Ранецъ. V. 72. — Шуфла. VI. 924. —

Балластъ. I. 88. — Бортъ. I. 288. — Вахта. I. 513. — Верфъ. I. 626. — Мачта. IV. 63. — Штурмъ. VI. 920. —

Ландкарта. III. 1137. — Маштабъ. IV. 64. —

Флигель. VI. 493. — Балка. I. 89. — Гзымзъ. II. 36. — Фортка. VI. 495. — Ширмы. VI. 888. —

Лазаретъ. III. 1133. — Ланцетъ. III. 1138. —

Мундиръ. IV. 327.—Шлафрокъ. VI. 894.—Бострокъ (короткое платье). I. 299.—Трауръ. VI. 238.—Фалда. VI. 481.—Галстукъ. II. 19.—Муфта. IV. 337.—Бантъ. I. 95.—Бляха. I. 239. —

Камертухъ (полотно). III. 419. — Ревентухъ (полотно для парусовъ). V. 107. —

Вексель. I. 583.—Гильдія. II. 41.—Бракъ. I. 318. —

Кухня. III. 1001. — Анчоусъ. I. 38. — Крендель. III. 930. —

Вакса. I. 463. — Блягиръ (краска). I. 239. — Поташъ. IV. 1014.—Клейстеръ. III. 598. — Глянецъ. II. 110. — Шлифую. VI. 896. —

Абшитъ. I. 3.—Берлога. I. 133.—Бунтъ. 1. 383.—Волторна. I. 464.—Кегля. III. 503.—Муштукъ. IV. 347.—Фейерверкъ. VI. 482.—Фура. VI. 497. —

Нѣмецко-французск.

Гофмаршалъ. II. 288. —

Итальянскія.

Балдахинъ. I. 88.—Банкъ, Банкиръ. I. 94.—Банкрутъ. I. 95.—Барканъ. I. 103.—Басъ. I. 108.—Ракета. V. 67. —

Еврейскія.

Адонай (Езек. VII, 5; VIII, 1). I. 10.—Аллилуія (Апок. XIX, 6). I. 22. Аминь (Апок. I, 7). I. 29.—Ватъ (кадь). I. 512. — Веліаръ (2 Кориню. VI, 15). I. 585. — Бегемотъ. I. 118.—Гомола (комъ) (Дан. XIV, 27). II. 198.—Геенна (Матѳ. X, 28; XVIII, 9). II. 31.—Корванъ (Матѳ. XXVII, 6) III. 814.—Кумиръ. III. 1063. — Левитъ (Числ. XVIII, 23). III. 1151.—Ливанъ (Сир. XXXIX, 17). III. 1191. — Манна. IV. 30. — Мессіа (Іоан. IV, 25). IV. 95. — Пасха (Іоан. II, 13, и др.). IV. 733.—Саваоѳъ (I. Царств. I, 3). V. 300.—Сатана. V. 343.—

Сикль (2 Царств. XVIII, 11). V. 441. — Суббота (Левит. XXVIII, 30; Лук. XVIII, 12). V. 938. — Херувимъ. (Евр. IX, 5). VI. 530. — Шабашъ VI. 843. —

Сирскія.

Авва (Рим. VIII, 15). I, 3. — Раввинъ (Иоаннъ I, 38; XX, 17). V, 12. — Ракъ (Матв. V, 22). V, 66—67. —

Арабскія.

Алгебра. I. 19. — Алкали, Алкоголь. I. 21. — Амбра. I. 28. — Аракъ I. 43. — Арсеналь. I. 48. — Буря. I. 385. — Кармазинъ. III. 448. —

Аравійск.: Алмазь. I. 22. — Булатъ. I. 380. —

Арабск. и греческ.: Алембикъ (сосудъ). I. 20. —

Бухарское.

Бамберекъ (шелковая ткань). I. 93. —

Персидскія.

Абасы (деньги). I. 3. — Алтабасъ (парча). I. 23. — Аргамакъ. I. 44. — Арканъ. I. 46. — Атласъ. I. 60. — Базаръ. I. 82. — Баканъ (отъ перс. гор. *Валу*). I. 84. — Бирюза. I. 170. — Изумрудъ. III. 383. —

Турецкія.

Абá (сукно). I. 2. — Айва. I. 13. — Арбузь. I. 43. — Бергамоть. I. 122. — Амбаръ. I. 27. — Арба. I. 43. — Артель. I. 48. — Аршинъ. I. 54. — Барсукъ. I. 104. — Бунчукъ. I. 384. — Калапча. III. 397. —

Татарскія.

Артышь. I. 50. — Арца. I. 53. — Бадиджанъ. I. 80. —

Балахонъ. I. 88. — Бешметъ. I. 169. — Башмакъ. I. 112. —

Балаболка (гремушка на платьѣ). I. 86. —

Баранъ. I. 97.—Бирюкъ (волкъ). I. 170.—Бурундукъ (звѣрокъ). I. 387.—Каумбакъ (утка). III. 460. —

Башка. I. 112.—Балыкъ. I. 91.—Аханъ (рыболовн. снасть). I. 63.—Кармакъ (уда). III. 448. —

Баскакъ. I. 108. — Тарханъ. VI. 29. — Басма. I. 108.—Девтеръ (грамота: Цар. Л. 180). II. 572.—Ярлыкъ (Др. Л. II, 84). II. 1014. —

Алтынъ. I. 23.—Барышъ. I. 106.—Деньга. II. 588.—

Башня. I. 113.—Сарай. V. 341. —

Арчакъ (сѣдельн. дерево). I. 53.—Сайдакъ (вооруженіе стрѣлометное). V. 326.—

Бахча. I. 111.—Буеракъ (оврагъ). I. 368. —

Бузунъ (соль). I. 373.—Бурда. I. 386. —

Балалайка. I. 88. —

Буланый. I. 380. —

Венгерскія.

Анталь (боченокъ). I. 36.—Гайдукъ. II. 16. —

Шведскія.

Аренда. I. 44.—Безмень. II. 120.

Норвежское.

Аккула. I. 16. —

Голландскія.

Морск.: Бакенъ (знакъ мели). I. 85. — Баркотъ (обшивк. судна). I. 103.—Буеръ (судно): I. 369.—Ботъ. I. 302.—Буй (поплавокъ, привязан. къ якорю). I. 375. — Галиотъ (судно). II. 18. —

Анкерокъ (мѣра для жидк. вещ.) I. 35.—Апельсинъ. I. 38.—Бакаутъ (дерево). I. 84.—Блокъ. I. 229. —

Польскія.

Вензель. I. 597. — Вилчура (обыкновенно *винчура*-волчьа шуба). I. 812. — Гаковница (орудіе). II. 16. — Голдъ. II. 176. —

Не обозначено, что иностранныя:

Микроскопъ, Милліонъ. IV. 130. — Оптика, Катопріа. IV. 637. — Сертукъ. V. 436. — Сиропъ. V. 457. — Скинопигія. V. 476. — Тригонометрія. VI. 267. — Фортификація. VI. 495. — и т. д.

81) Опытъ исторіи императорской російской академіи. Первый періодъ, написанный А. Красовскимъ. 1849. стр. 61. —

82) Записки російской академіи. Собраніе 25 ноября 1784 года; л. 55. —

83) Записки російской академіи. Собраніе 14 декабря 1790 года; ст. II, л. 210. —

84) Исторія російской академіи: I, стр. 132—134, 182—183, 260—265;—II, 142, 144, 375;—III, 113, 160—168;—V, 36—37, 294—296;—VII, 44—45, 112—113, 123, 149—151, 158—160. —

85) Записки російской академіи. Собраніе 13 декабря 1791 года; ст. II, л. 240. —

86) Записки російской академіи. Собраніе 29 декабря 1789 года; ст. II, л. 178. —

87) Записки російской академіи. Собраніе 15 января 1793 года; ст. I, л. 39—39 об. —

88) Записки російской академіи. Собраніе 10 мая 1791 г.; ст. I, л. 227. —

89) Записки російской академіи. Собраніе 24 іюля 1787 года; ст. II, л. 123 об. —

90) Записки російской академіи. Собраніе 23 августа 1785 года; ст. IV, л. 71 об. —

Словарь академіи російской. 1789. Часть I, стр. XIII—XIV. —

91) Записки российской академіи. Собранія: 8 мая 1787 г.; ст. II, л. 119 и 6 ноября 1787 года; ст. II, л. 135.—

92) Записки российской академіи. Собраніе 12 марта 1784 года; ст. VII, л. 43.—

93) Записки российской академіи. Собранія: 23 августа 1785 года; ст. VI, л. 72;—14 марта 1786 года; ст. IV, л. 88—89;—2 мая 1786 года; ст. I, л. 91—91 об.—

94) Записки российской академіи. Собранія: 6 іюля 1784 г.; ст. I, л. 49—49 об.;—13 іюня 1786 года; ст. II, л. 95 об.—

95) Записки российской академіи. Собраніе 16 октября 1787 года; ст. I, л. 131.—

96) Церковный словарь, или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ, сочиненный московскаго архангельскаго собора протоіереемъ и московской духовной консисторіи членомъ Петромъ Алексіевымъ, разсматриванный Вольнымъ российскимъ собраніемъ при императорскомъ московскомъ университетѣ и изданный по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода канторы. Печатанъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1773 года.—

Дополненіе къ Церковному словарю, сочиненное московскаго архангельскаго собора протоіереемъ, императорскаго московскаго университета катехизаторомъ и Вольнаго российскаго собранія при томъ же университетѣ членомъ Петромъ Алексѣевымъ, съ приобщеніемъ къ оному нѣкоторыхъ церковныхъ ірмосовъ, вновь преложенныхъ и приведенныхъ въ стихи, изданное по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода члена, преосвященнѣйшаго архіепископа московскаго и калужскаго и свято-троицкія сергіевы лавры священно-архимандрита Платона. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1776 года.—

Продолженіе Церковнаго словаря, сочиненное московскаго архангельскаго собора протоіереемъ, императорскаго московскаго университета катехизаторомъ и Вольнаго российскаго со-

бранія при томъ же университетѣ членомъ Петромъ Алексѣевымъ, изданное по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода члена, преосвященнѣйшаго архіепископа московскаго и калужскаго и свято-троицкія сергіевы лавры священно-архимандрита Платона. Печатано въ типографіи императорскаго московскаго университета, 1779 года. —

97) Исторія російской академіи. I, стр. 308—336, 341—343. —

98) Записки російской академіи. Собрание 13 декабря 1791 года; ст. II, л. 240. —

99) Російскій Целларіусъ, или этимологическій російскій лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ, въ російскомъ языкѣ во употребленіе принятыхъ словъ, такожь съ сокращенною російскою этимологіею, изданный М. Францискомъ Гелтергофомъ, нѣмецкаго языка лекторомъ въ императорскомъ московскомъ университетѣ (Тоже заглавіе по нѣмецки: *Der russische Cellarius, oder Etymologisches russisches wörterbuch, etc.*). Печатанъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1771 года. —

100) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго московскаго университета. 1855. Часть I, стр. 191—192. —

101) Російскій Целларіусъ. 1771. Читателю наставленіе. —

102) Словарь, французскою академіею сочиненный и четвертымъ тисненіемъ изданный въ Парижѣ 1762 г., а въ С.-Петербургѣ напечатанный съ прибавленіемъ російскаго языка, въ 1773 году. Буква А. — (Буква А поручена переводчику академіи наукъ Самсону Волкову). —

103) Записки російской академіи. Собрания: 1 апрѣля 1788 года; ст. II, л. 148 и 29 апрѣля 1788 года; ст. II, л. 149. —

104) Записки російской академіи. Собрание 11 ноября 1783 года; ст. VI, л. 18—18 об. —

105) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. 1863. стр. 80. —

106) Histoire des quarante fauteuils de l'académie française depuis la fondation jusqu'à nos jours. 1635—1855. Par M. Tyrtée Tastet. 1855. T. I, стр. 53.—

107) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Olivet, avec une introduction, des éclaircissements et notes par M. Ch.-L. Livet. 1858. I. 23, 102, 110—112. —

108) Le dictionnaire de l'académie française. A Paris. 1694. Preface. —

109) Nouveau dictionnaire de l'académie française. Paris. 1718. Preface. —

110) Le dictionnaire de l'académie française. 1694. Preface. —

111) Le dictionnaire de l'académie française. 1740. Preface. —

112) Le dictionnaire de l'académie française. 1694. Preface. —

113) Записки российской академіи. Собрание 4 августа 1789 года; ст. II, л. 170—170 об. —

114) С. Петербургскія вѣдомости. 1789 года; августа 7, № 63. стр. 994. —

115) Записки российской академіи. Собрания: 13 октября 1789 года; ст. I, л. 173; — 23 ноября 1790 года; ст. I, л. 204 об.—205. —

116) Новый российский-французско-нѣмецкій словарь, сочиненный по словарю российской академіи Иваномъ Геймомъ. Москва. Три тома. Первый томъ вышелъ въ 1799 году; второй—въ 1801 г.; третій—въ 1802 г. Томъ I. Предисловіе. —

Полный российский-нѣмецкій словарь, по большому словарю российской академіи сочиненный Иваномъ Геймомъ. Часть вторая, содержащая российское съ нѣмецкимъ переводомъ. Въ Ригѣ и Лейпцигѣ, 1800 года. —

117) Göttingische Anzeigen von gelehrten sachen. 147 stück. Den 12 september 1801. стр. 1463—1464, 1468—1471. —

118) Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ I.

Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. 1885. стр. 154. —

119) *Jahrbücher der literatur.* Wien. 1825. Neun und zwanzigster band. стр. 53—70. —

120) *Dobrowsky's Slavin.* Von W. Hanka. Prag. 1834. стр. 260. —

121) *Litterarische Nachrichten von einer auf veranlassung der böhm. gesellschaft der wissenschaften im jahre 1792 unternommenen reise nach Schweden und Russland.* Von I. Dobrowsky. Prag. 1796. стр. 113. —

122) Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію. Сочиненіе Іосифа *Добровскаго*. 1833. Часть I, стр. 269. —

123) Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря. Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Втораго отдѣленія академіи наукъ. стр. 43. Здѣсь помѣщены мнѣнія: Павскаго, Даля, Греча, Шевырева, О. И. Буслаева, Я. К. Грота. —

124) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1848. № 6. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный II Отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. С. Петербургъ. 1847. Статья вторая. И. И. Срезневскаго. стр. 6—8. —

125) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. Второе изданіе. 1867. Томъ I. Предисловіе. стр. X—XI. —

126) Записки російской академіи. Собранія: 5 августа 1794 года; ст. III, л. 67 об.—68; — 10 августа 1794 года; ст. V, л. 69 об.—70. —

127) Записки російской академіи. Собранія: 7 мая 1799 года, ст. II;—28 мая 1799 года, ст. V;—14 іюля 1800 года, ст. VII. —

128) Записки російской академіи. Собраніе 19 января 1801 года; ст. I, л. 3. —

129) Записки російской академіи. Собраніе 8 іюня 1801 года, ст. III, л. 53 об.—54. —

130) Записки российской академіи. Собрание 31 августа 1801 года; ст. VI, л. 130 об. —

131) Записки российской академіи. Собрание 31 мая 1802 года; ст. IV, л. 150. —

132) Записки российской академіи. Собрание 21 сентября 1801 года; ст. II, л. 155 об. —

133) Записки российской академіи. Собрание 6 іюля 1801 года; ст. X, л. 80—80 об. —

Ср. Исторія российской академіи. II, стр. 377. —

134) Записки российской академіи. Собрание 21 іюня 1802 года; ст. V, л. 169 об. —

135) Записки российской академіи. Собрание 18 января 1802 года; ст. VI, л. 13—13 об. —

136) Записки российской академіи. Собрание 3 сентября 1804 года; ст. III, л. 267—267 об.; 212—213 об. —

137) Записки российской академіи. Собрания: 23 ноября 1801 года; ст. II, л. 169 об.;—16 декабря 1805 года; ст. I, л. 379—379 об.;—5 октября 1807 года; ст. II, л. 242 об.;—24 іюля 1809 года; ст. I, л. 206;—18 января 1813 года; № 3, ст. I—26 августа 1816 года; № 29, ст. I;—29 сентября 1817 года; № 33, ст. I;—12 февраля 1821 года; № 6, ст. 8. —

138) Jahrbücher der literatur. Wien. 1825. Neun und zwanzigster band. Slovar akademii rossijskoj; стр. 53—70. —

139) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. 1826. № 11. Библиографическіе листы. 1825. стр. 470. —

140) Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича, 1885. Письмо Добровскаго къ П. И. Кеппену, 15 декабря 1826 года; стр. 679. —

141) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. Второе изданіе. 1867. Томъ I, стр. X. —

142) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1848. № 6. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, состав-

ленный Вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. Статья вторая. И. И. Срезневскаго; стр. 8—9.—

143) Записки российской академіи. Собранія: 5 августа 1794 года; ст. II, л. 67 об.;—16 сентября 1794 г.; ст. II, л. 71;—23 сентября 1794 года; ст. I, л. 71 об.;—7 октября 1794 г.; ст. I, л. 72;—21 октября 1794 года; ст. I, л. 73.—

144) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла Главнаго управленія цензуры, 1819 года; № 28, л. 2.—

145) Записки российской академіи. Собранія: 24 февраля 1795 года; ст. I, л. 77;—2 апрѣля 1799 года;—7 мая 1799 года; ст. II;—28 мая 1799 года; ст. II;—18 мая 1801 года; ст. II, л. 39 об.;—8 июня 1801 года; ст. VIII, л. 54 об.;—24 декабря 1801 года; ст. V, л. 211 об., и мн. др.—

146) Записки российской академіи. Собраніе 18 октября 1796 года; ст. I, л. 110—110 об.—

147) Записки российской академіи. Собраніе 1 ноября 1796 года; ст. I, л. 113—113 об.—

148) Записки российской академіи. Собраніе 7 февраля 1797 года; ст. II, л. 123—123 об.—

149) Записки российской академіи. Собранія: 5 августа 1794 года; ст. II, л. 67 об.;—10 августа 1794 года; ст. III, л. 69.—

Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла Главнаго управленія цензуры, 1819 года; № 28, л. 2—2 об.—

150) Россійская грамматика, сочиненная императорскою российскою академіею. Въ Санктпетербургѣ, печатана въ императорской типографіи иждивеніемъ российской академіи, 1802 г.; стр. I—IV.—

151) Lehrgebäude der russischen sprache, von Anton Jaroslaw Puchmayer. Prag. 1820. Vorrede; стр. XXVII—XXVIII.— Предисловіе подписано: Joseph Dobrowsky, mitglied der kais. russ. akademie.—

152) Сынъ отечества. 1819. Часть пятьдесятъ пятая.

№ XXIX, стр. 132;— № XXXI, стр. 209—228;— № XXXII, стр. 241—256;— № XXXIII, стр. 306—325.—

153) Записки российской академіи. Собрание 10 августа 1794 года; ст. II, л. 69.—

154) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла Главнаго управленія цензуры, 1819 года; № 28.—

155) Записки российской академіи. Собрание 7 сентября 1801 г.; ст. I, л. 143 об.—144; Приложение, л. 148—149.—

156) Записки российской академіи. Собрания: 8 июня 1801 года; ст. IV, л. 54;— 12 октября 1801 года; ст. II, л. 174 об., 177;— 28 сентября 1801 года; ст. IV, л. 159 об.—160;— 16 ноября 1801 года; ст. III, л. 195.—

157) Записки российской академіи. Собрания: 13 июля 1801 года, ст. I, л. 85—85 об.;— 20 июля 1801 года, ст. V, л. 91—91 об.;— 24 августа 1801 года, ст. IV, л. 125 об.—126. Приложение, л. 127.—

158) Исторія российской академіи. 1885. Выпускъ VII. стр. 46—47, 51, 173—176.—

159) Записки российской академіи. Собрание 16 ноября 1801 года, ст. I, л. 194 об.—

160) Записки российской академіи. Собрание 28 июля 1800 года, ст. II.—

161) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1803 года. Картонъ 644, № 11122.—

162) Записки российской академіи. Собрание 18 мая 1801 года, ст. III, л. 39 об.—

163) Исторія российской академіи. Выпускъ VII, стр. 396.—

164) Записки российской академіи. Собрание 16 декабря 1796 года, ст. III—V, л. 115 об.—116 об.—

165) Записки российской академіи. Собрание 5 июня 1801 года, ст. II, л. 49—50.—

166) Записки российской академіи. Собрание 21 июня 1802 года, ст. II, л. 168 об., 171—174. Приложение.

167) Записки российской академии. Собрание 21 января 1822 года, ст. II. Приложение.

168) Записки российской академии. Собрания: 12 июля 1804 года, ст. IV, л. 156—156 об.;—7 декабря 1804 года, ст. IV, л. 315 об.—

169) Записки российской академии. Собрание 3 декабря 1810 года; ст. II. —

170) Записки российской академии. Собрание 13 августа 1804 года, ст. II. Приложение. л. 183—183 об. —

171) Histoire des quarante fauteuils de l'académie française, par M. Turgée Tastet. 1855. T. I, стр. 82—104. —

172) Записки российской академии. Собрания: 3 декабря 1810 года, ст. II.—IV;—1 октября 1810 года, ст. V;—19 ноября 1810 года, ст. II;—22 октября 1810 года, ст. I.—

173) Записки российской академии. Собрание 19 марта 1804 года, ст. III, л. 68 об.—70. —

174) Записки российской академии. Собрания: 14 мая 1810 года, ст. I;—23 июля 1810 года, ст. II. —

175) Труды императорской российской академии. 1840. Часть I. стр. 74, 77, 82.—

176) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. А. Дмитриева. 1869. стр. 226—229. —

177) Записки российской академии. Собрание 22 января 1810 года, ст. III. —

178) Записки российской академии. Собрания: 16 июля 1804 года, ст. II, л. 161 об.; — 20 октября 1804 года, ст. III, л. 263 об. —

179) Записки российской академии. Собрание 29 февраля 1808 года; ст. I, л. 45—45 об. —

180) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I. стр. 119. —

181) Исторія российской академии. VII, стр. 191—193.—

182) Исторія российской академии. I, стр. 374—375. —

183) Исторія російской академіи. VII, стр. 194 — 196, 206—213 и др.—

184) Извѣстія російской академіи. 1815. Книжка первая, стр. 2—6.—

185) Рукопись російской академіи. 1839 года, № 15. Приговоръ академіи состоялся въ собраніи 17 февраля 1840 года.—

186) Рукописи російской академіи. Предложеніе Шишкова сдѣлано 21 августа 1820 года; отзывъ комитета представленъ 26 августа того же года.

187) Рукопись російской академіи: «Мнѣніе разсматривательнаго комитета академіи о переводѣ г. Раича, съ латинскаго языка на російскій, Виргиліевыхъ Георгикъ стихами, напечатанномъ въ Москвѣ 1821 года и посвященномъ російской академіи».

188) Рукопись російской академіи: «Мнѣніе разсматривательнаго комитета императорской російской академіи о читанной имъ рукописи подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Павла Межакова*».

Стихотворенія Павла Александровича Межакова вышли въ 1817 году (безъ имени автора) подъ заглавіемъ: *Уединенный тѣвезъ*. Въ этомъ изданіи помѣщено осужденное академіею *Воспоминаніе* (стр. 43—45) такого содержанія:

Простерла ночь густой покровъ
 На скромную обитель...
 Вотъ часъ, въ который обольщаль
 Я аргусовъ ревнивыхъ,
 И Зафну робкую сжималь
 Въ объятіяхъ счастливыхъ!
 Здѣсь къ намъ на радужныхъ крылахъ
 Толпа утѣхъ слетала,
 И милая въ моихъ рукахъ
 Стыдливость оставляла!

Напрасно честь любви грозить
 Ярмомъ предразсуждений:
 Она въ душѣ не истребить
 Природныхъ побуждений...

Въ 1828 году вышли въ свѣтъ *Стихотворенія Павла Межакова*. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ въ 1821 году, подъ заглавіемъ: *Мой портретъ*, авторъ говоритъ:

...Мнѣ тридцать лѣтъ...
 Назначено — на бѣломъ свѣтѣ
 Мнѣ быть поэтомъ или ничѣмъ...
 Мой родъ хотя не изъ знатнѣйшихъ,
 Но я дворянъ російскихъ сынъ:
 Я разумѣю — дворянинъ
 Временъ старинныхъ, не новѣйшихъ...
 Я въ сердцѣ презираю шайку
 Либералистовъ записныхъ...
 ...И пѣснь свободѣ напѣвалъ...

189) Рукопись російской академіи. 1835 года, № 28: «О разсмотрѣніи правилъ стихотворенія, Пенинскаго».

190) Рукопись російской академіи. 1836 года, № 18: «О разсмотрѣніи сочиненій: 1) Руководство къ изученію русской словесности, г. Георгіевскаго, и 2) Полезное чтеніе для дѣтей, соч. Ярцовой, — заслуживаютъ ли они демидовской преміи». Мнѣніе комитета принято російскою академіею въ собраніи 20 марта 1837 года. Членами комитета были: Панаевъ, Лобановъ, Востоковъ и Ѳедоровъ. —

191) Рукопись російской академіи. 1841 года, № 6: «О разсмотрѣніи Корнеслова г. Шимкевича». Отзывъ комитета представленъ 7 июня 1841 года. —

192) Рукопись російской академіи. 1836 года, № 19: «О разсмотрѣніи болгарской грамматики Венелина». Опредѣленіе академіи состоялось въ собраніи 16 января 1837 года. —

193) Рукопись российской академіи. 1836 года, № 20: «О разсмотрѣніи сочиненія г. Венелина: «Филолого-критическое объясненіе гунскихъ именъ». Рѣшеніе академіи послѣдовало 16 января 1837 года.

194) Уставъ, или «Краткое начертаніе императорской российской академіи» помѣщено нами въ Исторіи российской академіи. 1874. Выпускъ первый; стр. 360—363. —

195) Записки российской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года; ст. IV, л. 17 об. —

Рукопись российской академіи:

УСТАВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

1.

Императорская российская академія состоятъ имѣеть единственно подъ высочайшимъ покровительствомъ императорскаго величества.

2.

Императорская российская академія имѣеть употреблять двѣ печати: одну для дипломъ, даваемыхъ членамъ академіи, а другую для печатанія исходящихъ дѣлъ по академіи.

3.

На печати, употребляемой для дипломъ, вверху изображень парящій орелъ, у коего въ одной лапѣ рогъ изобилія, подъ которымъ недалеко представлена сидящая женщина, означающая исторію. Она держитъ въ рукахъ книгу, въ которой пишетъ. На другой сторонѣ подъ орломъ изображена сидящая же женщина, имѣющая въ рукахъ лиру. Между ними лежатъ книги и свертки бумагъ, осыпаемые богатствомъ изъ рога изобилія.

4.

На печати для исходящихъ дѣлъ вырѣзанъ двуглавый российский орелъ съ подписью вокругъ: *Печать императорской российской академіи.*

5.

Главный предметъ российскія академіи состоятъ долженъ въ обогащеніи и очищеніи языка российскаго, и въ распространеніи словесныхъ наукъ въ государствѣ.

6.

Но какъ чистота и надлежащій языка порядокъ зависигъ отъ принятыхъ и утвержденныхъ правилъ, то да будетъ первымъ академіи упражненіемъ сочиненіе полной и вычищенной российской грамматики.

7.

Богатство языка явствуетъ изъ обилія словъ и реченій (фразесовъ), когда всякая вещь, всякая мысль и всякое дѣяніе собственными словами или реченіями изображается. Таковымъ обиліемъ языкъ российский преимущественно хвалиться можетъ, будучи составленъ, такъ сказать, изъ двухъ языковъ, т. е. древняго, или славенскаго и отъ сего происшедшаго—нынѣ употребляемаго. Посему российская академія да приложитъ свое стараніе къ собранію всѣхъ словъ и реченій, и составитъ полный словарь, съ точнымъ опредѣленіемъ каждаго слова и реченія, и съ изъясненіемъ ихъ употребленія въ низкой, или простонародной рѣчи, въ среднемъ или возвышенномъ слогѣ; въ пословицахъ, въ разговорахъ шуточныхъ или дружескихъ, въ разныхъ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ. Къ чему немало послужитъ рачительное собраніе разныхъ названій вещамъ и произведеніямъ, употребляемыхъ въ различныхъ областяхъ российскія имперіи.

8.

Краснословіе языка зависить отъ расположенія словъ и мѣры оныхъ, и всякая рѣчь, порядочно расположенная, имѣеть въ себѣ нѣкоторый родъ согласія, не токмо въ стихахъ, но и въ свободномъ слогѣ. И посему російская академія да составитъ правила, какъ ударенія словъ, такъ и краснорѣчія, заимствуя оныя изъ свойства языка славено-россійскаго.

9.

Не исключаются равнымъ образомъ изъ упражненій академикомъ объясненія російскихъ древностей, частныя описанія достопамятностей російскія исторіи и знаменитыхъ новѣйшихъ происшествій чистымъ и витѣватымъ слогомъ, также и стихами писанныя; равнымъ образомъ изобрѣтенія на оныя памятниковъ и медалей; краткія остроумныя надписи, нравственныя и другія творенія, до словесныхъ наукъ касающіяся.

10.

Таковыя ума и раченія произведенія должны составить дѣянія академіи російской, которыя долженствуютъ быть раздѣлены на разныя, для всякаго рода твореній, главы и издаваемыя въ печать погодно, вмѣщая въ оныя описаніе памятниковъ и медалей на знаменитыя происшества, до сего времени въ російскомъ государствѣ сдѣланныя; выручаемыя же отъ продажи таковыхъ книгъ деньги да будутъ обращены на пользу академіи.

11.

Но какъ такового рода книги не могутъ быть сочинены малымъ числомъ людей, посему російская академія состоять имѣеть:

- 1) Изъ предсѣдателя,
- 2) Изъ 60 членовъ, полагая въ числѣ ихъ предсѣдателя и секретарей,
- 3) и изъ двухъ секретарей.

12.

Предсѣдатель опредѣляется изъ знатнѣйшихъ особъ, по волѣ императорскаго величества. Онъ доноситъ высочайшей особѣ о всѣхъ нуждахъ академіи, и чрезъ него академія получаетъ высочайшія повелѣнія.

13.

Во всѣхъ собраніяхъ имѣетъ предсѣдатель первое мѣсто, и печется о соблюденіи въ академическихъ собраніяхъ должнаго порядка. Въ отсутствіи жъ занимаетъ его мѣсто старшій членъ. Онъ одинъ имѣетъ право въ нужномъ случаѣ назначить чрезвычайныя собранія.

14.

На случай долговременной его отлучки избираетъ онъ на свое мѣсто одного изъ знатнѣйшихъ членовъ академіи попечителемъ, и представляетъ о семъ императорскому величеству на конфирмацію.

15.

Предсѣдатель, имѣя всѣ почести и права, членамъ академіи принадлежащія, кромѣ предсѣдательства, предлагаетъ при выборѣ на убылыя мѣста одного со своей стороны кандидата въ члены.

16.

При выборѣ членовъ по жеребьямъ, когда случится, что поровну выйдетъ жребій какъ утверждающихъ, такъ и отрицающихъ, тогда предсѣдатель имѣетъ право рѣшить сіе своимъ приговоромъ, и дѣлаетъ перевѣсъ.

17.

Въ секретари назначаетъ единственно предсѣдатель.

18.

Всѣ служители при академіи, какъ-то: переводчикъ, казны хранитель и писцы, единственно отъ выбора предсѣдателя зависятъ.

19.

Сумма, опредѣленная на академію, состоитъ въ точномъ вѣдѣніи и расположеніи предсѣдателя, и въ сей никому не даетъ онъ отчета, кромѣ высочайшей особы императорскаго величества, по прошествіи каждаго года.

20.

Въ дѣлахъ ученыхъ, предсѣдатель, или самъ, или чрезъ секретарей, отбираетъ мнѣнія отъ присутствующихъ членовъ, начиная со старшаго члена по порядку; свой же голосъ даетъ въ семъ случаѣ послѣдній.

21.

О членахъ и собраніяхъ академіи.

Въ члены академіи избирать желающихъ принять на себя добровольно труды академическіе, кои нужныя знанія и способности имѣть будутъ, и уже каковымъ-либо знаменитымъ сочиненіемъ на языкѣ російскомъ отличилия.

22.

На убылыя мѣста членовъ предлагаетъ каждый членъ по одному кандидату; но представляющій кандидата членъ долженъ быть увѣренъ о желаніи представляемаго быть принятъ въ академію. Выборъ же бываетъ по жеребьямъ и по большинству оныхъ.

23.

Всякій избранный членъ имѣетъ получать на сіе званіе диплому.

24.

Члены имѣютъ въ собраніяхъ засѣданія свои по старшинству ихъ вступленія въ академію.

25.

Всѣ члены въ дѣлахъ, до словесныхъ наукъ касающихся, имѣютъ равный голосъ, который объявляютъ или изустно, или письменно.

26.

Всякій членъ долженъ пещись о чести и славѣ академіи и соучаствовать во всѣхъ трудахъ оныя.

27.

Каждый членъ академіи обязанъ не печатать мимо ея сочиненій тѣхъ, кои составляютъ общій трудъ академіи, равномерно и всѣхъ тѣхъ, кои до правилъ и исправленія россійскаго языка принадлежать могутъ.

28.

Если кто изъ членовъ пришлетъ сочиненіе свое подъ закрытымъ именемъ, то о такомъ секретарь докладываетъ председателю, и съ его приказанія читаетъ оное въ собраніи, оставляя имя сочинителя въ скрытности до тѣхъ поръ, пока оное не одобрено будетъ всѣмъ собраніемъ, или же самъ сочинитель вызовется. Если же такое сочиненіе одобрено не будетъ, то да отошлется назадъ приславшему.

29.

Въ собраніяхъ академическихъ члены мнѣнія свои, какъ въ разговорахъ, такъ и сочиненіяхъ, да предлагаютъ съ пристойнымъ мѣсту уваженіемъ и безъ личнаго огорченія.

30.

Академія съ общаго согласія можетъ возложить на члена

какое-либо сочиненіе или выборъ изъ какой-либо книги, могущей принести пользу трудамъ академіи, съ собственнымъ его на то согласіемъ; и тогда таковой членъ обязанъ безпрекословно исполнить опредѣленіе оныя.

31.

Обыкновенныя академіи собранія имѣютъ быть одинъ разъ въ недѣлю, въ день субботный, отъ 10 до 12 часовъ, въ которыхъ, кромѣ общихъ трудовъ, желающіе члены могутъ читать какое-либо полезное сочиненіе, почерпнутое изъ предметовъ выше-сказанныхъ, объявля однакожь о томъ предъ собраніемъ предсѣдателю, дабы онъ могъ какъ временемъ расположить, такъ и обратить на оное вниманіе прочихъ членовъ. Присылаемыя къ секретарю сочиненія читаются по очереди вступленія ихъ въ присылку; недочитанныя же въ одно собраніе, читаются въ слѣдующемъ.

32.

По окончаніи cadaго собранія да дастся присутствующему члену чрезъ секретаря академіи жетонъ, на коемъ *ключемъ премудрости*, отверзающимъ путь къ общимъ свѣдѣніямъ, повѣшеннымъ на земномъ шарѣ, изображена *грамматика*, съ которою непосредственно соединены *вѣдѣніе* и *стихотвореніе*. Сія три науки, составляющія предметъ россійской академіи, основаніемъ своимъ имѣютъ *просвѣщеніе*, изображенное *книгою*. На цоколѣ, на которомъ она положена, написанъ 1783 годъ, въ который сіе полезное учрежденіе начало свое возымѣло.

На оборотѣ изображено:

Справедливое награжденіе отъ имени Екатерины Вторыя.

Надпись:

Императорская россійская академія.

33.

Кромѣ обыкновенныхъ собраній академія да празднуетъ

торжественно 25-го ноября, т. е. на другой день великомученицы Екатерины, въ память основательницы своея—Екатерины Вторыя, въ который при всемъ собраніи да прочтется краткая выпись трудовъ каждаго члена, и да опредѣлится большинствомъ жребій сочиненію, принесшему російскому слову отличную пользу, награжденіе большой золотой медали.

34.

Большая золотая медаль на одной сторонѣ имѣетъ изображеніе ея императорскаго величества; на оборотѣ то же самое, что и на жетонѣ, съ надписью: *Россійскому слову отличную пользу принесшему.*

35.

Въ обыкновенныя академіи собранія никто, кромѣ членовъ, входу имѣть не можетъ, развѣ введенъ будетъ по приказанію предсѣдателя чрезъ секретаря, для представленія на судъ академіи какого-либо полезнаго, на російскомъ языкѣ писаннаго, сочиненія.

36.

Во время же торжественнаго собранія имѣютъ свободный входъ всѣ любители російскаго слова и благородные люди.

37.

О секретаряхъ академіи.

Секретари должны быть непремѣнные, имѣющіе почести и голосъ, равномѣрные съ прочими членами.

38.

Должность секретарей есть рачительно записывать всѣ сочиненія, по старшинству ихъ вступленія, и вести поденную записку всему тому, что въ собраніяхъ бываетъ предлагаемо, разсматриваемо, читано и опредѣлено академією по большинству голо-

совъ, даваемыхъ членами, которую подписываютъ предсѣдатель и секретари.

39.

Но всѣ опредѣленія, по сему исходящія какъ для членовъ академіи, такъ и для тѣхъ, кому имѣть оныя нужно, подписываютъ одни секретари. Дипломы же подписываетъ предсѣдатель и секретари.

40.

Секретари хранятъ печати академическія, записки и прочія дѣла, до собранія касающіяся, и въ исходѣ года предлагаютъ собранію выписку изъ того, что въ семъ примѣчанія достойнаго происходило; имъ же препоручается и всякая могущая случиться переписка съ академіею.

41.

Они попечительствуютъ о изданіи академическихъ дѣяній, и во время печатанія оныя справляютъ; однако дозволяется и всякому члену просматривать корректуру своего сочиненія, буде онъ сего похочетъ.

42.

Во время торжественныхъ собраній, буде тотъ изъ членовъ, коего сочиненія и труды признаны достойными преждесказаннаго награжденія, за какимъ-либо препятствіемъ сочиненія своего читать не возможетъ, въ такомъ случаѣ сіе да исполнено будетъ однимъ изъ секретарей.

43.

Секретари равнымъ образомъ, имѣютъ погодно въ своемъ смотрѣніи книгохранительницу и другія достопамятныя вещи, принадлежащія академіи. Книгамъ и вещамъ одинъ списокъ хранится въ собраніи, а другой имѣетъ у себя хранитель.

44.

Когда кто изъ членовъ академіи требовать будетъ отъ се-

кретарей видѣть какое сочиненіе или письмо, вступившее въ академію, или отъ хранителя какую-либо книгу, или вещь, то они должны показывать оныя; но списывать, или срисовывать, колыми паче давать на домъ требуемое не можетъ ни тотъ, ни другой безъ письменнаго приказанія предсѣдателя.

45.

При перемѣнѣ же ихъ, по прошествіи года должны они за общимъ подписаніемъ подать опись всѣмъ вещамъ, академіи принадлежащимъ, о ихъ цѣлости и состояніи.

46.

Императорской российской академіи нужно имѣть искуснаго переводчика, который бы не токмо съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго или французскаго языковъ могъ переводить на російскій, но чтобы былъ въ состояніи писать на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

47.

Для переписки всѣхъ касающихся ко академіи дѣлъ имѣть четырехъ писцовъ.

48.

Для храненія опредѣленной на академію суммы и жетоновъ имѣть казны хранителя, который ведетъ и расходныя книги.

49.

На учрежденіе и содержаніе сего новаго основанія, опредѣляется въ годъ пять тысячъ рублей; жетоны же и золотую медаль, всего на тысячу рублей, имѣеть академія получать изъ монетнаго департамента.

50.

Секретарямъ академіи производить каждому по 800 рублей въ годъ, переводчику 500 рублей, казны хранителю 300 рублей,

писцамъ каждому по 200 рублей, тремъ сторожамъ по 36 рублей каждому.

51.

Домъ для собраній академическихъ имѣеть быть казенный.

52.

Сей уставъ по рассмотрѣнїи академіею и по воспослѣдованїи высочайшей конфирмаціи долженъ быть напечатанъ.

196) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, № 11142:

ПРОЕКТЪ УСТАВА РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

ГЛАВА I.

О составѣ и обязанностяхъ академіи.

СТАТЬЯ 1-Я.

Императорская россійская академія, состоя подъ непосредственнымъ нашимъ покровительствомъ, согласно съ намѣреніемъ великой основательницы ея, вселюбезнѣйшей бабки нашей, да посвятить бдѣнія свои усовершенствованію россійскаго слова, изысканію красотъ его въ прозѣ и стихахъ, постановленію правилъ языка и вкуса, и тщательному изслѣдованію достопамятныхъ происшествій и древностей отечества. Объемля весь округъ письменъ, поставитъ она себѣ прїятнымъ подвигомъ возбуждать писателей россійскихъ безпристрастнымъ сужденіемъ о ихъ сочиненіяхъ и предчувствованіемъ общаго мнѣнія. Такимъ образомъ обратитъ она превосходство россійскаго языка въ орудіе просвѣщенія и общей славы.

СТАТЬЯ 2-Я.

Число особъ, воспріемлющихъ на себя званіе академиковъ, да будетъ шестьдесятъ.

СТАТЬЯ 3-Я.

Изъ оныхъ двадцать особъ, уваженія ради почетными именуемыхъ и занимающихъ первыя мѣста государственныя, не обязуются, по причинѣ важныхъ дѣлъ, имъ препорученныхъ, къ настоящимъ академическимъ упражнѣніямъ, свидѣтельствуя сопричтеніемъ своимъ къ сему сословію любовь къ отечественному языку и письменамъ, придаютъ они сіяніе и ободреніе трудамъ академіи, въ которыхъ участвовать отъ нихъ зависитъ.

СТАТЬЯ 4-Я.

Упражненія академикомъ должны состоять: въ сочиненіяхъ, составляющихъ постоянное употребленіе и чистоту языка; въ сообщеніи другъ другу взаимныхъ совѣтовъ при чтеніи сочиненій своихъ; въ изобрѣтеніи способовъ возвысить російскую словесность и сдѣлать ее предметомъ общественнаго вниманія; въ ободреніи любителей къ предложенію преимущественно древнихъ писателей и къ соревнованію съ новѣйшими; въ назначеніи награжденій рождающимся дарованіямъ.

СТАТЬЯ 5-Я.

Академія назначаетъ золотыя медали за превосходнѣйшія изъ твореній, вступающихъ на три задачи, которыя она предлагаетъ въ началѣ каждаго года, и серебряныя медали за творенія, ближе прочихъ подходящія къ достоинству первыхъ.

СТАТЬЯ 6-Я.

Таковыя задачи должны относиться къ стихотворству во всѣхъ родахъ, къ краснорѣчію и критикѣ попеременно, къ исторіи и древностямъ отечества.

СТАТЬЯ 7-Я.

Просвѣщенная критика, строгая къ сочиненіямъ, снисходительная къ писателямъ, ожидаетъ существованія своего отъ сое-

диненія знаній, опытности и безпристрастія, каковыя предполагаются въ академіи, и установленіе общаго мнѣнія о писателяхъ отечественныхъ есть одно изъ ея занятій. Она можетъ задавать критическія разсужденія, которыя содержали бы правила вкуса и письменъ.

СТАТЬЯ 8-Я.

Исторія отечественная, одинъ изъ главныхъ предметовъ академіи, есть верховный трудъ, ожидающій писателя. Академія тщательно да прійметъ всѣ опыты, въ общей или частной исторіи отечества предприемлемые; да начертаетъ путь и способствуетъ любителямъ показаніемъ источниковъ, средствъ и затрудненій, такъ какъ и образа писанія. Она можетъ предлагать избранныя ею эпохи російской исторіи къ соревнованію писателей.

СТАТЬЯ 9-Я.

Желательно, чтобы въ благодарное воспоминаніе великихъ людей, которые послужили къ славіи Россіи въ искусствахъ мира и войны, въ отечественной любви и добродѣтели всякаго рода, академія присуждала иногда, въ числѣ другихъ, награжденіе краснорѣчивѣйшему похвальному слову, содержащему совершенное изображеніе подвиговъ какого-либо великаго мужа.

СТАТЬЯ 10-Я.

Тѣ переводы древнихъ и новѣйшихъ великихъ писателей, которые, представляя духъ ихъ и образъ мыслей во всей красотѣ подлинника, нерѣдко сравнены быть могутъ въ достоинствѣ съ собственнымъ произведеніемъ, заслуживаютъ также ободренія академіи.

СТАТЬЯ 11-Я.

Академія не упуститъ ободрять сей родъ словесниковъ, полезныхъ и трудолюбивыхъ, которые, напитавшись духомъ древнихъ, осмѣлятся ступать по слѣдамъ ихъ и вливать красоту и

силу ихъ въ природный нашъ языкъ, послѣдуя въ томъ примѣру древнихъ нашихъ писателей, которые присвоили славянскому языку выразительность греческаго.

СТАТЬЯ 12-Я.

Театръ есть школа нравовъ и вкуса народнаго, ежели глубокое знаніе сердца и благонамѣреніе отличаютъ драматическаго писателя. Академія прійметъ во уваженіе поощреніе таковыхъ, и назначить особливое награжденіе лучшей трагедіи или комедіи, изъ присланныхъ на сужденіе ея писателями.

СТАТЬЯ 13-Я.

Всѣ роды стихотворства впрочемъ должны составлять предметъ сужденій и ободреній ея. Слабые опыты предзнаменуютъ иногда великаго писателя, и академическія награжденія могутъ открыть дарованіе, кроющееся въ отдаленности и самому себѣ неизвѣстное, особливо въ юности, которой свойственны паренія стихотворства. Академія именуетъ въ ежегодныхъ задачахъ роды стихотворства или содержаніе требуемыхъ стихотвореній.

СТАТЬЯ 14-Я.

Сочиненія и переводы, представленные отъ писателей, непринадлежащихъ къ академіи, судятся въ обыкновенныхъ ея собраніяхъ. Труды же академиковъ подвергаются суду комитета, составленнаго изъ президента, трехъ почетныхъ и трехъ дѣйствительныхъ членовъ, съ толикимъ же числомъ назначенныхъ для заступленія ихъ мѣстъ, въ случаѣ ежели кто изъ первыхъ не можетъ присутствовать въ засѣданіи.

СТАТЬЯ 15-Я.

На основаніи предыдущей статьи, ежегодно удостоивается большой золотой медали тотъ изъ дѣйствительныхъ академиковъ, который втеченіе года отличилъ себя трудами, и наиболѣе со-

дѣйствовалъ къ чести академіи. Прочіе изъ трудившихся членовъ, по назначенію того же комитета, получаютъ соразмѣрное дѣятельности каждаго воздаяніе изъ суммы, которая назначена на ободреніе сочиненій и переводовъ.

СТАТЬЯ 16-Я.

Почетные члены, бывъ опредѣлители таковыхъ воздаяній, сами въ оныхъ никогда не участвуютъ, равно какъ и тѣ дѣйствительные члены, которые составляютъ комитетъ того года.

СТАТЬЯ 17-Я.

Сочиненія и переводы на заданныя программы присылаются въ академію за два мѣсяца, по крайней мѣрѣ, до торжественнаго ея собранія; приложатся запечатанныя записки, содержащія имя сочинителя и ознаменованныя одинакими съ сочиненіемъ девизами, изъ коихъ открыты будутъ только тѣ, при которыхъ присланное удостоено одобренія.

СТАТЬЯ 18-Я.

Академія, возвѣстивъ образомъ, показаннымъ въ статьѣ 22-й, о переводѣ книги, который она имѣть желаетъ, задаетъ къ назначенному времени избранное къ сему, примѣчанія достойное, мѣсто или главу, по преложенію которыхъ можно бы было судить о способности прелагателя.

СТАТЬЯ 19-Я.

Ежели представленный переводъ удостоится одобренія академіи, то она, увѣнчавъ оный, можетъ поручить продолженіе его по частямъ, и судить объ ономъ по сравненію съ представленнымъ образцомъ.

СТАТЬЯ 20-Я.

Ежели никакое изъ вступившихъ въ одномъ родѣ сочиненій или переводовъ не заслужитъ полнаго одобренія академіи, то ме-

даль можетъ быть присуждена тому, кто представилъ сочиненіе изящнѣйшее на предметъ, который академіею не былъ опредѣленъ. Въ случаѣ жъ невступленія и таковыхъ, медаль остается до слѣдующаго года.

СТАТЬЯ 21-я.

Академія имѣетъ право предлагать вновь тѣ же задачи, на кои она не получила удовлетворительнаго сочиненія, или назначать другія.

СТАТЬЯ 22-я.

Изображеніе трудовъ своихъ издаетъ академія ежемѣсячно подъ заглавіемъ Записокъ, въ которыхъ помѣщаетъ содержаніе читанныхъ въ засѣданіяхъ разсужденій, до языка, вкуса и исторіи касающихся, удостоенныхъ общаго одобренія; прозаическія и стихотворныя произведенія; критическія разложенія славныхъ російскихъ писателей; сужденіе новыхъ сочиненій; извѣщеніе о назначенныхъ къ предложенію книгъ и о ежегодныхъ награжденіяхъ.

СТАТЬЯ 23-я.

Торжественныя собранія бывають 21-го октября, то есть въ день открытія академіи въ 1783-мъ году.

СТАТЬЯ 24-я.

Любовь отечества представлять намъ будетъ случай изъяснить присутствіемъ нашимъ въ торжественныхъ собраніяхъ російской академіи наше уваженіе къ отечественному слову. Впрочемъ пригласятъ къ каждому такому собранію и всѣ любители російскаго языка. Открывая оное, президентъ, или одинъ изъ членовъ, произноситъ рѣчь, въ коей представляетъ произшествія академіи того года и картину успѣховъ словесныхъ наукъ въ Россіи. Потомъ возвѣщены будутъ имена сочинителей увѣчаныхъ сочиненій, и тѣхъ, которыя не бывъ предметомъ особенныхъ сужденій академіи, заслужили вниманіе общества; возвѣстятъ также и новыя задачи, академіею предлагаемыя.

СТАТЬЯ 25-Я.

Обыкновенныя засѣданія бываютъ по субботамъ, начинаясь въ 10 часовъ до полудни.

СТАТЬЯ 26-Я.

Каждый членъ, по окончаніи засѣданія, получаетъ подносимый ему серебряный жетонъ, изображающій на одной сторонѣ вензелевое имя основательницы и надпись: *Императорская российская академія*; на другой—символическое изображеніе съ показаніемъ времени ея учрежденія.

СТАТЬЯ 27-Я.

Академія имѣетъ собственную печать, которую прикладываетъ къ дипломамъ на достоинство ея членовъ. Она представляетъ російскій императорскій гербъ съ приличными украшеніями и надписью. Малая печать, сей подобная, употребляется въ другихъ случаяхъ.

СТАТЬЯ 28-Я.

Медали, раздаемыя въ награжденіе трудовъ въ поприщѣ словесности, представляютъ на одной сторонѣ образъ основательницы, а на другой символическое изображеніе предмета академіи съ приличною надписью. Серебряныя медали имѣютъ другую надпись, зависящую, какъ и первая, отъ разсужденія академіи.

СТАТЬЯ 29-Я.

Списокъ одобреннаго сочиненія или перевода, бывъ представленъ въ какую-либо типографію за подписаніемъ секретаря и приложеніемъ академической печати, приеѣмлетъ, не имѣя нужды въ другой цензурѣ.

СТАТЬЯ 30-Я.

Дабы академіи доставить удобность созерцать все, происходящее въ полѣ російской словесности, соизволяемъ, чтобы каж-

дая типографія посылала въ оную, до изданія въ свѣтъ сочиненія или перевода, въ нея напечатаннаго, одинъ экземпляръ. За неисполненіе сей статьи налагается пеня, равная цѣнѣ пятидесяти экземпляровъ, въ пользу академіи.

СТАТЬЯ 31-Я.

Библиотека академіи, составленная, по возможности, изъ всѣхъ въ Россіи вышедшихъ и въ другихъ мѣстахъ напечатанныхъ російскихъ и славянскихъ книгъ, древнихъ классическихъ авторовъ, и лучшихъ произведеній словесности на всѣхъ языкахъ, подъ вѣдѣніемъ непремѣннаго секретаря отверста для употребленія членовъ.

ГЛАВА II.

О избраніи членовъ и ихъ должностяхъ.

СТАТЬЯ 32-Я.

Президентомъ въ послѣдствіи времени назначаться нами будетъ одинъ изъ трехъ почетныхъ членовъ, которые представляются намъ отъ академіи.

СТАТЬЯ 33-Я.

По упраздненіи президентскаго мѣста, старшій членъ академіи, созывая всѣхъ на лицо состоящихъ членовъ, назначаетъ день избранія трехъ кандидатовъ, который не можетъ быть отложенъ далѣе какъ до четвертаго собранія.

СТАТЬЯ 34-Я.

Президенту преимущественно поручается исполненіе всего, предписаннаго въ семъ уставѣ. Пристойными средствами, наипаче же собственнымъ примѣромъ, будетъ онъ поощрять своихъ сотрудниковъ, представлять имъ предметы, достойные вниманія и цѣли, съ которою учреждена академія.

СТАТЬЯ 35-Я.

Онъ доноситъ намъ непосредственно о состояніи академіи, о ея упражненіяхъ, и представляетъ труды сего общества; равно желаемъ, чтобы онъ неукоснительно представлялъ намъ о пособіяхъ, какія съ нашей стороны нужны будутъ къ совершенству онаго.

СТАТЬЯ 36-Я.

Всѣ представленія къ намъ, и другія отношенія въ государственныя мѣста, должны происходить на основаніи предшествовавшаго положенія академіи, въ протоколъ ея записаннаго.

СТАТЬЯ 37-Я.

Президентъ, яко первенствующая въ засѣданіяхъ академіи особа, опредѣляетъ ея мнѣніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣтится равенство противныхъ голосовъ.

СТАТЬЯ 38-Я.

Онъ имѣетъ право созывать чрезвычайныя собранія.

СТАТЬЯ 39-Я.

Если президентъ отсутствуетъ въ одно изъ засѣданій, то мѣсто его занимаетъ старшій изъ случившихся почетныхъ членовъ. Въ отсутствіи же, продолжающемся болѣе мѣсяца, члены, на основаніи статьи 33-й, могутъ, до вступленія его паки въ должность, избрать временнаго президента.

СТАТЬЯ 40-Я.

Непремѣнный секретарь академіи, избираемый въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ, долженъ быть мужъ, искусный въ словесности, по изданнымъ сочиненіямъ и общему уваженію достойный полной ихъ довѣренности.

СТАТЬЯ 41-Я.

Онъ принимаетъ вступающія въ академію сочиненія и другія бумаги, читаетъ ихъ въ собраніи; ведетъ историческую за-

писку разсужденіямъ о нихъ, и вообще излагаетъ мнѣнія общества въ протоколахъ засѣданій; приводитъ въ порядокъ ежемѣсячныя сочиненія и другіе совмѣстные труды общества; печется о ихъ изданіи и распространеніи; занимается перепискою отъ имени и по опредѣленію своихъ сочленовъ; изготавляетъ имъ дипломы; также имѣетъ въ смотрѣніи своемъ книгохранилище и печати академіи.

СТАТЬЯ 42-Я.

Секретарь по избраніи своемъ не престааетъ быть членомъ, равнымъ всѣмъ прочимъ, но, вразсужденіи довѣрія къ нему цѣлаго сословія, имѣетъ онъ въ высшей степени обязанность выполнять порученія и за исполненіе отвѣтствовать.

СТАТЬЯ 43-Я.

Академія избираетъ ежегодно своего казначея, и одного члена, который съ нимъ вмѣстѣ подъ предсѣданіемъ президента составляетъ управляющій комитетъ. Оба сіи члены могутъ быть избраны на слѣдующій годъ и далѣе.

СТАТЬЯ 44-Я.

Всѣ вообще избранія производятся положеніемъ шаровъ въ такомъ собраніи, которое состояло бы, по крайней мѣрѣ, изъ двадцати членовъ.

СТАТЬЯ 45-Я.

Наступающее избраніе предвозвѣщается отъ президента всѣмъ членамъ, по крайней мѣрѣ, за три собранія, назначая къ совершенію его одно изъ обыкновенныхъ академіи засѣданій.

СТАТЬЯ 46-Я.

Каждые три члена, не исключая изъ сего отсутствующихъ, могутъ предлагать одного кандидата, съ показаніемъ причинъ, по которымъ они почитаютъ его достойнымъ вступить въ академію.

СТАТЬЯ 47-Я.

Хотя мы предполагаемъ едва возможнымъ такой случай, гдѣ бы членъ, принятый въ сословіе академіи, пересталъ быть ея достойнымъ, но ежели бы кто изъ членовъ оказалъ тяжкое и умышленное оскорбленіе или академіи, или члену оной, въ отношеніяхъ до нея касающихся, то таковой подвергается собиранію голосовъ объ удаленіи его изъ сего почтеннаго сословія.

СТАТЬЯ 48-Я.

Удаленіе изъ академіи можетъ быть предложено не иначе, какъ совмѣстно двумя почетными и пятью дѣйствительными членами, и совершенно не ближе, какъ въ четвертое засѣданіе, по большинству двухъ третей, по крайней мѣрѣ, числа присутствующихъ членовъ, постановленнаго въ статьѣ 44-й.

СТАТЬЯ 49-Я.

Никакія гражданскія преимущества и почести не имѣютъ въ академіи мѣста, и старшинство членовъ почитается единственно по времени ихъ вступленія, начиная съ почетныхъ, за которыми слѣдуютъ дѣйствительные. Разсужденія и собираніе голосовъ происходятъ въ томъ же порядкѣ; но президентъ свой голосъ даетъ послѣдній.

СТАТЬЯ 50-Я.

Желающій занять разсужденіе сочленовъ, предупреждаетъ о томъ президента, который вноситъ въ записку и предметъ и имя особы, предложить имѣющей, для соблюденія порядка въ предложеніяхъ одно за другимъ.

СТАТЬЯ 51-Я.

По внесеніи мнѣнія академіи секретаремъ въ протоколъ, онный подписывается присутствующими членами.

СТАТЬЯ 52-Я.

Протоколы академіи не подвергаются никакой особой формѣ,

но содержать ясно и кратко существенный токмо предметъ разсуждений и рѣшительное мнѣніе; впрочемъ каждый членъ имѣеть право прилагать къ оному свое собственное.

ГЛАВА III.

О управленіи академіи.

СТАТЬЯ 53-я.

Дабы членовъ академіи оставить совершенно свободными отъ занятій, чуждыхъ для ихъ важнаго предмета, распоряженіе суммами, принадлежащими академіи и въ нее вступающими, ввѣряется хозяйственному ея комитету, составленному на основаніи 43-й статьи.

СТАТЬЯ 54-я.

Сей комитетъ имѣеть пецись о достойномъ помѣщеніи академіи, о зданіи, ей принадлежащемъ, внутреннемъ его украшеніи и содержаніи.

СТАТЬЯ 55-я.

Онъ распоряжаетъ служителями академическаго дома, опредѣляетъ ихъ, и предоставляетъ предсѣдателю своему, который есть президентъ академіи, представлять о нихъ куда слѣдуетъ.

СТАТЬЯ 56-я.

Подъ вѣдѣніемъ сего комитета состоятъ и тѣ доходы, которые академія получаетъ отъ изданія ея сочиненій.

СТАТЬЯ 57-я.

Казна академическая хранится подъ печатью казначея, вступаетъ и выдается подъ его вѣдѣніемъ, со внесеніемъ каждаго обстоятельства въ протоколъ комитета.

СТАТЬЯ 58-я.

Комитетъ, получаемую имъ изъ казначействъ нашихъ по штату сумму, употребляетъ по ея назначенію, а экономическою

располагаетъ на всѣ прочія надобности. Онъ немедленно извѣститъ собраніе о тѣхъ остаткахъ, которые могутъ быть употреблены по существенному предмету академіи въ дополненіе къ штатной суммѣ.

СТАТЬЯ 59-я.

По окончаніи года, казначей и сочленъ его въ комитетѣ вносятъ въ полное собраніе академіи списокъ со всѣхъ счетовъ за своимъ подписаніемъ, и, по сложеніи своей должности, представляютъ сужденію академіи, которая въ продолженіи года не болѣе трехъ засѣданій можетъ употребить на сей и подобные предметы, къ ея истинному назначенію непринадлежащіе.

Штатъ російской академіи.

На раздаваемые въ каждомъ засѣданіи жетоны.	1000 р.
На медаль, предоставляемую члену, въ продолженіи года болѣе отличившемуся трудами.	250 »
На золотыя и серебряныя медали для свидѣтельствованія одобренія академіи тѣмъ писателямъ, кои не члены оной.	700 »
Въ награжденіе классическихъ изящныхъ сочиненій и переводовъ.	4000 »
На печатанія трудовъ академіи.	2000 »
Непремѣнному секретарю.	1000 »
Члену хозяйственнаго комитета.	500 »
Казначейю.	500 »
Корректору, или справщику.	400 »
Двумъ писцамъ.	400 »
Итого	10750 »

Пристойное, полное содержаніе дома и служителей, къ нему принадлежащихъ, также и другіе, могущіе встрѣтиться, расходы

возлагаются на сумму академіи и на проценты собственнаго ея капитала, который въ 1801 году простирался до 55500 рублей.

Михайло Муравьевъ.

Графъ Сѣверинъ Потоцкій.

Николай Фусъ.

Федоръ Баузе.

Письмоводитель комитета Василій Каразинъ.

197) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, № 11142:

I.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: *«быть по сему»*.

АЛЕКСАНДРЪ.

29 мая 1818 года.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу всероссійскому

Отъ президента россійской императорской академіи вице-адмирала Шишкова

всеподданнѣйшій докладъ.

Въ Бозѣ почивающая бабка вашего императорскаго величества Екатерина II, находя, по примѣру всѣхъ просвѣщенныхъ въ древнія и новѣйшія времена державъ, нужнымъ и полезнымъ учредить ученое сословіе, которое бы пеклося о корнѣ словесности и всѣхъ вообще наукъ и познаній — объ отечественномъ языкѣ своемъ, основала россійскую академію. Ваше императорское величество благоволили утвердить оную. Но по сіе время не

имѣла она твердаго постановленія, состоящаго въ данномъ ей уставѣ, который бы съ опредѣленными въ немъ средствами и наставленіями могъ, сообразно тому намѣренію, съ какимъ она учреждена, служить ей руководствомъ въ ея дѣяніяхъ и способствовать къ распространенію круга попеченій ея съ должнымъ для пользы отечества успѣхомъ. Сіе было причиною, что она въ тридцатидвухлѣтнее время существованія, при всемъ своемъ усердіи, не могла для напоенія жажды ученія принести такихъ обильныхъ плодовъ, какихъ при достаточныхъ заблаговременно положеніяхъ и средствахъ надлежало бы отъ нея ожидать. Вашему императорскому величеству угодно было повелѣть мнѣ написать сей уставъ. Вслѣдствіе сей высочайшей воли, по сношенію моему съ членами академіи, и входя во всѣ нужныя для сего обстоятельства и подробности, составилъ я оный, основываясь на слѣдующихъ правилахъ.

I. Академія есть сословіе свободное, состоящее изъ членовъ разнаго званія, разными должностями обязанныхъ, собирающихся въ академическія засѣданія добровольно, и добровольно же, по способностямъ и досугамъ каждаго, упражняющихся въ языкѣ и словесности. Сіе свободное сословіе учреждено съ тѣмъ, чтобы оно, имѣя опредѣленные доходы, старалось, по соразмѣрности оныхъ, употреблять ихъ: 1) на заведеніе всего, для академіи нужнаго и способствующаго къ исполненію ея намѣреній; 2) на издаваніе книгъ, опредѣляющихъ языкъ и распространяющихъ словесность; 3) на возмездіе и поощреніе тѣмъ, которые особенно и отлично симъ трудамъ себя посвящаютъ. Изъ сего состава академіи явствуетъ, что всѣ сіи дѣянія не могутъ иначе совершаться и быть благоуспѣшны, какъ по общему всѣхъ членовъ ея разсужденію и согласію; ибо если что-либо въ ней будетъ дѣлаться безъ общей воли или по общей волѣ не дѣлаться, то уже она не будетъ больше академія, но нѣкое, никакими узамы не связанное, недѣйствующее и слѣдовательно бесполезное общество. Академія, носящая на себѣ названія: первое — императорской, второе — російской, уже самими сими названіями по-

казывается, что она есть важное и во всѣхъ государствахъ таковымъ признаваемое сословіе; ибо каждая просвѣщенная держава основывается на процвѣтаніи отечественнаго языка и словесности своей, коихъ академія есть стражъ, и надобность свою, и славу. А потому, согласно съ составомъ и существомъ своимъ, долженствуетъ она состоять подъ особеннымъ императорскаго величества покровомъ; относиться во всѣхъ своихъ надобностяхъ и дѣлать представленія свои государю императору чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; располагать же получаемыми ею доходами съ общаго согласія членовъ, и ежегодно въ торжественныхъ засѣданіяхъ своихъ давать гласный отчетъ приходамъ своимъ и расходамъ.

II. Всѣ произведенія членовъ академіи (или всякаго упражняющагося въ изящныхъ наукахъ) можно раздѣлять на два рода: однѣ, относящіяся вообще къ словесности, а другія особенно къ языку. Оба сіи рода весьма между собою различны, а потому требуютъ и различнаго въ поощреніяхъ и наградахъ уравненія. Стихотворецъ, ораторъ, повѣствователь и другіе, въ словесности и краснорѣчіи упражняющіеся, писатели привлекаютъ къ себѣ больше читателей, скорѣе вознаграждаются славою и удобнѣе собираютъ съ трудовъ своихъ плоды; но академику (разумѣя подъ симъ названіемъ вникающаго въ языкъ свой и любомудрствующаго о немъ писателя) предлежитъ несравненно большій трудъ прямо академическій, необходимо для процвѣтанія наукъ и словесности нужный, и при всемъ томъ не приносящій трудящемуся ни той славы, ниже тѣхъ выгодъ, какими пользуются сочинители, умомъ, вымыслами, рассказами и новостями своими увеселяющіе читателей. Большая часть таковыхъ сочиненій, по принесеніи временнаго и краткаго удовольствія, исчезаетъ, не оставляя по себѣ никакой пользы; напротивъ того, основательное и глубокомысленное изслѣдованіе въ языкѣ, или въ иныхъ нужныхъ для просвѣщенія знаніяхъ, остается долговременно, питаетъ умъ, и служитъ всегдашнимъ наставленіемъ. А потому таковыя труды должны обращать на себя особенное

вниманіе и стараніе, чтобъ поощреніями и наградами возродить ихъ и поддерживать.

III. Поелику академія должна стараться о составленіи правилъ, о показаніи свойствъ, о распространеніи знаній языка, и какъ она съ тѣмъ основана, чтобъ быть охранительницею его отъ всѣхъ, могущихъ повреждать и потрясать оный, худыхъ на-
выковъ, несправедливыхъ толковъ и вводимыхъ въ него злоупотре-
бленій, то разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ она почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ
обязанностей. Сія обязанность ея тѣмъ нужнѣе, что безъ нея не
можетъ она успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ, и тѣмъ важнѣе,
что вкрадывающіяся въ языкъ несвойственности и несогласныя
съ здравымъ разсудкомъ слова и выраженія часто отъ необра-
щенія на нихъ вниманія укореняются въ немъ, и при всей своей
невразумительности становятся употребительными. А какъ не-
ясность и нечистота языка, преклоняя его къ упадку, затмеваютъ
разумъ всѣхъ узаконеній и наукъ, то и оныя вмѣстѣ съ нимъ
теряютъ опредѣлительность и точность свою. Для того благора-
зумная критика должна недремно бодрствовать, не давать само-
любію писателей, остроумныхъ иногда, но худо знающихъ языкъ
свой, пѣртить, колебать оный и вводить въ него несвойственные
обороты и реченія, чрезъ что дѣлается онъ невразумительнымъ
и теряющимъ природную свою красоту, важность и достоинство.
Французская академія разборомъ Корнелиевой трагедіи Сиды
отдала славному творцу ея должную справедливость, похвалила
и объяснила достойное похвалы, избличила погрѣшности противъ
языка, принесла пользу ему самому и другимъ, и понынѣ слу-
жить образцомъ хорошей, справедливой и полезной критики. Но
между тѣмъ чувствовать въ сочиненіяхъ изящное и видѣть ху-
дое требуетъ совокупленія въ человѣкѣ многихъ свѣдѣній, со-
вершеннаго въ языкѣ своемъ знанія, проницательнаго ума, без-
пристрастнаго сердца и притомъ долговременнаго въ семъ родѣ
упражненія. Соединеніе всѣхъ сихъ обстоятельствъ тѣмъ рѣже,
что трудность (какъ и выше сказано было) сдѣлаться хорошимъ

академикомъ и критикомъ, сопряженная съ невыгодною посвященіемъ такому упражненію, которое хотя при неусыпномъ трудѣ и приноситъ великую пользу просвѣщенію, но не приноситъ соразмѣрнаго возмездія трудящемуся, есть причиною, что при великомъ числѣ всякаго рода писателей, весьма рѣдко видимъ мы искусныхъ академикомъ и благоразумныхъ критикомъ. Между тѣмъ польза языка, словесности, а съ ними купно просвѣщенія и самой нравственности требуетъ того непременно; ибо безъ сихъ нужныхъ наставленій и безъ сихъ должныхъ обуздываній невѣжества, возрастающая юность, заражаясь ложными понятіями и увлекаясь худыми примѣрами, неоснованными ни на какихъ истинныхъ правилахъ и здравыхъ разсужденіяхъ, ко вреду себѣ и другимъ отъ-часу болѣе уклоняться будетъ отъ свѣта ума и правды. И такъ, если академія есть стражъ языка (ибо что жъ она иное), то и должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственного, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, не нравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ подъ мнимымъ разборомъ пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній. По симъ причинамъ академія должна прилагать всевозможное попеченіе, дабы таковыхъ искусныхъ и ревностныхъ блюстителей отечественнаго языка имѣть между своими членами, выискивать сіи таланты, ободрять и награждать ихъ по мѣрѣ труда и достоинствъ.

IV. По сіе время академія не имѣла у себя почетныхъ членомъ; но нужно имѣть оныхъ по разнымъ причинамъ: первое, дабы академія состояла изъ знатнаго числа почтенныхъ и знаменитыхъ особъ, придающихъ ей ту важность, какую она, какъ императорское ученое сословіе одного изъ древнѣйшихъ, обшир-

нѣйшаго царства языковъ, имѣть долженствуетъ; второе, нужно ей со многими славенскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми сноситься, и, буде кто изъ нихъ изслѣдованіями и трудами своими о славенскихъ народахъ и языкѣ ихъ, или выписками изъ древнихъ рѣдко встрѣчающихся книгъ, доставитъ въ нее какія-либо новыя, достойныя любопытства открытія и свѣдѣнія, таковому академія, какъ попечительница обо всемъ подобномъ, долженствуетъ дать названіе почетнаго члена съ приличнымъ, по разсмотрѣнію ея, единовременнымъ или всегдашнимъ награжденіемъ.

V. Главная должность академіи состоитъ въ попеченіи объ языкѣ. Она приводитъ его въ правила; вникаетъ въ составъ его и свойства; раскрываетъ его богатство; показываетъ силу, краткость, высоту, ясность, благородство, сладкозвучіе; устанавливаетъ, опредѣляетъ, разверзаетъ, распространяетъ его; очищаетъ отъ вводимыхъ въ него несвойственностей; хранитъ его чистоту, важность, глубокомысліе, и сими средствами полагаетъ твердое основаніе словесности, краснорѣчію, стихотворству, наукамъ, просвѣщенію. Ибо безъ знанія языка все молчитъ. Самое острое понятіе, самый глубокій умъ, самое рѣдкое дарованіе не могутъ безъ него быть совершенны, не могутъ, какъ заключенный въ корѣ алмазь, ни блистать, ни нравиться, ни наставлять, ни просвѣщать. Итакъ, распространеніе языка есть великое, полезное и важное дѣло: се подвигъ и бремя академіи! Но прилагая всевозможное попеченіе о немъ, да не оставитъ она старанія видѣть его цвѣтущимъ въ повѣствованіяхъ, въ краснорѣчій, въ стихотворствѣ. Сія есть ея вторая обязанность. Да бодрствуетъ, да заботится, да придумываетъ средства, да созидаетъ она охоту въ любителяхъ словесности, поощряя ихъ къ тому справедливыми похвалами и достойными наградами.

Если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ уставъ сей утвердить, тогда поставленная на твердой стопѣ и одушевленная благотвореніемъ монаршимъ россійская академія

будетъ имѣть всѣ способы къ дѣйствованію и выполненію той цѣли, съ какою она учреждена.

Всемилоствѣйшій государь! на сихъ разсужденіяхъ и правилахъ основанъ уставъ сей, который, вмѣстѣ съ собою, дерзаю повергнуть къ священнымъ твоимъ стопамъ.

Вашего императорскаго величества

вѣрноподанный

президентъ академіи вице-адмиралъ

Александръ Шишковъ

II.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: *«быть по сему»*.

АЛЕКСАНДРЪ.

Городъ Данковъ
29 мая 1818.

УСТАВЪ

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ.

ГЛАВА I.

О членахъ.

§ 1.

Число членовъ российской академіи утверждается по прежнему положенію, 60 человекъ, подъ распоряженіемъ одного президента.

§ 2.

Членъ российской академіи, единожды получившій сіе званіе, сохраняетъ оное по смерть свою.

§ 3.

Члены российской академіи избираются изъ всего круга ученыхъ или упражняющихся въ словесности россиянь, которыхъ имя и труды сдѣлались уже извѣстны. Они свободны отъ всякихъ обязанностей; могутъ по своему произволѣю трудиться и не трудиться, быть присутственными и отсутственными, посѣщать и не посѣщать академическія собранія, а потому и не получаютъ никакого опредѣленнаго жалованья, выключая обязанныхъ ими должностныхъ членовъ, кои суть:

1. Президентъ.
2. Непремѣнный секретарь.
3. Казначей или домосмотритель.

§ 4.

Но какъ прочіе, необязанные ничѣмъ, члены могутъ по усердію и доброй волѣ своей различными образами и одни другихъ болѣе способствовать пользѣ языка и словесности, для того награды и ободренія имъ должны, по разсмотрѣніи достоинства и трудовъ ихъ, назначаться самою академіею изъ опредѣленныхъ ей доходовъ.

§ 5.

Въ наградахъ сихъ наблюдать должно слѣдующее: какъ скоро кто изъ членовъ окажетъ хорошіе успѣхи въ относительныхъ къ языку или разбору онаго упражненіяхъ, или въ обоихъ сихъ родахъ; то академія, по принятіи и одобреніи сочиненія его, назначаетъ ему тотчасъ награду, состоящую, смотря по важности труда, въ золотой, малой, средней или большой величины, медали, или же въ единовременномъ денежномъ дарѣ. Если онъ, заслужа и получа два или три раза награду, станетъ послѣ того продолжать свои труды, и окажетъ вновь успѣхи; то по соображенію съ прежними его трудами и возрастающею въ немъ надеждою, академія опредѣляетъ ему на десять лѣтъ ежегодную пенсію. Когда же онъ, углубляясь болѣе и болѣе въ сіи упраж-

ненія, не перестанетъ приносить новыя пользы языку и словесности, то академія умножаетъ пенсію его, и назначаетъ ему оную по смерть. Словомъ, она старается точно и безпристрастно уравнивать воздаянія съ заслугами и не допускать трудамъ и достоинству оставаться въ нуждѣ и безъ возмездія.

§ 6.

Буде таковыя таланты начнутъ открываться не въ членѣ академіи, то она поступаетъ съ нимъ точно также, съ тою токмо разностию, что полагаетъ въ число наградъ назначеніе его и принятіе въ члены академіи.

§ 7.

Стихотворенія, краснорѣчивыя и другія сего рода сочиненія, признанныя академіею отличными, могутъ отъ нея ободряемы и увѣнчиваемы быть серебряною и золотыми разной величины медалями, но никогда денежною пенсіею.

ГЛАВА II.

О должности и обязанностяхъ академіи.

Академія по долгу званія своего обязана стараться о ниже-слѣдующихъ главныхъ предметахъ:

§ 1.

Прилагать всевозможное попеченіе о издаваніи служащихъ къ распространенію знанія въ языкѣ книгъ, съ отличнымъ тщаніемъ, трудолюбіемъ и разсмотрительностію сочиняемыхъ. Таковыя книги суть, на примѣръ: а) Общій словарь языка, съ предначертанными при сочиненіи онаго правилами; б) Частные словари художественныхъ названій, какъ-то: морской, ботанической и проч.; в) Толковый словарь древнихъ, малоизвѣстныхъ словъ или же и нынѣ употребительныхъ, но въ нѣкоемъ уклонившемся противъ прежняго смысла; д) Сводъ славенскихъ нарѣчій;

е) Изслѣдованіе корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей; ф) Риторика общая, т. е. разсуждающая о началахъ и правилахъ стихотворства и краснорѣчія, всѣмъ языкамъ общихъ; г) Риторика особенная, т. е. разсуждающая о красотахъ стихотворства и краснорѣчія, особенно русскому языку свойственныхъ, изъ его источниковъ почерпнутыхъ и ему единственно принадлежащихъ; h) Грамматика славенская; i) Грамматика русская; k) наконецъ многія другія, составъ, свойство, красоту и силу нашего языка открывающія сочиненія.

§ 2.

Академія старается творенія знаменитыхъ писателей, несуществующихъ болѣе, и если они право печатанія оныхъ никому не оставили, вновь издавать, съ описаніемъ жизни сочинителя и съ полезными для языка и словесности примѣчаніями на оныя. Таковымъ твореніямъ академія есть природная покровительница и наслѣдница.

§ 3.

Академія имѣетъ попеченіе—изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ писателей лучшія и превосходнѣйшія мѣста, стихами и прозою, выбрать и составить изданіе, въ которомъ бы какъ ходъ языка или постепенное измѣненіе его подобрано, такъ и разнаго рода разныхъ писателей творенія съ нѣкоторыми примѣчаніями вкупѣ собраны были.

§ 4.

Академія наблюдаетъ, чтобы хорошихъ и полезныхъ книгъ время не истребляло, и чтобъ тѣ изъ оныхъ, которыя пришли въ забвеніе или сдѣлались весьма рѣдки, вновь издавать, дабы многія изъ нихъ не оставались, какъ нынѣ, извѣстны по однимъ только заглавіямъ своимъ или и совсѣмъ изъ памяти людской исчезли.

§ 5.

Академія старается иностранныхъ классическихъ стихотворцевъ, каковы суть: Гомеръ, Виргилій, Тассъ, Мильтонъ и проч.,

переводить на російскій языкъ, но такъ, какъ должно быть академическому переводу, то-есть, чтобъ напечатанный вмѣстѣ съ подлинникомъ былъ онъ сколько можно изъ слова въ слово; изъ періода въ періодъ, дабы читатель не слогъ переводчика въ немъ видѣлъ, но проникалъ бы точное расположеніе мыслей и духъ творца. Слова и выраженія подлинника, немогущія въ переводѣ сохранить настоящаго смысла и силы своей, должны быть истолкованы, и вообще таковой переводъ долженъ быть обогащенъ примѣчаніями, какъ собственными своими, такъ и изъ другихъ хорошихъ толкователей почерпнутыми.

§ 6.

Академія прилагаетъ попеченіе, чтобы въ сочиненіяхъ, на разныхъ языкахъ изданныхъ, всѣ тѣ мѣста, гдѣ что-либо любопытства или примѣчанія достойное о нашемъ языкѣ и народѣ говорится, отыскивать, переводить и собирать вмѣстѣ, дѣлая на то свои замѣчанія, то-есть утверждая правдивое, оговаривая ошибочное и уличая лживое и невѣжественное.

§ 7.

Академія не упуститъ также и по части російской исторіи дѣлать разныя изысканія, какъ на примѣръ: истолковывать неизвѣстныя въ лѣтописяхъ слова, объяснять темныя мѣста, открывать вкравшіяся отъ переписыванія ошибки, приводить въ извѣстность древнее населеніе земли, положеніе городовъ, мѣста знаменитыхъ битвъ, оружіе, народныя нравы, обычаи, одежду и проч. Словомъ, она старается собирать все то, что открываетъ коренныя понятія въ составѣ языка, извлекаетъ изъ мрака забвенія изящныя произведенія въ словесности, и проливаетъ свѣтъ на искаженныя и потемнѣвшія описанія древнихъ событій.

§ 8.

Академія старается завести у себя избранную бібліотеку изъ книгъ, наиболѣе относящихся къ языку и словесности: сего

ради должно ей доставать и собирать всякаго рода азбуки, словари, грамматики, а особливо всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тако жъ на всѣхъ языкахъ Библии и всякія древнія рукописи. Книги сіи надлежитъ содержать въ порядкѣ и цѣлости. Для сего должны онѣ быть въ одинаковомъ переплетѣ съ академическимъ штемпелемъ и никому въ домъ не отпускатся, или не иначе отпускатся, какъ съ дозволенія президента и съ обязательствомъ того, кто взялъ, чтобы въ случаѣ невозвращенія книги заплатить вдесятеро противъ цѣны оной.

§ 9.

Академія ведетъ вѣрную записку всѣмъ издаваемымъ на російскомъ языкѣ книгамъ, означая ихъ заглавія, имя сочинителя или переводчика, мѣсто и годъ изданія. Сверхъ сей записки выходящимъ вновь книгамъ, академія должна стараться собрать свѣдѣнія и обо всѣхъ тѣхъ, которыя прежде издаваемы были, дабы ей, яко сословію, пекущемуся о языкѣ, имѣть и знать все то, что на ономъ писано.

§ 10.

Академія всякую издаваемую ею книгу означаетъ изображеннымъ на заглавномъ листѣ ея знакомъ, показующимъ, что она издана отъ академіи.

§ 11.

Академія должна имѣть при себѣ исправную типографію съ хорошимъ справщикомъ и наборщиками, дабы издаваемыя ею книги печатались четкими буквами, и какъ можно имѣли въ себѣ меньше типографическихъ ошибокъ.

§ 12.

Академія имѣетъ собственную свою книжную лавку на печеніи опредѣленнаго къ ней книгопродавца, который продаетъ книги по означенной въ каталогѣ цѣнѣ, и чрезъ всякіе два мѣсяца даетъ отчетъ члену-домосмотрителю, который записываетъ

онный въ особую книгу, гдѣ означено число экземпляровъ каждой книги, отданныхъ на руки книгопродавцу. Поелику намѣреніе академіи состоитъ въ распространеніи просвѣщенія и пользы, чтеніемъ сихъ книгъ приносимой, для того, оставляя свой, хотя и могущій быть важнымъ, отъ сего доходъ, назначаетъ она имъ токмо такую цѣну, которая бы за расчисленіемъ всѣхъ на то расходовъ не была ей въ убытокъ. Книгопродавецъ же долженъ пецися, чтобы не въ одномъ мѣстѣ продавать книги, но имѣть въ разныхъ городахъ повѣренныхъ, чрезъ коихъ могъ бы онъ продажу книгъ производить по всей Россіи, однако не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) за отпущенныя повѣренному книги вносить онъ напередъ деньги по академической цѣнѣ; 2) повѣренный его, или онъ самъ, обязывается подпискою продавать отпущенныя книги не выше полуторной цѣны противъ академической.

ГЛАВА III.

О правахъ академіи.

§ 1.

Россійская императорская академія есть свободное, избранное и съ тѣмъ учрежденное сословіе, дабы оно, получая опредѣленные доходы, имѣло свои собранія и засѣданія, въ которыхъ бы по общему разсужденію и согласію пеклось и употребляло всевозможные способы къ распространенію пользы и знаній языка и словесности, какъ собственными своими трудами, такъ и всѣми нужными для того заведеніями, издаваніями книгъ, наградами и ободреніями возникающихъ талантовъ. А потому оно, яко долженствующее само собою дѣйствовать и данными ей средствами располагать, не можетъ иначе имѣть благоуспѣшнаго существованія, какъ находясь, согласно съ ея установленіемъ, подъ особеннымъ покровомъ его императорскаго величества и подъ непосредственнымъ управленіемъ президента, распорядя доходами своими по общему согласію членовъ, и состоя,

впрочемъ, въ вѣдѣніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, на основаніи высочайшаго, въ 8 день сентября 1802 года о учрежденіи министерствъ состоявшагося, манифеста.

§ 2.

Академія, яко сообщество, избранное изъ духовныхъ и свѣтскихихъ, благонаравіемъ и трудами своими извѣстныхъ особъ, и яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, сохраняетъ данное ей право издавать книги свои безъ всякой иной цензуры, кромѣ своей собственной.

§ 3.

Имя члена академіи, хотя бы и не сопряжено было съ инымъ какимъ званіемъ или чиномъ, само по себѣ доставляетъ носящему его лицу должное и приличное уваженіе; поелику показываетъ въ немъ избраннаго ученымъ обществомъ человѣка, трудами и дарованіями своими полезнаго, и потому признаннаго быть достойнымъ въ ихъ сословіи.

ГЛАВА IV.

О президентѣ.

§ 1.

Президентъ опредѣляется изъ знатныхъ особъ по высочайшему его императорскаго величества назначенію. Онъ доноситъ чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія государю императору о всѣхъ нуждахъ, произведеніяхъ и успѣхахъ академіи.

§ 2.

Президентъ не есть начальникъ академіи, но токмо первенствующій въ ней; онъ не повелѣваетъ, но предлагаетъ, соглашаетъ, убѣждаетъ, и смотритъ за устройствомъ и порядкомъ.

§ 3.

Президентъ, если онъ членъ академіи, имѣеть два голоса, какъ членъ и какъ президентъ; если же не членъ, то имѣеть одинъ только свой голосъ.

§ 4.

Академическая денежная сумма состоитъ подъ вѣдѣніемъ президента; но онъ, кромѣ обыкновенныхъ домашнихъ академическихъ расходовъ, не можетъ употреблять ее ни на какія важныя предпріятія, покупки, издержки или награды безъ согласія академіи. Сіе согласіе почитается достаточнымъ, когда двадцать присутствующихъ въ засѣданіи членовъ подпишутъ оное, и президентъ утвердить. Если въ засѣданіи толикаго числа членовъ не случится, то предлагаемое остается неутвержденнымъ, доколѣ недостающее число подписавшихся дополнится.

§ 5.

Президентъ наблюдаетъ, чтобъ приходъ и расходъ записанъ былъ вѣрно въ шнурованную за печатью академіи книгу, которую, по окончаніи года, не менѣе двадцати членовъ подписываютъ, и президентъ заручаетъ. Книги сіи хранятся въ архивѣ.

§ 6.

Президентъ вмѣстѣ съ членами академіи поступаетъ въ распоряженіи казною и въ употребленіи ея въ расходъ слѣдующимъ образомъ: академія (какъ выше сказано въ главѣ III § 1-й) распоряжается сама своими доходами. Она не издерживаетъ въ годъ болѣе опредѣленной суммы. Въ случаѣ же остатка отъ оной, она, какъ изъ сихъ остатковъ, такъ и могущихъ быть постороннихъ вносовъ или пожертвованій, составляетъ себѣ капиталъ, и когда оный составленъ будетъ, тогда, распространяя по мѣрѣ онаго предпріятія свои, можетъ она издерживать въ годъ и болѣе опредѣленной суммы, заимствуя излишекъ изъ капитала. Отчеты академическіе не могутъ быть иные, какъ токмо слѣдующіе: по

истеченіи года, въ день торжественнаго собранія, читаетъ она предъ всѣми о дѣйствіяхъ своихъ и постановленіяхъ, въ томъ году совершившихся, такожь о суммахъ, издержанныхъ и оставшихся. Сей гласный отчетъ печатаетъ она въ вѣдомостяхъ или извѣстіяхъ своихъ, и списокъ съ онаго препровождаетъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія для поднесенія его императорскому величеству.

§ 7.

Во всѣхъ собраніяхъ академическихъ президентъ имѣетъ первое мѣсто. Ему одному предоставляется право въ потребныхъ случаяхъ назначать чрезвычайныя собранія. Онъ печется о соблюденіи порядка и благочинія въ засѣданіяхъ, и потому, ежели бы какой членъ замѣченъ былъ, что онъ строптивыми поступками или шумомъ рѣчей своихъ нарушаетъ должную тишину, спокойствіе и пристойную вѣжливость, то президентъ обязанъ ему напоминать о потребной въ разговорахъ и сужденіяхъ кротости, и ежели онъ, не взирая на то, будетъ и впредь поступать также, тогда президентъ, послѣ двукратнаго о томъ повторенія, приказываетъ записать оное въ дневныя записки; если же и сіе самое не послужитъ къ обузданію его, то президентъ имѣетъ право со вторичнымъ прописаніемъ въ запискахъ закрыть собраніе, послѣ чего членъ сей не можетъ уже пріѣхать въ оное безъ особыя къ нему отъ президента повѣстки.

§ 8.

Поелику президентъ извѣстенъ о способностяхъ каждаго члена академіи, то ему одному предоставляется право, при открытіи упразднившагося мѣста, избирать непремѣннаго секретаря, который во всѣхъ по академіи дѣлахъ долженъ имѣть непосредственное къ нему отношеніе, и токмо отъ него одного принимать всѣ приказанія, дабы въ дѣлахъ никакого помѣшательства воспослѣдовать не могло.

§ 9.

Казначей или домосмотритель избирается также президентомъ изъ членовъ академіи.

§ 10.

Всѣ принадлежащіе къ академіи люди, какъ-то: справщикъ, наборщики, писцы, швейцарь и служители зависятъ отъ президента.

§ 11.

Домъ академическій, размѣщеніе въ немъ и всѣ къ нему принадлежности состоятъ въ единственномъ его распоряженіи.

§ 12.

Должностныхъ членовъ, то-есть непремѣннаго секретаря и казначея, или домосмотрителя, президентъ, за отличные ихъ труды или заслуги, имѣетъ право по общему правилу представлять къ повышенію чинами или къ награжденію орденами, или прибавкою жалованья.

§ 13.

Буде случится по высочайшему повелѣнію какое-либо порученіе, по которому изберутся члены для исполненія онаго, то, по совершеніи трудовъ ихъ, президентъ имѣетъ долгъ представлять ихъ къ наградамъ.

§ 14.

Каждое твореніе по словесности или переводъ, кѣмъ-либо въ академію представленный и собраніемъ по зрѣломъ разсмотрѣніи къ напечатанію удостоенный, президентъ утверждаетъ своимъ подписаніемъ, безъ коего академія никакихъ сочиненій издавать не можетъ.

ГЛАВА V.

О непремѣнномъ секретарѣ.

§ 1.

Непремѣнный секретарь избирается изъ членовъ академіи. Онъ сидитъ въ академическихъ собраніяхъ подлѣ президента.

§ 2.

Онъ въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ бібліотеку, архивъ и типографію. Содержитъ всѣмъ находящимся въ бібліотекѣ книгамъ и въ архивѣ бумагамъ вѣрный списокъ.

§ 3.

Присылаемыя въ академію сочиненія и переводы подъ его смотрѣніемъ хранятся въ архивѣ. Онъ записываетъ ихъ по старшинству вступленія въ особую книгу, и отмѣчаетъ въ ней, когда и по какой причинѣ какое изъ нихъ выбыло изъ академіи.

§ 4.

Онъ ведетъ дневную записку каждаго академическаго собранія, внося въ оную все тѣ, что отъ президента, или отъ кого изъ членовъ, предложится или большинствомъ голосовъ опредѣлится. Сію записку подписываетъ президентъ и присутствующіе члены. Но всѣ выписки изъ сихъ опредѣленій или изъ статей подлинника, какъ для членовъ академіи и ея чиновниковъ, такъ и для тѣхъ, кому имѣтъ оныя нужно, подписываетъ одинъ секретарь.

§ 5.

Онъ, сверхъ справщика, имѣетъ надзоръ надъ печатаніемъ издаваемыхъ отъ академіи книгъ, наблюдая принятое академіею единообразное правописаніе, и хотя каждый членъ имѣетъ право пересматривать и поправлять свои сочиненія, однакожь ежели

секретарь усмотритъ что - либо противное грамматическимъ правиламъ, или принятому правописанію, то непрежде пропускаетъ оное, какъ по донесеніи о томъ и разрѣшеніи отъ академіи.

§ 6.

Непремѣнный секретарь хранить у себя академическія печати.

§ 7.

Онъ по окончаніи года извлекаетъ изъ дневныхъ записокъ сокращеніе и представляетъ оное собранію, помѣщая въ семь сокращеніи все то, что въ семь году примѣчанія достойнаго по академіи происходило.

§ 8.

Онъ по требованію членовъ долженъ показывать имъ книги, сочиненія, рукописи и проч., но отпускать на домъ никому безъ письменнаго отъ президента приказанія не можетъ.

§ 9.

Для отправленія письменныхъ по академіи дѣлъ и переписки разныхъ бумагъ, при секретарѣ нужно быть двумъ помощникамъ, которые бы, сверхъ русскаго исправнаго письма, умѣли писать и латинскими буквами.

§ 10.

Непремѣнный секретарь ведетъ переписку со всѣми относящимися въ академію мѣстами и лицами.

ГЛАВА VI.

О казначей, или домосмотритель.

§ 1.

Казначей, также какъ и непремѣнный секретарь, избирается изъ членовъ академіи.

§ 2.

Онъ имѣеть на рукахъ своихъ академическую денежную казну, состоящую въ наличныхъ деньгахъ и ломбардныхъ или банковыхъ билетахъ, такожь въ золотыхъ и серебряныхъ медаляхъ и раздаваемыхъ при всякомъ засѣданіи членамъ серебряныхъ дарикахъ.

§ 3.

Онъ содержитъ данныя ему приходныя и расходныя шнурованныя книги, скрѣпленныя президентомъ и секретаремъ академіи, съ приложеніемъ внизу на шнурахъ академической печати.

§ 4.

Онъ записываетъ въ нихъ приходъ и расходъ, отдѣляя въ приходѣ штатную сумму отъ экономической; принимаетъ, откуда слѣдуетъ, опредѣленные на содержаніе доходы, и производитъ изъ нихъ выдачи по назначеніямъ, съ которыхъ дается ему выписка изъ дневника академическихъ засѣданій за подписаніемъ самаго президента или секретаря академіи.

§ 5.

Президентъ избираетъ трехъ членовъ, подъ названіемъ домостроительнаго комитета, которому поручаются наблюденія за порядкомъ теченія дѣлъ по казначейской, или домостроительной части.

§ 6.

Казначей хранитъ денежную казну, медали и дарики въ самомъ домѣ академіи, въ особой кладовой, въ желѣзномъ сундукѣ за ключомъ и печатями, какъ его собственной, такъ и домостроительнаго комитета. При сей кладовой долженъ безотлучно находиться одинъ сторожь.

§ 7.

Казначей не можетъ самъ собою, безъ приказанія президента и безъ двухъ или по крайней мѣрѣ одного изъ членовъ домо-

строительнаго комитета, ходить въ кладовую ни для поклажи, ни для выниманія денегъ. Вынутую же на расходъ сумму хранить у себя подъ одною своею отвѣтственностію.

§ 8.

По прошествіи каждаго мѣсяца, казначей за своимъ подписаніемъ подаетъ президенту вѣдомость о приходѣ и расходѣ, такожъ и о наличности денежной казны. Президентъ отдаетъ сію вѣдомость домостроительному комитету, который вмѣстѣ съ казначеемъ свидѣтельствуетъ по оной казну, и за общимъ подписаніемъ доноситъ президенту о цѣлости ея и вѣрности прихода и расхода. Все сіе прочитывается въ засѣданіяхъ, и вносится въ академическія дневныя записки. Члены домостроительнаго комитета, смотря по исправности и долговременности сей возлагаемой на нихъ должности, могутъ за оную отъ академіи быть награждаемы.

§ 9.

По истеченіи года, казначей изъ всѣхъ сихъ вѣдомостей составляетъ общую вѣдомость годоваго прихода и расхода денегъ, такожъ медалей и дариковъ. Онъ подаетъ сію вѣдомость въ домостроительный комитетъ, который, повѣряя оную съ дневными академическими записками, представляетъ за общимъ подписаніемъ президенту. Сей утверждаетъ ее вмѣстѣ со всѣми присутствующими членами, и отдаетъ секретарю для сохраненія.

§ 10.

Казначей имѣетъ смотрѣніе за безопасностію и чистотою академическаго дома, также за содержаніемъ и поведеніемъ находящихся при ономъ служителей. Впрочемъ во всѣхъ по части его дѣлахъ онъ относится къ президенту, и получаетъ отъ него приказанія.

§ 11.

Казначей, по напечатаніи при академіи какой-либо книги, при-

нимаетъ отъ непремѣннаго секретаря всѣ экземпляры оной; хранить ихъ въ особомъ, чистомъ и сухомъ, магазейнѣ; отпускаетъ потребное изъ нихъ число въ лавку для продажи по назначенной отъ академіи цѣнѣ; имѣетъ у себя книгу, въ которую записываетъ число принятыхъ имъ каждой книги экземпляровъ, и чрезъ каждые два мѣсяца подаетъ въ домостроительный комитетъ въ-домость, сколько оныхъ продано, получая приказаніе записать сіи деньги въ приходъ.

ГЛАВА VII.

О собраніяхъ и засѣданіяхъ академическихъ.

§ 1.

Обыкновенныя академическія собранія, или засѣданія имѣютъ быть одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ отъ 10 часовъ утра до двухъ часовъ по полудни. Въ случаѣ какой-либо въ сей день неудобности, президентъ перемѣняетъ оный на другой; такожь, когда потребуется, повѣщаетъ и два раза въ недѣлю быть собранію.

§ 2.

Каждый членъ да поставитъ себѣ непремѣнною обязанностію посѣщать сія собранія, соучаствовать въ общихъ трудахъ и всѣми образами пещися о чести и достоинствѣ академіи. Да возлюбитъ онъ языкъ свой, съ коимъ сопряжена слава, просвѣщеніе и нравственность народная! Да будутъ намѣренія его полезны, писанія цѣломудренны, судъ безпристрастенъ!

§ 3.

Въ академическихъ засѣданіяхъ разсматривается все то, что вступаетъ въ академію отъ членовъ ея или отъ постороннихъ писателей. Достойное или болѣе нужное приеѣмлетъ для изданія въ свѣтъ, прочее жъ или возвращается назадъ, или остается въ архивѣ до будущаго о томъ разсмотрѣнія и рѣшенія.

§ 4.

Въ засѣданіяхъ разсуждается обо всемъ томъ, что въ словесности нашей присовокупить, или что для пользы языка и краснорѣчія сдѣлать должно. Всякое подобное предложеніе членъ представляетъ письменно президенту, а президентъ академіи. По достаточномъ о томъ разсмотрѣніи, секретарь какъ сіи предложенія, такъ и бывшія при томъ разсужденія, вноситъ въ дневныя записки, которыя время отъ времени вновь прочитываются, дабы напоминать себѣ о томъ, о чемъ прежде разсуждаемо было и стараться приводить оное въ исполненіе посредствомъ вызванія на то упражняющихся въ словесности.

§ 5.

Критическія сужденія должны со всею строгостію въ засѣданіяхъ разсматриваться, дабы цѣль ихъ была не простая похвала или хула, но здоровое и безпристрастное и на доказательствахъ основанное разсужденіе, для единственной пользы языка предприемлемое.

§ 6.

Во время засѣданія наблюдается слѣдующій порядокъ: 1) читается дневная записка предшествовавшаго собранія, которую подписываютъ президентъ, секретарь и присутствующіе члены; 2) разсматриваются присланныя сочиненія, или сдѣланныя предложенія, или разсуждается о чемъ-либо иномъ, обращающемъ на себя вниманіе академіи; 3) прочитываются всѣ тѣ изданныя въ свѣтъ книги, въ которыхъ говорится о правилахъ языка и словесности, и буде найдутся въ нихъ хорошія сужденія и примѣры, то оныя подкрѣпляютъ, а буде худыя и неосновательныя, то оныя замѣчаютъ, дабы при случаѣ показать ихъ неправость; 4) если поступившее въ академію какое-либо сочиненіе или переводъ требуетъ немалого и тщательнаго разсмотрѣнія, то президентъ избираетъ и назначаетъ для сего особый отрядъ членовъ, которые, по прилежномъ прочтеніи сего сочиненія или пе-

ревода, представляютъ мнѣніе свое объ ономъ, и если найдутъ оное хорошимъ, но отчасти требующимъ исправленія, то означаютъ въ немъ тѣ мѣста, которыя, по ихъ мнѣнію, поправить, выпустить или перемѣнить должно.

§ 7.

Во время засѣданія члены обязаны мнѣнія свои предлагать, не перебивая другъ друга, съ пристойнымъ къ мѣсту уваженіемъ и безъ всякаго личнаго оскорбленія. Тожъ самое наблюдать должно и въ письменныхъ представленіяхъ.

§ 8.

Въ случаѣ возникшаго между членами о какомъ-либо предметѣ спора или состязанія, президентъ допускаетъ оное, доколѣ споръ продолжается съ хладнокровіемъ; буде же примѣтитъ, что объ стороны начинаютъ горячиться, то перерываетъ оный, объявивъ состязавшимся, что каждый можетъ мнѣніе свое подать на письмѣ съ доказательствами, которыя прочтутся и запишутся, и тогда тотъ будетъ правъ, кто яснѣе докажетъ.

§ 9.

Во всякомъ засѣданіи присутствующіе члены записываются, равно какъ и тѣ, коимъ поручаются особыя должности. Сія записка при окончаніи года извлекается изъ дневника, и читается въ собраніи, дабы академія могла чрезъ то видѣть и помышлять о возмездіи тѣхъ, кои наиболѣе оказали ревности и трудовъ.

§ 10.

По окончаніи cadaго собранія казначей подноситъ президенту и всѣмъ присутствующимъ членамъ по одному серебряному академическому даріку.

§ 11.

Кромѣ обыкновенныхъ собраній, академія да празднуетъ торжественно всякій годъ октября 21 числа, день (въ 1783 году), въ который она, основанная Екатериною Великою, воспріяла

свое начало. Въ сей день, по произнесеніи приличнаго слова, секретарь читаетъ краткую выписку трудовъ и дѣйствій академіи, въ теченіе года совершенныхъ. Въ концѣ сего засѣданія, настоящимъ или почетнымъ членамъ, или постороннимъ писателямъ, удостоеннымъ за отличные труды и пользу наградами отъ академіи, вручаются золотыя или серебряныя медали, или опредѣляются денежныя единовременныя или ежегодныя награжденія; отсутственнымъ же особамъ доставляются оныя чрезъ секретаря при письменномъ увѣдомленіи. Буде случится, что награда въ теченіе года сдѣлана прежде сего торжественнаго дня, то объ оной въ сей день также упоминается.

§ 12.

Въ обыкновенныя академическія собранія никто, кромѣ настоящихъ членовъ, входа имѣть не можетъ, развѣ по приглашенію отъ президента. Напротивъ того, во время торжественнаго собранія можетъ отъ академіи приглашенъ быть всякій любитель російской словесности.

ГЛАВА VIII.

О избраніи въ члены академіи.

§ 1.

Президентъ одинъ имѣетъ право самъ собою или по представленію нѣкоторыхъ членовъ предлагать въ академическихъ засѣданіяхъ о избраніи особы, назначаемой на убылое мѣсто къ поступленію въ члены.

§ 2.

Всякій членъ можетъ представлять о томъ президенту. Сіе представленіе его должно быть письменное, съ прописаніемъ всѣхъ произведеній и трудовъ того, котораго онъ предлагаетъ.

§ 3.

Президентъ воленъ произвестъ и не произвестъ въ дѣйство сего представленія.

§ 4.

Но когда президентъ получить такое представленіе объ одномъ и томъ же лицѣ отъ пяти членовъ, тогда уже онъ не въ правѣ медлить или удерживать онаго, но всѣ сіи представленія съ мнѣніемъ своимъ, будѣ какое имѣеть, предлагаетъ академіи, которая приступаетъ къ избранію помощію шаровъ.

§ 5.

Никто не можетъ иначе быть избранъ въ члены академіи, какъ двумя третями полнаго числа членовъ противъ одной трети неизбирающихъ.

§ 6.

Въ случаѣ неполнаго числа членовъ, недостающее число голосовъ президентъ оставляетъ у себя.

§ 7.

Онъ, имѣя два голоса, какъ членъ начинаетъ избраніе, и какъ президентъ оканчиваетъ оное послѣднимъ своимъ шаромъ.

§ 8.

Если случится, что будетъ сорокъ голосовъ избирающихъ противъ двадцати неизбирающихъ, тогда голосъ президента рѣшитъ перевѣсъ.

§ 9.

Когда назначится засѣданіе, въ которомъ будетъ происходить выборъ въ члены академіи, тогда всѣ присутствующіе въ городѣ члены о томъ извѣщаются.

§ 10.

Поелику въ засѣданіяхъ академическихъ никогда не бываетъ полнаго числа членовъ, того ради при избраніи поступать слѣдующимъ образомъ: 1) По открытіи засѣданія, наличное число членовъ установленнымъ порядкомъ кладутъ шары, которые, по

окончаніи дѣйствія, президентъ вынимаетъ и записываетъ, сколько избирательныхъ и сколько неизбирательныхъ. 2) На другой или на третій день непремѣнный секретарь пишетъ ко всѣмъ отсутствующимъ, или неприсутствовавшимъ, членамъ письма, извѣщающая ихъ о происходившемъ выборѣ и прося, чтобы каждый изъ нихъ прислалъ свой голосъ. 3) Отсутствующій или неприсутствовавшій членъ отвѣтствуетъ только, что онъ голосъ свой посылаетъ въ письмѣ своемъ, но прилагаетъ оный въ особой запечатанной запискѣ. 4) Когда отъ всѣхъ членовъ получены будутъ отзывы, тогда непремѣнный секретарь извѣщаетъ о томъ президента, который назначаетъ вторично день окончательнаго избранія, съ повѣсткою всѣмъ членамъ. 5) Время для полученія отзывовъ полагается три мѣсяца, считая отъ перваго засѣданія. 6) Если въ теченіе сего времени кто изъ членовъ не пришлетъ голоса своего, то уже по прошествіи срока оный не пріемлется; недостающіе же въ день избранія голоса, какъ отъ неполнаго числа членовъ, такъ и отъ неприсылки отзывовъ оставшіеся, президентъ кладетъ самъ или раздаетъ ихъ присутствующимъ членамъ. 7) Присланныя отъ членовъ записки, президентъ при собраніи распечатываетъ, и когда предлагаемый въ члены будетъ избранъ, тогда президентъ объявляетъ сіе собранію, подписываетъ дипломъ и отсылаетъ къ нему оный, а непремѣнный секретарь читаетъ приготовленную о томъ въ вѣдомостяхъ записку. 8) Если же послѣдуетъ неизбраніе, то все оное остается въ академіи безгласнымъ.

ГЛАВА IX.

О почетныхъ членахъ.

§ 1.

Императорская российская академія, по примѣру всѣхъ учрежденныхъ въ Европѣ ученыхъ обществъ, имѣетъ право принимать къ себѣ почетныхъ членовъ.

§ 2.

Почетными членами могутъ быть какъ соотечественники, такъ и чужестранцы.

§ 3.

Изъ числа почетныхъ членовъ не исключается и женскій полъ.

§ 4.

Число почетныхъ членовъ полагается вполовину противъ настоящихъ.

§ 5.

Они избираются безъ балотированія, по предложенію президента и подписанію не менѣ двадцати членовъ, что и почитается за общее согласіе академіи.

§ 6.

Почетнымъ членамъ посылаются, за подписаніемъ президента и секретаря, особые на сіе дипломы.

§ 7.

Почетные члены не имѣютъ обязанности пріѣзжать въ обыкновенныя академическія собранія, развѣ по особымъ приглашеніямъ; но буде бы кто изъ нихъ самъ собою восхотѣлъ посѣщать оныя, то пріемлется, какъ гость, засѣдающій вмѣстѣ съ настоящими членами.

§ 8.

Тѣ почетные члены, кои, находясь въ чужихъ земляхъ при какихъ-либо ученыхъ обществахъ или заведеніяхъ, или книгохранилищахъ, могутъ сообщать въ академію нужныя для ея свѣдѣнія, выписки изъ славенскихъ нарѣчій или изъ древнихъ на иныхъ языкахъ писателей, о славенскихъ народахъ повѣствовавшихъ, или же и свои о томъ разсужденія, основанныя на доводахъ, изъ имѣющихся у нихъ книгъ почерпнутыхъ, — по мѣрѣ

усердія, труда и услугъ своихъ должны при званіи почетнаго члена получать и достойныя отъ академіи награды.

Что принадлежитъ до суммъ, ежегодно для содержанія академіи потребныхъ, тому прилагается здѣсь особый штатъ.

Президентъ академіи вице-адмиралъ

Александръ Шишковъ.

198) Записки российской академіи. Собраніе 21 іюня 1802 года, ст. III, л. 169 об. Приложение, л. 175—176. —

199) Записки российской академіи. Собраніе 3 августа 1801 года, ст. II, л. 107 об.—108. Приложение, л. 110—111.

200) Записки российской академіи. Собранія: 3 мая 1802 года, ст. VI, л. 118 об.—119 об.;—1 ноября 1802 года, ст. II, л. 297 об.—298;—10 ноября 1802 года, ст. II, л. 304. —

201) Журналъ засѣданій конференціи академіи наукъ; собраніе 16 февраля 1814 года. —

202) Рукопись российской академіи. 1835 года, № 14: «Объ избраніи въ почетные члены князя Меншикова». —

203) Рукопись российской академіи. 1837 года, № 6: «Объ избраніи въ почетные члены гг. Демидова и графа Протасова».

204) Рукопись российской академіи, 1837 года, № 7: «Объ избраніи въ почетные члены графа Толя». —

205) Рукопись российской академіи. 1839 года, № 13: «Объ избраніи въ почетные члены кардинала Мепцофанти». —

206) Московскій Наблюдатель. 1835 года. Часть I, стр. 454—459. —

207) Рукопись российской академіи. 1836 года, № 1: «О поднесеніи его императорскому высочеству государю наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу диплома на званіе почетнаго члена академіи». —

208) Записки российской академіи. Собранія: 5 іюня 1801 года, ст. II, л. 48 об.—49;—8 іюня 1801 года, ст. I, л. 53; Приложение, л. 56 об.—57. —

209) Записки российской академіи. Собрание 10 сентября 1804 года, ст. V, л. 220—221.

Одновременно съ утвержденіемъ министромъ народнаго просвѣщенія диплома для членовъ академіи послѣдовало высочайшее утвержденіе мундира для российской академіи: «Кафтанъ темно-синяго цвѣта съ краснымъ суконнымъ стоячимъ воротникомъ и таковаго же цвѣта обшлагами; подкладка синяя; камзолъ и исподнее платье бѣлые суконные; пуговицы гладкія бѣлыя; на воротникѣ, обшлагахъ и на карманахъ по клапанамъ серебряное шитье. Чиновники академіи носятъ мундиръ сей по примѣру академіи наукъ» (Отношеніе министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго президенту российской академіи А. А. Нартову, 3 сентября 1804 года, № 426). —

210) Исторія российской академіи. 1874. Выпускъ первый, стр. 54—55. —

211) Записки российской академіи. Собрание 5 іюня 1801 года, ст. IV, л. 50—50 об. —

212) Сочиненія и переводы, издаваемые императорскою российской академіею. 1806. Часть II, стр. 6—7. Труды российской академіи. 1840. Часть I, стр. 17 и 23. —

213) Записки российской академіи. Собранія: 15-го іюня 1801 года, ст. I, л. 59 об.; — 3 іюля 1798 года, ст. II; — 10 декабря 1799 года, ст. I; — 11 августа 1800 года, ст. IV; — 14 февраля 1790 года, ст. II, л. 180 об.; — 28 августа 1798 года, ст. VI; — 3 декабря 1799 года, ст. I; — 17 ноября 1800 года, ст. III. —

214) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, № 11126. Отношеніе президента российской академіи, 27 марта 1806 года. —

215) Записки российской академіи. Собрание 29 сентября 1804 года; ст. IV, л. 246 об. — 247 об. Приложение, л. 250—251. —

216) Записки российской академіи. Собрание 6 февраля 1837 года; ст. II, л. 40 об. — 41. —

*Письмо Коллара къ непремѣнному секретарю российской академии
Дмитрію Ивановичу Языкову:*

Euer excellenz!

Die kais. russische akademie hatte die gnade mich mit einer goldenen medaille zu beehren, und euer excellenz waren so gü-
tig, die sendung derselben an mich zu besorgen und solche mit
einem, für mich schmeichelhaften schreiben, zu begleiten. Gleich
beim empfang derselben von der k. russischen gesandtschaft in
Wien schrieb ich zwar in der eile einige zeilen als den augen-
blicklichen ausdruck der fülle meines herzens für diese huld und
auszeichnung. Doch mit blossen worten zu danken ist, vorzüglich
in ähnlichen fällen; nicht genug: darum, wenigstens um zu zeigen
wie gerne ich meine erkenntlichkeit dafür auch mit der that an
den tag zu legen wünschte, schicke ich an die kais. russ. akademie
die hier beiliegende abhandlung über die literarische wzaimnost
der slawen, zum gefälligen gebrauch. Diese abhandlung ist zwar
ursprünglich durch mich in der böhmisch-slawischen mundart
verfasst und noch im vorigen jahre in mehreren slawischen zeit-
schriften z. b. der chorwatischen, serbischen, böhmischen ge-
druckt erschienen; ja eine abschrift davon schickte ich sogar
nach Petersburg an meinen alten bekannten und freund, hofrath
v. Köppen (der mich vor ohngefähr 15 jahren in Pest persönlich
besuchte), in der absicht dass man sie etwa noch auch ins russi-
sche übersetzen und in irgend eine petersburger zeitschrift ein-
rücken lassen könnte, damit sich so mit dieser idee alle slawen-
brüder immer mehr bekannt machen und befreunden. Allein hof-
rath v. Köppen antwortete mir darauf «es sey niemand in St. Pe-
tersburg der im stande wäre aus dem böhmischen zu übersetzen
und wolle darum zu seiner zeit diese abhandlung nach Moskau
schicken».

Indessen dachte ich über dieses wichtige thema meiner ab-
handlung noch immer weiter nach, und eine menge neuer ansich-
ten, gedanken und bemerkungen drangen sich mir unwillkührlich

auf, dass die abhandlung beinahe noch einmal so gross anwuchs, wie sie ursprünglich war, indem nicht bloss die vorigen §§ erweitert, sondern auch einige ganz neue hinzugekommen sind. Ich übersetzte nun solche, weil ich im russischen noch nicht so weit geübt bin, ins deutsche und schicke sie euer excellenz zur durchsicht. Euer excellenz werden gewiss eben so wie wir alle die wichtigkeit dieses fraglichen gegenstandes empfinden, und sollte ich so glücklich seyn durch diesen schwachen versuch diese idee wenigstens angeregt und etwas zur entfaltung und verbreitung dieser wechselseitigkeit beigetragen zu haben, so werde ich das unter allen meinen literarischen leistungen als die schönste und belohnendste betrachten.

Erlauben er. excellenz dass ich mich auch für die zukunft ihrem geneigten andenken empfehle der ich die ehre habe mit grösster hochachtung zu seyn

eure excellenz

ergebenster verehrer

Johann Kollar, slawischer prediger
der evangel. gemeinde zu Pest
in Ungarn.

Pest 1837 ^{5 März}
_{21 Febr.}

Письмо Копитара къ Дм. Ив. Языкову.

Ew. excellenz

bittet der unterzeichnete um die gütige erlaubniss, auf hochdero amtliches verehrtes schreiben vom 22-ten juny 1836, № 124, in deutscher sprache antworten zu dürfen. Denn wiewohl er russisch, nebst einem dutzend anderer ihm als bibliothekar unentbehrlichen sprachen liest und versteht, so spricht und schreibt er doch nur eine oder ein paar derselben mit einiger sicherheit; und zwar von den slawischen nur seinen krainischen mutterdialekt, der zwar in manchen fällen einzig und auffallend russifirt, aber sonst so gut als ohne literatur, und daher nichtkrainern

dunkel ist. Anstatt sich also von einem russen *hier* helfen zu lassen, nimmt der unterzeichnete lieber zu ew. excellenz mithridatischen sprachgenie seine zufucht; er könnte sich ja keinen trefflicheren dolmetsch wünchen als den ruhmgekrönten übersetzer der ausgezeichnetsten abendländischen classiker aller fächer!

Aus der hier beiliegenden № 284 der Wiener Zeitung vom 13 X br. 1836 bitte ich die kais. russ. akademie geneigtest ersehen zu wollen, wie sehr mir an der von allem metallischen interesse gereinigten ehre ihrer medaille gelegen ist.

Sollte es ihr gefallen, die darin erwähnte widerlage (*donatio propter nuptias*) anzusehen als ein unterpfand seines wunsches, mit der erlauchten akademie in dauernden verband zu treten, so würde er darin nur den gipfel seiner slawistischen bestrebungen erblicken.

Jedenfalls hofft er, dass die erlauchte kais. russ. akademie selbst da, wo er etwa mit den in Russland gewissermassen hergebrachten ansichten, z. b. über herkunft und älteste form der kirchensprache, auf der oppositionsbank platz nimmt, ihm doch den beruf eines ordentlichen parlamentsgliedes nicht absprechen werde. Er denkt, wie jener engländer, dass s-r may. regierung, wie s-r may. opposition natürliche und nothwendige integrirende theile vom parlament des landes sind.

Ich bitte ew. excellenz sowohl meine ehrfurchtsvollen gesinnungen für des h-rn präsidenten exc. zu übernehmen, wie für hochdero verehrte person die vollkommenste hochachtung zu genehmigen, womit ich die ehre habe zu geharren

ew. excellenz

ergebenster diener

Barth. Kopitar.

Wien den 22-ten jan. 1837.

An den beständigen sekretär der kais.
russ. akademie, s-r exc. dem wirklichen
staatsrath Jazykow.

in St. Petersburg.

Wissenschaftliche und Kunstnachrichten.

Seit einem vierteljahre lasen wir in ausländischen blättern wiederhohlt die nachricht, dass die kaiserl. russische akademie den drey österreichischen slawisten Kopitar, Hanka und Schaffarik goldene, 50 ducaten schwere medaillen als belohnungen ihrer gelehrten leistungen zuerkannt hatte.

Wiewohl wir an der thatsache nie gezweifelt haben, so sind wir doch erst jetzt im stande, darüber nach unserm wunsche authentisch zu berichten, nachdem uns hr. Kopitar die ihm selbst unlängst (am 5. november d. j.) zugekommene medaille sammt der № 160 der St. Petersburger Zeitung vom 17 (29) julius 1836 mittheilte, wo diese nachricht also lautet: Die kaiserlich-russische akademie hat den als sprachforscher rühmlichst bekannten slawischen gelehrten hrn. B. Kopitar, custos an der k. k. hofbibliothek, hrn. W. Hanka, bibliothekar des national-museums zu Prag und ritter des wladimir-ordens, und hrn. P. J. Schaffarik, privatgelehrten in Prag, für ihre ausgezeichneten leistungen im fache der slawischen philologie goldene, 50 ducaten schwere medaillen zuerkannt.

Die medaille ist ein schön geprägtes stück des feinsten goldes. Vorderseite: brustbild Catharinae II mit der russischen umschrift: «Von Gottes gnaden Ekaterina *) imperatorinn und selbthalterinn aller Reussen». Rückseite: in einem inneren strahlenkreise die lorbeerbekränzte chiffre 8 (Ekaterina II). Im zweiten, äusseren kreise die russische umschrift: «Dem verdienste um die russische sprache». Am fusse (evergue): «21 october 1783» (stiftungstag der kaiserl. russischen akademie der wissenschaften, die schon

---

*) Diese ägyptische heilige lautet in unseren abendländischen kalendern Catharina (als wäre sie von καθάρως, rein) in dem griechischen hingegen Αικατερίνα, und daher nach neugriechischer lesung im russischen Ekaterina, lies russisch Jekaterina. So ist auch der titel «Selbthalterin» wörtlich aus dem griechischen Αυτοκρατίσσα, so wie die Imperatritza dem abendländischen Impératrice nachgebildet.

seit 1725 besteht; während die erstere, ausschliessend die pflege der russischen sprache zum zwecke hatte, wie die toscanische Crusca, oder noch genauer wie die Académie Française: hier Française, dort Russe, ohne nähere anzeige des gegenstandes. Auch haben die Académie Française und die Académie Russe das gemein mit einander, dass sie selbst ihren sprachen gesetze geben, während die Crusca an die italienischen classiker von anno 1300 (i Trecentisti) gewiesen ist.

Hr. Kopitar hat nun zwar die medaille als einen eben so unerwarteten als gewiss ehrenvoll gemeinten beweis der anerkennung seiner diessfälligen literarischen bestrebungen von seite der competenten kaiserl. russischen akademie in seinem schatzkästlein zu der von seinem angebornen monarchen erhaltenen tabatiere gelegt, aber zugleich den geldwerth der medaille unter zwey andere, ausschliesslichere und dazu mehr kinder- als geldreiche slawisten vertheilt, und so die belohnung der erlauchten akademie durch seine widerlage im geiste derselben verdoppelt.

(Österreichisch - kaiserliche privilegirte Wiener Zeitung. № 284. Dienstag, den 13. december. 1836. seite 1601).

217) Труды российской академии. 1840. Часть I, стр. 76—79.—

История российской академии. VII, 396—397.—

218) Записки российской академии. 1801 года, л. 64. Рескриптъ 13 июня 1801 года.—

219) Записки российской академии. Собрание 24 октября 1836 года, ст. I, л. 161 об.—162 об.—

220) Описание российско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго. Сочинение Г. Г. Георги. 1794; стр. 121—122, § 191.—

221) Записки российской академии. Собрание 20 июля 1799 года, ст. I и II, и Приложение.—

222) Записки российской академии. Собрания: 3 марта 1800 года, ст. I и Приложение;—12 мая 1800 года, ст. I и Приложение.—

223) Записки российской академіи. Собрание 9 іюня 1800 года, ст. I.—

224) Записки российской академіи. Собрание 7 іюля 1800 года, ст. I.—

Милостивый государь мой!

По поводу доклада российской академіи, всеподданнѣйше мною государю императору поднесеннаго, коимъ она испрашиваетъ себѣ для собраній своихъ состоящее на Васильевскомъ острову въ первой линіи мѣсто, *Московскимъ подворьемъ* называемое, кое по ветхости его самъ преосвященный митрополитъ московскій продать желаетъ, высочайше повелѣть изволилъ спросить, сколько стоитъ помянутое подворье, о чемъ я и сообщалъ преосвященному архіепископу Амвросію; но какъ сія оцѣнка зависитъ и отъ российской академіи, то прошу покорно васъ, милостивый государь мой, положи и со стороны вашей прописанному подворью примѣрную и для казны выгодную цѣну, меня увѣдомить о семъ для доклада его величеству. Впрочемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,

вашего высокородія

всепокорный слуга

Д: Неплюевъ.

Петергофъ

Іюня 25-го дня. 1800.

Его высокородію

Озерецковскому.

Милостивый государь мой!

Извѣстился чрезъ Якова Александровича Дружинина, что о Московскомъ подворьѣ и о цѣнѣ онаго есть у васъ письмо отъ его высокопреосвященства московскаго митрополита Платона, съ коего для доклада государю императору нужно мнѣ имѣть копію

или подлинное, которое и покорно прошу васъ доставить ко мнѣ.
Впрочемъ честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,

вашего высококордія

всепокорный слуга

Д. Неплюевъ.

Петергофъ

Юля 5 дня 1800.

Его высококордію

Озерецковскому.

Преосвященнѣйшій владыко!

Любезный пріятель!

Подлинно я отзывался, чтобъ дозволено было продать Московское подворье. Мнѣ его вновь устраивать трудно, а охотники были купить, и давали до 10000 рублей. Ежели бъ торговать, надѣюсь, что дали бы и болѣе, ибо мѣсто выгодно. Оно по крайней мѣрѣ стоитъ десяти тысячъ рублей. Я съ него получаю по 450 рублей въ годъ. Чтобъ сей доходъ получать процентами, потребно 9000 рублей. Да строеніе конечно стоитъ 1000 рублей, ибо хотя оно и ветхо, но весьма немало; есть и каменное и лобазы. Ежели оно потребно въ казну, я могу быть доволенъ, ежели 10000 рублей будетъ пожаловано. Впрочемъ все то съ благодарностію приму, что высочайшая власть опредѣлитъ. Прошу ваше преосвященство стараніе о томъ употребить, и тѣмъ ко многимъ вашимъ одолженіямъ и сіе приложить; а я съ благодарностію и съ почтеніемъ пребуду

вашего преосвященства

усердный слуга

Платонъ митрополитъ московскій

1800 года

Юля 28 дня

наканунъ 64-го года.

Вифанія.

Р. S. По написаніи уже сего получилъ я отъ вашего преосвященства и копію съ вашего письма къ г. Неплюеву о Московскомъ подворьѣ. Вы оцѣнили, кажется мнѣ, дешевенько по прописаннымъ выше отъ меня резонамъ. Однако я долженъ доволень быть тѣмъ, что свыше имѣеть быть опредѣлено. Я продалъ на Троицкомъ подворьѣ конюшенное мѣсто меньше выгодное, однако взялъ 10000 рублей.

Милостивый государь.

Дмитрій Николаевичъ!

Россійская академія съ чувствительнѣйшею благодарностію приемля отношеніе къ ней вашего превосходительства вразсужденіи примѣрной цѣны Московскаго подворья, поручила мнѣ донести вашему превосходительству, что она мѣсто, подъ симъ подворьемъ находящееся, не дороже оцѣнить можетъ, какъ въ три тысячи рублей, по причинѣ нынѣшней дороговизны оное застроить. Чтожъ касается до строенія, на ономъ мѣстѣ еще стоящаго, то ему всю цѣну полагаетъ въ тысячу сто пятьдесятъ рублей, и то единственно за старый матеріалъ, ветхое оное строеніе составляющій, а пользоваться тѣмъ строеніемъ въ теперешнемъ его видѣ совсѣмъ не можетъ. И такъ, мѣсто и домъ Московскаго подворья цѣнить въ 4150 рублей. О семъ донеся вашему превосходительству, съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Іюня 25 дня 1800.

Н. О.

Милостивый государь

Дмитрій Николаевичъ!

Услыша, что ваше превосходительство желаете имѣть копію съ письма московскаго митрополита, которое писалъ онъ

къ г. военному губернатору графу фонъ-деръ-Палену, за долгъ себѣ почелъ препроводить оную копию къ вашему превосходительству. Сверхъ того присовокуплено и то, что митрополитъ московскій, послѣ онаго письма, писалъ къ с. петербургскому архіерею, и открылся, что ему хотѣлось бы взять за Московское подворье до десяти тысячъ рублей, о чемъ сказывалъ мнѣ братъ мой, оберъ-полевой священникъ Павелъ Озерецковскій. Сіе послѣднее митрополичье письмо можете ваше превосходительство истребовать у с. петербургскаго архіерея. Оно докажетъ вашему превосходительству, что россійская академія лишившаяся дому, почти собственными ея трудами нажитаго, гораздо умѣреннѣе въ своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи, нежели московскій митрополитъ. Возобновляя всепокорнѣйшее прошеніе академіи, съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Н. О.

Іюля 5 дня 1800.

Милостивый государь

Дмитрій Николаевичъ!

Услыша только волю вашего превосходительства, немедленно препроводилъ къ вамъ копию съ перваго письма московскаго митрополита, а сегодня получаю отъ вашего превосходительства письмо, тотчасъ отправился я къ с. петербургскому архіерею, у котораго самъ читалъ другое письмо московскаго митрополита, и съ онаго копию здѣсь представляю, присовокупляя всепокорнѣйшую просьбу россійской академіи, которая почти упала, поднять ее въ понесенныхъ ею убыткахъ по ея дому, котораго лишилась, и привести ее въ состояніе продолжать свои

труды въ пользу настоящихъ и будущихъ россиянь. Съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Н. О.

Іюля 6 дня 1800.

225) Записки російской академіи. Собраніе 14 іюля 1800 года, ст. I и Приложение. —

226) Записки російской академіи. Собраніе 27 октября 1800 года, ст. I—VI. —

227) Записки російской академіи. Собраніе 29 марта 1802 года, ст. I и II, л. 59—63. —

228) Записки російской академіи. Собраніе 12 іюля 1804 года, ст. I—VII, л. 155—159. —

229) Санктпетербургскія Вѣдомости. 28 октября 1841 года, № 245, стр. 1096—1097: «О зданіи Россійской Академіи». —

230) Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1866. стр. 249. —

231) Собесѣдникъ любителей російскаго слова. 1784. Часть XI, стр. 7. —

232) Зритель. 1792. Часть III. Сентябрь. стр. 56. —

233) Собесѣдникъ любителей російскаго слова. 1783. Часть VIII, стр. 39—62. —

234) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго (Приложеніе къ III-му тому Записокъ императорской академіи наукъ. № 6). 1863. стр. 21—26, 54—55. —

235) Записки російской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. I—III, л. 11—12, и др. —

236) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Oli-

vet, avec une introduction, des éclaircissements et notes, par M. Ch.—L. Livet. 1858. I, 405—467, 477—488.—

237) Московскій Журналъ. 1791. Часть первая. Книжка вторая. Мѣсяць Февраль. стр. 236—247. Всеобщая и частная естественная исторія, графа Бюффона. Часть I. Переведена академиками Ст. Румовскимъ и И. Лепехинымъ. 1789. —

238) Московскій Журналъ. 1791. Часть IV, стр. 112.

Любопытно, что въ томъ же самомъ журналѣ (Часть V. 1799. стр. 157), и притомъ въ такомъ произведеніи, какъ *Модная жена*, Дмитріева, встрѣчается слово: *колько*. Въ первомъ изданіи Московскаго Журнала *Модная жена* начинается стихами:

Колко я въ мой вѣкъ бумаги исписаль:

Той—пѣсню, той—сонеть, той—льстивый мадригалъ.

Во второмъ изданіи Журнала (1802. Часть. V. стр. 152) сдѣлано такое измѣненіе:

Ахъ! *сколько* я въ мой вѣкъ бумаги исписаль, и т. д.

239) Словарь академіи російской. 1790. Часть II. стр. 198. —

240) Взглядъ на мою жизнь. Записки Ивана Ивановича Дмитріева. 1866. стр. 84—86. —

241) Странствованіи Телемака, сына Улисса. Твореніе архіепископа Фенелона, вновь переведенное Иваномъ Захаровымъ. 1786. Двѣ части. Часть I, стр. 2, 6, 14 и др. Часть II, стр. 412 и др. — Обиліе славянизмовъ въ переводѣ Захарова объясняется тогдашними понятіями о важности эпической поэмы, на что указываетъ и самъ переводчикъ. Важность содержанія требовала и важнаго слога, а важность, или возвышенность, придавали слогу, по тогдашней теоріи, славянизмы. Въ журналѣ *Зритель* (1792. Часть III, стр. 20) читаемъ: «По важности матеріи хотя слогъ трагедіи долженъ быть важенъ, однакожь долженъ уступить *эпической поэмѣ*, въ которой чѣмъ сильнѣе вымыслы

стихотворческіе и чѣмъ блистательнѣе украшенія риторическія, тѣмъ больше *слогъ возвышенный* возводитъ на степень совершенства *поэму*. Въ трагедіи же возвышенный слогъ долженъ быть въ срединѣ между украшеніемъ витійства и самою простотою... Сколь ни великъ былъ нашъ Ломоносовъ, но онъ въ своихъ трагедіяхъ не наблюлъ сей середины. Если бы *Демифоктъ*, *Тамира* и *Селимъ* были меньше поэмы, тогда бы трагедіи сіи были вѣнцомъ російскаго театра». —

242) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. А. Дмитріева. Изданіе Русскаго Архива. 1869. стр. 71. —

243) Приключенія маркиза Г... перев. Ив. Елагина. 1780. Часть I, стр. 121, 163 и др. Часть II, стр. 22 и др. —

244) Разговоры Лукіана Самосатянина, преложенные съ греческаго языка на російскій священникомъ и императорск. російск. академіи членомъ Іоанномъ Сидоровскимъ. 1784. Часть III, стр. 335, 520, 485 и др. —

245) Вѣстникъ Европы. 1803. Апрѣль. № 7, стр. 200—212.

246) Записки російской академіи. Собраніе 19 октября 1801 года, л. 180 об. —

247) Телескопъ. 1834. Часть XIX. Обзорніе русской словесности за 1833 годъ, стр. 13. —

248) Московскій Телеграфъ. 1831. Часть XXXVII, стр. 85.

249) Московскій Телеграфъ. 1833. № 8. Апрѣль, стр. 563—567. —

250) Московскій Телеграфъ. 1833. № 11. Іюнь, стр. 457—458. —

251) Московскій Телеграфъ. 1826. Часть VII, стр. 359—362. —

252) Московскій Телеграфъ. 1829. Часть XXV, стр. 236—237. —

253) Московскій Телеграфъ. 1829. Часть XXVIII, стр. 343—344. —

254) Московскій Телеграфъ. 1830. Часть XXXIII, стр. 105—106. —

255) Библиотека для чтенія. 1834. Томъ VII. Литературная лѣтопись, стр. 23—24. —

256) Библиотека для чтенія. 1839. Томъ XXXV. Литературная лѣтопись, стр. 39—45. —

257) Засѣданіе, бывшее въ императорской російской академіи 18 января 1836 года, стр. 17—27. —

Труды російской академіи. 1840. Часть III, стр. 89—97.

258) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. 1887. Томъ V, стр. 299—306. —

259) Отечественныя Записки. 1841. Томъ XIV. Библиографическая хроника. Январь 1841 года, стр. 35—36. —

260) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2801, № 76371:

О соединеніи Академіи Російской съ Академіею наукъ.

По всеподданнѣйшей докладной запискѣ моей о кончинѣ президента императорской російской академіи адмирала Шишкова, вашему императорскому величеству, въ 11-тый день апрѣля, благоугодно было высочайше повелѣть «представить проектъ «соединенія Російской академіи съ Академіею наукъ»». Въ исполненіе сей высочайшей воли, я входилъ въ подробное соображеніе основаній, на какихъ такое соединеніе могло бы быть приведено въ дѣйство. Главный предметъ, который я считалъ себя обязаннымъ имѣть при семъ въ виду, было то, чтобъ Російской академіи, при соединеніи ея съ Академіею наукъ, дать направленіе, соотвѣтственное настоящему положенію отечественнаго языка и словесности, распространяя кругъ ея дѣятельности, и въ тоже время сохранить, по возможности, отдѣльное существованіе Академіи наукъ — заведенія, завѣщаннаго Россіи Петромъ Великимъ, и коего самое наименованіе принадлежитъ ему. Притомъ безраздѣльное слиянiе обѣихъ академій представило бы неизбѣжныя неудобства отъ разнородности ихъ занятій.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ устава российской академіи было то, что онъ предоставлялъ произволу и досугу членовъ труды по части языка и словесности. Академія должна остаться и впредь доступною для отличнѣйшихъ писателей, которыхъ имена, украшая отечественную словесность, украсятъ и сословіе членовъ академіи; но для отвращенія неудобства, показаннаго выше сего, необходимо назначить при ней определенное число ординарныхъ академиковъ, съ жалованьемъ, какъ въ академіи наукъ, которые постоянно трудились бы по плану и для цѣли академической. Сверхъ того при нынѣшнемъ положеніи словеснаго нашего образованія, труды академіи должно, съ большею опредѣлительностію, чѣмъ въ уставѣ 1818 года, распространить на всю область нарѣчій и литературъ славянскихъ.

Для Академіи наукъ я полагаю оставить исключительнымъ предметомъ занятій преимущественно *науки точныя* (sciences exactes), которыхъ обработываніе поставлено ей въ обязанность волею великаго ея учредителя, а знанія филологическія и древности, въ послѣдствіи времени включенныя въ кругъ ея дѣятельности, сдѣлать предметомъ трудовъ особаго учрежденія. Такимъ образомъ каждое изъ этихъ учрежденій будетъ заниматься обработываніемъ особою вѣтви знаній, не препятствуя и не мѣшая другому, но дѣйствуя совокупными силами во всемъ, что требуетъ усилій оединенныхъ и общихъ.

На этомъ основаніи, подъ однимъ наименованіемъ: *Императорскія Соединенныя Академіи*, будутъ состоять три учрежденія. *Академія наукъ*, занимающаяся, по первоначальному ея плану, чистою и прикладною математикой, астрономіей, физикой, химіей общою и приспособленною къ технологіи, минералогіей, ботанической зоологіей, сравнительной анатоміей и физиологіей, географіей и мореплаваніемъ. *Академія русской словесности* (которую можно бы назвать и *Славяно-русскою академіею*) по прежнему главною обязанностію будетъ имѣть попеченіе объ успѣхахъ и усовершенствованіи отечественнаго языка и словесности, работывая вмѣстѣ съ тѣмъ русскую исторію и древности; она

должна будетъ отнынѣ обращать свои изысканія и на прочія вѣтви славянскаго языка, на древне-церковное славянское нарѣчїе, нарѣчїя польско-чешскія и сербо-словацкія, и на другія мѣстныя нарѣчїя въ имперіи; на частную исторію, статистику и законодательство славянскихъ племенъ древнѣйшаго и новаго времени. *Академія исторіи и филологіи*, составленная изъ существующаго при академіи наукъ отдѣленія наукъ историческихъ, политическихъ и филологическихъ, будетъ имѣть предметомъ отрасли познаній, отдѣляемыя нынѣ отъ входившихъ въ кругъ дѣятельности академіи наукъ: исторію, статистику, политическую экономію, словесность и древности греческія и римскія; древности, исторію, географію и языки востока, именно языки: арабскій и персидскій, турецкій и татарскій, грузинскій и армянскій, монгольскій и калмыцкій, китайскій и манчжурскій, санскритскій и тибетскій. Здѣсь поименовано нѣсколько языковъ, невступившихъ еще въ кругъ занятій академіи наукъ, но при возрастающихъ средствахъ этотъ недостатокъ будетъ легко пополненъ.

Дѣйствительные члены сихъ трехъ академій въ совокупности образуютъ *Академическое собраніе императорскихъ соединенныхъ академій*. Всѣ три имѣютъ одного президента и одного вице-президента. Каждая академія будетъ имѣть свою особую конференцію и своего непремѣннаго секретаря. Въ отсутствіи президента, въ академіи наукъ предсѣдательствуетъ вице-президентъ; въ двухъ прочихъ академіяхъ президентъ назначаетъ ежегодно предсѣдательствующаго члена. Сей послѣдній руководствуетъ занятіями академіи, и служитъ по учебной части посредникомъ между академіею и начальствомъ. Я считалъ бы весьма полезнымъ, чтобъ назначеніе дѣйствительныхъ членовъ въ Академію словесности русской и непремѣнныхъ секретарей двухъ академій было бы на первый разъ предоставлено произвести мнѣ, по докладу вашему величеству, по примѣру того, что было постановлено при преобразованіи университетовъ. За симъ выборъ членовъ и непремѣнныхъ секре-

тарей слѣдуетъ возложить уже на конференцію каждой академіи, на основаніи существующаго порядка въ академіи наукъ. Въ комитетѣ правленія Соединенныхъ академій, къ нынѣшнему составу его присоединяется еще одинъ академикъ и одинъ совѣтникъ — такъ, чтобы отъ каждой академіи было по одному члену и совѣтнику. Вообще, въ отношеніи ко внутреннему управленію своему академій, долженъ быть принятъ въ руководство уставъ академіи наукъ, высочайше утвержденный въ 1836 г. Присоединеніе къ штатнымъ доходамъ Академіи наукъ суммъ Россійской академіи и свободное оными распоряженіе доставятъ возможность произвести всѣ эти измѣненія въ устройствѣ академій безъ значительныхъ новыхъ издержекъ.

Позволяю себѣ думать, что *Императорскія Соединенныя Академіи*, какъ важнѣйшія ученія учрежденія Царства Русскаго, не будутъ недостойны особеннаго и непосредственнаго покровительства Императорскаго Дома, въ которомъ Россія обыкла находить благотворное споспѣшествованіе всему благому и полезному. Ваше императорское величество нѣкогда осчастливили абовскій университетъ принятіемъ титула его канцлера; александровскій университетъ съ гордостію видитъ, что сіе званіе благоугодно было вашему величеству поручить государю наслѣднику цесаревичу. Принятіе его императорскимъ высочествомъ титула *Канцлера Императорскихъ Соединенныхъ Академій* возвысило бы сіе сословіе въ глазахъ отечества и Европы, и упрочило бы его дальнѣйшее преуспѣяніе, оживляя его дѣятельность на пользу наукъ и словесности русской.

Ежели эти основныя начала удостоятся высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества, то я не премину составить особый комитетъ, изъ членовъ обѣихъ академій, для подробнѣйшаго начертанія общаго устава Соединенныхъ академій.

Сергій Уваровъ.

11 іюня 1841 года.

261) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 87, № 128677.

262) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2801, № 76371.

263) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 87, № 128677.

264) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2801, № 76370.

Президентъ российской академіи Шишковъ ходатайствовалъ о выбитіи медали въ память пятидесятилѣтія российской академіи, по рисунку графа Ѳедора Петровича Толстаго. На докладѣ объ этомъ министра народнаго просвѣщенія государь написалъ: «Согласенъ въ томъ только случаѣ, ежели всегда при пятидесятилѣтіяхъ медали выбивались; казалось бы приличнѣе ждать ста лѣтъ». Оказалось, что по случаю пятидесятилѣтія академіи наукъ выбиты были двѣ золотыя медали, большая и малая, и на первой изъ нихъ надпись: «Юбилей академіи наукъ торжествованъ 1776 года». На этомъ основаніи были выбиты медали и въ «ознаменованіе» пятидесятилѣтія российской академіи; но юбилей ея «торжествованъ» не былъ, и медали пришлось уничтожить. Всѣхъ медалей по поводу пятидесятилѣтія российской академіи выбито 313; изъ нихъ 13 золотыхъ, 150 серебряныхъ и 150 бронзовыхъ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ юбилейнаго года, именно въ 1841 году, послѣдовало распоряженіе: бронзовыя медали раздать дѣйствительнымъ и почетнымъ членамъ российской академіи, а золотыя и серебряныя уничтожить переливомъ въ металлъ.

265) *Histoire des quarante fauteuils de l'académie française*, par M. Tyrtée Tastet. 1855. Т. I, стр. 127—129.

266) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею П. О. Морозова. 1887. Томъ V, стр. 306.

267) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. 1883. Томъ VIII, стр. 453—454.
